

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
МЕНЬШИНСТВА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ:
исторический опыт
и современное положение

МОСКВА
2014

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)53-6
Н35

Издание подготовлено в рамках проекта программы ОИФН РАН
«Нации и государство в мировой истории»

Редакционная коллегия:

к.и.н. *Е.Л. Валева*, д.и.н. *М.В. Лескинен*, к.и.н. *Н.С. Пилько*,
д.и.н. *Е.П. Серапионова* (отв. ред.), к.и.н. *А.С. Стыкалин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.И. Егорова*,
доктор исторических наук *Э.Г. Задорожнюк*

Национальные меньшинства в странах Центральной и
Н35 Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное
положение / отв. ред. Е.П. Серапионова. — М.: Институт славяно-
ведения РАН, 2014. — 552 с.

ISBN 978-5-7576-0317-9

Предлагаемый сборник статей посвящен проблемам статуса национальных меньшинств в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, декларируемой и реальной политики в их отношении со стороны властных структур. Хронологически он охватывает XX и XXI вв. В некоторых работах прослеживается изменение положения нацменьшинств на протяжении значительных временных отрезков, в других — внимание сосредоточено на ключевых моментах в истории национальных меньшинств региона. Авторы затрагивают вопросы влияния проблемы национальных меньшинств на межгосударственные отношения. Собранные в сборник статьи основываются на широком круге исторических источников, включая архивные материалы, и новейшей научной литературе. Это продукт совместных усилий историков, этнографов, культурологов, литературоведов и лингвистов.

Книга адресует широкому кругу читателей, интересующихся межнациональными и международными отношениями в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-7576-0317-9

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, текст, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вашему вниманию сборник является частью коллективного проекта ряда сотрудников Института славяноведения РАН и выполняется в рамках исторической секции Отделения историко-филологических наук РАН по программе «Нации и государства в мировой истории», раздел — «Национальное строительство и национализм».

Казалось бы, после распада СССР и образования из бывших союзных республик независимых государств национальный вопрос для нашей страны должен был потерять свою остроту. Однако Россия также является многонациональным государством со сложным федеративным устройством, автономными республиками, округами и областью. Национальные отношения и политика в отношении национальных меньшинств не перестают являться актуальными вопросами на сегодняшний день, также как и в других государствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Изучение исторического опыта национального строительства в славянских странах со сходным менталитетом граждан и в странах региона, прошедших похожий путь политического развития в прошлом столетии, необходимо, прежде всего, для правильной современной национальной политики в нашей стране. Так как только в сравнительном плане можно оценить накопленный положительный опыт выстраивания отношений с национальными меньшинствами, а также возможные негативные последствия ошибочных действий в этом направлении, как с точки зрения нарастания внутренней напряженности в стране, так и обострения отношений с другими государствами.

Положению национальных меньшинств в странах ЦЮВЕ посвящено немало работ национальной историографии. Интерес к проблеме был замечен весь XX век, не ослабевает он и в век XXI. Польские и чешские ученые опубликовали в 2005 г. сборник статей по итогам международной научной конференции под названием «Вопрос о национальных меньшинствах в Польше и Чехословакии в межвоенный период». В 2011 г. в Белграде вышла большая книга на английском языке «Национальные меньшинства на Балканах». Не раз на эту проблему обращали внимание историки Словакии, Румынии, Болгарии и Венгрии. Но не только историки занимаются этой проблематикой. Так как национальный вопрос всегда очень сложен и многослоен, то интерес к нему проявляют также филологи, правоведы, культурологи, политологи, специалисты в области международных отношений, причем не только к современному положению нацменьшинств, но и к истории вопроса. Примером может служить книга чешского юриста Рене Петраша «Меньшинства в межвоенной Чехословакии», опубликованная в 2009 г. В целом можно сказать, что накопилась уже значительная национальная историография в странах изучаемого нами региона. Однако многим авторам, к сожалению, присущ достаточно односторонний, субъективный взгляд на проблемы национальных отношений.

Ученые института славяноведения не раз обращались к изучению отдельных сторон национальных отношений как внутри стран, так и международных аспектов, связанных с положением нацменьшинств региона. Только в отделе «История славянских народов периода мировых войн» были подготовлены такие книги как: «Пленники национальной идеи» (1993), «Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее» (1995), «До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе» (2009). Поднималась эта тема и в других отделах. Национальной политике в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы посвящена и книга под редакцией В.В. Марьиной «Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944—1948», опубликованная в 2004 г. Работают над изучением национальных проблем и в других академических институтах и университетах. В 2001 г.

в ИРИ вышел сборник «Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв., в 2002 г. ИВИ издал книгу «Опыт европейского федерализма. История и современность». Немало сделано по этой проблематике в Институте этнологии и антропологии. В 2006 г. увидела свет монография К.В. Шевченко «Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии». В 2012 г. опубликован 1 том издания, подготовленного на основе большой международной конференции, в проведении которой большую помощь оказали культурные центры Венгрии, Польши, Словакии, Чехии и др. стран в Москве. Называется это издание «Народы Габсбургской монархии в 1914—1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств». Конечно же, это лишь небольшая часть того, что уже сделано, названная в качестве примеров. Однако вопрос о национальных меньшинствах стран ЦЮВЕ в отечественной историографии исследован далеко не полностью. Между тем именно непредвзятый взгляд «со стороны» может воссоздать объективную картину исторических событий, приблизить научные изыскания к реальной действительности, дополнить уже имеющиеся исследования и уточнить определенные наработки на основе материалов российских архивов, не исследованных авторами из стран ЦЮВЕ.

Комплексный подход предполагает исследование проблемы не только с точки зрения истории и этнологии, но и изучение правовых аспектов решения проблемы национальных меньшинств, языковой политики.

В рамках проекта 3—4 апреля 2013 г. в Институте славяноведения Российской академии наук состоялась конференция под названием «**Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение**». В ней приняли участие около 50 специалистов по истории, литературе, языкам и культуре народов ЦЮВЕ. Было заслушано и обсуждено 35 докладов. С учетом замечаний, вопросов, обсуждений тексты докладов были переработаны в научные статьи и предлагаются вашему вниманию.

Национальный вопрос в истории стран ЦЮВЕ часто играл определяющую роль. После Первой мировой войны, когда с распадом империй возникли новые государства, проблемы установления границ и регулирования положения национальных меньшинств стали особенно значимы. Не слу-

чайню в мирные договоры включались обязательства в отношении национальных меньшинств, которые вновь образованные государства брали на себя. В межвоенное двадцатилетие и после Второй мировой войны вопрос о национальных меньшинствах нередко становился причиной межгосударственных конфликтов, а иногда и поводом для военных действий.

Как уже говорилось, и в настоящее время для некоторых стран региона проблема национальных меньшинств остается весьма актуальной. Как уже говорилось, к этой теме не раз обращались ученые разных стран и различных специальностей: историки, этнологи, правоведы, политологи. Но, в силу сложности решения этнических проблем, исторически накопившегося клубка противоречий, особой «болезненности» национального вопроса, исторические и современные аспекты положения национальных меньшинств требуют дальнейшей разработки, имея ввиду и то обстоятельство, что эти проблемы трактуются национальными историографиями стран региона подчас прямо противоположно.

В сборник вошли 28 статей российских и зарубежных авторов из Болгарии, Чехии, Венгрии, Украины, Италии и Японии. В опубликованных статьях сборника:

- рассмотрено появление и формирование самого термина «меньшинства»/ «национальные меньшинства»;
- проанализированы международные договоренности и внутригосударственные законодательные акты, регулировавшие и регулирующие положение национальных меньшинств в странах региона;
- прослеживается, как на практике реализовывались (либо не реализовывались) правовые нормы в отношении национальных меньшинств, была ли государственная политика в отношении различных меньшинств едина либо существенным образом различалась, и какие в таком случае факторы воздействовали на нее;
- показано, как политические представители самих меньшинств оценивали свое положение, какие требования и претензии они выдвигали и насколько оправданы были эти обращения к властям, а также апелляции к международным органам;
- проанализированы существовавшие теоретические концепции, правовые документы и осуществлявшиеся практи-

ческие меры по ликвидации национальной напряженности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы;

— определяется роль, которую играл вопрос о национальных меньшинствах в складывании межгосударственных отношений в регионе;

— изучено, в какой мере недовольство и распространение оппозиционных взглядов среди национальных меньшинств являлось результатом внешнего влияния и поддержки из-за рубежа;

— сопоставляется положение национальных меньшинств в различных странах региона и внутри одной страны в различные исторические периоды;

— выявлены наиболее значимые проблемы, существующие в настоящее время и связанные с положением национальных меньшинств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Авторами статей являются не только историки, но и этнографы, культурологи, литературоведы и лингвисты. Некоторые статьи носят дискуссионный характер. Хочется верить, что предлагаемый вашему вниманию сборник заинтересует читателя, вызовет отклики и явится импульсом для дальнейших исследований.

Е.П. Серапионова

М.В. ЛЕСКИНЕН

(МОСКВА)

Иерархия этнонациональных общностей и их влияние на трактовку «национальных вопросов» в русской науке 1850—1890-х гг.

Национальное меньшинство: кто «считает»?

Хорошо известен не оспариваемый учеными парадокс, заключающийся в том, что понятие «национальное меньшинство» до сегодняшнего дня не имеет общепринятой дефиниции ни в социологии, ни в нормативно-правовой сфере, хотя и является одним из ключевых терминов, определяющих практику взаимоотношений различных этнонациональных групп и административно-законодательное их оформление. В самом общем виде определение «национальное меньшинство» констатирует меньшую численность общности в сравнении с ее иноэтническим окружением в государстве, а также описывает правовое положение группы в государстве. Иногда (но не всегда) в качестве признаков фиксируется дискриминация группы (лишение ее определенных гражданских прав) и ассимиляционное давление¹. Кроме того, в зависимости от традиций словоупотребления и политической практики одни и те же статусные группы «национальных меньшинств» в разных государствах могут именоваться «этническими группами», «языковыми группами», «этническими меньшинствами»².

Сложность изучения генезиса и содержания категории «национальное меньшинство» для исследователя связана с тем, что политические и социальные теории, лежащие в ее основе, начиная с XVIII в., формируют две области значений: первая определяет «меньшинство» как один из субъектов государственной власти в политико-правовом аспекте, вторая связана с теорией нации и трактовкой национального. Начиная с Ве-

ликой французской революции данное понятие толкуется в контексте описания или обоснования форм политического устройства, устанавливая адекватность политических интересов социальной группы реальному механизму защиты своих прав в системе государственного управления — т.е. его понимание связано с вопросом полноценности представительства. В системе политико-правовых понятий «меньшинство» с разными определениями бытует в европейских языках в течение всего XIX в.³ Но его трактовка связана исключительно с политическим отражением устройства социальной системы, фиксируя отношения между правящим меньшинством и подчиняющимся ему большинством в общем гражданском поле. Только во второй половине столетия данная проблематика «обогащается» за счет выделения в ней отдельного направления, принявшего во внимание этнонациональную специфику этих «больших» и «меньших» элементов. Одним из главных его представителей становится Дж. С. Миль, труды которого были хорошо известны в России. В работе «О свободе» (1859) он провозгласил, в частности, необходимость ограничить диктат власти и деспотизм господствующего меньшинства над большинством: «Народ, облаченный властью, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти, и так называемое национальное самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял самим собой, а такое, где каждый управляется всеми остальными... воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, т.е. воля большинства или тех, кто успевает заставить себя признать за большинство»⁴. В сущности, он одним из первых поставил вопрос об условности количественного критерия для определения позиции социальной группы в социуме, вычленив отношения господства (диктата) / подчинения.

Одна из первых юридических дефиниций термина относится к 1920-му г., когда профессором Зоберхеймом был разработан проект договора о регулировании положения меньшинств: в нём национальные меньшинства — это «национально ограниченные группы населения, которые намереваются и способны к ведению национальной частной жизни»⁵; в международном праве термин становится нормативным только после Хельсинкского совещания 1975 г., хотя активно ис-

пользовался и до того, для определения границ и устройства новых государств после Первой мировой войны.

Юридический статус национальных меньшинств сегодня иногда представляется главным вопросом и средством установления политического равновесия, однако такое сужение вопроса может стать опасным заблуждением. Следует выделить еще как минимум два уровня трактовки так называемой «проблемы» национальных меньшинств, позволившей исследователю поставить слово «проблема» в кавычки⁶ — это, во-первых, практический, связанный с реализацией принципа самоопределения на основании общности происхождения или подданства — т.е. соотношение деклараций и реальности административно-нормативного положения, а также, во-вторых, историко-социологический, который постулирует, что национальное меньшинство — это не статистически выделяемая общность, не эссенциалистски понимаемый объект реальности, а конвенциональная, аксиологическая категория. Ее следует трактовать как продукт реализации властной статусной группой собственной позиции доминирования по отношению к недоминантной иноэтнической общности и легитимизации этого господства. Социологическое национальное меньшинство поэтому может вовсе не быть меньшинством в количественном отношении, но оно представляет собой ущемленную в социальном отношении группу. Это позволяет иногда именовать численное национальное большинство меньшинством. Поэтому в западной (американской прежде всего) социологии термины меньшинство / большинство почти не используются, им предпочитают оппозицию доминантные / подчиненные группы. Р. Шерцер замечает, что «национальные меньшинства»: «ставят под сомнение ключевые принципы современной доктрины легитимации политической власти-авторитета...»⁷.

Иначе говоря, «проблема» национального меньшинства возникла еще до появления самого концепта — раньше, чем была признана идея значимости коллективных интересов и чувства солидарности этнокультурной общности для такого высшего типа самоорганизации социума, каковым признается государство. Иными словами, национальное меньшинство, как и другие субъекты национализма как дискурса, есть конструкт, но в некотором смысле конструкт в его «высшей степени», являющийся продуктом теорий нации и национализма⁸. Многие

«национальные меньшинства» (например, в СССР) стали таковыми в XX в. не вследствие зрелости самосознания их этнонациональных элит, а, напротив, в результате научно-политического присвоения им статуса извне.

Вне- (или, точнее, до-правовая) и гораздо более сложно структурированная область значений термина формируется в XIX в. в поле понятий, описывающем феномены, связанные с нацией и природой национального. Здесь понимание положения различных по этническому происхождению групп в границах одного государства (империи) зависит от понимания нации и ее соотношения с государством, с одной стороны, и признанием этнической самоидентификации, с другой (несмотря на то, что термин «этничность» в качестве нормативного появляется только в XX в.⁹). Ныне в истории формирования теории и практики нациестроительства в позапрошлом веке принято выделять две традиции понимания сущности нации — немецкую (возводимую к Гердеру) и французскую (идущую от Руссо), представляющие «государственный» и «культурный» типы наций¹⁰. В основе этой типологии лежит исторический опыт государств, консолидирующихся на основании политического единства и конституции, и тех, которые объединяет народы культурным наследием и общностью этнического происхождения. Помимо социально-исторических реалий, вариативность интерпретации продиктована традицией словоупотребления и семантическими трансформациями¹¹. Данное различие позволяет, в свою очередь, обнаруживать национальные и этнические меньшинства — в зависимости от этих моделей. Кроме того, современная историография стремится более детально типологизировать их, различая, в частности, национальные, региональные, колонизируемые и новые (Ф. Хекман)¹².

Понятие «национальное меньшинство» в общественно-политической мысли в своем современном толковании возникает на рубеже XIX и XX столетий и является закономерным результатом эволюции теории государства и концепции общественного блага, а также трансформацией идеи нации, духа народов и этнонациональной идентичности. Это приводит к реальным политическим сдвигам (закон 44 «О равноправии национальностей» (Австро-Венгрия, 1868), в котором определены права «народов» (племен) и национальностей; статьи V,

XXVII, XLIV, XXXV Берлинского трактата (1878)¹³, в которых зафиксированы требование о недопустимости дискриминации по конфессиональной принадлежности, принцип «права наций на самоопределение» — в документах решений Лондонского конгресса Второго Интернационала (1896))¹⁴. Однако речь в данных актах шла о декларациях в поле запрещения дискриминации по этнической или религиозной принадлежности — точнее, на основании *отличной* от доминирующей, а не о непреложных коллективных правах групп. В качестве социологической категории национальное меньшинство впервые, как показал С.С. Юрьев¹⁵, было представлено в 1898 г. в хорошо известном в России труде немецкого правоведа Г. Еллинека¹⁶.

Таким образом, в основе дефиниции понятия «национальное меньшинство» лежат два принципа: 1) его позиция в отношении «большинства» — т.е. положение, определяемое статистически демографическими данными и, 2) что более важно — его политико-правовой статус, фиксируемый социально и политически доминирующей группой. И тот, и другой критерий существования национального меньшинства связан с реализацией властного дискурса и с дискриминацией. В государстве взаимоотношения доминирующей группы и национального (этнического, языкового) меньшинства регулируются национальной политикой. Она может быть направлена на гомогенизацию социального организма (в зависимости от жесткости избираемых средств — от этноцентристской парадигмы до ассимиляционных, сегрегационных мер — вплоть до геноцида), либо на интеграцию различных этнокультурных общностей на основе соблюдения принципа равенства и самоопределения — и в этом случае политика может быть как патерналистской, так и выстраиваемой на основании равенства и самоуправления.

Складывание терминосистемы научного языка: как создается лексикон

Народ, нация, национальность

В российской науке XIX в. понятийный аппарат, позволяющий рассуждать о нации и о национальном, а также об этнических общностях разного уровня, только начинал формироваться¹⁷.

Огромную сложность для реконструкции терминов представляет то обстоятельство, что в русском языке сосуществовали и в течение столетия изменяли свое семантическое наполнение заимствованные из европейских языков лексемы (такие как «нация», «национальность», «раса») при сохранении бытовавших ранее («народ», «племя») и сконструированных лишь в начале XIX в. их русских эквивалентов (таких как «тип» или «народность»). Дополнительную сложность и многозначность смыслов создавало заимствование термина «нация» или «национальность» из разных языков (французского, немецкого, английского), — с таким перенесением заимствовалась традиция первичного словоупотребления и коннотации, несхожие между собой — что приводило к параллельному сосуществованию нескольких «линий», вариантов семантики. Однако, следует подчеркнуть, что трансформацию содержания данные концепты претерпевали и в других языках — вследствие конкретно-исторических процессов (своеобразным рубежом можно считать события, связанные с «весной народов») и изменение данных терминов в политико-правовом поле¹⁸. Эволюцию же понятия «нация» в российском политическом лексиконе первой половины XIX в. А.И. Миллер запечатлел в краткой формуле: «от перевода к редактированию, цензуре и политической практике»¹⁹.

Точное нормативное содержание категорий «племя», «народ», «раса» в этнографическом дискурсе не было точно определено, а слово «этнос» в русском языке XIX в. вообще не использовалось, что приводило к их взаимозаменяемости, когда следовало обозначить сообщество, члены которого имели общее происхождение, физическое родство. Указанные лексемы выступали как элементы этнографической номенклатуры. При этом «народом» во второй половине века называли как крестьянство и социальные низы (как и в первой трети столетия), так и все население Империи — во втором значении народ постепенно отождествлялся с нацией. В словарях второй половины столетия «нация» определялась как синоним «народа»²⁰ или же как «народ, достигший национальности. Отличается от народа высшею степенью развития элементов народности и приближением к общечеловеческому типу. Англия есть нация, Ирландия — народ, Великобритания — государство»²¹. Впрочем, при отсутствии понятия «этнос» лексема

«нация» могла легко трактоваться как «народ»-племя и фиксировать кровную физическую (антропологическую) общность, чему способствовала уже указанная синонимия раса — племя — этническая группа²².

Наиболее сложным образом обстояло дело с понятием «национальность». Еще в первой половине столетия зафиксирована неопределенность его соотношения с «народностью». Строго говоря, значение, которое приобретало начиная с 1840-х гг. слово «национальность» во французском²³, было тождественно дефиниции народности, складывавшейся тогда же в русском языке — они связывались с выражением своеобразия коллективной «физиономии» народа, его «духа». Но одновременное наличие и «оригинала», и «трансфера»²⁴ вынуждало к дифференциации, терминологическому разделению.

Термин «народность», созданный в 1809 г. по образцу польского слова «narodowość» П.П. Вяземским и ставший нормативным для этнографии второй половины столетия, некоторое время сохранял свою первоначальную взаимосвязь с лексемой «простонародность», но в конечном итоге (благодаря Н.И. Надеждину) стал обозначать физическую, материальную, культурную и ментальную специфику народа как этноса, совпадая по значению с современным понятием «этничность»²⁵. Важно подчеркнуть, что и народность, и национальность в это время не выступали в качестве номинаций разного уровня, их первичная грамматическая форма диктовала семантическое наполнение, связанное с качественными характеристиками. Другими словами, народ обладал народностью, нация — национальностью. Привычная нам триада XX в. «племя, народность, нация» в предыдущем столетии не имела смысла, а воспринималась бы только в формуле «племя, народ, нация» как синонимическая, а не стадиальная последовательность.

Национальность как зрелая форма: кто измеряет

Эволюцию интерпретации «национальности» можно метафорически представить через ряд высказываний. В 1832 г. И.В. Киреевский писал: «У нас искать национального значит искать необразованного»²⁶, К.Н. Лебедев в 1840-е гг. был убежден, что «национальность — слово глубочайшего значения, слово нашего времени, которое все знают, все чувствуют, но которое можно только чувствовать, а не определить»²⁷. Двад-

цать лет спустя В.Д. Спасович оценивал получивший широкую поддержку в обществе «вопрос о национальности» критически: «... *национальность* есть понятие совершенно формальное, не имеющее никакого определенного содержания. Есть народные достоинства, и есть народные предрассудки и пороки. Ни об одном общественном явлении, к которому приклеен национальный ярлык, нельзя еще наперед сказать что оно: добро или зло, правда или кривда? ... Национальность меняется с каждым моментом времени, ненациональное сегодня может сделаться весьма национальным завтра и наоборот»²⁸. В такой формулировке национальное, как видим, не отождествляется с этнокультурным своеобразием, позволяющим взаимозаменять «народность» и «национальность». Полемизируя со взглядом на национальные интересы как *ценности* или *идеалы* существования народа / этноса, В.Д. Спасович, таким образом, оспаривает национальность не только как основание для права, но и как априори позитивное начало (т. е. в некотором смысле сближает его с оценочным толкованием нынешнего понятия «национализм»). Такой «внешний» характер национальности, ограничение ее сферой сиоминутных государственных интересов, сопоставляет данное понятие не с самобытностью, а с ее политической формой. Национальность, по мнению Спасовича, не создала ни одного государства, хотя и имела важное значение в процессе их возникновения и упадка.

Автор приписывал национальности две важные особенности: во-первых, она образуется «из скрещения рас и слияния разнообразных элементов», в результате возникает «химическое соединение, специфически отличное от всех, вошедших в состав его веществ». Во-вторых, «национальность есть продукт жизни государственной, а не наоборот»²⁹. Можно заметить, что для В.Д. Спасовича национальность — синоним нации, он не различал их. Он затрудняется установить «параметры» национальности, однако на первый план выдвигает «чувство национальности» — т. е. ощущение собственной идентичности³⁰. Потому он предлагал при определении национальности руководствоваться исключительно самоопределением индивида или группы. Следует подчеркнуть, что для него в основе причисления себя к нации (национальной идентификации) лежало именно *чувство, ощущение* единения и причастности, а не *самосознание*. Иначе говоря, речь шла об этнонациональной са-

моидентификации каждого отдельного человека: «для классификации людей по национальностям надлежало бы допросить поголовно всякого, к какой национальности по совести желает он быть причислен»³¹. Хотя данный способ не казался ему универсальным, поскольку, как он верно полагал, у многих ответ на такой вопрос может вызвать вполне обоснованные затруднения. Наряду со Спасовичем, главным критерием народности считал самоидентификацию и А.Д. Градовский³². Понимание Спасовичем и Градовским «национальности» не как выражения объективно-присущих признаков, а прежде всего самоопределения, можно считать исключительным для того времени.

Интересно обратить внимание на представление об «идея народности» именно в контексте формирования представлений о национальности, когда «народность» неизбежно обретала политические коннотации. А.Ф. Гильфердинг писал: «Что такое народность и как ее понимают западные славяне? Это есть право каждого племени на свое индивидуальное существование, право быть самим собою, т. е. говорить и писать на своем языке, сохранять свои предания и быть управляемым как особое племя»³³. На первый взгляд данное определение не отличается оригинальностью, если не считать введение такого фактора как независимое политическое существование. Оно заставляет прочитывать народность в данном контексте не как «этнографическое состояние», а как признак национальной зрелости (по аналогии с предшествующими трактовками). И в этом значении идей «народности» у Гильфердинга, в сущности, определяется стремление «национального меньшинства» к самоопределению — в том числе политическому и правовому. Такое понимание свидетельствует о появлении важной тенденции: размышления о стадиях развития народности на этапе ее национального развития демонстрируют наличие пока еще не вербализованного критерия классификации, связанного с государственностью.

В заметках о польском вопросе Гильфердинг дает конкретное и почти дефинитивное описание национального меньшинства в его современном понимании: «малый и слабый народ подвластен большому и сильному»³⁴, однако далее раскрывает особенность социальной противоречивости понятия «малый»: «но этот малый и слабый народ заключает в себе непомерно многочисленный высший класс, ... с притязаниями на

звание и права людей образованных и благородных, — и ему приходится повиноваться России, стоящей перед поляком не иначе как в образе мужика и солдата»³⁵. Перед нами, таким образом — мозаика социально-культурных иерархий и порождаемых ими национальных проблем.

А.Д. Градовский разделял естественную и государственную народности, отождествляя вторую с нацией: если первая — это масса людей, соединенная общностью языка, религии, территории, может и не иметь государства, то «государственная народность может состояться из разных этнологических элементов и быть все-таки народностью». Исследователь более категорично подчеркивал, что народность — именование культурно-исторического, а не только патриархально-племенного объединения людей, говорящих на одном языке и признающих общность происхождения (это — лишь «зародыш народности»), и потому народность в отличие от племени обладает «сильной степенью народного самосознания»³⁶. Такое введение категории самоидентификации в качестве признака «зрелости» народа (народности), дающего право на борьбу за национальную независимость, отличает А.Д. Градовского не только от мыслителей 1840—50-х гг., но и от современных ему коллег-историков. Поэтому народность для него есть нормальное естественное основание государства, и именно по этой причине она имеет право на независимое существование и развитие, на образование «особой политической единицы» (то есть либо государства, либо автономии). Истинная высшая цель народности для него — политическая, т. е. достижение ею независимости. Отсюда его трактовка «национального вопроса» как вопроса политического³⁷.

Таким образом, контекст рассуждений о народности и национальности в 1880—1890-е гг. так или иначе состоял из попытки определить «стадию» развития и состояние самосознания общности (национальности/ народности или этноса).

Принципы этнической классификации: кто фиксирует и упорядочивает

Иногородцы

Классификация племен и народов Российской империи, складывавшаяся на протяжении XVIII—XIX вв., имела собственную

«российскую» этнографическую специфику. Главным критерием создания этнографических таксономий оставался, как и прежде, язык. Однако для массового сознания гораздо более понятным и привычным оставалась категоризация, связанная с понятием «инородцы». Как известно, оно бытовало в русском языке в двух значениях: сначала — в правовом и фискальном³⁸, позже — в этнографическом и обыденном. Первое было связано с выделением их в отдельную категорию подданных империи — с особым правовым положением и методом управления (бродячие, оседлые, кочевые)³⁹. Эта юридическая разновидность инородцев монгольского, тюркского и финского происхождения в законе детализировалась и перечислялась (в частности, среди них упоминались евреи). Иной смысл вкладывался в понятие «инородцы» вне узко-правового поля — так именовались все неславянские народы Империи (славянских по данным переписи 1897 г. было 73 %). В языке значение слова «инородцы» соотносилось с принадлежностью к другому (отличному от «своего») роду, племени⁴⁰, т. е. определяло всех «иных» в целом, без дифференциации степени «чуждости». Перечень этносов, именуемых «инородцами», никогда формально зафиксирован не был, потому его можно трактовать как довольно спорный⁴¹. Инородцы различались по регионам или языкам (восточные, тюркские, крымские или «русские» и «сибирские»), а также по статусу («мелкие и некультурные» и «значительные и влиятельные»⁴²).

Некоторые исследователи полагают, что в подобной дуальной классификации скрыты этноцентрические⁴³ и даже националистические предубеждения. Но такое различие до определенного момента носило нейтрально-классификационный характер, пейоративное значение ему стало приписываться только в самом конце XIX — начале XX века, особенно интенсивно — после первой русской революции. В этнографических очерках определение «инородцы» не соотносится с оценочным подтекстом и не обладает негативными коннотациями. Хотя очевидно, что введение в литературный язык и официальную терминологию подобного наименования «Других» несет идею о нациеобразующем народе, во-первых, и позволяет произвести водораздел между этническими «своими» и «чужими» группами, во-вторых. Доминирующим — в статистическом и культурном отношении — оказывается славянское

племя. Но, подчеркнем, в этом контексте его этнический состав вовсе не однозначно отождествляется с великорусами.

*Позиция языка, наречия и говора
как обоснование статуса народа*

Гораздо больший простор для складывания представлений о доминантных и недоминантных группах дает, казалось бы, абсолютно нейтральная — языковая — классификация народов. Наиболее ярким примером последствий лингвистической таксономии является полемика о статусе малороссийского языка или наречия⁴⁴. Самый главный предмет дискуссии — вопрос о соотношении малороссийского языка / наречия и русского языка / великорусского наречия. Номинация «наречие» указывала на диалектность, или, точнее, региональность малороссийского языка в его отношении к общерусскому литературному национальному языку, а претензия его на статус самостоятельного славянского языка — равнозначного чешскому, польскому или русскому — вызывала несогласие русских исследователей.

К теоретическим вопросам классификации «языковой действительности» обращались прежде всего те, кто занимался кодификацией языка — в частности, составители словарей. Новаторскими считаются принципы, положенные В.И. Далем в основу создания «Толкового словаря живого великорусского языка» (1862). Даль указывал на трудности разграничения понятий; наречием он называл а) «язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особенной грамматике, ниже в словаре, может быть хорошо понимаем теми, кто знает первый»; б) наречием «более в политическом смысле» он именовал «областной, местный говор небольшой страны»; а также считал наречием в) язык «местный, искаженный, как полагают, отшатнувшийся от коренного языка»⁴⁵. Однако главным критерием отличия наречий и говоров от языка стало для Даля отклонение от литературной нормы (обратим внимание на количественный критерий): «язык, которым говорит большинство, а тем более сословие образованное, язык письменный, принимается за образцовый, а все уклонения его — за наречия»⁴⁶. Даже в этом противоречивом определении наречия можно уловить глав-

ное: наречие и язык в лингвистической иерархии стоят на двух разных уровнях — причем как в синхронии, так и в диахронии. Впрочем, В.И. Даль отдавал себе отчет в том, что «господство одного наречия над другим» случайно и довольно условно и объясняется чаще всего политическими обстоятельствами⁴⁷.

Лингвисты XIX в., как и их коллеги этнографы и антропологи, осознавали условность категорий, с помощью которых выделяются элементы и уровни языка: эти «рубрики» — т. е. классификационные единицы, именуются «в действительности чистыми абстракциями»⁴⁸. Позитивистскую абсолютизацию научно-эволюционных схем разобрал И. Бодуэн де Куртене (1907); он подчеркивал искусственность лингвистических классификационных понятий — в частности, такого как «национальный язык», он считал его «фикцией», «чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков»⁴⁹. Такое понимание условности классификаций можно считать исключительным и новаторским для науки начала XX в.

Неформальные классификации

В учебниках и научно-популярной литературе 1880—1900-х гг. доминировали, однако, более простые и понятные универсально-цивилизационные классификации — дихотомического характера, сводящие разнообразие народов к простой схеме «мы / они». К цивилизованным относили земледельческие народы, исповедующие христианство и обладающие национальной письменностью: «культура и образованность всегда развивались среди народов земледельческих»⁵⁰, так же, как и прогресс человечества совершался только у них⁵¹.

Оценочные дихотомии цивилизованные / нецивилизированные, просвещенные / непросвещенные, исторические / неисторические, культурные / некультурные в определении «состояния развитости» общности — группы, племени, народа, нации формировались начиная с эпохи Просвещения, с появлением новых теорий прогресса и государства в романтизме и позитивизме дополняя новыми критериями «стадиальности», не всегда, однако, отменяющими прежние иерархии. Так, исторические народы могли быть «избираемы» только из цивилизованных, поскольку государство мыслилась как важная категория развитости общественного устройства. Такие

западные народы Империи как поляки, немцы и шведы именовались цивилизованными, историческими и просвещенными, восточнославянские самокритично объявлялись непросвещенными, но историческими.

Весьма употребительными были культурно-цивилизационные типологии народов, также восходящие еще к эпохе Просвещения: это так называемая ментальная география, маркирующая пространства в соответствии с «состоянием» обычаев и нравов их жителей (северные / южные народы или западные / восточные), в которых вторые, в соответствии с принципами европоцентризма, рассматривались как более медленно «проходящие» универсальную линию прогресса человечества — в том числе и по причине климата и национального темперамента. Не потеряла актуальности и излюбленная романтиками метафора «возраста народов»: им приписывались свойства юности или зрелости в зависимости от достижений государствостроительства и культуры. К «старым» относили западно-европейские государства со сложившимися традициями государственности и «развитыми» в правовом отношении элитами, к молодым — те, которые не имели государства («крестьянские нации»). Критерий наличия государственности оказывался доминирующим.

*Иерархии народов и национальная политика:
что первично*

Интерпретация понятий, связанных с описанием и внешней идентификацией отдельных «элементов» этнографической таксономической системы, оказала непосредственное воздействие на механизмы вычленения и способы объяснения проблемы этнических групп в Российской империи XIX в. Можно говорить о том, что народы западных окраин («политические», как их именовали в начале XX в.⁵²) рассматривались как стоящие на более высокой ступени развития, чем восточные (южные). Такая «карта», однако, задавала противоречия не только в отношении границ близкородственных в антропологическом отношении групп (таких, например, как великорусы, малорусы и белорусы), но и в понимании «национальных вопросов». Истоки путаницы и неясностей были связаны с теми же причинами — терминологической полисемией, многозначностью, порожденной нюансами и традициями

словоупотребления в различных дискурсах (политическом, историческом, лингвистическом, публицистическом, научно-популярном и т.п.).

Рассмотренные выше разновидности типологизаций и, как следствие, иерархизации народов Российской империи определили крайне неоднородный характер национальной политики. Термин «национальная политика», которым принято ныне обозначать совокупность законодательных, административных и идеологических методов и средств государства, направленных на решение так называемых «национальных противоречий» в рамках внутренней политики⁵³. При этом национальная политика в современном понимании подразумевает «целенаправленную деятельность», осознанность реализуемых действий, комплекс осознанных и системных мер. И в этом смысле к Российской империи XIX столетия данную дефиницию не совсем корректно применять по двум причинам. Первая — содержательная, ибо, по мнению ряда исследователей, в своей окончательной и строгой форме она выработана не была⁵⁴: существовало многообразие правовых, государственных, управленческих форм, сложность и разнорядковость связей народов и территориальных образований⁵⁵, российское законодательство почти не знало ограничений по национальной принадлежности, они действовали по конфессиональному признаку, а «официальных документов, провозглашавших принципы национальной политики в целом», составлено не было⁵⁶. Однако «в этой кажущейся бессистемности и разнорядковости окраинного управления и был залог успешности имперской политики, обеспечивающей долговечность существования огромного и многонационального» государства⁵⁷.

Вторая причина заключается в том, что для рассмотрения сущности «национальной политики» необходимо учитывать многозначность прилагательного «национальный». Оно функционировало как в значении политико-правовом, тесно взаимосвязанном с комплексом смыслов «нация», так и в качестве обозначения этнического (племенного, расового, народного)⁵⁸. Национальной политикой в общем смысле можно именовать политику в отношении разнородных групп полиэтнического и поликонфессионального имперского организма. Она ограничивалась представлениями об этносоциальных

общностях, сопологаемых с цивилизованными просвещенными народами, обладающими литературным языком и традициями государственности. В этом смысле она была именно национальной, а не этнонациональной и не этнокультурной, в то время как представление о различии наций и этносов при отсутствии определения первого и дефиниции второго отчетливо заметны в языке научных описаний этого периода.

Кто задает «национальный вопрос» и почему он не равен «инородческому»

Об этом косвенно свидетельствует использование категории «национальный вопрос». Термин «национальный вопрос» и даже «инородческий вопрос» (вторым в последние годы исследователи Российской Империи склонны оперировать чаще⁵⁹), применялся в отношении болезненных для имперской власти проблем, связанных с этнонациональным определением — причем как со стороны «окраин» Империи, так и извне ее; он не функционировал в отношении любых этнических групп: их «список» был ограничен. Известны еврейский, польский, остзейский, финляндский, мусульманский, а также стоящие особняком «украинофильский» и славянский вопросы. Некоторые из них совпадали с группой «инородческих» вопросов, но только не польский и славянский.

Отдельной нерешенной до сего дня проблемой представляется понимание некоторых из перечисленных «вопросов» в различных дискурсах на отдельных исторических этапах. Если финляндский вопрос подразумевал бесспорно проблему национальности в точном смысле — то есть политико-правовой статус Княжества Финляндского в Российской империи⁶⁰, то польский, например, вопрос, на протяжении столетия рассматривался в различных аспектах: во внешнеполитическом контексте — как проблема восстановления польского государства (т.е. как вопрос о польском государстве), как вопрос о «польском бунтующем элементе» Царства Польского в связи с событиями 1830—1831 гг. (т.е. в значении «государственно-национальном») или же как узел социально-этнических или конфессионально-этнических противоречий на Западно-русских окраинах Империи в 1860-е гг. Разумеется, формулировка «польский вопрос» могла включать и совокупность всех

этих причин для «беспокойства» властей, как источник потенциальной нелояльности. Однако симптоматично, что даже в специальных исторических исследованиях, посвященных «польскому вопросу», ученые уклоняются от его точного определения. Л.М. Аржакова справедливо указывает, что в отечественной полонистике «нередко эти два понятия — польский вопрос (воспринимавшийся сквозь призму ... устоявшихся в общественном сознании стереотипов) и изучение истории Польши — попросту сливались воедино»⁶¹. Несколько иначе обстояло дело с так называемым «славянским вопросом», определявшемся на разных этапах понимания «народности» и «национальности» в соотношении с «внешнеполитическим» курсом Империи. Идея этноязыкового родства и основанная на этом концепция племенного (а в конечном итоге и конфессионального) единства обуславливала апелляцию к «славянскому вопросу» в риторических формулах солидарности, братства, защиты интересов угнетенных народов (по сути, национальных меньшинств). Славянский вопрос в таком ракурсе также можно расценивать как национально-государственный, но не как этнический в чистом виде, обладал ярко выраженным «внешнеполитическим уклоном»⁶² — при этом он никогда не был соотносим с «собственными», «главными» имперскими восточными славянами — в частности, с проблемой «украинофилов».

Мусульманский вопрос, как показала в своих работах Е.И. Воробьева-Кэмпбелл⁶³, понимался неоднозначно: с одной стороны, он возник на очевидно конфессиональной основе — в связи с усилением влияния ислама в традиционно исповедовавшем его поволжском регионе, в котором политика обращения в православие считалась вполне успешной. Власть была обеспокоена не столько формальной стороной дела, сколько могущей последовать за этим стремлением к идейному, «духовному» отторжению, смене культурной доминанты, вызванной ростом самосознания региональной или иной группы на иной, неимперской основе, к нелояльности. Назвать этот «вопрос» татарским в строгом смысле также было нельзя, ибо данный этноним использовался в отношении множества племенных групп Урала и Сибири. Следует учитывать и то обстоятельство, что в XVIII и в XIX вв. «мусульманами» в Волжско-Уральском регионе называли себя представители только

социальных низов общества (в отличие от его элиты, именовавших себя собственно «татарами»)⁶⁴. Поэтому и данный «вопрос» трудно однозначно оценить как конфессиональный или этнический: в нем прослеживается и национальный компонент, а также региональное «измерение».

В целом следует отметить отсутствие понятийного различия этнической и гражданской разновидностей общностей в Российской империи. Н.И. Кареев в 1901 г. писал, что полемика по национальному вопросу не утихает по причине неопределенности и противоречивости трактовок понятия национального: «Многие ... погрешают ... в понимании национального, смешивая понятия культурной и политической национальности»⁶⁵. «Инородческие вопросы» имели разную природу, будучи следствием тенденций, которые обозначали как этническое, так и политическое (национально-культурное или региональное) или религиозное (в меньшей степени) осознание различными недоминирующими группами своей собственной идентичности — и в первую очередь (и это типично для начальной стадии самосознания общности) через механизм отличительности, дифференциации. Этот процесс протекал по-разному в умах образованного и «осознавшего» свою коллективную идентичность и отличительность социального «слоя», и в массовом сознании. Отказ от тенденции к слиянию и единству, провозглашенной парадигмой имперской политики в этот период даже на этом этапе вызывал беспокойство государства. Стремление реализовать свои интересы через отстаивание своей не только формальной (племенной), инаковости, но и посредством формулирования собственных интересов и позиции, уже в первое десятилетие XX в. приведет к радикальной смене курса. Однако в политической риторике и поддерживаемой ею историографии (разумеется, в той или иной мере отражавшей несхожие политические взгляды и идеалы ученых) борьба «национального меньшинства» за смену статуса не рассматривалась как неотъемлемое право общности Империи. И одна из причин, на наш взгляд, лежала в иной плоскости, — а именно в вопросе о доминантной в этническом, но не в политическом отношении (в этом состоит парадокс) группе — т.е. о русском народе и великорусах в частности.

Русские (как восточнославянская общность) численно составляли абсолютное большинство населения Империи, хотя

называть их доминирующей группой в западноевропейском смысле нельзя, — утверждает А.И. Миллер. «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности крепостным у нерусского, не православного — и даже нехристианского — дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁶⁶, — констатирует он. Дополню: при этом реализующийся в 1870—1890-е гг. проект «создания» великоруса в качестве государствообразующего этноса⁶⁷, не будучи еще завершен, порождает несомненные сложности как в трактовке отношений этносов внутри «триединого русской народа».

Таким образом, важнейшими особенностями противоречивой и нестройной иерархической системы народов в Российской империи можно считать:

— тенденцию к формированию представлений о «статусности» одних народов по совокупности различных критериев (символической оказывается здесь ось запад / восток): народы западных окраин выступали образцом для подражания, другие нуждались в культурном «руководстве» или даже ассимиляции со стороны русских. Восточнославянская общность — русский народ — выступала при том доминирующей в этнокультурном отношении группой, ибо «назначалась» государствообразующей нацией;

— определению великорусов как более зрелого национального элемента из триады как обладающего языком и самосознанием. Это можно трактовать с точки зрения попытки создания и внедрения «великорусского проекта».

На статус доминантной группы, титульной нации в Российской империи по логике данных тенденций должен был быть «назначен» великорусский народ, однако этого не произошло в силу незавершенности формирования его этнонационального самосознания, во-первых, и, во-вторых, по причине жесткой борьбы либералов против «великорусского шовинизма». Следствием такой еще не оформившейся до конца иерархии становится слабость позиции доминирующего в статистическом отношении большинства. Таким образом, в перспективе XX в. борьба за права так называемых национальных мень-

шинств не была борьбой с дискриминацией со стороны социально-политически доминирующей властной группы, а, напротив, протекала в сопротивлении национальных элит имперской власти, не имеющей опоры в титульной нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности, словарные статьи «национальное меньшинство» в: *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений (Серия ИЭиА РАН «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» №91). М., 1995. С. 5—6. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. Этнография и смежные дисциплины. Этнические и этно-социальные категории. М., 1995.; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; Энциклопедический словарь конституционного права. М., 2011. Более детальный разбор причин и последствий такого положения, не устаревший до сих пор, предложил С.В. Соколовский: *Соколовский С.В.* Самоопределение и проблемы меньшинства (международные аспекты) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995.

² *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 6—7.

³ *Юрьев С.С.* Правовой статус национальных меньшинств. Институциональный и историко-культурный анализ. Дис. на соискание степени доктора юр. наук. М., РГБ, 2003. Гл. II.

⁴ *Милль Дж. С.* О Свободе // Антология мировой либеральной мысли. В 2-х тт. Т. 1. М., 2000. С. 737—738.

⁵ Цит. по: *Юрьев С.С.* Указ. соч. С. 27.

⁶ *Шерцер Р.* «Проблема» национальных меньшинств // Политическая наука. 2011. №1. Этничность и политика. С. 98—130.

⁷ *Шерцер Р.* Указ. соч. С. 99.

⁸ Там же. С. 105—106; *Юрьев С.С.* Указ. соч. С. 32; *Альтерматт У.* Этно-национализм в Европе. М., 2000. С. 49—68; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2010. С. 216—249.

⁹ Само слово, по утверждению У. Альтерматта, встречается в трудах еще во второй половине XIX в. (*Альтерматт У.* Указ. соч. С. 58). Подробно об эволюции понятия: *Соколовский С.В.* О неуют автаркии, национализме и постсоветской идентичности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995.

¹⁰ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 37—45; *Филитова Е.* Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность (как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // *Филитова Е.* Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. С. 5—20.

¹¹ *Оболенская С.В.* Германская национальная идея и ее метаморфозы в XIX веке // Европейские революции 1848 г. Принцип национальности в политике и идеологии / Под ред. Ю.Я. Вина. М., 2001. С. 46—54; *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Там же. С. 12—21.

¹² *Павленко О.* «Национальное» и «этническое меньшинство»: проблемы соотношения. Обзор современной зарубежной историографии // Рубеж. Альманах социологических исследований. 1998. № 12. С. 175—192.

¹³ *Юрьев С.С.* Указ. соч. С. 167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ На русском языке впервые: *Еллинек Г.* Права меньшинства. СПб., 1906.

¹⁷ Подр. об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 1—2, а также: *Лескинен М.В.* *Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в.* // Вопросы национализма. 2013. № 15. С. 200—206.

¹⁸ Например, во французском языке конца XVIII—XIX вв.: *Ревякин А.В.* О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики // Европейские революции 1848 г. С. 8—11; *Федосова Е.И.* Указ. соч. В польском: *Zieliński A.* *Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815—1831.* Wrocław etc., 1969; *Kurczewska J.* *Naród w sociologii i ideologii polskiej.* Warszawa, 1979.

¹⁹ *Миллер А.И.* Приобретая необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917).* М., 2010. С. 55.

²⁰ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изданный Н. Кириловым. В 2-х вып. СПб., 1845. Вып. 1. С. 220.

²¹ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон). В 3-х тт., составленный под ред. Ф. Толля. СПб., 1863—1866. (Т. 3. СПб., 1866 — под ред. В.Р. Зотова и Ф. Толля). Т. 2. СПб., 1864. С. 979.

²² *Миллер А.И.* История понятия «нация» в России // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. В 2-х тт. М., 2012. Т. II. С. 34—41.

²³ *Ревякин А.В.* Указ. соч. С. 9.

²⁴ *Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А.* Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700—1917) // *Imperium inter pares.* С. 14—41.

²⁵ *Лескинен М.В.* Поляки и финны. С. 52—70.

²⁶ *Киреевский И.В.* Деятнадцатый век // *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. В 2-х тт. М., 1861. Т. 1. С. 82.

²⁷ Слова К.Н. Лебедева. Цит. по: *Милюков П.* Указ. соч. С. 333.

²⁸ *Спасович В.Д.* Вопрос о национальностях. Введение к новейшей истории Австрии (1866) // *Спасович В.Д.* Соч. В 10-ти тт. СПб., 1889—1902. Т. IV. СПб., 1891. С. 73.

²⁹ Там же. С. 74.

³⁰ Там же. С. 74—75.

³¹ Там же. С. 75.

³² *Градовский А.Д.* Введение. Постановка национального вопроса по отношению его к политике // *Он же.* Национальный вопрос в истории и литературе. М., 1873.

³³ *Гильфердинг А.* Развитие народности у западных славян // *Гильфердинг А.* Собр. соч. В 4-х тт. СПб., 1868—1874. Т. 2. СПб., 1868. С. 84.

³⁴ *Гильфердинг А.* Польский вопрос // Там же. С. 335.

³⁵ Там же.

³⁶ *Градовский А.Д.* Введение. Постановка национального вопроса по его отношению к политике // *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе (1873). М., 2009. С. 36.

³⁷ Там же. С. 27.

³⁸ *Соколовский С.В.* Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и праве. Текст доступен по адресу: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm>

³⁹ *Инородцы* // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XI тт. (82 полтт.) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890—1907. Т. XIII (п/т. 25). СПб., 1894. С. 224—225.

⁴⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. СПб.—М., 1880—1882. Т. 2. М.—СПб., 1881. С. 46.

⁴¹ *Slocum J.W.* Who, and When, Were Inorodtsy. The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *The Russian Review.* 1998. Т. 57. №2. P. 173—190; *Кэмпбэлл Е.И. (Воробьева)* «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской политике самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 204—216; *Соколовский С.В.* Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001; *Бобровников В.О.* Что вышло из создания в России инородцев? (Ответ Джону Слокumu из мусульманских окраин империи) // *Понятия о России.* В 2-х тт. Т. 2. М., 2012. С. 259—291.

⁴² *Сидоров А.А.* Инородческий вопрос и идея федерализации в России. СПб., 1912. С. 4.

⁴³ *Соколовский С.В.* Категория «коренные народы».

⁴⁴ Подр. об этом см.: *Александровский И.С., Лескинен М.В.* Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // *Русские об Украине и украинцах.* СПб., 2012. С. 172—243.

⁴⁵ *Даль В.И.* О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб. — М., 1880. С. XLVIII.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Наречие // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона.* Т. XXa (п/т 40). СПб., 1897 (автор — *С.Б—ч*). С. 611—613.

⁴⁹ Язык и языки // Там же. Т. XLI (п/т. 81). СПб., 1904 (автор — *И.Б. де К*). С. 529—548.

⁵⁰ *Корончевский Д.А.* Первые уроки этнографии. С. 6.

⁵¹ Там же.

⁵² *Лесгафт Э.* Отечествоведение. Курс среднеучебных заведений. СПб., 1907. С. 5—6, 16—17.

⁵³ *Общая и прикладная политология.* М., 1992. С. 117; *Словарь социолингвистических терминов.* М., 2006.

⁵⁴ *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 48; *Мейер М.М.* Национальный вопрос в реформационной и революционной концепциях российского государства первой четверти XIX в. // *Из истории реформаторства в России.* М., 1991. С. 64—67. Об этом же: *Миронов Б.Н.* Социальная история России в 2-х тт. СПб., 2000. Т. 1. С. 30—62; *Семенов Ю.И.* Предисловие // *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Сборник документов.)* / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. М., 1997. С. 12—16; *Бахтурина А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // *Русский национализм: социальный и культурный контекст.* М., 2008. Текст доступен по адресу: <http://www.polit.ru/research/2008/06/20/bahturina.html>;

⁵⁵ *Ремнев А.В., Савельев П.И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX вв.). Новая перспектива.* М., 1997. С. 9.

⁵⁶ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 15, 16.

⁵⁷ *Ремнев А.В., Савельев П.И.* Указ. соч. С. 17.

⁵⁸ *Национальный* // *Етшикин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов. М., 2010.

⁵⁹ *Бахтурина А.* Указ. соч.

⁶⁰ Об этом свидетельствует содержание сборников: Финляндский вопрос с юридической точки зрения. СПб., 1901; К освещению финляндского вопроса. Берлин, 1900; Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901—1902; *Блок А.* О финляндском вопросе. Варшава, 1891 и др.

⁶¹ *Аржакова ЛМ.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX в. СПб., 2010. С. 9.

⁶² *Неклюдов В.С.* Славянский вопрос. М., 1876.

⁶³ *Воробьева Е.И.* Введение // *Воробьева Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия (вторая половина XIX века — 1917). Дисс. на соискание степени д.и.н. СПб., 1999; *Campbell E.* The Muslims Question in Late Imperial Russia // *Space, People, Power.* 1700—1930. Bloomington, 2007. P. 320—347.

⁶⁴ *Мустакимов ИА.* Очерк истории этнонима «татар» в Волго-Уральском регионе. Текст доступен по адресу: <http://tatar-history.narod.ru/tatarethnonim.htm>

⁶⁵ *Кареев Н.И.* Идеалы общего образования. СПб., 1901. С. 82.

⁶⁶ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. Гл. 5. С. 152.

⁶⁷ *Лескинен М.В.* Великороссы /великорусы в российской научной публицистике (1840—1890) // *Славяноведение.* 2010. № 6. С. 3—17.

Н.С. ПИЛЬКО

(МОСКВА)

Итальянская оккупация Юлийской Крайны после Первой мировой войны и положение словенского национального меньшинства в 1920-е гг.

В середине июля на участке фронта между реками Эн и Марна силы Антанты начали контрнаступление. В ходе Амьенской операции, которая началась 8 августа, Западный фронт был прорван и немецкие войска вынуждены были начать отступление. Генерал Людендорф назвал 8 августа 1918 г. самым черным днем германской армии в мировой войне¹. На совещании в г. Спа, на котором присутствовали канцлер Гертлинг и статс-секретарь ведомства иностранных дел Гинце, Гинденбург, Людендорф, Вильгельм II и Карл было отмечено, что немецкая армия не в состоянии сломить противника. Оборонительными действиями добиться мира тоже невозможно, ждать победы не приходится, необходимо достигнуть окончания войны дипломатическим путем. Австро-венгерская сторона заявила, что «Австро-Венгрия достигла предела своих сил и что даже сомнительно, окажется ли она в состоянии выдержать предстоящую зимнюю кампанию»². Война постепенно приближалась к завершению. Общее настроение на фронтах не могло не затронуть настроения народов, составляющих Австро-Венгерскую монархию, которые все громче заявляли о своем стремлении к независимости. Славянские представители австрийского парламента уже недвусмысленно давали понять, что ничего не ждут от Габсбургской монархии, и что «реформы, которые сулит осуществить австрийское правительство, не могут считаться удовлетворительными»³. На землях заселенных словенцами все чаще стали говорить о необходимости объединения в едином государстве всех южных славян. Так в триестской газете приморских словенцев говорилось: «Все прошлое вре-

мя сербы и хорваты только и делали, что рассуждали о том, что означает государственная свобода, мы же слишком много внимания уделяли практическим, более близким целям. Государственная идея из-за печальной истории была нам несколько чужда. Но когда широкие слои населения осознали, что они являются частью сильного югославянского народа, словенцы стали «государственно-правовым» народом. Народ без национального государства проживает только часть своей жизни, он живет, работает и умирает для чужих. Сейчас у нас есть программа, от которой мы больше не откажемся: программа национального государства. Без национального государства у нас нет будущего. Словенцев упрекают в эгоизме, мол, только ради себя они поднимают югославянский вопрос. Но как бы такое мощное движение можно было бы простимулировать, если бы не было этнического уже оформившегося «фундамента» в сознании народа! Мы считаем, что все участники: хорваты, сербы и словенцы нуждаются друг в друге. Нам необходимо построить общий югославянский дом, который обеспечит нам существование и прогресс. Кто после военных событий не понял этого, тому не стоит больше помогать. Народ его должен отторгнуть, как организм отторгает инородное тело»⁴. Даже манифест императора Карла от 16 октября 1918 г. «К моим верным народам» уже не мог изменить ситуации⁵. Южнославянские депутаты отказались признать манифест. Народное вече заявило, что необходимо создание единого самостоятельного южнославянского государства, независимо от существующих границ государства.

В октябре 1918 г. такое государство было образовано. Это было Государство словенцев, хорватов и сербов, которое провозглашалось суверенным государством с включением в его состав портового города Риека и югославянского населения бывшей Дунайской империи, независимо от того на какой территории оно проживает. Вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве югославского государства должно было решить учредительное собрание. Временная же верховная власть в стране передавалась Народному вече словенцев, хорватов и сербов с местом пребывания в Загребе. Правда, положение нового государства оказалось незавидным. Оно не получило признания, у него не было окончательно оформившегося государственного аппарата и главное — пол-

ноценной армии, которая могла бы защитить его территориальную целостность. Для упрочения своего шаткого положения политики новоявленного государственного образования прикладывали массу усилий для того, чтобы доказать свою лояльность Антанте. 31 октября Народное вече официально заявило о выходе из войны и о своей нейтральной позиции, однако силы Антанты не считали Государство СХС союзническим и не торопились признать его.

Словенское Приморье также не осталось безучастным. 11 сентября был образован Национальный совет Триеста. 13 сентября создан национальный совет Верхней Крайны, к которому должна была перейти власть сразу же, как только была бы ликвидирована австрийская. 17 октября 1918 г. представители Совета потребовали объединения этих населенных словенцами областей в одну административную единицу в составе Государства словенцев, хорватов и сербов. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться из-за последовавшей вскоре итальянской оккупации.

Основной противницей признания нового государственного образования была Италия. Главной причиной подобного отношения был заключенный в 1915 г. между Италией и странами Антанты Лондонский договор. Тогда в 1915 г. итальянцы запросили слишком много за свое участие в войне. Страны Антанты вынуждены были пойти на уступки и пообещать Италии существенные территориальные приобретения. «Договор, по которому Италия примкнула к союзникам, предусматривал аннексию территорий, населенных другими народами, не состоявшими ни в каком родстве с итальянцами»⁶,—писал в своих мемуарах Ллойд Джордж. Столь высокая цена уже тогда не устраивала союзников. Г. Никольсон⁷ так описал в своих воспоминаниях процесс заключения договора: «Чувствительные люди из Форейн оффис вступили в эти переговоры без всякой радости. Во-первых, у них было предчувствие, что Италия в качестве союзницы может доставить больше беспокойства, чем она того стоит. Во-вторых, они не испытывали никакого удовольствия, обещая за итальянское предательство такую громадную цену, причем за счет тех именно, кого Италия собиралась предать. Сэр Эдуард Грей был настолько не удовлетворён поведением и требованием Италии, что удалился к себе в имение, сославшись на болезнь. Постоянный помощник министра

иностранных дел в первой своей беседе с итальянским послом позволил себе выражение, которое имело оттенок несколько презрительный и отдавало, скажем, реализмом. «Вы говорите таким тоном, — сказал посол, как будто покупаете нашу помощь». «Пожалуй, — сказал помощник министра, — так оно и есть»⁸.

Согласно договору из славянских земель Австро-Венгрии Италии должны были отойти Горица, Градишка, Триест, вся Истрия до залива Кварнеро, Далмация. Подобное послевоенное расширение Италии не устраивало страны Антанты. Аппетиты итальянцев напротив возросли, теперь они хотели, чтобы в их оккупационную зону помимо перечисленных территорий вошли такие города как Вена, Грац, Линц, Зальцбург и Любляна, для чего у них уже было подготовлено пять дивизий. Нежелание союзников незамедлительно выполнить обещанное, раздражало итальянцев. Ллойд Джордж отмечал, что такое настроение было понятно, поскольку «Италия в течение почти целого столетия боролась и сражалась за свое будущее и жизненные границы; симпатии Англии и Франции всегда были на ее стороне, а теперь какое-то неожиданно появившееся на свет государство, о котором никто не слыхал до войны и отдельные части которого были злейшими врагами союзников, вдруг получило монополию на их симпатии и поддержку»⁹.

Обнародование договора вызвало волну возмущения славянских народов, территории проживания которых, были непосредственно в нем затронуты. Поэтому еще в апреле 1918 г., итальянцы подписали с представителями югославянских народов так называемый «Римский договор». «Капоретто»¹⁰ научило итальянцев, что следует кое-что предпринять, — писал Никольсон, — чтобы ослабить враждебность со стороны югославов, сеньор Орландо, который к тому времени стал премьер-министром, побудил нескольких депутатов образовать комитет для примирения. Под эгидой спокойного шотландца д-ра Сетона Уотсона, при настойчивом содействии горячего сторонника европейской солидарности г. Уикхема Стида был установлен контакт в Лондоне между г. Трумбичем — представителем югославянского комитета и г. Торре — представителем итальянского парламента. 10 апреля 1918 г. был заключен Римский пакт между этими двумя авторитетными, хотя и не уполномоченными официально, представителями. По этому

пакту итало-югославские противоречия должны были быть разрешены на основе национального принципа»¹¹. Этот договор был скорее демонстрацией лояльности и дружелюбия, нежели серьезным документом. В нем в частности отмечалось, что объединение и независимость югославянских народов — жизненный интерес Италии, как впрочем, и окончательное объединение итальянского народа — интерес югославянских народов. Но в договоре ничего не говорилось о границах между двумя государствами, оговаривался только принцип разграничения по национальному признаку. Национальным меньшинствам, которые остались бы за пределами национальных государств договор обещал равноправие¹². Подписание договора ни к чему не обязывало, и должно было стать временным успокоителем для возрастающего национального движения.

После заключения перемирия 3 ноября 1918 г. в Падуе между Австро-Венгрией и Италией, итальянская армия получила право от имени Антанты занять все территории до линии определенной Лондонским договором¹³. 6 ноября итальянская армия подошла к Горице, а к середине месяца пересекла линию, установленную Лондонским договором, заняв часть Внутренней Крайны.

В начале ноября итальянцы направили в Триест, Пулу, Котор, Сплит, Задар войска и корабли. Триестская газета «Единость» описывала это так: «Около четырех пополудни на горизонте показался дым и к пяти часам корабли пристали к берегу к пирсу св. Карла. Когда корабли пришвартовались, их встречали криками «Да здравствует Италия!», на что слышался ответ: «Да здравствует итальянский Триест!». Женщины встречали корабль с цветами. С кораблями прибыл вице-маршал Карло Петиттудиди ди Рорето, назначенный военным комендантом в Триесте»¹⁴.

С первых дней итальянцы дали понять, кто хозяин на оккупированных территориях. В качестве представителей югославского государства и от имени Национального совета СХС военного коменданта приветствовал господин Рибарж, он поблагодарил итальянский народ за быструю интервенцию, которая позволит восстановить мир и порядок в Триесте. Генерал ответил, что ему приятно видеть такое патриотически настроенное и единое население Триеста, и выразил пожелание, чтобы такие настроения сохранялись¹⁵.

Его ответ на приветствие Рибаржа, показал, что он неплохой дипломат. «Он ничего не сказал о нас, о полноценном автономном меньшинстве, выразив только свою радость от увиденного единства населения, и высказав надежду, что так будет и впредь, и что это единство не разрушат политические страсти и споры. На наш взгляд речь идет об оккупации»¹⁶, — писала «Единост».

Итальянское командование начало устанавливать политическую власть в Далмации, Хорватском Приморье и Юлийской Крайне, распуская местные комитеты Народного веча. Так в Триесте был распущен краевой Народный совет, состоявший из представителей словенских политических партий, и власть предана итальянскому «Комитету общественного спасения»¹⁷, состоявшему из итальянских буржуазных партий и итальянской социалистической партии. Вскоре к Комитету присоединились и представители словенского Национального совета. Голод, беспорядки и страх перед отступающей австрийской армией побудил членов Комитета направить в Венецию делегацию с просьбой к силам Антанты занять город. В делегацию входили итальянские националисты и социалисты, а также словенский социальный демократ Йосип Ферфолья.

На пленарном заседании Народного веча в Загребе, состоявшемся 23 ноября 1918 г. были заслушаны выступления представителей Словении, Далмации и Истрии, которые рассказали о ситуации, сложившейся на этих территориях после вторжения Италии. Словенский депутат Крамер заявил, что Италия собирается захватить всю Словению¹⁸. 13 ноября были получены сведения, что итальянские войска в размере одной пехотной дивизии начали продвижение от Триеста к Любляне, и возле Вырхники они перешли демаркационную линию, установленную договором о перемирии с Австро-Венгрией. Таким образом, под угрозой оккупации оказалась вся Люблянская долина¹⁹. Благодаря действиям сербского подполковника М. Швабича, который был командующим сербскими отрядами в Словении, итальянцев удалось остановить. Он послал командующему итальянской армии ультиматум, в котором указал, что от имени союзников и Народного веча Государства СХС, он получил приказ остановить итальянскую армию и защитить эти территории от вторжения. Швабич также отметил, что если дойдет до пролития крови, сербские силы в этом не будут ви-

новаты²⁰. Командующий 3-ей армией ответил, что итальянские войска случайно пересекли границу, неправильно прочитав карту. На этом инцидент был исчерпан. В Верхней Крайне попытки итальянцев занять Верхнесавскую долину предотвратили отряды национальной самообороны из Есенице. Итальянцы заняли Белу Печ в Каринтии, дошли до Планицы и почти до Ратеч, а также заняли Вршич²¹.

Вторжение итальянских сил несло прямую угрозу национальным правам славянского населения, проживающего на этих территориях. Осознавая опасность надвигающейся ассимиляции, Народное вече обратилось за помощью и поддержкой к странам Антанты, которые будучи связанными Лондонским договором с Италией не спешили идти на помощь «нейтральному» Государству словенцев, хорватов и сербов, возражая только против захвата территорий выходящих за рамки Лондонского договора. Национальный совет 4 ноября обратился к президенту США, как к защитнику интересов малых народов и борцу за идею о самоопределении народов. В телеграмме отмечалось, что «Италия нарушает предложенные принципы, оккупируя наши земли»²².

Оккупация приморских районов проходила спокойно и мирно. Сначала приезжали небольшие группы итальянских офицеров с тем, чтобы проконтролировать процесс выполнения перемирия и проследить за отступлением австрийской армии, затем подходили основные силы. Так, например 9 ноября в Постойне итальянского полковника, который прибыл «на осмотр», как представителя «союзнического» государства приветствовал глава словенского Национального правительства Погачник. Полковник, пришедший в восторг от такой любезности, спустя несколько дней послал в город свою армию, которая вошла, с оркестром впереди, и вопреки протестующим заявлениям, что она пересекла демаркационную линию, там и осталась²³.

В ноябре 1918 г. в специальном обращении на словенском языке от имени итальянского государства словенцам было обещано уважительное отношение к национальным традициям и культуре, которое будет подкреплено созданием большего количества школ, чем во времена Австро-Венгрии. В нем в частности говорилось: «Словенцы! Италия великая страна свободы, вам она даст те же права, что и своим гражданам. Даст вам

больше школ с вашим национальным языком, чем вам дала Австрия. Будет сохранена ваша вера, поскольку католическая вера — это вера всей Италии. Словенцы, будьте уверены, что великая, победившая Италия позаботится о своих гражданах, не взирая на их национальность»²⁴. Из текста обращения видно, что Италия, прежде всего, хотела предстать в качестве освободительницы, а не оккупанта. Одновременно с этим заявлением военное правление по указанию правительства и Генерального штаба начало наступление на все общественные проявления славянства и оказало поддержку итальянским антиславянским манифестациям. Делалось это с целью превратить Юлийскую Крайну к началу работы мирной конференции в итальянскую провинцию. В связи с этим была ограничена деятельность словенских культурных обществ, запрещалось использование югославянской символики.

Горица, Градишко, часть Внутренней Крайны, Триест и Истра составили единую административно-политическую единицу Юлийская Крайна (regione Venezia Giulia). Юлийской Краиной как говорилось выше, управлял командующий 3-ей армией генерал Карло Петуттиди Рорето. В августе 1919 г. военное правление было заменено гражданским под руководством гражданского комиссара Антонио Маскони. До конца 1922 г. руководство Юлийской Крайны было подчинено Центральному отделению для новых провинций (Ufficio Centrale per Le Nuove Provincie). Губернатор Юлийской Крайны согласно указу от 25 ноября занимался исключительно административными делами. Его деятельность не была независимой, все вопросы он должен был решать при содействии военного командования 14-го армейского корпуса, командующий 14-м армейским корпусом в свою очередь подчинялся командованию 3-й армии.

Во время оккупации итальянские войска действовали в соответствии с реалиями военного времени. Сразу же были изданы указы о разоружении населения, о введении военных судов, цензуры печати, запрещалось пересекать демаркационную линию и передвигаться по Юлийской Крайне без специального разрешения²⁵. Указом от 26 ноября словенцам и хорватам было запрещено вывешивать югославские флаги, носить кокарды с югославскими цветами. В связи с этим усилился поток беженцев с оккупированных территорий в Государство СХС.

Военное правление на оккупированных территориях длилось до 31 июля 1919 г. 1 августа было образовано Центральное отделение для новых провинций, которое возглавил Франческо Салата.

Согласно указу властей от 15 апреля 1919 г. для получения работы необходимо было письменно подтвердить свою лояльность итальянскому государству. В промежутке между 1919 г. и 1923 г. областные власти запретили употребление словенского языка на железных дорогах, в общинных управах, полиции, почте и постепенно во всех общественных учреждениях. 12 февраля 1920 г. директор почты Триеста издал указ, согласно которому в телеграммах разрешалось использовать любой язык (даже японский), кроме словенского и хорватского²⁶. В октябре 1920 г. апелляционный суд в Риме издал предписание все судебные документы готовить на итальянском языке.

3 августа 1919 г. все словенские партии на съезде в Триесте объединились в Политическое общество «Единость». Штаб-квартира располагалась в Триесте. В Горице и Истре были открыты его филиалы. Возглавил общество Йосип Вильфан. Общество позиционировало себя как организацию, которая защищала и отстаивала интересы словенского и хорватского меньшинства в Италии. То, что оно объединило различные по своему характеру политические партии, явилось причиной споров и разногласий. Так в 1920 г. Иван Райец от имени Объединения священников св. Павла потребовал разработку программы, в которой учитывались бы современные нужды и потребности рабочих и крестьян. В качестве политической цели провозглашалась автономия Юлийской Крайны. В области культуры — защита церкви, семьи и национальной школы. В январе 1920 г. был оформлен Крестьянско-рабочий союз²⁷. В 1920 г. словенское приморское духовенство по предложению священника Виргилия Шчека обновило организацию Объединение священников св. Павла (которое впервые было образовано в 1899 г.). Эта организация имела своей целью объединить хорватских и словенских священнослужителей в Италии, не столько на основе веры, сколько на фундаменте национальной культуры. Общество занималось и сохранением словенского языка.

После аннексии, которая была ратифицирована 5 января 1921 г. итальянское законодательство в полном объеме рас-

пространилось на Юлийскую Крайну, в первую очередь это касалось избирательного права²⁸. Первые выборы в палату депутатов, в которых приняли участие словенцы и хорваты, состоялись 15 мая. В Триестском и Истрском округах общество «Единость» потерпело поражение. Христианские социалисты обвинили в этом руководство общества, которое не выдвинуло на выборах политической программы. Однако руководство придерживалось мнения, что нужно быть над политикой, абстрагироваться от партийных программ и защищать общие национальные интересы. В парламент прошло пять депутатов, где они представили программное заявление словенцев и хорватов. В нем они отметили, что «итальянские граждане югославянской национальности осознают свое положение, т.е. принадлежность югославскому народу и итальянскому государству одновременно, и готовы принять все последствия, которые из этого вытекают²⁹. В парламент прошло четыре словенца: Йосип Вильфан, Виргил Шчек, Карол Подгорник, Йосип Лавренчич и хорват Уликсе Стангер.

Что касается процесса установления югославо-итальянской границы, то этот процесс был очень длительным. В своих воспоминаниях Никольсон записал, что центральной проблемой мирной конференции стал вопрос Адриатики, «или в более широком понимании, позиция Италии... Вот предмет, который отличается последовательностью во времени, имеет относительную целостность и, безусловно, в неприкрытой форме отражает противоположность между надеждами Нового света и стремлениями Старого»³⁰. Конфигурацию границ начали обсуждать на Парижской мирной конференции и продолжили в ходе югославо-итальянских двусторонних переговоров. Югославская делегация настаивала на том, чтобы была сохранена старая австро-итальянская граница, если бы конференция одобрила этот план, то Триест и Горица стали бы югославскими городами, чего соответственно не могли допустить союзники и Италия в первую очередь.

В ходе конференции Орландо заявил, что «лично он не признает Королевства сербов-хорватов-словен(цев)³¹. Больше того он считает хорватов и словен(цев), то есть как раз те народы, об установлении границ с которыми идет речь, врагами... Конференция должна решить. Может ли вопрос о границах между неприятельской и союзной страной обсуждаться

в присутствии неприятеля»³². А Никольсон в своих воспоминаниях записал следующее: «В глазах итальянцев хорваты и словены были самыми заклятыми из всех врагов. Барон Соннино по приезде в Париж пришел к печальному убеждению, что американцы, британцы и французы рассматривают этих освобожденных славян, как заблудших овец из стада истинно верующих, возвращение которых на путь истинный вызывало большую радость. В известной степени Италия была среди нас обломком прошлого, но то был оскорбленный обломок, с которым дурно обошлись»³³.

Американская сторона предложила так называемую «черту Вильсона», согласно которой Горица и Триест переходили Италии, Югославия получала Риеку, Словения выхода к морю не получала, однако Италия отвергла и это предложение. Переговоры продолжились и завершились подписанием Рапальского договора в ноябре 1920 г. Разграничение проходило по линии Печ — Яловец — Триглав — Можич — Порезен — Яловец — Хотдершица — Планина — Яворники-над-Церкницо — Бишка-гора — Снежник — Кастав — море. Особенно настойчивым было требование Италии относительно Снежника, являвшимся так называемым «стратегическим символом» для Италии. В неофициальном разговоре с Трумбичем министр иностранных дел Италии К. Сфорца сказал, что он поклялся единственным сыном без Снежника не возвращаться в Рим, где в случае неудачи его не оставят в живых, и он вынужден будет эмигрировать. «Признаю, говорил он, вам тяжело, вы теряете 50 тыс. человек, которые остаются за линией Вильсона, допустим их даже 100 тыс. Однако подумайте, что вы приобретаете: свою окончательную границу, а это означает консолидацию вашего государства, ваши антигосударственные элементы должны будут к этому приспособиться. Поскольку им будут подрезаны крылья; вы получите наше признание Королевства СХС, и это немало; решение черногорского вопроса будет передано на ваше усмотрение; мы гарантируем добрососедскую политику, благодаря чему итальянское правительство будет на вашей стороне в отношениях с Австрией, Венгрией, Болгарией и в дунайском вопросе. Все это говорит о полной переориентации политики в нашу пользу. Вы будете диктовать условия Риеке, поскольку ее торговое существование полностью зависит от вас». Сфорца также обещал либеральное отношение к

словенскому и хорватскому национальному меньшинствам³⁴. Таким образом, помимо Горицы, Триеста, Истры с островами к Италии были присоединены земли Внутренней Крайны включая города Идрия, Випава, Синожече, Постойна, Св. Петр на Красе и Иллирска Бистрица, а на севере Италии согласно Сен-Жерменскому договору, заключенному 10 сентября 1919 г. перешли Каналска долина с г. Трбиж. Что касается численности славянского населения, то на захваченных Италией территориях проживало 360 тыс. словенцев и 160 тыс. хорватов³⁵. Рапальский договор практически не предусматривал защиты прав словенцев и хорватов в Италии, зато в нем содержалась седьмая глава, которая защищала права итальянцев Далмации.

17 октября 1922 г. Юлийская Крайна в качестве единой области стала составной частью Королевства Италия. Королевским решением от 18 января 1923 г. она была разделена на области таким образом, что словенцы нигде не составили большинства. В начале двадцатых годов начался рост фашистского насилия. В Триесте фашистское движение начало функционировать в 1919 г. Фашисты не признавали прав нацменьшинств и считали славян низшей расой. 13 июля 1920 г. был сожжен словенский Народный дом в Триесте. Но этим дело не ограничилось. Была сожжена типография газет «Ил лавараторе» (Работник «Il lavoratore») и «Дело», были совершены нападения на типографию общества «Единост». В селах уничтожались национальные школы, дома культуры, библиотеки. Решением жупана Триеста от 20 февраля 1922 г. были запрещены хорватские и словенские надгробные надписи. Также было запрещено ношение словенских народных костюмов, использование национальных цветов, пение народных песен³⁶.

Но эти действия, направленные на денационализацию, не останавливали словенцев в своем стремлении сохранить свою культуру и национальную идентичность. Примером того явилось издание новых газет на словенском языке. Помимо газет «Единост» и «Горишка стража» появились: левая газета «Дело» (1920—1926), «Младика» (1920—1922) и юмористическая газета «Чук на палице» (1922—1926).

Словенская политическая жизнь также не остановилась. В 1922 г. в обществе «Единост» начался раскол. Представители Горицы заявили о создании своего Политического общества «Единост». Однако и это общество в 1923 г. раскололось после

того, как его возглавили христианские социалисты во главе с Энгельбертом Беседняком и Виргилом Шчеком. Далее «Единость» Горицы вместе с Политическим обществом хорватов и словенцев в Истрии, которое в декабре 1922 г. под руководством Боже Милановича отделилось от триестского общества «Единость» образовали Верховный совет христианско-социальных организаций³⁷. Однако наибольшую популярность в Юлийской Крайне получило триестское отделение «Единости». Оно просуществовало до 1928 г. Большинство его политических лидеров эмигрировало. Общество «Единость» в Горице совместно с Крестьянско-рабочим союзом официально не были распущены. Однако с приходом к власти фашистской партии вынуждены перейти на нелегальное положение.

Когда к концу 1920-х гг. фашистский режим запретил деятельность культурных и политических словенских организаций, функционировать продолжала только христианско-социальная организация, которая была весьма популярна и имела много сторонников. Ее деятельность на протяжении всего межвоенного периода поддерживало Королевство Югославия.

В 1924 г. состоялись парламентские выборы. Проходили они по новому закону о выборах, согласно которому партия, которая получила четверть голосов в парламенте, занимала две трети мест, оставшаяся треть мест должна была быть поделена пропорционально между другими партиями. Парламентская оппозиция весной 1924 г. покинула парламент (в протест против убийства депутата от социалистов Матеотти). Вильфан и Беседняк совместно с немецкими депутатами решили не участвовать в бойкотировании и, проявив формальную лояльность, продолжать отстаивать свои национальные интересы. Что касается словенских социалистов, (которые присоединились сначала к социалистической партии Италии, а в 1921 г. вступили в Коммунистическую партию Италии), на выборах в 1924 г. два депутата от партии вошли в парламент, один из них был словенец Йоже Сребрнич. Изначально партия не рассматривала национального вопроса как такового, но впоследствии их взгляды изменились. Социалисты согласились с тем, что словенцы, хорваты и итальянцы Юлийской Крайны имеют право на самоопределение, включая право на отделение и присоединение к другому государству или создание собственной независимой республики.

После заключения договора между Королевством СХС и Италией 27 января 1924 г. главы обоих отделений «Единости» выразили Муссолини удовлетворение и пообещали полную лояльность словенского и хорватского населения. Вильфан считал, что фашизм — это итальянское внутреннее дело, которое не касается представителей меньшинств, которые имеют совершенно иную миссию, поэтому лучше подождать, «чтобы лев окончательно умер сам»³⁸. В 1928 г. все государство было провозглашено единым избирательным округом, таким образом, словенцы и хорваты остались без своих представителей в парламенте.

Однако приход к власти фашистов привел к трагическим последствиям. На словенском языке было запрещено говорить в судах и учреждениях, вывески и надгробия были только на итальянском, а перед началом Второй мировой войны словенский язык был выведен из употребления и в церквях. Географические названия и личные имена были итальянизированы. К 1928 г. итальянские власти распустили 500 обществ и закрыли 450 библиотек. Тоже самое произошло и с газетами. 23 мая 1924 г. был принят закон, согласно которому запрещалось использовать радиоприемники без специального разрешения гражданских и военных властей.

К концу 1921 г. фашисты в Юлийской Крайне разрушили 134 здания, большинство из них были культурные учреждения и школы. А после прихода к власти фашистов было снесено около 400 словенских и хорватских школ. Словенский, хорватский и немецкий языки в школах изучались, но это были дополнительные часы, которые вводились по просьбе родителей. Но в 1925 г. и они были отменены. С 1927 г. все школы стали итальянскими. Славянских учителей либо увольняли, либо отправляли на пенсию. Большинство из них бежало в Югославию³⁹. В 1923 г. была проведена школьная реформа. Для Италии она означала обновление старой системы основного образования, для национальных меньшинств — запрет деятельности национальных школ. Согласно реформе было решено, что в учебном 1923—1924 году в первых классах начальных школ будет изучаться только итальянский язык. На следующий год запрет распространился и на вторые классы. К учебному году 1928—1929 гг. словенский и хорватский язык были полностью исключены из школьной программы. На сербохорватском

языке продолжала работать только одна основная школа сербской православной церковной общины, но ее имели право посещать только дети югославских граждан⁴⁰.

В 1926 г. было распущено Словенское объединение учителей (Slovensko učiteljsko združenje). 3 апреля 1926 г. введен закон о воспитании молодежи, что предусматривало вовлечение детей в фашистские молодежные организации. В школах вводилась военная подготовка. Налагался запрет на распространение славянских книг и отсылку детей для обучения в школы за границей⁴¹. Для воспитания словенской и хорватской молодежи были созданы специальные организации. Для дошкольников существовала организация «Национальная лига» (Lega nazionale), которая в 1929 г. взяла под свой контроль все детские сады и курсы итальянского языка для детей. Кроме того для детей этой же возрастной категории функционировала организация «Дочери волка» (Figlia della lupa), для школьников мальчиков организация «Таблица» (Balilla). Для девочек школьного возраста «Маленькая итальянка» (Piccole Italiane), для юношей от 14 до 18 лет «Фашистский авангард» (Avanguardia fascista), для девушек того же возраста «Молодые итальянки» (Giovani Italiane).

В 1924 г. на территории Юлийской Крайны возникла словенская организация ТИГР (название она получила по главным буквам Триест, Истра, Горица, Риека). Члены организации ставили перед собой задачу террористическими действиями привлечь общественность и уstrasить организаторов и исполнителей политики денационализации. Словенцев они призывали к сопротивлению и вселяли в них надежду на воссоединение. Их основными акциями были: поджог фашистских детских садов, школ, было несколько вооруженных нападений на участки фашистской полиции. Первый крупный суд над членами ТИГРа состоялся в 1929 г. в Пуле. К повешению был приговорен Владимир Гортан за убийство полицейского, четверых соучастников приговорили к 30 годам лишения свободы. В 1930 г. после взрыва в редакции фашистской газеты «Ил пополо ди Триесте» (Il Popolo di Trieste) организация в целом была раскрыта, ее руководители представители триестского отделения ТИГР «Борба» Фердо Бидевец, Фран Марушич, Звонимир Милош и Алойз Валенчич предстали перед судом и были приговорены к расстрелу. В 1926 г.

была создана тайная фашистская полиция для борьбы с антифашистами, известная под названием ОВРА (*Opera vigilanzna repressione antifascista*). Законы о защите государства 1926 г. вводили смертную казнь для противников режима. В апреле 1926 г. вышел закон, который запрещал «организации, которые пытаются препятствовать национальной ассимиляции Юлийской Крайны»⁴². Сюда попадали Политическое общество «Единость», «Словенское школьное общество», Союз физкультурных обществ и др.

В июне 1927 г. в Триесте прошла конференция секретарей фашистской партии. На конференции было заявлено, что «славянские учителя, славянские священники, славянские общества и т.д. являются анахронизмом на территориях, которые были аннексированы»⁴³. В связи с этим было постановлено провести всестороннюю итальянизацию захваченных областей, что подразумевало ликвидацию последних славянских школ, газет, журналов и организаций. Словенский и хорватский языки получили статус «итальянского наречия». Решения конференции явились венцом восьмилетней политики денационализации Италии на аннексированных территориях.

Проводившаяся на аннексированных территориях политика итальянских властей была направлена на искоренение словенской национальной культуры и самобытности. Процесс итальянизации затрагивал все стороны жизни проживающего на этих землях славянского населения. В 1920-е гг. была проведена основная работа по денационализации присоединенных к Италии территорий. Следует отметить, что методы работы с населением и риторика были в дальнейшем использованы во время итальянской оккупации словенских территорий в годы Второй мировой войны. Как видно из всего выше сказанного славянское население Юлийской Крайны было незащищено международными договорами, что развязывало руки итальянским властям, стремившимся полностью искоренить славянский элемент на захваченных землях. Однако, несмотря на тяжелые условия, гонения и преследования, словенское национальное меньшинство (которое так и не было официально признано меньшинством) продолжало сохранять традиции, язык и культуру. Главным лозунгом стало: «Если вы закрываете словенские школы, то школой станет каждая словенская семья».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История дипломатии. М., 1945. Т.2. С.359.

² *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963. С.301.

³ Там же. С.326.

⁴ Edinost. 6.01.1918.

⁵ В этом манифесте говорилось: «Австрия должна стать союзным государством, в котором каждый народ должен образовать на своей территории собственное государство. Созданные из депутатов рейхсрата каждой нации национальные правительства должны регулировать взаимные интересы и осуществлять связь с моим правительством». — (*Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963. С.330)

⁶ *Ллойд.Д.* Правда о мировых войнах. М., 1957. С.19.

⁷ Гарольд Никольсон (*Harold Nicolson*, 1886—1968) — английский дипломат, политик, историк. Участвовал в работе Парижской мирной конференции (1918—1920). Работал в Лиге Наций.

⁸ *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С.135.

⁹ *Ллойд Д.* Правда о мировых ... С.34

¹⁰ Битва при Капоретто (24 октября — декабрь 1917 года) — наступление австро-германских войск на позиции итальянской армии во время Первой мировой войны, одно из крупнейших сражений времен Первой мировой войны.

¹¹ *Никольсон Г.* Как делался мир ... С.136—137.

¹² *Ferenc T., Kacin Wobinz M., Zorn.* Slovenci v zamejstvu. Ljubljana, 1974. S.20—21.

¹³ Итальянцы заняли территории до линии, определенной Лондонским пактом Трбиж — Предел — Мангарт — Подбордо — Идрия — Снежник — Кварнер, в начале ноября дошли до Горицы и Триеста.

¹⁴ Edinost. 4.11.1918.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Писарев Ю.А.* Образование югославского государства. М., 1975. С. 326.

¹⁸ *Zapisnici Središnjeg odbora Narodnog vijeća Slovenaca, Hrvata i Srba u Zagrebu.* Zagreb, 1958. Knj. 48. S.371—372.

¹⁹ *Kacin Wobinz M.* Primorski slovinci pod italjansko zasedbo. Ljubljana, 1972. S.70.

²⁰ Ibid. S.72

²¹ *Нечак Д., Пене Б.* Перелом: 1914—1918 гг. Любляна, 2012. С. 359.

²² Edinost. 5.11.1918.

²³ *Нечак Д., Пене Б.* Перелом...С.351.

²⁴ Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866—2004. Koper, 2004. S. 63.

²⁵ Edinost. 17.11.1918.

²⁶ Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji ... S. 65.

²⁷ *Kacin Wobinz M.* Narodnoobrambno gibanje primorskih slovincencev: 1921—1928. Koper, 1977. S. 34.

²⁸ *Kacin Wobinz M.* Slovenci v Italiji/ Slovenska novejša zgodovina. 1848—1992. Ljubljana, 2005. S. 520.

²⁹ Ibid. S. 531.

³⁰ *Никольсон Г.* Как делался мир ... С.134.

³¹ Исправление автора.

³² *Ллойд Д.* Правда о мировых ... С.46.

³³ *Никольсон Г.* Как делался мир ... С.139.

³⁴ *Нечак Д., Рене Б.* Перелом... С. 366.

³⁵ *Bajc G., Pelikan E.* Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918—1941). Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866—2004. Ljubljana, 2004. S.67.

³⁶ *Bajc G., Pelikan E.* Od konca prve do ... S.69.

³⁷ *Kacin Wobinz M.* Slovenci v Italiji. S. 530.

³⁸ Ibid. S. 533.

³⁹ *Nečak D., Repe B.* Kriza. Svet in slovinci od prve svetovne vojne do sredine tridesetih let. Ljubljana, 2008. S. 234—235.

⁴⁰ *Bajc G., Pelikan E.* Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918—1941). Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866—2004. Ljubljana, 2004. S.73.

⁴¹ *Bajc G., Pelikan E.* Od konca prve do začetka druge... S.82.

⁴² Ibid.

⁴³ *Ferenc T., Kacin Wobinz M., Zorn.* Slovenci v zamejstvu. S. 68.

К.В. НИКИФОРОВ

(МОСКВА)

Судьба общерегиональных национальных меньшинств на Балканах после Второй мировой войны

Под национальным (этническим) меньшинством обычно понимают группу граждан того или иного государства, не принадлежащих к коренной (титульной) национальности и осознающих себя национальной общиной. Эту группу отличает общность происхождения, своеобразие культуры, религии, языка и стремление сохранить свою идентичность. В любом случае речь идет о жителях одного государства, а не целого региона.

Однако в межвоенный период прошлого века на территории Балкан насчитывалось несколько общерегиональных национальных меньшинств, то есть меньшинств одной национальности, проживавших во всех государствах региона. Назовем, по крайней мере, три подобных меньшинства — евреи, немцы и цыгане*. Эти меньшинства проживали также во всей понимаемой широко послевоенной Восточной Европе (то есть в нынешней Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе). Они иногда даже отличались по происхождению, культуре, языку, но этническое самосознание у них было общим.

Проблема национальных меньшинств неразрывно связана с их защитой. Как это часто бывало в упомянутом регионе, первыми защиту национальных меньшинств законодательно закрепили власти Австрии еще в 1867 г. Но еще почти за сто

* Следующие за немцами, евреями и цыганами национальные меньшинства — например, армяне и турки — количественно заметно уступают им и, к тому же, присутствуют не во всех балканских странах или присутствуют в них совсем незначительно. И таким образом, общеполитическими национальными меньшинствами их назвать все же нельзя.

лет до этого, согласно Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., Россия получила право покровительства над турецкими славянами, после Крымской войны 1853—1856 гг. такое право перешло ко всем европейским великим державам. Однако системы защиты национальных меньшинств в международном праве так и не сложилось.

Судьбы у многих национальных меньшинств были трагическими, и в полной мере это относится к упомянутым нами трем общерегиональным балканским меньшинствам, чьи судьбы были даже в чем-то схожи. Обстоятельства накануне, во время и после Второй мировой войны оказались для двух из них роковыми, а третье — было сильно подорванным и до сих пор является в регионе наиболее сильным раздражителем для большинства населения балканских и центрально-европейских стран.

Прежде всего, с войной, как известно, связана трагедия европейского еврейства. Холокост существенно изменил этническую картину всего европейского континента, но особенно его восточную часть.

К началу XX в. общая численность евреев оценивалась примерно в 11 миллионов. Из них 46 % (около 5,2 млн) жило в пределах Российской империи, в основном на территории современных Польши, Украины и Белоруссии. Еще около 30 % проживало в других странах Европы. В годы войны были уничтожены около шести миллионов евреев. Это число закреплено в приговорах Нюрнбергского трибунала.

В Восточной Европе доля еврейского населения сократилась после войны до 0,9 %. В Венгрии, своего рода центре восточноевропейского еврейства, осталось всего 1,5 % евреев.

Балканские евреи разделили общую судьбу. В Югославии из 80 тыс. евреев погибло 66 тыс. или 82 %. В Греции из 80 тыс. довоенных евреев осталось 10 тыс. В Болгарии, союзнике Германии, до войны было около 50 тыс. евреев, и они не пострадали. Пострадали, были депортированы в лагеря смерти 8 тыс. евреев из Македонии и 5 тыс. из Фракии. Относительно благоприятно, по сравнению с другими странами, сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57 % довоенного еврейского населения¹. Но потом, десятилетия спустя, и из Румынии начался отток евреев. И если до войны в этой стране было 750 тыс. евреев, то в начале XXI в. их осталось менее десяти тысяч².

Не стала исключением и Россия. Как известно, к концу XIX в. в Российской империи существовала самая большая в мире еврейская община. Сегодня же в России осталось около 180 тыс. евреев. Фактически это означает конец того многогранного явления русско-еврейского симбиоза, которое А.И. Солженицын назвал «Двести лет вместе».

Пострадали также цыгане, которых целенаправленно уничтожали наравне с евреями. Считается, что нацистами и их союзниками было истреблено примерно 150—200 тыс. цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Например, на территории так называемого Независимого государства Хорватии было убито 80 тыс. цыган и более 20 тыс. евреев. Это не считая 500 тыс. сербов, и людей других национальностей³. 115 Примерно 30 тыс. погибших цыган были гражданами СССР.

Сейчас во всем мире насчитывается 8—10 млн. цыган. Из них: В Румынии — 0,5 млн, Болгарии — 300 тыс., Албании и Сербии — по 100 тыс., Боснии — 60 тыс., Хорватии — около 10 тыс. В Центральной Европе: в Венгрии — 0,5 млн, Словакии — 65 тыс. В России цыган — 220 тыс., на Украине — 50 тыс.

Самые крупные этнические чистки предстояло испытать в военные годы и особенно после завершения Второй мировой войны еще одному общерегиональному национальному меньшинству — немцам⁴. Немецкое население сначала бежало с отступающей армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польше, Чехословакии и других странах. Из депортированных немцев, преимущественно женщин, стариков и детей, далеко не все сумели добраться до Германии живыми. В Восточной Европе фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора. В силу массовости и большого влияния на этническую картину послевоенной Восточной Европы процесс бегства и депортации немецкого населения получил название «немецкого исхода».

Этот процесс «немецкого исхода» затронул и Балканы, в частности Югославию. Еще в ноябре 1944 г. новая коммунистическая власть постановила лишить гражданства все немецкое население. Это решение затронуло сотни тысяч человек. Из полумиллионной немецкой диаспоры довоенной Югосла-

вии по переписи 1948 г. в стране осталось не более 55 тыс. человек⁵.

В Воеводине (Сербия) до Второй мировой войны было около 500 тыс. немцев. По переписи 2002 г. в этом крае оставалось около 3 тыс. немцев, а во всей Сербии их насчитывалось менее 4 тыс. Одновременно в Воеводину в рамках так называемой аграрной реформы и колонизации на опустевшие и конфискованные земли переселили более 40 тыс. семей из Боснии, Черногории, Македонии, Хорватии и других республик⁶. Еще около 28 тыс. немцев проживало до войны в Словении. Они также практически полностью были высланы. Из Хорватии, в основном из Славонии, изгнали около 90 тыс. немцев. В Славонию в рамках программы колонизации также переселяли жителей из других регионов Югославии⁷.

Исключение в первые послевоенные годы составила Румыния, где оставалось три четверти немецкого населения⁸. Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску. В итоге из 760 тыс. довоенного немецкого населения сейчас в Румынии осталось только 60 тыс.⁹

Помимо прямого уничтожения и депортаций, имелся и идейный фактор, препятствовавший сохранению национальных меньшинств и, наоборот, способствовавший ассимиляции. Дело в том, что отношение к национальным меньшинствам было подспудно подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту своего меньшинства в ряде сопредельных стран. Параноидной боязнью появления «пятых колонн» из национальных меньшинств объяснялись во многом и сталинские депортации целых народов (затем появился мотив их наказания за действительные или мнимые прегрешения).

В результате в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп... Так или иначе ... в регионе многие, отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав»¹⁰. Очень показательным стал отказ включить права национальных мень-

шинств во Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. И с обоснованием этого было, в частности, индивидуалистическое понимание прав человека.

В послевоенное время пример попыток насильственного изменения этнического состава балканской страны дает, например, живковская Болгария, когда в конце 1984 — начале 1985 гг. более 850 тыс. болгарских граждан в результате административного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на болгарские¹¹. Такое искусственное превращение турок и потурченцев в болгар привело к тому, что в 1989 г. около 300 тыс. болгарских турок покинуло страну и переместилось в Турцию. Переселенцев было бы еще больше, если бы Турция не закрыла границу¹².

Характерно, что в своих мемуарах Т. Живков не только оправдывал проводимый им курс, но и критиковал своих предшественников Г. Димитрова и В. Червенкова. Получив, по его словам, в наследство проблемы, связанные с турками, болгарскими мусульманами и цыганами, они не только не нашли решения этих проблем, но их усугубили. Они осуществляли «абсурдную политику» формирования многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозным признакам, и по образу жизни¹³.

В словах Т. Живкова не было ничего странного, как могло показаться на первый взгляд. Известны и слова В. Гомулки, из страны с другого полюса советского блока, о том, что нет худа без добра, и Польша из войны вышла фактически моноэтническим государством.

Все это не случайно. Нам уже доводилось писать, что фактически везде в Восточной Европе наблюдалась тенденция создания монолитных в этническом отношении государств. И в этом — существенное отличие Восточной Европы от Западной. После Второй мировой войны фактически исчезли два общих для стран этого региона национальных меньшинства — евреи и немцы. Ослабленным оказалось и третье национальное меньшинство — цыгане. Отъезд в самое последнее время многочисленных болгарских, румынских и других цыган с востока на запад континента уменьшает многоэтничность на востоке и увеличивает ее на западе, показывает, что отмеченная нами тенденция продолжает существовать.

«Многоэтничность Юго-Восточной Европы еще недавно была чем-то очевидным: недаром ее обозначали расхожим итальянским выражением *macedonia di frutta*, “фруктовая смесь”, пишет немецкий ученый Ш. Трёбст. Прекрасным примером этого, по его мнению, служит греческий город Салоники. Некогда «светская секуляризованная многоязычная столица европейской Турции за несколько десятилетий превратилась в моноязычный и моноконфессиональный промышленный город, населенный вчерашними крестьянами, практически лишенный пригородов и к тому же расположенный на северной окраине маленького национального греческого государства»¹⁴. В данном случае Греция, конечно, часть Балкан и понимаемой широко Восточной Европы, а не западной части континента, хотя она и оказалась в западном блоке биполярного мира.

Подобная тенденция ярко проявилась и во время распада Югославии, который сопровождался чередой межэтнических гражданских войн, в результате которых этническая карта югославского пространства была полностью изменена.

Советский Союз, подписав в 1975 г. Заключительный акт Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки, подтвердил тем самым и свои обязательства в области международно признанных прав человека. Но, конечно, это была всего лишь декларация. Другое дело, что вторая глава Конституции РФ 1993 г. уже целиком посвящена правам и свободам человека и гражданина. Вступив в Совет Европы в 1996 г., Россия еще раз обязалась соблюдать Европейскую конвенцию по правам человека. Но как защищать коллективные права людей, объединенных, в частности, по этническому признаку, в этих документах фактически не говорится. Подобный подход долго считался консервативным, если не реакционным, ведущим к национализму и т.п.

Могут возразить, что коллективные национальные права защищаются в федерациях, устроенных по этно-территориальному принципу, таких как бывшие Югославия и СССР или современная Российская Федерация. Однако при таком устройстве скорее защищаются права республик и их руководства, а их нетитульное население превращается уже в новое незащищенное национальное меньшинство. И события, происходившие на постсоветском и постюгославском простран-

тве после распада СССР и СФРЮ, это в полной мере подтверждают.

Кстати, именно события первой половины 1990-х годов, когда разразились этнические конфликты на территории бывшего СССР и особенно бывшей Югославии, заставили мировое сообщество обратить более пристальное внимание на права национальных меньшинств.

В 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, а СБСЕ (ныне — ОБСЕ) создало пост Верховного комиссара по делам национальных меньшинств. Совет Европы принял Хартию региональных языков в 1992 г. и Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств в 1995 г. (обе вступили в силу в 1998 г.); страны СНГ в 1994 г. приняли Конвенцию об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Тем не менее, права национальных меньшинств и сегодня не всегда защищены должным образом — достаточно вспомнить о новой категории «неграждан» в Латвии и Эстонии.

В любом случае почти все государства в Восточной Европе стремятся в наши дни к моноэтничности. Так, фактически моноэтническими оказались государства, возникшие на пространстве бывшей Югославии. Это касается не только Словении, ставшей моноэтнической еще после Второй мировой войны, но и других бывших югославских республик. В Хорватии осталось не более 4 % жителей, принадлежащих к национальным меньшинствам¹⁵. Впервые за 300 с лишним лет в Хорватии не осталось территорий с компактным проживанием сербов. Еще больше это касается сегодняшней Боснии и Герцеговины, где и Республика Сербская, и обе части боснийско-хорватской федерации — Федерации БиГ — стали национально однородными. Сразу после войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10 %. Бошняки на контролируемых ими землях составляли 80—85 % населения. И, наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98 % хорватов¹⁶.

В Сербии 83 % сербов (если не считать Косово и Метохию). Само Косово, где и так было около 90 % албанцев, стало еще более моноэтническим образованием. Сейчас в крае около 95 % албанцев. В Черногории черногорцев — 45 %. Но вмес-

те с сербами, с которыми они все еще трудно делимы, их более 75 %. Поэтому и Черногория вполне вписывается в общую картину. Фактически иная ситуация наблюдается только в Охридской Македонии, где 67 % относят себя к македонцам, 29,9 % — к албанцам. Но в Македонии межэтническая война была остановлена внешним вмешательством, и дальнейшее развитие этого государства прогнозируется с трудом. Назвать Македонию мультикультурным государством невозможно, два главных этноса живут здесь не столько совместно, сколько параллельно, не смешиваясь друг с другом.

Важно еще раз подчеркнуть, что везде на постюгославском пространстве во время череды войн и их урегулирования четко прослеживалась тенденция к моноэтничности, сколько бы ни говорили об обратном (то есть о мультиэтничности и мультикультурности) многочисленные западные посредники. В то же время и насильственная мультиэтничность — по сути своей, тоже нарушение прав человека. Даже такой защитник «мультиэтнической Боснии», как историк С.А. Романенко, вынужден признать, что «насильно заставляя жить вместе народы и отдельных людей разных национальностей, которые не могут и не хотят жить вместе, отношения между которыми достигли той точки неприятия, после которой нет возврата, заставляя их ежедневно рисковать жизнью во враждебной иноэтнической среде — также является нарушением прав человека и прав национальных меньшинств, под лозунгом соблюдения которых международное сообщество пришло на постюгославское пространство»¹⁷.

Похожая ситуация, стремление к моноэтничности, отчетливо наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Болгарии болгары составляют 85,3 % населения, в Румынии румын еще больше — 89,5 %. В Греции греков — 93 %, а в Албании албанцев вообще — 95 %. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Словакии — 85,7 % словаков, в Чехии — 94,4 % чехов, в Польше — 97 % поляков, в Венгрии — 98 % венгров.

Еще раз подчеркнем: тенденция Восточной Европы к моноэтничности, особенно проявившаяся после Второй мировой войны, существенно отличает этот регион от Западной Европы, в которой особенно в послевоенный период заметно увеличилась мультиэтничность. Она даже породила идеологи-

¹¹ Подробнее об этой акции см. документы №№ 2—17, опубликованные в сб.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Том I. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов.* СПб., 2012. С. 25—70.

¹² См.: *Зудинов Ю.Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // *Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003. С. 400.

¹³ *Зудинов Ю.Ф.* Глава 11. Некоторые проблемы межэтнических отношений в Болгарии в 1944—1947 гг. // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока.* С. 487.

¹⁴ *Трёбст Ш.* Заветный город // *Отечественные записки.* № 3 (48). 2012. См.: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/t32.html>.

¹⁵ *Боич О., Сабов Д.* Мир в обмен на демократию // *Итоги.* 1996. 10 сентября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Романенко С.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв.). М., 2000. С. 493.

Е.Ю. ГУСЬКОВА
(МОСКВА)

Албанское национальное меньшинство в послевоенной Югославии

Югославия — многонациональная и многоконфессиональная страна, на протяжении последних ста лет прошедшая разные фазы построения гармоничного содружества народов. Результаты функционирования такого государства были разные — и позитивные, и негативные, но, несомненно, такой опыт является важным для изучения вариантов решения национального вопроса в многонациональных государствах.

В 1948 г. численность населения Югославии составляла 15 901 тыс. человек. В Боснии и Герцеговине проживало 2582 тыс. человек, в Черногории — 379 тыс., в Хорватии — 3788 тыс., в Македонии — 1162 тыс., в Словении — 1443 тыс., в Сербии — 6547 тыс. человек¹.

Федерация создавалась по национальному принципу — сколько наций, столько и федеративных единиц (исключением была Босния и Герцеговина). В первой Конституции ФНРЮ 1946 г. закреплялось создание шести республик, а в составе Сербии — Автономного края Воеводины и Автономной Косовско-метохийской области. Национальным меньшинствам гарантировались права свободного употребления родного языка и развития культуры, а республикам — суверенитет и безопасность. Народам предоставлялось право на самоопределение вплоть до отделения. Республики имели своих представителей в одной из двух палат в Скупщине, решения в которой принимались простым большинством голосов. Хотя интересы республик представляло Вече национальностей, уже в скором времени возобладала точка зрения, что нации в системе общественных отношений не играют какую-то особую роль. Конституция провозглашала равноправие республик, а отношения

между ними коммунистическое руководство страны пыталось регулировать по принципу паритетного представительства в органах государственной власти, в Коммунистической партии Югославии (КПЮ), армии. В Конституции Федеративной Народной Республики Югославии 1946 г. право на самоопределение народов было записано в статье 1. Повторяется это право и в Конституции 1974 г. Однако никто в республиках и в стране в целом серьёзно это положение не воспринимал. Право на самоопределение партия считала лишь гарантией равноправия югославянских народов, оно должно было объединять, а не разъединять народы, живущие идеями братства и единства.

Особенностью национальной политики послевоенной Югославии было то, что она имела не только внутреннюю, но и внешнюю направленность. Выстраивать её было трудно, т.к. с одной стороны, приходилось регулировать взаимоотношения многочисленных народов и народностей внутри федерации, а с другой, строить отношения с соседними странами, поскольку в Югославии проживали представители титульных наций других государств в качестве национальных меньшинств, и, наоборот, — в семи граничащих с Югославией странах имелись национальные меньшинства югославянских народов.

Федерацию, созданную Тито, называли федерацией равновесия, федерацией, в которой учтены интересы всех проживающих в ней народов. Появились и новые нации — македонская и черногорская, получившие свои республики. А Босния и Герцеговина образовалась из трех наций, одной из которых (мусульманской) были созданы все условия для всестороннего развития. Сербские коммунисты в соответствии с программой партии не стремились к объединению всех сербских территорий, успешно справляясь с поставленной задачей борьбы с великосербским гегемонизмом. Постановка «сербского вопроса» по мнению руководства страны, могла нарушить национальное равновесие, которое достигалось с большим трудом. Учитывая это, сербы вынуждены были согласиться с тем, что их соплеменники в Боснии и Герцеговине и Хорватии получили статус государствообразующих народов.

Естественно, встает вопрос, как можно было достичь национального равновесия в Югославии после Второй мировой войны, когда в Хорватии, например, недавно существовал концлагерь Ясеновац, в котором было уничтожено около 700 тыс.

сербов, евреев и цыган, когда в Косове и Метохии число сербского населения сократилось вдвое, когда сербское, хорватское и мусульманское население в Боснии и Герцеговине участвовало во взаимном уничтожении? Безусловно, после войны сделать это было трудно. Межнациональные столкновения во время войны оставили глубокий след в душах всех народов, особенно на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. В первые послевоенные годы всё ещё имели место случаи кровной мести, взаимной неприязни, недоверия². Натянутыми были сербско-македонские отношения из-за запрета правительством возвращаться в Македонию изгнанным во время войны сербам. Положение осложнялось неурегулированностью отношений между сербской и македонской православными церквями из-за стремления последней к автокефальности.

В Королевстве СХС албанское население было одним из самых многочисленных национальных меньшинств. На территории косовской, зетской, скопской, рашской и битольской областей в 1921 г. проживало 441 740 албанцев³.

С началом Второй мировой войны в результате расчленения югославского государства большая часть Косова Метохии, а также Западной Македонии вошли в созданную фашистской Италией Великую Албанию. Албанцы встречали немецкие и итальянские войска как освободителей, так как надеялись с их помощью осуществить мечту о едином независимом албанском государстве.

Во время войны на территории Косова, Метохии и Македонии открывались школы с преподаванием на албанском языке, создавалась албанская администрация и возрождались старая символика, населению раздавалась земля. Всё делопроизводство также осуществлялось исключительно на албанском языке. Албанцы не участвовали в антифашистской борьбе, поскольку рассчитывали использовать оккупацию края для его отделения от Сербии. Э. Ходжа объяснял, что на территории Косова не велась народно-освободительная борьба, поскольку албанцы не были уверены в том, что, «сражаясь наряду с народами Югославии против фашизма, они этим завоёвывают себе право на самоопределение для соединения с Албанией»⁴. В конце 1942 г. была создана националистическая организация «Балы комбтар» (Национальный фронт), поставившая задачу борьбы за единую этническую Албанию. Ей удалось

привлечь на свою сторону широкие слои населения. Албанцы-экстремисты, осуществив эту идею, активно выселяли с территории края неалбанское население. Мустафа Кроя, премьер-министр албанского марионеточного правительства, в июне 1942 г. открыто заявил, что «необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косова выгнать..., сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить»⁵. По данным американских спецслужб, за период с апреля 1941 по август 1942 г. албанцы убили около 10 тыс. сербов⁶.

В Призрене в сентябре 1943 г. в присутствии представителей албанцев из Косова, Черногории, западной части Македонии и Новопазарского санджака под патронатом фашистской Германии была возрождена (Вторая) Призренская лига. Эта патриотическая организация ставила задачу объединения всех балканских территорий с большинством албанского населения. Устав Лиги предполагал формирование комитетов Лиги во всех округах, вооружённых отрядов (косовские полки), а также молодёжного Комитета обороны Косова⁷.

Руководство КПЮ в конце войны столкнулось с серьезным сопротивлением албанских националистов и было вынуждено с декабря 1944 г. по февраль 1945 г. вести с ними вооруженную борьбу. Оперативный штаб сообщал в декабре 1944 г., что на территории Косова орудуют «шиптарские⁸ банды», которые находятся большей частью в горах, получая помощь и продукты питания в сёлах, которые их поддерживают. В отношении населения таких сёл предлагалось проводить репрессии. По всему краю действовали албанские контрреволюционные комитеты, которые распространяли дух неповиновения, проводили пропаганду идеи «Великой Албании», организовывали сопротивление народной власти, призывали не вступать в армию Тито. Албанские отряды сопротивления насчитывали, по разным данным, от 10 до 16 тыс. человек. Между восставшими албанцами и партизанской армией, в которой большинство составляли сербы и черногорцы, велись военные действия. Было убито около 3 тыс. албанцев⁹. Восстание удалось погасить, часть албанцев перебралась в Грецию, часть осталась в горах и продолжила сопротивление новой власти¹⁰. В начале февраля 1945 г. в Косове было введено военное управление, заменяющее гражданскую власть в крае. На должности полити-

ческого комиссара, командующего и коменданта были назначены сербы. Партийные организации Косова и Метохии также возглавляли сербы.

На первом заседании Областного народного комитета Косовско-Метохийской области прозвучало предложение о вхождении края в состав Сербии. Большая Антифашистская Скупщина Сербии в апреле 1945 г. приветствовала такие высказывания¹¹. В июле 1945 г. после отмены военного положения косовары, лояльные новой власти, собрали Областную народную Скупщину Косова и Метохии и выразили желание «всего населения области включения её в состав федеральной Сербии в качестве составной части»¹².

За время войны территорию Косова, по разным данным, покинули от 100 до 200 тыс. сербов и черногорцев, а населили около 70—100 тыс. албанцев из Албании¹³, которые так и остались в этих краях, используя благоприятную политическую обстановку в Югославии в 1944—1948 гг. Нежелание находиться в составе Сербии выражалось на многочисленных манифестациях албанского населения Косова, проходивших в 1945 г. Тито пытался успокоить ситуацию, с одной стороны, заявлением о предполагаемом вхождении Косова в состав Албании, а, с другой — освобождением албанцев от ответственности за преступления против сербского населения, совершённые ими во время войны. Весной 1945 г. И. Броз Тито говорил албанцам Косова: «Мы знаем, что вы пошли в немецкую армию, что вы воевали против нас, но это не означает, что мы призываем вас к ответственности. Мы знаем, что вас обманули, что не все были преступниками и убийцами, что 90 % из вас были введены в заблуждение, и что сейчас на нас лежит ответственность вам помочь, объяснить, к чему мы стремимся. Мы не хотим, чтобы шиптари в Косове были людьми второго или третьего сорта. Мы хотим, чтобы у вас были свои права, равноправие, свой язык, свои учителя, чтобы вы себя ощущали как в своей стране»¹⁴. 6 марта 1945 г. было принято постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания» — в Македонию, Косово и Метохию, Срем и Воеводину. Земля невернувшихся сербов и черногорцев, что составляло, по некоторым сведениям, около 25 тыс. га отдавалась албанцам¹⁵. Как отмечалось на заседании Скупщины Народной Республики Сербии в октябре 1948 г., «в Косове и Мето-

хии исправлена несправедливость, нанесённая еще до войны шиптарам, когда у них отнимали земли»¹⁶. После войны албанцы составляли большинство в Косове и Метохии: по переписи 1948 г. их численность равнялась 498 242 или 68,45 %, сербов — 171 911 или 23,62 %, черногорцев — 28 050 или 3,85 %¹⁷. В Македонии за послевоенные годы численность албанского населения также значительно увеличилась. В 1953 г. оно составляло 12,4 % от всего населения республики, а в 1991 г. — 21 %¹⁸. Особенно большой рост албанского населения происходил в общинах Куманово, Скопье и Тетово.

Известный политик, ученый и писатель, близкий соратник Иосипа Броза Тито Милован Джилас писал в своих воспоминаниях, что правительства Албании и Югославии в конце войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии». Это «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославско-албанской федерации»¹⁹. И. Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косовом, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании. Э. Ходжа подтверждал такое желание, дословно повторив слова И. Броз Тито в письме в ЦК ВКП(б): «Косово принадлежит Албании и должно быть присоединено к Албании. Мы желаем этого ото всей души, но в настоящий момент не можем этого допустить, потому что реакция великосербов еще очень сильна»²⁰.

Особый статус территориальной политической единицы Косово и Метохия получили только после образования ФНРЮ. Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косова и приносило существенное расширение автономии — от Автономной области в составе Сербии в 1945 г. до Автономного края с широчайшими полномочиями, практически равноправного с республиками субъекта федерации, в 1974 г.

Косово-Метохийская область на заседании представителей районов 25 мая 1948 г. проголосовала за Устав области, кото-

рый действовал до февраля 1953 г., когда был принят новый. Устав 1948 г. подтверждался Народной скупщиной Сербии. Верховными органами народной власти в Косове и Метохии определялись Областной народный комитет и Областной исполнительный комитет. Делегаты Косова и Метохии представляли интересы области как в Скупщине Сербии, так и в парламенте Югославии. Конституциями ФНРЮ и Сербии предусматривалось, что Косово-Метохийская область посылала 15 своих представителей непосредственно в Вече народов Народной скупщины ФНРЮ, а также в Скупщину Сербии.

Политическая жизнь в Косове и Метохии в послевоенные годы проходила под знаком широкого вовлечения албанцев в общественную жизнь. До 1948 г. Народный фронт в области объединил 227 358 албанцев в более чем 57 тыс. организациях. Хуже дело обстояло с членством в КПЮ. Членами партии были лишь 0,35 % всего населения. Из них албанцы составляли 32 %, а сербы и черногорцы — 64%²¹.

О языковом равноправии албанцев на практике свидетельствовало ведение административных дел как на сербохорватском, так и на албанском языке на всех уровнях, начиная с 1948 г. В послевоенный период правительство проводило политику максимального привлечения албанского населения к общественной жизни края — албанцам предлагались высокие посты в административной и политической иерархии. В местных Народных комитетах в 1948 г. работали 64 % албанцев, а в районных — 60 %, хотя к концу войны всего 10 % населения края были грамотными²². В руководстве Народного Фронта албанцы составляли 62 %. Среди албанцев — членов партии в 1949 г. 743 человека были неграмотными, 943 — полуграмотными, а 1409 — самоучек²³. Постепенно проводились занятия по обучению албанцев грамоте, акции по снятию паранджи, по включению албанцев в экономическую и культурную жизнь республики и страны. К 1947 г. в крае грамотными стали 105 тыс. албанцев, были открыты 243 школы, одна гимназия, одна педагогическая школа, 88 читален. Каждый албанец, научившийся писать, получал работу в администрации или партийных структурах²⁴. В Македонии после войны половина албанского населения была неграмотной, а среди женщин эта цифра достигала двух третей. В 1945—1946 учебном году в республике были открыты 152 начальных школы и 4 восьмилетки с пре-

подаванием на албанском языке с 12 359 учащимися и 223 учителями, в 1946—1947 учебном году — 148 школ, в 1966—1967 гг. — 256²⁵.

После того, как условия вступления в СКЮ для албанцев были облегчены, их численность в партии значительно увеличилась. Среди албанцев, даже коммунистов, как видно из партийных документов, устойчивыми были националистические идеи, которые на протяжении всего послевоенного периода выражались в стремлении создать на территории Косова и Метохии самостоятельную республику. Это проявлялось в неоязвительном отношении к югославскому государству, соответственно, власти; неприязненным отношении к неалбанскому населению края. К этому можно добавить и конкретные организационные усилия для достижения поставленных политических целей, а именно: выхода из состава Югославии.

Албанцы Косова не были довольны своей судьбой в составе Югославии, даже когда край получил статус автономной области. Во всяком случае в этом уверял руководство СССР Э. Ходжа. Он писал в ЦК ВКП(б) в 1949 г., что «демократические и национальные права албанского национального меньшинства Косово и Метохии совершенно не соблюдаются. Никакой связи с Албанией!». Именно связь с Албанией и возможность присоединения к Албании были основными критериями оценки уровня демократии в крае. Предоставление Косову автономии, открытие там албанских школ Э. Ходжа расценил как демагогию, поскольку албанский «идеал — соединение с Албанией — остался неосуществленным». После 1948 г. Э. Ходжа считал, что настал удобный момент для начала борьбы албанского населения в Югославии «за свое освобождение», что борьба должна быть жёсткой, бескомпромиссной, не исключавшей вооружённое восстание²⁶.

В 1950-е годы продолжалось развитие системы образования в крае. В 1949—1950 учебном году в 7315 школах обучались более 104,5 тыс. учащихся, их учили 2219 учителей-албанцев. Одновременно работали 9 городских библиотек, 118 читален, 7 рабочих и народных университетов, областной театр, 38 кинотеатров, 10 музеев, радиостанция, 70 % программ которых транслировалось на албанском языке. В 1947— первой половине 1949 г. из печати вышло более 80 книг на албанском языке, 10 наименований различных журналов. К середине

1950-х годов работали уже 7 педагогических школ, 7 театров, печаталось 25 газет и 32 журнала. В 1958 г. в Приштине открылась Высшая педагогическая школа, в 1960 г. — Философский факультет²⁷.

Рассмотрим, какими правами обладали автономные края и национальные меньшинства в рамках федерации на разных этапах её развития.

Очередным этапом в развитии автономии стала принятая в 1963 г. новая Конституция СФРЮ, согласно которой национальные меньшинства стали называться народностями, а статус автономных областей (в том числе Косова) повышен до автономных краев. В 1968 г. краевая Скупщина единогласно переименовала имя края Косово и Метохия на Косово. С октября 1969 г. край стал называться «Социалистический автономный край Косово».

С принятием Конституции 1974 г. республики и автономные края приобрели еще более широкие полномочия, политическую и экономическую самостоятельность. Края, получившие право решения всех вопросов внутренней жизни, обладали двойным статусом: с одной стороны, они являлись составной частью Сербии, а с другой, фактически имели те же права, что и сама республика в рамках СФРЮ. Сербия не могла принять ни одно решение без одобрения автономного края, а он, в свою очередь, мог не считаться с мнением руководства Сербии. На практике при решении хозяйственных или политических вопросов трудно было достичь единства республики — руководящие органы края подчинялись республиканским только в том случае, если считали это выгодным для себя. Автономный край обладал равными правами с республиками, кроме одного — не мог отделиться от Сербии. Поэтому в Косове звучали требования предоставления краю статуса республики. Поскольку албанцы по численности были четвертой нацией в СФРЮ, они считали свои требования обоснованными.

Власти по-разному пытались решить вопрос Косова и Метохии: путем принятия политических решений, материальных вливаний, разработок программ культурного и экономического возрождения края. Официально «проблемы Косова» в Югославии не существовало. Впервые о ней заговорили в 1966 г., когда партией был осуждён руководитель Службы государственной безопасности (СГБ) Александр Ранкович. Ему

ставилась в вину и антиалбанская, и унитаристская ориентации в национальной политике, в частности, в Косове и Метохии. Руководители края говорили о том, что СГБ сразу после войны установила в крае контроль над партийными организациями и органами самоуправления, заводи́ла досье на главных функционеров края. И в целом СГБ не доверяла лицам албанской национальности, устанавливала за ними слежку, пытаясь, в частности, найти незаконно хранящееся оружие. В дневниковых записях А. Ранковича значится, что ситуация в Косове и Метохии после войны характеризовалась напряжённостью, а деятельность враждебных элементов отмечалась высокой активностью. Были раскрыты подпольные организации. Причём, по мнению А. Ранковича, «это уже не были небольшие и не связанные между собой группы, а организации с единым руководством, которые способны осуществлять значительные враждебные операции и которые весьма успешно поддерживали нелегальные связи с Албанией, распространяли листовки недружеского содержания, писали лозунги, вывешивали албанские флаги, организовывали переброску своей агентуры через границу. Кроме того, они планировали покушения на наших руководителей — сербов, черногорцев и албанцев»²⁸.

Сепаратистская деятельность радикально настроенной части албанских группировок в Автономном крае Косово началась сразу после войны и в дальнейшем лишь разрасталась. Объединение с Албанией оставалось их главной целью. Они шли к этой цели последовательно и упорно все годы. Менялись средства и тактика, но цель была неизменной, и она не зависела от статуса края, от количества вкладываемых в его развитие денег, от уровня межнациональных отношений во всей федерации. Действовали по этапам: пропаганда национализма — в 1950-е, демонстрации и провокации — в 1960-е, вооружённая борьба — в 1970-е, восстание — в начале 1980-х, война за независимость — в конце 1990-х. Подпольные организации в крае поддерживали албанские организации, разбросанные по всему миру, такие, как «Союз косоваров» (с центром в Италии, позже — в Турции), Третья «Призренская лига» (с центром в Нью-Йорке и филиалами в Турции, Австралии, Канаде, Франции, Бельгии, ФРГ). О националистической деятельности албанцев в Македонии писали мало. Однако и в этой республике под влиянием, главным образом, косовских настроений, раз-

вивалась нелегальная деятельность тайных организаций, подпольных групп и вооружённых отрядов. Причём, вооружённые отряды действовали преимущественно в 1945—1950 гг., а нелегальные организации и группы — до 1987 г.²⁹. Наиболее активно подпольные организации действовали первые послевоенные годы и в период 1967—1987 гг. В Македонии подпольные группы и организации были раскрыты в общинах Куманово, Скопье, Тетово, Гостивар, Дебар, Кичево и Струга. В 1946 г. центр созданной годом ранее «Национальной демократической шиптарской организации» (НДШ) переместился в Скопье. Главные цели организации — «освобождение и объединение» албанцев в рамках «этнической территории»³⁰.

В 1950-е годы сепаратистская деятельность в Косове начиналась с создания сети подпольных групп, с привлечения в них преданных людей, с пропагандистской деятельности, особенно среди молодежи, с налаживания связей в руководстве республики и страны. В конце 50-х — начале 60-х годов в Косове была создана организация «Революционное движение за объединение албанцев», которая позже стала называться «Национальное движение за освобождение Косова и других албанских земель» под руководством Адема Демачи. В её составе было около 300 человек. В программе движения было записано: «Наша борьба будет долгой, и мы к ней должны подготовиться», а Устав начинался со слов: «Основная и конечная цель движения — освобождение шиптарских краёв, аннексированных Югославией, и их объединение с матерью Албанией»³¹. Чтобы достичь поставленных целей, предполагалось «употребить все средства», начиная с политических, пропагандистских, и заканчивая вооружённой борьбой и общенародным восстанием.

В 1962 г. к заседанию Исполнительного Комитета Союза коммунистов Сербии был подготовлен обширный документ «О вражеской деятельности и негативных явлениях в Космете»³². В нём отмечалась антиюгославская деятельность албанского посольства, пропаганде Албании посредством радио и других средств массовой информации. Среди албанцев на территории Югославии было отмечено создание нелегальных организаций: только в 1960 г. их было раскрыто 5 (22 человека), в 1961 г. — 11 (70 человек)³³. Деятельность этих нелегальных организаций заключалась в сборе оружия, проведении

демонстраций, диверсий на предприятиях, разбрасывании листовок, вывешивании албанских флагов и т.д. Всё это должно было способствовать «Борьбе за присоединение Косова к Албании»³⁴.

В 1960-е годы деятельность сепаратистов активизировалась: они устраивали провокации и диверсии, оскверняли церковные и культовые памятники, запугивали православное население. В упомянутом выше документе указывается на враждебную деятельность учителей и школьников, работников культуры и искусства, чиновников государственного и партийного аппарата. Тогда же стала открыто проявляться нетерпимость к сербскому населению края. За 10 лет из Косова уехало 500 семей сербов и черногорцев³⁵. В Епархиальном архиве в Призрене содержатся письма священников, которые сообщали об отъезде многих сербских семей из края, описывали их страдания. Дечанский игумен Макарий писал 3 апреля 1968 г. сербскому Патриарху Герману: «Шиптари опять показывают свою давнюю ненависть к сербам. Мы находимся в более тяжелой ситуации, чем во время австрийской или турецкой оккупации. Тогда мы имели хоть какие-то права... Ежедневным стало насилие, кражи среди бела дня, унижения и преследования. Вероятно, Вы и от других слышите, что происходит в Косове с сербами...»³⁶.

В одном из сообщений Министерства внутренних дел (МВД) Сербии в 1966 г., составленном на основании данных краевого отделения внутренних дел, подчеркивалось: «В средних школах, средних специальных заведениях, гимназиях и учительских школах молодежи легально преподают национализм... Враждебность растет. И таких акций в последнее время становится все больше... — организация бойкота, нападения на лиц черногорской и сербской национальности, угрозы и принуждения к отъезду с этой территории, открытые враждебные выступления в общественных местах...»³⁷. Коммунисты Косова во главе с Ф. Ходжей требовали равноправия языков народов и народностей в федерации, переименования Устава края в Конституцию, определения СФРЮ как содружества равноправных народов и народностей, создания в крае Конституционного суда.

В 1968 г. в крупных городах Косова и македонских Тетове и Гостиваре произошли массовые выступления, демонстрации

националистической албанской молодежи, разогнанные полицией. Демонстранты требовали предоставить Косову статус республики, объединить территории с албанским населением разных республик. «Тем демонстрациям, — вспоминал профессор из Приштины Ф. Агани, — предшествовали так называемые «конституционные дискуссии» в СФРЮ. Я участвовал в них, настаивая на требованиях, которые с того времени уже постоянно повторялись: самоопределение, Косово — республика...»³⁸. Служба государственной безопасности отмечала, что националистические настроения в Косове ширятся, охватывая ряды интеллектуалов, студентов и школьников. В конце 1960-х гг. в крае было разрешено использование албанских национальных символов (флаг, например, совпадал с национальным флагом Албании), созданы условия для научного и культурного сотрудничества с Албанией. Экономическое и политическое укрепление положения края в республике придало силы националистам. Под их давлением из края выселялись сербы и черногорцы. Неалбанские национальности были неравноправны в судах, при приеме на работу, при увольнении с работы. В период с 1961 г. по 1980 г. из Косова уехало 92 197 сербов и 20 424 черногорца³⁹. В конце 1960-х гг. в Косове и Метохии активно действовало уже упоминавшееся «Движение за национальное освобождение Косова и других албанских земель», в Македонии — ряд более мелких организаций и групп, таких как: «Национальная партия труда» и другие (всего 52 человека).

Не было спокойно в крае и в 1970-е годы, хотя Конституция 1974 г. значительно расширяла права автономии в федерации, а многие албанцы считают этот период наиболее благоприятным для развития края⁴⁰. Союзный секретарь по внутренним делам СФРЮ Ф. Херлевич сообщал, что с 1974 г. до начала 1981 г. органами безопасности было обнаружено свыше 1 тыс. человек, занимавшихся подрывной националистической деятельностью. Многие из них, по его словам, были связаны с деятельностью одной из самых активных ирредентистских организаций — так называемого «Красного фронта» — «проалбанской организации, которая базировалась на территории западных стран, а направлялась Албанской партией труда»⁴¹. В 1976 г. возникла «Группа марксистов-ленинистов Косова», в 1978 г. — «Коммунистическая марксистско-ленинская партия албанцев в Югославии», в 1982 г. — «Движение за албанскую

социалистическую республику в Югославии», в 1985 г. — «Организационный комитет марксистов-ленинистов в Косове» с подкомитетом в Македонии⁴². Один из организаторов акций протеста в 1981 г. Хидает Хисени вспоминал, что в 1970-е годы он «включился в общее студенческое движение», которое занималось в основном пропагандой, распространением запрещённой литературы, написанием листовок. «Это была одна из разновидностей движения албанцев за национальное освобождение и равноправие с другими народами в той Югославии... Я поддерживал тогда связи с группами, которые действовали в рамках «Движения за национальное освобождение албанцев», — рассказывал он⁴³.

Трудно в этот период говорить о бесправии Косова в рамках республики. После 1974 г. албанцы занимали высшие государственные должности: председателя (Синан Хасани в 1986 г.) и зампредседателя Президиума СФРЮ (Фадиль Ходжа в 1979 г. и Синан Хасани в 1985 г.). А как представители Косова в период с 1978 г. по 1988 г. — заместителя председателя Скупщины СФРЮ (1978), председателя Союзного веча Скупщины СФРЮ (1983), председателя президиума ЦК СКЮ (1984), председателя Президиума Союза социалистической молодежи (1986), председателя Веча республик и краев Скупщины СФРЮ (1988). В 15 странах албанцы представляли СФРЮ в качестве послов, трое были заместителями министра иностранных дел, трое были генеральными консулами. Были представлены албанцы и в армии: четверо имели чин генерала, один был заместителем министра обороны, двое — командующими территориальной обороны Косова⁴⁴. Они были представлены также в республиканских структурах Македонии и Черногории.

Представительство албанцев в структурах власти⁴⁵

Представительство	ноябрь 1974 г.	ноябрь 1988 г.
В органах федерации	41	38
В органах СР Сербии	17	20
В органах СР Македонии	21	18
В органах СР Черногории	10	1
В органах САК Косова	99	171

В марте 1981 г. в Косове вспыхнуло восстание. Оно начиналось как протест студентов против тяжёлой жизни, но очень быстро социальный бунт перерос в постоянную политическую акцию, которая длилась десять лет, усилив политическую напряжённость внутри Сербии и обострив межреспубликанские отношения. Уже через несколько дней демонстранты несли транспаранты с открыто политическими требованиями: «Косово — республика», «Мы албанцы, а не югославы», «Косово — косоварам». Ф. Агани вспоминал о том, что сначала демонстрации готовили «многочисленные нелегальные группы». А потом появились и другие организации, которые хотели использовать ситуацию, которая сложилась после смерти Тито⁴⁶. Это была атмосфера неуверенности в завтрашнем дне. Албанцы, боясь потерять высокий уровень автономии, заявили о себе как о силе, которая готова отстаивать свои цели. Один из участников тех событий писал, что «демонстрации в какой-то степени были реакцией на тенденции усиления сербского национализма и объявленной деструктивной политики по отношению к албанцам... Мы попытались защищаться созданием Республики Косово, так как считали, что это единственная гарантия того, что мы будем независимыми как Македония, как Черногория»⁴⁷.

Постепенно митинги стали носить антигосударственный характер — все чаще звучали требования объединения с Албанией, с флажштоков сбрасывались югославские флаги. Сепаратистов активно поддерживала Албания, радио- и телепередачи которой принимались почти на всей территории Косова. Бывший в то время послом в Албании Бранко Коматина писал в июне 1981 г. в МИД СФРЮ: «Очевидно, что сегодня албанцы выступают с хорошо разработанным планом политическо-пропагандистской борьбы против Югославии. У нас есть сведения, что в этих целях создана, вероятнее всего при ЦК АПТ⁴⁸, группа известных «специалистов», которая... должна выдвинуть аргументы в поддержку своих тезисов, имея в виду как потребности поддержки ирредентизма в Косове, так и для собственной и международной общественности. Повторяем, албанцы будут продолжать формировать историческо-политическую аргументацию не только для «права» Косова стать республикой, но и для удовлетворения собственных территориальных претензий к Югославии»⁴⁹. VIII съезд АПТ в Албании, состояв-

шийся 1—8 ноября 1981 г., оказал сильную поддержку сепаратистскому движению в Косове и осудил югославскую политику в отношении албанского меньшинства⁵⁰. 2 апреля 1981 г. югославское руководство ввело чрезвычайное положение в крае и усилило армейскими подразделениями Объединенные силы милиции. При столкновениях с милицией в городах погибли 9 албанских демонстрантов, 5 милиционеров, а среди раненых были 200 албанцев и 133 милиционера⁵¹.

Демонстрации в крае сопровождались саботажем на отдельных предприятиях, распространением листовок, активизацией деятельности по превращению Косова в этнически чистый край. Националисты использовали любые методы, вплоть до угроз физического истребления для запугивания неалбанского населения. Албанцы оскверняли памятники культуры, православные церкви и кладбища, поджигали дома, убивали людей, насильственно занимали чужую землю, ограничивали свободу передвижения. Следствием этого стал массовый отъезд сербских семей из края. В 1981 г. из 1451 населенного пункта в 635 не осталось ни одного серба⁵². На протяжении десяти лет на этой территории царил албанский террор, остановить который было трудно. Осенью 1988 г. уже семь из 23 общин края были «этнически чистыми». Постоянный процесс выселения из автономного края жителей сербской и черногорской национальностей стал главным показателем глубины кризиса.

До 1982 г. на территории Косова, как отмечается в сараевском журнале «Слободна Босна», действовали четыре крупные нелегальные организации: «Движение за национальное освобождение Косова», «Марксисты-ленинисты Косова», «Красный народный фронт» и «Марксистско-ленинская партия албанцев в Югославии». Одни из них выступали за присоединение к Албании, другие — за предоставление Косову статуса республики⁵³. 7 февраля 1982 г. эти организации объединились в «Движение за албанскую социалистическую республику в Югославии». Центральный комитет в составе семи человек располагался за границей. В руководство входили как старые эмигранты-диссиденты, так и молодежь из Косова, которая возглавляла демонстрации, но затем бежала из страны. Движение выступало за объединение в Республике Косова всех югославских земель, населенных албанцами края, Западной Македонии, части Санджака, части Черногории вокруг Уль-

ция. Движение выпускало и свою газету, которая нелегально распространялась в Югославии, формировало краевые, окружные и местные комитеты, а также комитеты в Югославской народной армии. Югославская милиция в 1984 г. раскрыла канал распространения Устава организации, который был размножен в типографии сараевского банка. Осенью 1985 г. начались аресты, и 127 членов организации по всей Югославии были приговорены к различным тюремным срокам — от 4,5 до 7 лет. Десятеро из арестованных были офицерами ЮНА. Они отбывали наказание вплоть до 1 декабря 1988 г., когда «за хорошее поведение» были отпущены из тюрьмы на свободу⁵⁴. В период с 1981 г. по 1988 г. в рядах Югославской народной армии было обнаружено 225 нелегальных групп, в которые входили 1600 военных албанской национальности. В это же время на территории Косова было отмечено около 100 случаев нападения на военные объекты и порчи военного имущества⁵⁵. В Македонии в 1970—1980-е гг. действовало 18 нелегальных албанских групп численностью 120 человек⁵⁶. В одной из листовок нелегальной группы в Тетове (май 1955 г.) говорилось: «Мир знает, что Югославия создана на чужой территории. Районы: Бар, Малесия (Черногория), Косово и Метохия, Куманово, Скопье, Полог и часть Пелагонии — это наша земля. В 1911 г. в Скопье и окрестностях проживали 90 % албанцев. После огромного террора со стороны сербов, а позже болгар, албанский народ был вынужден бежать. Сегодня в Скопье, столице Македонии, всего 60 % албанцев. Нынешние правители, диктаторы и шовинисты не стыдятся, когда говорят, что не хотят чужой земли. Да здравствует этническая Албания — Сильный союз (Форт Башкими)!»⁵⁷.

Руководство Сербии опасалось «контрреволюционного подполья» в Косове, его деятельности после окончательной албанизации края и усиливало там деятельность Министерства внутренних дел и службы безопасности. Но со стороны руководства страны и других республик действия руководства Сербии часто расценивались как унитаристские и подвергались резкой критике.

Обществоведы и политики по-разному объясняли причины протеста и националистических выступлений в крае в 1980-е годы. Албанские авторы связывали конфликтную ситуацию в крае с дискриминацией албанцев в экономической,

общественной и национальной областях, с тем, что они ощущали себя «гражданами второго сорта»⁵⁸. Однако обратим внимание на то, что многие исследователи, включая и албанских, отмечают, что албанское население в Косове в первые два десятилетия существования «второй» Югославии подвергалось дискриминации, в то время как последующий период до смерти Тито они оценивают как достаточно благоприятный для развития албанского национального меньшинства. Один из албанских политических деятелей профессор Фехми Агани полагает, что время до 1981 г. было, возможно, «самым успешным периодом в нашем послевоенном развитии, но трудности и деформации оправданно или неоправданно объяснялись давлением Сербии», поэтому все боялись, что власти пойдут на изменение Конституции. «Требование «Косово — республика» было частично результатом той неуверенности, попыткой предотвратить намечающуюся ревизию Конституции», — подчёркивал он⁵⁹. Академик Р. Чосья также считает, что в период с 1968 г. до 1980 г. албанцы «более или менее свободно дышали»⁶⁰.

В книге «Все наши национализмы» один из хорватских политических деятелей С. Шувар предлагал искать корни проблемы Косова в рецидивах «великосербской политики». Однако и он ссылаясь, главным образом, на период 1950—1960-х годов, когда, по его словам, попирались конституционные права албанского населения, искажалась история албанского народа, не приветствовалось официальное употребление албанского языка, когда служба государственной безопасности при А. Ранковиче культивировала в целом недоверие к национальным меньшинствам, практиковала в отношении отдельных лиц физические расправы⁶¹. «Времена А. Ранковича», (то есть до 1968 г.), упоминали многие албанцы. Например, тот же академик Р. Чосья говорил о «дискриминации граждан» и «государственном терроре», который осуществляла служба государственной безопасности⁶². Хорватский историк Д. Биланджич писал, что «недоверие к представителям национальных меньшинств, отстранение их представителей с ответственных политических должностей, особенно в органах государственной безопасности, препятствие работе радио, печати, развитию языка» стали последствиями унитаристско-централистских тенденций в конце 1950-х — начале 1960-х гг.⁶³.

В Сербии причины албанских выступлений большинство обществоведов видели «в сепаратистской идеологии албанцев в Сербии», в национализме, а позже — в «исламском экстремизме»⁶⁴.

Руководство Югославии и Союза коммунистов в 1980-е гг. связывало проблемы Косова с борьбой против «антисоциалистических действий» и «антикоммунистической идеологии», прежде всего в Сербии. Серию обвиняли в многообразных проявлениях национализма — в «унитаризме», «бюрократическом стремлении к централизму», в «великосербском национализме», который прикрывали лозунгом «Сербия и сербы находятся под угрозой»⁶⁵. Информация о событиях в Косове в полном объеме долго была недоступна общественности. Между тем, большинство исследователей и партийных лидеров тогда склонялись к выводу, что причины следует искать в неблагоприятной общественно-политической атмосфере, социальных и экономических проблемах, среди которых выделялись безработица, низкий уровень жизни населения Косова⁶⁶.

Действительно, проявления крайнего национализма в крае возникли на почве нерешённых экономических проблем и сложной социально-экономической ситуации в стране, которая стала остро ощущаться с начала 1980-х гг. Автономный край Косово являлся самой отсталой частью Югославии, хотя потенциально он богат природными ресурсами — углём и минералами, имеет плодородную землю. Средний уровень жизни здесь оставался намного ниже не только общегославского, но и других слаборазвитых частей страны. Если в 1947 г. уровень развития трёх слаборазвитых республик страны — Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории — был выше косовского всего на несколько процентов, то в 1980 г. — уже в 2,5 раза⁶⁷. Но если говорить об абсолютных темпах экономического развития края, то становятся заметными значительные успехи.

На развитие Автономного края Косово в течение всего послевоенного периода выделялись значительные средства: с 1956 г. — Сербией, с 1957 г. — федерацией, а с 1965 г. — Фондом федерации по кредитованию ускоренного развития слаборазвитых республик и автономных краев. Результаты такого финансирования наиболее отчетливо видны в цифрах в абсолютном выражении. За период с 1965 г. по 1985 г. темпы эко-

номического роста в крае были самыми высокими в стране и составляли 6,7%. Если общественный продукт Югославии возрос за 30 лет в 5,5 раз, то в Косове — в 5,2 раза. Промышленное производство увеличилось в СФРЮ на 6 %, а в Косове — на 7 %. Но в пересчете на душу населения экономические показатели Косова значительно уступали другим регионам. В 1980 г. уровень общественного продукта на душу населения в Косове был на 72 % ниже общегославского. Уровень безработицы в Косове на 30 % превышал средний показатель по стране. В крае более 800 тыс. человек не могли найти работу⁶⁸.

Одним из факторов, влиявших на такие различия в показателях, был опережающий естественный прирост населения. По его темпам Косово занимало первое место и в Югославии, и в Европе. Всё, что общество вкладывало в развитие Косова, поглощалось быстро растущим населением. Неудивительно, что «демографические инвестиции» вызывали, с одной стороны, наркания остальных республик Югославии, а с другой стороны, недовольство самих албанцев, полагавших, что они недополучают средства, предназначенные для развития края, и потому отстают в экономическом и общественном развитии. Эффективность капиталовложений в крае была в два раза ниже, чем в целом по стране. Сумма убытков от нерентабельных предприятий составила в крае в 1981 г. 280 млрд. динаров, а план экономического развития в том же году был выполнен лишь на 41 %. В условиях горизонтальной дезинтеграции федерации увеличилась экономическая обособленность края: в 1983 г. товарооборот в пределах Косова составил почти 63 %⁶⁹.

Поиск причин обострения ситуации привел многих исследователей к необходимости обратить внимание на систему образования в крае, которая была тесно связана с албанской школьной системой. По их мнению, это способствовало «албанизации Косова» и росту националистических настроений, особенно среди молодежи. Сюда приезжали сотни учителей и профессоров из Тираны, а косовские, в свою очередь, проходили стажировку в Албании. Занятия велись по албанским учебникам, государственные программы СФРЮ игнорировались. Университет готовил специалистов по Албании в таком количестве, которое не требовалось стране. «Албанизация Косова» становилась естественным процессом, а воспитание националистических идей происходило уже за школьной пар-

той. В Косове существовали 904 албанских начальных и 69 средних школ. В 1970 г. в Приштине был открыт университет, в котором и на албанском, и на сербском языке обучались 37 тыс. студентов, 80 % которых были албанцами⁷⁰. Косово по количеству студентов превосходило даже другие республики. На 1 тыс. человек населения край имел студентов на 14 % больше, чем в среднем по стране. Албанский национализм практически неограниченно проникал во все краевые структуры власти — милицию, суды, систему школьного и университетского образования, Академию наук, писательскую организацию.

Руководство Сербии использовало разные методы урегулирования ситуации в крае в 1980-е годы. Периоды введения военного положения сменялись периодами разработки новых программ решения «проблемы Косова», которые включали в себя или экономические меры, такие, как преодоление замкнутости края, изменение его экономической структуры, укрепление материальной основы самоуправления, или политические — попытки формирования единства на классовых, а не на национальных основах. Так, в соответствии с общегославской программой по Косову, принятой в декабре 1987 г., было решено продолжить работу по созданию условий для ускорения темпов экономического развития края, интегрирования экономики Косова в экономику СФРЮ, оказания Автономному краю помощи в кадрах для работы в органах управления и правосудия, установления планового контроля над использованием средств Фонда федерации по кредитованию ускоренного развития слаборазвитых республик и автономных краев, принятия соответствующих мер по развитию культуры и образования. В Скупщине СФРЮ был образован постоянный орган для наблюдения за осуществлением этой программы⁷¹. Неоднократно рассматривались вопросы преодоления замкнутости края, изменения структуры его экономики, укрепления материальной основы самоуправления, создания современной инфраструктуры, усиления социальных гарантий для населения со стороны государства, осуществления гарантий конституционной законности для всех жителей автономного края. В 1987 г. была принята программа по предотвращению выселения сербов и черногорцев из края.

В конце 1980-х годов ситуация в крае крайне обострилась. Когда руководство Союза коммунистов Сербии сменило руко-

водителей Краевого комитета СК Косова, среди которых был популярный среди албанцев Азем Власи, в Приштине и других городах прошли демонстрации протеста. В феврале 1989 г. началась забастовка шахтеров, выступавших против исключения А. Власи из ЦК СКЮ. События в крае вызвали огромный резонанс в стране. В Любляне поддержали требования шахтеров, а в Сербии — осудили, потребовав от правительства серьезных мер. 3 марта 1989 г. Президиум СФРЮ вел комендантский час в Косове.

Пути поиска выхода из ситуации привели руководство Сербии к убеждению, что только централизация власти и упразднение ряда полномочий краевой администрации смогут нормализовать ситуацию. Серьезной критике подверглось равноправие между республикой и краями. Доминирующей становилась точка зрения, что Конституция 1974 г. ослабила Сербию, лишила ее права на собственное государство. В результате в Сербии развернулась кампания за правовое территориальное и административное единство республики, за сокращение прав автономных краёв. Скупщина Сербии в марте 1989 г. приняла поправки к Конституции, а в сентябре 1990 г. — новую Конституцию Сербии, которая была встречена «в штыки» в Косове, поскольку понижала его уровень автономии. Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали отмечал в своей записке: «По словам правительства, реформа была необходима в связи с тем, что Сербия была серьезно парализована широкой независимостью, которой обладали края. Многие законодательные и судебные функции краевых органов были переданы в Республику». Автономные края сохранили полномочия в отношении краевого бюджета, вопросов культуры, образования, здравоохранения, использования языков и других вопросов. В ответ на эти изменения, по словам Б. Бутрос-Гали, «большое число государственных служащих из числа албанцев в Косове подали в отставку, а другие были уволены и заменены лицами из других частей Сербии. Как утверждают, таким образом, до 100 тыс. человек были сняты со своих должностей в государственных и краевых административных органах, школах и государственных предприятиях»⁷².

Изменения в статусе Косова вызвали в крае широкие демонстрации и стычки с полицией. В январе 1990 г. в демонс-

трациях уже участвовали около 40 тыс. албанцев. С этого времени выступления албанцев стали приобретать массовый характер. Введённые в край военные подразделения и полиция силой пытались удержать порядок в ряде городов. Были жертвы и со стороны демонстрантов, и со стороны полиции. Реакция в стране на эти события была разной. Если в Белграде тысячи студентов скандировали: «Не отдадим Косова», то Словения была возмущена поведением Белграда и отозвала из Косова своих полицейских, которых встретили в республике как героев. В Сараеве на встрече, посвящённой положению прав человека в Косове, 19 марта 1990 г. было заявлено, что там нарушаются права человека⁷³.

Это было время, когда распад федерации стал очевидным, когда республики Хорватия и Словения встали на путь отделения, подкрепляя свои шаги «юридическими актами» — решениями республиканских парламентов, принятием деклараций, волеизъявлением граждан на референдумах. По их стопам пошло и Косово. 2 июля 1990 г., в тот же день, когда Словения приняла «Декларацию о полном суверенитете государства Республики Словении», албанские делегаты Скупщины Косова проголосовали за «Конституционную декларацию», которая провозглашала Косово республикой. В ответ Скупщина Сербии распустила Скупщину Косова, обосновывая это решение царящим в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенной Скупщины в обстановке полной секретности приняли новую Конституцию края, провозгласившую Косово республикой, граждане которой должны будут впредь сами решать свою судьбу. Этот акт был расценен в Сербии как антиконституционный и подрывающий территориальную целостность республики.

Все меры по политической и экономической стабилизации положения в крае оказались неэффективными. Конфликт перерос республиканские границы и стал острейшей общегославской проблемой. Позиция албанцев осталась неизменной и выражена в следующих документах: Программе Демократической лиги Косова 1989 г., Резолюции нелегальной скупщины Косова 7 сентября 1990 г., Открытом письме Совета по защите прав и свобод человека в Приштине в Скупщину Югославии 4 июня 1990 г., Политической декларации координационного совета албанских политических партий в Югославии 12 октяб-

ря 1991 г., Резолюции Скупщины Республики Косово 22 сентября 1991 г. и ряде других документов. В них отмечается, что «задержания и обыски на улицах, в общественных местах, в транспорте и т.д. стали повседневной практикой в Косове... Стали обычным делом факты изменения названия улиц и институтов, носящих имена деятелей албанской истории и культуры»⁷⁴.

С принятием Конституции Сербии албанцы считали, что автономия Косова уничтожена. В крае развернулась кампания гражданского неповиновения и началась массовая бессрочная забастовка. Распущенная Скупщина на тайном заседании решила создавать «параллельные структуры власти» — подпольные парламент и правительство. Албанские учителя отказались следовать новой школьной программе и выразили желание учить детей по албанским программам соседней Албании на албанском языке. В ответ власти отказались финансировать албаноязычное обучение. Тогда албанские дети перестали ходить в государственные школы, а занятия проводились в других местах. В то время как с государственной службы было уволено большое количество учителей и профессоров — албанцев, в условиях подполья продолжил работу албанский университет. Нелегальная система образования охватывала 400 тыс. детей (480 школ) и 15 тыс. студентов, которые обучались на 13 факультетах университета и в семи высших школах⁷⁵.

В результате весь край разделился на два параллельных общества — албанское и сербское. Каждое имело свою власть, свою экономику, свои просвещение и культуру. В экономике, несомненно, доминировали албанцы, которые создавали частные фирмы и владели большим капиталом. В политических структурах преобладали сербы, поскольку албанцы бойкотировали выборы и отказывались от любых административных должностей. Осенью 1990 г. по приказу бывшего начальника краевого управления внутренних дел Юсуфа Каракуши 3 тыс. албанцев уволились со службы из органов внутренних дел края и создали нелегальную полицию Косова. В 1994 г. было сформировано подпольное министерство внутренних дел так называемой «Республики Косова» с семью отделениями и с центром в Приштине⁷⁶.

В 1990 г., когда начала формироваться многопартийная система, в крае возникли албанские политические партии, высту-

павшие с программами поддержки равноправного положения албанцев в республике: Демократическая лига Косова, Партия демократической акции, Демократическая мусульманская партия реформ. Позже возникли Албанская демократическая партия, Крестьянская партия Косова, Парламентская партия Косова, Социал-демократическая партия Косова. Демократическая лига Косова (ДЛК), созданная в 1989 г., стала самой большой политической партией края, а авторитет её лидера, писателя и диссидента Ибрагима Руговы, был неоспоримым. Он звал своих сограждан на организацию мирного отпора «сербской оккупации», опасаясь последствий серьезных столкновений⁷⁷. Позже, в 1994 г. ДЛК становится ведущей партией, которую жители края провозгласили «лидером национально-го движения за независимость Косова»⁷⁸. Первые многопартийные выборы на территории Косова (1990) албанское население края бойкотировало. На участки вышли всего 18,61 % избирателей (в первом круге), преимущественно сербы. Практически все голоса были отданы Социалистической партии Сербии, получившей 30 из 34 мест в легальном парламенте края⁷⁹. С этого времени большинство албанцев бойкотировало все выборы в государственные институты Республики Сербии и СРЮ, исключив тем самым албанское меньшинство из процесса ведения государственных дел.

В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края, единодушно высказавшись за создание независимой республики, а в мае 1992 г. — выборы президента и парламента. Хотя руководство Сербии объявило эти выборы незаконными, оно не слишком мешало их проведению. Сербы в выборах участия не принимали. Албанцы отдали свои голоса Ибрагиму Ругове (95—100 %) как президенту «Республики Косово» и его партии — Демократической лиге Косова (78 %). Для того, чтобы выразить свою поддержку албанцам, на выборы даже приехали делегации ряда стран и международных организаций⁸⁰.

Таким образом, мы видим, что суть проблемы в Косове состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которое стремилось отделиться от Югославии, создать свое национальное государство на Балканах, объединившись с Албанией, и интересов Республики Сербии и Югославии, отстаивавших целостность своей территории. И

та, и другая стороны использовали для достижения собственных целей все доступные меры. Нарушение прав человека в крае, вызванное усиленным полицейским режимом, является в равной степени и следствием отказа албанцев использовать предоставленные им Конституцией Сербии права, нежеланием признавать государственные институты страны, в которой живут. «Продолжающаяся нестабильность, — считал Б. Бутрос-Гали, — оказала пагубное влияние как на местное албанское население, так и на сербское меньшинство в крае»⁸¹. Ситуацию он оценил как тупиковую, поскольку обе стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на статус и будущее края.

Из-за развала страны, последовавших событий в Хорватии, Боснии и Герцеговине, санкций, введённых ООН против Сербии и Черногории в мае 1992 г., решение проблем в Косове отодвигалось на неопределённый срок. Однако деятельность нелегальных органов в крае не прекращалась ни на один день, как впрочем и террористические акты, нападения на представителей ЮНА, убийства мирных граждан, поджоги сербских домов и культовых сооружений. Руководство Сербии удерживало ситуацию под контролем только силой находившихся там полицейских, будучи убеждённым, что албанский вопрос можно решить конституционными изменениями и усилением полицейского присутствия в крае. Как сообщали албанцы, полиция постоянно водила их на так называемые «информационные разговоры», осуществляла обыск в албанских сёлах, арестовывала мужчин и подвергала их допросам, а иногда избивала, держала под контролем все дороги, регулировала общественную жизнь, средства массовой информации⁸². При этом правительственная пропаганда упорно повторяла, что косовской проблемы не существует, что албанский сепаратизм побеждён, что все, кому не нравятся порядки в Косове, могут покинуть край. Единственный, кто попытался изменить ситуацию, был известный писатель Добрица Чосич, являвшийся в 1992—1993 г. президентом Югославии. Выдвигая идею раздела Косова, он пригласил руководителей албанского сепаратистского движения на переговоры. Однако албанцы идею переговоров отвергли⁸³.

Один из албанских лидеров Ш. Маличи отмечал в 1994 г., что албанцы старались не отвечать на полицейские репрес-

сии, и потому «албанское движение уже четыре года практически топчется на месте». Однако пауза была потрачена на политическую консолидацию, на усиление позиций Демократической лиги Косова и его лидера⁸⁴. Наступающий период он назвал «временем Руговы». Действительно, «терпеливый и хитрый», как его характеризовал Ш. Маличи, И. Ругова в это время много сделал для того, чтобы привлечь внимание Запада к проблемам Косова. Он просил разместить в крае военные силы ООН и НАТО, а позже стремился убедить всех в необходимости «гражданского протектората» над Косовом⁸⁵. Во время его поездки в США в 1993 г. он получил заверения Вашингтона, что снятие санкций с Югославии будет обусловлено решением проблем края.

В мае 1994 г. Международная конференция по бывшей Югославии настаивала на диалоге между властями Сербии и албанцами по вопросу статуса края. На разговоры обе стороны шли с трудом, поскольку каждая настаивала на определённых условиях. Албанцы требовали «срочно остановить унижения, репрессии и изгнание албанцев, открытия школ и предприятий для албанцев». Сербы хотели, чтобы албанцы признали Сербию «своим государством»⁸⁶.

Что касается территории Македонии и Черногории, населённых албанцами, то они никогда не исключались из планов косовских албанцев. Когда в 1994 г. шли переговоры по Боснии и Герцеговине, И. Ругова ожидал, что сербы из Боснии вступят в конфедеративные отношения с Сербией, что значительно облегчило бы албанцам Косова задачу вступления в конфедеративные отношения с Албанией. Он мечтал о том, что Косово станет независимой республикой, открытой для Сербии и Албании, а албанцы в Черногории получают автономию. Для албанцев Македонии он готовил «статус государствообразующего народа»⁸⁷. Это дало бы албанцам в Македонии право требовать предоставления автономии, а, возможно, республики. Осенью 1994 г. все чаще в выступлениях И. Руговы звучали идеи объединения Косова с Албанией.

Процесс интернационализации косовского вопроса начался в середине 1990-х гг., когда в Дейтоне (ноябрь 1995 г.) снятие санкций с Югославии было обусловлено решением «вопроса Косова» и сотрудничеством с Гаагским трибуналом. Весной 1996 г. напряженность в крае резко обострилась.

Убийство сербом албанского юноши вызвало ответные акции албанских боевиков — нападения на полицейских, расстрел посетителей кафе, убийство патрульных. Власти провели массовые аресты. Международная общественность обвинила сербских политиков в нарушении прав человека, в физическом насилии и даже пытках арестованных. Комиссия по правам человека Экономического и социального Совета ООН подготовила проект резолюции «Положение в области прав человека в Косове», в котором отмечалось, что к албанцам в Югославии применяются пытки, апартеид, убийства, этнические чистки и геноцид⁸⁸. На Балканы вылетела представитель ООН, поскольку «была информирована о сотнях таких случаев». Однако Б. Бутрос-Гали в своей записке от 12 ноября 1996 г. отметил, что специальный докладчик Комиссии по правам человека Элизабет Рэн «не смогла подтвердить эту информацию»⁸⁹.

В 1997 г. к решению «проблемы Косова» активно подключилось мировое сообщество в лице ООН, ОБСЕ, Контактной группы, руководства отдельных стран. Заявку на свое участие в урегулировании в Косове сделала и НАТО. Североатлантический блок уже в августе 1997 г. предупредил югославского президента о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с целью предотвращения дальнейшего кровопролития.

Все международные организации и посредники осуждали насилие в Косове, выступали за диалог между сербами и албанцами при посредничестве третьей стороны, за присутствие представителей мирового сообщества в Косове, за расширение автономии края. При этом споры развернулись вокруг термина, сопровождавшего изменение уровня автономии: усиление, увеличение или расширение. Большинство международных посредников согласились с термином «расширение автономии», хотя его содержание не уточнялось, а также с требованием автономии в рамках СРЮ, а не Сербии. «Короче говоря, — писал тогда В. Коштуница, — за этим эзоповским языком стоит требование мирового сообщества сделать Косово республикой. Они говорят автономия, а подразумевают республика»⁹⁰. Он был убежден, что большинство хотело поднять статус Косова до федерального уровня, что означало бы федерализацию Сербии. В этом случае, полагал будущий президент СРЮ, страну ожидает очередной распад.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Состояние и стабильность албанской нации в Косове и Метохии не зависели от средств, которые государство вкладывало в экономическое развитие края, от политических и национальных прав, социальной защиты. Они зависели от тех целей, которые перед собой поставила эта нация, а также от выбранных путей их осуществления.

2. На Балканах очень трудно уживаются народы, которые в войне были по разные стороны баррикад.

3. В многонациональных и многоконфессиональных государствах необходимо предвидеть напряжение по линиям мусульмане — христиане, католики — православные и проводить упреждающую политику, направленную или на нейтрализацию проблемы (удовлетворение требований в рамках культурной автономии) или на её полную ликвидацию (административное выделение в случае отделения).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карманный статистический справочник ФНРЮ 1957. Белград, 1957. С. 40; *Velat D. Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva*. Beograd, 1988. S. 28—32; *Валев Э.Б.* Югославский клубок // География. М., 1996. Февраль, № 5 (117—118). С. 5, 7—9; № 13. С. 2—4; Данные Союзного статистического института.

² См.: *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945—1950). Подгорица, 1998. С. 368—369.

³ Југословенска држава и албанци. Т. 1. Београд, 1998. С. 24.

⁴ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. II. 1949—1953. М., Новосибирск, 1998. С. 207; *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија. Скопје, 1994.

⁵ Цит. по: *Терзич С.* Историческая подоплёка событий в Косово и Метохии // *Обозреватель*. М., 1998. № 10. С. 40.

⁶ Там же.

⁷ *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија... С. 41.

⁸ Албанские.

⁹ Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878—2000. Београд, 2001. С. 136.

¹⁰ *Jugoslavija 1918—1984: Zbirka dokumenata / Petranović B., Zečević M.* Beograd, Rad. 1985. S. 625—626.

¹¹ Косово и Метохија у великоалбанским плановима... С. 141—142.

¹² Jugoslavija 1918—1984... S. 628.

¹³ *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С. 109; Нова историја српског народа / Батаковић Д, Београд, 2002. С. 345—346.

¹⁴ Цит. по: *Петрановић Б.* Југословенско искуство... С. 107.

¹⁵ *Павловић М.* Албанци (Шиптари) у Србији и Југославији 1944—1991 // Косово и Метохија у великоалбанским планивима: 1878 — 2000. Београд, 2001. С. 141, прим.

¹⁶ Четврто заседање Народне скупштине Народне Републике Србије // Политика. Београд, 1948. 31 окт. С. 1.

¹⁷ Нова историја српског народа ... С. 345—346.

¹⁸ *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија... С. 56.

¹⁹ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.

²⁰ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. II. 1949—1953. М. Новосибирск, 1998. С. 211.

²¹ *Павловић М.* Указ. соч. С. 146.

²² Четврто заседање Народне скупштине ... С. 1.

²³ В документах Союза коммунистов Сербии употреблялось именно слово «самоучка», которое обозначало, что человек никогда не посещал школу, но самостоятельно научился немного писать и читать. Общее количество членов партии — албанцев в 1949 г. не приводится.

²⁴ *Павловић М.* Указ. соч. С. 147, 150.

²⁵ *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија... С. 58, 75.

²⁶ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б)... С. 209, 212.

²⁷ *Павловић М.* Указ. соч. С. 151—152.

²⁸ *Ранковић А.* Дневничке забелешке. Београд, 2001. С. 158.

²⁹ *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија... С. 63.

³⁰ Там же. С. 67, 100.

³¹ Там же. С. 67; *Bulatović Lj.* Prizrenski proces. Novi Sad, 1987. S. 129.

³² Космет — употребляющееся в литературе сокращение от «Косово и Метохија».

³³ Извештај о непријатељском деловању и негативним појавама на Космету // *Терзић С.* Стара Србија (19—20 век): Драма једне цивилизације. Нови Сад — Београд, 2012. С. 518.

³⁴ Там же. С. 519.

³⁵ Там же. С. 542.

³⁶ *Јевтић Атанасије*, јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990. С. 44.

³⁷ Цит. по: *Bulatović Lj.* Op. cit. С. 158—159.

³⁸ *Agani F.* Intervju... // Intervju. Београд, 1996. 19 jan. Br. 374. S. 23.

³⁹ *Павловић М.* Указ. соч. С. 169.

⁴⁰ *Ćosja R.* Gandijevski put udaljava od cilja // *Monitor*. Београд, 1994. 2 sept. С. 14; *Ляука И.* Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние: Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 1994. С. 17; *Agani F.* Intervju... С. 23

⁴¹ *Херлевић Ф.* Нећемо дозволити да Титово и наше дјело ико угрожава // *Борба*. Београд, 1981. 13 мај. С. 6.

⁴² Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија... С. 67.

⁴³ *Хисени Х.* Интервју... // Интервју. Београд, 1994. 5 авг. Бр. 341. С. 26.

⁴⁴ *Павловић М.* Албанци (Шиптари) у Србији и Југославији... С. 170

⁴⁵ Там же. С. 171.

⁴⁶ *Agani F.* Intervju... С. 23.

⁴⁷ *Хисени Х.* Интервју... С. 30.

⁴⁸ Албанская партия труда.

⁴⁹ *Коматина Б.* Југословенско — албански односи 1979 — 1983: Белешке и сећања амбасадора. Београд, 1995. С. 175.

⁵⁰ См.: *Коматина М.* Енвер Хоџа и југословенско — албански односи. Београд, 1995. С. 230.

⁵¹ *Димитријевић Б.* Преглед дејстава арнаутске гериле 1998—1999 // Косово и Метохија у великоалбанским планинима... С.

⁵² *Изић Ж.* Косово и Метохија (1981—1991): Увод у југословенску кризу: Дневник. Приштина, 1996. Књ. I. С. 316.

⁵³ *Delalić M., Stamenković J.* Kako je stvarana OVК // *Slobodna Bosna*. Сарајево, 1998. 8 авг. Бр. 90. С. 16.

⁵⁴ *Ibid.* С. 17.

⁵⁵ *Димитријевић Б.* Преглед дејстава арнаутске гериле... С. 230.

⁵⁶ *Батковски Т.* Великоалбанската игра во Македонија... С. 216.

⁵⁷ Листовки нелегалной группы в Тетове // *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии*. М. 2006. Т. 1. С. 132. См. также документы № 78, 81.

⁵⁸ *Ляука И.* Указ. соч. С. 23.

⁵⁹ *Agani F.* Intervju... С. 23.

⁶⁰ *Ćosja R.* Op. cit. С. 14.

⁶¹ *Šuvar S.* Svi naši nacionalizmi. Valjevo, 1986. С. 219—220, 224.

⁶² *Ćosja R.* Op. cit. С. 14.

⁶³ *Bilandžić D.* Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Zagreb, 1979. С. 264.

⁶⁴ Автономный край Косово и Метохија: Факты. Белград, 1998. С. 22—23.

⁶⁵ *Janić D.* Prilog raspravi o uzrocima i oblicima ispoljavanja nacionalizma u SRS // Savez komunista u borbi protiv antisocijalističkih delovanja i antikomunističkih ideologija. Београд, 1986. С. 100—103.

⁶⁶ Шеснаеста седница Централног комитета СКЈ: Косово одређује будућност СФРЈ // *Комунист*. Београд, 1988. 5 авг. Г. 46. Бр. 1633. С. 6.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 170.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Автономный край Косово и Метохия... С. 30.

⁷¹ Jugoslovenski program o Kosovu // Jugosl. pregl. Beograd. 1987. Br. 11/12. S. 494 — 504.

⁷² Документ ООН. А/51/665; S/1996/931.

⁷³ Заявление участников сараевской встречи о нарушении прав человека в Косове (19 марта 1990 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. М., 2006. Т. 1. С. 202—203.

⁷⁴ Из открытого письма Совета по защите прав и свобод человека в Приштине в Скупщину Югославии (4 июня 1990 г.) // Там же. С. 203

⁷⁵ *Радовановић Ј.* Факултет у гаражи, пракса у Истамбулу // Наша борба. Београд, 1995. 24 нов. С. 12; Школство на Космету // НИН. Београд, 1994. 30 септ. Бр. 2283. С. 26.

⁷⁶ *Lopušina М.* OVK protiv Jugoslavije. Čačak, 1999. S. 296.

⁷⁷ *Šaponja-Hadžić М.* Čovek s evropskom šalom // Naša borba. Beograd, 1994. 13/14 dec. S.VII.

⁷⁸ *Budžovi Jusuf.* Intervju... // Borba. Beograd, 1994. 17 avg. S. 14.

⁷⁹ Od izbornih rituala do slobodnih izbora. Beograd, 1991. S. 295—298.

⁸⁰ *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942—1993. Beograd, 1994. S. 71.

⁸¹ Документ ООН. А/51/665; S/1996/931.

⁸² Represija nad albancima na Kosovu: Dokumenti // Naša borba. Beograd, 1994. 24 dec. S. 7.

⁸³ *Трипковић Ђ.* Кулминација косовске кризе 1998—1999 // Косово и Метохија у великоалбанским планинима... С. 206

⁸⁴ *Šaponja-Hadžić М.* Op. cit. S.VII.

⁸⁵ *Малићу Ш.* Време Ругове // НИН. Београд, 1994. 12 авг. Бр. 2276. С. 24.

⁸⁶ *Bariaktarević R.* Trougao sa dva tupa ugla // Borba. Beograd, 1994. 25/26 jun. S. IX.

⁸⁷ *Барјактаревић Р.* Судар двеју конфедерација // Борба. Београд, 1994. 28 септ. С. 14.

⁸⁸ Документ ООН. Е / CN.4 / Sub.2 / 1996 / L.4.

⁸⁹ Документ ООН. А/51/665; S/1996/931.

⁹⁰ *Коштуница В.* Између силе и права: Косовски записи. Београд, 2000. С. 34.

И. В. РУДНЕВА
(МОСКВА)

Сербский народ в Хорватии — национальное меньшинство?

Сербы начали заселяться на территорию современной Хорватии еще в VII в. Они образовали несколько независимых сербских княжеств, которые стали доминирующими государственными образованиями в Нижней Далмации. Об этом свидетельствует византийский источник «Об управлении империей» императора К. Богрянородного (905—959 гг.). Автор рассказывает о жителях «Далмации и прочих Славоний». Перечисляя народы, он упоминает и «белых сербов», которые находятся на этих землях «с самого начала»¹. В X в. сербы жили на территориях Неретвлянской области, Требинья и Захумья, впоследствии вошедших в состав современных Хорватии и Боснии. Этнические границы между хорватами и сербами проходили в районе Сплита.

В XIV в. Балканский полуостров начали завоевывать турки, и территории, на которых проживали славянские народы, стали ареной многочисленных войн. К концу XV в. Далмация была заселена и сербами, и хорватами. В северной части от Цетинья и Полицы до Истрии жили хорваты, на юге и в центре от Полицы до Драча — сербы. Постепенно, в ходе военных действий хорваты были полностью вытеснены турецкими войсками из северной Далмации. Эти данные подтверждает А. Барбариго, представитель Венецианской республики в Далмации, 74 венецианский дож, который пишет: «Города стоят пустые. Католики бросили свои храмы. На побережье Далмации не осталось ни одного представителя католической церкви. Книн и Книнска Краина были провозглашены Римской курией своей территорией, но здесь нет ни храмов, ни верующих»². Постепенно опустевшие земли занимали сербы, бежавшие из турецких областей.

Под натиском турецких войск сербское население бежало в приграничные районы Австрийской империи, где в 1630-х гг. была создана Военная граница, особая административно-территориальная единица, подчиненная непосредственно австрийским властям. После завершения австро-турецкой войны в 1699 г. местные хорватские власти обратились к имперским властям с просьбой о присоединении к ним Славонии, но получили отказ. В Славонии жили сербы и венгры, которых хорватские политические круги настойчиво называли славонскими католиками. Присоединить Славонию им удалось в 1745 г., но даже после этого в Венгерском парламенте депутаты из Банской Хорватии и Славонии были разделены. Довольно быстро хорваты переименовали Славонию в Северную Хорватию, подчеркивая ее давнюю принадлежность к хорватским землям. В том же 1745 г. Банская Хорватия присоединила западный Срем, в котором преобладало сербское население. В 1797 г. в состав Австрийской империи вошла Далмация, которую хорватские власти также мечтали видеть в составе своих территорий. Эти чаяния нашли свое отражение в самоназвании хорватских земель — Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация. Австро-венгерские власти никогда не признавали эту формулировку, так как никогда не передавали хорватам управление Далмацией. Таким образом, уже на этом историческом этапе в сознании хорватской элиты появляется желание объединить территории со смешанным населением, осуществляются попытки обосновать на них свои права.

С присоединением к Банской Хорватии Военной границы в 1881 г. в хорватских землях выросло число сербского православно-го населения. Согласно переписи населения к 1910 г., православных сербов на территории хорватско-славонского участка бывшей Военной границы насчитывалось около 649 тыс. человек³. Их активное участие в политической и культурной жизни способствовало усилению, с другой стороны, римско-католического клерикализма и национализма. Для жителей Хорватии на этом историческом этапе становится актуальным национальный вопрос.

В первом десятилетии XX в. в Австро-Венгрии усиливались процессы консолидации югославянских народов. Кульминацией хорватско-сербского единения в Австро-Венгрии стали Риекская (3 октября 1905 г.) и Задарская (17 октября 1905 г.) ре-

золюции, в которых была выражена идея совместной борьбы хорватской и сербской нации за свое освобождение, стремление к противодействию германской экспансии на Юго-востоке Европы. Авторы обеих резолюций, исходя из государственно-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, четко сформулировали принцип самоопределения «своих» наций. Хорватские либералы подразумевали под этим «право каждой нации свободно и независимо определять условия своего существования и решать свою судьбу». В конкретных исторических условиях не имели в виду частичное политическое объединение этнических хорватских территорий в границах монархии. Сербские представители в свою очередь высказывались в поддержку «стремления каждой нации самой определять свое бытие и решать свою судьбу». Они полагали, что обретение Венгрией государственной самостоятельности в полном объеме сделает возможным соглашение мадьярской нации с невенгерскими народами королевства, в первую очередь с сербами. Условием поддержки хорватских национальных требований являлось признание с их стороны равноправия хорватов и сербов.

Еще одним шагом к единению хорватов и сербов стало формирование в октябре — декабре 1905 г. Хорватско-сербской коалиции (ХСК) во главе с лидером Сербской народной независимой партии С. Прибичевичем. В новое политическое образование вошли Хорватская партия права и Хорватская прогрессивная партия, а также Сербская независимая партия и Сербская радикальная партия. Коалиция выступала за сохранение системы дуализма Австро-венгерской монархии при проведении ряда реформ, за национальное самоопределение. Решение хорватско-сербских разногласий было названо «одним из условий нормального развития национальной жизни».

Попытки венгерских и австрийских властей разжечь межнациональные споры, разрушить Хорватско-сербскую коалицию не удалось. Но накануне Первой мировой войны в ХСК возникла напряженность. Сербия Австро-Венгрии выразила поддержку Королевству Сербия. Представители хорватов разделились. Те, кто поддержал возможное объединение с Сербией, подверглись нападкам со стороны тех, кто стремился к созданию независимой Хорватии. Из планов коалиции по объединению сербского и хорватского народов оставалось неясно, шла речь о двух нациях или об одной с двумя наиме-

нованиями. Многие хорватские политики в составе коалиции в связи с этим опасались, что сербы могут в будущем поставить вопрос о разделении хорватских территорий на две самостоятельные части хорватскую и сербскую. Территориальные разногласия по Боснии, на территории со смешанным населением претендовали и сербы и хорваты, а также религиозный аспект (православие и католицизм) создателями этой коалиции с обеих сторон намеренно замалчивались. Ее участники считали, что сербы и хорваты преодолеют разногласия перед лицом внешней угрозы.

В 1914 г. после убийства сербом Гаврилой Принципом в Сараеве наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда империю захлестнули антисербские настроения. Сербов были названы «народом-предателем». По стране прокатились демонстрации и антисербские погромы, прошли аресты наиболее неблагонадежных с точки зрения австро-венгерских властей представителей сербской национальности. С их же молчаливого согласия в Хорватии произошло разрушение православных церквей и осквернение сербских кладбищ в Загребе, Славонски-Броде, Шибенике, Сплите и Дубровнике. Указом бана Хорватии и Славонии была полностью запрещена кириллица, закрыты сербские газеты в Хорватии.

В условиях нарастания внутренних социальных противоречий, обособления разных частей империи, военных неудач, неурожайного 1918 г. и как следствие экономического кризиса начался процесс распада Австро-Венгрии. В Загребе политические партии Хорватии, Словении, Истрии и Далмации 5—6 октября 1918 г. создали Народное вече словенцев, хорватов и сербов. Это был орган власти для объединения югославянских народов империи в независимое государство. 29 октября 1918 г. Хорватский сабор объявил о разрыве отношений с Австро-Венгрией и о создании самостоятельного Государства словенцев, хорватов и сербов. Одновременно сообщалось, что Далмация, Хорватия, Славония и Риека создают общее национальное суверенное государство. Верховным органом власти нового государственного образования стало Народное вече в Загребе во главе с югославским политическим деятелем, одним из лидеров клерикальной словенской партии, А. Корошецем, заместителем стал лидер хорватско-сербской коалиции С. Прибичевич. Это государство просуществовало только месяц.

Продолжавшиеся революционные выступления, оккупация Италией прибрежных районов Далмации, отсутствие собственных вооруженных сил, чтобы воспрепятствовать вторжению извне, массовое возвращение военнослужащих с фронта создавали хаос в новом государстве. Население требовало наведения порядка. Все это привело к тому, что большая часть ведущих политических партий Далмации и БиГ решилась на объединение с Сербией.

Хорватские политические силы разделились по вопросу будущего Хорватии. Хорватско-сербская коалиция отстаивала централистское устройство во главе с Загребом и полное слияние территорий с большинством хорватского населения. Партия права А. Старчевича защищала идею федерализации земель, ранее входивших в состав Австро-Венгрии. Югославянский комитет, политическая организация югославянских эмигрантов из Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии с центром в Лондоне, попытался заручиться гарантиями равноправия Хорватии в будущем государстве.

На Женевском совещании (6—9 ноября 1918 г.) представители Народного Веча и Комитета добились согласия Н. Пашича, сербского политика и дипломата, представлявшего интересы Сербии, на создание общего кабинета министров для ведения военно-политических дел в составе представителей обеих сторон. Учреждалось общее министерство сербов, хорватов и словенцев, при этом сохранялось «правительство королевства Сербии» и «Народное вече в Загребе» для управления всеми внутренними делами. По мнению российского историка А. Л. Шемякина, это был тактический шаг со стороны Н. Пашича⁴. Тем самым создавалась видимость равноправия в будущем общем государстве. Декларацию не поддержало сербское правительство и большинство Народного веча, где преобладали члены Хорватско-сербской коалиции.

24 ноября 1918 г. Народное вече в Загребе приняло решение об объединении Государства словенцев, хорватов и сербов с Королевством Сербия. Против объединения выступила Хорватская крестьянская партия во главе с С. Радичем, которую поддержало сербское население Хорватии. Позднее участник переговоров с Сербией А. Павелич, хорватский политический и государственный деятель радикального националистического направления, вспоминал: «Перед нами стояла дилемма: либо

сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии. Бачка, Банат, Срем, Далмация и Славония, БиГ были за объединение. Что нам оставалось делать? Нам нельзя было идти на раздел территорий, как того хотели сербы Срема. Это могло вызвать гражданскую войну. Мы составили адрес, где содержались требования, чтобы монархия стала такой же свободной, как республика, и чтобы хорваты получили равные права с сербами»⁵. Переговоры Хорватии перед присоединением показывают, что шла она в состав Югославии со своими условиями, требованиями и представлениями о роли в будущем государстве.

В 1936 г. согласно составленной этнической карте Югославии 90 % населения Западной Славонии, Кордуна, Лики и Далмации являлись сербами. На всей территории хорватских земель насчитывалось около 1 млн. 200 тыс. сербов. В 1940 г. на территории Хорватии проживало 1 млн. 847 тыс. представителей сербской национальности⁶.

В годы Второй мировой войны на территории Хорватии было провозглашено профашистское Независимое государство Хорватия (НГХ) во главе с лидером усташей А. Павеличем, в которое летом 1941 г. были включены БиГ, часть Далмации и Срем. Организация усташей, которую возглавлял А. Павелич, возникла в 1932 г., когда начала выходить газета «Усташа» («Повстанец»). А. Павелич и его сторонники называли себя «Хорватским революционным движением».

С первых дней войны усташаи проводили политику дискриминации в отношении представителей сербского народа. Для них был введен запрет на службу в армии, закрыты православные школы, введен комендантский час, ограничена свобода передвижения. Все сербское население должно было носить отличительные повязки. Министром просвещения НГХ М. Будаком была озвучена формула в отношении сербского населения: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них»⁷.

Стремясь к хорватскому моноэтническому государству, усташаи в качестве метода ассимиляции сербского населения осуществляли обращение православных сербов в католи-

цизм. Идеологи усташества уверяли, что сербы являются теми же хорватами, и их нужно только вернуть к «дедовской» (католической) вере. Развязанный в годы войны террор против сербов, насильственное обращение в католицизм, массовые убийства мирных жителей, насильственные депортации спровоцировали активное движение сопротивления. Чтобы успокоить православное население была создана марионеточная Хорватская православная церковь. Тем самым населению давалось понять, что против самого православия власти ничего не имели. Новая церковная организация загонялась в узкие национальные рамки с целью вытеснить с хорватских территорий влияние Сербской православной церкви.

А. Павелич наряду с другими законами НГХ принял «Постановление о хорватском служебном языке». Усташский лидер активно «чистил» тогда хорватский язык от «сербизмов» и уверял, что это два различных языка. Использование кириллицы было запрещено. Снова был поднят вопрос об исключительности хорватского языка, который является «достоянием хорватского народа». Прежние попытки создания единого сербскохорватского языка назывались попыткой уничтожить хорватскую самобытность, ассимиляционной политикой. В связи с этим была введена жесткая цензура при составлении учебников. В данном случае вопрос языка являлся элементом националистической политики.

На оккупированных территориях Югославии развернулось широкое освободительное движение. Сербы с территории бывшей Военной границы внесли значительный вклад в борьбу с немецкими подразделениями и хорватскими усташами. В 1943 г. их количество в рядах четников (сербское монархическое национальное сопротивление) составило 7 тыс., в рядах партизан 29 тыс. бойцов. В 1945 г. в рядах четников было 4 тыс., а в рядах партизан 64 тыс. сербов с территории Краины⁸.

В 1945 г. в составе нового социалистического государства Федеративной Народной Республики Югославии была образована Республика Хорватия. Сербское население Краины составляло 14,5 % от всего населения республики. Сразу же после окончания войны его представители поставили вопрос о предоставлении сербам в Хорватии национально-культурной автономии. Однако Иосип Б. Тито продвигал идею братства и единства, которая и должна была создать равные возможности

для всех народов Югославии, к тому же в руководстве витали мысли и о создании единой югославской нации. В сентябре 1945 г. в Загребе прошел первый съезд хорватских сербов, на котором присутствовали 30 000 человек. На нем был избран Главный совет, который должен был выполнять роль политического представительства хорватских сербов. В Хорватии появилась сербская библиотека, музей сербов в Хорватии, издавалась газета «Српска реч» (Сербское слово) на кириллице, создано культурное общество. В Конституции Социалистической Республики Хорватия (СРХ) было записано, что это «республика хорватского и сербского народов». Однако уже в 1947 г. А. Хебранг, генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Хорватии настаивал на формулировке «сербы в Хорватии», не признавая присутствия «сербского народа» в республике.

В конце 1960 — начале 1970-х гг. при поддержке, и затем активном участии части партийного руководства в Хорватии развернулось хорватское национальное движение, так называемый «Маспок»*. В процессе обсуждения республиканской Конституции 1974 г. возникли разногласия между представителями старшего поколения коммунистов и молодыми хорватскими политиками. Последние выступили за формулировку: «Социалистическая республика Хорватия — национальное государство хорватского народа, государство сербов и представителей других народов и народностей, которые в ней живут». Они объясняли свою позицию так: «Исходя из права каждого народа на самоопределение, которое вытекает из права на создание национального государства, мы считали, что нужно закрепить именно такое понятие. Другой вопрос, будет ли использовать народ свое право на создание национального государства. Конечно, никто из нас не подразумевал под этим определением этнически чистую Хорватию. Но факт остается фактом, что у сербского народа уже есть свое национальное государство — и это Сербия. Хорваты также имеют право на свое национальное государство»⁹. Это одно из доказательств того, что определенная часть хорватских коммунистов не исключала возможности со временем создать хорватское независимое государство, и не собиралась рассматривать представителей сербской нации

* Masovni pokret — хорватизм, в переводе с хорватского языка — массовое движение.

в качестве государствообразующего народа. Поэтому для них было очень важно подчеркнуть в Конституции республики отличие сербов, проживающих в Хорватии, от сербского народа на территории республики Сербии. Лишение по Конституции сербов статуса «народа», потенциально ущемляло их права при создании независимого хорватского государства.

Другая часть хорватских коммунистов вместо слов «национальное государство хорватского народа» настаивало на формулировке «государство хорватского народа». Они также выступали против фразы «сербы в Хорватии», отстаивая формулировку «сербский народ и представители других народностей, которые живут в Союзной Республике Хорватия». Старшее поколение коммунистов с опаской относилось к радикальным переменам, затрагивающим межнациональные отношения. Подобные дискуссии способствовали усилению межнациональной напряженности, поскольку еще свежи были в памяти военные преступления в ходе Второй мировой войны в отношении сербского населения под лозунгами создания «чистого хорватского государства».

В окончательном варианте первая поправка к Конституции СР Хорватии звучала: «Социалистическая республика Хорватия — суверенное национальное государство хорватского народа, государство сербского народа в Хорватии, и государство народностей, которые в ней живут, основанное на суверенитете народа, на власти и самоуправлении»¹⁰. С одной стороны, этой формулировкой сербский и хорватский народы уравнивались в правах, с другой стороны, оставалось неясно, суверенитет какого народа будет лежать в основе возможного будущего независимого государства.

Ответ на этот вопрос был дан в конце 1980-х — начале 1990 г. В 1989 г. Сабор Хорватии принял закон о языке, в котором сербский язык как язык сербского народа Хорватии упоминаться перестал. В этом документе языком, находящимся в публичном употреблении на территории республики, был обозначен только хорватский язык в довольно витиеватой формулировке «хорватский литературный язык — нормированная форма национального языка хорватов и сербов, который называется хорватский или сербский»¹¹.

В 1990 г. был принят ряд поправок к Конституции СРХ, официальным алфавитом в Хорватии объявлялась латиница. В том

же году была принята новая Конституция Хорватии, где «языком, находящимся в официальном употреблении», был назван хорватский язык и такой же статус получал латинский алфавит. Представителям других народов и меньшинств гарантировалось право официального использования своих языков и алфавитов наряду с хорватским¹². То есть, сербский народ был этим автоматически низведен до статуса национального меньшинства. Ф. Туджман в феврале 1990 г. заявил, что «сербов в Хорватии надо провозгласить гражданами Хорватии и назвать «православными хорватами». Будет запрещено название «православный серб»¹³. Сербский народ попытался противостоять растущему хорватскому национализму, стремлению лишить сербов положения равноправного с хорватами «государствообразующего» народа. Изначально они выступали за культурную автономию в рамках Хорватии, но в условиях развернувшейся националистической пропаганды, антисербских настроений были выдвинуты требования о присоединении к Югославии. Непримиримая позиция хорватских властей, запугивания, гонения, ущемления прав и свобод поставила сербский народ в Хорватии перед выбором: идти с оружием в руках отстаивать свои права или покинуть эту землю.

Сербский народ в Хорватии попытался сохранить свой суверенитет, объявив 21 декабря 1990 г. о создании Сербской автономной области Краина. Однако хорватские власти не признали сербской автономии. В принятой в декабре 1990 г. Конституции сербский народ окончательно был лишен государствообразующего статуса и низведен до положения национального меньшинства. Хорватия была провозглашена государством хорватского народа. После того, как 20 февраля 1991 г. Хорватия поставила вопрос об отделении от Югославии, сербы приняли Резолюцию (28 февраля 1991 г.) об отделении от Республики Хорватии на основе проведенного ранее референдума и присоединении ее к Югославии.

С приходом к власти националистической партии Хорватского демократического содружества во главе с Ф. Туджманом, в республике начались массовые увольнения представителей сербской национальности, аресты неблагонадежных сотрудников полиции, судов, предприятий. Начались гонения на Сербскую православную церковь. С 1991 г. по 1993 г. в Хорватии были разграблены 94 прихода и четыре монастыря, разру-

шены 70 храмов и 96 церковных зданий, 10 кладбищ, одна патриаршая ризница, музей, два архива и две библиотеки¹⁴.

В таких сложных условиях сербское население Хорватии 19 декабря 1991 г. в Книне провозгласило создание Республики Сербской Краины (РСК). Согласно принятой Конституции РСК объявлялась «национальным государством сербского народа и всех граждан, которые в ней живут». Однако в силу разных причин, внутреннего и внешнего характера достичь международного признания этому государственному образованию не удалось. В 1995 г. в результате операций «Блеск» и «Буря» хорватских вооруженных сил РСК прекратила свое существование. В результате этих операций территория Хорватии были полностью очищены от сербов. Выражалось это как в насильственном изгнании жителей отдельных областей, так и в физическом уничтожении представителей сербской национальности, не желающих покидать свои дома. Под обстрелом хорватских военных 250 тыс. сербских мирных жителей покинули Хорватию. В итоге число сербов с 12 % (581 663 человека) от общего числа населения Хорватии (1991) снизилось до 4 % (201 631 человека) (2001)¹⁵.

В современной Республике Хорватии сербы являются крупнейшим национальным меньшинством. В тексте конституционной поправки 1997 г. понятие «народ» закреплено за хорватами, представители других автохтонных национальностей характеризовались исключительно как национальные меньшинства. Их права защищены международными договорами, международные организации оказывают на Хорватию давление по вопросам возвращения сербских беженцев, возмещения их имущества и гарантиям их безопасности. Многочисленные неправительственные организации оказывают финансовую помощь переселенцам. Датские и немецкие фирмы выдают безвозмездные одноразовые субсидии для покупки инструментов, необходимых для трудовой деятельности в размере тысячи евро на человека. Десятки тысяч евро тратятся на проекты по воспитанию межконфессионального взаимопонимания. Впрочем, эта красивая картинка далека от действительности.

Европейский совет по делам беженцев указал в одном из своих докладов, что главной проблемой для возвращения сербских беженцев в Хорватию по-прежнему остается «препятствование хорватских властей в реализации прав на владение недвижимостью сербскими беженцами или получения

ими компенсации за потерю этого права»¹⁶. Наблюдаются случаи, когда хорватские сербы испытывают трудности с возвращением занятых домов, даже при наличии решения суда в их пользу. Они продолжают испытывать дискриминацию при поиске работы и сталкиваются с проблемой переселения, потеряв свои права на муниципальное жилье. В некоторых случаях, те, кто раньше жили в частных домах и официально получили обратно во владение свои дома, не могут туда вернуться, так как дома были разрушены или разграблены.

Вопрос возвращения сербских беженцев также тесно связан с вопросом использования сербского языка на территории Хорватии. Власти страны не заинтересованы в массовом переселении сербов, еще больше в компактном их проживании, поскольку численность представителей национального меньшинства на той или иной территории Хорватии тесно связана с использованием национального языка. В законе «Об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватия» в 2000 г. были прописаны условия получения официального статуса миноритарными языками и сфера их применения. Одним из условий являлось преобладание представителей национальных меньшинств среди населения муниципалитета. В 2002 г. в закон было внесено уточнение, что такое право предоставляется там, где национальное меньшинство составляет не менее трети от всего населения муниципалитета или области. В настоящее время в 13 уставах муниципалитетов Хорватии зафиксированы права на употребление сербского языка. Четыре из них расположены в Вуковарско-Сриемской жупании (город Вуковар и общины Борово, Маркушица и Трпня), три — в Шибенско-Книнской (общины Бискупия, Цивляне и Кистане), три — в Сисакско-Мославинской (общины Двор, Гвозд и Маюр), две — в Осиекско-Бараньской (общины Эрдут и Ягодняк) и одна — в Карловацкой (община Крняк). Планируя вступление республики в состав Европейского Союза, руководство Хорватии, начиная с 2009 г. значительно смягчило законодательство в области использования языка. Так, во многих муниципалитетах, где проживало сербское меньшинство, было разрешено использовать сербский язык в дошкольном и школьном образовании, в работе муниципального веча, вводить двуязычную топонимику, вывешивать национальные флаги в дни траура того государства, с которым они себя соотносят, использовать свой язык в средствах

массовой информации¹⁷. Использование сербского языка также разрешено в двух городах — Вуковаре и Врбовске.

Возвращение представителей сербской национальности вызвало недовольство не только хорватских властей, чинящие всевозможные административные и экономические препятствия этому процессу, но и простых граждан, особенно бывших военнослужащих. На бытовом уровне то и дело вспыхивают стихийные проявления национализма. Так, 7 апреля 2013 г. в городе Вуковаре прошли митинги под лозунгом «Нет кириллице в Хорватии!». По разным оценкам в них приняли участие от 20 до 40 тыс. человек. Выступления были организованы ветеранами войны (1991—1995 гг.), являющимися членами так называемого «Содружества бойцов хорватской обороны» и «Комитета в защиту хорватского Вуковара». Один из лидеров движения ветеранов Томислав Йосич предупредил представителей властей, что если до 18 ноября (день, когда войска Югославской армии заняли Вуковар) не будет принят закон, объявляющий его «городом вечной памяти, в котором никогда не будет вводиться кириллица», то им не стоит там появляться. На митинге с подобными заявлениями выступили также представители Католической церкви¹⁸. Сербский народ в Хорватии продолжает подвергаться притеснению и унижению. Одним из условий вхождения Республики Хорватии в Европейский Союз было возвращение сербских беженцев и соблюдение их прав. Эти требования не выполнены в полном объеме. Но это не помешало Хорватии стать полноценным членом данной организации. А это означает, что сербам приходится надеяться только на себя, вновь и вновь вступая в борьбу за свои национальные интересы в рамках Республики Хорватии.

Таким образом, мы наблюдаем пример из истории, когда можно веками сохранять и защищать свой полноправный статус, являться государствообразующим компонентом, а в XX в. на глазах всего мирового сообщества, в рамках многочисленных международных норм и соглашений, в одночасье его утратить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Богрянородный К.* Об управлении империей // Режим доступа: http://pagan.ru/lib/books/0source/kbimperia_4.php#0

² Цит. по: *Милић Б.* Велика Хрватска на српском тлу. Београд, 1992. С. 13.

³ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 84.

⁴ На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVII — начало XX вв. / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 1997. С. 379.

⁵ Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История Югославского кризиса (1990—2000). М., 2001. С. 52.

⁶ Сербь в Хорватии 1918—1941 // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%8B_%D0%B2_%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%B8%D0%B8

⁷ *Гуськова Е.Ю.* Независимая Хорватия с независимыми сербами // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 776.

⁸ Сербь в Хорватии Геноцид сербов (1941—1945) // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%8B_%D0%B2_%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B8

⁹ *Tripalo M.* Bilo je to za Jugoslaviju // Prekinuta štnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb, 1990. S. 74—75.

¹⁰ Hrvatski Drzavni Arhiv. CK SKH. Materijal komisije za društveno-politički sistem i međunacionalne odnose CK SKH. D 5781. S.1.

¹¹ *Катунин Д.А.* Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского Государственного Университета. 2010. № 2 (10). С. 20.

¹² Конституция Республики Хорватия // Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/195>

¹³ *Гуськова Е.Ю.* Независимая Хорватия с независимыми сербами. С. 777.

¹⁴ Там же. С. 781.

¹⁵ Сербь в Хорватии Геноцид сербов (1991—1995) // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%8B_%D0%B2_%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B8

¹⁶ Human Rights Watch Concerns and Recommendations on Croatia // Режим доступа: <http://www.hrw.org/en/news/2009/10/05/human-rights-watch-concerns-and-recommendations-croatia>

¹⁷ *Катунин Д.А.* Современное языковое законодательство Хорватии... С. 27—33.

¹⁸ *Лютько Л.* Геноцид сербов в Хорватии продолжается. 12.04.2013 // Режим доступа: <http://www.pravda.ru/world/europe/balkans/12-04-2013/1152161-croatia-0/>

Т.В. ВОЛОКИТИНА

(МОСКВА)

Задолго до «возродительного процесса»...
О политике болгарского государства
по отношению к турецкому
национальному меньшинству
(1940-е — 1950-е гг.)

В течение всего XX в. положение мусульманского и тюркоязычного населения на Балканах являлось крайне болезненной проблемой. Болгария как балканское государство не была исключением, тем более что именно здесь, наряду с Грецией, концентрировалось самое значительное по численности мусульманское население. В его состав входили турки, болгары-магометане (иначе — помáки, или мусульмане болгарского этнического происхождения), цыгане, татары, гагаузы и пр. В данной статье речь пойдет о турецкой части мусульманского населения — сформировавшейся на развалинах мультинациональной Османской империи этнорелигиозной общности, которая определяется этнонимом *болгарские турки*.

Со времени окончания освободительной Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. их наличие в стране рассматривалось как государственная проблема. Предпринимались и попытки ее решения, мотивация которых отличалась на разных этапах исторического развития. Одна из таких попыток, относящаяся к середине 80-х гг. XX в. и известная как «возродительный процесс», воплотилась в намерении коммунистического режима насильственно ассимилировать турецкое население. С этой целью осуществлялась замена традиционных мусульманских (турецко-арабских) имен болгарских турок славянскими и христианскими, был введен запрет на использование турецкого языка и ношение национальной одежды в общественных местах, проведение национальных обрядов и ритуалов. Обернувшись колоссальной личной трагедией сотен тысяч человек, эта акция вызвала сильнейший резонанс в мире и не только

отразила кризисное состояние политического режима «живковизма», но и ускорила его падение. Данная оценка, отраженная в исторических исследованиях, стала аксиомой. Гораздо менее известно, что в истории Болгарии это было не первое обращение властей к идее ассимиляции турецкого населения, затронувшей притом и другие мусульманские этнические общности — помаков и цыган. Поэтому с точки зрения всестороннего изучения и осмысления «возродительного процесса» целесообразно обратиться к более ранним этапам «мусульманской» политики болгарского государства, выявить ее характерные черты, установить преобладание или оригинальность. При обозначении основных вех этой политики и ее мотивации необходимо учитывать состояние и динамику болгаро-турецких отношений и их важную составляющую — переселенческий вопрос.

Восстановление болгарской государственности в последней четверти XIX столетия проходило в условиях, сравнимых с «перевернутыми песочными часами» (определение российского историка Р.П. Гришиной)¹, когда подневольные прежде болгары поменялись местами с разом утратившими былое господство турками. В атмосфере эйфории после Освобождения постепенно устранялась присущая болгарскому обществу, сформировавшаяся на протяжении веков «двойственность» сознания: признавая турок своими «господарями», болгары одновременно ощущали себя их «соподданными», «согражданами»². Преобладавшие в обществе настроения восстановленной справедливости, скорее всего, болезненно ощущались турками, хотя в целом государство толерантно относилось к своим гражданам мусульманской веры³. Не желая оставаться живым напоминанием болгарам о длительном времени их национального угнетения, болгарские турки активно использовали предоставленную им возможность самостоятельно решать вопрос о своем местожительстве. Многие из них предпочли переселиться на историческую родину. Итоги этого процесса в масштабах Болгарии были значительными: до Первой Балканской войны 1912 г. страну покинули около 350 тыс. человек⁴. Тем не менее турецкая этническая группа по-прежнему оставалась многочисленной. Если в 1881 г. только в Княжестве Болгария турецкое население насчитывало 548 269 чел., или 28,4 % от общего числа подданных, то после соединения Княжества

с Восточной Румелией (1885 г.) оно составляло, по сведениям 1892 г., 569 728 чел., хотя относительный показатель снизился до 17,2 %. После Первой мировой войны турецкая общность превышала 520 тыс. чел. (10,7 %). Впоследствии абсолютная численность турецкого населения постепенно возрастала (618 500 чел. в 1934 г.) при одновременном снижении относительного показателя (9,7 %) ⁵, что объяснялось благоприятной тогда для болгар демографической ситуацией. Основными местами расселения тюркоязычных мусульман, то есть тех, для которых турецкий язык был родным или разговорным, были северные, часть центральных и юго-восточных районов — Шуменская, Старо-Загорская, Бургасская, Плевенская и Пловдивская области.

Две основные этнические группы Болгарии сожительствовали в целом спокойно в соответствии с реализовывавшейся моделью межнациональных отношений «комшилук» (от турецкого «комшия» — сосед). Преобладало сотрудничество, хотя проявления национального антагонизма на бытовом уровне, безусловно, имели место, а границы между этническими и религиозными общностями оставались не просто прочными, но и, как правило, непреодолимыми.

Тщательно проанализировавшая законодательскую деятельность болгарского государства по регулированию положения мусульманского меньшинства после Первой мировой войны Р.П. Гришина полагает, что ее основными итогами явились не только «конфессионально-административная организация этой части населения страны и всей его руководящей духовной иерархии», но и создание (в том числе и путем последовательных мер в сфере просвещения) важнейших условий для постепенного преодоления маргинальности турецкого меньшинства и, следовательно, для определенной консолидации болгарского общества в целом ⁶.

Эта задача актуализировалась в связи с развитием событий в соседней Турции, вступившей после образования республики (октябрь 1923 г.) на путь модернизации и европеизации. Опираясь на идеи пантюркизма и взяв курс на укрепление турецкой нации, Анкара заявила, что Турция является родиной всех турок, независимо от мест проживания, и на протяжении 1920-х — 1930-х гг. подписала соглашения об обмене населением с Грецией, Румынией, Югославией и Болгарией.

Конвенция 1925 г. по вопросам переселения, заключенная между Турцией и Болгарией, устанавливала и регламентировала количественные параметры добровольного переселения болгарских турок и его сроки — в течение 10 лет предполагалось переместить примерно 600 тыс. человек при интенсивности переселенческого потока не более 10 тыс. в год. Надо отметить, что обе стороны систематически нарушали договоренности. Болгарская сторона в целях достижения «массовости» применяла принудительные меры, а турецкая пыталась контролировать людские потоки «географически»: всячески поощряла переселение из придунайских районов на северо-востоке Болгарии и препятствовала оттоку болгарских турок с пограничных с Турцией южных территорий, противореча тем самым заявлениям о готовности принять всех своих «братьев».

Болгарские власти восприняли кемалистские (пантюркистские) идеи как опасное средство усиления турецкого национализма и, следовательно, как угрозу государственной безопасности Болгарии. Заметим, что для этого имелись объективные основания, поскольку Турция поощряла националистические настроения «внешних» турок. В пропагандистских целях активно использовался болгарский общенациональный союз «Туран», объединявший культурно-просветительные и спортивные общества болгарских турок, но отнюдь не чуждавшийся политических инициатив. Так, в 1934 г. члены «Турана» призывали не голосовать за болгарские политические партии на парламентских выборах, а сформировать собственный избирательный список*. В Турции, особенно после военного переворота в Болгарии в мае 1934 г., ширилась антиболгарская кампания, звучали призывы к военному вмешательству с целью защитить права болгарских турок. По агентурным данным болгарской полиции, вся Болгария была разделена на оперативные зоны, и нелегальные турецкие террористические организации, наподобие «Алтын топ» в Северной Болгарии, готовились к силовому варианту действий⁷. Исследователи с основанием полагают, что, видимо, в подобных проявлениях

* После прихода к власти весной 1934 г. правительства «деятелей 19 мая» во главе с К. Георгиевым «Туран» был распущен, но его члены и сторонники продолжили нелегальную деятельность и даже участвовали в создании турецких террористических организаций — «Золотая Орда» и др.

ях и амбициях болгарских турок, благосклонно воспринимавшихся Анкарой, уместно искать истоки политики противодействия болгарских властей утверждению *национальной идентичности* турецкого населения, выразившейся в сокращении числа национальных школ и печатных изданий на турецком языке, препятствовании замене арабицы латиницей, ограничении участия турок в органах власти. Одновременно болгарские «верхи» всячески поддерживали *религиозную идентичность* болгарских турок, солидаризируясь в этом с исламским духовенством — противником лаицизации общественной жизни в Турции и «безбожного» кемализма. Религиозная обособленность означала сохранение в Болгарии некой анонимной мусульманской общности и блокировала процесс развития национального самосознания болгарских турок под влиянием кемалистских идей. Активно поощряя переселенческие настроения и, более того, вынуждая болгарских турок эмигрировать (на это, в частности, были направлены меры по их экономическому разорению⁸), власти проводили также целенаправленную политику по ограничению образовательных стандартов в турецких школах. В 1935 г. Министерство народного просвещения предложило «официально представлять дело так, что делается все возможное..., чтобы поднять турецкие школы на подобающую высоту, но не допускать при этом, чтобы они сравнились по результатам обучения с народными (т.е. болгарскими. — Т.В.) школами... Одно подчиненное национальное меньшинство, проживающее компактными массами... представляет собой серьезную опасность для безопасности нашего государства, если путем просвещения поднять его на ту же ступень».

Еще более четко формулировалась задача в одном из докладов полицейского ведомства в 1941 г.: «Следует сделать все возможное, чтобы турки утонули в невежестве, их культурный уровень был как можно ниже, а в материально-экономическом отношении не позволить им твердо встать на ноги. Таким образом, они окажутся в положении, когда не смогут и не будут иметь времени заниматься политическими вопросами»⁹. Данные установки не остались только на бумаге. Так, в частности, обучение турецких детей сосредоточилось в основном в частных школах, чьи финансовые возможности были крайне ограниченными, а обучение предполагало, прежде всего, изучение

Корана. При этом число школ непрерывно сокращалось (605 в 1936 г., 367 — в 1944 г.)¹⁰. Особая задача, — как подчеркивалось в одном из официальных документов, «скорее разведывательная, нежели чисто педагогическая», — возлагалась на учителей-болгар, преподававших болгарский язык, историю и географию. Учителя должны были «незаметно следить» за всем происходящим в каждом турецком селе, стать «глазами и ушами государственной власти»¹¹.

После государственного переворота в сентябре 1944 г. власть Отечественного фронта (ОФ) сразу же обратила внимание на мусульманский вопрос. Сохраняемые в болгарских архивах документы свидетельствуют, что в это время разрабатываются основные параметры новой государственной политики в отношении турецкого населения. Несмотря на то, что советские сотрудники Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии, внимательно отслеживавшие обстановку в стране, оценивали настроения болгарских турок как спокойные¹², власти держались настороженно, опасаясь проявлений турецкой националистической пропаганды. Главным раздражителем при этом являлось наличие компактного турецкого населения в стратегически важных пограничных с Турцией южных районах. Оно рассматривалось как потенциальная «турецкая агентура» и «пятая колонна» в случае возникновения опасных для Болгарии зигзагов турецкой политики.

Это объясняет, в частности, определенную двойственность в подходе правящей народно-демократической коалиции к турецкой проблеме. Осознавая необходимость укрепления социальной базы нового режима, власть взяла курс на улучшение положения турецкого населения, но при этом предполагала ограничить в отношении него принцип равноправия. Исходила подобная инициатива от коммунистов. Характерна в этом плане установка Г. Димитрова, относящаяся к началу 1945 г. Находясь в Москве, он ориентировал партийное руководство: «Национальным меньшинствам следует предоставить полные права, но с турками необходимо быть осторожными. Они должны быть равноправными, иметь те же политические и гражданские права, что и болгары, возможность учиться на своем языке, иметь школы, мечети. Но как турки они не должны представлять какое-либо обособленное турецкое национальное движение, в противном случае будут созданы условия

для деятельности турецкой агентуры в стране. А мы хотим *прогнать Турцию из Европы, пусть отправляется в Азию* (здесь и далее курсив мой. — Т.В.)*. Любое турецкое национальное движение в стране станет раной на теле болгарского народа. Турки не должны организовываться в национальный союз, не должны избираться в парламент как представители турецкой национальной группы, а только на общих основаниях — как болгарские граждане турецкого происхождения. В Национальном комитете [ОФ] можно создать турецкую комиссию для пропаганды и агитации в духе ОФ среди турецкого населения. Туркам следует прямо заявить: те, кто хотят жить в Болгарии вместе с болгарями, должны иметь и равные обязанности. Те, кому это не нравится, *пусть отправляются в Турцию***.

Болгарский язык в турецких школах должен быть обязательным. Турецкий национализм мы не признаём...»¹³.

По сведениям болгарских историков, на протяжении 1944—1945 гг. болгарские турки не стремились покинуть страну. Первое в условиях новой власти переселение пришлось на 1946 год, когда в Турцию, по некоторым данным, выехали 493 чел. Характерно, что почти все они являлись сравнительно зажиточными представителями городских сословий и надеялись быстро и безболезненно интегрироваться в турецкое общество¹⁴. Равнодушие основной массы болгарских турок

* Заметим, что авторство данной целевой установки принадлежало отнюдь не Димитрову: еще на встрече с ним в Москве 25 ноября 1940 г., Сталин, информируя о советском предложении заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией и указав на цель политики Москвы в отношении Турции — «иметь там базы, чтобы Проливы не были использованы против нас», пообещал: «*Мы прогоним турок в Азию*» (Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 203). Поскольку какая-либо самостоятельность национальных коммунистов при формулировании стратегических задач, особенно в сфере внешней политики, исключалась, следует признать, что Димитров осуждал турецкие «дела» с советскими руководителями. Отсюда проистекала категоричность и жесткость его формулировок.

** Это говорилось в то время, когда власть ОФ, стремясь отстраниться от национальной политики прежних буржуазных правительств, официально не рассматривала вопрос о переселении болгарских турок (Калинова Е. Насилието в политиката на българската държава към българските турци . 30-те — 80-те години на XX век // История. 2004. № 3. С. 55—56). Иными словами, Димитров явно обозначил перспективу, озвучив, как представляется, позицию Москвы.

к возможности переселения в то время (по болгарским данным, и в 1948 г., например, страну покинули не более 40 чел.¹⁵) объяснялось существенным улучшением их культурно-бытовых условий, о чем свидетельствуют многочисленные факты¹⁶. Показательно в связи с этим, что турецкая элита и высшее мусульманское духовенство официально поддержали политику ОФ. Это имело немаловажное значение в условиях деятельности в стране СКК и неурегулированного международного положения Болгарии. (Позднее, в Мирный договор с Болгарией, подписанный в феврале 1947 г., не была включена статья о гарантиях нацменьшинствам, тогда как в аналогичных договорах с другими странами-сателлитами гитлеровской Германии — Венгрией и Румынией такие статьи имелись. Это свидетельствовало о том, что у союзников по антигитлеровской коалиции положение мусульманского населения Болгарии не вызывало беспокойства).

Очевидно вместе с тем, что новая власть унаследовала от прежних режимов страх перед влиянием южной соседки на болгарских турок и возможным превращением их в дестабилизирующий фактор в стране. Вероятно, с этим был связан и зафиксированный в решении Политбюро ЦК БРП(к)* от 12 февраля 1945 г. о работе среди турецкого меньшинства отказ в требовании турок допустить молодежь к службе в регулярной болгарской армии. Было признано целесообразным «пока с этим подождать, хотя это требование справедливо»¹⁷.

Принципиальные коррективы в «мусульманскую» политику государства были внесены в условиях разгоравшейся «холодной войны» и складывания биполярного послевоенного мира. В июле 1947 г. был подписан договор между США и Турцией об экономической и военной помощи, обострились советско-турецкие отношения по вопросу о режиме Проливов. Общее ухудшение международного климата к середине 1947 г. затронуло и болгаро-турецкие отношения. Официальная Анкара усилила пропагандистскую деятельность среди болгарских турок. В мае 1947 г. было объявлено, что Турция готова принять турок-переселенцев на основе прежних соглашений. Обвинив болгарские власти в нарушении прав турецкого населения на

* Болгарская рабочая партия (коммунисты) — название компартии до декабря 1948 г.

свободное переселение (оно осуществлялось с разрешения СКК) и на беспрепятственный вывоз эмигрантами движимого имущества, Анкара инициировала также и постановку вопроса о положении турецкого меньшинства в Болгарии перед мировым сообществом. В конце 1947 г. возросло количество инцидентов на болгаро-турецкой границе, где дело дошло до перестрелок и нападений на болгарские погранпосты. Имелись случаи нарушения воздушного пространства Болгарии турецкой авиацией. При одной из таких попыток два турецких военных самолета были сбиты в районе г. Созопол, в юго-восточной части страны, после чего отношения с Турцией достигли критической точки. Все это не способствовало снижению напряженности в мусульманском вопросе в самой Болгарии, где власть ОФ стремительно теряла коалиционный характер и постепенно сосредоточивалась в руках коммунистов.

После раскола послевоенного мира на два лагеря Болгария восприняла советскую модель общественно-политической трансформации. В этих условиях менталитет, традиции и уклад жизни болгарских турок (большинство их, как и прежде, составляли крестьяне и низшие городские слои) еще более зримо вступали в противоречие с характером перемен в стране. В частности, турки опасались, что в школах их дети не смогут изучать Коран, противились идее равенства мужчин и женщин, острое сопротивление вызывало начавшееся кооперирование деревни. Допросы перебежчиков, решившихся на нелегальный переход болгаро-греческой границы с последующим перемещением в Турцию, выявили и такие причины недовольства, как неудовлетворительное материальное положение, голод, нежелание служить в строительных («трудовых») войсках и пр.¹⁸ В силу этого задача «завоевания» основной массы турецкого населения, безоговорочного привлечения его на свою сторону сохраняла для властей свою актуальность. Определенную роль сыграло массовое переселение болгарских евреев в Израиль: многие болгарские турки заявляли, что также желают «вернуться на свою родину».

Тщательно проанализировав ситуацию, межведомственная комиссия при Министерстве иностранных дел Болгарии пришла к выводу о том, что турецкое население «никогда не будет лояльным и надежным элементом», что «нет ни одной турецкой семьи, в которой не говорилось бы о переселении, ни од-

ного турка, в голове которого не засела бы глубоко эта идея»¹⁹. С учетом этого на январском пленуме ЦК БРП(к) 1948 г. Димитров предельно откровенно сформулировал основную задачу политики в отношении турецкого населения: «...Хочу сказать вам — пусть это останется между нами, — что есть один вопрос, который возник не вчера. Он заключается в том, что вдоль нашей южной границы мы имеем, в сущности, неболгарское население, представляющее собой настоящую язву для нашей страны. Перед нами, партией и правительством, стоит вопрос, как найти способ убрать его оттуда, переселить на другое место, а туда заселить наше собственное, болгарское население. В различных [стратегически] важных районах страны, как в Шуменской, Разградской и других областях, мы имеем компактное турецкое население. При нашем режиме, который предоставил полную свободу [нац]меньшинствам, начали поднимать голову муфтии, турецкие агенты; молодежь начала проявлять турецкий национализм, смотрит на Царьград и Анкару. Мы должны принять соответствующие меры. Эту проблему необходимо решить в 1948 г. С этой точки зрения в Национальном комитете ОФ следует создать комиссию из представителей меньшинств, с помощью которой и провести эту сложную операцию. Мы не можем оставить Народную Республику Болгарию в том положении, в каком она пребывала до 9 сентября»²⁰.

Обращает на себя внимание сходство этой установки с советской практикой депортаций «провинившихся» народов, причем первой, довоенной, волны депортаций, основной мотивацией которой для сталинского руководства было укрепление обороноспособности государства. Да и в болгарской истории депортации также имели место: еще свежи были воспоминания болгар о насильственном выселении их соотечественников турецкими властями из Восточной Фракии и Малой Азии в 1913 г. безо всякой имущественной компенсации. Отметим, что уже в послевоенные 1946—1947 гг. с призывами избавиться от болгар в Эгейской Македонии (их насчитывалось там от 60 до 70 тыс. чел.) активно выступала греческая печать. Сравнивая болгарское население с «занозой, которая в скором времени загноится», и «раковой опухолью в легких Греции», газета «Катемирини», например, напоминала о принудительном выселении немцев в соответствии с решениями «большой

Тройки» и подчеркивала, что «точно так же следует поступить и со славянами»²¹. Иными словами, в вопросе о депортациях болгарские коммунисты не изобрели ничего нового и шли в ногу со временем с характерным для него проявлением силового синдрома в мышлении и конкретной политике.

Точные данные о реализации плана Димитрова отсутствуют. По сведениям турецкого историка Б. Шишмира, в июле 1948 г. 50 вагонов переселенцев были направлены из района Родоп в Добруджу, а в октябре 1949 и сентябре 1950 г. еще 91 вагон из Златограда и Крумовграда — соответственно в Северную Болгарию, Разград и Шумен²². Конфиденциальные партийные источники указывают, что до августа 1948 г. в принудительном порядке из районов Неврокопа, Смоляна, Девина, Златограда, Крумовграда и Момчилграда были депортированы 415 семей, или чуть более 2300 чел.²³. И. Ялымов сообщает, что в 1948 г. на основе нескольких постановлений Совета министров только из километровой зоны вдоль южной границы были насильственно выселены более 685 семей «политически неблагонадежных элементов» (примерно 3700 чел.). К середине 1950 г. с южной и западной границы дополнительно были депортированы 1550 семей. Их дома, земли и виноградники передавались в государственный земельный фонд, причем предусматривавшаяся компенсация неоднократно откладывалась, растянувшись на годы, а кое-где вообще не была выплачена²⁴. Депортации, затронувшие не только турецкое население, но и помаков, обернулись огромными трудностями, привели к значительной смертности, особенно детской, явились дополнительным стимулом для распространения переселенческих настроений.

Болгарское руководство опасалось, что массовый исход турок негативно скажется на международном престиже страны, и до середины лета 1949 г. стремилось пригасить переселенческий энтузиазм рвавшихся на историческую родину сограждан. Важную роль играл при этом и экономический фактор — необходимость обеспечить сбор урожая табака.

Одновременно стараниями болгарских властей обострился вопрос о собственности эмигрантов. Был взят курс на ограничение возможности вывоза ими движимого имущества, покупавшегося на полученные от распродажи недвижимой собственности средства: составлялись списки разрешенных к вывозу вещей, искусственно снижались цены на землю и сры-

вались сделки по ее продаже. В феврале 1950 г. в Совете министров было принято решение неофициально предупредить местное население о нежелательности покупать землю у переселенцев и о трудностях, которые неминуемо возникнут при оформлении соответствующих сделок купли-продажи. Эти мероприятия способствовали поддержанию ненормального положения, когда, как образно формулировала турецкая сторона, переселенцы массово прибывали в Турцию «голыми и босыми»²⁵.

Летом 1949 г. переселенческий вопрос обсуждался болгарскими с советскими руководителями. На встрече В. Червенкова, Г. Дамянова и А. Югова со Сталиным в Москве 29 июля гости получили «совет» «освободиться от турок» как «неблагонадежного элемента» при возможном военном конфликте²⁶. 18 августа Политбюро ЦК БКП приняло соответствующее решение, исходившее из установки, что болгарские турки являются частью турецкой нации, а их родина — современная Турция. В основу партийного решения, помимо «совета» Москвы, был положен доклад члена Политбюро Д. Терпешева, совершившего в июле 1949 г. по поручению ЦК инспекционную поездку по Кырджалийскому округу. Отметив, что в большинстве турецких кварталов из двух-трех или пяти-десяти домов болгарская власть «почти не чувствуется», Терпешев констатировал: «Эта компактная турецкая масса, в которой нет ни одного болгарина, живет полностью чувствами к Турции и настроена враждебно к нам. Их мы никогда не сможем приобщить*. Особенно уязвим этот край был бы при возможных драматических событиях и конфликтах... Мы должны обдумать вопрос, как и когда выселим турок, кем их заменим и какие преобразования должны осуществить в этом крае, чтобы получить оттуда табак и одновременно защитить границу». Терпешев предлагал проводить выселение по этапам и группами, охватив в первую очередь «реакционеров и подстрекателей»²⁷. В решении

* Под понятием «приобщение» длительное время понималось привлечение болгарских турок к идеям и практике социалистического строительства в стране. Основным методом приобщения являлись позитивные изменения в социально-культурной сфере. Впоследствии, в ходе «возродительного процесса», «приобщение» стало означать устранение этнической и религиозной специфики турецкого населения, в том числе и насильственными методами.

Политбюро указывалось, что если Турция откажется принять всех желающих, то они до конца года будут переселены в северные районы Болгарии, а их место займет болгарское население. Ему предстоит решение таких важных задач, как уборка урожая табака и проведение посевных работ. Особо оговаривалось, что вопрос о вывозе домашнего имущества, сельхозинвентаря и домашнего скота предстоит дополнительно изучить Совету министров²⁸. В конце декабря 1949 г. Министерство иностранных дел Болгарии поставило перед турецкой стороной вопрос о принятии примерно 250 тыс. болгарских турок-переселенцев *из южных районов страны*, причем в кратчайший, трехмесячный, срок.

Охватившая болгарских турок переселенческая эйфория, однако, быстро разбилась о непреклонность позиции турецкой стороны, не спешившей раскрыть свои объятия эмигрантам. В мае 1950 г. по дипломатическим каналам из Анкары в Софию поступила информация, что турецкие власти предпочитают иметь в Болгарии «на неопределенное время» компактное турецкое население «чуть ли не с двойным гражданством», ощущающее свое пребывание в Болгарии временным и глядящее одним, а то и обоими глазами на Анкару²⁹. В августе 1950 г. болгарское правительство официально выразило свое беспокойство в связи с явным нежеланием Анкары принять всех желающих: из 250 тыс. болгарских турок, подавших заявления о выезде в Турцию (это составило примерно треть турецкого населения), 54 тыс. получили болгарские выездные визы, а турецкая сторона, в свою очередь, предоставила въездные визы только 15 тыс. чел.³⁰ Нажим болгар подействовал: до конца 1950 г. количество въездных виз достигло 71 тыс.³¹ Эта интересная статистика отразила, на наш взгляд, двойные стандарты переселенческой политики обеих сторон. Анкара действовала вопреки многократным пропагандистским заявлениям в защиту болгарских турок, стремившихся вернуться на «родину-мать». София всячески поощряла выселение с последующим выездом в Турцию болгарских турок непосредственно из пограничья, но в то же время не отказалась от намерения максимально «обезвредить» часть турецкого населения путем депортаций в северные районы Болгарии.

Следует учитывать, что в вопросе переселения Анкара столкнулась с объективными трудностями, главная из кото-

рых заключалась в невозможности «переварить» в сжатые сроки огромные массы переселенцев*. Кроме того, турецкие власти опасались проникновения в страну «коммунистических агентов». Последовали официальные протесты Анкары против предложенных болгарскими властями темпов переселения; по требованию турецкой стороны переселенцы должны были предоставлять декларации о своих политических взглядах, а также подтверждать наличие родственников в Турции, способных содержать прибывавших в страну в течение года. В августе 1950 г. Турция вообще закрыла границу, прервала в одностороннем порядке железнодорожное сообщение и потребовала от болгарской стороны принять обратно своих граждан, не имеющих на руках правильно оформленных документов. В основном это коснулось 360 семей болгарских цыган. Болгарская сторона пошла на уступки, что позволило через два месяца возобновить переселение, продолжавшееся до начала 1951 г. Всего в 1950 г. страну покинули около 56 тыс. человек³².

В декабре 1950 г. на заседании Политбюро ЦК БКП с участием первых секретарей окружных, околийских и городских комитетов партии был подведен итог бурным событиям года и подтверждена политика государства в отношении болгарских турок. Выступивший с докладом министр иностранных дел М. Нейчев был предельно лаконичным: «Мы, насколько возможно, должны освободиться от турецкого элемента в нашей стране. Наша политика не должна сводиться к тому, чтобы убеждать турок остаться в нашей стране или мешать этому. Но мы не должны и вынуждать их покидать страну. ...Мы должны вести нашу политику таким образом, чтобы все больше и больше турок выселялись и притом из пограничных областей»³³. Очевидное внутреннее противоречие выступления Нейчева не мешает выявить главное — фактически речь шла о «выдавливании» турок из Болгарии, создании условий, делавших их пребывание в стране невозможным и подводящих к добровольному решению о выезде.

* Приему и обустройству переселенцев способствовала серьезная финансовая помощь США, хотя и она не была способна окончательно решить вопрос (Подробнее см.: *Тодорова Р.* Българо-турски отношения след Втората световна война (40-те — 60-те години) // Исторически преглед, 1994—1995. № 5. С. 46).

Нельзя не отметить, что обе стороны, и болгарская, и турецкая, заботились о «качественной» составляющей переселенческого потока. Турки, исходя из критерия полезности эмигрантов, отдавали предпочтение умелым ремесленникам, людям, обладавшим какой-либо квалификацией, и вообще, как прозвучало на упомянутом заседании Политбюро ЦК БКП, «более прогрессивным». Болгарские власти, в свою очередь, рассчитывали на «приобщение» последних, стремились освободиться от «наиболее реакционной и отсталой части» турецкого населения³⁴.

На объем переселенческого потока несомненное влияние оказывала проникавшая в Болгарию информация о судьбе эмигрантов в Турции³⁵. В представлениях болгарских турок позитивы, несмотря на сложности процесса адаптации, как правило, перевешивали: переселенцы получали от государства землю, жилье, средства производства, освобождались от уплаты налогов в течение пяти лет и пр.³⁶

В 1951 г. Турция попыталась уменьшить масштабы переселения: руководствуясь принципом, что число эмигрантов не должно превышать естественный годовой прирост турецкого населения в Болгарии, предлагала ограничиться 10–12 тыс. переселенцев в год. (Для сравнения: за десятилетие 1946–1956 гг. прирост составил примерно 136 тыс. чел., или в среднем 13,6 тыс. в год³⁷). В ноябре 1951 г. последовало вторичное закрытие границы. Поводом вновь явилось появление на турецкой территории болгарских цыган, не имевших права переселения. (Для нарушителей обстановка облегчалась тем, что вплоть до весны 1956 г. оставался открытым вопрос о демаркации болгаро-турецкой границы). В ответ болгарская сторона заявила, что прекращает выдачу выездных виз болгарским туркам. Разразился так называемый переселенческий кризис, длившийся до февраля 1953 г., когда болгарская сторона согласилась принять обратно цыган-переселенцев. Однако граница оставалась закрытой вплоть до 1968 г. За это время число переселенцев можно было буквально пересчитать по пальцам³⁸, но в отдельные годы наблюдался и определенный рост числа нелегальных переходов болгаро-турецкой границы³⁹.

Подытоживая сказанное, заметим, что к началу 1950-х гг. ни одна из поставленных ранее болгарским руководством задач не была решена. Несмотря на то, что на протяжении 1948—

1951 г. число переселенцев превысило 156 тыс. чел. (по другим данным, составило более 154 тыс.)⁴⁰, резкого сокращения численности болгарских турок не произошло, как не было достигнуто и их полное перемещение из районов южного пограничья. Кроме того, все более ясно давали о себе знать обусловленные переселенческой политикой трудности в болгарской экономике, прежде всего, в сельском хозяйстве: равноценную замену туркам, особенно в табаководстве, найти не удалось, возникла проблема освоения пустовавших земель, проявилась нехватка рабочих рук в добыче полезных ископаемых, отчасти в строительстве — традиционных сферах использования турецкой рабочей силы.

Как следствие, в «мусульманской» политике начинается новый этап — переход к «приобщению» турецкого населения. Несомненное влияние оказывал в это время и советский опыт построения «многонационального государства» на основе национальной терпимости, признания национальных особенностей, стимулирования культурного и экономического развития, активного участия разных национальностей в построении социализма. Эти принципиальные положения были закреплены в специальном решении Политбюро от 26 апреля 1951 г. «Об улучшении работы партии среди турецкого населения», принятом по докладу Т. Живкова. Практическую работу предполагалось строить, укрепляя связи с советским Азербайджаном, поскольку считалось, что в политическом арсенале этой республики имелся богатый опыт решения «турецкого вопроса»⁴¹.

Политика «приобщения» начала активно претворяться в жизнь. Финансовые средства, стройматериалы, продовольствие, товары широкого потребления, «отвечающие быту и нуждам» турок, мощным потоком потекли в проблемные районы. Улучшается медицинское обслуживание; развернута подготовка партийных кадров, причем обучение и пропаганда в партшколах ведутся на турецком языке; «зеленый свет» получает изучение турецкого языка в школах; в районах компактного проживания болгарских турок в массовом порядке открываются школы, детские сады, библиотеки-читальни. Так, число турецких школ в начале 1950-х гг. превысило 1100, охватив до 80 % турецких детей⁴². Издается пресса на турецком языке; радио Софии и радиостанции в Стара Загоре и Сталине (Вар-

не) ведут передачи на турецком языке; с болгарского регулярно переводятся короткометражные фильмы и документальная кинохроника; в Шумене, Хасково и Русе созданы турецкие эстрадные театры; вводятся государственные стипендии для обучения турецких детей в гимназиях и вузах и т.д., и т.п.

Быстро обнаружилось, однако, что у этого процесса имелась и оборотная сторона. Поскольку в национальных школах обучение велось на турецком языке, а болгарский изучался лишь как один из предметов, подраставшая турецкая молодежь не владела государственным языком, что ограничивало ее включение в нормальную жизнь, делало практически невозможным получение дальнейшего образования, блокировало карьерный рост и пр. В сознании болгарских турок как граждан Болгарии вызревали ощущения собственной неполноценности. Это вызывало повышенное внимание турецкой молодежи к южной соседке, хотя в рамках идеологизированного школьного воспитания учащимся разъясняли обстановку в «маршаллизованной Турции», вступившей в феврале 1952 г. в НАТО, равно как и роль СССР — «оплота мира и демократии и дружбы между народами». В целом же традиции и сильные религиозные чувства болгарских турок привели вместо ожидавшейся интеграции к еще большей их обособленности, осознанию себя чем-то отдельным от болгар. Вплоть до 1956 г., однако, власть продолжала исключительно толерантно относиться к демонстрировавшейся болгарскими турками своей турецкой идентичности, содействовала созданию турецкой интеллигенции.

Опубликованные болгарскими историками в последнее время документы, воссоздавая впечатляющую картину реальных итогов мероприятий власти в отношении турецкого населения, вместе с тем прорисовывают и такие серьезные проблемы, как грамотность турецкого населения и его религиозность. Так, по закрытой информации ЦК БКП, даже среди коммунистов-турок, «охваченных» политпросвещением, 85 % были «полуграмотными», т.е. обучившимися чтению в ходе кампании «ликбеза» 1946 г. или посещавшими старые школы при мечетях, где основным предметом был Коран. «Немало и таких [партийных] организаций, — говорилось в одном из документов, — где почти все члены неграмотные или почти неграмотные, а во главе организации — неграмотный секретарь.

...Подавляющее большинство турок-коммунистов являются верующими, посещают мечеть, уважают и слушаются ходжей»⁴³.

Улучшение условий жизни турецкого населения в процессе «приобщения» привело к повышению рождаемости в турецких семьях. Не случайно в середине 1950-х гг. впервые в поле зрения нового болгарского руководства во главе с Т. Живковым попадают особенности этнодемографического развития страны.

Во второй половине 1950-х гг. отмечаются изменения в трактовке болгарским руководством «мусульманского» вопроса. На этапе десталинизации пересмотру подвергается заимствованное у советской стороны определение «многонационального характера» Болгарии. 4 октября 1958 г. пленум ЦК БКП утвердил «Тезисы ЦК о работе партии среди турецкого населения», в которых впервые ясно заявлено: родина болгарских турок — Болгария, здесь их предки жили с 1878 г., они — «неделимая составная часть болгарского народа». В политике «приобщения» явно намечаются принципиальные изменения: отныне приоритет будет отдаваться не столько идеологическому (приобщение «к социализму»), сколько национально-государственному фактору (приобщение «к Болгарии») ⁴⁴. Отсюда берет начало появление новых установок на преодоление национальных, вероисповедных, языковых и бытовых особенностей, отличающих болгарских турок от болгар. Прежде всего, наступает конец школьной «эйфории» начала 1950-х годов. Власть делает новый зигзаг: формулируется задача слияния турецких и болгарских школ уже в 1958/1959 учебном году, обучение турецких учащихся, как и подготовка учителей, осуществляются на болгарском языке. Турецкий язык преподается теперь как один из предметов или факультативно. Новые веяния учитывали, в частности, и демонстрировавшееся турецкими учащимися нежелание учить болгарский язык и историю. Начинается очередная мучительная переориентация, для которой характерны дисбаланс в подходах, непродуманность и недодуманность перемен. Часть турецкого населения восприняла происходившее как начало культурной ассимиляции ⁴⁵. Стремясь заблокировать подобные настроения, власть усилила внимание к экономическому фактору. Сработал стереотип, согласно которому улучшение материального положения турецкого населения должно было стать заветным ключом к из-

менению психологии людей. Однако на деле возникает казус «замкнутого круга»: силу набирают националистические и сепаратистские тенденции.

В этих условиях болгарское руководство решило сконцентрировать усилия на атеистической работе среди болгарских турок, развертывании борьбы с религиозным фанатизмом⁴⁶. Государство уделяет повышенное внимание многочисленному исламскому духовенству. К сентябрю 1944 г. оно считывало свыше 16 тыс. чел. причем, по официальной болгарской статистике 1934—1944 гг., один ходжа приходился примерно на 38 мусульман, в то время как один православный священник окормлял до 3 тыс. (!) прихожан. Хотя после установления власти ОФ эти показатели стремительно сократились, соотношение в пользу мусульманского духовенства сохранилось: 3200 священников-мусульман против 2400 православных священнослужителей⁴⁷. Политбюро 7 апреля 1960 г. приняло решение провести районирование сел с турецким населением в 500 районах страны и сел с помакским населением — в 80 районах. Вследствие этой меры число ходжей сократилось до 580. До конца 1960 г. им предстояло пройти официальную регистрацию, дававшую право отправления религиозных обязанностей. Одновременно Комитету по делам вероисповеданий при Министерстве иностранных дел и местным советам была дана установка регистрировать только лояльных народной власти лиц. Был также введен запрет на проведение ходжами и цирюльниками традиционного обряда обрезания (суннета): правом совершать его наделялись единственно турки-медики, а таковых было крайне мало. Это вызвало острую реакцию болгарских турок, подпитывая подозрения в ассимиляционных намерениях властей.

Наступление в религиозной сфере болгарские руководители напрямую связывали с изживанием переселенческих настроений. Что же касается освобождения от религиозного фанатизма, то на это, по мнению партработников среднего звена, «потребуется еще несколько лет». Такой достаточно оптимистический прогноз зафиксировал в справке о поездке по Тырговиштенскому округу в мае 1960 г. второй секретарь посольства СССР А. Бирюков⁴⁸.

На этом этапе наблюдается очередное изменение в подходе к переселению. Болгария снова, впервые после 1951 г., вы-

разила готовность «отпустить» всех желающих, рассчитывая таким образом «сократить базу для проведения турецким правительством враждебной деятельности» и снять с себя обвинения в препятствовании переселению⁴⁹. В условиях охватившей Турцию нестабильности и частой смены кабинетов после военного переворота 27 мая 1960 г. трудно было рассчитывать на принципиальные подвижки Анкары в указанном вопросе. Болгарская сторона, однако, решила активизировать свою внешнюю политику и выдвинула ряд конкретных предложений, направленных на развитие многостороннего сотрудничества. Турки, ссылаясь на экономические и социальные обстоятельства, отклонили такой вариант, официально заявив, что предварительным обязательным условием обсуждения пакета болгарских предложений должно стать обеспечение свободного переселения и признание за болгарскими турками статуса национального меньшинства. Подоплека этого — изменение позиции Турции в отношении «внешних» турок: постепенно приостанавливается агитация в пользу их переселения на историческую родину, Анкара рекомендует им оставаться на прежних местах и вести там борьбу за свои коллективные права.

Для болгарской стороны требование признания турок национальным меньшинством было неприемлемым. Данное понятие, предполагавшее трактовку болгарских турок как часть турецкой нации, давно уже исчезло из партийных и иных официальных документов, хотя это нарушало действующую Конституцию НРБ 1947 г., статья 79 которой четко констатировала наличие нацменьшинств и их права⁵⁰. София оставила требование турецкой стороны без ответа, что, понятно, не способствовало улучшению отношений между соседями. Закономерным финалом стала приостановка Анкарой в середине 1962 г. культурных и спортивных связей с Болгарией.

В целом политику в отношении турецкого населения в середине XX в. можно сравнить с маятником, крайние фазы колебания которого — от признания этнической и религиозной специфики этой группы населения до попыток ограничения этой специфики. В силу крайней непоследовательности действий официальных властей болгарские турки рассматривались то как «свои», то как «чужие», обретая незавидный статус постоянных переселенцев, реальных или потенциальных. Зигзаги и эксперименты в политике государства по отношению

к болгарским туркам в 1940-е — 1950-е гг., несомненно, дали свой отзвук в «возродительном процессе» середины 1980-х гг., демонстрировавшем в значительной мере повторение пройденного. Значительную роль на разных хронологических этапах играл и внешнеполитический фактор, прежде всего состояние и особенности развития болгаро-турецких отношений в связи с переселенческим вопросом. В середине XX столетия в подходе к мусульманскому вопросу в Болгарии все отчетливее утверждается этноцентризм. В «возродительном процессе» он обрел свои наиболее грубые проявления, отразив видение властями путей обеспечения национальной безопасности государства через ограничение, вплоть до подавления, национального самосознания и национальной идентичности болгарских турок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гришина Р.П.* Мусульманское меньшинство в Болгарии: нормы права и их реализация в период между двумя мировыми войнами // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 221.

² Подробнее о политических нравах болгарского общества в XIX в. см.: *Петков Петко Ст.* Преди сто и повече години. Изследвания и очерци по нова история на България. Велико Търново, 2009. С. 58—80.

³ *Трифонов С.* Мюсюлманите и политиката на българската държава (1944—1989) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 210.

⁴ *Манчев Кр.* Националномажчинственият въпрос в българско-турските отношения // Турция. Балканите. Европа. История и култура. Изследвания в чест на професор Дженгиз Хаков. София, 2003. С. 100; *Баева И.* «Възродителният процес» в България като национален и регионален конфликт (Причини за възникване и начини за преодоляване) // Гранични и этноконфесионални конфликти в Средна и Югоизточна Европа. София, 2008. С. 102.

⁵ *Манчев Кр.* Указ. соч. С. 100.

⁶ *Гришина Р.П.* Указ. соч. С. 227—231.

⁷ *Манчев К., Дойчинова Е.* Мюсюлманското население от Североизточна България в българската и турската политика (1919—1939 г.) // Исторически преглед. 1991. № 5. С. 68—69.

⁸ Подробнее см.: *Метшев Ю.* Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. 1919—1944. София, 1977. С.120, 125.

⁹ Там же. С. 123, 168.

¹⁰ *Стоянов В.* Турското население на България и официалната малцинствена политика (1878—1944) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 204.

¹¹ *Мемишев Ю.* Указ. соч. С. 123.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 25. Л. 13—14; Д. 269. Л. 7. См. также: *Никова Г.* Съветската политика спрямо някои от мюсюлманските малцинства на Балканите през втората половина на 40-те години // Сборник в чест на доц. Д-р Минчо Минчев. Велико Търново, 2006. С. 72.

¹³ Указания на Георги Димитров от Москва, прочетени на заседание на ЦК на БРП(к). 6 февруари 1945 г. // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). Том 1. София, 2009. Док. № 5. С. 45—46.

¹⁴ *Христов П.* Изселването на турци от България в периода 1950—1951 г. // История. 1996. № 6. С. 50.

¹⁵ *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998. С. 95.

¹⁶ Подробнее о мероприятиях народной власти в отношении болгарских турок в 1944—1947 гг. см., например: *Баева И., Калинова Е.* Этнически и религиозни общности в следвоенна България // Изследвания по история на социализма в България. 1944—1989. Т. 2. София, 2010. С. 531—532.

¹⁷ Протокол от заседание на Политбюро на ЦК на БРП(к) «за работа сред турското малцинство» // «Възродителният процес»... Док. № 6. С. 47. Решение о службе в армии болгарской молодежи, достигшей 20-летнего возраста, независимо от национальности было принято Политбюро ЦК БКП 20 октября 1950 г. (Централен държавен архив (далее: ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 64. А.е. 103. Л. 1).

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 269. Л. 25—26.

¹⁹ *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» — върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес»... С. 14.

²⁰ Из изказване на министър-председателя Георги Димитров на заседание на ЦК на БРП(к) по въпроса за турското население. 4 януари 1948 г. // «Възродителният процес»... Док. № 8. С. 48.

²¹ Цит. по: *Даскалов Г.* Българите в Егейска Македония: мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900—1990 г.). София, 1996. С. 254—255.

²² Приведший эти сведения в своей книге немецкий исследователь У. Бюксеншютц указал на отсутствие у турецкого автора каких-либо

ссылки на источники (*Бюксениотиц У.* Малцинствена политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци. 1944—1989. София, 2000. С. 127).

²³ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 520. Л. 11.

²⁴ *Ялъмов И.* История на турската общност в България. София, 2002. С. 306.

²⁵ *Тодорова Р.* Българо-турски отношения след Втората световна война (40-те — 60-те години) // Исторически преглед. 1994—1995. № 5. С. 37—38

²⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. В 2-х тт. / Отв. ред. Г.П. Мурашко/ Т. 2. 1949—1953. М.— Новосибирск, 1998. С. 192—201.

²⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 637. Л. 26.

²⁸ Там же. А.е. 653. Л. 4—5.

²⁹ *Баева И., Калинова Е.* Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944—1955). Лекционен курс. София, 2003. С. 206.

³⁰ Там же. С. 207.

³¹ *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите... С. 113.

³² Там же. С. 115.

³³ Доклад на Минчо Нейчев, министър на външните работи, при съвещанието на Политбюро на ЦК на БКП с първите секретари на окръжните, околийските и градските комитети на партията. 2 декември 1950 г. // «Възродителният процес»... Док. № 13. С. 52—53.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Специално эти вопросы рассматриваются, например, в: Съдбата на мюсюлманските общности на Балканите. Кн. 3. Между адаптацията и носталгията. Българските турци в Турция / Съст. А. Желязкова. София, 1998.

³⁶ *Kostanick H.L.* Turkish Resettlement of Bulgarian Turks, 1950—1953. Berkely — Los Angeles, 1957. P. 112—121.

³⁷ *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» — върхът на айс-берга... С. 22.

³⁸ *Михайлов Ст.* Възрожденският процес в България. София, 1992. С. 238; *Баева И.* «Възродителният процес» в България като национален и регионален конфликт... С. 102.

³⁹ В 1962 г. било регистрировано 14 попитки, а до септември 1963 г. — повече 40 (*Ялъмов И.* Указ. соч. С. 341).

⁴⁰ *Трифонов С.* Указ. соч. С. 212; *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите... С. 116.

⁴¹ *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» — върхът на айс-берга... С. 19.

⁴² *Баева И., Калинова Е.* Етнически и религиозни общности... С. 531; *Желязкова А.* Социална и културна адаптация на българские изселници в Турция // Съдбата на мюсюлманските общности на Балканите... С. 14.

⁴³ Доклад на Али Рафиев, завеждащ отдел «За работа сред турското население» на ЦК на БКП, за резултатите от изпълнението на решенията на Политбюро на ЦК на БКП от 26 април 1951 г. за подобряване работата сред турското население. 14 октомври 1953 г. // «Възродителният процес»... Док. № 14. С. 54.

⁴⁴ *Баева И., Калинова Е.* Етнически и религиозни общности... С. 534.

⁴⁵ Там же. С. 535.

⁴⁶ Информация на П. Докузов, зав. отдел «За работа сред националните малцинства» на ЦК на БКП, относно някои проявления на ходжите в страната. 8 май 1958 г.; Информация на Лъчезар Аврамов, зам. зав. отдел «Пропаганда и агитация» на ЦК на БКП, за изпълнение решението на Политбюро на ЦК на БКП «Относно мерките за засилване и подобряване на атеистичната пропаганда в страната». 16 юли 1959 г. // «Възродителният процес»... Док. № 19. С. 57—58; док. № 21. С. 59.

⁴⁷ *Трифонов С.* Указ. соч. С. 214.

⁴⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 074. Оп. 51. П. 227. Д. 23. Л. 144.

⁴⁹ *Баева И., Калинова Е.* Политикът интелектуалец // Иван Башев. Политик, държавник, дипломат. София, 2009. С. 52.

⁵⁰ Български конституции и конституционни проекти / Съст. В. Методиев и Л. Стоянов/ София, 1990. С. 50—51.

Е.Л. ВАЛЕВА
(МОСКВА)

Болгарское социалистическое государство и турецкая этническая общность (1980-е годы)

В статье рассматриваются различные повороты в государственной политике коммунистического режима Болгарии в отношении мусульманского национального меньшинства, попытка окончательной ассимиляции болгарских турок в 1984—1985 гг. и сопротивление этой кампании мусульманской этнической общности.

В мировой истории есть немало примеров, когда в целях укрепления и усиления своей власти, достижения стабильности в обществе правительства прибегали к применению насильственной политики в отношении этнических меньшинств. Не стали исключением в этом плане в XX в. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Коммунистическое руководство Болгарии, пытаясь навязать обществу модель «один этнос — одна культура» (по определению Тодора Живкова), пошло на беспрецедентный шаг. В ходе так называемого «возродительного процесса» в 1984—1985 гг. была проведена насильственная замена имен мусульманского населения страны на болгарские.

Сегодня, с временной дистанции в 30 лет, «возродительный процесс» представляется со всех точек зрения политическим безрассудством. В конце XX в., когда тема прав человека, гражданских и политических свобод личности выступила в мировом сообществе на первый план, пойти по пути насильственной ассимиляции крупнейшего нацменьшинства в стране, и при этом верить, что эта политика может быть успешной, — это воистину политическая авантюра. На Болгарию легло та-

кое позорное пятно, что руководству посткоммунистической Болгарии на протяжении многих лет приходилось дистанцироваться, объясняя, что это было делом режима Т. Живкова, а не болгарского народа, тем более — не болгарских демократических сил.

В современной болгарской историографии подробно (и с разных позиций) рассматриваются различные фазы и повороты в государственной политике по отношению к мусульманскому меньшинству, процессы интеграции и ассимиляции, состояние отдельных этнических и религиозных групп в буржуазной и в социалистической Болгарии, а также в наши дни¹.

Понятие «возродительный процесс» было введено в обиход болгарской коммунистической пропагандой и исходило из официальной партийной доктрины, что все болгарские турки были насильственно обращены в мусульманство еще во время османского ига, но в жилах их течет болгарская кровь, поэтому необходимо «прояснение» и укрепление у них болгарского национального самосознания.

Но «возродительный процесс» второй половины 80-х годов — это лишь «верхушка айсберга», отмечают болгарские исследователи этой проблематики Е. Калинова и И. Баева. Отношение болгарского общества и государства к самому многочисленному из нацменьшинств в стране представляет собой проблему, уходящую своими корнями далеко в прошлое. Нельзя не согласиться с болгарскими авторами в том, что сложность научного подхода к теме о турецком населении в Болгарии заключается прежде всего в необходимости сопоставить принципы отстаивания индивидуальных прав человека, с одной стороны, с национальными интересами страны с другой, в необходимости беспристрастно проанализировать весь комплекс внутренних и внешних факторов, которые обусловили то или иное поведение властей в рассматриваемый период и оценить его результаты сквозь призму как человеческих прав, так и национальных интересов и безопасности².

Многие эксперты считают, что проводимая БКП политика ассимиляции мусульманских меньшинств имела экономические, политические и социальные причины. Среди внутренних факторов, несомненно, важнейшую роль сыграл демографический — в 1975 г. турецкое население составило 772 000 (8,8 % от общего числа), а его естественный прирост почти

в четыре раза превышал этот показатель у болгар. С начала 1980-х гг. обеспокоенное сложившейся ситуацией болгарское руководство во главе с Т. Живковым переходит при решении «турецкого вопроса» к крайним мерам: «приобщение» понимается уже не как включение турецкого населения в социалистическое строительство, а как стирание их этнической и религиозной специфики. Надо отметить, что в постепенно усиливающимся давлении на мусульманские общности неизменно центральным и ключевым действием становилась смена имен, хотя стратегической целью фактически было стирание групповой идентичности.

В то время как ассимиляционные меры в отношении цыган и помаков отличались протяженностью во времени и проводились еще с начала XX в., то насильственная смена имен турок осуществлялась в ходе масштабной и стремительной кампании, которой предшествовала тщательная подготовка. Прелюдией к тотальной смене традиционных имен можно считать «восстановление» имен болгар, рожденных в смешанных браках; детей, рожденных в таких браках с 1982 г. следовало регистрировать только под болгарскими именами.

Каждый этап кампании по смене имен протекал по схожему сценарию — от стихийности и инициативы «снизу» до документального «обоснования» в историческом плане. Так, на служебном совещании с руководящим составом МВД Болгарии 4 января 1985 г. отмечалось, что в результате «научной и практической работы были собраны доказательства, категорическим образом подтверждающие ... болгарское происхождение населения Восточных Родоп³. ...Выявились целые села, системы населенных пунктов и районы, где население имеет турецкое самосознание, но болгарское происхождение. ... На базе этого, с целью приведения имен этих людей в соответствие с действующим в стране правовым порядком ... в 1982 г. Окружной комитет БКП решил реализовать масштабный по своей исторической перспективе и значению и тяжелый для практического выполнения план по замене арабских имен болгарских турок с доказанными болгарскими родовыми корнями». В ходе этой операции только в Кырджалийском округе⁴ было переименовано более 120 000 человек, то есть более 50 % жителей⁵.

В связи с действиями властей в районах со смешанным населением заметно нарастало напряжение. В августе 1984 г. не-

легальные группы осуществили террористические акты в аэропорту Варны и в зале ожидания вокзала в Пловдиве, имелись жертвы. Вероятнее всего, в данном случае можно говорить о кровавом отмщении за попранные права, с действиями лиц, у которых власти сумели вызвать крайний национализм и ненависть. Теракты способствовали еще большему нагнетанию напряжения, хотя общество в целом оставалось в неведении, что и почему происходит.

В конце 1984 г. Т. Живков в тесном кругу своих приближенных решил, что настал момент для смены имен всего турецкого населения страны. Известно, что документ, «оформивший» это решение, до сих пор не обнаружен. Но уже в середине января 1985 г. ЦК БКП провел пленум, который одобрил доклад Г. Атанасова о переименовании потомков насильственно «исламизированных» в прошлом болгар из районов Смоляна, Пазарджика, Благоевграда и других областей страны. Именно в этом документе впервые упоминается понятие «возродительный процесс», в смысле «возрождения» у этой части населения болгарского самосознания⁶.

Для проведения столь масштабной акции на полных оборотах были задействованы не только спецслужбы, милиция, но и армейские подразделения. В своем инструктаже (от 17 января 1985 г.) по проведению мероприятий по замене имен генерал-майор Госбезопасности А. Мусаков предвидел, что они «будут проводиться в исключительно сложной оперативной обстановке» и предлагал в связи с этим принять чрезвычайные меры. Надлежало, в частности, «в селах, где проводится переименование, прервать телефонную связь, а по его окончании под различными предлогами не давать возможности вести телефонные разговоры с Турцией и другими капиталистическими странами... Лиц с турецко-арабскими именами, которые могут развить враждебную деятельность, вывести с важных и уязвимых в диверсионном и противопожарном отношении объектов промышленности, транспорта, сельского хозяйства, складов взрывчатых и отравляющих веществ, горюче-смазочных материалов, источников питьевой воды, водохранилищ и др.»⁷.

В декабре 1984 — январе 1985 г. в результате массовой насильственной акции были принуждены изменить свои имена более 800 000 турок (в четыре раза больше, чем переименован-

ных в 1970-е годы помаков и турок в Смолянском районе)⁸. Все произошло очень быстро и при полном информационном затемнении. Однако, в отличие от предыдущих подобных кампаний, теперь речь шла о сотнях тысяч людей — как жертвах, так и исполнителях и сторонних наблюдателях (соседях, знакомых). Несмотря на то, что кампания по окончательной ассимиляции болгарских турок стала логичным завершением государственной политики НРБ в годы «реального социализма», имевшей свою долгую предысторию, различные проявления и фазы, она ошеломила как их самих, так и все болгарское общество (а вслед за этим — и мировое сообщество). Здесь, несомненно, присутствовал и элемент неожиданности, поскольку на протяжении 1984 г. ничто не указывало на назревающие события.

В ЦК БКП попытались представить дело так, что «восстановление имен прошло быстро и без особых конфликтов» и в целом обстановка спокойная⁹. В действительности же сопротивление турецкого населения административному произволу, беззакониям и насилию в отдельных местах переросло в открытые демонстрации, бунты, столкновения с милицией и войсками, сопровождавшиеся жертвами и кровопролитием. Самые массовые и организованные протесты прошли в городах и селах Северо-Восточной и Южной Болгарии — в Кырджали, Момчилграде, Бенковски, Крумовграде, Груево, Джебеле, Ардово, Млечино, Шумене, Разграде, Каолиново, Дулово, Омуртаге, причем везде они были разогнаны вооруженным путем. На служебном совещании с руководящим составом МВД 4 января 1985 г. подробно говорилось о «нарушениях общественного порядка, массовых демонстрациях, попытках захвата партийных и государственных учреждений, битье витрин и других объектов» в г. Момчилград и в других населенных пунктах в конце декабря. Толпы численностью до тысячи человек скандировали лозунги: «Долой БКП, убийцы, фашисты, мы турки!»¹⁰.

На протяжении почти пяти лет государство всячески стремилось закрепить и углубить «меры» по ассимиляции путем непосредственного воздействия на турок через силовые и другие структуры, а также на все общество с помощью пропагандистской машины, администрации, различных официозных организаций и других механизмов. Однако в целом все эти меры не смогли достичь желаемого долгосрочного эффекта. Тысячи болгарских турок, несмотря на тюрьмы и вновь откры-

тые коммунистическим режимом лагеря не поддались ассимиляции и продолжали надеяться на лучшее будущее. С самого начала и до конца «возродительного процесса» имели место разного рода личные и коллективные противодействия применявшимся насильственным мерам.

Во второй половине 1988 г. несогласные с «возродительным процессом» турки и помаки стали массово присоединяться к Независимому обществу по защите прав человека — первому диссидентскому формированию в Болгарии. В конце года М. Юмер, С. Искендеров и А. Орманлиев учредили турецкую Демократическую лигу в защиту прав человека в Болгарии. Она ставила своей целью возвращение турецких имен, защиту прав человека, борьбу против ассимиляции мусульманских меньшинств и против запрета соблюдать исламские обычаи и традиции; восстановление демократических принципов в общественной жизни¹¹. Организаторы подчеркивали, что будут добиваться этого легальными, мирными средствами. К маю 1989 г. в Лигу входило несколько сот человек.

10 мая 1989 г. болгарский парламент рассмотрел и принял закон о выдаче заграничных паспортов и изменения в законе о гражданстве, которые значительно облегчали выезд за границу. Болгарские власти оказались вынужденными сообразовываться с хельсинкскими решениями, поскольку в конце мая в Париже предстояла Конференция по правам человека стран-членов Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Предстоявшая Конференция, а также обстановка в Восточной Европе (прежде всего, события в Польше) резко активизировали деятельность турецких и болгарских правозащитных организаций. Они стояли у истоков так называемых «майских событий» 1989 г., выразившихся в голодовках протеста, демонстрациях, митингах, массовой рассылке петиций и деклараций с требованием возвращения имен, возможности немедленного выезда в Турцию и в то же время против насильственной депортации из НРБ турецких активистов. «Майские события» стали кульминацией борьбы турецкого населения в Болгарии за демократию и права человека. Демонстрации проходили в Северо-Восточной Болгарии, в Разградской и Варненской областях, затем охватили Бургасскую и Хасковскую области. По признанию современников, это был самый большой организованный и осознанный политический протест, кото-

рый видела коммунистическая Болгария, и болгарские турки показали дух свободолобия и гражданского достоинства¹².

На подавление беспорядков были посланы усиленные отряды органов безопасности и войск министерства внутренних дел на бронетранспортерах. Имелись убитые и раненые с обеих сторон. Чтобы как-то разрядить обстановку, 29 мая 1989 г. Т. Живков произнес по радио и телевидению речь, в которой объявил, что болгарская нация едина и неделима, но если имеются люди (по тогдашней терминологии — «болгары с восстановленными именами»), не считающие Болгарию своей родиной, они могут получить заграничные паспорта и выехать из страны. Он обратился к турецким властям с призывом открыть границу для всех болгарских мусульман, желающим выехать в Турцию на время или на постоянное место жительства¹³. Выступление Живкова и неожиданно быстрый ответ Анкары, что Турция примет всех болгарских граждан, желающих туда переселиться, вызвали невиданную по масштабам эмиграционную волну. Таким образом, власти фактически спровоцировали массовое переселение мусульман в Турцию.

Не подлежит сомнению, что высшее партийное руководство Болгарии приняло к этому времени решение при помощи выселения освободиться от лиц, не поддававшихся «перевоспитанию», хотя не преследовало цели столь массовой эмиграции мусульман. Непосредственно после «майских событий» десятки турок, главным образом, организаторов демонстраций и активистов, были депортированы в Югославию, Венгрию и Австрию. Многие болгарские турки почувствовали, что их буквально «выталкивают» из Болгарии с незначительными средствами и небольшим багажом (дома, животные, все нажитое добро продавались за бесценок). Пропаганда, слухи, взаимные уговоры и нажим повсеместно раздували среди болгарских турок переселенческую эйфорию.

Характеризуя крайне осложнившуюся политическую обстановку в селах с компактным проживанием «болгар, восстановивших имена», заведующий сектором в ЦК БКП Б. Аврамов 10 июня 1989 г. отмечал, что «переселенческий психоз, который во многом отличается от предыдущих, все более усугубляется и демобилизует кадры на местах. Наступает критический момент и опасность цепной реакции среди родопского населения и отуречивающихся цыган. Политическая, социально-

экономическая жизнь в этих селах станет неуправляемой, с трудно предсказуемыми, новыми, организованными формами сопротивления». По всеобщему убеждению, причины подобной обстановки кроются в резком изменении прежней политики партии и государства в отношении этого населения. Политика единения нации, возрождения болгарского национального сознания заменена политикой изгнания из Болгарии, недоверия, отношения как к «туркам»¹⁴.

Самодовольное опьянение безграничной властью и вера в эффективность идеологических, административных и полицейских мер оказались обманчивыми. Болгарские власти были, несомненно, застигнуты врасплох массовыми протестами болгарских турок, растущей солидарностью в их рядах, а также далеко превзошедшим все ожидания желанием переселиться в Турцию. В итоге летом 1989 г. страну покинуло около 360 тысяч болгарских турок (так наз. «Большая экскурсия»), что нанесло огромный политический и экономический ущерб Болгарии. Опустели целые села, частично обезлюдели некоторые области; местная, прежде всего, табачная промышленность столкнулась с огромными трудностями. Болгарские власти вынуждены были принять чрезвычайные меры, в частности, организовать сбор урожая силами солдат и школьников. 21 августа 1989 г. Турция, не в состоянии принять и разместить колоссальное число эмигрантов, скопившихся в пограничных районах, была вынуждена «временно» закрыть границу. Болгаро-турецкие отношения обострились до чрезвычайности. Проявления общественного возмущения и протестов в Турции были особенно сильными и массовыми в самом начале «возродительного процесса», а также в связи с эмиграционной волной лета — осени 1989 г. Митинги в Турции проходили под крайне шовинистическими лозунгами, вплоть до призывов к военному вмешательству.

Первая реакция большинства болгар на массовый выезд турок в основном сводилась к гневному и искреннему осуждению эмигрантов за предательство и неблагодарность. Эта реакция подпитывалась исторической памятью народа о многовековом угнетении со стороны Турции. На этой памяти искусно играло и живковское руководство. Однако спустя некоторое время часть болгарского населения, прежде всего интеллигенция, вступила в фазу отрезвления, анализа причин и последствий произо-

шедших событий. К этому ее подталкивали, в первую очередь, серьезные экономические трудности во многих отраслях народного хозяйства. Как отмечалось в справке Посольства СССР в Софии от 1 сентября 1989 г., «все чаще задается вопрос: кто виноват? Большинство считает виновным партийно-государственное руководство. Вся интеллигенция говорит о непродуманности его действий, о неспособности правильно оценить последствия принимаемых решений». Большинство представителей интеллигенции считает, что «возродительный процесс» принял недопустимый для цивилизованной страны характер. Ситуация усугублялась тем, что на местах эта политика осуществлялась в крайне уродливых формах¹⁵.

Действия властей взбудоражили все болгарское общество и вызвали возмущение и протесты болгарских диссидентов, прежде всего членов Независимого общества в защиту прав человека, независимого профсоюза «Подкрепа» и Клуба в поддержку гласности и перестройки. Отношение к турецкому вопросу превратилось в ключевой вопрос легитимации диссидентов, правозащитников и их организаций. Их позиция по этому вопросу привела к окончательному их разделению на критиков — реформаторов режима и диссидентов — политических оппозиционеров¹⁶. Болгарская оппозиция (но не общество) в целом симпатизировала борьбе турецкого меньшинства за свои права и поддерживала его требования. Историк А. Желязкова пишет: «Как специалисту, мне было совершенно ясно, что в Болгарии совершается преступление по отношению к туркам и болгарам-мусульманам, и моим основным мотивом включиться в неформальные движения стало найти единомышленников, чтобы защищать их права»¹⁷. После «майских событий» по инициативе активистов Клуба группа граждан внесла в парламент декларацию, в которой требовалось: «Признать право вернуть свои имена тем болгарским гражданам, которые этого желают. Освободить всех, кто был задержан или осужден за борьбу в защиту этнической самобытности и преемственности в культуре. Прекратить насильственное изгнание из страны болгарских граждан»¹⁸.

В то же время организованные Отечественным фронтом в конце мая — начале июня 1989 г. откровенно националистические демонстрации и митинги во многом способствовали усилению враждебного отношения к туркам со стороны большей

части болгарского населения. Наряду с лозунгами «Болгария — для болгар!» на митинге в Софии был развернут и лозунг «Долой Софийский клуб и его демагогические тезисы о гласности и демократии!»¹⁹. Ораторы из числа партийных функционеров клеймили членов Клуба как «родоотступников» и «предателей».

Нарушение прав турок нанесло сильнейший удар и по международному имиджу Болгарии, тем более, что в этот период общеевропейский процесс выводит на передний план именно защиту основных человеческих прав и свобод. Не только Турция и весь исламский мир, но и Запад, все мировое сообщество оказывали все более сильный дипломатический нажим на правящие круги в Софии²⁰. Болгария фактически попала в международную изоляцию как страна, грубо нарушившая права и свободы населения.

Особенно неприятна для Живкова была позиция нового советского лидера М.С. Горбачева, на чью поддержку он рассчитывал (как он всегда мог рассчитывать на поддержку его предшественников — Брежнева и Черненко). Вначале «новое мышление» советского генсека на международной арене не влияло непосредственно на оценку «возродительного процесса», официально турецкой стороне было заявлено о нежелательности советского вмешательства во внутренние дела Болгарии. Во время визита Горбачева в Софию в октябре 1986 г. Живков попытался его успокоить: «... мы сделали то, о чем Вам известно. Сейчас население работает. Это не значит, что все вопросы решены. Пройдет 10 лет, и все разрешится... Мы отдаем себе отчет, что легко не будет. Но неожиданностей не произойдет, не волнуйтесь»²¹. Горбачев тогда отказался от комментариев по данному вопросу, но постепенно советская позиция становилась в свете «нового политического мышления» все более сдержанной. Во время встречи М.С. Горбачева с турецким премьер-министром Т. Озалом в 1988 г. советский лидер дал понять, что Кремль не оказывает политической поддержки Болгарии.

Выработке критичного отношения к «возродительному процессу» способствовала и информация, направлявшаяся из Болгарии в Москву советскими дипломатами.

Так, в справке Посольства СССР «О практике осуществления прав человека в НРБ» от 3 марта 1988 г., в частности, гово-

рилось: «Отдельно стоит вопрос о правах так наз. «болгарских турок». Болгарские товарищи подчеркивают, что гражданские права этой части населения обеспечиваются наравне со всеми жителями страны, без каких-либо изъятий или дополнений. Вместе с тем, настроения этой части лиц в отношении сохранения обычаев и традиций, культурного наследия, турецкого языка как средства общения наравне с болгарским, мусульманские вероисповедания подвергаются ограничениям, контролю и нажиму со стороны властей»²².

В августе 1988 г. генконсульство СССР в Пловдиве направило в Москву информацию «о некоторых моментах, характеризующих обстановку в районах южной Болгарии с компактным проживанием мусульманского населения». В ней приводился ряд примеров, свидетельствовавших о нарушениях прав турок и вызванном недовольстве. Так, по распоряжению административных органов в некоторых местах было запрещено празднование в июле курбан-байрама. У селян, которые не успели спрятать туши зарезанных овец, изымали их и отправляли на мясокомбинат. При этом никакой компенсации не выплачивалось. В целях отвлечения населения суббота была объявлена рабочим днем, а в воскресенье проводились мероприятия по благоустройству сел²³.

Генконсульство сообщало, что к ним обращаются советские граждане, постоянно проживающие в Кырджалийском регионе, по вопросу о перемене фамилии в связи со сменой фамилии мужа. По словам этих граждан, «там, где необходимо предъявлять паспорт, официальные лица отказываются обслуживать советских граждан с мусульманской фамилией. Даже якобы есть приказ об этом». Были случаи, когда генконсульство, направляя письменные уведомления советским гражданам и указывая на конверте мусульманскую фамилию, не получало ответа, либо письма возвращались с указанием, что данное лицо по этому адресу не проживает. Таким образом, фактически нарушались права и советских граждан. Исходя из вышеизложенного, советское генконсульство делало вывод, что четыре года спустя после проведения «возродительного процесса» «обстановка в южных районах страны не может оцениваться как стабильная»²⁴.

В справке Генконсульства СССР в Пловдиве от 20 марта 1989 г. констатировалось, что «так наз. процесс возрождения, конечной целью которого является превращение Болгарии в одно-

национальное государство, несмотря на усиление за последнее время пропагандистской и воспитательной работы в местах компактного проживания мусульманского населения, проходит довольно болезненно». Весьма критично в справке отмечалось, что особенно негативно «возродительный процесс» отразился на мусульманской молодежи; он привел к сокращению количества смешанных браков, резкому размежеванию между коренными болгарами и переименованными лицами²⁵.

В дипломатических материалах нашло отражение и желание болгарской стороны заручиться советской поддержкой своей политики. Информировав МИД СССР о болгарской оценке итогов 45-й сессии Комиссии ООН по правам человека, состоявшейся в Женеве 30 января — 10 марта 1989 г., 1-й секретарь посольства СССР в НРБ К.И. Минеев сообщал, что болгарские товарищи придают большое значение своей работе по противодействию антиболгарской кампании, в которую кроме США и Турции включились некоторые другие страны и неправительственные организации. В этой связи они выступают за усиление координации сотрудничества между восточноевропейскими странами — членами Комиссии по правам человека. «Они высоко оценивают нашу поддержку на международных форумах шагов болгарской дипломатии на этот счет и рассчитывают на дальнейшую помощь в этом плане», — сообщал секретарь посольства²⁶.

На самом деле, болгары скорее выдавали желаемое за действительное. Советский Союз все более дистанцировался от внутривосточного курса Живкова, особенно после «большой экскурсии» и связанного с ней обострения отношений Болгарии с Турцией. Как отмечалось в справке советского Посольства от 1 сентября 1989 г. «Об отношении болгарской научно-технической интеллигенции к массовому отъезду из НРБ болгар-мусульман и о позиции СССР», некоторые представители болгарской интеллигенции полагали, что Советский Союз мог бы более определенно поддержать Болгарию: «В Софии распространяется информация о пассивном поведении советской делегации на Совещании по человеческому измерению, на котором НРБ подверглась нападкам со стороны Запада»; утверждается, что «Болгария получила на Совещании большую поддержку от Лихтенштейна, чем от СССР». Такая информация, подчеркивалось в справке, вызывает у части ин-

телигенции чувство разочарования в отношении советской политики²⁷.

Впоследствии М.С. Горбачев вполне определенно дистанцировался от болгарских действий в отношении мусульман. Задним числом, в 1995 г., он писал: «С началом в Болгарии так называемого «возрожденческого процесса» до нас стали доходить сигналы от болгарских граждан турецкой национальности, которые протестовали против лишения их турецких имен и фамилий, насильственного присвоения болгарских. Одновременно болгарские власти обращались к нам с просьбами поддержать их «возрожденческие» акции в Организации Объединенных Наций и перед турецкими властями... Для нас были неприемлемы любые нарушения прав человека, и мы не хотели вмешиваться во внутренние дела Болгарии. Вместе с тем нельзя было просто устраниваться, сделать вид, будто нас все это не волнует. Поэтому мы довели до руководства НРБ и лично до Живкова свое мнение, что его позиция в отношении тюркоязычного меньшинства по крайней мере несправедлива»²⁸.

А что же советское общество? Знало ли оно о происходящем в «братской» Болгарии и если да, то как на это реагировало? Подавляющее большинство советских людей, разумеется, пребывало в полном неведении, поскольку советским СМИ было запрещено касаться данного вопроса. Свое резко негативное отношение к происходящим в Болгарии событиям выразила лишь часть советских мусульман, прежде всего, крымских татар, которые также боролись за свои национальные права.

Непосредственно после «майских событий» в Болгарии, 28 мая 1989 г., они организовали демонстрацию протеста перед болгарским посольством в Москве. Ее участники передали меморандум на имя Т. Живкова, в котором потребовали прекратить насильственную болгаризацию и ассимиляцию турок, татар и других национальных меньшинств. Здесь очевидны аналогии с событиями, происходившими в это время в Советском Союзе: «Жестокие расправы над добивающимися своих национальных прав крымскими татарами в СССР, танки и газы против мирных демонстрантов в Тбилиси — не лучшие примеры для подражания «старшему брату». Примите наше презрение к Вашей чудовищной и мерзкой политике»²⁹.

Ярким документом является телеграмма Съезду народных депутатов СССР, направленная 25 мая 1989 г. находящимися в

Москве представителями крымских татар. Она свидетельствовала об их прекрасной осведомленности о происходящем в Болгарии и смелой гражданской позиции: «По поступившим сведениям, 21 мая в Болгарии произошли кровавые события... На мирных демонстрантов брошены танки и пожарные машины. Имеются десятки убитых, сотни людей арестованы. Советские средства информации хранят гробовое молчание по поводу этого преступления болгарских властей, хотя оно комментируется радиостанциями многих стран мира. Это можно расценить лишь как одобрение высшими органами советской власти шовинистической политики Болгарии в отношении национальных меньшинств... Мы просим съезд народных депутатов СССР выразить свое отношение по поводу действий болгарских властей и молчания советских средств массовой информации»³⁰.

Участники 5-го Всесоюзного совещания представителей инициативных групп Национального движения крымских татар, проходившего в Узбекистане, направили 30 мая 1989 г. «заявление-протест» генеральному секретарю ЦК БКП Т. Живкову. «Политика, проводимая в Вашей стране по отношению к мусульманским народам, противоречит не только духу проводимого Вами марксизма-ленинизма и гуманным принципам социализма, но является также нарушением элементарных прав человека и подрывает основы Заключительного акта Хельсинкского соглашения, принятого и подписанного лично Вами от имени Болгарии... Сегодня мы глубоко возмущены насилием в Вашей стране над турками, татарами, мусульманами-цыганами и помаками и требуем положить конец этой бесчеловечности нашего времени», — говорилось в заявлении³¹.

Таким образом, ассимиляторская кампания болгарского руководства начала пробуксовывать еще до того, как мощные международные факторы привели к падению режима Т. Живкова в ноябре 1989 г.

В первые дни после отстранения Живкова в результате внутривластного переворота в турецком вопросе по инерции продолжала проводиться прежняя линия. Огромные митинги, организованные мусульманскими организациями и Независимым обществом в защиту прав человека после 10 ноября, на которых открыто требовалось положить конец «возродительному процессу», в официозе «Работническое дело» были охарактеризованы как «демонстрация открытого подстрекатель-

ства и грубого вмешательства в личные и семейные вопросы граждан» и как «раскрытие старых ран»³².

Однако очень скоро непрекращающиеся демонстрации протеста турок и помаков с требованием вернуть им имена, выступления крепнущей политической оппозиции, правозащитников, а также давление международной общественности заставили новое партийное руководство Болгарии дистанцироваться от «возродительного процесса» и срочно его пересмотреть. 29 декабря 1989 г. пленум ЦК БКП в составе, не сильно отличавшемся от принявшего решение о переименовании турок, после пространного доклада нового партийного лидера А. Лилова «О преодолении допущенных извращений среди тюркоязычного и мусульманского населения в стране» принял постановление, в котором ЦК отбрасывал как принципиально неправильную и осуждал «как грубую политическую ошибку проводившуюся авторитарным режимом Тодора Живкова кампанию по насильственному созданию „этнически монолитной болгарской нации” и связанные с ней извращения конституционных прав болгарских граждан»³³. Главная вина, как этого и следовало ожидать, возлагалась на Т. Живкова и его ближайшее окружение. Новое партийное руководство провозгласило, что выступает за «национальное согласие, за примирение, за преодоление обид и вражды», осуждает насилие и восстанавливает право мусульман свободно выбирать свои имена (до весны 1991 г. прежние имена вернули около 600 тыс. человек).

Партийное решение от 29 декабря 1989 г. было с восторгом принято мусульманами, однако вызвало новый накал страстей и стало катализатором новых противостояний в этнически смешанных районах страны. Националистические эксцессы были инспирированы местной партийной номенклатурой, хозяйственными руководителями, представителями спецслужб, общественными деятелями, которые в той или иной степени активно участвовали в проведении «возродительного процесса». Их поддержали и сотни простых болгар, почувствовавших неуверенность в быстро меняющейся ситуации, поддавшихся внушениям о растущей «внешней угрозе», опасавшиеся места со стороны мусульман. Партийные структуры в Кырджали, Хасково и Разграде организовали большие националистически митинги протеста против возвращения имен, многие двинулись в столицу. Кульминации эти националистические про-

явления достигли в Софии, где 2 января 1990 г. прибывшие из провинции сотни болгар скандировали лозунги «Болгария — для болгар!», «С турецкими именами — в Турцию!», «Не хотим нового Кипра!», требовали проведения референдума. За этими действиями стоял созданный из партийных кадров Комитет защиты национальных интересов. Так первая попытка восстановления прав болгарских мусульман способствовала рождению нового болгарского национализма, подпитывавшегося настроениями болгар, проигравших от наступивших перемен.

На этот раз обошлось без столкновений. Кризисная ситуация в стране в конечном счете отрезвила различные политические и общественные силы и заставила их встать на путь диалога и национального согласия. Болгарские мусульмане вернули свои тюркско-арабские имена и могли свободно соблюдать традиции. До конца 1990 г. в Болгарию вернулось свыше 150 000 переселенцев, не сумевших приспособиться к жизни в Турции. В свою очередь, сопротивление болгарских турок насильственной ассимиляции в 1988—1989 гг. внесло значительный вклад в оформление открытого гражданского противопоставления коммунистическому режиму и стало катализатором его падения.

Одним из важных последствий ассимиляционной политики БКП считается появление нового влиятельного и весьма противоречивого фактора в общественной жизни страны: 4 января 1990 г. была образована политическая формация болгарских турок Движение за права и свободы (ДПС)³⁴. Из программных документов не видно, что это этническая партия (создание партий на этнической основе запрещено болгарской Конституцией), однако ее членами являются почти исключительно турки и болгары-мусульмане. Основателем ДПС и его бессменным лидером до января 2013 г. был Ахмед Доган. Именно ему принадлежит заслуга, что его партия, играя роль своеобразного «балансира» на политической сцене Болгарии, оказалась в весьма выгодной политической позиции. Считается, что благодаря политической интеграции ДПС, его присутствию в Народном Собрании и сотрудничеству с несколькими кабинетами оформилась особая «болгарская этническая модель», характеризующаяся толерантностью и соблюдением прав болгарских мусульман. Однако большинство болгар встретило появление ДПС враждебно. Фраза Догана «Путь Бол-

гари и в Европу лежит через Босфор» и его тесные связи с Турцией постоянно делают его мишенью антитурецкой пропаганды националистических болгарских партий.

Еще в начале болгарской демократической трансформации ДПС обеспечило восстановление прав и собственности пострадавших и репрессированных в ходе «возродительного процесса». Были амнистированы и реабилитированы все осужденные, включая участников терактов. Было восстановлено факультативное изучение турецкого языка в школах, обеспечена свобода вероисповедания для мусульман, строилось много мечетей. Органы местного самоуправления в селах с преобладанием мусульманского населения в Кырджалийской, Разградской, Шуменской, Силистренской, Смолянской областях оказались в руках представителей ДПС. Однако политические успехи ДПС не означали автоматически, что улучшилось экономическое положение турок и других групп мусульман в Болгарии. Напротив, рыночная экономика привела к уничтожению и закрытию местной промышленности в смешанных этнических районах. К этому добавилась и борьба с курением на мировом уровне, что нанесло удар по табаководству, которым в Болгарии в основном занимались турки. Этим объясняется постоянный рост экономической эмиграции болгарских мусульман в Турцию и Западную Европу. По некоторым данным, за годы болгарского трансформационного периода она намного превзошла по своей численности переселение 1989 г., составив 410 тыс. человек³⁵.

Негативная роль «возродительного процесса» заключается и в том, что он затормозил и приостановил тенденцию к постепенной и естественной интеграции этнических групп в Болгарии. Насилие со стороны государства вызвало обратную реакцию — между ними сформировались устойчивые границы. И это не может не влиять на развитие гражданского общества и политической жизни Болгарии в наши дни. Появление болгарских националистических партий типа «Атаки» В. Сидерова, периодические звучащие в средствах массовой информации крайне националистические голоса свидетельствуют о том, что травму, нанесенную болгарским мусульманам и всему обществу попытками ассимиляции, до сих пор не удалось преодолеть окончательно. В то же время, если поставить рассматриваемые события в контекст происходящего на Балканах и в

других регионах мира, следует признать, что «возродительный процесс» — это большая травма, но до крайностей дело все же не дошло. Взрывной националистический потенциал в Болгарии оказался не настолько велик, чтобы произошло то, что случилось при распаде Югославии: Болгария сумела избежать кровавых межнациональных конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее компетентными и документированными исследованиями нам представляются: *Стоянов В.* Турското население в България между полосите на етническата политика. София, 1998; *Бюксеншютиц У.* Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци 1944—1989. София, 2000; *Иванова Е.* Отхвърлените приобщени. София, 2002; *Яльмов И.* История на турската общност в България. София, 2002; *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическият режим. София, 2008; *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» — върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). Т. 1. София, 2009.

Большую ценность для исследователей представляют документальные сборники: Истината за «възродителния процес». Документи от архива на Политбюро и ЦК на БКП / Сост. С. Леви. София, 2003; Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007; Строго поверително! Асимилаторската кампания срещу турското национално малцинство в България (1984—1989) / Сост. В. Ангелов. София, 2008; «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). Т. 1, 2 / Сост. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009.

² См.: «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). Т. 1. С. 5, 40.

³ Родопы — горный массив в Болгарии и район со смешанным населением, где проживают болгары, турки и цыгане.

⁴ Кырджалийский округ — район с наиболее компактным турецким населением.

⁵ См. «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. Том 1. С. 200—208.

⁶ Там же. С. 219—220.

⁷ Там же. С. 216—217.

⁸ *Груев М., Калъонски А.* Възродителният процес. С. 139.

⁹ См. *Анатомия конфликтов. Централна и Юго-Восточна Европа. Документи и материали последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов.* СПб., 2012. С. 53.

¹⁰ «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. Т. I. С. 38—45.

¹¹ http://www.omda.bg/arhiv/Bg_hronika+10_06_1990.htm

¹² См. *Луджев Д.* Революцията в България 1989—1991. Кн. 1. «Нежната» 1989-а и нейното време. София, 2008. С. 124.

¹³ См. Работническо дело. 1989. 30 май.

¹⁴ «Възродителният процес». Българската държава и българските турци. Т. I. С. 528. Оригинал хранится в: Централен държавен архив (София). ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 73.

¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 74. Оп. 71. Д. 8. Пап. 99. Л. 78—79.

¹⁶ См. *Луджев Д.* Революцията в България 1989—1991. С. 119.

¹⁷ Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988—1989. Част 1. София, 1997. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ См. *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода — 1988—1989 г. // Известия на държавните архиви. София, 2004. Т. 87. С. 27.

²⁰ Подр. см. «Възродителният процес». Международни измерения. (1984—1989). Т. 2. Сост. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009.

²¹ «Ново време» (София), 1995, № 6. С. 88; *Анатомия конфликтов. Централна и Юго-Восточна Европа: документи и материали последней трети XX века. Т. I.* С. 66—67.

²² АВП РФ. Ф. 74. Оп. 70. Д. 7. Пап. 97. Л. 254.

²³ Там же. Л. 94.

²⁴ Там же. Л. 95—96.

²⁵ Там же. Оп. 71. Д. 7. Пап. 99. Л. 39—41.

²⁶ Там же. Л. 91—93.

²⁷ Там же. Д. 8. Пап. 99. Л. 78—80.

²⁸ См. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 2. С. 369.

²⁹ АВП РФ. Ф. 74. Оп. 71. Д. 5. Пап. 91. Л. 21.

³⁰ Там же. Л. 23. К сожалению, нам неизвестно, нашло ли какой-либо отклик это обращение к съезду.

³¹ Там же. Л. 22.

³² Работническо дело. 1989. 27 декември.

³³ Работническо дело. 1989. 30 декември.

³⁴ Фактически ДПС стало продолжением Демократической лиги в защиту прав человека.

³⁵ http://212.39.92.39/e/prosveta/istoria_11/63.4.html

ПЕНКА ПЕЙКОВСКА
(СОФИЯ)

Этнодемографические процессы в среде болгарского меньшинства Венгрии во второй половине XX века

Современная болгарская диаспора в Венгрии формировалась на протяжении столетия и была следствием сезонной трудовой миграции садоводов и овощеводов из северной и центральной Болгарии (в основном из сел Великотырновской и Горнооряховской областей). Некоторые из них осели в крупных городах страны еще в конце XIX — начале XX вв. Более массовый характер расселение болгар в Венгрии приняло после Балканских и Первой мировой войн в связи с урегулированием их трудовой миграции венгерским и болгарским государствами и в результате перехода от обработки земли трудовыми коллективами к семейному производству овощей. Демографические особенности болгарской общности на начальном этапе ее складывания определялись чертами, типичными для любой диаспоры, формирующейся за счет притока иммигрантов — молодых неженатых мужчин трудоспособного возраста. В ее структуре преобладали мужчины (в 1930 г. на 1000 мужчин приходилась 141 женщина). В возрастном отношении можно констатировать «демографическую молодость» группы: небольшая относительная доля молодых и старых (в 1920 г. болгары в возрасте до 14 лет в венгерских городах составляли 9 %, а старше 60 лет — 5 %).

Таблица 1. Численность и относительная доля населения с родным болгарским языком в Венгрии по полу в 1930, 1960, 1990, 2001 гг.¹

Год переписи	Родной язык — болгарский			Болг. гражданство		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Численность			Численность			
1930	2 429	387	2 816	2 194	644	2 838
1960	1 389	730	2 119	х	х	ок. 2 500
	751	619	1 370			
2001	651	648	1 299			
%			%			
1930	86	24	100	77	33	100
1960	66	34	100			
1990	55	45	100			
2001	50	50	100			

х — нет данных.

После Второй мировой войны в развитии болгарской диаспоры в Венгрии и в ее этнодемографическом состоянии произошли значительные изменения, которые были предопределены важными политическими, социальными и экономическими переменами (национализация частной собственности и коллективизация земли, прекращение сезонной трудовой миграции). «Мужская земледельческая» диаспора постепенно трансформируется в интеллигентскую, которая пополняется через спонтанную индивидуальную миграцию. Сегодня болгарская общность Венгрии является одним из тринадцати национальных и этнических меньшинств², признанных венгерским Законом о правах национальных и этнических меньшинств от 1993 г. и, соответственно, пользуется политической и финансовой поддержкой венгерского государства³.

Статистические данные переписей населения являются своеобразным количественным показателем реальных этнодемографических процессов в данной диаспоре. Содержащая-

ся в них информация показывает основные тенденции, происходящие внутри общности в результате глубоких социальных, экономических, политических или культурных перемен. Исходя из этого, в настоящей статье мы попытаемся обрисовать демографический профиль болгарской общности в Венгрии, найти взаимосвязь между демографическими процессами и ее этническим состоянием во второй половине XX в. При этом, анализируя количественные показатели относительно детей, воспитанных в смешанных болгаро-венгерских семьях, данные о двуязычии и численности принявших венгерское гражданство болгарам, мы делаем выводы о степени сохранности этнической и национальной идентичности болгар в Венгрии, а также о процессах интеграции, аккультурации и естественной ассимиляции в их среде.

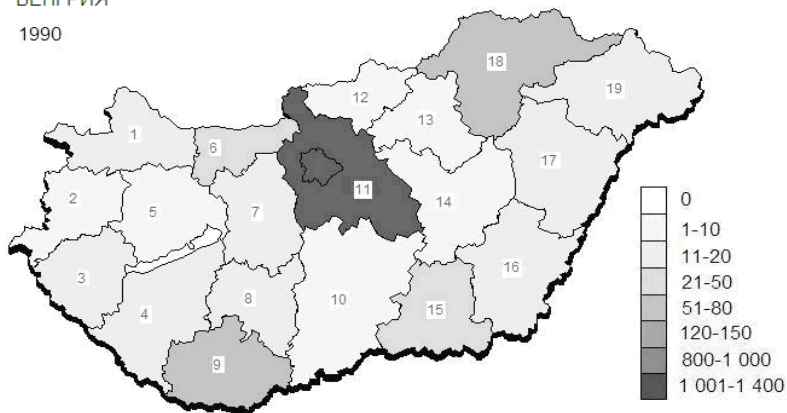
Основным объектом изучения являются переписи населения в Венгрии за 1960, 1990 и 2001 гг., содержащие информацию о местных жителях с болгарским родным языком (в корреляции с полом, возрастом, вероисповеданием, семейным положением, образованием, профессией и занятостью, владением другими языками). В отдельных случаях информация отражает национальность, гражданство, национальную культурную идентичность. В качестве дополнительных источников использована документация Болгарского посольства в Будапеште и министерства иностранных дел Венгрии. Результаты подтверждаются некоторыми личными наблюдениями в ходе интервью и бесед, проведенных в 1998 г. среди болгар в селе Халастелек⁴ (на острове Чепель) и в Будапеште (в том числе использованы данные анкетирования среди учеников болгарской школы в Будапеште, проведенного в 1999 г.).

С 60-х годов XX в. болгарская диаспора в Венгрии пополняется, как уже отмечалось, путем спонтанной индивидуальной миграции вследствие заключения смешанных браков, особенно в среде болгарских студентов в Венгрии. Согласно данным переписи, численность населения, родным языком которого признавался болгарский, к концу тысячелетия сократилась на 39% (см. табл. 2, карты 1 и 2). По сравнению с другими меньшинствами в Венгрии болгары не являются исключением: сокращение численности национального меньшинства, владеющего родным языком, характерно почти для всех групп меньшинств в Венгрии, кроме немцев и цыган.

Карта 1. Численность населения в Венгрии с родным болгарским языком и по областям, 1990 г.⁵

ВЕНГРИЯ

1990

Области: 1. Дьёр-Мошон-Шопрон. 2. Ваш. 3. Зала. 4. Шомодь. 5. Веспрем. 6. Комаром-Эстергом. 7. Фейер. 8. Тольна. 9. Баранья. 10. Бач-Кишкун. 11. Пешт. 12. Ноград. 13. Хевеш. 14. Яс-Надькун-Сольнок. 15. Чонград. 16. Бекеш. 17. Хайду-Бихар. 18. Боршод-Абауй-Земплен. 19. Сабольч-Сатмар-Берег.

На протяжении ряда десятилетий, с 1960 по 1990 г., интенсифицировался процесс концентрации болгар в столице Венгрии Будапеште: их доля возросла с 49% в 1960 г. до 57% в 1990 г. Однако в конце XX в. этот процесс замедлился: доля болгар Будапешта относительно всей болгарской диаспоры в Венгрии выросла всего на один процент (58% в 2001 г.) (см. карты 1 и 2).

Концентрация болгар в Будапеште способствовала консолидации общности, поскольку значительная часть их культурных учреждений находилась именно там (см. карты 1 и 2). Другими населенными пунктами Венгрии, где во второй половине XX в. компактно проживало большое число болгар с родным болгарским языком, были села Халастелек и Сигетсмиклош (оба находятся на окраине острова Чепель, область Пешт, их разрастание приходится на время основания земледельческих кооперативов, когда многие огородники переселяются именно туда и до сих пор занимаются там огородничеством), городок Сентендре близ Будапешта, город Печ в области Баранья и город Мишкольд в области Боршод-Абауй-Земплен (см. таб. 3).

Карта 2. Численность населения в Венгрии с родным болгарским языком и по областям, 2001 г.⁶

ВЕНГРИЯ
2001

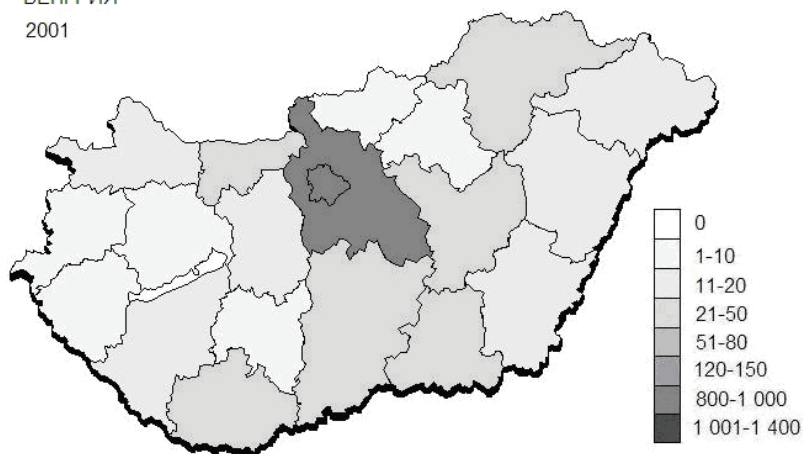

Таблица 3. Населенные пункты в Венгрии, где проживало более 15 человек с родным языком болгарским, 1960–2001 гг.⁷

Населенный пункт (область)	Год переписи		
	1960	1990	2001
Дьёр (Обл. Дьёр-Мошон-Шопрон)	26	10	6
Эстергом (Обл. Комаром-Эстергом)	20	11	8
Мишкольц (Обл. Боршод-Абауй-Землен)	83	31	28
Ниредхазы (Обл. Сабольч-Сатмар)	27	14	7
Печ (Обл. Баранья)	82	41	29
Сегед (Обл. Чонград)	19	10	27
Сентендре (Обл. Пеит)	24	10	7
Сигетсентмиклош (Обл. Пеит)	73	55	28
Фелшэжолца (Обл. Боршод-Абауй-Землен)	21	16	5
Халастелек (Обл. Пеит)	62	73	53

Во второй половине XX в., одновременно с окончательным переселением болгарских огородников в Венгрию (после того, как закон о ликвидации двойного гражданства обязал их до 3 июля 1960 г. принять окончательное решение о том, подданство какого государства они избирают), относительная доля женщин в болгарской диаспоре все более возрастает, а соотношение между женщинами и мужчинами стремится к выравниванию. Несмотря на эту общую тенденцию, гендерная структура болгарской общности в провинции отличается от таковой в Будапеште. В столице в 1960 г. отмечается некоторое увеличение как общего числа женщин, так и относительной их доли, после чего растет только их доля, а численность женщин стагнирует. В отличие от будапештской болгарской общности среди болгар в венгерской провинции не наблюдается ни выравнивания по полу, ни перевеса женщин (что является типичным демографическим явлением из-за большей продолжительности жизни у женщин) — в 2001 г. на 1000 мужчин в среднем приходилось 807 женщин. Определяющей для такого соотношения является возрастная группа 15—39-летних — это возраст заключения брака и воспитания детей. В этой группе численность мужчин по-прежнему превышает численность женщин, в то время как в других возрастных группах наблюдается преобладание женщин (см. табл. 4).

Демографические показатели возрастной характеристики болгарской общности в Венгрии с 1990 г. демонстрируют процесс старения (см. табл. 4/4а). Для болгар Будапешта (как и для болгарской диаспоры в целом) характерно демографическое старение населения, что выражается в увеличении доли старых людей: с 3% в 1930 г. до 33% в 1990 г. Из таблицы 4а следует, что это старение определяется возрастным состоянием болгарской диаспоры в венгерской провинции, т.е. в малых городах и селах. В столице преобладающей группой являются 15—39-летние, а в областных городах — 40—59-летние. Однако в конце XX в. возрастная структура болгарской диаспоры в Венгрии претерпевает существенные изменения: и у мужчин, и у женщин доминирует группа 40—59-летних за счет пожилых людей — явление, которое предопределяется возрастной структурой болгарской общности в столице.

Таблица 4/4а. Численность и относительная доля населения в Венгрии с болгарским родным языком, по возрасту и полу за 1930, 1990, 2001 гг. Относительная доля населения в Венгрии с болгарским родным языком по возрасту за 1990 г.⁸

Воз- раст	0—14		15—39		40—59		60+		Всего				
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж					
1930	133	104	237	1 857	194	2 051	362	70	430	77	19	96	2 814*
1990	43	54	97	252	181	433	241	249	391	215	139	449	1 370
2001	35	49	84	218	182	400	229	233	462	169	184	353	1 299
Численность													
%													
1930	6	27	8	76	50	73	15	18	16	3	5	3	100
1990	6	9	7	33	29	32	32	40	28	29	22	33	100
2001 →	6	8	6	33	28	31	35	36	36	26	28	27	100
* + 2 д. неизв													
		%		0-14		15-39		40-59		60+		Всего	
Будапешт				8		37		28		27		100	
Областные города				5		23		37		35		100	

Если проанализировать возрастную структуру болгарской диаспоры в Венгрии за 1990 г. (в соответствии с градацией: столица — областные города — провинция), то видно, что в венгерской провинции эта структура характеризуется значительно более высокой долей (43 %) «стариков» по сравнению с областными городами (35 %) и особенно со столицей (27 %), что объясняется перемещением болгар из провинции в Будапешт (см. табл. 4а).

В связи с воспроизводством болгарской общности в Венгрии представляют интерес изменения в группе женщин детородного возраста — от 15 до 49 лет. Внутри этой возрастной группы также наблюдается старение. Они заключаются в сокращении доли женщин в возрасте от 15 до 29 лет и в увеличении доли старших, 30—49-летних женщин. Например, в 1930 г. 15—29-летние женщины в будапештской болгарской диаспоре составляли 49 %, а в 1990 г. — только 11 %, соответственно, там же 30—49-летние женщины в 1930 г. составляли 24 %, а в 1990 г. — 38 %⁹.

Анализ данных переписи населения за 1930, 1990 и 2001 гг. показывает, что во второй половине XX в. наступают существенные изменения в трудовой активности и профиле болгарской общности в Венгрии по типу занятости. В переписи 1930 г. 72 % (2046 человек) членов всей болгарской диаспоры с болгарским гражданством были зарегистрированы в качестве экономически активных (работающих) — больше, чем процент болгар, работавших в Будапеште (68 %). Причина этой разницы в четыре процента заключается в том, что в столице проживало больше женщин и детей, находившихся на иждивении своих мужей и отцов. К концу тысячелетия трудовая активность стареющей болгарской диаспоры значительно снижается — до 45 % (1990), хотя в последнее десятилетие XX в. она остается без существенных изменений (см. табл. 5.). Тогда же наблюдается уменьшение доли экономически активного населения с родным болгарским языком еще на один процент. Доля активного населения увеличивается у мужчин и снижается у женщин в связи с увеличением числа мужчин и снижением числа женщин в общей численности населения трудоспособного возраста (см. табл. 4). Эта тенденция развивается на фоне старения общности и увеличения верхней границы трудоспособного возраста.

Таблица 5. Относительная доля болгарского населения в Венгрии по занятости в 1990 и 2001 гг.¹⁰

<i>Год переписи</i>	1990			2001		
	<i>М</i>	<i>Ж</i>	<i>Всего</i>	<i>М</i>	<i>Ж</i>	<i>Всего</i>
Население						
Активное	45	44	45	50	40	44
Неактивное	31	29	30	29	34	32
Безработные	2	1	1	3	3	3
Иждивенцы	22	26	24	18	23	21
Всего	100	100	100	100	100	100

По профессиональной специализации в межвоенный период болгарская общность характеризуется как огородническая. В 1930 г. 83 % были заняты в сельском хозяйстве (производство овощей) и 11 % в сфере торговли (продажа овощей и семян), то есть в общей сложности 94 % были заняты в овощеводстве.

Таблица 6. Численность и относительная доля активного населения в Венгрии с болгарским гражданством по профессиям, 1930 г., и с болгарским родным языком, 1990, 2001 гг.¹¹

<i>Год переписи</i>	1930	1990	2001	1930	1990	2001
	<i>Численность</i>			<i>%</i>		
Занятие						
Интеллигенция	х	309	365	х	50	63
Сельское хозяйство	1 690	79	32	83	13	6
Промышленность и строительство	69	107	69	3	17	12
Торговля	227	53	х	11	9	х
Услуги и свободные профессии	26	14	95	1	2	16
Транспорт, почта	13	23	х	1	4	х
Другое	21	28	17	1	5	3
Всего	2 046	613	578	100	100	100

х — данная категория отсутствует.

Наиболее значительные изменения в облике болгарской огороднической диаспоры в Венгрии связаны с появлением и ростом интеллигенции (см. табл. 6). Она начинает формироваться в межвоенный период, а после Второй мировой войны лишь за несколько десятилетий ее относительная доля превысила половину численности всей общности (50,4 % в 1990 г.) и в конце тысячелетия достигла уже 63 %. Этот процесс четко заметен после 1970 г.: до этого 70 % членов диаспоры — овощеводы и 30 % — служащие, интеллигенция; после 1990-х гг. доля овощеводов упала до 5—10 %¹².

Таблица 7. Численность активного населения среди болгарского и других меньшинств в Венгрии по типу занятости, 1990 г. ¹³

Меньшинство	Физический труд	Интеллектуальн. труд	Всего	Физический труд	Интеллектуальн. труд	Всего
1990						
	<i>Численность</i>			<i>%</i>		
Болгары	304	309	613	49,59	50,41	100,00
Греки	450	362	812	55,42	44,58	100,00
Немцы	8339	4133	12472	66,86	33,14	100,00
Поляки	1898	369	2267	83,72	16,28	100,00
Словаки	3262	1459	4721	69,09	30,91	100,00
Словенцы, венды	1035	177	1212	85,40	14,60	100,00
Сербы	674	528	1202	56,07	43,93	100,00
Украинцы, русины	149	210	359	41,50	58,50	100,00
Хорваты	5392	1950	7342	73,44	33,14	100,00

Таблица 8. Численность и относительная доля населения (старше 7 лет), имеющего высшее образование, среди болгарского и других меньшинств в Венгрии, 1990 г.¹⁴

Родной язык	Общая численность	С высшим образованием	% с высшим образованием
Болгарский	1336	269	20,1
Румынский	8369	509	6,1
Русский	4456	2133	47,9
Словацкий	12550	841	3,3
Словенский	2565	84	3,3
Сербский	2838	330	11,6
Украинский, русинский	666	212	31,8
Хорватский	17041	1021	6,0

В конце XX в. болгарское меньшинство в Венгрии находится на втором месте после украинского по относительной доле людей, занятых в интеллектуальной сфере (см. табл. 7.). Расширение интеллигенции среди болгарского меньшинства обусловлено, с одной стороны, стремлением местных болгар к получению высшего образования. Хорошее образование занимает особое место в системе ценностей болгар в Венгрии, особенно у первого поколения иммигрантов. По такому показателю, как высшее образование, в 1990 г. болгары в Венгрии занимали третье место после русских и украинцев: доля дипломированных специалистов составляла у них более 20% (см. табл. 8). Но в последнем десятилетии XX в. число дипломированных болгар в болгарской диаспоре в Венгрии растет скачкообразно. Именно в этот период их доля среди всего болгарского населения в Венгрии увеличилась с 20% (1990) до 34% (2001)¹⁵. Конечно, стремление к высшему образованию в болгарской диаспоре является не единственной причиной того, что в конце XX в. интеллигенция стала в ней доминировать. В значительной степени это происходит также в результате пополнения нацменьшинства за счет переселения болгар с высшим образованием из Болгарии в Венгрию.

Согласно статистическим данным за 1990 г., в профессиональной структуре болгарской интеллигенции в Венгрии преобладают инженеры (27 %), за ними следуют занятые в администрации, юстиции, торговле и экономике (24 %), в сфере культуры (22 %), в финансово-бухгалтерской сфере (18 %) и здравоохранении (9 %). 20% представителей интеллигенции занимало руководящие должности¹⁶.

Параллельно с процессом формирования и роста интеллигенции постепенно происходит «закат» огородничества как основного занятия болгар в Венгрии. Эта тенденция находит свое выражение в резком падении доли работающих в сельском хозяйстве — с 83 % в 1930 г. до 6 % в конце тысячелетия (см. табл. 6). Среди занятых физическим трудом болгар на первом месте — работники промышленности и строительства (35 %)¹⁷, фермеры (садоводы и овощеводы) занимают лишь второе место (26 %)¹⁸, на третьем и четвертом местах — работники торговли, гостиничного и туристического бизнеса (17 %), а также транспорта и связи (8 %)¹⁹. В целом все больше возрастает доля занятых в сфере услуг (см. табл. 6).

Некоторые выводы о состоянии этнической и культурной идентичности болгар в Венгрии в конце XX в., о процессах интеграции, аккультурации и ассимиляции в их среде можно сделать на основе анализа статистических данных по национальному признаку в корреляции с родным языком. Переписи населения 1990 и 2001 гг. показывают общую численность населения в Венгрии болгарской национальности, признающих болгарский язык как родным, так и неродным (см. табл. 9), а также владеющих другими языками (см. табл. 10).

В 1990 г. почти все население, чьим родным языком был болгарский, заявило о своей болгарской национальной принадлежности, и только 6 % — о венгерской. Болгарский язык являлся родным для 45 % всех граждан болгарской национальности, говорящих на болгарском (см. табл. 9). Болгарскую диаспору можно охарактеризовать как двуязычную: 93 % населения болгарской национальности Венгрии, для которого родным языком был болгарский, владело также и венгерским (см. табл. 10). Эта информация свидетельствует о высоком проценте смешанных браков. Сами по себе они являются признаком значительной степени интеграции болгар в венгерское общество и выявляют предпосылки для естественных ассимиляционных процессов.

Таблица 9. Численность и относительная доля населения в Венгрии болгарской национальности, которые говорят на болгарском как родном и неродном языке, по полу, 1990 г.²⁰

	Говорят на болг. как родном яз.	Говорят на болг. как неродном яз.	Всего говорит на болг. яз.
	Численность		
<i>Женщины</i>	751	871	1622
<i>Мужчины</i>	619	794	1413
<i>Всего</i>	1370	1665	3035
	%		
<i>Женщины</i>	46	54	100
<i>Мужчины</i>	44	56	100
<i>Всего</i>	45	55	100

Таблица 10. Численность и относительная доля населения в Венгрии болгарской национальности, говорящие на родном болгарском и других языках, 1990 г.²¹

Родной язык	Всего	Говорят только на родном яз.	Говорят и на других языках	Говорят и на венгерском языке
	Численность			
Болгарский	1370	39	1331	1272
	%			
Болгарский	100	3	97	93

Поскольку роль родителей в сохранении языка нацменьшинства имеет решающее значение, важным фактором для сохранения этнической идентичности является семья. Смешанные браки характерны для второго поколения мигрантов и становятся преобладающими в третьем поколении — временной границей является 1970 г.²² Перепись населения 1990 г. дает статистическую информацию о смешанных браках в бол-

гарской диаспоре и, в частности, о детях, выросших в этих семьях. По сути, опрос касался происхождения детей — рождены они в этнически гетерогенных или гомогенных семьях, родным языком матери или отца они владеют; какой язык является для них родным, когда они воспитываются одним из родителей. Статистические данные позволяют сделать некоторые обобщения о таком факторе как «семейная среда» в формировании этнической идентичности подростков в болгарской диаспоре Венгрии с учетом:

- количества детей, родным языком которых был болгарский, воспитанных обоими родителями в корреляции с родным языком родителей (см. табл. 11);
- количества детей, родным языком которых был болгарский, воспитанных одним из родителей в корреляции с родным языком последнего (см. табл. 12);
- количества детей, родным языком которых был венгерский, в корреляции с родным языком родителей, один из которых имеет болгарский язык в качестве родного (см. табл. 13).

Таблица 11. Количество и относительная доля детей с родным языком болгарским, воспитанных обоими родителями, в корреляции с родным языком родителей, 1990 г.²³

Родной язык родителей	Дети с родным языком болгарским, воспитанные обоими родителями								
	Отец	Болг.	Болг.	Болг.	Иной	Венг.	Иной	Венг.	Всего
Мать	Болг.	Венг.	Иной	Венг.	Болг.	Болг.	Иной		
Численность	67	72							139
%	48	52							100
Численность	10		5	1	34	19	3	72	
%	13,9		6,9	1,4	47,2	26,4	4,2	100,0	

В последнее десятилетие XX в. более половины детей, родным языком которых является болгарский, проживали в этни-

чески смешанных семьях (см. табл. 11). Среди меньшинств в Венгрии по относительной доле детей смешанного этнического происхождения первые места занимают русины и поляки, у которых доля смешанных браков превышает 90%, а последнее место — словенцы, у которых доля смешанных браков составляет менее 20%. Болгарская диаспора, где смешанные браки достигают 52%, находится приблизительно посередине²⁴.

Таблица 12. Численность и относительная доля детей с родным языком венгерским, воспитанных обоими родителями, один из которых имеет болгарский язык в качестве родного, 1990 г.²⁵

Родной язык родителей	Дети с родным языком венгерским, воспитанные обоими родителями				
	Болг.	Венг.	Болг.	Болг.	Всего
Отец					
Мать	Венг.	Болг.	Болг.	Иные	
Численность	273	196	2	0	471
%	58,0	41,6	0,4	0,0	100,0

У 74 % детей с родным языком болгарским, выросших в этнически смешанных семьях, родным языком матери был болгарский (см. табл. 11). Когда дети с родным болгарским языком воспитываются одним из родителей, в 67 % случаев болгарскую национальность имеет мать и только в 22 % — отец. Очень невелик процент детей с родным болгарским языком, воспитанных отцом-венгром. В случае, если мать — венгерка, то процент детей с родным языком болгарским в два раза меньше, чем когда венгром является отец (см. табл. 13).

58 % детей с родным языком венгерским, воспитанных обоими родителями в этнически смешанных семьях, имеют мать-венгерку, и 42 % отца-венгра (см. табл. 12).

Очевидно, что определяющим фактором для языка и идентичности ребенка является мать, хотя социальная среда также оказывает влияние. Очень небольшая (0,4 %) доля детей в этнически гомогенных болгарских семьях, назвавшая венгерский язык в качестве родного (то есть языка общения в семье), говорит о слабом влиянии венгерской социальной среды (ср. табл. 12).

Таблица 13. Численность и относительная доля детей с болгарским или венгерским родным языком, воспитанных одним из родителей, с учетом его родного языка, 1990 г.²⁶

Родной язык родителей	Дети с родным языком болгарским, воспитанные одним из родителей					
	Отец	Болг.		Венг.		Всего
Мать		Болг.		Венг.		
Численность	6	18	2	1		27
%	9	26				
%	22,2	66,7	7,4	3,7		100,0
	Дети с родным языком венгерским, воспитанные одним из родителей, у которого родной язык – болгарский					
Отец	Болг.					
Мать		Болг.				
Численность	13	32				45
%	19	46				
Всего		69				
%		100				

Часть таблицы 13 иллюстрирует языковое поведение детей с родным языком болгарским или венгерским, воспитанных одним родителем-болгарином в иноязычной культурной среде. Когда ребенка воспитывает мать-болгарка, то при его этническом самоопределении иноязычная культурная среда оказывается сильнее фактора «мать», и ребенок идентифицирует себя именно с этой средой. 46 % подростков, воспитанных матерью, имеют в качестве родного венгерский язык и только 26 % — болгарский (см. табл. 13). В иностранном социуме отец-болгарин является даже еще более слабым фактором, чем мать-болгарка: 19 % детей считают своим родным языком венгерский и лишь 9 % — болгарский (см. табл. 13).

Результаты анализа статистических данных подтверждаются и другими источниками и научными наблюдениями. Сами члены болгарской диаспоры в биографических интер-

вью заявляют, что в смешанных браках идентичность ребенка определяется «доминирующим» родителем. «Жена-болгарка соблюдает национальные традиции, дети говорят на болгарском языке, дома готовят по-нашему. А муж-венгр отмечает двойной праздник. Там же, где наоборот, жена-венгерка, все болгарское ассимилируется в значительно большей степени. Естественно, родным языком детей становится венгерский»²⁷. В этой ситуации важную роль играют болгарская школа в Будапеште (функционирующая с 1917/18 учебного года) и родственники в Болгарии, которых эти дети посещают вместе с матерью-венгеркой и где они находятся в болгарской языковой среде²⁸.

Любопытные подробности об этнической идентичности молодых болгар в Венгрии добавляет анкета, которую заполняли в 1999 г. 20 детей из болгарской школы в Будапеште в возрасте старше 11 лет (14 из них из смешанных болгаро-венгерских семей). Она содержит вопросы об их национальности, родном языке и языке общения в семье. 64 % детей из смешанных болгаро-венгерских семей определили свою национальность как венгры, а остальные — как полуболгары/полувенгры. 79 % общаются в семье на обоих языках, остальные — только по-венгерски. Если дети рождаются у родителей с родным болгарским языком, то в повседневной жизни у себя дома они говорят по-болгарски. Таково положение и в тех случаях, когда дети выросли в семьях иммигрантов первого поколения; в семьях иммигрантов второго и третьего поколений дома говорят на обоих языках.

В последнем десятилетии XX в. исследователи, изучающие вопросы этнической принадлежности, национальности, аккультурации, ассимиляции и факторы самосохранения у отдельных меньшинств, установили, что в семьях, живущих в чужой языковой среде, дома общаются или на языке меньшинства, или на венгерском, и что многие члены данного меньшинства имеют множественную принадлежность в плане родного языка и национальности. Они (иногда даже не называя в качестве родного языка или национальности соответствующий язык своего меньшинства или национальность) сопричастны национальной культуре этого меньшинства, соблюдают ее национальные праздники и традиции и идентифицируют себя с ней²⁹.

Поэтому в ходе переписи населения в Венгрии в 2001 г., отвечая на вопрос о своей национальности, каждый имел возможность указать и множественную национальную принадлежность (вплоть до трех). А с учетом того, что население меньшинств еще с детства говорит на нескольких языках, в ответе на вопрос о родном языке оно могло назвать до трех языков. В связи с этим явлением «раздвоенности» при самоопределении этнической идентичности, помимо обычных вопросов об этнической и языковой принадлежности, перепись населения в Венгрии в 2001 г. включала два новых вопроса: один о языке, который используется опрашиваемым в семейной и приятельской среде, а другой — о его национальной культурной принадлежности. Согласно полученным результатам, чем в более общих выражениях был сформулирован признак идентичности болгар в Венгрии, тем больше людей идентифицировало себя с ним. Меньше всего людей использовало болгарский как язык общения: их было на 16 % меньше, чем тех, для кого он являлся родным. Эта количественная разница показывает, что не все, для которых болгарский язык родной, используют его в качестве средства общения в семейном и дружеском кругу (см. табл. 14).

Таблица 14. Население в Венгрии и Будапеште по критериям болгарской национальной принадлежности (язык общения в семье, родной язык, привязанность к болгарской национальной культуре и традициям, национальность — выбран хотя бы один из упомянутых признаков), 2001 г.³⁰

	Язык общения в семье и в кругу друзей — болгарский	Род. язык болгарский	Привязанность к болгарской национальной культуре и традициям	Болгарская национальность	Выбран хотя бы один из упомянутых признаков
Венгрия	1118	1299	1693	1358	2316
Будапешт	667	755	961	784	1207

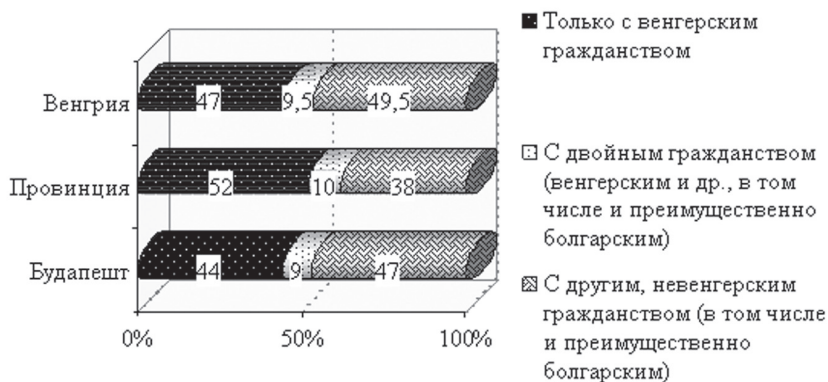
Наконец, рассмотрим кратко вопрос о взаимосвязи между гражданством и идентичностью у болгар в Венгрии. Гражданство — вопрос по существу правовой, затрагивающий отношения между государством и гражданином, но «в более широком, социально-культурном контексте гражданство является показателем идентичности, определяемой членством в сообществе, которое отличает себя от других»³¹. Идентичность связана с национальным или этническим самоопределением личности, с ее эмоциональным отношением к своей родине. С одной стороны, приобретение и сохранение болгарского гражданства не всегда сопряжено с декларированием болгарской идентичности. С другой стороны, практика показывает, что обладание болгарским паспортом или другим документом, отражающим болгарскую национальность, происхождение или даже имя, влияет на декларирование болгарской идентичности³².

Большинство болгар, оставшихся на постоянное место жительства в Венгрии после 1960 г., сохранили болгарское гражданство (что было обычной практикой также и в межвоенный период), «поскольку, согласно венгерскому общественному мнению, они не опасались неблагоприятного для них разграничения»³³. В более массовом порядке болгары начинают принимать венгерское гражданство после смены политической системы в 90-е годы XX в. Правительственным решением Венгрия расторгает в одностороннем порядке двусторонние соглашения по ликвидации двойного гражданства от 1 января 1993 г. На практике это означает, что венгерская сторона не считает более обязательными их положения, в частности, требование об отказе от иностранного гражданства³⁴.

Поскольку в Болгарии в 1990-е годы все еще оставался в силе Закон о гражданстве от 1968 г., который не допускал двойного гражданства (хотя и разграничивал понятие «иностранец» от иностранца вообще³⁵), многие из нескольких поколений болгар, проживавших в Венгрии, были вынуждены отказаться от болгарского гражданства и принять венгерское (даже если предпочитали иметь двойное гражданство, не разрешаемое болгарским законодательством). Данное положение болгарского законодательства было изменено в 1999 г. после вступления в силу нового Закона о болгарском гражданстве³⁶. В нем, хотя и не используется понятие «двойное гражданство» в широком диапазоне, сохраняется понятие «иностранец» от болгарского проис-

хождения» и не запрещается (а скорее, упрощается) получение двойного гражданства в случае, если болгарское гражданство приобретается по происхождению (а не по месту рождения или в результате натурализации). В связи с этим, согласно статье 20-й Закона, болгарин, постоянно проживающий за границей, может отказаться от своего болгарского гражданства, если он того желает или если этого требуют законы страны пребывания. Вот как отразились вышеупомянутые правовые положения 1990-х годов принимающей страны и страны выезда на решения болгар в Венгрии относительно своего гражданства. По данным переписи 2001 г. о гражданстве венгерского населения с родным языком болгарским, 47% имели только венгерское гражданство, 9,5% имели двойное — венгерское и другое (в том числе и преимущественно болгарское) и 49,5% — другое, «невенгерское гражданство» (в том числе и преимущественно болгарское) (см. Рис. 1). Данные по Будапешту отличаются от сведений по венгерской провинции: в столице относительная доля лиц с болгарским гражданством намного больше, чем в провинции³⁷. В Будапеште, где сосредоточена преобладающая часть болгарской диаспоры, меньшее число болгар решили принять венгерское гражданство.

Рисунок 1. Относительная доля населения в Венгрии с болгарским родным языком, по гражданству, 2001 г.³⁸

Этническая идентичность болгарской диаспоры в Венгрии является динамичной характеристикой, на которую влияют

конкретные условия существования и межэтнического взаимодействия с доминирующим венгерским этносом. Проведенный анализ приводит к выводу, что демографические процессы в болгарской общности в Венгрии являются предпосылкой протекания определенных этнических процессов внутри нее. Это позволяет проследить динамику демографического развития и изменений в демографической характеристике болгарской общности в Венгрии во второй половине XX в., когда она формируется в качестве нацменьшинства, когда она уже не столь многочисленна и рассеяна по городам и пригородным зонам (а этот фактор, как правило, не очень благоприятен для сохранения этнической идентичности). Но зато общность не подвержена ассимиляционным воздействиям принимающей страны Венгрии, а, напротив, скорее пользуется исключительно хорошим приемом, благорасположением и поддержкой со стороны последней. Это результат не только доброй воли, но и соблюдения принципа взаимности в двусторонних дипломатических отношениях с учетом благоденствия венгерской общности в Болгарии (хотя и значительно меньшей, чем болгарская в Венгрии). Кроме того, болгарская диаспора в Венгрии получает и помощь от метрополии — Болгарии, которая поддерживает созданные ею культурные учреждения, прежде всего школу и церковь, направляя туда учителей и священников с родины.

Устойчивость этнической идентичности болгар в Венгрии в это время обусловлена:

- формированием ее компактного ядра в столице Будапеште, в городах Мишкольц и Печ в результате постепенного концентрирования там большей части общности;
- своевременным созданием путем спонсорства учреждений культуры с целью поддержания болгарской идентичности. Они передают болгарский язык, историю и традиции родившимся в Венгрии поколениям и воспитывают у них любовь к родине-матери и лояльность и уважение к стране проживания, ставшей второй родиной.

Прекращение массовой миграции огородников из Болгарии в Венгрию после Второй мировой войны, изменения в характере иммиграционного процесса (индивидуальная иммиграция в результате смешанных браков), по-прежнему преобладающее число мужчин, тенденция к старению общности

в целом и особенно женского населения детородного возраста, изменения в профессиональной структуре диаспоры, «закат» огородничества и садоводства, а вместе с тем консервативного и патриархального земледельческого общества, рост интеллигенции, сопровождающийся созданием все большего числа смешанных болгаро-венгерских семей, создают условия для развития процессов интеграции, аккультурации и естественной ассимиляции. Среди новых этностабилизирующих факторов, которые замедляют эти процессы в последние десятилетия XX в., можно упомянуть деятельность культурно-просветительских учреждений: Дома культуры (построенного в 1957 г. и существующий уже полвека), Ансамбля болгарских танцев «Мартеница» (с 1982 г.), а также Исследовательского института для болгар в Венгрии (с 1996 г.), Общества болгарской культуры в Венгрии «Болгарский культурный форум» (с 1999 г.), фондов «Pro Kultura Bulgarika» (с 1992 г.) и «Pro Scola Bulgarika» (с 1994 г.), Болгарского молодежного общества (с 1998 г.), журнала «Хемус»/«Наемус» (издается с 1991 г. на болгарском и венгерском языках), «Български вестник» (ежемесячная газета на болгарском языке, издается с 1996 г.), «Болгарский культурный форум» (издается с 2000 г. одноименным Обществом болгарской культуры в Венгрии на болгарском и венгерском языках).

Перевод с болгарского языка Е.Л. Валеовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источники: MOL (Венгерский национальный архив), KSH (Центральная статистическая служба Венгрии), XXXIII-23-h, Переписи населения в Венгрии: 1930, табл. 9, население по болгарскому гражданству, табл. 12/II, население по родному болгарскому языку и по возрасту; 1960, население по родному болгарскому языку и по болгарскому гражданству; A Magyar szent korona országában az 1891. év elején végrehajtott népszámlálás eredményei. Vol. I. Budapest, 1893. P. 54—55; A Magyar szent korona országainak 1900. évi népszámlálása. 3. rész. Budapest, 1907. P. 120—121, 211—214; A Magyar szent korona országainak 1910. évi népszámlálása. 5. rész. — MSK, Vol. 61. Budapest, 1916. P. 114, 125; Az 1920. évi népszámlálás. V. rész. — MSK, Vol. 73. Budapest, 1928. P. 50—51; 1990. évi népszámlálás. Nemzetiség, anyanyelv. Vol. II. Mészáros Á. (Ed.). Budapest, KSH, 1993. P. 50—51; Népszámlálás 2001. 6. Területi adatok. 6.21. Összefoglaló adatok. Vol. II. Budapest, 2002. Pp. 13—135; MOL, XIX-J-1-k-16/c-1/12-31/17-1/1960 (8. d.). P. 130.

² Другие меньшинства: армяне, греки, немцы, поляки, цыгане, румыны, русины, словаки, словенцы, сербы, украинцы, хорваты.

³ Болгарское меньшинство в Венгрии осуществляет свою автономию через 40 местных органов самоуправления, которые признают в качестве своего высшего органа Болгарское республиканское самоуправление меньшинства. Это: центральный столичный и еще 22 районных органа самоуправления в Будапеште, окружной в Пеште и 17 местных (в городах Дебрецен, Дунакеси, Дунахарст, Дял, Эрд, Эстергом, Кишкунлацхаза, Лорев, Мишкольц, Печ, Пилишчев, Рацкеве, Сегед, Сигетхалом, Шопрон, Фелшёжолца, Халастелек). См.: <http://www.bolgarok.hu/index.php?id=18>.

⁴ По переписи 1910 г. территория современного села Халастелек (включая его основную часть Херминамайор) относилась к городу Тёкёль, с 1930-х это населенный пункт Херминамайор (область Рацкеве). (См.: Bundeв Todorov Ivánné, Halásztelek. Tegnáp, ma, holnap. Budapest, 1980. P. 7).

⁵ Источник данных: 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Anyanyelv szerinti adatok. Mészáros Á. (Ed.). Budapest, KSH, 1993.

⁶ Источник данных: Népszámlálás 2001. 6. Területi adatok. 6.21. Összefoglaló adatok. Vol. I, Budapest, 2002. Pp. 85—91.

⁷ Источник данных: KSH.

⁸ Источник данных: MOL, KSH-XXXIII-23-h.

⁹ MOL, KSH-XXXIII-23-h.

¹⁰ Mészáros Á. 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Budapest, KSH, 1993. Pp. 34—38; Népszámlálás 2001. Vol. 6.21.I. Budapest, 2002. P. 135.

¹¹ Источник данных: MOL, KSH-XXXIII-23-h, Перепись населения в Венгрии: 1930 г., табл. 35, население с болгарским гражданством и по занятию; Mészáros Á. 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Budapest, KSH, 1993. Pp. 34—36.

¹² Разговори с българи от Унгария / Beszélgetések magyarországi bolgárokkal. Съст./Szerk.: Петкова Пападополус А. / Petkova Papadopolusz A. Budapest, 2005. С. 33.

¹³ Источник данных: 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Pp. 22—33 (табл. 2.32).

¹⁴ Там же. С. 74—77; Népszámlálás 2001. Vol. 6.21.I. Budapest, 2002. P. 135.

¹⁵ Источник данных: 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Budapest, KSH, 1993. Pp. 34—39.

¹⁶ Ibid. Pp. 34—35.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. Pp. 50—54.

²¹ Ibidem.

²² Разговори с българи от Унгария... С. 33.

²³ Источник данных: 1990. évi népszámlálás. Vol. II. Pp. 42—43 (табл. 2.40.).

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. Pp. 44—45 (табл. 2.35.).

²⁶ Ibid. Pp. 42—45 (табл. 2.35, 2.40).

²⁷ Български портрети. 28 интервюта с българи от Унгария. Съст. Динилова Д., Петкова А., Симеонова Р. Будапеща, 1998. С. 176.

²⁸ Там же.

²⁹ Népszámlálás 2001. 4. Nemzetiségi kötődés. Budapest, 2002. P. 7.

³⁰ Ibid. С. 85—91; Népszámlálás 2001. Vol. 6.1.I. Budapest, 2002. Pp. 222—223.

³¹ *Вайсова Л.* Нагласи към етническите малцинства сред респондентите в изследването «Нация и гражданство». 28.05.2010. Текст достъпен по адресу:

http://rcss.eu/index.php?section=33&sub_category=2&display=125&id=137

³² Только указанная в паспорте или свидетельстве о рождении болгарская национальность была причиной того, что живущие на территории бывшего Советского Союза болгары сохраняют болгарское этническое самосознание даже после того, как забыли свой язык и происхождение. См. *Миланов Е.* Регионални и етнокултурни български общности зад граница // Аспекти на етнокултурната ситуация. София, 2000. Текст достъпен по адресу:

<http://de-zorata.de/sites/oshte-info/oshte.info/doc/other/008.htm> (4.06.2007.)

³³ *Árva T.* Mikor és hogyan veszítették el a külhoni magyarok az állampolgárságukat? // *L'udové noviny*, 30.11.2004. Текст достъпен по адресу:

<http://www.luno.hu/mambo/index.php?option=content&task=view&id=1844&Itemid=210>

³⁴ *Duray M.* Állampolgárság és nemzetpolgárság (a kettős vagy a többes állampolgárságról). Hitel, 2004, №12, <http://www.kettosallampolgarsag.mtaki.hu/sajto/MFkettosV.pdf> (11.07.2010.); *Szarka L.*, A kettős állampolgárság jogintézménye, mint a kisebbségi és a migrációs léhelyzetek kezelésének eszköze // *Kisebbségkutatás*. 2004. № 2. Pp. 255—264.

³⁵ Държавен вестник. 1968. № 79. С. 2. См. также: *Александров Е.* Правни проблеми на българите в Средна и Източна Европа // Българите в Средна и Източна Европа / Ред. кол.: Т. Дончев, Св. Кьосева, П. Петров. Будапеща, 1995. С. 56—61.

³⁶ Държавен вестник. 1998. №136 (18.11.), в силе с 19.02.1999, изм. и доп.: 2001, № 41 (24.04.), 2002, № 54 (31.05.) в силе с 1.12.2002. и пр.

³⁷ Népszámlálás 2001. Vol. 6.1.I. Pp. 146—147.

³⁸ Ibid. Pp. 144—145.

Т.А. ПОКИВАЙЛОВА
(МОСКВА)

Межнациональные конфликты в Трансильвании и румынском Банате в период проведения аграрных реформ 1921 и 1945 гг.

В Румынии после Первой и Второй мировых войн аграрный и национальный вопрос были теснейшим образом переплетены между собой.

После Первой мировой войны Румыния, оказавшись в стане держав-победительниц, значительно расширила свои территории, включив в себя обширные земли бывших Габсбургской и Российской империй, в том числе Трансильванию и Банат, населенные помимо румын венграми, немцами, евреями и представителями других национальностей. По версальским мирным договорам Румыния вдвое увеличила свою территорию и более чем в 2 раза возросло её население¹. В результате огромных территориальных приобретений она превратилась из мононационального в многонациональное государство, где наряду с титульной нацией проживало значительное число представителей национальных меньшинств, составлявших почти треть населения Румынии (28,1 %)². Хотя под нажимом Великих держав в мирный договор с Румынией (1920 г.) были внесены статьи, направленные на защиту национальных меньшинств, на деле права национальных меньшинств постоянно нарушались. Это наглядно проявлялось в политике румынского правительства в социально-экономической, политической, в культурно-языковой сферах. Особой дискриминации подвергалось венгерское население Трансильвании, русское население Бессарабии, евреи, цыгане и другие этнические группы населения Румынии. Что касается Трансильвании, то она и после этого территориального передела еще дважды перехо-

дила «из рук в руки». В 1940 г. её северная часть снова отошла к Венгрии, а в 1945 г. на всей территории Трансильвании была установлена румынская администрация. Такие территориальные изменения самым непосредственным образом отражались на социально-экономических преобразованиях, проводившихся в этой многонациональной области, в том числе и на осуществлении аграрных реформ, которые проводились в интересах титульных наций и в ущерб национальным меньшинствам.

Кроме того, территориальные изменения обуславливали массовые миграции населения, что в свою очередь оказывало существенное влияние на социально-экономические и политические трансформации и административное устройство территорий. В ряде районов страны, таких как Трансильвания, национальные факторы оказывали влияние на особенности проведения аграрных реформ.

До Первой мировой войны крупные землевладения в Трансильвании принадлежали в основном венгерским латифундистам, а мелкие — находились в руках румынских крестьян. В ходе осуществления аграрной реформы 1921 г. в Трансильвании большая часть земли была экспроприирована, главным образом, у венгерских землевладельцев. В связи с массовым переселением лиц венгерской национальности в Венгрию (более 200 тыс. человек) под действие закона об аграрной реформе 1921 г. попали также и земли так называемых оптантов, т.е. лиц венгерской национальности, которые выехали из Румынии после 1918 г.³, а также лиц, не имевших румынского гражданства. Так, в Венгрию из Трансильвании бежал один из крупнейших земельных магнатов И. Бетлен, земельные владения которого отошли к румынскому государству. Естественно, что в Венгрии, став главой кабинета министров (с апреля 1921 г. по август 1931 г.), он был ярким проводником реваншистских устремлений Венгрии, сторонником возвращения Венгрии утраченных после Первой мировой войны территорий и восстановления «великой Венгрии», так называемой империи св. Иштвана. Реваншистские идеи, безусловно, проникали и в среду венгерского населения Трансильвании, обостряя их антирумынские настроения. Были конфискованы земли не только у венгерских дворян, но также и у венгерских церквей — 84,5 % их недвижимости⁴.

Источником межнациональных конфликтов являлась также проводившаяся правительством политика колонизации, т. е. переселение румынских крестьян в Трансильванию и наделение их землёй с тем, чтобы ускорить процесс румынизации населения многонациональных районов нового румынского государства, а также улучшить бедственное положение крестьян в целом.

Согласно аграрной реформе, землю в основном получили румыны: из 1 393 383 наделённых землёй 1 256 006 человек были румынами, 46 069 — венграми, 24 815 — немцами и др. В 1921 г. в Трансильвании, включая Кришану, Марамуреш и Банат, у крупных собственников было экспроприировано 1 831 421 га земельных угодий, в том числе 265 058 га леса и 108 930 га лугов, которые перешли в коммунальную собственность крестьян. Из 801 997 крестьян, внесенных в списки нуждающихся в получении земли, её получило немногим более трети крестьян. В то же время в Трансильвании землю дали 310 583 человек, из которых 227 943 являлись румынами, а 82 640 — лицами других национальностей, в основном венграми и немцами⁵. Многие крестьянские хозяйства получили участки земли, не превышающие 1 га. Недостаточным было и обеспечение хозяйств сельскохозяйственным инвентарём и тягловым скотом⁶, не говоря уже о тракторах, сеялках и других по тому времени современных машинах. Так, в уезде Клуж в 1937 г. 36,9 % крестьянских дворов не имели тяглового скота, а из 2 264 977 плугов треть были деревянными. Три четверти граблей также были деревянными⁷. Все это вело к низким урожаям, нехватке продуктов питания, низкой товарности сельского хозяйства в целом и порождало недовольство среди крестьян, которое усугублялось межнациональными конфликтами.

Таким образом, анализ статистических данных показывает, что в ходе аграрных реформ землю получили в основном крестьяне-румыны и лишь в незначительной части представители национальных меньшинств и не только в целом по Румынии, но и в Трансильвании, и в Банате⁸.

В одном из документов, касающихся проведения аграрной реформы в Трансильвании, было записано: «Мы делаем различия в экспроприации и распределении земель по аграрной реформе. Преимущества принадлежат румынским гражданам, имеющим румынское происхождение. Они имеют право на

владение большими земельными площадями перед иностранцами (вероятно, имелись ввиду венгры. — *ТЛ*) или перед теми, кто отсутствует» (находятся за границей. — *ТЛ*).⁹

После перехода в 1940 г. по 2-ому венскому арбитражу Северной Трансильвании к Венгрии бывшие венгерские землевладельцы попытались вернуть себе свои владения. Начался новый передел земельной собственности и массовое бегство румынских крестьян с территории Северной Трансильвании вследствие террора венгерской армии и притеснений венгерской администрации. Венский арбитраж до предела обострил межнациональные отношения между венграми и румынами, проживавшими в Трансильвании, которая была разделена на 2 части: северная её часть отошла к Венгрии, а южная — осталась в пределах Румынии. Более миллиона румын оказались на территории Венгрии и почти около полумиллиона венгров осталось на территории Румынии. Таким образом, под иностранным игом оказались сотни тысяч мадьяр и более миллиона румын, а политика дискриминации, насилия, злоупотреблений и притеснений по национальному признаку приняла чудовищный размах и безобразные формы¹⁰. Так, по румынским данным, в связи со вступлением венгерских войск на территорию Северной Трансильвании были значительные жертвы. Началось бегство румын из Северной Трансильвании, а венгров из Южной Трансильвании. Даже вмешательство специально созданной немецко-итальянской комиссии, призванной решить спорные и сложные вопросы между Румынией и Венгрией, не смогло ликвидировать противоречия и межэтнические конфликты, возникавшие как в Северной, так и в Южной Трансильвании, входивших в состав различных государств¹¹.

Единственной этнической группой, которая пользовалась с подачи гитлеровской Германии привилегиями, как в самой Румынии, так и в Трансильвании, являлись этнические немцы. После Венского арбитража в ноябре 1940 г. в Румынии была создана организация, получившая название «Немецкая этническая группа», объединившая подавляющую часть немецкого населения. Она имела полную поддержку как со стороны Германии, так и со стороны румынских властей. В годы войны значительная часть немецкой молодёжи покинула Румынию и ушла служить в войска гитлеровской Германии. Кроме того, в самой Румынии из этнических немцев были созданы части СС.

После свержения в Румынии диктатуры И. Антонеску, выхода её из антисоветской войны и перехода на сторону антигитлеровской коалиции произошёл кардинальный поворот в политике по отношению к этническим немцам, гражданам Румынии. Это коснулось и политики в отношении к ним во время проведения аграрной реформы как в Трансильвании, так и в Банате¹².

Характерной чертой землевладения в Банате, так же как и в ряде районов Трансильвании (округ Сибиу) было наличие крепких немецких хозяйств, носивших интенсивный характер. Так, если во всей Румынии удельный вес немецкого населения составлял 4,1 % (по переписи 1930 г.), то в Трансильвании — 7,9 %, а в Банате — 23,8 % от всего населения, т. е. почти четверть всех жителей Баната¹³. Закон об аграрной реформе 1945 г. устанавливал равенство крестьян перед законом независимо от национальности. Исключением являлись лица немецкой национальности. В годы войны 200 000 лиц немецкой национальности покинуло территорию Румынии. 20 000 этнических немцев из Трансильвании и 66 000 из Баната бежали вместе с германской армией на Запад. Оставшееся немецкое население было поголовно обвинено в сотрудничестве с нацистской Германией и в фашизме и подлежало либо выселению, либо направлению на принудительные работы, в том числе и в СССР. Депортация проводилась под контролем советской военной администрации. Всего на принудительные работы в СССР было направлено 70 000 этнических немцев¹⁴. 11 тыс. осталось в Румынии на основании специальных ходатайств румынского правительства. Как следовало из донесения по ВЧ (высокочастотной секретной связи) заместителя Наркома внутренних дел СССР А.Н. Аполлонова и заместителя начальника внутренних войск НКВД Сладковича Наркому Л.П. Берии об интернировании немцев с территории Венгрии и Трансильвании, «операция „по изъятию немцев” началась с 10 января 1945 года». Инструкции по интернированию немцев, направленные на места, были аналогичными как для Венгрии, так и для Румынии. Интернированию подлежали лица немецкой национальности, независимо от их подданства: мужчины в возрасте от 17 до 46 лет, женщины — от 18 до 30 лет. Составление списков немцев, подлежащих интернированию, производилось на основании имеющихся у них

документов, указывающих на их национальную принадлежность, паспортов и метрических, церковных книг, а также сохранившихся карточек в местной полиции. Отнесение семей к той или иной национальности производилось по главе семьи. Например: если отец — немец, мать — венгерка, то такая семья, если она попадала под возрастные группы, интернировалась как немцы. Но в случае, если отец — венгр, а мать — немка, такая семья интернированию не подлежала. Немцы, подлежащие интернированию, концентрировались в специальных сборных пунктах, где их перед погрузкой в железнодорожные эшелоны ещё раз проверяли по их национальной принадлежности. При этом подобные пункты создавались только в поселениях, где проживали в основном румыны, с тем, чтобы избежать помощи интернированным немцам со стороны земляков¹⁵. Сразу же, после прихода к власти нового правительства, начались и массовые аресты этнических немцев. 27 августа был издан указ, предусматривающий обязательную регистрацию городских жителей — этнических немцев, в отделениях внутренних дел, а в сельской местности — в отделениях жандармерии¹⁶. Начались аресты руководителей фашистских организаций и всех, кто был связан с гитлеровской Германией.

Одновременно с арестами проводилась тотальная экспроприация земли у этнических немцев и конфискация их имущества. Выступая на заседании Совета Министров 28 сентября 1944 г., министр юстиции коммунист Л. Патрашкану заявил, что «собственность немецкой этнической группы должна быть продана. Но она должна быть продана, по его словам, не англичанам, русским или американцам, а румынским гражданам». 3 января 1945 г. был создан генеральный секретариат по ликвидации собственности, принадлежавшей этническим немцам. Земля передавалась в государственные резервы и распределялась между крестьянами, имеющими по аграрной реформе право на наделение землёй. Лишившись собственности, некоторая часть немцев переселилась в города и попыталась найти работу, но и там они были интернированы. Некоторым из них удалось продать или передать знакомым или родственникам, имевшим румынские корни, часть своего имущества¹⁷. Министр сельского хозяйства Р. Зэрони вообще потребовал выселения этнических немцев из мест их проживания¹⁸. На

одном из заседаний Национально-Демократического Фронта от 6 июля 1945 г. его Генеральный секретарь, член Политбюро ЦК Румынской компартии Василе Лука заявил: «Что касается немцев, то аграрная реформа их касаться не будет, так как большинство из них было изгнано из страны, и мы постоянно имеем скандалы и нерешенные проблемы...»¹⁹. 6 июля 1945 г. вопрос о политике в отношении немецкого и венгерского населения обсуждался на заседании Совета Национально-Демократического Фронта с участием основных организаций, входивших в его состав: социал-демократической партии, Союза патриотов, Всеобщей организации труда и Венгерского народного фронта. «В отношении немцев, — заявил Премьер-министр Петру Гроза, — мы устанавливаем определенные критерии, но делаем это без шума и не спеша. Всех, кто был фашистами, поддерживал фашизм в любых формах, участвовал в различных гитлеровских организациях, мы всех полностью экспроприуем». Способ экспроприации, по мнению Петру Грозы, должен был определяться на месте. Вместе с тем, как подчеркнул премьер-министр, в сёлах осталось очень мало тех, кто не будет подвергаться экспроприации. К тем же, кто будет сопротивляться, «мы примем меры, чтобы это предотвратить, и найдем статью, чтобы это сделать». «Если мы их оставим на месте, — поддержал премьер-министра В. Лука, — ни к чему хорошему это не приведёт»²⁰. И это были не пустые слова. Вплоть до 1948 г. продолжалось выселение немцев из Румынии. Так, в 1947 г. министр внутренних дел Румынии Теохару Джорджеску обратился в Союзную Контрольную Комиссию с просьбой разрешить выселение 2 000 лиц немецкой национальности, якобы не имевших румынского гражданства²¹. В результате этих мероприятий численность немецкого населения в Румынии сократилась к 1948 г. в два раза²².

Что касается венгерского населения, занятого в сельском хозяйстве Трансильвании, то и здесь наблюдались существенные нарушения при осуществлении аграрной реформы и наделении крестьян землёй. Необходимо также учитывать и развитие политических событий в Румынии, непосредственно затронувших положение венгерского населения в Трансильвании. В ходе освобождения Трансильвании войсками Красной армии совместно с частями румынской армии туда хлынули военизированные отряды румынских националистов, носив-

шие имя лидера Национал-царанистской партии Ю. Маниу, которые терроризировали мирное венгерское население. В октябре 1944 года во время переговоров в Москве о предварительных условиях перемирия с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Ф. Фараго, передала члену Комиссии по переговорам с советской стороны генерал-лейтенанту Ф.Ф. Кузнецову 14 и 23 октября две вербальные ноты, в которых содержались просьбы к трём Союзным державам «принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуируемых территориях было спасено от зверств, совершаемых членами организации „Волонтеры” д-ра Юлиу Маниу»²³. В сентябре—октябре 1944 г. напряженность достигла такого накала, что советское командование отдало распоряжение советским войскам очистить территорию Трансильвании от румынской администрации, и там была установлена советская военная администрация. Следствием действий советского командования явилось возрастание политической активности венгерского населения и его симпатий к Красной армии и к Советскому Союзу. В защиту своих прав венгры выходили на митинги и демонстрации с красными знамёнами и под лозунгами «Красной армии — да! Румынской армии — нет!»²⁴. Напомним, что после установления в Румынии просоветского правительства Петру Гроза Трансильвания была передана под румынское управление. Но и после этого напряженность между румынским и венгерским населением сохранялась. Это проявилось и в период проведения аграрной реформы и наделения крестьян землёй. Часть крестьян, венгров по национальности, не попала в списки по наделению землей, как не имевшие румынского гражданства. Речь шла, прежде всего, о венграх, переселившихся или возвратившихся в Трансильванию после 1940 г., когда Северная Трансильвания отошла к Венгрии, а также лиц, добровольно поступивших на военную службу государств, с которыми Румыния после 23 августа 1944 г. находилась в состоянии войны, т. е. Германии и Венгрии. Эти положения были закреплены декретом-законом румынского правительства от 2 апреля 1945 г. Всего же подобных лиц, проживавших на территории Северной Трансильвании и не имевших к 1945 г. румынского гражданства, насчитывалось около 300 тыс. человек. Около 100 тыс. венгров во время режима Антонеску бежали из Южной Трансильвании, которая после Вен-

ского Арбитража оставалась в составе Румынии, в Северную Трансильванию или в Венгрию и ожидали возвращения в свои жилища и получения румынского гражданства²⁵.

Хотя румынское правительство заявляло о невозможности «поступить с венграми в Румынии, как это было сделано в Чехословакии, где чехословацким правительством было предпринято поголовное²⁶ выселение венгров», так как «в Румынии проживает 2 миллиона венгров, и они должны быть интегрированы в румынское общество», положение венгерского населения в Трансильвании оставалось очень сложным. Выступая 31 августа 1946 г. на заседании Комиссии по политическим и территориальным вопросам на Парижской мирной конференции, представитель венгерской делегации П. Ауэр заявил: «Признавая, что нынешнее румынское правительство, желая обеспечить равенство прав венгерскому населению Трансильвании, уже приняло некоторые меры для этой цели, мы всё же, к сожалению, должны констатировать, что проведение в жизнь значительной части положений запаздывает. В теории венгерские меньшинства имеют некоторые права, но на практике они являются объектом различных дискриминаций и жизнь их не свободна от страха и нужды». «Я хотел бы, — продолжал венгерский представитель, — упомянуть здесь о внушающем опасения вопросе беженцев, который также следовало бы разрешить немедленно. Напомним, в качестве примера, что при общем числе в 1 500 000 подвергается сомнению в гражданстве 300 000 венгров». Как отметил П. Ауэр, потеря румынского гражданства влечёт за собой самые печальные экономические последствия, как то: конфискация имущества, остановка в выплате жалований, пенсий, и т. д. Также и новый аграрный закон, по мнению венгерского представителя, не приносит пользы венгерским крестьянам, которые на практике не пользуются его преимуществами, а между тем 70 % венгров, проживающих в Румынии, являются земледельцами. Бедственное положение венгерского меньшинства в Румынии: секвестр и конфискация имущества, дискриминация, особенно в экономической области, вынужденные переселения, высылки и произвольные аресты — всё это, по мнению министра иностранных дел Венгрии Я. Дьендьеши, участвовавшего в работе Парижской мирной конференции, являлось факторами, мешающими примирению двух соседних стран²⁷. Заявления пред-

ставителей венгерского правительства подтверждались также и многочисленными жалобами, поступавшими от венгров в центральные органы Румынии, на необоснованные аресты и притеснения со стороны румынской администрации. Так, венгры работоспособного возраста отправлялись на принудительные работы, а администрация территорий, где проживали венгры, систематически игнорировала их язык. Они подвергались всякого рода реквизициям и конфискациям, деятельности венгерских учебных заведений постоянно чинились помехи²⁸.

Тем не менее, в беседе с заведующим отделом Балканских стран НКВД СССР А.А. Лаврищевым 17 сентября 1946 года министр юстиции Румынии, коммунист Л. Патрашкану поставил вопрос о выселении из страны лиц венгерской национальности, не имевших румынского гражданства с тем, чтобы, по его словам, не произошло изменение «соотношения этнических элементов в пользу Венгрии»²⁹. Однако задолго до этого, ещё в январе 1945 г. в записке, составленной сотрудниками центрального аппарата НКВД С.Б. Крыловым и В.Н. Дурденевским для заместителя наркома иностранных дел В.Г. Деканозова и касавшейся проблем гражданства и интернирования лиц венгерской национальности, отмечалось, что поскольку союзные правительства считают решение Венского арбитража потерявшим силу, и «недействительность Венского арбитража влечёт недействительность изменения гражданства, связанного с аннексией Трансильвании Венгрией, тем самым коренные жители восстанавливаются в их прежнем румынском гражданстве. Таким образом, интернирование коренных трансильванцев не может быть обосновано (иное решение вопроса повлекло бы за собой интернирование почти всего населения Трансильвании)»³⁰. Под давлением советского правительства и в соответствии с решениями Парижской мирной конференции 1946 г. вопрос о выселении венгров из Трансильвании был снят.

Сложной оставалась ситуация в Трансильвании и в ходе наделения крестьян землей. Сельские жители, лица румынской национальности, полагали, что при проведении аграрной реформы они имеют привилегии перед другими национальностями, поскольку не только немцы, но и венгры рассматривались ими как враги румынского государства, со ссылкой на то, что «среди венгров находится много сторонников Хор-

ти»³¹. Как правило, в селах со смешанным населением в земельные комитеты по проведению аграрной реформы входили преимущественно румыны. Но даже и в селах, где проживало большинство венгров, руководителями земельных комитетов назначались румыны. В одном из сел уезда Бихор румыны выгнали из своих домов венгров-колонистов, то есть тех крестьян, этнических венгров, которые поселились здесь в период 1940—1944 гг., когда Северная Трансильвания принадлежала Венгрии. Недалеко от города Деж (Трансильвания) произошло столкновение между венграми и румынами, причем каждая из групп вышла «на выяснение отношений со своими знаменами»³². Крестьяне, венгры по национальности, не доверяли даже рабочим, отряды которых были сформированы на предприятиях из румын и которые направлялись в деревни на помощь крестьянам в осуществлении аграрной реформы. Когда в одно из сёл Клужской области с проживавшим там в большинстве своём венгерским населением был направлен отряд рабочих, то крестьяне встретили его камнями, палками и оружием. Столкновения между сторонами привели к жертвам. Имелись убитые и раненные³³. Однако, как свидетельствуют документы, были случаи, где в многонациональных сёлах наделение землёй проходило спокойно. Но такие случаи не являлись типичными. Побывав на местах, член Политбюро ЦК КПР Василе Лука, например, отмечал, что там, где значительная часть населения являлась венграми, о каком-либо сближении между крестьянами различных национальностей не может быть и речи³⁴. Порой межнациональные конфликты достигали такой остроты, что в дело вмешивалась полиция и местная администрация.

В целях защиты своих прав венгерское население, в том числе и сельские жители, вступало в МАДОС (Союз венгерских трудящихся в Румынии), во Фронт Земледельцев, массовую крестьянскую организацию, левые партии, в том числе и компартию Румынии, увеличивая численный рост её рядов.

Особое место при проведении аграрной реформы в Трансильвании и Банате занимает вопрос о наделении землёй так называемых колонистов, т. е. переселенцев из других областей страны или из районов, не пригодных для ведения сельского хозяйства, прежде всего из горных районов Трансильвании. Как уже указывалось выше, помимо крестьян из областей Старого королевства (Молдовы и Валахии), — это были горные

жители Трансильвании — моцы, а также цыгане, устремившиеся в брошенные хозяйства немцев и венгров. В горных районах уезда Бихор (Трансильвания) насчитывалось 202 коммуны, в уезде Хунедоара — 194, в уезде Клуж — 94 и 45 — в уезде Арад (всего насчитывалось 636 коммун). Население горных районов было очень бедное и в основном безграмотное. Основное занятие их была работа в лесу и животноводство. Их жители (41 175 человек) владели всего около 13 392 га земли, т. е. около 0,3 га в среднем на человека. В некоторых местах моцы владели подсобными хозяйствами менее 1,5 % сотки земли. Около четверти жителей горных районов вообще не имели земельных участков и являлись сезонными сельскохозяйственными рабочими. Оплата их труда была мизерной. Часто она составляла от 1/10 до 1/14 от урожая. Ещё реже работа оплачивалась деньгами. Кроме того, моцы занимались промыслами, в том числе изготовлением телег, которые обменивали на хлеб. Собственной продукции не хватало даже на пропитание. Аграрные реформы 1921 и 1945 г. не привели в этих районах к каким-либо значимым результатам, так как здесь практически не было земель, подлежащих переделу. Всё это порождало недовольство среди населения этих районов, которое часто перерастало в антиправительственные выступления. Власти Румынии пытались снизить накал недовольства среди этой группы населения путём переселения их в другие районы и наделения их землёй. В 1934 г. уже была сделана одна попытка переселения моцев на новые места и наделения их землёй. Но попытка оказалась неудачной. Из 1 800 переселённых семей там осталась всего 531 семья³⁵.

С осени 1944 г. начали создавать из конфискованных и брошенных земель государственные резервы, предназначенные для наделения землёй колонистов³⁶. Земли и часть имущества подлежали разделу между крестьянами и колонистами. Именно в это время властями была предпринята ещё одна попытка наделить землёй моцев, крестьян из горных районов. Но она также не дала положительных результатов. Горцы с трудом приспособлялись к новым условиям. Из-за отсутствия инвентаря и навыков ведения интенсивного хозяйства они привели хозяйства, принадлежавшие ранее немцам, в упадок, запустили земли, разрушили хорошо устроенные хозяйства бывших владельцев. Новые хозяева земли, не имея достаточно

рабочих рук, а в случае цыган, и не желавших на ней работать, стали нанимать бывших собственников, в основном немцев, к себе на работу, оплачивая их труд долей из урожая, а через какое-то время и вовсе забрасывали свои участки, продолжая вести асоциальный образ жизни. Как заявил министр иностранных дел Венгрии, аграрная реформа не оправдала также надежды венгерских крестьян, проживавших в Трансильвании³⁷. В конечном итоге, произошло падение производства сельскохозяйственных культур, а также животноводства. Однако, по мнению руководителей социал-демократической партии, аграрная реформа решала не производственные, а социальные проблемы.

На самом деле аграрная реформа в Румынии в полном объеме не привела к решению социальных проблем в румынской деревне, способствовала кризису сельскохозяйственного производства и сопровождалась острыми межнациональными конфликтами, что вело к обострению межнациональных отношений в Трансильвании и в других областях многонациональной Румынии.

Таким образом, после присоединения Трансильвании и Восточного Баната, а также других территорий, ранее входивших в состав Габсбургской и Российской империй, к Румынии и превращения её в многонациональное государство, противоречия между титульной нацией (румынами) и национальными меньшинствами крайне обострились. Этому немало способствовала дискриминационная политика и практика румынских властей в отношении национальных меньшинств. На примере проведения аграрных реформ в Румынии в 1921 и 1945 гг. видно, что они проводились в интересах румын и сопровождалась ущемлением прав национальных меньшинств, даже в тех районах, где представители национальных меньшинств составляли значительную часть крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 210.

² *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946. М., 2008. С. 68.

³ *Turliuc C.* Interwind destines. Modern Romania and its groups. Iași, 2003, P. 133.

⁴ Краткая история Венгрии. С древнейших времён до наших дней. М., 1991. С. 361—362; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос... С. 69—70.

⁵ *Jordan C.* Minorități etnice în sud-estul european după primul război mondial: dimensiunile unei probleme europene. București, 2002. P. 55, 58.

⁶ *Hristodol Gb.* Aspecte privind pământ a țărănimea din Județul Cluj (1934—1938) // Anuarul Institutului de istorie din Cluj. 1968. XI. P. 331, 328.

⁷ Ibid. P. 328.

⁸ *Jordan C.* Minorități etnice în sud-estul european după primul război mondial: dimensiunile unei probleme europene. București, 2002. P. 58.

⁹ Conservat les prinsepes generaux de L'expropriation dans L'ancien Roumane ét L'ardeal, Bánat, Crișana ét Maramurese. Biblioteca centrală de stat României. Secția manuscris // Fond CCCLXVII. Dos. 1. fără filă.

¹⁰ Al doilea război mondial. Transilvania și aranjamentele europene (1940—1944). Ediție. Studii introductiv, note: Dr. V. Pușcaș . Cluj-Napoca, 1995. P. 51—55.

¹¹ Ibidem.

¹² *Baier H.* Germanii din România. 1944—1956. Sibiu, 2005. P. 7.

¹³ *Turliuc C.* Op. cit. P. 119.

¹⁴ Ibid. P. 130—131; Deportarea etnicilor germani din România în Uniunea Sovietică. 1945. Sibiu, 1994. P. 5.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Л. 92.

¹⁶ *Șandru D.* Plans for the Dislocation of the German Peasantry from Romania, 1945 // Totalitarism Archives. București, 2002. P. 107.

¹⁷ *Baier H.* Germanii din România. 1944—1956, Sibiu, 2005. P. 21. Deportarea etnicilor germani din România... P. 5.

¹⁸ Arhivele Naționale ale României (ANR). Fond Președinție Consiliului de Miniștri. Consiliului de Miniștri. 30 august 1945. P. 109.

¹⁹ ANR. Fond Partidului Comunist Român. Dos. 57/1945. P. 16.

²⁰ Ibid. P. 11—12.

²¹ Ibid. Fond Ministerului Interne. Cabinetului Ministrului. Dos. 15/1947. P. 2.

²² *Turliuc C.* Op. cit. P. 131.

²³ *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 163.

²⁴ ANR. Fond CC al PCR. Doc. 57/1945. P. 4.

²⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946... С. 424.

²⁶ На самом деле полного выселения венгров из Чехословакии Э. Бенешу провести не удалось. — прим. ред.

²⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946... С. 397.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 412.

³⁰ Там же. С. 292.

³¹ NAR. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 42/1945. P. 4.

³² Ibid. Dos. 36/1945. P. 5.

³³ Ibid. P. 4.

³⁴ Ibidem.

³⁵ *Hristodol Gb.* Despre probleme agrară din satele displansată ale munții aruseni (1919—1940). Scrieri istorice despre Români. Cluj-Napoca, 2002. P. 52—59, 69; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0125. Оп. 39. П. 190. Д. 14. Л. 21.

³⁶ *Șandru D.* Reformă agrară din 1945 în România. Institutul agrar/Institutul pentru studii Totalitarismului. București, 2000. P. 201—217.

³⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский спор и СССР. 1940—1946. С. 397.

А.С. ГЛАДЫШЕВА
(МОСКВА)

Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945—1989 гг.

Моноэтническая в исторических границах Валахии и Молдавии, в XX в. в условиях Версальской системы Румыния объединила под своей властью жителей сильно различавшихся между собой по многим параметрам регионов — Трансильвании, Баната, Добруджи, Бессарабии и Буковины. Крупнейшими меньшинствами после Первой мировой войны стали венгры (в т. ч. особые этнические группы — секеи, чангоши), немцы (саксы и швабы), евреи, цыгане, небольшие этнические группы русских (в т.ч. старообрядцев-липован, бежавших вследствие религиозных притеснений за пределы Российской империи в XVIII в.), украинцев (или — в зависимости от характера этнического самосознания — русинов), сербов, болгар, словенцев, хорватов, чехов, словаков, поляков, татар, турок, греков, армян и др. В межвоенный период каждый четвертый житель страны был не румын (с учетом Бессарабии и Северной Буковины). В контексте данной проблематики важно понимать, что и после Второй мировой войны новая политическая система должна была решать старую проблему — адаптации национальных меньшинств к условиям румынского государства — национального и унитарного. Этой задаче были подчинены мероприятия румынского правительства на протяжении всего двадцатого столетия. Румынское государство в своих посттрианонских границах¹ по определению не могло быть федеративным. В условиях присутствия развитой венгерской политической нации это был бы путь к потере Трансильвании.

Идея «румынизации» национальных меньшинств, т.е. складывания румынской нации из людей разных национальностей по-

лучила активное распространение в стране еще в межвоенный период, когда её излагали в своих трудах праворадикальные авторы П. Шейкару, Н. Ионеску, К. Рэдулеску-Мотру². Концепции создания политической однородности общества на основе румынского государственного патриотизма положили начало репрессивной политике в отношении ряда меньшинств. После присоединения Трансильвании необходимо было поощрять лояльность венгерского меньшинства и его элиты, добиться признания ею себя частью румынской государственной нации.

Территориальные потери начала Второй мировой войны³ лишили Румынию мощного экономического потенциала (Северной Трансильвании) и более 6 млн. человек, в том числе представителей меньшинств — многочисленного украинского, русского, а также части венгерского, болгарского, турецкого, греческого населения. Благодаря своевременному переходу Румынии на сторону стран антигитлеровской коалиции в августе 1944 г., она смогла восстановить свои довоенные границы с Венгрией, но утратила право на Южную Добруджу, Бессарабию и Северную Буковину⁴.

Национальный вопрос в послевоенной Румынии стоял очень остро, в начале рассматриваемого периода почти 20 % населения не являлись представителями титульной нации⁵. Хронологические рамки статьи выбраны неслучайно. В политическом плане этот период охватывает монархический (1945—1947 гг.) и республиканский (1948—1989 гг.) режимы правления. На наш взгляд, рассмотрение послевоенной национальной политики необходимо начать с 1945 г., ознаменовавшего смену расстановки политических сил в стране (и в регионе в целом) после окончания войны в Европе. Завершить рассмотрение данной проблематики целесообразно событиями 1989 г.: декабрьской революцией и закатом социалистической Румынии. В национальной политике в рассматриваемый период можно выделить следующие векторы: решение вопроса об административно-территориальном управлении регионами со значительным сосредоточением национальных меньшинств; реализация гражданских прав малых этнических групп в составе государства; работа с национальными культурными обществами и прочими представительствами, контроль за общественно-политической жизнью миноритарных этносов; вопросы миграционной политики.

Одним из определяющих векторов национальной политики являлось решение вопроса об административно-территориальном устройстве полиэтничной Румынии. В послевоенные годы правительство П. Грозы сохранило традиционное административное деление страны на уезды. Однако именно в конце 1940-х гг. в Трансильвании происходит изменение структуры городского населения. Начавшееся еще в 1920-е годы переселение румын из Старого королевства (Валашское и Молдавское княжества), получавших в этом случае ряд привилегий (так, при переселении в сельскую местность румынам давали земельные наделы), со временем (наряду с другими, в частности, политическими факторами) способствовало изменению этнических пропорций в городах⁶. Наряду с этим, из трансильванских городов в 1952 г. начинают выселять часть старой венгерской и немецкой буржуазии⁷. Кроме того, национальный состав городов меняется в ходе урбанизации, благодаря приезду части румын из села (этот процесс ускорился с начала 1950-х гг.)

В решении вопроса об административно-территориальном делении государства с установлением республиканского строя поворотным моментом стала середина 1960-х гг. В начале 1950-х гг. Г. Георгиу-Деж пошел по пути создания зон компактного проживания. Вектор национальной политики в этот период определялся целым рядом факторов. С одной стороны, решение вопроса о лучшей интеграции Трансильвании в пространство единой Румынии и перевод экономики на мирные рельсы требовали сплочения всех народов страны на основе лояльности новой власти. С другой стороны, для окончательного урегулирования трансильванской проблемы необходимо было показать Венгрии, что Румыния заботится обо всех своих гражданах, независимо от их национальной принадлежности. Создание зон компактного проживания позволило правительству в определенной мере стабилизировать обстановку внутри страны и тем самым свести к минимуму претензии венгерских властей по вопросу о Трансильвании.

Руководствуясь не в последнюю очередь экономическими соображениями и опираясь на опыт Советского Союза, правительство РНР в 1950 г. пошло на укрупнение традиционных административно-территориальных единиц: 58 уездов были преобразованы в 28 областей. В 1952 г. число областей сокра-

тилось до 18-ти, в 1960 г. — до 16-ти, что позволило создать зоны компактного проживания национальных меньшинств, одна из которых даже получила статус автономии. В результате этой политики в области Тимишоара удалось сконцентрировать болгар, чехов, сербов, хорватов, словенцев и швабов (немцев-католиков); в Брашове — саксов (немцев-лютеран), в Констанце — турецкое, армянское меньшинство и часть греческой диаспоры (остальные греки проживали в Галаце и столице); в Байя Маре — украинцев и русских, в Сучаве — поляков. Особый статус имела Венгерская (Муреш-Венгерская) автономная область⁸. На ее территории из исторических уездов Муреш, Харгита, Ковасна была сформирована зона компактного проживания венгров и немцев⁹. В автономии проживали около 700 тыс. венгров, что составляло менее половины всего венгерского населения страны¹⁰. Венгерский журналист Пал Панди, находившийся в 1956 г. в течение месяца в Румынии, отмечал, что «положение венгров, проживавших вне рамок автономной территории, несколько отличается, причем в невыгодную сторону от положения венгров, проживающих на автономной территории»¹¹. Важно иметь в виду, что большая часть венгров и немцев Румынии оказалась за пределами автономной области (районы Орадя, Байя Маре, Клуж, Тимишоара, Брашов) и испытывала притеснения со стороны румынской администрации, стремившейся ограничить их право на использование родного языка в государственных учреждениях. Венгерское население было вынуждено интенсивно учить румынский язык.

Однако во второй половине 1960-х гг. Н. Чаушеску пошел по пути ликвидации административной самостоятельности зон компактного проживания этнических меньшинств. Официальное заявление об этом на Национальной партийной конференции в декабре 1967 г. обосновывало подобное решение необходимостью совершенствования системы хозяйствования. Однако за такой формулировкой скрывался совершенно иной смысл: власти необходимо было рассредоточить этнические группы для их последующей «румынизации». После возврата в 1968 г. к традиционному делению страны на уезды представители этнических групп оказались рассредоточены по разным регионам. Уезд стал административно-территориальной единицей, объединившей города и коммуны по географическому, социально-политическому признакам, а также

на основании традиционных связей народа. Как подчеркивал Н. Чаушеску, принятые меры должны были «обеспечивать конституционные права на использование национального языка в государственной администрации, школах, учреждениях культуры в местностях, где проживают разные нации»¹². Новое административное деление создало ситуацию, в которой венгры оказались жителями большего числа административных единиц, чем до 1968 г., но при этом лишились возможности создания своего автономного образования.

Административную реформу Н. Чаушеску можно рассматривать, как стремление к ускоренному поглощению национальных меньшинств в Румынии титульной нацией. В сравнении с национальной политикой в Советском Союзе, которая нашла свое отражение и в политической практике Румынии, стоит отметить, что в СССР существовала идеологема «новая общность — советский народ», в то время как в Румынии иная — «румынская нация, состоящая из людей разных национальностей».

Важнейшим пунктом национальной политики являлась реализация гражданских прав этнических меньшинств. До середины 1950-х гг. румынские власти по сути выступали в качестве единственного гаранта сохранения национальной идентичности нетитульного населения. Однако позднее они занялись решением национального вопроса на иной основе, используя опыт Советского Союза. В этих условиях была поставлена новая задача — формирования единой румынской нации. Рассмотрим, с какими проблемами столкнулись в результате этнические группы в Румынии при реализации своих прав на использование родного языка, на получение образования на родном языке, на обеспечение свободы слова, собраний и свободы совести.

9 февраля 1945 г. был принят декрет о статусе национальных меньшинств, закрепивший равенство всех жителей страны независимо от их национальности перед законом, равные гражданские, политические и юридические права¹³. Тем не менее, немецкое национальное меньшинство сразу же оказалось ущемлено в правах в силу своей сопричастности к нацистской политике. На первых выборах 19 ноября 1946 г. большинство немцев, а также установленных коллаборационистов других национальностей, лишили права голоса¹⁴. В марте 1945 г. осуществление аграрной реформы началось с конфискации

земель у всех румынских и германских граждан немецкой национальности и тех, кто сотрудничал с гитлеровской Германией¹⁵. 2 апреля 1945 г. было принято распоряжение, распространившее действие этого запрета на всех граждан Румынии, состоявших в годы войны в немецких фольксгруппах¹⁶. Лишь в марте 1954 г. уже республиканское правительство восстановило немцев в правах на землю и имущество. Однако для жителей сельской местности условием реализации гражданских прав стало обязательство вступать в колхозы¹⁷.

В общей своей массе меньшинства после войны могли свободно пользоваться родным языком в административных и судебных органах тех районов, где они составляли не менее 30 % населения. На национальные языки стали переводиться все законодательные акты, принятые после 23 августа 1944 г. До середины 1950-х гг. жители Румынии могли беспрепятственно получить образование на национальных языках во всех звеньях образовательной системы. В целях укрепления позиций румынского государства в Северной Трансильвании сразу после восстановления там румынской администрации в 1945 г. Министерство просвещения разрешило открытие под своим контролем частных венгерских школ и возобновило работу венгерского университета в г. Клуже¹⁸. С учреждением системы всеобщего государственного образования в 1948 г. частные и конфессиональные школы были национализированы. Со временем было ликвидировано и большинство отдельных учебных заведений национальных меньшинств, но обучение на родном языке сохранилось¹⁹. Румынский язык стал обязательным для обучения с 1-го класса, а русский — с 4-го класса. На примере немецкого населения можно судить о том, что весомая доля детей, относившихся к одному из национальных меньшинств, продолжала обучаться в школах на родном языке.

Ситуация в корне изменилась после венгерских событий 1956 г. Массовые демонстрации студентов, а также учащихся старших классов (не только этнических венгров, но и румын) в поддержку венгерской молодежи в Тимишоаре, Клуже и Бухаресте, распространение листовок и воззваний антисоветского характера дали повод румынским властям пойти на закрытие университета в г. Клуже в 1959 г. В результате слияния венгерского университета с румынским была ограничена возможность получения высшего образования на венгерском языке.

При Н. Чаушеску с середины 1960-х гг. с новой силой вспыхивают идеи румынизации: начинает оформляться концепция «единой румынской социалистической нации». В конце 1960-х — начале 1970-х гг. термин «национальные меньшинства» практически перестает употребляться. Его синонимом становится обозначение этнических групп в качестве «совместно проживающих национальностей». Правительство ограничило использование родных языков миноритарных этносов в административных учреждениях, чему благоприятствовало разукрупнение областей, о котором говорилось выше. Путем ротации кадров на местах происходила замена чиновников нетитульной национальности румынами. Значительная часть последних не знала местных языков, либо (реже) умышленно не использовала их, вынуждая население активно учить румынский язык²⁰.

В 1980-е гг. румынизация национальных меньшинств достигла своего апогея. Констатируя факт создания единой нации, правительство стало использовать термин «румыны венгерской (немецкой, еврейской и пр.) национальности»²¹. В целях окончательного решения национальной проблемы в соответствии с планами партийного руководства на Национальной конференции РКП в 1987 г. был поставлен вопрос о необходимости ускорения темпов унификации наций под лозунгами объединения народов «в борьбе за социализм, за разоружение и мир во всем мире»²². В том же году под планы укрупнения (т.н. «систематизации») сел²³ попали районы компактного проживания национальных меньшинств. Противодействие этой программе со стороны венгерского населения, а также недовольство социально-экономической ситуацией в стране к концу 1980-х гг. привели к росту социального напряжения в Трансильвании, которая стала главным очагом декабрьской революции 1989 г.²⁴

Еще в межвоенный период национальные меньшинства Румынии (венгры, немцы, молдаване, украинцы, болгары, евреи, цыгане)²⁵ создали ряд политических партий и общественных организаций, представлявших их интересы в парламенте и местных органах власти. Их деятельность позволяла бороться за национальную самобытность (в случае с бессарабцами — за региональные интересы) и права, но при этом радикализовала систему межнациональных отношений в стране. С установлением в 1938 г. диктатуры Кароля II многие партии

этнических меньшинств были запрещены; немецкие партии в свою очередь попали под запрет после выхода Румынии из войны с СССР в августе 1944 г. Поэтому к 1945 г. в качестве политической партии, выражающей интересы национального меньшинства, функционировал лишь Венгерский народный союз (МАДОС), в который влились разные политические организации Северной Трансильвании. Немного существовали также еврейские политические организации — Союз румынских евреев (до 1946 г.); Еврейский демократический комитет (до 1948 г.). Представители остальных меньшинств пополнили ряды членов всерумынских партий. МАДОС стал инструментом, который коммунисты использовали в борьбе против так называемых «исторических партий» в целях укрепления своего влияния в Трансильвании.

С ликвидацией многопартийности в 1948 г. этнические меньшинства практически лишились возможности полноценного участия в политической жизни страны, но сохранили свои национальные общественные организации, все менее способные выражать политическую волю национальных меньшинств (МАДОС, Немецкий антифашистский комитет, Еврейский демократический комитет, Демократический комитет русского и украинского населения, Албанский, Греческий, Болгарский демократические комитеты, Сербский земельный комитет, Демократический комитет татарского и турецкого населения, культурные организации «Польский дом» и «Чехословацкая колония»). Их представители иногда входили в парламент, но реального веса не имели. Правда, кое-где на местах эти комитеты оказывали влияние на общественные настроения. Это послужило одной из причин их ликвидации в начале 1950-х гг.

14 января 1953 г. ЦК РРП принял постановление «О сосредоточении всей деятельности МАДОС и демократических комитетов национальных меньшинств в народных советах и других массовых и культурных организациях». В нем говорилось, что в стране больше нет необходимости в существовании организаций, покровительствующих национальным меньшинствам, поскольку национальный вопрос в РНР в принципе «решен». В фондах РГАНИ отложились копии оригиналов и переводы постановлений ЦК РРП о ликвидации указанных организаций и комитетов²⁶. Ликвидация этих представительств на всех уровнях, начиная с сел и заканчивая центральными комитетами,

поставила национальные меньшинства под полный контроль государственных органов. Руководству страны данная акция, завуалированная под реализацию гражданских прав народов, проживающих на территории Румынии, позволила не только отслеживать реакцию населения на свои мероприятия, но и держать людей под постоянным и неусыпным наблюдением. С этой целью планировалось привлечь представителей национальных меньшинств на работу в партийный аппарат, народные советы, а также задействовать их в массовых организациях (профсоюзы, Союз трудовой молодежи, общество румынско-советской дружбы и культурных связей с СССР — АРЛИОС и др.). Кроме этого, Отделу пропаганды и агитации ЦК РРП было поручено взять под свой неослабный контроль сохранившиеся органы печати национальных меньшинств²⁷. Реализация этих мероприятий не заставила себя долго ждать.

В 1968 г. по инициативе Н. Чаушеску были организованы советы трудящихся совместно проживающих национальностей. Пражская весна дала толчок многообразным общественным движениям по всему спектру гражданского общества. В том числе движениям национальным. Интервенция 21 августа, которую Румыния, как известно, не поддержала, явилась для Чаушеску вызовом, заставившим его принять меры для сплочения всего общества независимо от национальностей на платформе государственного патриотизма и лояльности режиму. Вершиной сформированной бюрократической системы оказался созданный в 1974 г. Фронт социалистических объединений (с 1980 г. он носил название Фронт демократии и социалистического единства — ФДСЕ)²⁸. В него вошли 36 общественных организаций (в т. ч. Румынская компартия, объединения рабочих, деятелей искусств) и 14 религиозных общин²⁹. Фронт имел свои представительства на региональном уровне. В компетенции ФДСЕ было обсуждение на местах законопроектов и планов экономического развития, а руководящий орган — Национальный совет формально обладал даже правом законодательной инициативы, но воспользоваться им не имел практических возможностей³⁰. Фронт, главным образом, осуществлял связь центра с регионами, которая слабела с каждым годом в условиях растущего бюрократического аппарата.

Говоря о реализации гражданских прав этнических меньшинств в Румынии, нельзя не коснуться религиозной полити-

ки правительства. В силу своего разноликого национального состава Румыния — поликонфессиональное государство. После войны к Православной церкви принадлежало около 70 % населения (большинство румын, болгар, сербов, русских, греков, украинцев, цыган), к Римско-католической — 8 %, к Греко-католической — 10 %, к протестантским церквям — 5 %, на долю прочих религиозных течений приходилось около 7 %. В большинстве своем католики концентрировались в девяти уездах на севере страны (Ковасна, Харгита, Муреш, Сату-Маре, Бихор, Арад, Тимиш, Бакэу, Нямец), униаты населяли часть трансильванских уездов (Алба, Клуж, Муреш, Марамуреш, Сату-Маре, Бихор). Около 40 % венгров и 60 % этнических немцев, а также поляки, чехи, словаки, хорваты исповедовали католичество, более 50 % венгров и 25 % немецкого населения являлись протестантами, свыше 95 % турецкого и татарского населения исповедовали ислам³¹. Русские-липоване сохраняли традиции старообрядчества. Униатство объединяло, прежде всего, трансильванских румын (униатские приходы окормляли примерно половину трансильванских румын) и украинцев.

Послевоенные изменения в положении религиозных общин на первых порах благоприятствовали их деятельности. По декрету 2 сентября 1944 г. были уравнены в правах все конфессии на территории Румынии, ликвидировалось особое положение Румынской Православной и Греко-католической церквей. Кроме того, церковные земли не попали под действие аграрной реформы 1945 г.³² В 1948 г. попытки принудить конфессии сотрудничать с правительством стали переломным моментом в религиозной политике государства. Уже в августе, в соответствии с законом о вероисповеданиях, все религиозные культы были поставлены под контроль Министерства культов. Римско-католическая церковь оказалась на полуполюгальном положении после отмены конкордата, подписанного с Ватиканом в 1927 г. К 1 декабря 1948 г. румынские власти ликвидировали униатские епископаты, закрыли приходы. Церковь, насчитывавшая около 1,5 млн прихожан, долгие десятилетия находилась в подполье³³. Несколько поколений жителей страны воспитывались в духе атеизма, но свести роль религии к минимуму все же не удалось. В 1992 г. первая перепись населения после краха режима Н. Чаушеску засвидетельствовала, что лишь 35 тыс. чел. (0,2 %) из 22,8 млн населения назвали

себя атеистами³⁴. С учетом сокращения доли этнических меньшинств в составе государства можно сказать о том, что практически в неизменном виде остались приходы католиков, протестантов. А вот политика в отношении греко-католической церкви привела к неутешительным результатам: число ее прихожан сократилось на 85 % по сравнению с межвоенным периодом. Большая их часть оказалась вынуждена влиться в ряды Румынской православной церкви³⁵.

Особое место в национальной политике играла миграционная составляющая, коснувшаяся всех стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Внутренние волны миграции были отнюдь не результатом волеизъявления народов, а следствием насильственных мер руководства страны. На положении отдельных национальных меньшинств сказывались отношения Румынии с соседними государствами: Югославией, Болгарией, СССР, Венгрией. Конфликт 1948 г. СССР и его сателлитов с Югославией породил в Румынии политическое недоверие к народностям, проживавшим в пограничных с ФНРЮ зонах³⁶. В 1951—1956 гг. сербское, венгерское, немецкое (швабы), болгарское, румынское население из пограничных с Югославией районов Баната (до 50 км от границы) насильственно переселяли на юго-восток в Бэрэганскую степь. Так как депортации подверглись в первую очередь зажиточные крестьяне и политически неблагонадежные граждане, эту меру правительство мотивировало необходимостью борьбы с теми, кто сопротивлялся коллективизации³⁷. Выселением было охвачено около 40 тыс. человек³⁸.

Антирумынская кампания, развернутая в западной прессе в связи с депортацией немцев из Баната, потеряла свою остроту после нормализации отношений СССР и ФНРЮ. Решение об освобождении депортированных было связано также с требованиями о соблюдении гражданских прав населения стран-членов ООН, в которую Румыния была принята в декабре 1955 г. В справке МИД СССР об экономическом и внутривнутриполитическом положении в Румынии в 1955 г., подготовленной для членов Президиума ЦК КПСС, говорилось о том, что население возвращается обратно на прежнее местожительство³⁹.

Наряду с внутренней миграцией шли и процессы эмиграции населения. По заключенному Румынией 12 сентября 1944 г. перемирию с державами антифашистской коалиции

правительство обязалось разоружить и интернировать граждан Германии и Венгрии, за исключением лиц еврейской национальности. 19 статья Перемирия аннулировала решения Второго Венского арбитража, что означало восстановление румынского гражданства коренным жителям Северной Трансильвании (эта мера не распространилась на тех, кто приехал в этот край после 30 августа 1940 г., т.е. дня арбитража)⁴⁰. Согласно апрельскому декрету 1945 г. о статусе национальных меньшинств Румыния также отказывала в гражданстве тем, кто не имел его к 30 августа 1940 г. В результате этой меры в положении апатридов оказались 250 тыс. человек. Кроме того, было аннулировано гражданство «тех лиц, которые добровольно служили в армии одного из государств, с которым Румыния находилась в состоянии войны, или которые участвовали в военных или полувоенных иностранных соединениях»⁴¹. Таким образом, румынские власти создали условия для вынужденной эмиграции части населения из страны.

Больше других от расправы с коллаборационистами в Румынии пострадали, как уже отмечалось, этнические немцы, для которых антифашизм обернулся фактически антигерманизмом. Часть немецкого населения подверглась депортации как в Германию, так и в СССР⁴². В середине 1944 г. в Румынии находилось свыше 300 тыс. немцев, преимущественно в Сибиу, Брашове и Банате (швабы), в остальных регионах их осталось лишь несколько тысяч. Депортация населения началась в январе 1945 г. из регионов Сату-Маре и Баната, а затем из Трансильвании. Она осуществлялась на основе заблаговременно составленных списков мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин — от 18 до 30 лет. Репатриация началась уже в 1946 г., достигла пика в 1947—1948 гг. и завершилась в 1950 г. В СССР были направлены 75 тыс. немцев, 10 тысяч из которых не вернулись на родину⁴³. Кроме того, в течение 1945—1946 гг. румынские власти выслали в Германию не попавших в плен немецких военнослужащих из частей, которые дислоцировались в стране. Важно отметить, что депортация трансильванских немцев была не поголовная, как в Польше, Чехословакии и Югославии. Немецкая диаспора сохранилась как в Юго-Восточной Трансильвании, так и в Банате.

После прихода к власти коммунистов массовые миграционные потоки за пределы страны прекратились. Румыния долгие

годы запрещала эмиграцию представителям национальных меньшинств. Невозможность получить загранпаспорт толкала людей на незаконное пересечение границы, приобретение поддельных документов или подкуп должностных лиц.

В середине 1970-х гг. еврейскому и немецкому населению официально разрешили покидать Румынию в соответствии с документами Хельсинского соглашения 1975 г. Были установлены ежегодные лимиты на количество эмигрантов. В 1950—1980-е гг. можно выделить ряд волн эмиграций немцев, которые шли по нарастающей. До установления дипломатических отношений с ФРГ в 1967 г. эмиграция носила единичный характер и официально была запрещена: до 1970 г. Румынию покинули не более 2 тыс. человек, а в 1970-е гг. уже более 7 тыс. немцев. Новым рубежом во взаимоотношениях двух стран стало соглашение Н. Чаушеску с канцлером Г. Шмидтом о денежной компенсации за каждого эмигранта. Всего в 1977—1989 гг. эмигрировали в ФРГ около 240 тыс. этнических немцев⁴⁴. Одновременно в 1968—1989 гг. страну удалось покинуть 40,5 тыс. евреев⁴⁵. Декретом № 402 от 1 ноября 1982 г. правительство республики решило потребовать компенсации расходов за обучение в Румынии от всех лиц, пожелавших покинуть страну. Так были закреплены личные обязательства, которые требовалось выполнить, чтобы попасть за границу⁴⁶. 21 декабря того же года этот акт был одобрен Великим Национальным собранием и получил статус закона⁴⁷. В феврале 1983 г. был принят декрет, установивший особую плату для желающих покинуть страну. Таким образом возмещались затраты за полученное потенциальными эмигрантами школьное образование и медицинское обслуживание. Под нажимом международного сообщества действие этого декрета было отменено. В западных СМИ была развязана кампания, обвинявшая власти Румынии в продаже собственных граждан⁴⁸. После этого Н. Чаушеску заключил договоры с ФРГ и Израилем о ежегодных отчислениях в государственную казну Румынии для получения разрешения на эмиграцию ее граждан. Была определена сумма «выкупа», которую требовалось уплатить в пользу республики за каждого жителя, покидавшего страну. Немцев оценивали из расчета 650 долларов за человека без образования, 1964 — за студента, 2500 — за обучающегося на последнем курсе лицея, 3298 — за выпускника университета, 1035 — за квалифици-

рованного рабочего. От властей Израиля республика получала 2500—3000 долларов за каждого эмигранта, кроме детей и пенсионеров⁴⁹. Самое многочисленное меньшинство республики — венгры не могли покинуть пределы государства в массовом порядке в 1970—1980-е гг. ввиду незаинтересованности сторон в этом процессе. В свою очередь, венгерские власти не хотели ослабления позиций венгерского этноса в Трансильвании, поэтому вопрос об эмиграции в массовом порядке своих соотечественников не поднимали.

Перепись 1992 г. зафиксировала изменения, которые претерпел национальный состав государства за предыдущие два десятилетия и в 1990—1991 гг.⁵⁰ Если доля венгров сохранилась практически прежней — 7,1 %, то количество немцев и евреев значительно сократилось, составив 0,5 % и менее 0,1 % соответственно. Третьей по численности нацией в стране стали цыгане — 1,8 %⁵¹.

На протяжении десятилетий вопрос о положении самого многочисленного в Румынии венгерского меньшинства нельзя было ставить публично. Проблема была загнана вглубь, но продолжала существовать. После 1946 г. и в Венгрии, и в Румынии по требованию Москвы официально сделали вид, что национальный вопрос решен. Игнорирование проблем меньшинств продолжало настраивать против румынских властей не только этнических венгров, но и немцев, украинцев, болгар, евреев и др. Национальные противоречия послужили одной из предпосылок свержения режима Н. Чаушеску.

Неоспорим тот факт, что численность любого национально-меньшинства сокращается в результате ассимиляции и миграционных оттоков. Однако румынская политика 1945—1989 гг. в национальном вопросе характеризовалась чудовищными мероприятиями по насильственному сокращению доли этнических меньшинств в стране. Попытки ассимиляции венгров, превращения их в «румын венгерской национальности» показали абсолютную неэффективность, закончились провалом. Судя по данным последних переписей, в настоящее время численность венгров продолжает уменьшаться, но только благодаря экономической миграции и более низкой рождаемости. Здесь существенную роль играет сильное культурное сопротивление политически и культурно очень консолидированной венгерской нации, частью которой является и диаспора в Румынии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о Трианонском мирном договоре с Венгрией (1920 г.), по которому Румыния получила обширные территории, ранее входившие в состав венгерской половины монархии Габсбургов (Трансильвания, Банат, Кришана, Марамуреш). От австрийской половины монархии она унаследовала Буковину.

² *Șeicaru P.* Principiile de politică națională. București, 1919; *Ionescu N.* Roza vânturilor. 1926—1933. Chișinău, 1993; *Rădulescu-Motru C.* Românișmul. București, 1939; *Ibidem.* Etnicul românesc. Comunitate de origine, limba și destin. Nationalism. București, 1996.

³ Оккупация СССР Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г., возвращение Венгрии Северной Трансильвании по условиям Второго Венского арбитража (30 августа 1940 г.), а Болгарии — Южной Добруджи.

⁴ Подробнее см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов. М., 2000; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы. М., 2008.

⁵ Согласно данным переписей, по сравнению с 1930 г. в 1948 г. доля титульной нации увеличилась на 20 %. Этот факт объясняется не только утратой Бессарабии и Северной Буковины, но и успехами межвоенной кампании по румынизации этнических меньшинств, а также тем, что за прошедшие после присоединения новых территорий тридцать лет выросло целое поколение людей, представители которого (в том числе люди, родившиеся в результате смешанных браков) могли сознательно считать себя румынами по национальности.

⁶ *Буткова Т.Г.* Этнонациональные проблемы в Румынии // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы. Сборник обзоров и рефератов. М., 2007. С. 45. Подробнее см.: *Erdélyi településeinek népeisége nemzetiség szerint (1930—1992)*. Budapest, 1996.

⁷ *Castellan G.* The Germans of Rumania // *Journal of contemporary history*. London, 1971. № 1. P. 71.

⁸ О Венгерской автономной области см. подробнее: *Bottoni S.* Transilvania romie. Comunismul român și problema națională. Cluj-Napoca, 2010.

⁹ *Alexandrescu I., Badea-Păun G.* Organizarea administrative-teritorială a României // *Enciclopedia de istorie a României*. București: Ed. Meronia, 2002. P. 505.

¹⁰ По данным переписи 1956 г., в Румынии проживали 1,58 млн венгров (около 9,1 % всего населения страны).

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 399. Л. 115.

¹² Romania pe drumul construirii socialismului. V. 2. București, 1969. P. 547.

¹³ *Castellan G.* The Germans of Rumania // Journal of contemporary history. London, 1971. № 1. P. 68.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ В межвоенный период в ходе реформирования сельского хозяйства была осуществлена экспроприация части помещичьих земель и передача их безземельным и малоземельным крестьянам. Самые большие наделы были выделены румынским крестьянам на вновь присоединенных территориях, прежде всего в Трансильвании, во многом за счет экспроприации владений венгерских помещиков. Льготные условия приобретения земель в собственность предоставлялись колонистам на территории Бессарабии, Северной Буковины и Южной Добруджи. Тем самым румынские власти в своем стремлении закрепить эти новые земли за собой заручались поддержкой части местного населения. На всей территории страны было введено ограничение на продажу полученной земли до ее полного выкупа.

¹⁶ *Кравченко Т. М.* Проблема прав национальных меньшинств в Румынии (вторая половина 40-х — 90-е гг.) // Право на свободу: Материалы международной конференции 29—30 октября 1998. М., 2000. С. 153.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 166. Л. 67.

¹⁸ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 358—359.

¹⁹ *Кравченко Т. М.* Проблема прав национальных меньшинств в Румынии. С. 158.

²⁰ Там же. С. 153—155.

²¹ См., например: Правда о национальностях Румынии. Пленумы совета трудящихся венгерской и немецкой национальностей Социалистической республики Румынии. 26—27 февраля 1987 г. Бухарест, 1987.

²² Там же. С. 21—22.

²³ На мартовском Пленуме ЦК РКП в 1974 г. впервые был рассмотрен проект закона об укрупнении территорий сел и городов. 30 октября 1974 г. на заседании Великого Национального собрания был принят закон № 58 об укрупнении села, в котором целью реформы называлось улучшение условий труда, быта и отдыха граждан. На XI съезде РКП в ноябре 1974 г. программа была окончательно одобрена, а для ее реализации сформирована Центральная партийно-государственная комиссия по укрупнению территорий. В шестую пятилетку (1976—1980 гг.) планировалось трансформировать в сельхозгорода или агропромышленные центры не менее 100 населенных пунктов, а в седьмую (1981—1985 гг.) — еще 140. Укрупнение сел провоцировало

разрушение традиционной культуры, особенно в многонациональных районах, на которые в первую очередь была направлена политика румынского правительства.

²⁴ *Кравченко Т. М.* Проблема прав национальных меньшинств в Румынии. С. 155—156.

²⁵ Бессарабские молдаване не считались в Румынии национальным меньшинством, трактовались и до сих пор трактуются как бессарабские румыны. Партии бессарабских молдаван по своему типу являлись не столько национальными, сколько региональными, отстаивающими региональные интересы.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 28. Л. 8—63.

²⁷ Там же. Л. 8—10.

²⁸ Congresul al II-lea al frontului democrației și unității socialiste, 17—18 ianuarie 1980. București: Ed. Politică, 1980.

²⁹ *Ibidem.* P. 195—196.

³⁰ România în timpul războiului rece. Scurtă cronologie a evenimentelor, instituțiilor și mentalităților (1945—1989) / Sub dir. R. Rusan. București: Fundația Academia Civică, 2011. P. 94.

³¹ Стоит отметить, что мусульманская церковь в Румынии не имеет большого влияния в силу того, что в стране к настоящему времени проживает небольшая турецко-татарская диаспора.

³² *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х гг. XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 425.

³³ История Румынии. М., 2005. С. 613—614.

³⁴ Румынское общество отличается сильной религиозностью. В наши дни школа православной теологии в Румынии является едва ли не самой мощной.

³⁵ *Alexandrescu I., Badea-Păun G.* Organizarea administrative-teritorială a României // Enciclopedia de istorie a României. București: Ed. Meronia, 2002. P. 457.

³⁶ Помимо советско-югославского конфликта поводом к депортациям послужил страх перед укреплением позиций немецкого населения Баната и мнимая угроза создания независимой республики в регионе.

³⁷ *Castellan G.* The Germans of Rumania // Journal of contemporary history. London, 1971. № 1. P. 71.

³⁸ *Милин М., Степанов Л.* Бараганска Голгота. Срба у Румунији. 1951—1956. Темишвар, 1996. С. 7.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 44. П. 246. Д. 287. Л. 107.

⁴⁰ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 291—292.

⁴¹ Там же. С. 423. См. также: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 гг. / Под ред. В.В. Марьиной. М., 2004.

⁴² См.: Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 33—34.

⁴³ *Shieder Cf. T.* Das Schicksal der Deutschen in Rumanien. Berlin, 1957. P. 77. Цит. по: *Castellan G.* The Germans of Rumania // Journal of contemporary history. London, 1971. № 1. P. 67—68.

⁴⁴ Budeancă C. Emigrația sașilor în ultimul deceniu al regimului comunist // Anii 1973—1989: Cronica unui sfârșit de sistem. Analele Sighet 10. București, 2003. P. 238.

⁴⁵ *Кравченко Т. М.* Проблема прав национальных меньшинств в Румынии (вторая половина 40-х — 90-е гг.). С. 155.

⁴⁶ Decret nr.402 din 1982 privind obligațiile persoanelor care cerși li se aprobasă se stabileasca definitive în străinatate de a plati datoriile pe care le au fata de stat // Legislația României. URL: <[http://www.cautalege.ro/decret-402-1982-obligatiile-persoanelor-care-cer-li-se-aproba-se-stabileasca-definitiv-strainatate-plati-datoriile-care-le-au-fata-stat-\(B41BF369F9C8CB47\).jsp](http://www.cautalege.ro/decret-402-1982-obligatiile-persoanelor-care-cer-li-se-aproba-se-stabileasca-definitiv-strainatate-plati-datoriile-care-le-au-fata-stat-(B41BF369F9C8CB47).jsp)> (дата обращения: 20.04.2012)

⁴⁷ Lege nr.29 din 1982 pentru aprobarea Decretului Consiliului de Stat nr. 402/1982 privind obligatiile persoanelor care cersi li se aprobasa se stabileasca definitiv in strainatate de a plati integral datoriile pe care le au fata de stat, organizatii socialiste si personae fizice, precum si de a restituiunele cheltuieli suportate de stat cu scolarizarelor // Legislația României. URL: <[http://www.cautalege.ro/lege-29-1982-aprobarea-decretului-consiliului-stat-nr-402-1982-obligatiile-persoanelor-care-cer-li-se-aproba-se-stabileasca-definitiv-strainatate-plati-integral\(584818299119C65F\).jsp](http://www.cautalege.ro/lege-29-1982-aprobarea-decretului-consiliului-stat-nr-402-1982-obligatiile-persoanelor-care-cer-li-se-aproba-se-stabileasca-definitiv-strainatate-plati-integral(584818299119C65F).jsp)> (дата обращения: 20.04.2012)

⁴⁸ *Scurtu I.* Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București: Ed. Enciclopedica, Ed. Institutul revoluției române din decembrie 1989, 2006. P. 80-81.

⁴⁹ Подробнее см.: *Ioanid R.* Răscumpărarea evreilor. Istoria acordurilor secrete dintre România și Israel / Trad. de C. Dumea și M. Mircea. Iași: Polirom, 2005; *Scurtu I.* Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București: Ed. Enciclopedica, Ed. Institutul revoluției române din decembrie 1989, 2006. P. 81.

⁵⁰ Массовое бегство через венгерскую границу как венгров, так и румын началось уже при Чаушеску в 1989 г. В 1990—1991 гг. многие представители национальных меньшинств уже свободно начали покидать страну.

⁵¹ *Scurtu I., Alexandrescu I., Bulei I., Mamina I.* Enciclopedia de istorie a României. București: Ed. Meronia, 2002. P. 436.

СТЕФАНО БОТТОНИ
(БОЛОНЬЯ—БУДАПЕШТ)

Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия.

В центре внимания нашей статьи — интересный и еще малоисследованный аспект национальной политики в Восточной Европе в эпоху коммунизма. Речь идет о Венгерской автономной области (далее — ВАО) в Румынии. Наряду с экспериментами в сфере межнациональных отношений, предпринятыми в титовской Югославии, создание этой области было, пожалуй, единственным примером концептуально проработанной интеграционной политики в отношении национальных меньшинств в Восточной Европе первых послевоенных десятилетий. Оно представляло собой попытку решить издавна острый национальный вопрос путем предоставления административной автономии Секейскому краю, территории Восточной Трансильвании, населенной преимущественно венграми. В целях идеологического обоснования эксперимента с ВАО была использована большевистская модель территориальной автономии, разработанная в СССР в начале 1920-х гг. и по сути навязанная советским руководством Румынской рабочей партии (далее — РРП) в 1952 г.¹ Кроме того, на историю ВАО влияли изменения советской концепции нации, которые произошли в последний период сталинского правления². Точно также как осуществлявшееся под знаком сохранения этнического многообразия утверждение советской идентичности не стало препятствием на пути возрождения традиционного российского доминирования, так и ВАО не смогла помешать реализации румынской коммунистической элитой во главе с Г. Георгиу-Дежем ее собственных планов политической реорганизации страны.

В работе предпринята попытка на основе опубликованных российских и румынских источников выявить генезис этого

административного образования в 1950—1952 гг., при этом главное внимание уделено политическому и психологическому влиянию самого феномена ВАО на межэтнические отношения в Трансильвании. В таком полиэтничном крае, население которого было особенно сильно подвержено влиянию национализма, сам факт появления в официальном публичном дискурсе термина «автономия» неожиданно привел к новой волне этнической напряженности между венграми и румынами.

Формирование советской модели: административно-территориальная реформа 1950 г.

Никто не может со всей определенностью ответить на вопрос, когда и кем была впервые сформулирована идея создания в Румынии ВАО. ЦК РРП провозгласил национальный вопрос в стране решенным еще в декабре 1948 г. в соответствии с резолюцией, принятой со ссылкой на ленинские принципы. Однако полное заимствование советской модели предполагало более четкое определение и решение национального вопроса с помощью введения административно-территориальной автономии. Неопределенность статуса тех уездов Трансильвании, где большинство составляли венгры, возникла после радикальной административной реформы сентября 1950 г., которая изменила границы между административно-территориальными единицами на всей территории Румынии³. Двухступенчатая система межвоенного периода (уезд — коммуна) была заменена территориальным делением, более близким советской модели (область—район—коммуна—село)⁴. Советский фактор играл решающую роль в процессе разработки и проведения этой реформы, также как и при практическом осуществлении любого другого политического решения в Румынии начала 1950-х гг.⁵ Территория Румынии была разделена на 28 областей, 11 из которых находились в Трансильвании, и 117 округов, официально именуемых «районами», согласно советской терминологии. Экономические соображения сыграли решающую роль при определении новых административных границ и новых областных и районных центров.

Кроме всего прочего, были радикально изменены границы территории, исторически именовавшейся Секейским краем⁶. Эта территория была разделена на две области вместо пре-

жних четырех секейских уездов: область Брашов (переименована в Сталинскую область в 1950 г.⁷), и область Муреш с центром в г. Тыргу-Муреш, население которого на тот момент составляло 47 тыс. человек (35 тыс. венгров, 11 тыс. румын и около 1 тыс. евреев)⁸. В области Муреш незначительное большинство составляли венгры (52 %), хотя она включала в себя и румынские районы, такие как Тырнавень и Лудуш.

Партийная комиссия во главе с министром внутренних дел Теохари Джорджеску мотивировала раздел Секейского края экономическими соображениями. Согласно документу, принятому комиссией, глубоко укоренившаяся отсталость этого края была связана в основном с отсутствием там современной индустрии. Партийное руководство стремилось усилить экономическую привязанность региона к наиболее развитому г. Брашов⁹.

Партийная номенклатура в области Муреш состояла преимущественно из венгров. В октябре 1950 г. сто самых влиятельных позиций в местном аппарате власти распределились так: 63 венгра, 28 румын, 6 евреев. Венгром был даже первый секретарь обкома Михай Надь, который, впрочем, настолько рьяно проводил линию партии, принимая жесткие меры против крестьянства в ходе первой волны коллективизации, что его предпочли заменить на другого функционера — им оказался румын Николае Бота¹⁰. При том, что венгры (а также венгероязычные евреи) преобладали в местных исполнительных органах, в особенности в экономической и финансовой сферах (21 венгр из 25 партийных функционеров), Бухарест все же стремился достичь этнического баланса в органах власти на местах.

Хотя этнический баланс в регионе, где преобладали венгры, соответствовал интересам советского руководства, именно Москва сыграла свою роль в том, что общественное недовольство осуществленной административно-территориальной реформой (и в том числе статусом венгров в Секейском крае) проявилось и получило резонанс уже в 1951 г. Это подтверждается опубликованным российским документом — записью беседы советника посольства СССР в Бухаресте С. Спандарьяна с заместителем председателя правительства Румынии Т. Джорджеску, состоявшейся 14 мая 1951 г.¹¹ Спандарьян представил члену румынского руководства двух прибывших из СССР со-

ветников — по вопросам функционирования народных советов и по вопросам районирования. По итогам беседы Спандарьян, ссылаясь на Джорджеску, доложил потом в Москву о том, что после создания новых местных народных советов (1949—1950 гг.) произошло нарушение связи между центром и периферией. Из Бухареста были направлены тысячи распоряжений и циркуляров, которые, однако, зачастую противоречили друг другу и не содержали чётких инструкций. Дело дошло до того, что румынское руководство даже обсуждало, целесообразно ли заранее отправлять на места предварительно заполненные формы, касающиеся повестки дня заседаний народных советов, или разрешить местным руководителям составлять повестки дня своих сессий самостоятельно. Советские специалисты, направленные из Москвы, интересовались у Джорджеску, принимался ли во внимание вопрос о национальных меньшинствах при установлении новых административных границ. Этот намеренно поставленный вопрос, возможно, застал врасплох зампреда правительства, который отвечал на него довольно неопределенно: «этот вопрос в некоторой мере учитывался (например, Сталинская и Мурешская области выделены так, что в них сосредоточена большая часть венгерского населения), но что это очень сложный вопрос, вследствие того что нац. меньшинства *живут не компактно* (курсив мой. — С. Б.), а большей частью перемешаны с румынским населением. Это сильно затрудняет вопрос о выделении отдельных автономных областей. Вопрос о создании автономных национальных областей только обсуждался, но конкретно пока ничего не сделано»¹².

Подготовка новой Конституции (1950—1952 гг.)

Формирование ВАО было также связано с подготовкой и принятием новой румынской Конституции. Во время проведения административной реформы центральное руководство приступило к модификации текста Конституции 1948 г. В новом тексте требовалось отразить успехи, достигнутые в строительстве социализма, в том числе проведение национализации предприятий в 1948 г. и коллективизации сельского хозяйства, начатой в 1949 г. Также Конституция, должна была стать своего рода «стилизацией» советской Конституции 1936 г., хотя и

было очевидно, как отмечал член партийного руководства Мирон Константинеску, что Румынии еще предстоит пройти долгий путь, чтобы достичь уровня советского «социализма».

В конце заседания ЦК РРП 28 июня 1950 г. было принято решение о создании специальной комиссии при ЦК РРП, работа которой не должна была получить огласки. Задача комиссии заключалась в подготовке проекта новой Конституции, который был бы затем рассмотрен Советом министров, как это требовало действующее законодательство. Национальный вопрос на заседании не поднимался.

Вопрос, однако, решался гораздо медленнее, чем изначально планировалось. Возможно, главной причиной тому стало сильное сопротивление в стране насильственному сбору сельхозпродукции. В некоторых регионах произошли кровавые крестьянские бунты. Только через год после вышеупомянутого заседания ЦК РРП, летом 1951 г., Георгиу-Деж обратился к Сталину в телеграмме с просьбой о помощи в составлении проекта новой Конституции¹³. 4 августа 1951 г. Сталин дал на это согласие, но предложил, чтобы к работе комиссий, назначенных ЦК РРП для разработки проекта Конституции, были привлечены и советские эксперты¹⁴. В соответствии с этим, уже в августе-сентябре 1951 г. началась работа над проектом. Процесс создания новой Конституции нельзя считать до конца проясненным, т.к. в нашем распоряжении очень мало сведений о периоде с 10 октября 1951 г.¹⁵ по 14 мая 1952 г., когда Георгиу-Деж отправил Сталину заверченный проект. Тем не менее, попытаемся представить канву событий на основании имеющихся источников.

Осенью 1951 г. комиссия из 20 членов во главе с Георгиу-Дежем работала в соответствии с установленным графиком. В октябре Секретариат ЦК одобрил создание подкомиссий, которые должны были заняться редактированием отдельных глав. Одну из них, призванную проработать те положения Конституции, где речь шла о национальном вопросе, возглавили Мирон Константинеску и венгерский ученый Ласло Баняи. На том же заседании член партийного руководства Иосиф Кишиневский признал, что в качестве образца выступает сталинская Конституция¹⁶.

22 ноября 1951 г. состоялось заседание комиссии, на котором был установлен двухнедельный срок для подготовки пер-

воначального проекта¹⁷, в соответствии с этим до конца года работа над текстом была окончательно завершена¹⁸. Предложенный проект с рукописными пометами Георгиу-Дежа следует рассматривать в качестве исходного документа. Учитывая, что в нем нет никаких ссылок ни на ВАО, ни на необходимость «сделать акцент» на решении национального вопроса, можно сделать предположение, что ни румынские, ни венгерские (работавшие в Румынии) коммунисты не были инициаторами идеи создания автономной территории для крупнейшего национального меньшинства, проживающего в Румынии.

В последующие месяцы в стране усугубился экономический кризис из-за излишка денег в обращении и слишком высоких инвестиций в тяжелую промышленность, особенно в военной сфере. Георгиу-Деж и его группировка в партии, пользовавшиеся в то время полной поддержкой Сталина, были уже готовы запустить кампанию против так называемых «москвичей»¹⁹. Принимая во внимание отсутствие документации за период с декабря 1951 г. и по март 1952 г., можно предположить, что подготовка новой Конституции была прервана. Это может объясняться тем, что подготовленный к концу 1951 г. проект был направлен в Москву, и возражения СССР (в частности, и в отношении трактовки в этом проекте национального вопроса) вынудили румын переформулировать в проекте конституции старые или включить в него новые главы. Вопрос о Конституции был поднят, причем не в качестве главной темы обсуждения, только на заседании Исполкома ЦК РРП 25 марта 1952 г., на котором Георгиу-Деж впервые выдвинул публичные обвинения в адрес Василе Луки²⁰. Протокол этого заседания содержит заявление Георгиу-Дежа о необходимости учреждения для дальнейшей проработки текста Конституции еще одной комиссии, уже не из партийных функционеров, а из сочувствующих коммунистам интеллектуалов и политиков, таких как, например, Петру Гроза²¹. В предложенной ею записке говорилось, правда, без какой-либо конкретики: «В проекте новой Конституции должны быть четко определены национальные аспекты»²².

Перелом произошел через несколько недель, в середине апреля, когда Георгиу-Деж вместе со своими сторонниками (Г. Апостол, М. Константинеску и И. Кишиневский) был вызван в Москву Сталиным, который дал указания по урегулированию

дела Луки-Паукер-Джорджеску. В ходе визита, на последней встрече Георгиу-Дежа со Сталиным и членами советского руководства (В. Молотов, Л. Берия и А. Микоян) мог подниматься вопрос и о ВАО, даже если в историографии и нет никакого упоминания об этом²³.

14 мая 1952 г. Георгиу-Деж направил Сталину вторую версию проекта. Заместитель министра иностранных дел СССР А. Вышинский сделал в ней первые пометы²⁴ и затем направил материал в ЦК председателю внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Григорьяну²⁵. Тот изложил свои предложения (вместе с экспертом по фамилии Горшенин), а затем направил текст Молотову, который представил Сталину 25 июня проект ответа ЦК ВКП(б), содержащий адресованные Бухаресту рекомендации по доработке. Согласно российским документам, Сталин *лично* внес в проект поправки перед тем, как вернуть его Молотову, который в свою очередь направил эту версию руководству Румынии 6 июля 1952 г.²⁶ Что же происходило между Бухарестом и Москвой весной 1952 г., как и кем был впервые поставлен вопрос о создании ВАО? Имеющиеся источники достаточно противоречивы. Румынские документы позволяют сделать вывод о том, что «тихая» борьба вокруг этого вопроса велась между партийными руководствами двух стран в мае—июне 1952 г.

12 июня, когда проект Конституции изучался в Москве, в Бухаресте состоялось заседание Исполкома ЦК РРП²⁷, на котором аппаратчиком венгерского происхождения Александру Могиорошем был представлен доклад, в котором были подняты разные вопросы местного администрирования, но ничего не говорилось о возможном формировании автономной области на землях, где компактно проживали венгры. Через несколько дней был подготовлен новый доклад, об изменении административно-территориального устройства в Румынской Народной Республике, где отмечалось, что «принципы и директивы правительства и партии (о новом административном делении страны. — С.Б.) не были соблюдены в полной мере, потому что большинство регионов оказались недостаточно сильны, чтобы выполнять задачи, поставленные руководством РРП. С другой стороны, текст проекта новой Конституции содержит сведения об образовании Венгерской автономной области, которая будет сформирована в районе, где венгры

и секеи проживают в компактной зоне (курсив мой. — С.Б.)»²⁸. Как говорилось далее, «Венгерская автономная область будет включать районы Чук, Тыргу-Секуйеск, Сфынту-Георге и Одорхой, а также восточную часть Ракоша, расположенную в Сталинской области. Из современного уезда Муреш район Лудуша и несколько деревень из западных частей районов Регина и Тыргу-Муреша будут присоединены к Клужской области»²⁹. В области будут, как отмечалось, проживать 656 тыс. жителей, среди которых 526 тыс. венгров и 123 тыс. румын. Площадь региона составит 1 419 млн. га (14 190 км² — С.Б.), из которых 294 тыс. га будут занимать пахотные земли³⁰.

Итак, если первый доклад не содержал никакой информации о ВАО, во втором, всего несколько дней спустя, границы будущего региона были описаны достаточно подробно, в нем приводились также и статистические данные. Всё это приводит нас к мысли о том, что основная политическая игра велась за кулисами.

Руководство СССР во главе со Сталиным и Молотовым, судя по всему, не только «отполировало» текст проекта Конституции, но и произвело несколько существенных изменений, прежде всего, касавшихся создания автономной области, образованию которой долго противился Бухарест. Правда, некоторые документы, находящиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что дело обстояло не так просто, т.е. вопрос был поставлен не в мае-июне, а куда раньше. В ранее упомянутом майском послании Вышинского проект, переданный из Румынии, был полностью раскритикован, причем ВАО уже тогда упоминалась в нем четко³¹. Показательны также венгерские источники. Судя по записке МИД ВНР, подготовленной в конце 1952 г., Георгиу-Деж заявлял уже на заседании Великого национального собрания 26—27 марта 1952 г., что директивы проекта новой Конституции включают положение о создании ВАО³².

Первоначальный проект Георгиу-Дежа, направленный в Москву в мае 1952 г., к сожалению, не входит в описи документов румынских архивов, таким образом, мы не знаем, как формулировались в нем положения, измененные затем советской стороной. Несомненным является то, что 19-я статья была модифицирована Молотовым и Сталиным следующим образом: «Венгерская автономная область Румынской Народной Республики состоит из территории, на которой живет компакт-

ное венгерское и секейское население, и имеет свое автономное административное управление, избираемое населением автономной области»³³.

Как бы то ни было, разногласия, проявившиеся на заседании ЦК РРП 10 июля 1952 г., показывают, что некоторые румынские лидеры, в первую очередь ее генеральный секретарь Георгиу-Деж, признали создание Венгерской автономной области с оговоркой.

«Давайте не будем заходить слишком далеко» — совет Георгиу-Дежа

После получения Георгиу-Дежем из Москвы поправок к проекту Конституции он собрал 10 июля Исполком ЦК РРП для обсуждения исправленного текста. Часть протокола этого заседания, посвященная роли и статусу будущей ВАО, является превосходным примером «пассивного сопротивления» советскому давлению со стороны лидера партии, который только что вышел окрепшим из политических баталий, избавившись весной 1952 г. от внутренней оппозиции. Он призвал соратников «не заходить слишком далеко», настояв, прежде всего, на гарантиях повсеместного использования румынского языка³⁴.

Пленум ЦК, созванный на следующий день и посвятивший в содержание проекта более широкий круг партийного актива, наметил задачи по воплощению в жизнь положений, прописанных в Конституции. Вопрос о венгерской автономии поднимался в довольно нерешительной форме, что, с одной стороны, показывало, что даже в партийном руководстве создание ВАО было окутано тайной, а с другой, отражало неопределенность в отношении статуса региона, который был непохожим на другие³⁵.

Вопрос об особом статусе ВАО оставался не проясненным, участники пленума быстро перешли к обсуждению оргвопросов, касавшихся пропагандистской кампании, которую Георгиу-Деж предполагал проводить с учетом польского опыта внедрения новой конституции. Агитаторы, прошедшие специальное обучение, должны были провести встречи с населением на местах для разъяснения конституции (на общественных собраниях на предприятиях, в сельхозкооперативах, в школах, по месту жительства и т.д.)³⁶. При этом румынское партийное

руководство опасалось последствий слишком широкого обсуждения. На заседании Исполкома ЦК РРП 14 июля Георгиу-Деж сам выразил озабоченность в связи с общественной реакцией на создание ВАО: «Наши враги попытаются осуществить диверсии, особенно в национальном вопросе»³⁷. Для того чтобы предотвратить выход ситуации из-под контроля, надо было хорошо организовать, придав кампании массовый характер. Только на территории ВАО с 20 июля по 10 августа было привлечено к работе множество агитаторов, проведенных 3200 встреч на 320 «агитплощадках», где присутствовало 66 700 человек (около 10 % всего населения будущей ВАО). Особое внимание было уделено будущему областному центру г. Тыргу-Муреш, где, согласно отчету о кампании, всю городскую интеллигенцию удалось привлечь к обсуждению проекта Конституции³⁸. Центральная власть поручила региональным отделам агитпропа противостоять любым проявлениям «шовинизма» и в то же время бороться против «реакционных тенденций» Католической церкви, которая все еще находилась под влиянием харизматичного епископа Алба-Юлии Арона Мартона.

Дебаты вокруг новой Конституции, организованные РРП, очень напоминали то, что раньше происходило в СССР³⁹. Как и в Советском Союзе в первые годы правления Сталина, власти видели своей главной задачей избежать потенциальных угроз, скрытых в «расцвете этнического самосознания», спровоцированном публичным заявлением о создании ВАО.

Проект новой Конституции и общество Румынии

Образование ВАО оставалось в секрете для широкой публики до последней минуты. Даже первые секретари на местах были проинформированы только 12 июля, когда А. Могиорош направил им копии окончательного «проекта». На следующий день они были вызваны в Бухарест вместе с работниками агитпропа, где Могиорош и Кишиневский снабдили их инструкциями по проведению кампании.

В связи с отсутствием какой-либо информации, касающейся ВАО, 18 июля 1952 г., когда газеты опубликовали на первых полосах новый проект Конституции и выставили его на всеобщее обсуждение, румынская общественность была просто

шокирована. Не удивительно, ведь три статьи (19—21) в тексте проекта были целиком посвящены ВАО⁴⁰.

В ходе пропагандистской кампании предстояло прояснить два ключевых вопроса: 1) чем было обосновано создание венгерской автономной области спустя почти четыре года после того, как национальный вопрос в стране был официально признан решенным; 2) какую роль она будет играть в рамках румынского государства. Первые комментарии появились в прессе уже 19 июля. Они не противоречили позиции, изложенной в официальном партийном органе газете «Скынтейя» в статьях Кишиневского и Л. Баняи. По мнению обоих авторов, с созданием ВАО национальная проблема в РНР решается уже «на более высоком уровне» на основе ленинско-сталинской идеологии. В тот же день общереспубликанская венгероязычная ежедневная газета «Венгерское слово Румынии», издававшаяся в Бухаресте, с гордостью подчеркнула в передовой статье, что новая румынская Конституция была создана на базе советской Конституции 1936 г.⁴¹

Статья, опубликованная на следующий день, заслуживает особого внимания, т.к. она стала первым проявлением *дискурсивной парадигмы*, широко использовавшейся в последующие годы. В ней акцентировался контраст между старыми «феодалами-буржуа», т.е. венгерской дискриминационной национальной политикой до 1918 г., а также деспотичной румынской национальной политикой в межвоенный период, и, с другой стороны, «демократической» политикой в условиях новой, послевоенной общественной системы, предоставляющей национальным меньшинствам широкие права⁴². Круг проблем, обсуждавшихся в прессе в течение последующих недель, значительно расширился⁴³. Особый акцент был сделан на провозглашении беспрецедентного соглашения, достигнутого между венграми и румынами только благодаря новой политической системе⁴⁴. Также официальная пропаганда пыталась делать акцент на позитивных социальных последствиях создания автономии, поставив на службу делу и социалистическую поэзию:

Там, где Марош между скалами течёт, /
Стал свободным, автономным наш народ. /
Ближе будет венграм милая страна, /
Если радостнее жить даёт она⁴⁵.

В этой связи следует заметить, что территория ВАО была довольно отсталой в экономическом плане, со слабо развитой промышленностью, что во многом объяснялось гористым характером местности, холодным (по румынским меркам) климатом, исторически сложившейся удаленностью Секейского края от основных транспортных путей. Однако населению было обещано такое процветание, которое положило бы конец массовой миграции в более развитые районы Трансильвании, а также в Бухарест.

Сравнение положения национальных меньшинств в капиталистических странах (к которым относили и титовскую Югославию) с их положением в странах «народной демократии» (включая Румынию) стало другой распространенной темой пропаганды. В свете сталинских традиций Бухарест имел веские основания направить венграм четко сформулированные предостережения.

Официальная пропаганда сознательно не характеризовала ВАО как исключительно венгерский регион, а представляла ее как такое *интегративное образование*, где каждая национальность может чувствовать себя как дома. На читателя могло произвести, например, впечатление послание, адресованное еврейским читателям: «Йожеф Френкель, 19-летний рабочий, впервые смог почувствовать себя человеком равноправным в этой новой системе; тогда как старая система строила газовые камеры для ему подобных, эта новая система обеспечила равенство всех, независимо от того, были ли они рождены румынами, венграми или евреями»⁴⁶.

Создание новой местной власти и «побочные эффекты» в Венгерской автономной области

Создание ВАО, как оказалось, не вызвало большого энтузиазма у местного партийного руководства. Местные чиновники, в большинстве своем до 1952 г. румыны, были, очевидно, обеспокоены получением директив из центра, ожидая неизбежных перестановок по этническому принципу в номенклатуре нового, преимущественно венгерского региона⁴⁷.

Глядя на список имен новой региональной номенклатуры, продиктованный заместителем министра внутренних дел, венгром по происхождению Яношем Винце, хорошо видно, что

после образования ВАО произошла имевшая символический характер перестановка среди партийных чиновников по этническому признаку. Новый региональный первый секретарь Лайош Чупор, глава областного народного совета Пал Будаи и их заместители были в большинстве своем венграми⁴⁸. Карьера Лайоша Чупора представляет собой наглядный пример невиданной прежде социальной мобильности, которую коммунистический режим обеспечил лояльным власти представителям меньшинств: он происходил из бедной семьи, жившей в пригороде Тыргу-Муреша, работал портным и присоединился к Союзу молодых рабочих в возрасте 18 лет в начале 1930-х гг.⁴⁹ После 1944 г. сыграл важную роль в укреплении позиций коммунистической партии в Секейском крае, а в 1950 г. был назначен первым секретарем обкома в области Брашов, принимал также участие в силовом подавлении крестьянских бунтов в бывшем округе Трей Скауне, населенном преимущественно венграми. После 1952 г., благодаря своей абсолютной лояльности сталинскому режиму, Чупор смог оставаться на посту лидера парторганизации ВАО в течение 9 лет, что было случаем исключительным для чиновника его генерации.

В соответствии с ожиданиями Москвы венгерские чиновники должны были играть ключевую роль в местном партаппарате; изменение их доли там в последние месяцы 1952 г. демонстрирует интересную тенденцию. К началу открытия первой областной партконференции (январь 1953 г.) состав парторганизации был следующим: 17 583 венгров (81,4 %) и 3880 румын (18 %) из 21 598 зарегистрированных членов РРП (2,9 % населения ВАО)⁵⁰. Таким образом, представительство венгров было чрезмерным в соотношении с этническим составом региона. Существенный перекокс показала и январская партконференция 1953 г., когда в областной комитет был избран 41 венгр (из 50 членов), а в более узкий исполком соответственно 10 венгров (из 11 членов)⁵¹.

Что касается влияния партии на общество, сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, дают довольно смутную картину. Широко распространенному утверждению, что партийным влиянием была плотно охвачена вся страна, кажется, противоречит тот факт, что в 1952 г. в 77 из 428 деревень ВАО не было своей парторганизации, особенно в румынских поселениях округов Регин и Тыргу-Муреш⁵². В некоторых деревнях

партийные организации вынуждены были закрыть в результате общенациональной кампании чистки, начавшейся в 1949 г. Таким образом, партия действительно прочнее укоренилась в районах с венгерским большинством.

Следующий важный вопрос заключается в том, что действительно подразумевалось под административно-территориальной автономией. В какой мере мы можем говорить об автономии венгерского партийного аппарата после образования ВАО? На самом деле создание ВАО спровоцировало довольно парадоксальную ситуацию. С одной стороны, центр сохранял политические и карательные функции в своих руках. С другой стороны, партия сама отдавала себе отчет в том, что слово «автономия» не потеряло своего значения для трансильванских венгров, несмотря на душевные травмы, нанесенные в результате Второй мировой войны, несмотря на интернационалистскую риторику коммунистической идеологии. Ввиду того, что были публично подняты ранее официально запрещенные темы, такие как права национальных меньшинств и автономия, пропагандистская кампания невольно стала катализатором межэтнических конфликтов в регионе, где соперничество между румынами и венграми имело глубокие исторические корни, при этом процессы нациообразования венгров и румын в Трансильвании носили взаимоисключающий характер.

Реакцию местных партийных ячеек на образование ВАО, весть о котором держали в секрете до последней минуты, характеризовало, прежде всего, большое удивление. Причем заседания часто накладывались на время проведения воскресных служб, давая многим жителям, в том числе и членам партии, хороший повод, чтобы уклониться от участия в дебатах. Участники дискуссий, преимущественно венгры, нередко обостряли ситуацию довольно провокационными вопросами об использовании венгерских национальных символов (особенно флага), о применении венгерского языка в воинских частях, размещенных на территории ВАО. Некоторые люди даже спрашивали, какие деньги (румынские или, может быть, венгерские) будут ходить в обращении в регионе⁵³. Ходили слухи и об обмене в ближайшем будущем румынского населения на венгерское с явным намерением создать этнически однородный венгерский регион⁵⁴. Хотя власти незамедлительно пресекали такие необоснованные слухи, тем не менее, имен-

но эти партийные заседания невольно послужили отправной точкой для возникновения «ложной» (по оценкам партийных органов) информации, которая устно распространялась среди населения.

Слово «автономия», вероятно, сформировало своего рода условный рефлекс у некоторых венгров, стремившихся к воссоединению Трансильвании с Венгрией (автономия воспринималась как первый шаг на этом пути). Так же как это было в момент передачи Секейского края Венгрии в 1940 г., память о которой была очень жива в коллективном сознании, румыны (независимо от того, родились ли они там или являлись переселенцами) вновь стали восприниматься как подданные другой страны, т.е. чужеземцы. Было несколько случаев, когда местное венгерское большинство публично угрожало румынам или оскорбляло их⁵⁵. В районе Регин, с его румынским большинством, началась паника, люди с горечью шептали, что «венгры снова будут у руля»⁵⁶.

Но дело не свелось к проявлению «синдрома 1940 г.» у местных румын и венгров. Многие бухарестские правительственные и партийные чиновники проводили в 1952 г. летний отпуск на курорте в Бэиле-Тушнад в самом сердце ВАО. Согласно одной местной легенде, услышав новость о создании Венгерской автономной области, большинство из них прервало свой отпуск и вернулось в столицу на первом же попавшемся поезде⁵⁷. Даже если эта история (впрочем, весьма правдоподобная) всецело является плодом секейского фольклора, письма в редакцию, опубликованные в «Скынтейе» (источник, находившийся вне подозрений по части идеологической лояльности), показали, какой шок среди румынского населения вызвало образование ВАО, дав волю глубоко укоренившимся страхам среди румынского населения.

С 18 июля до середины сентября два учреждения, тесно связанные с партией, газета «Скынтейя» (Раздел «Письма») и Юридическая комиссия Центрального Совета Народно-демократического фронта⁵⁸ скрупулезно собирали весь материал, накопившийся в результате нескольких тысяч заседаний, проведенных во всех уголках страны. Письма, отправленные в редакцию «Скынтейи», содержали более 5000 предложений (как правило, не анонимных) по совершенствованию Конституции; так вот именно эти письма хорошо демонстрируют реак-

цию общества на те или иные инициативы властей⁵⁹. Большое количество мнений и предложений в связи с образованием ВАО позволяет сделать вывод о том, что это была наиболее сомнительная и дискуссионная проблема на протяжении всей пропагандистской кампании. Выразившиеся мнения отражают сохранявшуюся межэтническую напряженность между венграми и румынами, которая в эпоху Георгиу-Дежа редко проявлялась в публичной общественной жизни.

Другие этнические группы, проживавшие в стране, также проявили интерес к созданию венгерской автономии. Так, немцы, компактно жившие в регионе Арад, просили создать автономную область и у них⁶⁰, а вслед за немцами и евреи из Ясс⁶¹.

Румынское большинство оказалось в немалом недоумении, наблюдая за подобного рода «расцветом» активности своих национальных меньшинств, ставящим под сомнение (причем, с одобрения партии) один из неписанных принципов современной румынской национальной идентичности — гомогенность административно-территориального устройства страны как гарантию существования в Румынии *национального государства унитарного типа*.

Другие участники обсуждения, как, например, Т. Попеску из Тыргу-Муреша, писали в «Скынтейю» о слухах, циркулирующих по всему городу, о том, что румынские классы будут закрыты, а школьники-румыны поедут учиться в другие регионы⁶². Из конкретных и при этом довольно радикальных предложений выделяется идея члена партии из области Бакэу, которая находилась рядом с ВАО, по другую сторону Карпат, в Молдове. Он предлагал решить проблему путем обмена населением между румынами и венграми⁶³.

Пропаганда и повседневная жизнь в ВАО

Каковы были, согласно официальным отчетам и партийной пропаганде, повседневные реалии в Секейском крае после создания ВАО? Можно привести в качестве примера случай с медицинским факультетом в Тыргу-Муреше, единственном (если не считать небольшого колледжа театрального искусства) высшем учебном заведении в области. Этот факультет, по замыслу, имел не только национальный венгерский, но и пролетар-

ский характер, пропаганда вещала о подготовке для Румынии новой интеллигенции (и городской элиты) из рядов венгерского по своему этническому происхождению рабочего класса. Но реальная ситуация была гораздо сложнее. Разрыв между мифом и реальностью обнаружился в мае 1953 г., когда первый секретарь обкома партии Лайош Чупор вынужден был сообщить советскому консулу в г. Клуж, посетившему Тыргу-Муреш, о проблемах университета и, в первую очередь, о сохранявшемся межэтническом конфликте⁶⁴. Обком партии, который изучал работу университета в предыдущие месяцы, указал на наличие в стенах учебного заведения, насчитывавшего не более 1000 студентов, по меньшей мере, трех различных националистических группировок: «антирумынских венгерских шовинистов», «евреев-сионистов» и «антисемитов». Власти были встревожены «множеством открытых и замаскированных врагов» среди студентов и преподавателей. Причем, 54 % студентов происходили из буржуазных и мелкобуржуазных семей — им разрешили завершить учебу даже после разоблачения в 1952 г. «правых уклонистов»⁶⁵. Чупор также отметил тот факт, что многие преподаватели имели в свое время венгерское гражданство, а некоторые поддерживали не только режим Хорти, но даже крайне правую партию «скрещенных стрел».

Оценивая результаты классовой борьбы, Чупор предоставил советскому дипломату важные данные: в мае 1952 г. из учебного заведения были выброшены 8 сионистов и 163 студента из кулацких семей, однако там продолжали еще оставаться 300 студентов буржуазного происхождения⁶⁶.

Другой идеологический фронт был представлен наступлением на позиции церковей и неопротестантских сект, оказывавших большое общественное влияние. Арест епископа Мартона Арона в 1949 г. и активизация по инициативе Москвы движения священников-сторонников мира не привели к подрыву позиций в Трансильвании католической церкви, так что ярмарка в Шумулеу Чук, проходившая ежегодно в Духов день, оставалась и далее серьезной проблемой для властей. В 1953 г. местное партийное руководство, обсудив, как отвлечь внимание народа от церковных торжеств (рассматривавшихся как вражеская вылазка), приказало мобилизовать с этой целью все венгерские театры, в том числе венгерский театр в г. Клуж, находившийся за пределами ВАО, а также шесть передвижных

кинотеатров⁶⁷. Как и в Советском Союзе, в Румынии распространение религиозных сект и хилиастических движений являлось инстинктивной и иррациональной реакцией общества на культурный кризис, обусловленный давлением тоталитарной идеологии⁶⁸.

Изучение архивных документов об исключениях из партии в 1952—1953 гг. дает нам представление о масштабах распространения религиозных сект в ВАО. На каждом еженедельном заседании местного бюро обкома по 10 человек исключались из партии в течение первой половины 1953 г. Причины были разными и наряду с обвинениями в коррупции или сексуальной распущенности в качестве одного из распространенных поводов для исключения фигурировала принадлежность к запрещенной секте (субботники, Свидетели Иеговы, пятидесятники). Деятельность сект и их радикализм (например, уклонение сектантов от исполнения воинских обязанностей или сопротивление коллективизации) создавали немало забот представителям местной власти. В этой связи стоит отметить, что смерть Сталина (5 марта 1953 г.) привела к распространению разного рода слухов, свидетельствующих скорее о слабости власти. Л. Чупор в беседе с советским консулом в г. Клуже Л.П. Акуловым говорил о том, что враждебная деятельность в последнее время усилилась, причем при поддержке Католической церкви и сект, подстрекающих крестьян не работать, не отдавать государству свою продукцию и не платить налоги. Свидетели Иеговы создавали особую проблему тем, что, выступая с пацифистскими призывами, они понимали защиту мира только как разоружение, причем их пропаганда имела некоторый успех в военном гарнизоне в Тыргу-Муреше. Смерть Сталина, сообщил также Чупор советскому дипломату, дала повод некоторым людям заговорить о предстоящем конце коммунизма. Более того, один профессор-медик говорил своим студентам о том, что, на самом деле, Сталин был мертв уже давно⁶⁹.

Несколько дней спустя на партийном заседании Чупор говорил о такой форме антирелигиозной борьбы как передвижные выставки о происхождении человечества: «В целях борьбы с мистицизмом были организованы 154 встречи и выставки о происхождении человека, в которых приняли участие 8000 человек. В результате осталось всего 6 сект Свидетелей

Иеговы из прежних 20 — в Прайде, но при этом число сектантов увеличилось с 108 до 140 в Окна де Жос и Окна де Сус»⁷⁰.

Как упоминалось ранее, наряду с религиозными настроениями, постоянные проявления национализма и соперничество между этническими группами воспринимались властями как угроза, которую следовало предотвратить всеми способами. Венгерские функционеры, поставленные в июле 1952 г. во главе области, по словам одного из них, Золтана Сёверфи, отдавали себе отчет в том, «что национальная проблема является самым важным вопросом для региональных партийных организаций, особенно здесь, в ВАО»⁷¹.

Было не так-то уж легко превратить ВАО и особенно ее административный центр Тыргу-Муреш, типичный провинциальный, мелкобуржуазный и экономически в свое время довольно преуспевающий город в город пролетарский. Несмотря на все пропагандистские усилия⁷², реальная картина социальных и межэтнических отношений была куда мрачнее, чем изображалось прессой. Без сомнений, самой серьезной проблемой оставалась постоянная нехватка жилья. Перегруженность Тыргу-Муреша привела к тому, что, к середине 1950-х гг. показатели жилплощади на душу населения сократились до 4,2 м², таким образом, повседневную жизнь областного города характеризовала очень большая уплотненность жилья⁷³.

Заключение

В коллективной памяти венгров, живших в ВАО, сохраняются воспоминания о первых годах после ее создания как о периоде успешного культурного развития, хотя это может показаться парадоксальным, учитывая сильное идеологическое давление, массовые политические репрессии и крайне низкий уровень жизни — от всего этого страдало большинство населения края.

Роль «культурного гетто», отведенная Москвой ВАО, вероятно, лучше всего характеризует предназначение этого административного образования⁷⁴. Румынские власти понимали, что притеснения венгров, по крайней мере, на начальном этапе, породили бы опасения среди всех дискриминируемых национальных меньшинств. Как бы то ни было, административное прикрытие в лице ВАО сделало возможным сохранение определенных венгерских культурных традиций хотя бы для

проживавшего в этой области венгерского этнического большинства.

Высшие учебные заведения, периодические издания, фольклорные и танцевальные коллективы, профессиональные и любительские театры сыграли выдающуюся роль в воспроизводстве венгерской элиты Трансильвании и сохранении у венгров, проживавших в крае, их национальной идентичности. В то же время предложенная Сталиным венграм Секейского края форма своеобразного национального «парника» должна была смягчить «социалистическое содержание»: существование «Венгрии в миниатюре» в лице ВАО было призвано укрепить лояльность массы венгров румынскому государству. Однако полный энтузиазма отклик населения ВАО на венгерскую революцию 1956 г., явившуюся первым серьезным политическим испытанием для региона и его руководства после смерти Сталина, отразил все внутренние противоречия политики в венгерском вопросе, навязанной Сталиным Румынии. Сосуществование румынской гражданской идентичности (т.е. лояльности граждан Румынии своему государству) и венгерской культурной идентичности (предполагавшей ощущение венграми ВАО себя частью другого, нерумынского сообщества) оказалось иллюзией. Логическим следствием этого стало то, что румынские коммунисты во главе с Георгиу-Дежем, который никогда не был в восторге от ВАО, решили уничтожить это инородное тело в румынской политико-административной системе и практически разрушили его в декабре 1960 г. путем изменения границ.

Перевод с английского языка А.С.Гладышевой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Itacha & London: Cornell UP, 2001.

² См. в этой связи дискуссии в весеннем выпуске «Slavic Review» за 2002 г. (статьи Эрика Вайца и Питера Блинштейна).

³ *Regimul comunist din România. O cronologie politică 1945—1989* / Ed. by Dorin P., Retegan M. București: Tritonic, 2002. P. 70.

⁴ *Arhivele Naționale Istorice Centrale (ANIC), fond Comitetul Central al PCR (CC al PCR), Cancelarie, dos.32/1950, 81/1950, 146/1950, 178/1950, 181/1950, 192/150.*

⁵ Доставленные из Москвы документы, призванные стать основой при проведении административной реформы, были быстро переведены на румынский язык.

⁶ Не только до 1918 г. (как и вся Трансильвания), но и в 1940—1944 гг. вместе со всей Северной Трансильванией этот край принадлежал Венгрии.

⁷ г. Брашов был переименован в это время в г. Сталин.

⁸ *Varga AE. Erdély etnikai és felekezeti statisztikája. I. Kovászna, Hargita és Maros megye. Népszámlálási adatok 1850—1992 között. Miercurea- Ciuc: Pro-Print, 1998. P. 302.*

⁹ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 178/1950, 10—11 f.

¹⁰ Arhivele Naționale Direcția Județeană Mureș (ANDJM), fond 1134 — CR PCR Mureș 1950—1968, dos. 4/1950, 1—2. f.

¹¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944—1953 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.—Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. 1949—1953. Док. 185. С. 530—532. (14 мая 1951 г. Из дневника С. Спандарьяна: Запись беседы с зампредом правительства Румынии Теохари Джорджеску о приеме советских советников по вопросам государственного строительства).

¹² Там же. С. 532.

¹³ См.: Восточная Европа...Док. 208. С. 582.

¹⁴ Там же. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в фонде Молотова хранится письмо в Бухарест в ЦК РРП Георгиу-Дежу за подписью Филиппова (под таким псевдонимом нередко выступал Сталин в переписке с лидерами стран «народной демократии»). В нем говорилось: «В соответствии с Вашей просьбой, мы согласны оказать необходимую помощь в составлении проектов Конституции РНР и Программы РРП. Желательно, чтобы соответствующие партийные комиссии, выделенные ЦК РРП, подготовили проекты этих документов. После того, как эти документы будут подготовлены, наши товарищи могли бы принять участие в работе над этими проектами и дать Вам свои советы и замечания» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1304. Л. 43). (Прим. ред.).

¹⁵ См. стенограмму заседания Секретариата ЦК от 10 октября 1951 г.: ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 41/1951. Секретариат партии собрался в этот день, чтобы обсудить, как идет подготовка материалов, необходимых для комиссии, которой было поручено выработать новую Конституцию.

¹⁶ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 41/1951, 3.f.

¹⁷ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 53/1951, 3—4 ff.

¹⁸ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 88/1951.

¹⁹ О механизмах борьбы Георгиу-Дежа с «московской фракцией» А. Паукера и В. Луки, состоявшей из коминтерновских функционеров,

вернувшихся домой из советской эмиграции, см.: Советский фактор в Восточной Европе, 1944—1953. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2. 1949—1953. Док. 213. С. 559—565.

²⁰ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 25/1952, 17—19 f.

²¹ Ibidem, 18. f.

²² Ibidem, 33. f.

²³ *Tismăneanu V. Stalinism for all seasons. A political history of Romanian Communism.* Berkeley: University of California Press, 2003. P. 128—129; См. Также: Levy R. Gloria și decăderea Anei Pauker. Iași, 2002. P. 298.

²⁴ См.: Советский фактор... С. 632—635 (Документ 243, датируемый не позднее, чем 25 мая 1952 г. Комментарии А.Я. Вышинского по поводу проекта Конституции РНР)

²⁵ См.: Восточная Европа... С. 771.

²⁶ Там же.

²⁷ CC al PCR, Cancelarie, ANIC, dos. 49/1952, 3. f.

²⁸ Ibid. 84—105.

²⁹ Ibid. 85 f. *Из документов РГАСПИ вытекает, что существовал и альтернативный вариант создания ВАО с центром в Клуже (Коложваре). См. справку аппарата ЦК ВКП(б), хранящуюся в фонде Молотова: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1304. В той же справке говорится и о том, что вопрос о возможном создании ВАО рассматривался на Политбюро ЦК РПП уже в октябре 1951 г. (Прим. ред.).*

³⁰ CC al PCR, Cancelarie, ANIC, dos. 49/1952, 93 f.

³¹ Советский фактор...С. 634.

³² *Összefoglaló feljegyzés a székelyföldi autonómia megvalósításáról és annak politikai visszhangjáról.* Magyar Országos Levéltár, a külügyminisztérium adminisztratív iratai, Románia, 1945—1964. XIX-J-1-k, 10. doboz, szám nélkül. 1952. december 23.

³³ Восточная Европа...С. 770.

³⁴ В конце концов была принята следующая формулировка: «В РНР судебный процесс проводится на румынском языке, в областях и районах, где присутствует нерумынское население, проживающим должно быть обеспечено использование родного языка» (ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 61/1952, 8—9. f.).

³⁵ Непроясненность ситуации с новым административно-территориальным образованием отражают слова участницы обсуждения Л. Кишиневской: «Мне непонятно, что означает “автономная область”. Не знаю, но, возможно, мы могли бы оговорить более точно, что представляет из себя эта автономная область, какие права у нее есть, раз уж мы обозначили ее. Каждый регион имеет народный совет также как и ВАО, поэтому мы должны показать, что это не такая же область, как остальные». См.: ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 62/1952, 4. f.

³⁶ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 62/1952, 10. f.

³⁷ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 65/1952, 26. f.

³⁸ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 43/1952, 182—184. f.

³⁹ О связи между сталинскими «играми в демократию» с идеологическими и научными дискуссиями в СССР в период расцвета сталинизма см.: *Kojevnikov A. Games of Stalinist democracy: ideological discussions in Soviet sciences 1947—1952 // Stalinism: new directions / Ed. by S. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 142—175.*

⁴⁰ Proiectul noii Constituții al RPR // *Scântea*, 18 July 1952.

⁴¹ Az új Alkotmánytervezet szentesíti a nemzeti kisebbségek egyenjogúságát // *Romániai Magyar Szó*, 19 July 1952.

⁴² A RNK nemzeti kisebbségei teljesen egyenjogúak a román néppel // *Romániai Magyar Szó*, 20 July 1952.

⁴³ Это видно из количества статей, опубликованных в местной прессе. Только с 20 июля по 10 августа 79 материалов, касающихся причин и практических последствий образования ВАО, было опубликовано в венгероязычной газете «Красное знамя» («Vörös Zászló»); все это находилось под контролем Отдела агитации и пропаганды ЦК. См.: ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 43/1952, 189. f.

⁴⁴ См. публикацию о селе Айта-Сяке (венг. — Саразайта, Szárazajta), из которой выясняется, что серьезные беспорядки на почве межэтнических противоречий произошли в этом селе в 1940 г., когда венгерские войска вступили в Северную Трансильванию в соответствии со вторым венским арбитражем и установили здесь венгерскую администрацию. Аналогичные беспорядки имели место и в 1944 г., когда здесь орудовали так называемые «гвардейцы Маниу», т.е. воензированные формирования из румын, приехавшие для установления румынской администрации на трансильванской территории, которую отвоевали у венгров советские и румынские войска. См.: *Hazánk nemzeti kisebbségeinek virágzó élete // Romániai Magyar Szó*, 11 December 1952.

⁴⁵ S hol a völgyeket a / Maros szeli át,
dolgozó magyar nyer / autonómiát,
közös birtokunkban / tágabb térre lép.

Így forr jobban össze / Az ország s a nép. Стихотворение Имре Хорвата «Törünk egyre feljebb» написано в честь ВАО. См.: *Romániai Magyar Szó*, 6 August 1952. Стихотворный перевод Ю.П. Гусева.

⁴⁶ Új üzem Marosvásárhelyen. Encsel Mór fémárugyár // *Romániai Magyar Szó*, 11 December 1952.

⁴⁷ По данным переписи 1956 г., в ВАО проживало 731 387 человек, из которых 565 510 (77,3 %) были венграми, а 146 830 (20,1 %) — румынами. См.: *Varga, Erdély* P. 36.

⁴⁸ *Ibid.*, P. 114.

⁴⁹ Биография Лайоша Чупора была опубликована в газете «Венгерское слово Румынии» («Româniai Magyar Szó») 20 ноября 1952 г. под заголовком «Лайош Чупор. Жизнь борца».

⁵⁰ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 51/1952, 1—10. f. (Tabele statistice lunare cu privire la membrii și conducerea de partid.). Близким к этому было соотношение венгров и румын в руководстве народных советов. В масштабах всей Румынии в РПП состояло в это время 600 тыс. человек при населении 18 млн человек. Соотношение в партии венгров и румын не отличалось существенно от их соотношения в общем составе населения. С другой стороны, показатели членства в партии были в ВАО довольно низкими с учетом социального состава области, где численность промышленных рабочих превысила 33 тыс. чел. в 1952 г. ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 1952/43. 227. f.

⁵¹ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 1953/64.

⁵² ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 1952/51.

⁵³ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 43/1952, 185. f. (Raport informativ, 10 August 1952)

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Некоторые конкретные факты приводятся в докладе регионального совета в центр: Nota informativă, 10 August 1952. ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 43/1952, 190—191. f.

⁵⁶ Ibid. 191. f.

⁵⁷ Gagyí József: Határ, amely összeköt // Regio, No. 3, 2003. O. 141.

⁵⁸ Деятельность этой массовой организации, являвшейся (как и ее аналоги в других странах с коммунистическими режимами) «приводным ремнем» партии, активизировали во время предвыборных кампаний, но в условиях Румынии 1952 г. также и по случаю принятия новой Конституции.

⁵⁹ По свидетельству главы своей канцелярии, Георгиу-Деж придавал большое значение письмам читателей, посылавшимся в газеты, поскольку они помогли ему оценить общую атмосферу в стране. См.: *Sfetcu P. 13 ani în antecamera lui Dej*. București: Ed. Fundației Culturale Române, 2000. P. 83.

⁶⁰ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 142/1952, 12—29. f. (Buletin n. 14.)

⁶¹ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 142/1952, 6.f. (Sectia scrisori, bulletin de sinteza 25 iulie 1952.)

⁶² Ibid. 10. f.

⁶³ ANIC, CC al PCR, Cancelarie, dos. 143/1952, 210. f.

⁶⁴ Клуж, 20 мая 1953 г. Беседа генерального консула СССР в г. Клуже Л.П. Акулова с Лайошем Чупором о межнациональных проблемах, отношении к католической церкви и др. См.: Восточная Европа... Т. 2. С. 886—889 (Док. 318).

⁶⁵ Подвергшихся, по свидетельству Чупора, более суровому наказанию не здесь, а в Клуже (венг. — Коложвар).

⁶⁶ Восточная Европа...Т. 2. С. 888—889.

⁶⁷ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 70/1953, 2—11 f. Первым пунктом повестки дня специального заседания регионального партбюро, состоявшегося 18 мая 1953 г., было «обсуждение действий против запланированной ярмарки».

⁶⁸ О социальном кризисе в послевоенном обществе см.: *Zubkova E. Russia after the War. Hopes, illusions and disappointments 1945—1957.* London—Armork, NY: Sharpe, 1998. Подобное массовое явление было характерно и для Румынии. О Секейском крае см.: *Gagyí J. A krízis éve a Székelyföldön.* 1949. Miercurea Ciuc: Pro-Print, 2004.

⁶⁹ См. запись беседы от 20 марта: Восточная Европа...С. 886—887 (док. 318).

⁷⁰ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 68/1953, 51—52. f. (Встреча активистов. Отчет Лайоша Чупора о деятельности партии, январь 1953 г.)

⁷¹ ANDJM, CR PCR Mureș, dos. 69/1953, 127. f. (Протокол заседания бюро от 10 апреля 1953 г.)

⁷² Например, миф, созданный вокруг мебельной фабрики Гезы Шимо, едва ли не крупнейшей мебельной фабрики в Центрально-Восточной Европе, где почти все рабочие продолжали оставаться венграми.

⁷³ ANDJM CR PCR Mureș, dos. 114/1955, 12. f.

⁷⁴ На этой функции делается акцент в книге: *Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy.* Princeton: Princeton UP, 1984. P. 340—342.

А.С. СТЫКАЛИН

Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1945—1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма.

Обширная (более 100 тыс. кв. км) историческая область в юго-западных предгорьях Карпат с населением 7,5 млн человек, составляющая около 40% территории современной Румынии, Трансильвания по своим историческим судьбам довольно сильно отличалась от других исторических областей Румынии, в частности Валахии, Молдовы и Добруджи¹. Со времен средневековья она развивалась как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование². Немалую роль в истории края играла экономически мощная немецкая диаспора³. В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении веков господствовала венгерская знать, под руководством которой княжество вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки осман) успешно вело войны против Габсбургов⁴. Позже оно интегрируется в Австрийскую империю, с преобразованием которой в 1867 г. в дуалистическую Австро-Венгрию все доселе сохранявшиеся элементы автономии исчезают, Трансильвания становится неотъемлемой частью венгерского государства, чья политическая элита и слышать не хотела о каком-либо ее особом статусе, чего добивались румыны, составлявшие более половины населения края⁵.

Трансильвания всегда была и по сей день остается и краем поликонфессиональным (католики, кальвинисты, лютеране, униаты, православные, иудеи и т.д.). Законы о веротерпимости были приняты в княжестве необычайно рано по общеевропейским меркам (первый еще в 1568 г.). Но вплоть до реформ австрийского императора Иосифа II (80-е годы XVIII в.) они

фактически не распространялись на православных румын. Этническая и религиозная дискриминация румынского этноса сохранялась и позже.

Установлению межнациональной гармонии в крае явно не способствовала Первая мировая война. Несмотря на остро драматическое для Румынии развитие событий на фронтах в 1916—1918 гг. удача в конечном итоге оказалась на ее стороне. 1 декабря 1918 г. Народное собрание в Алба-Юулии (в венг. традиции Дюлафехервар) провозгласило воссоединение Трансильвании с Румынией. В ходе Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Венгрия пыталась отстоять Трансильванию, ссылаясь на историческое право и на хозяйственную целостность этого края, его привязанность к венгерской экономике, однако державы-победительницы сделали выбор в пользу Румынии, которой к тому же за неимением других подходящих для этого сил была отведена ведущая роль в деле сдерживания большевизма в регионе (ликвидация Венгерской советской республики 1919 г.). Создание достаточно сильной Румынии как одного из ключевых игроков в Средней и Юго-Восточной Европе и инструментов сдерживания венгерского ревизионизма было одним из краеугольных камней концепции переустройства этих регионов, восторжествовавшей в Версале. При этом несмотря на усилия международных экспертов установленные Трианонским договором 1920 г. границы оказались далеко не идеальными, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. В частности, за пределами нового венгерского государства (в Румынии, Чехословакии, Югославии) оказалось около 3 млн венгров, приблизительно каждый четвертый представитель этого этноса. После 1920 г. прежняя дискриминация румын сменяется новой — объектом притеснений и ограничений со стороны бюрократии королевской Румынии становится двухмиллионное мадьярское меньшинство⁶. Тысячам румынских венгров было под надуманными предлогами отказано в получении румынского гражданства⁷. Существовало и экономическое притеснение венгерского населения⁸.

Венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, исторические судьбы которого на протяжении столетий были тесно переплетены с судьбами Венгрии⁹. Внешняя политика Венгрии, с самого на-

чала направленная на ревизию трианонских границ, находила поддержку в широких кругах венгерского общества, с большим трудом адаптировавшегося к новой геополитической ситуации¹⁰. В полной мере это касалось венгров Трансильвании, которые не учили государственный язык, отгораживались от румынской культуры, терпеливо (а иногда нетерпеливо) ожидая новой перекройки границ. Таким образом, вместе с новыми территориальными приобретениями Румыния обрела новые, прежде неммыслимые для нее проблемы.

Приход к власти в Германии национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели правых венгерских политиков из области идеологии и пропаганды в сферу практической политики. В условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые страны становились не только легкой добычей, но и орудиями в большой игре своих более крупных соседей, произошло новое возгорание латентного очага напряженности. Аншлюс Австрии в 1938 г. и последовавшее за ним расчленение Чехословакии положили начало пересмотру границ в Дунайском бассейне. Как только Версальская система была взорвана, под вопросом оказался и Трианонский мирный договор, становится реальной перспектива его пересмотра. Это произошло в условиях уже начавшейся Второй мировой войны. Непримируемость обеих сторон в конфликте заведомо исключала полюбовную сделку (при том, что оба государства-антагониста внешнеполитически все более ориентировались на нацистскую Германию), требовала вмешательства третьих стран. Запутанный узел требовал скорейшей развязки. Второй венский арбитраж с участием Германии и Италии отдал 30 августа 1940 г. под юрисдикцию Венгрии Северную Трансильванию. При этом Гитлер дал румынам понять, что не считает вопрос закрытым.

Венгрия, как и Румыния, была союзницей Германии, участие ее войск в войне против СССР надо было оплатить территориальными приобретениями. Сильно разочаровав вторым венским арбитражем Румынию и не утолив аппетитов хортистской элиты¹¹, Берлин вместе с тем не только сохранил рычаги воздействия на обе враждующие между собой страны, но получил новые возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях, зависимость обеих стран от Германии возросла. Венгрия ждала от «Третьего рейха» содействия в осу-

ществлении своих дальнейших ирредентистских планов, тогда как Румыния — если не возвращения Северной Трансильвании, то больших территориальных компенсаций на востоке, за счет СССР. Реваншистские настроения требовали выхода, и задача фюрера и его окружения заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям нацистской Германии. Тесное пристегивание обеих стран-антагонистов к планам «Третьего рейха» привело к их втягиванию в войну с СССР¹². Как свидетельствуют документы, решение о вступлении Румынии в войну на восточном фронте принималось прежде всего с оглядкой на Венгрию¹³, которая в случае отказа Румынии могла бы оказаться в значительном выигрыше перед своей вечной конкуренткой, наверняка овладела бы при поддержке Германии новыми румынскими территориями — возможности Берлина шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными. Между тем, сделанный выбор в пользу Германии обрек оба режима на поражение в войне.

Парижский мирный договор 1947 г. восстановил трианонские границы Венгрии и Румынии. Конечно, это было воспринято в венгерском обществе как дипломатическая неудача и вместе с тем не вызвало такого же шока как Трианонский мирный договор. Роль хортистского режима в войне оставляла новому коалиционному правительству слабые надежды на благосклонное отношение к своим пожеланиям со стороны держав-победительниц и на признание ими правомерности хотя бы части территориальных приращений, осуществленных при поддержке нацистской Германии. Некоторые иллюзии венгерской элиты на получение небольшой (около 20 тыс. кв. км) части Трансильвании были полностью развеяны вследствие последовательно прорумынской позиции СССР при обсуждении на Парижской мирной конференции будущих границ Венгрии¹⁴. С подписанием договора Венгрии не оставалось ничего другого, как пойти на нормализацию отношений с проблемным восточным соседом — тем более что руководство СССР явно не хотело раздувания конфликтов между своими потенциальными союзниками. Налаживанию внешне нормальных двусторонних отношений способствовала и внутривосточная обстановка в Венгрии. Тотальный контроль коммунистов над прессой, установленный к концу 1940-х годов, позволял пресекать публичные проявления ир-

редентистских настроений, способные вызвать неудовольствие Бухареста, а главное Москвы. Заключение 24 января 1948 г. договора с Румынией явилось для Венгрии признанием не только статус-кво в вопросе о границах, но и того факта, что проблема положения большого венгерского меньшинства целиком относится к компетенции правительства РНР. В угоду единству лагеря с конца 1940-х годов из венгерской прессы вместе с требованиями о ревизии границ надолго исчезает любая критика национальной политики в Румынии.

Таким образом, установление в Венгрии и Румынии коммунистических режимов ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений, тем более что в Москве, имея представление о тлеющих углях застарелого спора, прилагали усилия для смягчения потенциальных конфликтов. В 1952 г. именно советская сторона, заинтересованная в нормальных отношениях между странами своей сферы влияния, предложила Бухаресту создать в Восточной Трансильвании венгерскую автономию, где имелось больше возможностей для использования венгерского языка в публичной сфере¹⁵. 80 % чиновников здесь составляли венгры, лояльные коммунистическому режиму. Но вне автономии возможности развития венгерской культуры были тут же ограничены, хотя большинство трансильванских венгров проживало за пределами нового образования¹⁶, за ее пределами находился и традиционный центр венгерской культуры Клуж (венг.: Коложвар), где по-прежнему была сосредоточена основная масса элитарной венгерской интеллигенции Румынии, до 1959 г. существовал самостоятельный венгерский университет¹⁷. При этом румынские власти препятствовали установлению связей своей венгерской автономии с Венгрией. Ни о каком национальном самоопределении венгров речи быть не могло. Более того, румынская элита использовала советскую инициативу в целях гомогенизации, румынизации других областей Трансильвании, вытеснения венгерской культуры из трансильванских городов¹⁸. За пределами автономии венгры последовательно отодвигались со многих позиций¹⁹.

Создавая видимость решения венгерского вопроса на основе «советского опыта», коммунистический режим в Румынии вместе с тем унаследовал от своих межвоенных предшественников крайне настороженное отношение отнюдь не только

к откровенно ирредентистским настроениям в Венгрии, но даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма и, более того, вообще к какому-либо подчеркиванию трансильвано-венгерской культурной общности. Румынские власти ревниво смотрели на то, чтобы из Будапешта не вмешивались в дела, касающиеся трансильванских венгров (в том числе развития их культуры), болезненно и с подозрением реагировали даже на самую деликатную постановку вопроса о положении венгров в Румынии. Призрак великомадярского ревизионизма, мерещившийся официальному Бухаресту, постоянно отягощал отношения двух стран²⁰. Как явствует из записки посольства СССР в Венгрии (сентябрь 1956 г.), румынский лидер Г. Георгиу-Деж неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских партийных лидеров, дававшие якобы основания заподозрить их в непризнании послевоенных границ²¹.

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС под лозунгами обновления социализма, сопровождался публичной постановкой ряда ранее запретных вопросов, в том числе и о положении венгров в Трансильвании. Инициатива здесь принадлежала отнюдь не руководству партии, а его оппонентам из числа коммунистов-реформаторов. Даже не слишком острая статья в венгерской партийной прессе²² вызвала крайне негативную реакцию Политбюро ЦК Румынской рабочей партии (РРП), на своем заседании квалифицировавшего ее как «открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании»²³. Во избежание более шумных демаршей венгерскому руководству пришлось отмежеваться от позиции, прозвучавшей на страницах своего главного партийного органа²⁴. С немалой настороженностью публикация была воспринята и в Москве, где опасались возникновения трещин в соцсодружестве²⁵.

Оживление общественного интереса к положению соотечественников в соседних странах было знаком либеральных веяний в Венгрии, которые были явно не по душе противившимся любым реформам румынским коммунистическим лидерам, боявшимся не только «заражения» румынской интеллигенции реформаторскими идеями, но и активизации венгерского меньшинства в борьбе за свои права. Стремясь оградить страну от ветра перемен из Венгрии, Г. Георгиу-Деж

и его окружение стали все больше упираться в своей пропаганде на опасность великомадьярского шовинизма.

Особенно решительно эта линия стала проводиться с началом венгерского восстания 23 октября 1956 г. Смертельно напуганный революцией в соседней стране, Деж с первых дней принимает широкий комплекс мер по нейтрализации ее влияния. Дабы избежать волнений среди студенчества, приостанавливаются занятия в университетах. Усиливается пограничный контроль. Войска приводятся в состояние повышенной боеготовности. В ряде городов приступают к формированию «рабочих дружин» из преданных режиму коммунистов. Принимает все новые обороты пропагандистская кампания, игравшая на антивенгерских настроениях части населения, вызванных опасениями ирредентистских проявлений. Тем не менее властям не удалось предотвратить ряда демонстраций и оппозиционных выступлений (в Тимишоаре и т.д.), в которых участвовали как румыны, так и венгры²⁶.

Требования с упоминаниями о правах венгерского меньшинства в Трансильвании занимали периферийное положение в программных документах венгерской революции. В Румынии среди активистов подпольного венгерского национального движения хотя и выдвигались, но очень редко, лозунги независимой Трансильвании, а еще реже присоединения Трансильвании к Венгрии. Отнюдь не они определяли суть происходившего, хотя и были использованы для устрашения румын опасностью великомадьярского ревизионизма. Вопреки усилиям пропаганды солидарность с венгерской революцией демонстрировали не только трансильванские венгры, но и румыны, в том числе интеллигенты Бухареста и Клужа, подвергнутые за это нещадным репрессиям²⁷.

Преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти, сильно ударившие по венгерской интеллигенции Трансильвании, были призваны не только запугать недовольных, но и укрепить доверие советских лидеров, убедить их в том, что за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно развитие событий по венгерскому варианту²⁸. Этот аргумент сыграл свою роль при обосновании румынской стороной требований о выводе советских войск — СССР согласился на это в мае 1958 г.

Подумывая о большей независимости в рамках советского блока, румынские лидеры видели в этом среди прочего средство ограждения страны от нежелательных либеральных веяний, проявившихся на волне XX съезда КПСС. Страх перед революцией в соседней стране не помешал Георгиу-Дежу использовать это событие в интересах укрепления своих властных позиций. Принимая новые меры по упрочению режима, румынские лидеры не уставали указывать на опасность венгерского реваншизма в Трансильвании (на самом деле в тех условиях мнимую) для судеб социализма в Румынии. Предпринимаются попытки ограничить позиции венгерской интеллектуальной элиты Трансильвании²⁹. Причем закрытие в 1959 г. самостоятельного венгерского университета в Клуже вызвало неудовольствие в Будапеште — судя по документам, Я. Кадар и другие венгерские лидеры в беседах с советскими дипломатами осторожно ставят вопрос об имеющих место в Румынии «нарушениях ленинской национальной политики», ни в коей мере не подвергая вместе с тем сомнению необходимость тесных добрососедских отношений между странами. За этим стояло очевидное желание, чтобы Москва повлияла на румын³⁰. Если партийные лидеры избегали публичной критики восточных соседей, то ведущие деятели венгерской культуры позволяли себе открытые выступления с осуждением тех или иных фактов дискриминации венгров в Румынии (в частности, закрытие учебных заведений). Так, крупный поэт Д. Ийеш, выступая за рубежом, сделал нашумевшее заявление о том, что никто не имеет морального права просить его критиковать власти США за притеснения негров, пока в Румынии не решены проблемы с обеспечением прав венгерского меньшинства.

Таким образом, венгерское восстание 1956 г., вызвавшее отклик и в Румынии, явилось фактором, заметно ускорившим формирование специфической румынской модели тоталитаризма. Из опасений (как показали венгерские события, не беспочвенных), что либеральные веяния внутри советского блока найдут настолько далеко, что составят угрозу положению руководства РРП, Георгиу-Деж все более целенаправленно стремился к созданию механизмов противодействия не только венгерскому и польскому, но прежде всего советскому влиянию, а начатый им курс получил в дальнейшем продолжение и развитие его преемником Чаушеску.

На рубеже 1940-х — 1950-х годов Румыния воспринималась в Москве как надежный союзник, по выражению Н.С. Хрущева, «шагающий в ногу» с другими членами социалистического лагеря. Об этом можно судить как по дипломатическим донесениям, так и по отчетам многочисленных советских эмиссаров, выезжавших в Румынию³¹. Заметное осложнение отношений КПСС и РРП произошло к 1963 г., когда румынская сторона отвергла советские планы экономической интеграции как мало учитывающие интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. СССР обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка более развитых стран. Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации особенно остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве в мае 1963 г. Насколько можно судить по записям заседаний Президиума ЦК КПСС, они были неожиданны для Хрущева³², по решению Президиума ЦК КПСС вскоре выехавшего в Бухарест во главе советской делегации для того, чтобы «найти приемлемую форму сотрудничества по кооперированию»³³. Поездка не была результативна, беседа Хрущева и Дежа прошла в напряженной атмосфере. Позже, в середине октября 1964 г., при отстранении Хрущева ему среди прочего соратниками было поставлено в вину нанесение обиды Дежу своими грубыми выражениями, что, безусловно, не могло не повлиять на дальнейшее развитие советско-румынских отношений³⁴.

Хотя, к чести обеих сторон, им удалось избежать публичной полемики, разногласия сохранялись и усиливались³⁵. Румынская коммунистическая элита все более решительно и последовательно выступала против далеко идущей экономической интеграции стран соцсодружества, видя в этом дискриминационный для Румынии характер³⁶. Она настаивала также на корректировке отношений внутри ОВД на основе большего равноправия. Внешнеполитическая доктрина РРП, зафиксированная в программной апрельской декларации 1964 г., предполагала расширение разносторонних связей с Западом, проведение более активной политики в «третьем мире» и, наконец, балансирование между СССР и КНР в условиях все более ожесточенной идеологической полемики между КПСС и КПК. Вообще обострение советско-китайского спора дало румынским лидерам возможность играть на противоречиях двух комму-

нистических держав в целях укрепления собственных позиций как внутри страны, так и вовне. Эта тактика продолжится и в дальнейшем, в «золотую эпоху Чаушеску».

Для венгерского лидера Я. Кадара особая позиция Румынии по целому ряду принципиальных вопросов и ее дистанцирование от КПСС в полемике с КПК (в том числе по проблеме войны и мира) явились хорошим предложением для того, чтобы в диалоге с Москвой указать на последовательность и неизменность политики ВСРП, выступавшей за интеграцию в рамках СЭВ, внутриблоковую солидарность в рамках ОВД и всецело поддерживавшей КПСС в споре с КПК. Но они стали также удобным поводом для того, чтобы аккуратно обратить внимание лидеров КПСС на ущербность румынского национализма, который проявлялся не только в бесплодном и вредном экономическом изоляционизме³⁷, но и в нарушениях и извращениях национальной политики в Румынии — ее жертвой становились и трансильванские венгры. В первой половине июня 1964 г. Кадар настоял на встрече с советским послом Денисовым и изложил свою позицию по широкому кругу вопросов, попросив донести ее до руководства КПСС³⁸. Важно заметить при этом, что, критикуя румынский национализм, венгерский лидер всегда давал понять, что его страна объективно заинтересована в нормальных партнерских отношениях с восточным соседом, в разностороннем сотрудничестве. Любого рода попытки бойкота Румынии в рамках соцсодружества принесут, по его мнению, только вред³⁹.

После отставки Хрущева советские лидеры предприняли целый комплекс мер, направленных на преодоление наслоений в отношениях с Румынией, но глубина противоречий оказалась недооцененной. Списывать все на волюнтаризм и грубость Хрущева, начав политику «с чистого листа», не удалось. Настойчивые попытки теснее пристегнуть Румынию к общей линии советского блока оказались безуспешными. Не последнюю роль в этом сыграли амбиции нового лидера страны Н. Чаушеску, его упорное стремление к укреплению режима личной власти у себя дома и повышению веса Румынии во внешней политике. Пик обострения двусторонних отношений (до 1989 г.) пришелся на август 1968 г., когда Румыния, как известно, оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вторжения СССР и ряда его союзников в Чехословакию.

Не только в среде венгерской творческой интеллигенции, но и в партийно-идеологических кругах внимательно следили за политикой Румынии, проявляя особый интерес к положению венгерского меньшинства. В начале 1968 г. Министерство культуры ВНР разрабатывает систему мер по расширению связей с венгерской диаспорой. В основе этой практики лежала концепция, согласно которой культура венгерских меньшинств в странах Дунайского бассейна есть органическая составная часть не только многонациональной (!) культуры этих стран⁴⁰, но и столь же органическая часть венгерской культуры, не замыкающейся в рамках Венгрии, развивающейся и сохраняющей свою идентичность и специфику поверх государственных границ. Венгерские функционеры, занимавшиеся связями с диаспорой, и поддерживавшие их публицисты исходили из принципа «совместной ответственности» культурной политики и интеллигенции как Венгрии, так и соседних стран за развитие культуры на венгерском языке. Это вызвало спокойную реакцию в титовской Югославии, настороженное отношение в Чехословакии и настоящий отпор в Румынии, где были сразу приняты ответные меры. Чаушеску ликвидировал венгерскую автономию в Восточной Трансильвании, опасаясь, что она станет объектом не только сильного культурного влияния Будапешта, но и определенных политических манипуляций. Тактика кнута сочеталась, однако, с тактикой пряника. Был создан ряд новых культурных институций для венгров Румынии, в том числе новое издательство венгерской литературы в Бухаресте (где его было легче контролировать), ряд венгерских деятелей культуры заняли видные посты в творческих союзах⁴¹. Попытки властей приблизить к себе часть венгерской интеллигенции Румынии, заставить ее играть по своим правилам имели место и позже, хотя становились все реже. Продолжавшаяся, однако, эскалация румынского национализма, подпитывавшаяся особым курсом режима Чаушеску (ярко проявившимся в августе 1968 г.) и со временем все более агрессивная, способствовала усилению межэтнической конфликтности.

Своей независимой внешней политикой в условиях международного кризиса 1968 г. Чаушеску заработал немалый политический капитал, укрепил свой авторитет как в румынском обществе, так и за рубежом⁴². Впоследствии он был всецело

растрочен, однако до середины 1970-х гг. западное общественное мнение не было склонно придавать слишком большое значение усилению румынского национализма, с которым был напрямую связан подспудно осуществлявшийся курс на ограничение позиций венгерского языка и культуры в Трансильвании, тем более что довольно развитая структура венгерских культурных учреждений (школы, СМИ, театры, издательства) сохранялась. Но во второй половине 1970-х годов ситуация меняется. С подписанием в 1975 г. в Хельсинки итогового документа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе международная общественность уделяет все большее внимание положению дел с правами человека в соцстранах (в духе подписанной и ими декларации). Это совпало с активизацией как правозащитного интеллигентского (Хартия-77 в Чехословакии), так и рабочего (волнения 1976 г. в Польше) движений в этих странах. Зарождается и диссидентское движение Румынии, активизировавшееся в начале 1980-х годов под влиянием польских событий⁴³. В нем участвовали, не идя на конфликт с румынской интеллигенцией, но привнося в оппозиционное движение свою специфику и формулируя собственные задачи, и венгерские интеллектуалы Трансильвании — поэт Б. Марко, прозаик и драматург Г. Сётч, философ Г.М. Тамаш. Одним из ярких явлений самиздата Румынии был выходивший на венгерском языке журнал “Ellenpontok” («Контрапункты», 1981—1983)⁴⁴. Поднимая проблему о положении венгерского меньшинства в Румынии, диссиденты либеральной ориентации из числа трансильванских венгров исходили из возможности ее решения на основе последовательной демократизации страны, развития гражданского общества.

В сложившихся условиях на Западе раздается все больше критики Чаушеску за нарушения прав человека, а в качестве примеров приводились и факты дискриминации венгров⁴⁵. С другой стороны, западное общественное мнение довольно благосклонно воспринимало предпринятые с 1968 г. реформы режима Я. Кадара в целях рационализации экономического механизма. На протяжении 1970-х годов Венгрия считалась самой благополучной соцстраной с точки зрения ситуации в экономике, социального положения населения и политических свобод. Не так уж много было претензий к венгерским властям и по части преследования инакомыслящих⁴⁶. Я. Кадар

продолжал оставаться весьма популярным на Западе человеком даже тогда, когда экономические реформы были фактически свернуты к середине 1970-х годов⁴⁷. Все более активными становились и международные связи Венгрии; лидеры западных держав и более широкая публика на Западе со временем перестали отдавать предпочтение Чаушеску перед Кадаром, напротив, по мере усиления в Румынии культа личности, обнародования новых фактов вопиющего нарушения демократии, провалов волюнтаристской экономической политики все острее звучит критика режима Чаушеску в СМИ, все меньше готовности проявляется и по части оказания Румынии экономической помощи, предоставления новых кредитов.

Там, где дело касалось усиления национализма в Румынии и фактов дискриминации венгров в культурно-образовательной сфере, Я. Кадар, на узких партийных форумах выступавший с острой критикой политики Чаушеску, был в то же время предельно осторожен, не желая до поры до времени «выносить сор из избы». Дорожа своей международной репутацией коммуниста, лишённого национальной ограниченности, он очень не хотел возникновения публичной межпартийной полемики по вопросу о положении венгров в Румынии и даже призывал редакторов и журналистов к осторожности, убеждая их в том, что постановка вопроса о положении трансильванских венгров не будет поддержана ни Москвой (никогда не хотевшей конфликтов внутри своего лагеря⁴⁸), ни в других социалистических странах, особенно в соседних Чехословакии и Югославии, где в исторической памяти силен был страх перед венгерским ирредентизмом. Кадар, чья молодость пришлась как раз на время, когда Венгрия находилась во враждебном окружении стран Малой Антанты, призванной воспрепятствовать пересмотру трианонских границ, не уставал повторять в узком кругу, что нам негоже создавать вокруг себя новую Малую Антанту, и старался по возможности не касаться проблем с положением венгерской диаспоры в своих публичных выступлениях. Но такой подход находил все меньшее понимание общественного мнения, все более внимательно наблюдавшего за ситуацией в Румынии, отслеживая факты дискриминации венгров. В условиях, когда легальная пресса редко решалась (прежде всего в выступлениях крупных писателей, которым нельзя было не дать слова) затрагивать проблемы венгерского

меньшинства в Трансильвании, рупором чаяний трансильванских венгров и информатором о них широкой общественности в самой Венгрии становится самиздатская пресса, причем не консервативно-националистической, а либеральной направленности — выходившие с 1981 г. журналы “Beszélő”, “Hirmondó” и др.⁴⁹ Недовольство венгерского общества позицией своих властей, демонстрировавших, как считалось, недостаточное внимание к положению венгров диаспоры, способствовало зарождению в 1980-е годы организованной политической оппозиции, формированию ее структур. О необходимости защиты прав венгров диаспоры говорилось едва ли не во всех программных заявлениях оппозиции, эту проблему ставил во главу угла созданный в 1987 г. Венгерский демократический форум, преобразованный затем в партию консервативно-националистической ориентации, одержавшую победу на первых свободных выборах посткоммунистической эпохи весной 1990 г. (его лидер Йозеф Анталл стал премьер-министром)⁵⁰. Важно заметить, что интерес к этой теме был консолидирующим оппозицию фактором вплоть до 1989 г., когда уже развернулась открытая борьба за власть, правящая партия раскололась и пошло размежевание по целому ряду принципиальных вопросов будущего развития страны, начался процесс кристаллизации партий либеральной и консервативно-националистической ориентации. Для последних проблема положения венгров диаспоры всегда продолжала оставаться одной из базовых, но с резкой критикой национальной политики Чаушеску охотно выступали, делая несколько иные, правозащитные акценты, и политики-либералы.

С середины 1980-х гг., с началом перестройки в СССР венгерским властям в условиях активизации собственных внесистемных движений все труднее было контролировать прессу, то и дело затрагивавшую такую болезненную тему, как усугубление положения венгров в Румынии, где с конца 1970-х было предпринято новое наступление на позиции венгерских школ, а затем на венгероязычные СМИ⁵¹. Власти и ранее ничего не могли поделать, когда на эту тему жестко высказывались крупные писатели (выступление Д. Ййеша в 1978 г. вызвало новые дипломатические демарши). Теперь же были прорваны все шлюзы, ранее сдерживавшие публичную критику политики Чаушеску.

К началу 1980-х гг. румынская экономика переживала большие трудности, связанные в том числе и с повышением мировых цен на нефть вследствие революции 1979 г. в Иране, нарушившей выполнение обязательств этой нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок⁵². Соответственно усилилась зависимость Румынии от поставок энергоносителей из СССР и в этих условиях Чаушеску не хотел, да и не мог педалировать разногласий с СССР, отказавшись, в частности, от публичного осуждения вмешательства в Афганистане. Крайне беспокоила его и ситуация в Польше, переживавшей системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма, включая Румынию⁵³. Что же касается внутренней политики, то по мере ухудшения экономического положения и усиления угрожающих режиму внешних вызовов Чаушеску должен был все сильнее разыгрывать националистическую карту. Взятый курс на сокращение любой ценой внешнего долга был призван возыметь пропагандистский эффект, внушить населению уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма, оптимальности избранного пути, а иностранных партнеров убедить в надежности внешнеторговых соглашений с Румынией. Вводятся строгие меры по экономии электроэнергии, налаживается контроль за потреблением, происходит отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов, сокращение социальных программ. Людям приходится туже затягивать пояса, но делать это на фоне строительной гигантомании, приобретшей поистине чудовищные формы. Сносятся целые кварталы исторической застройки Бухареста (сыграло на руку и землетрясение 4 марта 1977 г.), а на их месте начинает возводиться множество до сих пор недостроенных гигантских зданий, призванных символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии⁵⁴, афиширующей свою преемственность государственным традициям даков и древних римлян. К концу 1980-х годов в стране сложилась ситуация, которую в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал в интервью французской газете крупный поэт Мирча Динеску — о Румынии как уникальной стране, где даже желающий повеситься от безнадежности существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни веревок, ни мыла⁵⁵.

Все это, разумеется, не могло не сказаться как на положении трансильванских венгров, так и на состоянии венгеро-румынских отношений. Трансильванию захлестывают шумные националистические кампании. Так, крупный город Клуж (привычный венгерскому уху как Коложвар), один из традиционных центров не только румынской, но и венгерской высокой культуры, был переименован в Клуж-Напоку, дабы подчеркнуть преобладание римским традициям и континуитет проживания на одной и той же территории романоязычного населения в течение двух тысяч лет со времен поселения Напока на месте сегодняшнего Клужа. В 1980 г. с огромной помпой было отмечено 2050-летие со дня создания дакского государства, занимавшего и территорию современной Трансильвании. Широко отмечались очередные годовщины (особенно бурно 1 декабря 1988 г. 70-летний юбилей) декларации в Альба-Юлии о воссоединении Трансильвании с Королевством Румынии. Все эти шумные кампании приобретали плохо скрытый антивенгерский оттенок, сопровождалась публичными заявлениями, по меньшей мере умаляющими вклад венгров в культуру этого края. При этом в обеих столицах существовало осознание того, что нельзя доводить дело до слишком резкого обострения отношений, ибо это может негативно сказаться на всей системе международных, в том числе экономических связей⁵⁶. Как бы то ни было, каждая из сторон хотела проявить принципиальность в главном: румыны настаивали на том, что забота о положении венгерского меньшинства — исключительно их прерогатива, венгры (особенно общественное мнение) отстаивали свое право заботиться о положении диаспоры. С начала 1980-х годов идеологи ВСРП Д. Ацел, И. Пожгаи и др. все чаще выступают с критикой национализма в практике соцстран и если даже объект критики прямо не назывался, мишень легко угадывалась. Политически активные писатели народно-национального направления все более открыто и называя вещи своими именами выступали в прессе с критикой не какого-то абстрактного, а именно румынского национализма, приводя конкретные факты ущемления прав трансильванских венгров. С 1981 г. руководство РКП адресует ВСРП ряд писем протеста против вмешательства во внутренние дела Румынии, указывая на те или иные публикации будапештской прессы.

Большой скандал разыгрался в 1986 г., с выходом в Венгрии трехтомной «Истории Трансильвании», которая тут же начинает переводиться на иностранные языки для западного читателя⁵⁷. Руководителем проекта был академик Б. Кёпеци, долгое время министр культуры Венгрии, и таким образом речь шла о проекте, всецело поддержанном руководством страны, что только усилило ярость в Румынии. Устойчивые и принципиальные расхождения в трактовке ключевых проблем истории Трансильвании в румынской и венгерской историографии (а каждый из двух народов считает, и по праву, эту область средоточием своих существенных государственных и культурных традиций) делали очень затруднительной, едва ли возможной выработку общего взгляда. Но научной дискуссии в принципе не получилось, ибо после ряда директивных публикаций в румынской прессе спор был сразу же переведен из научной в политическую плоскость, и это сильно лихорадило двусторонние отношения, вступившие в полосу открытых и все более яростных дискуссий, за которыми стояли партийно-идеологические структуры обеих партий.

Дело еще более усугубилось, когда в 1987—1988 гг. в Румынии была разработана программа укрупнения (так называемой систематизации) сел. В соответствии с ней предполагалось разрушить большое количество якобы бесперспективных деревень, не только венгерских, но и румынских, а также немецких, но не в последнюю очередь именно венгерских, особенно в Земле секеев. Это вызвало резкие возражения и в среде румынских диссидентов⁵⁸, в Венгрии же породило настоящий взрыв эмоций. 27 июня 1988 г. до 50 тыс. человек вышло на митинг в Будапеште в знак протеста против планов сношения венгерских сел в Трансильвании. Общественное мнение (в том числе и внутри ВСРП) критиковало нового лидера партии К. Гроса, незадолго до этого сменившего Я. Кадара, за недостаточную активность в защите интересов венгров в Румынии⁵⁹. В Москве с учетом сложных отношений реформаторской команды Горбачева с Чаушеску, не принявшим перестройки⁶⁰, выражали все больше понимания венгерской позиции, но не отказывались от традиционного принципа равноудаленности в отношении спора братских партий, предлагали венграм активизировать усилия в целях расширения диалога непосредственно с румынской стороной. Но состоявшаяся 28 августа

1988 г. встреча лидеров двух стран в румынском Араде оказалась безрезультатной, никакого прорыва в двусторонних отношениях не произошло. Правда, чуть позже, опасаясь, главным образом, санкций Запада, Чаушеску несколько затормозил реализацию программы систематизации бесперспективных сел. В том же 1988 г., дабы позитивно повлиять на Чаушеску, советская сторона наградила его к 70-летию орденом Ленина. Это вызвало настоящие возмущение венгерского общественного мнения и большое недоумение элиты ВСРП⁶¹.

В 1989 г. отношения Венгрии и Румынии развивались и далее по наклонной плоскости, достигнув предельно низкой своей за весь послевоенный период отметки, и не удивительно, что с первых часов декабрьской революции с румынской стороны ставился вопрос о происках соседнего государства как едва ли не главной причине происходящего⁶². Попытка коммунистических режимов в двух соседних странах урегулировать спорный вопрос на компромиссной основе закончилась, таким образом, полным фиаско, и прежде всего в силу упорства румынской позиции. Бесславное падение режима Чаушеску, обозначив вступление венгерско-румынских отношений в новую веху своего развития, вместе с тем не сняло остроты десятилетиями (а иногда даже столетиями) накапливавшихся проблем, не развязало запутанных узлов в национально-территориальных противоречиях двух соседних народов. Потенциал конфликтности, накопленный раньше, был унаследован новой, посткоммунистической эпохой, однако это уже предмет другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Трансильвании можно говорить как в широком, так и в более узком понимании. Речь может идти, с одной стороны, о территории, которую занимало в Средние века и раннее новое время Великое княжество Трансильвания, одна из земель венгерской короны, со своими строго определенными историческими границами. С другой стороны, к сегодняшней Трансильвании нередко относят и органически связанные с ней области Банат, Кришану (согласно венгерской традиции Парциум) и Марамуреш (область, непосредственно примыкающую также с юго-востока к Закарпатской Украине). Банат с историческим центром Тимишоара (венг. Темешвар) составляют земли на крайнем юго-востоке бывшей монархии Габсбургов, освобожденные к началу

XVIII в. от Османской империи и ставшие затем объектом крупномасштабной колонизации. Кришана (Парциум) — земли на востоке исторической Венгрии с городами Арад и Орадя (венг. Надьварад), на которых румыны издавна составляли большой процент населения. См. из новейших синтетических работ по истории Трансильвании: *Pop Ioan-Aurel, Bolovan Ioan. Istoria Transilvaniei. Cluj-Napoca, 2013.*

² Сегодня, по официальным румынским данным, 80 % населения Трансильвании составляют румыны, 16 % венгры, хотя в венгерской литературе, которая нередко ставит под сомнение данные румынских переписей, можно встретить и иные данные — до 22 % венгров. Общее количество венгров, проживающих в Румынии (главным образом в Трансильвании) составляет, согласно румынским переписям, 1 миллион 600 — 1 миллион 700 человек (более 7 % населения Румынии). Венгры Румынии относятся к числу наиболее значительных и проблемных национальных меньшинств Евросоюза. Особую этническую группу венгров всегда составляли секеи (секлеры) — жители гористых районов Восточной Трансильвании с особым, исторически сложившимся традиционным укладом жизни. Среди наиболее значительных обобщающих работ венгерской литературы, посвященной положению венгерского меньшинства в Трансильвании, см. соответствующие главы книги: *Minority Communities in the 20-th century / Ed. by N. Bardi, Cs. Fedinec, L. Szarka. Boulder, Colo — Highland Lakes, New Jearsey, 2011.*

³ Немецкая колонизация Трансильвании знала две основные волны. Первая, средневековая, имела следствием поселение немцев в ряде районов Юго-Восточной Трансильвании (саксы, принявшие в XVI в. лютеранство). Они образовали развитую систему местного самоуправления с г. Херманштадтом (Сибю) и Кронштадтом (Брашовым), окончательно ликвидированную венгерскими властями только в эпоху дуализма, в 1876 г. Вторая волна — швабы-католики из австрийских и южнонемецких земель, поселившиеся в Банате в XVIII в. Количество немцев в Румынии резко снизилось уже в 1990-е годы, с выездом многих из них в Германию, и сегодня не превышает нескольких десятков тысяч человек. Между тем, о сохранившемся (вопреки румынизаторскому давлению властей) культурном потенциале румынских немцев свидетельствует хотя бы тот факт, что лауреатом Нобелевской премии по литературе 2009 г. стала уроженка румынского Баната немецкая писательница Герта Мюллер.

⁴ Особенно значительной вехой в истории венгерского антигабсбургского движения, наряду с революцией 1848—1849 гг. явилась война 1703—1711 гг., которую вел против Вены трансильванский князь Ференц II Ракоци. См. новейший сборник статей: *Освободительная война 1703—1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / Отв. ред-р О.В. Хаванова. М., 2013.*

⁵ Будучи нацией преимущественно крестьянской (ибо дворянство омадьярилось еще в средние века, дав Венгрии великого полководца Яноша Хуняди и его сына, выдающегося государственного деятеля короля Матяша Корвина), румыны Трансильвании вместе с тем были представлены и своей буржуазией, сформировавшейся главным образом в XIX в. и крепнувшей с каждым новым десятилетием, все громче заявлявшей свое право на полноценное национальное развитие.

⁶ Правда, очаги высокой венгерской культуры, несомненно, сохранялись, особенно в крупном городе Клуже (венг.: Коложвар), где на протяжении всего межвоенного периода венгры составляли значительное большинство населения.

⁷ По венгерским данным, в период между двумя мировыми войнами по разным причинам около 200 тыс. венгров предпочли эмигрировать из Румынии. См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 407.

⁸ Вследствие аграрной реформы было не только конфисковано у венгерских помещиков около двух третей принадлежавшей им земельной собственности, но и согнана с земли масса венгерского крестьянства. Вопрос этот поднимался Венгрией в Лиге наций в 1925—1927 гг.

⁹ Отрыв венгерской промышленности от важных источников сырья, а сельского хозяйства от рынков сбыта продукции, как и утрата некоторыми аристократическими фамилиями наследственных земельных владений, способствовали эскалации территориальных притязаний Будапешта.

¹⁰ См.: *Стыкалин А.С.* Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944 — 1948 / Отв. редактор В.В. Марьина. М., 2004.

¹¹ Претендовавшей по возможности на восстановление Венгрии в границах земель «короны святого Стефана», включавших в себя всю Трансильванию, Словакию, Хорватию, Воеводину, Закарпатскую Украину и т.д.

¹² См.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы. М., 2008.

¹³ См.: Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску // Великая Отечественная война. 1941 год / Отв. редактор В.С. Христофоров. М., 2011. С. 661—692.

¹⁴ Хотя и Румыния, и Венгрия так или иначе входили в сферу влияния СССР, в Москве отдавали предпочтение правительству П. Грозы, полностью находившемуся под советским контролем. В Венгрии же

на выборах в ноябре 1945 г. победу одержала партия мелких хозяйев, пытавшаяся, насколько возможно, дистанцироваться от СССР, особенно во внутренней политике. Еще существеннее то, что Румыния имела более важное стратегическое значение для СССР, нежели Венгрия. Западные державы проявляли поначалу некоторую склонность к тому, чтобы пойти на минимальные уступки Венгрии, но в конце концов поддержали позицию СССР.

¹⁵ См. в настоящем сборнике статью С. Боттони.

¹⁶ Автономия с центром в г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвархей) занимала территории трех современных румынских уездов — Марош, Харгита и Ковасна. Только в двух последних из них, находящихся на исторической земле секеев, венгры до сих пор составляют большинство населения. Автономия существовала до 1968 г. Историческим фоном для ее ликвидации явился национально-патриотический подъем в румынском обществе, связанный с независимой внешней политикой Румынии, отказавшейся присоединиться к силовой акции ряда стран-участниц Организации Варшавского договора в отношении Чехословакии.

¹⁷ В 1959 г. он был соединен в одно учебное заведение с клужским румынским университетом под знаком преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского.

¹⁸ Этому способствовал и медленный, но верный процесс изменения национального состава трансильванских городов вследствие урбанизации, переселения сельских жителей в города. Согласно переписям, процент румын в них с 1930 по 1977 г. повысился с 35 % до 70 %, процент же венгров, напротив, значительно снизился. См.: *Minority Hungarian Communities in the 20-th century*. P. 423.

¹⁹ В 1953 г. был распущен Демократический союз венгров Румынии, партия, которая выступала в 1945—1947 гг. союзником коммунистов (заинтересованных и в голосах венгерского избирателя) в их политическом противоборстве с оппонентами и внесла свой вклад в установление в Венгрии коммунистической диктатуры.

²⁰ Так, в начале 1950-х годов румынская сторона опротестовала предполагаемое включение в подготовленное к изданию в Будапеште собрание сочинений великого венгерского поэта межвоенной эпохи Аттилы Йожефа трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгра на отторжение Трансильвании. См.: *Magyar Országos Levéltár*. 276 f., 233 o.e., 171 l. Еще более резкий отклик — демонстративный отзыв посла — вызвало выступление в прессе в 1955 г. писателя Пала Сабо, выразившего аналогичные ностальгические настроения по поводу Трансильвании (*Ibid.*, 196—197 l).

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 38. Л. 56—60. В советских дипломатических

документах находят отражение частые жалобы румын в связи с живучестью ревизионистских настроений среди венгерских педагогов, представлявших молодежи Трансильванию как одну из венгерских «исторических земель», утраченную лишь вследствие внешнеполитических неудач (Там же. Папка 187. Д. 7. Л. 157—158; Д. 8. Л. 133).

²² Речь идет об опубликованной 9 сентября 1956 г. в газете «Szabad Nép» статье Пала Панди «О наших общих делах». Подробнее о ее содержании см.: Стыкалин А.С. Вопрос о венгерском меньшинстве в Румынии в двусторонних отношениях середины 1950-х годов // Материалы конференции «Политика и политики на Балканах. Национальный и международный контекст, XIX—XX века» // Славяноведение. 2005. № 3. С. 87—91.

²³ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС в связи с положением в Венгрии. 17 сентября 1956 г. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 484. Л. 37.

²⁴ По решению Политбюро была проведена пресс-конференция, на которой статья была подвергнута осуждению (АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 10. Л. 179).

²⁵ См.: *Стыкалин А.С.* Вопрос о венгерском меньшинстве в Румынии в двусторонних отношениях середины 1950-х годов.

²⁶ См. сборник документов на румынском языке: 1956 explozia. Percepții române, iugoslave și sovietice asupra evenimentelor din Polonia și Ungaria / Ed. C.M. Lungu, M. Retegan. București, 1996. См. также: *Voca I.* 1956 — un an de ruptură. Romania între internaționalismul proletar și stalinismul antisovietic. București, 2001; Sitariu M. Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași, 2004. На венгерском языке см. сборник документов по проблемам венгеро-румынских отношений: Magyar-roman kapcsolatok, 1956—1958. Dokumentumok. Szerk. Lipcsey I. Bp., 2004.

²⁷ См.: *Bottoni St.* Kényszerből stratégia: a román államhatalom válaszlépései a magyar forradalomra (1956 — 1958) // 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. Pál L. és Romsics I. Bp., 2006. 157—195. о.; *Pál-Antal S.* Áldozatok — 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureș), 2006. Как следствие венгерской революции, не только напугавшей власть, но в целом настороженно воспринятой в румынском обществе (опасавшемся усиления у соседей ирредентистских настроений, активизации требований пересмотра границ), жесткие чистки были проведены в творческих союзах Румынии; немало деятелей культуры подверглось гонениям за реальную, а чаще мнимую поддержку венгерского восстания.

²⁸ Показательно в этой связи, что в ноябре 1956 г. румынское руководство оказало СССР содействие в нейтрализации правительства

Имре Надя, лишившегося власти в Венгрии в результате советской военной акции 4 ноября. См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И.Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь — декабрь 1956 года) // *Славяноведение*. 2000, № 1. С.70—81.

²⁹ Было подвергнуто критике за «уступки венгерскому национализму» и частично заменено руководство венгерской автономии, среди функционеров в этом административном образовании увеличился удельный вес этнических румын.

³⁰ С советской стороны доминировало стремление уклониться от какого-либо вмешательства в спорные вопросы венгерско-румынских отношений, вместе с тем неизменно подчеркивалось, что разногласия должны быть во что бы то ни стало преодолены в интересах всего социалистического лагеря. См.: *Baráth M.* Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957—1964 // *Múlt századi hétköznapiok. Tanulmányok a Kádár-rendszer kialakulásának időszakáról*. Szerk. Rainer M. János. Budapest, 2003. 83-85 о.

³¹ См., например, отчет делегации Союза писателей СССР (1959 г.): Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423.

³² См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. М., 2003. С. 645.

³³ Там же. С. 732.

³⁴ Там же. С. 865; Исторический архив. 1993. № 1. С. 13.

³⁵ Это заметили уже осенью 1963 г. и западные наблюдатели. См.: *Brown J.F.* Rumania Steps Out of Line // *Survey. A Journal of Soviet and East European Studies*. № 49. October 1963. P. 19—34.

³⁶ См.: *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // *В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е годы XX в.* М., 2011.

³⁷ Своего крайне скептического отношения к экономическому изоляционизму одной из стран, строящих социализм, Кадар на протяжении всей своей карьеры никогда не скрывал.

³⁸ См.: *Baráth M.* Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957—1964.

³⁹ Показательно, что и в 1968 г., когда румынскую делегацию не приглашали на совещания компартий европейских стран-членов ОВД по чехословацкому вопросу, Кадар возражал против отсечения Румынии, которое может еще более оттолкнуть ее от социалгера.

⁴⁰ Для румынской стороны разговоры о многонациональной культуре Румынии были неприемлемы, с конца 1950-х годов официальная идеология запрещала говорить о Румынии как многонациональном

государстве, использовалась другая формула — единый румынский народ (нация), включающий в себя и национальные группы, говорящие не на румынском языке (она нашла отражение позже и в конституции). С этого же времени получает развитие догма о дако-романском континуитете румынского этноса, преемственности румынской государственности традициям дакского государства Дечебала (1 век до н.э.) и Римской империи. Румыны объявляются автохтонной нацией, непрерывно проживающей на территории современной Румынии на протяжении двух тысячелетий, и противопоставляются в этом плане пришлым венграм и немцам.

⁴¹ В том числе писатель Андраш Шюто, впоследствии перешедший в оппозицию и ставший одной из знаковых фигур венгерского национального движения Трансильвании.

⁴² Об этом свидетельствовало и посещение Бухареста президентом США Р. Никсоном в 1969 г.

⁴³ Оно было связано с именами В. Джорджеску, М. Ботеза, Д. Корни, П. Гомы и др. См.: *Стыкалин А.С. Польский кризис 1980—1981 гг. и ситуация в Румынии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Книга II / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2013.*

⁴⁴ Программные документы и хронику оппозиционного движения в Румынии этого периода см.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX в. Том I. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов / Отв. редактор Ю.С. Новопашин. СПб., 2012.*

⁴⁵ Сохранению этого вопроса в поле зрения западного общественного мнения способствовала деятельность политически влиятельной венгерской эмиграции, постоянно муссировавшей тему.

⁴⁶ Даже после серии мер, предпринятых против ряда интеллектуалов-гуманитариев и оппозиционной молодежи в 1973 г.

⁴⁷ Показателен образ просвещенного коммунистического лидера, созданный в книге: *Shawcross W. Crime and compromise. János Kádár and the politics in Hungary since the revolution. New York, 1974.* Все негативное, что было в Венгрии после 1956 г., включая репрессии конца 1950-х годов, казнь И. Надя, автор пытался объяснить давлением Москвы, хотя обнародованные с тех пор документы опровергли многие его построения.

⁴⁸ Летом 1978 г. на встрече с Л.И. Брежневым Я. Кадар затронул вопрос о положении трансильванских венгров. Брежнев в ответ предложил ему договариваться с румынами самим, исходя из того, что руководство СССР очень не заинтересовано в сваре между своими союзниками и в любом случае устранился, займет позицию нейтралитета. Подробнее см.: *Földes Gy. Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés, 1956 — 1989. Bp., 2007.* С другой стороны, в Москве воспринимали

венгров как своих идеологических союзников, когда ставилась задача дать отпор румынским концепциям, обосновывавшим историческое право Румынии на Бессарабию. Это явствует из директив для советских историков, командированных в Бухарест для участия во Всемирном конгрессе историков в августе 1980 г. См. соответствующий документ посольства СССР в Румынии (январь 1980 г.): *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău)*. F. 51. In. 54. D. 7. L. 13—19.

⁴⁹ Понимая, что власти не заинтересованы целиком отдавать эту тему на откуп внесистемной диссидентской прессе, которая может приобрести все больший политический капитал и укрепить влияние оппозиции, начиная с 1983 г. идеологи ВСРП Д. Ацел и др. все чаще и более открыто касаются тех же проблем в публичных выступлениях, что вызывало отповедь со стороны агитпропа Чаушеску. Межпартийная дискуссия переходит в открытую стадию.

⁵⁰ См. программные заявления венгерской оппозиции и другие документы, связанные с ее деятельностью: *Анатомия конфликтов. Т. I; Анатомия конфликтов. Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов*. СПб., 2013. Ряд документов специально посвящен положению венгерского меньшинства в Румынии. См.: Там же. С. 239—240, 252—256.

⁵¹ К 1985 г. закрывается ряд теле- и радиостудий, рассчитанных на венгероязычную аудиторию. Радиовещание на венгерском языке по сути сводится к 30 минутам в сутки.

⁵² До 25 % доходов в госбюджет Румынии приносил экспорт продукции нефтехимической отрасли, а потому зависимость экономики страны от конъюнктуры цен на нефть была очень велика.

⁵³ См.: *Стыкалин А.С.* Польский кризис 1980—1981 гг. и ситуация в Румынии.

⁵⁴ Проводящей к тому же независимую внешнюю политику (участие в Олимпийских играх 1984 г., которые бойкотировали другие союзники СССР, и т.д.), развивающей отношения с самым широким кругом стран на всех континентах.

⁵⁵ *Анатомия конфликта. Т. 2. С. 489—499.*

⁵⁶ Проявлялась склонность к компромиссу по частным вопросам. Так, к началу 1980-х удалось договориться об открытии венгерского консульства в Клуже и румынского в Дебрецене.

⁵⁷ См. исправленное и дополненное англоязычное издание: *History of Transylvania. Vol. 1-3. Gen. ed. V. Köpeczi. Highland Lakes — New York, 2002.*

⁵⁸ См. открытое письмо Д. Корни в адрес Чаушеску (сентябрь 1988 г.): *Анатомия конфликтов. Т. 2. С. 476—484.* «В стране, где даже покойники на кладбище не могут быть спокойны за свои места, уповать, что их не станут каждый год уплотнять и “реорганизовывать”, може-

те себе представить, что живых преследуют и держат под контролем несколько строже», — саркастически говорил поэт Мирча Динеску французскому корреспонденту в марте 1989 г. (Там же. С. 495-496). Далее он продолжал: «Живя рядом с румынами, венгры и немцы сохранили собственные нравы, колорит и именно гармоничное сочетание разных структур, наклонностей и темпераментов придает особый аромат заветному европейскому ядрышку, расположенному между Дунаем и Карпатами. Опустошение венгерских и саксонских деревень, массовый отъезд евреев представляются мне столь же пагубными для сохранения матрицы этой страны, как и опустошение румынских сел и эмиграция румын» (Там же. С. 498).

⁵⁹ Это дало повод некоторым его оппонентам в руководстве (М. Сюрешу, отчасти И. Пожгаи) активизировать борьбу за власть. Проблемы отношений с Румынией в свете планов систематизации венгерских деревень в Трансильвании были предметом обсуждения в ходе встреч М.С. Горбачева и людей его команды (в частности, В.В. Загладина) с венгерскими политиками К. Гросом, Д. Ацелом, Д. Хорном и др. летом-осенью 1988 г. См.: *Анатомия конфликтов. Т. 2. Раздел по Венгрии.*

⁶⁰ См.: *Мусатов ВЛ. Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.*

⁶¹ «Понятная сдержанность советских товарищей, например, в освещении конфликта между Венгрией и Румынией, воспринимается как нежелание занять определенную позицию. А это трактуется как стремление поддержать румын. У нас [...] никак не могли понять, почему Н. Чаушеску получил такую высокую советскую награду», говорил 8 сентября 1988 г. в Международном отделе ЦК КПСС статс-секретарь МИД ВНР, будущий премьер-министр (в 1994 — 1998 гг. от соцпартии) Д. Хорн. См.: *Анатомия конфликтов. Т. 2. С. 290. Решение о награждении Чаушеску орденом Ленина Президиум ВС СССР отменил уже в январе 1990 г., через считанные недели после румынской революции.*

⁶² См. запись беседы зама министра иностранных дел СССР И.П. Абоимова с послом СРР в СССР И. Букуром о положении в Румынии от 20 декабря 1989 г.: Там же. С. 530—532.

КАОРИ КИМУРА
(ТОКИО—БУДАПЕШТ)

Проблемы национальных меньшинств в контексте венгерско-югославских отношений, 1945—1948 гг.

После окончания Второй мировой войны Венгрия и Югославия оказались в разном положении: Югославия в лагере победителей с резко возросшим международным престижем, тогда как Венгрия — в ряду государств, ожидавших своей участи на Парижской мирной конференции. В первых же декларациях венгерского Временного Национального правительства, сформированного в Дебрецене в декабре 1944 г., много говорилось о необходимости порвать с прежней «манией величия», реакционными химерами «великой Венгрии», доведшими страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений и налаживанию искреннего диалога и сотрудничества со всеми соседними странами, и едва ли не в первую очередь с новой Югославией¹. Подобные декларации были с большим удовлетворением восприняты в Белграде, где проявили склонность к ответным жестам². Инициатива установления и налаживания двусторонних связей принадлежала именно Югославии, ибо Венгрия, как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы выступать в роли инициатора; вместе с тем она с готовностью откликалась на югославские предложения о сотрудничестве, тем более, что Югославия в 1945 г. первой из стран, в которых проживало венгерское меньшинство, приняла ряд конкретных мер в целях обеспечения его прав, в том числе на полноценное культурное развитие.

Ради установления связей с соседней Югославией венгерское антифашистское правительство проявило склонность к

тому, чтобы начать послевоенную политику на этом направлении «с чистого листа», не муссируя старых взаимных обид. Во время визита венгерской делегации в Москву в январе 1945 г. для подписания соглашения о перемирии было заявлено, что территориальных претензий к Югославии у Венгрии нет, не собирается она поднимать и вопрос нацменьшинств³. В то же время И. Риеш, министр юстиции от социал-демократической партии, боясь взять на себя ответственность перед венгерским общественным мнением, устранился от проведения суда над венгерскими жандармами, устроившими зверские расправы в отношении мирного сербского населения, заподозренного в сотрудничестве с партизанами, в 1941—1942 гг. в городах Воеводины⁴. Правда, позже, в конце 1945—1946 гг., некоторые хортистские военнослужащие, виновные в преступлениях, были переданы югославской стороне и понесли наказание. С другой стороны, венгры также не акцентировали и тот факт, что в 1944—1945 гг., после изгнания венгерской администрации, имели место аналогичные преступления со стороны сербских партизан, терроризировавших отнюдь в не меньших масштабах мирное венгерское население этого края⁵.

Венгерский историк Энико Шайти в своих многочисленных работах утверждает, что коалиционное антифашистское правительство Венгрии после Второй мировой войны мало интересовалось положением венгерского меньшинства в Воеводине и тем более не проявляло активности, когда дело касалось его внутренних проблем и взаимоотношений с белградскими властями⁶. Видимое равнодушие Будапешта к проблемам соотечественников автор объясняет тем, что он в любом случае не мог выступить против Белграда, поскольку Венгрия, как побежденная страна, не имела равных прав с Югославией (членом победоносной коалиции) на международной арене⁷.

Некоторые венгерские политики в 1945—1947 гг. считали целесообразным договориться об обмене населением между Югославией и Венгрией. Правда, они считали этот вопрос довольно тонким. Например, Имре Надь, министр сельского хозяйства, представлявший компартию⁸, заметил, что «надо обдумать способ переговоров с Югославией по этому поводу, так, чтобы не испортить отношений с коммунистами в Югославии»⁹. Однако этот вопрос так и не обсуждался ни во время первого визита премьер-министра Венгрии Лайоша Динне-

ша (из партии мелких сельских хозяев) в Белград в октябре 1947 г., ни во время пребывания Тито в Будапеште в декабре того же года¹⁰. Таким образом, Будапешт предпочитал по возможности не затрагивать этот вопрос, не желая каких-либо ненужных осложнений в венгерско-югославских отношениях.

Э. Шайти обоснованно считает, что причина, по которой обмен населением так и не был осуществлен, кроется не только в различных пропорциях (венгров в Югославии было на порядок больше, чем сербов, хорватов и словенцев в Венгрии), но и в разногласиях в понимании Белградом и Будапештом этого вопроса. Руководство Венгрии считало предпочтительным решение любых вопросов, связанных с национальными меньшинствами, на внешнеполитическом уровне (не исключая и определенные возможности обмена населением), тогда как Югославия рассматривала присутствие венгерского меньшинства в своей стране как, прежде всего, внутривнутриполитический вопрос, совсем не требующий вынесения на суд международного сообщества¹¹.

С мнением Э. Шайти в целом нельзя не согласиться, однако следует указать на ряд дополнительных существенных моментов. Во-первых, югославские лидеры после войны хотели укрепить позиции левых сил в масштабах всей страны, в том числе среди венгров Воеводины, составлявших в этом крае до четверти населения, меры же, направленные на выселение тысяч людей из мест своего постоянного проживания, подорвали бы влияние компартии в этой среде¹². Более того, после окончания Второй мировой войны титовские власти в своем стремлении к укреплению коммунистического влияния на венгерское население Воеводины не возражали против активизации связей местных венгров с венгерской компартией. Так, 14—21 июня 1947 г. делегация во главе с видным деятелем компартии Золтаном Санто (впоследствии, кстати, послом Венгрии в ФНРЮ) посетила Воеводину с целью налаживания более тесных связей Венгрии с Югославией и мониторинга положения венгерского меньшинства на Воеводине. В своем отчете З. Санто с удовлетворением сообщал, что среди венгров в Воеводине были широко распространены коммунистические идеи¹³.

Во-вторых, титовская Югославия последовательно хотела усиления в соседней Венгрии коммунистической партии и создания там более левого правительства — нахождение страны

в сфере влияния Советского Союза делало такую перспективу вполне реальной. Регулярное с 1945 г. командирование Югославией своих эмиссаров для оказания той или иной помощи венгерским коммунистам (которые воспринимались как будущие партнеры КПЮ) подтверждает этот факт. Стремление коммунистической Югославии к усилению своего влияния на Венгрию способствовало тому, что югославские власти относились к венгерскому меньшинству в Воеводине в целом более доброжелательно, чем левоцентристские власти Чехословакии или Румынии к своему венгерскому населению. В Чехословакии венгерское меньшинство рассматривалось прежде всего как препятствие на пути реализации проекта по созданию чисто славянского государства (венгры и немцы на основании опыта межвоенного периода и Второй мировой войны рассматривались в качестве центробежной силы, угрожающей самим основам чехословацкой государственности). В Румынии опасались венгерского доминирования в экономической и культурной жизни крупных городов Трансильвании. Вопрос о послевоенной венгеро-румынской границе обсуждался на Парижской мирной конференции 1946 г. и продолжал оставаться открытым вплоть до заключения мирных договоров в 1947 г.¹⁴ Югославия (обладавшая, как уже отмечалось, весьма сильными позициями на международной арене) не имела таких опасений в отношении Венгрии и венгров, как побежденная Румыния. Более того, обе стороны — и Югославия, и Венгрия — после окончания Второй мировой войны использовали венгерское меньшинство Воеводины (также как и сербское, хорватское, словенское меньшинства на территории Венгрии) в качестве инструмента налаживания взаимопонимания и взаимоотношений по всему спектру. Это было бы исключено без принятия соответствующих мер по обеспечению прав меньшинств в каждой из стран. Таким образом, беспристрастный анализ проблемы дает основания считать, что после Второй мировой войны ситуация с венгерским меньшинством в Воеводине¹⁵ в реальности была наиболее благоприятной, особенно там, где дело касалось права на развитие своей культуры.

Делегация, возглавляемая Санто, по итогам посещения Югославии (июнь 1947 г.) писала, что права венгерского меньшинства в Воеводине гарантированы югославским правительством. Согласно наблюдениям будапештских гостей, венгры

в этом крае хорошо сохранили свою культуру, язык, отмечали национальные праздники и т.д.¹⁶

Что касается прессы, то с декабря 1944 г. в Нови-Саде и Суботице выходили газеты и журналы на венгерском языке. Литературный и общественно-политический журнал «Híd» («Мост»), уделявший много внимания сближению венгерской и югославянских культур, издавался весьма большим для Югославии тех лет тиражом 3—4 тыс. экземпляров. Выходили также молодежный журнал «Ifjúság Szava» («Слово молодежи») тиражом 10 тыс. экземпляров, газета «Föld» («Земля») для крестьянства тиражом 5—7 тыс. экземпляров, было даже специальное женское издание — «Asszonyok Lapja» («Женский журнал»). Функционировало венгерское книжное издательство, в июне 1945 г. в Нови-Саде было основано культурное общество — Венгерский культурный союз в Югославии. Он курировал местные организации, клубы и библиотеки в городах и селах, в которых проживали венгры, занимался книгоизданием, распространением книг и организацией литературной, театральной жизни и т.д. Создание этой структуры было жестом белградской коммунистической власти, не адресованным напрямую Будапешту (в этом не было необходимости), а направленным на то, чтобы заручиться внутриполитической поддержкой венгерского национального меньшинства, которое в Воеводине, как уже отмечалось, превышало 20% населения. Деятельность Венгерского культурного союза поначалу распространялась только на Воеводину, но с лета 1947 г. он стал по своему статусу общегосударственной организацией и вел деятельность в масштабе всей Югославии (в том числе в приграничных с Венгрией районах Хорватии и Словении). К этому времени в стране возникли венгерские читальни и клубы в тех местах, где их раньше никогда не было.

В упомянутом выше сообщении члена руководства венгерской компартии З. Санто о визите в Югославию в июне 1947 г. указано, что единственное, чего недоставало венграм на территории Югославии, — это квалифицированных преподавателей, учителей (в прежней королевской Югославии их готовили в самом минимальном количестве, совсем не отвечавшем потребностям венгероязычных школ)¹⁷. При всем при этом по сравнению с ситуацией в соседних странах венгерская национальная система образования с самого начала функциониро-

вала на территории Югославии в более благоприятных условиях. Она сильно изменилась в лучшую сторону и в сравнении с довоенной Югославией.

Уже в 1944/45 учебном году на территории Югославии открылись новые венгерские школы (а в некоторых населенных пунктах венгерские классы в школах, где учились как сербы, так и венгры). В межвоенные годы в Югославии венгероязычные школы в основном были 4-летними. В 1939/40 учебном году в стране насчитывалось 150 венгерских школ, но иногда занятия в них велись по большей части на сербском языке, так как венгерских учителей явно не хватало. Более 25 тыс. детей из венгерских семей было приписано к начальным школам, но далеко не все они получали основы образования на родном языке. Всего в стране было не более 150 обладавших соответствующей квалификацией учителей-венгров, ведущих в начальных школах занятия на своем родном языке (многие из них получили образование еще в старой Венгрии, в эпоху австро-венгерского дуализма). В том же учебном году в Югославии была всего одна венгерская гимназия в Суботице, в ней училось 359 учеников и работало 10 учителей. Было также венгерское отделение в среднем учебном заведении, готовившем учителей начальных школ, в нем три венгерских преподавателя учили 57 человек. К апрелю 1941 г. ими было выпущено всего 15 венгерских учителей¹⁸.

Чтобы решить проблему нехватки педагогов в венгерских школах первых послевоенных лет, уже в начале 1945 г. были созданы краткосрочные курсы по подготовке учителей. В результате в 1945/46 учебном году в Югославии уже работали 732 венгерские начальные школы (либо венгерские классы в общих школах), в которых училось 34 780 учеников¹⁹ — огромный шаг вперед в сравнении с межвоенным временем.

Наряду с начальными школами создавались и новые гимназии; в школах разных уровней и типов были образованы венгерские классы. В 9 гимназиях и средних школах в 1945/46 учебном году обучалось более 6 тыс. венгерских подростков, что по сравнению с 1939/40 учебным годом означало увеличение в 16 с лишним раз²⁰. В 1946/47 учебном году, после проведенной реорганизации, на венгерском языке учили в 49 прогимназиях и в 3 гимназиях, которые находились в городах Суботица (венг.: Szabadka, Сабадка), Зента (Zenta) и Зренянин

(Nagybecskerek)²¹. В этих учебных заведениях училось 9364 ученика. Кроме того, в Нови-Саде и Суботице было два средних учебных заведения для подготовки венгерских учителей с 409 учениками, а в Нови-Саде был создан также венгерский педагогический вуз. В октябре 1946 г. была образована кафедра венгерской филологии в университете Нови-Сада. В течение многих лет ее возглавлял довольно крупный венгерский писатель с репутацией не совсем ортодоксального коммуниста Эрвин Шинко; и после разрыва Югославии с СССР и ее союзниками в 1948 г. он в полной мере сохранял лояльность титовскому режиму, выступал в качестве публициста с резким осуждением как сталинской политики, так и политики коммунистического режима Ракоши (в частности, при организации в 1949 г. сфальсифицированного судебного процесса по делу Л. Райка).

В 1937 г. на одного ученика, обучавшегося на венгерском языке, фактически приходилось несколько сот человек венгерского населения, а в 1947 г. — всего 30 человек, таким образом, по сравнению с довоенным временем, система венгерского образования в Югославии улучшилась принципиально. Из оставшихся к 1945 г. в Югославии 5300 неграмотных венгров 4000 человек обучились читать и писать²².

Наряду с возникновением венгерских школ, в послевоенной Югославии происходило оживление театральной жизни на венгерском языке. В Суботице был венгерский театр, финансируемый государством, выделявшим на поддержку венгерской театральной жизни 2,5 миллиона динаров — сумма немалая в условиях того времени. Эта поддержка оказывалась в соответствии с конституцией ФНРЮ, принятой 30 января 1946 г. и декларировавшей право населявших Югославию народов на полноценное культурное развитие. До 1951 г. существовала и венгерская труппа в Хорватии, слившаяся затем с воеводинской труппой.

Примечательно, что новые югославские власти разрешали отмечать венгерские национальные праздники — 15 марта (день начала революции 1848 г.) и др., и в этом отношении ситуация разительно отличалась от того, что было в других соседних с Венгрией странах, где проживали венгерские национальностей. По сообщению З. Санто, венгерская делегация увидела на улицах в городах Воеводины флаги Венгрии на венгерских национальных праздниках²³.

Политика нового, коммунистического режима в Югославии в отношении этнических венгров получила самые положительные отзывы с венгерской стороны. 25 ноября 1945 г. на страницах коммунистической газеты «Szabad Nép» («Свободный народ») видный деятель компартии Дюла Каллаи писал, что в современной Югославии у венгерского национального меньшинства больше прав, чем было когда-либо в истории. Еще за полгода до этого, на майской (1945 г.) конференции венгерской коммунистической партии политика режима Тито в отношении венгров подавалась как образцовая. Другие партии тоже позитивно оценивали деятельность официального Белграда по обеспечению культурных прав венгерского населения. Так, находившаяся в блоке с коммунистами Национальная крестьянская партия в своих программных документах называла политику, проводимую в Югославии в отношении венгерского меньшинства, залогом подлинно добрососедских отношений.

Газета влиятельнейшей партии мелких сельских хозяев «Kis Újság» («Малая газета») 28 июля 1945 г. писала о том, что среди народов Дунайского бассейна именно у югославов в наибольшей мере сохранилось дружеское расположение к венграм. На фоне происходивших в это время попыток переселения венгров из Чехословакии Югославия неизменно выступала в качестве позитивного примера — как в прессе, так и в общественном мнении отношения с Югославией противопоставлялись отношениям Венгрии с некоторыми другими соседними странами²⁴. Даже в кругах компартии выражалось недовольство планами выселения венгров из Словакии. Так, на второй сессии Временного Национального собрания Венгрии, открывшейся 5 сентября 1945 г., все выступавшие партийные лидеры, включая коммуниста М. Ракоши, касались положения венгров в Чехословакии, противопоставляя политике правительства этой страны более терпимое отношение к ним в Румынии, но особенно в Югославии.

В вопросе о необходимости сближения с Югославией между партиями Венгрии не было разногласий, все партии правящей коалиции считали это приоритетной внешнеполитической задачей и в том числе выступали за активизацию культурных и общественных связей. Это нашло отражение и в прессе как социал-демократической партии, так и партии мелких сельских хозяев²⁵.

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение именно с коммунистической Югославией. Она надеялась как на внутривластную поддержку с ее стороны (в приемлемых для этого формах, не дающих повода для обвинений во вмешательстве во внутренние дела), так и на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий Венгрии с Чехословакией и Румынией по спорным территориальным проблемам и вопросам положения национальных меньшинств²⁶. В эти годы в Венгрии получают широкое распространение идеи сотрудничества приданайских государств, в том числе обсуждаются проекты создания Дунайской конфедерации. При этом обычно ссылались на идейное наследие вождя венгерской революции 1848 г. Л. Кошута, относящееся к периоду его жизни в эмиграции в 1850—1860-е годы. Эти идеи нашли отражение и в прессе, тяготевшей к компартии. В качестве первого шага при реализации такого рода планов зачастую рассматривался проект создания югославно-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был даже включен в предвыборную программу ВКП, опубликованную в сентябре 1945 г. За всем этим стояло вполне понятное стремление создать более благоприятные условия для преодоления глубокой экономической разрухи, а также для усиления внешнеполитических позиций недавнего сателлита нацистской Германии.

Шаги по обеспечению культурно-образовательных прав югославянского меньшинства в Венгрии предпринимались также отчасти под давлением Белграда. 21 июля 1945 г. югославские власти потребовали от венгерского правительства, чтобы югославским нацменьшинствам на территории Венгрии (сербам, хорватам и словенцам) были предоставлены те же права в деле приобщения к образованию и культуре, которые с первых месяцев существования новой власти получило венгерское меньшинство на территории Югославии²⁷.

В апреле 1945 г. в Сегеде, расположенном в непосредственной близости от Югославии, было основано местное общество венгерско-югославской дружбы. В своих документах оно уделяло большое внимание культурному сотрудничеству дунайских народов. Особый акцент делался на изучении сербской культуры.

Активизируется культурный обмен. Так, в сентябре 1945 г. по приглашению венгерского культурного общества рабочих в Будапеште гастролировали югославский рабочий хор из 100 человек и танцевальная группа из Македонии²⁸. Их приглашение служило доказательством того, что не только политические партии, но и венгерское общество уже в то время высоко оценивало состояние отношений с Югославией и действия властей этой страны по обеспечению прав венгерского меньшинства. Идея культурного сотрудничества с Югославией начинала находить поддержку во все более широких кругах, что было необычно, так как в венгерском обществе глубоко укоренились культивировавшиеся и в эпоху австро-венгерского дуализма, и в эпоху Хорти традиции высокомерного отношения венгров к культуре южных славян.

В дальнейшем углублении двусторонних связей, и в первую очередь культурного сотрудничества, решающую роль играло Общество венгерско-югославской дружбы, возглавляемое Йожефом Рексом. Оно было основано в октябре 1945 г. и действовало в масштабах всей страны. Одной из его важнейших целей было ознакомление венгерской публики с югославской культурой, в том числе литературой, музыкой, театральным искусством; общество стремилось к установлению непосредственных связей с культурными организациями Югославии — в первую очередь с Венгерским культурным союзом Югославии. В круг задач общества входили также содействие переводу на сербскохорватский язык произведений венгерских авторов и подготовка для публикации в Югославии статей о Венгрии и венгерской культуре. В разных городах существовали местные отделения этого общества, наиболее крупное из них, помимо Сегеда, в Дебрецене²⁹. На торжественном заседании в Дебрецене в конце июня 1947 г., посвященном деятельности общества, выступили президент Венгерской республики З. Тилди (из партии мелких сельских хозяев) и посол Югославии К. Мразович, который говорил об искреннем желании Югославии развивать дружеские связи с соседней Венгрией.

Уже с 1945 г. существовали планы издания журнала Общества венгерско-югославской дружбы, реализованные в 1947 г. — журнал «*Déli csillag*» («Южная звезда»). В 1945 г. возобновил свою деятельность основанный в 1940 г. венгерский Балканский комитет, призванный осуществлять подде-

ржку культурных связей Венгрии с народами Балканского полуострова. Причем возобновил на принципиально новой идейной основе — речь теперь шла не об идейно-политической экспансии режима Хорти в целях пересмотра границ, а о равноправном, прежде всего культурном сотрудничестве. В научно-исследовательском плане проблемами взаимосвязей с соседними народами и определением места Венгрии и венгерской культуры в региональном контексте занимался Восточноевропейский институт. Активизируется работа по переводу произведений югославянских (и не в последнюю очередь сербских) писателей. Так, опубликованные в 1945 г. романы выдающегося писателя, будущего Нобелевского лауреата Иво Андрича «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» были быстро переведены на венгерский язык и стали достоянием венгерского читателя, вызвав отклики. Выходят на венгерском языке и произведения крупнейшего хорватского писателя М. Крлежи (в молодости слушатель военной академии Людовика в Будапеште, он хорошо знал Венгрию и венгерскую культуру, владел языком и выступал за налаживание разносторонних венгерско-югославянских связей). Один из крупнейших венгерских писателей Дюла Ийеш на страницах журнала «Válasz» («Ответ») откликается на творчество хорватского поэта И.Г. Ковачича, погибшего во время войны.

Венгерская культурная политика в этот период в принципе уделяла немалое внимание установлению широких международных связей страны. После выборов 4 ноября 1945 г. правительство З. Тилди придавало приоритетное значение развитию многостороннего сотрудничества с соседними народами на основе взаимопонимания. Причем в программах внешних культурных связей Венгрии планы сотрудничества с Югославией неизменно занимали одно из важнейших мест — не удивительно, ведь речь шла о соседней стране, имевшей определенный, причем немалый вес на международной арене.

30 ноября 1945 г. премьер-министр З. Тилди, выступая в только что избранном Госсобрании Венгрии, заверял в своей программной речи мировую общественность в том, что венгерское правительство навсегда отказалось от проведения шовинистической политики, пропаганды своего особого положения в Дунайском бассейне. Следующий премьер-министр, лидер партии мелких хозяев Ференц Надь, возглавивший пра-

вительство в феврале 1946 г. вместо З. Тилди, который стал президентом Венгрии, также неоднократно говорил о том, что Венгрия порвала с шовинистическим прошлым, отказалась от той политики, что стала одной из причин серьезной напряженности в регионе, и что венгерский народ искренне хочет добрососедских отношений с соседними народами. Применительно к культурной политике на это указывал министр просвещения Д. Керестури, в том числе на пресс-конференции 9 февраля 1946 г., где он сделал акцент на открытости венгерской культуры всем внешним влияниям, но особенно связям с соседними народами, заселяющими Дунайский бассейн³⁰. От имени компартии об этом же много говорил М. Хорват, отвечавший в руководстве партии за культурную политику. Новая культурная политика подчеркнута противопоставлялась прежней, хортистской, связанной с именем графа К. Клебельсберга, в течение 10 лет занимавшего пост министра культуры. Концепция К. Клебельсберга исходила из превосходства венгерской культуры над культурами соседних славянских народов (а также румын), из аксиомы о выполнении венграми своего рода цивилизующей, культуртрегерской миссии в Дунайском бассейне. Теперь упор делался на равноправное сотрудничество народов дунайского региона.

Руководители новой культурной политики говорили о необходимости выдвижения инициатив в сфере культуры, плодотворность которых не вызывала бы сомнений не только у венгров, но и у представителей соседних народов. Только таким образом можно было бы поднять сотрудничество дунайских народов на принципиально новый уровень. В прессе разной политической ориентации, в том числе в литературных и культурных журналах, предлагались конкретные культурные проекты — издательские, театральные, художественные, образовательные, относящиеся к сфере туризма, музейного дела и т.д. В ряде журналов (в том числе народническом журнале «Válasz», журнале всемирно известного философа-марксиста Д. Лукача «Forum») имелись специальные рубрики, посвященные добрососедским отношениям с дунайскими народами, тесное и многогранное взаимное сотрудничество стран региона называлось жизненным вопросом для их полноценного развития.

Важная инициатива венгерского правительства заключалась в том, чтобы (не в пример ситуации, существовавшей в

межвоенный период) обеспечить право национальных меньшинств получать базовое начальное образование на родных языках. Об этом заявил 5 января 1946 г. госсекретарь Совета министров И. Балог³¹. Однако южнославянские нацменьшинства на территории Венгрии столкнулись с неразрешенными проблемами в этой сфере. 31 марта 1946 г. белградская газета «Политика» воспроизвела статью из газеты «Слобода», издававшейся Антифашистским фронтом славян Венгрии. В ней говорилось, что 8 февраля 1946 г. министр просвещения Венгрии Д. Керестури принял представителей общественных движений южных славян Венгрии. Во время беседы делегация требовала обнародования информации о выполнении незадолго до этого принятого закона о школах нацменьшинств, в соответствии с которым преподавание в национальных школах должно было вестись на родном языке (венгерский язык при этом, разумеется, вводился как обязательный предмет, на который выделялось много учебных часов). Министр согласился с правомочностью требований; по венгерским данным, в стране весной 1946 г. существовало не менее 65 школ, в которых обучение происходило на сербохорватском и словенском языках. Кроме того, в постановлении министра просвещения от 30 февраля 1946 г. было указано, что в школах с преподаванием на венгерском языке, по желанию родителей не менее 15 учеников, тот или иной славянский язык вводился бы как один из предметов учебной программы. Южнославянское меньшинство продолжало, однако, требовать открытия новых, причем не только начальных, но и средних школ с преподаванием на родном языке и не было в полной мере удовлетворено достигнутыми результатами³². Кроме того, в школах, где обучалось южнославянское меньшинство, наблюдалась явная нехватка как учебников, так и квалифицированных учителей³³.

Большой отклик в Венгрии вызвало выступление маршала Тито в апреле 1946 г., в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране — оно широко комментировалось в венгерской печати³⁴. Заявление Тито вписывалось в стратегию югославского руководства, направленную на укрепление позиций ФНРЮ как региональной державы — не только балканской, но и дунайской. Как бы то ни было, перспектива усиления югославского доминирования в регионе не была в Будапеште воспринята настороженно. Для Венгрии с ее неза-

видным статусом побежденной страны и репутацией последнего, наиболее верного сателлита нацистской Германии, в силу бесперспективности каких-либо региональных амбиций гораздо важнее была дружба с более влиятельной внешнеполитической силой — титовской Югославией. Венгерская пресса разных политических направлений не прекращала заниматься вопросами венгерско-югославского сближения, пропагандировала необходимость расширения двусторонних связей. В 1946—1947 гг. она по-прежнему с признательностью писала о Югославии, которая открыла перед своим венгерским меньшинством возможности полноценного национального и культурного развития³⁵. Проблемы же, связанные с перспективой приобретения венгерскими югославянами столь же полноценного образования на родном языке, находили меньшее отражение, так как в этом отношении Венгрия несколько отставала от Югославии (что, впрочем, отчасти объяснимо количественными показателями — численность югославянских меньшинств в Венгрии была, как отмечалось, на порядок меньше, нежели количество венгров в ФНРЮ, превышавшее 400 тыс. человек). Особенно позитивно и много писала о Югославии коммунистическая пресса Венгрии — это не удивительно, поскольку именно в ФНРЮ коммунистические реформы осуществлялись быстрее, чем в других странах.

Несмотря на трудности, имевшиеся в деле организации системы образования у южнославянских нацменьшинств на территории Венгрии, на уровне правительств с обеих сторон предпринимались все новые и новые меры, направленные как на политическое сближение и экономическое сотрудничество в рамках Дунайского региона, так и на активизацию культурных связей двух стран. Причем темпы развития культурного сотрудничества опережали связи в других областях. С лета 1947 г. велась работа по подготовке всеобъемлющего культурного соглашения, которое было подписано в Белграде 15 октября 1947 г. (сроком на 5 лет), а ратифицировано венгерским Госсобранием в декабре. К этому времени уже состоялось совещание компартий в Шклярской-Порембе, был образован Коминформ, в этих условиях культурные соглашения, заключающиеся между странами, относившимися к советской сфере влияния, уже несли на себе отпечаток времени, большое внимание в них уделялось идеологии, подчеркивалось идей-

но-политическое единство стран «народной демократии» на антизападной платформе. Венгерско-югославское соглашение составляло в этом смысле определенное исключение. Оно было разработано еще до первого, сентябрьского совещания Коминформа, основывалось на реально достигнутых к этому времени результатах в деле взаимного сближения двух соседних стран. Это было менее политизированное и идеологизированное, более традиционное соглашение в области культурного сотрудничества, писавшееся не по требованию «старшего брата», а продиктованное обоюдным интересом и давно назревшим желанием каждой из сторон к взаимному сближению. Главное место в нем, соответственно, занимали реальные задачи культурного сотрудничества, а не политико-пропагандистская риторика.

В дни визита И.Б. Тито в Будапешт в декабре 1947 г., ставшего демонстрацией далеко идущего югославско-венгерского сближения, было подписано большое двустороннее соглашение о дружбе и сотрудничестве. Если коммунисты, с каждым месяцем укреплявшие свои внутривнутриполитические позиции в Венгрии, делали все больший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, идущих по пути строительства социализма, то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных соглашений с Югославией, по-прежнему предпочитали говорить об активном региональном сотрудничестве дунайских государств. Что касается сферы культуры, то осенью 1947 г. была образована смешанная комиссия для разработки проектов программ культурных контактов. Она включала в себя как чиновников, так и представителей общественных организаций и творческих союзов³⁶. Большие планы строились в области театральных и музыкальных связей³⁷. В программу двустороннего сотрудничества вошли обмен делегациями деятелей культуры, гастроли артистов и артистических коллективов, художественные выставки, кинопоказы, меры по активизации книгообмена, музейное сотрудничество, стипендии для ученых и т.д.

15 марта 1948 г. в Будапеште в присутствии многих высокопоставленных иностранных гостей (советскую делегацию возглавлял член Политбюро маршал К.Е. Ворошилов) проходило крупномасштабное празднование 100-летней годовщины начала революции 1848 г. Для подготовки юбилейных торжеств

была создана общегосударственная комиссия, занимавшаяся, среди прочего, проведением широкой пропагандистской кампании. Еще 28 ноября 1947 г. на заседании комиссии президент страны З. Тилди сформулировал программную установку: проводившиеся в стране после 1945 г. демократические реформы следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как окончательное осуществление демократических идеалов революции 1848 г. При этом снова были актуализированы идеи Л. Кошута о необходимости тесного сотрудничества народов Дунайского бассейна, развитые им в эмиграции после поражения революции. По мнению З. Тилди, именно 100-летний юбилей венгерской революции ознаменует собой начало нового этапа в единении дунайских народов, в том числе посредством проведения более демократической политики в отношении национальных меньшинств. Как известно, во время венгерской революции 1848—1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и южнославянскими национальными движениями, венгерское революционное правительство вообще долгое время не признавало коллективные права национальных меньшинств и только в последние недели революции, в условиях наступления превосходящих сил австрийской и российской армий пошло на определенные уступки. Однако обо всем этом в дни юбилейных торжеств старались не вспоминать. В декабре 1947 г., когда югославская правительственная делегация прибыла в Будапешт, И.Б. Тито был приглашен принять непосредственное участие в праздновании 100-летней годовщины венгерской революции, которое предполагалось провести под лозунгом укрепления взаимных связей между народами Дунайского бассейна, вставшими на путь демократического развития. Югославский лидер принял это приглашение и предложил в свою очередь разработать совместный план проведения празднеств³⁸ (Приезд самого маршала в марте 1948 г., впрочем, не мог состояться по объективным причинам — уже назревал конфликт между КПСС и КПЮ. Тем не менее, Югославия была представлена внушительной по составу делегацией). В это время не только в Венгрии и в Югославии, но и в других странах «народной демократии» придавали значение идее сотрудничества придунайских народов. Так, несмотря на недавние межгосударственные тре-

ния и сохранявшуюся проблему венгерского национального меньшинства в Трансильвании, Румыния активно участвовала в юбилейных торжествах. При встрече с польской правительственной делегацией в январе 1948 г. министр просвещения Венгрии Д. Ортутаи акцентировал внимание на важности взаимопонимания между странами «народной демократии» и в этом контексте упомянул о предстоящих юбилейных празднествах, назвав их хорошим поводом для того, чтобы вспомнить об общности интересов³⁹. Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов и хорватов венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., правительству новой Венгрии удалось использовать столетие революции в интересах пропаганды единства народов Дунайского бассейна.

Итак, к 1948 г. югославско-венгерские отношения переживали настоящий подъем, что проявилось и в большом внимании каждой из сторон к положению национальных меньшинств, их культурному обеспечению. Но произошедший весной-летом 1948 г. конфликт СССР и его восточноевропейских сателлитов с Югославией в течение считанных недель в корне изменил ситуацию. Двусторонние отношения вступили в глубокий кризис, преодоленный с большим трудом после 1953 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа демократического восстановления и подъема Венгрии; Предложения Венгерской коммунистической партии. См.: *Kallai D., Értuti B.* Освобождение Венгрии. 1944—1945. Сб. док. Будапешт, 1976. С. 56—61, 92—96.

² См.: *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945—1947) // *Világtörténet*, 1999 tavasz-nyár.

³ *Külpolitika, magyarság 1944—1947* // *Sajti E.* Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 121 о.

⁴ *Ibid.*, 122 о. Автор опирался на документы: Magyar Országos Levéltár, XIX-A-1-j-XIII/ b-5011-1945. 31- doboz. О зверствах венгерских жандармов против мирного сербского населения см.: *Piburik J.* Hideg Napok // *Rubicon*. 2009. 5 szám. 20—29 о.

⁵ См.: *Sajti E.* Még hidegebb napok. Megtorlás a Délvidéken // *Ibid.* 30—39 о. Известно, что когда Союзная контрольная комиссия (СКК) по Венгрии поинтересовалась, были ли случаи убийства венгерских

мирных жителей сербскими партизанами в районе Бачка, венгерское посольство в Югославии прямо отвечало, что не стоит придавать значение таким фактам. Это объясняется тем, что у венгров доминировало стремление освободить двусторонние отношения от тяжелого груза. См.: *Sajti E. Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 134—135 о.*

⁶ Э. Шайти подчеркивает, что венгерское правительство при этом настоятельно рекомендовало венграм Воеводины сохранять хорошие отношения с югославскими властями. См.: *Külpolitika, magyarság 1944—1947 // A. Sajti E. Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 123—126 о.*

⁷ *Sajti E. Büntudat és győztes fölény: a magyar-jugoszláv kapcsolatok 1944—1947 // Sajti E. Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 134 о.*

⁸ Премьер-министр Венгрии в 1953—1955 гг. и в октябре—ноябре 1956 г., не сумевший овладеть политической ситуацией в условиях революции 1956 г., а позже обвиненный в сознательном осуществлении заговора в целях свержения в Венгрии государственного строя и казненный в июне 1958 г.

⁹ *Külpolitika, magyarság 1944—1947 // Sajti E. Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 123 о.*

¹⁰ *Ibidem. 124—125 о.*

¹¹ Э. Шайти пытается при этом доказать, что обмену населением между Югославией и Венгрией мешал тот факт, что И. Риеш отказался от проведения суда над венгерскими жандармами за их преступления в Воеводине в 1942 г. См.: *Ibid., 126 о.*

¹² По данным венгерской переписи 1910 г., сербы составляли 33,8 % населения на территории будущей югославской Воеводины, входившей тогда в состав венгерской половины дуалистической монархии Габсбургов, венгры — 28,2 % и немцы (колонисты) — 21,4 %, определенный процент составляли и румыны. Несмотря на то, что много этнических венгров эмигрировало из страны после заключения Трианонского мирного договора 1920 г., венгры продолжали оставаться второй по численности этнической группой в Воеводине (По данным периода Второй мировой войны, сербы составляли 33%, венгры — 26%, немцы 21%, и хорваты — 7 %. См.: *Petranić B., Zečević M. Jugoszlavia 1918—1984: Zbirka dokumenata. Beograd, 1985. S. 583.*

¹³ *Magyar Országos Levéltár (далее MOL). XIX-1-j-Jugoszlavia-16/6-2891/pol-1947. 25. doboz.*

¹⁴ Венгерские власти, рассчитывая на понимание своей позиции державами-победительницами (прежде всего западными), питали надежды на некоторую корректировку в пользу Венгрии трианонских границ 1920 г. Подробнее см.: *Покивайлова Т.А., Исламов Т.М. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы. М., 2008; Трансильванский вопрос. Венгеро-румын-*

ский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг. Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000.

¹⁵ Воеводина, с 1944 г. находившаяся под управлением югославской коммунистической администрации, 31 июля 1945 г. официально вошла в состав Сербской Народной Республики.

¹⁶ MOL XIX-1-j-Jugoslavia-16/6-2891/ pol-1947. 25. doboz.

¹⁷ MOL XIX-1-j-Jugoslavia-16/6-2891/ pol-1947. 25. doboz.

¹⁸ См.: *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945—1947) // *Világtörténet*, 1999 tavasz-nyár, 57 о.

¹⁹ *Ibid.*, 58 о.

²⁰ *Ibid.*

²¹ В Суботице и Зреняине имелись также средние промышленно-торговые учебные заведения.

²² *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945—1947). 57—58 о.

²³ MOL XIX-1-j-Jugoslavia-16/6-2891/ pol-1947. 25. doboz.

²⁴ См. также документы, отражающие реакцию в Белграде на отношение в Венгрии к югославской политике в отношении венгерского меньшинства: *Arhiv Jugoslavije* (далее AJ), fond 507/IX — *Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta SKJ* (далее КМОВ СК SKJ). 75/III — 24.

²⁵ *Népszava*, 1946, január 13, 20; *Kis Újság*, 1946, január 30.

²⁶ Известно, что Тито и его окружение пытались играть посредническую роль между Чехословакией и Венгрией в вопросах обмена населением. Правда, Югославия едва ли выступала в роли беспристрастного арбитра, ее позицию, объективно говоря, трудно назвать равноудаленной, скорее в Белграде хотели подыграть бывшему партнеру по Малой Антанте — Праге в решении «венгерского вопроса» по чехословацкому сценарию, что означало выселение как можно большего количества венгров из Чехословакии. Как бы то ни было, в сентябре 1946 г. при посредничестве Югославии было достигнуто компромиссное соглашение о добровольном обмене между Чехословакией и Венгрией населением, что должно было затронуть около 40 000 человек. Однако до его реализации дело так и не дошло. См.: *Вида И.* Международное положение Венгрии после Второй мировой войны // *Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945—1989 годы* / Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2010. С. 10. Несопоставимость количества венгров в Словакии (более полумиллиона) с количеством словаков в Венгрии делала невозможным решение вопроса путем обмена населением, в дальнейшем же державы-победительницы отказались от поддержки чехословацких претензий на полное выселение венгров из Словакии.

²⁷ AJ. F. 507/IX (КМОВ СК SKJ). 75/III-2. S.11.

²⁸ См.: *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // *Világtörténet*, 1999 tavasz-nyár.

²⁹ О деятельности общества см.: *Vinnai G.* A Magyar-Jugoszláv Társaság története (1945 – 1948) // *Tiszatáj*, Szeged. 1982. № 2; *Vinnai G.* Adalékok a Magyar-Jugoszláv Társaság történetéhez // *Acta Nyiregyhaziensis*, 1987.

³⁰ Szabadság. 1946, február 10.

³¹ Kis Újság. 1946, január 8.

³² AJ. F. 507/IX (КМОВ СК СКЈ).). 75/III-8.

³³ AJ. F. 507/IX (КМОВ СК СКЈ).. 75/III-23.

³⁴ Szabadság. 1946, április 3.

³⁵ См. среди прочего: Szabadság. 1946, március 31, április 17.

³⁶ См.: *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // *Világtörténet*, 1999 tavasz-nyár.

³⁷ См.: A vallás- és közoktatásügyi miniszterium színházi iratai. 1946–1949. I. köt. Budapest, 1990. 293–296 o.

³⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 41. Папка 24. Л.3.

³⁹ Там же. Л. 10.

Б.Й. ЖЕЛИЦКИ
(МОСКВА)

Международная правовая защита и венгерское национальное меньшинство

Со времени появления современных наций на повестку дня европейского развития встала проблема национальных меньшинств, которая, тем не менее, в эпоху активизации этнического самосознания по-прежнему оказалась на обочине внимания международной общественности. Свидетельством тому является отсутствие общепринятого юридического определения понятия «национальное меньшинство», а также надежной и действенной международной системы защиты прав меньшинств. В то же время положение национальных меньшинств стало одной из основополагающих и определяющих проблем современности, которая требует постоянного внимания и решения. В период между мировыми войнами под эгидой Лиги Наций действовала далеко не совершенная международная система защиты прав меньшинств. После Второй мировой войны она прекратила свое существование, не оправдав надежд и показав непригодность для современных условий. В рамках ООН, в результате принятия в декабре 1948 г. *Всеобщей декларации прав человека*, она была заменена системой *защиты прав личности*. Основным недостатком этой новой, казалось бы, универсальной системы состоит в том, что в ней права этнических меньшинств не занимают центральное место, и в реальной политической жизни она не гарантирует, а следовательно, не защищает *права меньшинств как общности*. В то же время нерешенность проблемы национальных меньшинств (о чем свидетельствуют практика регулярного притеснения и ущемления прав меньшинств на протяжении всего XX в., эт-

нические чистки в годы Второй мировой войны, предвоенные и послевоенные насильственные переселения народов с мест их исторического обитания, использование изощренных методов и приемов насильственной ассимиляции) ведет к периодическим националистическим вспышкам и новым конфликтам.

Пытаясь составить общую характеристику венгерского национального меньшинства и состояния его правовой защищенности в условиях XX в., нужно определить, какие группы населения следует считать «национальным меньшинством» и что понимать под этим термином. Ориентиром здесь может служить простое и всеобъемлющее универсальное определение, которое содержалось в Проекте договора венгерского правительства о защите национальных меньшинств, представленного в конце августа 1946 г. Парижской мирной конференции. В статье 7 главы II второй части этого документа говорилось: «К национальному меньшинству относятся все те естественные лица, которые заявляют о своей принадлежности к нему»¹. В современных условиях, конечно, более подходящей может быть формулировка из выпущенной в Венгрии в конце XX в. «Энциклопедии этносов». Согласно содержащейся в ней дефиниции, меньшинствами считаются группы людей, «члены которых по сравнению с основной частью населения государства не находятся в господствующем положении, при этом в виду своего этнического, религиозного и языкового характера отличаются от большинства, или же если они на протяжении хотя бы двух поколений считались меньшинством»². Допуская правомерность такой дефиниции, все же представляется более целесообразным определить «национальное меньшинство» (во всяком случае, венгерское) как этническую и языковую общность, которая по той или другой причине оказалась отделенной от своего национального большинства, обладающего государственностью, и в отличие от него, став меньшинством, пребывает в рамках другого национально-государственного образования. Меньшинствами могут также считаться народности и другие иноязычные этнические общности в составе инациональных государств. Следует при этом отметить, что для каждого отдельного этноса или нации, наряду с совместным историческим прошлым, характерны общность языка, культуры и традиций, ущемление которых, как

правило, представляет угрозу существованию любого меньшинства. Кстати сказать, на протяжении всего бурного XX в. в Центральной и Юго-Восточной Европе часть населения, ранее относившаяся к национальному большинству того или другого государства, со временем оказалась в положении национального меньшинства (в частности, венгры). И, наоборот, представители бывших нацменьшинств (чехи, румыны, сербы, словенцы, украинцы) со временем оказались правящими нациями.

Наряду с *национальным самосознанием* одним из важнейших признаков принадлежности людей к той или другой этнонациональной группе, несомненно, является *родной язык*, имеющий первостепенное значение для этой общности и всех ее членов. Язык играет исключительно важную роль в сплочивании нации и в сохранении меньшинства в инациональной среде. Поэтому свободное пользование родным языком должно оставаться неотъемлемым правом каждого этнического меньшинства в современном государстве, где они проживают. Не удивительно, что одна из важных статей (27-я) принятой в 1988 г. *Европейской Хартии о языке религиозных и национальных меньшинств* содержит такую формулировку: «В государствах, где живут национальные, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таковым, нельзя отказывать в праве на свою культуру, свои религиозные обряды и их проведение, в праве пользования своим языком»³. К сожалению, политическая практика некоторых государств в XX в. и даже в начале XXI в. была иной.

Венгерское национальное меньшинство в сопредельных с Венгрией государствах в 80-е годы XX в. насчитывало 3 млн 765 тыс. человек и являлось одним из самых многочисленных в Европе⁴. Это меньшинство — *продукт миротворческой деятельности* великих держав, осуществивших после распада Австро-Венгерской монархии перекройку политической карты Европы без должного учёта расселения этносов в регионе. В результате трианонского диктата от Венгрии были отделены *две трети* ее исторической *многонациональной* территории. Новые государственные границы Венгрии были проведены, однако, таким образом, что страна лишилась не только инациональной (невенгерской) части своих жителей, но еще и *свыше 30 % этнического венгерского населения*. Это означало,

что 3,5 млн этнических венгров, — оставаясь на вековых землях своих предков, — оказались механически отделенными от своей нации и государства и на положении национального меньшинства вошли в состав четырех других государств, в том числе двух новообразованных. По венгерским данным, на территории, отданной Чехословакии, до 1920 г. проживали 1 млн 72 тыс. этнических венгров⁵, в Королевстве сербов, хорват и словенцев (будущей Югославии) — 465 тыс., в Румынии — 1 млн 700 тыс. и в Австрии — 26 тыс.⁶ Создавая свои формально «национальные» государства, ни одна из образованных тогда новых стран не отказалась от включения в свой состав национальных меньшинств. Получив их вместе с территориями, политические элиты этих стран надеялись со временем ассимилировать меньшинства.

После Второй мировой войны к числу стран, где имелось компактно проживающее венгерское национальное меньшинство, прибавился Советский Союз. Статистические материалы за 1980 г. свидетельствуют, что в Чехословакии проживало 750 тыс. венгров, в СССР — 200 тыс. (в т. ч. в Закарпатье — 185 тыс.), в Югославии — 464 тыс., в Румынии — 2 млн 100 тыс.⁷ Тогда же в других странах Европы на положении меньшинства находилось в общей сложности около 160 тыс. венгров, в остальном мире — еще 860 тыс.⁸ С распадом Чехословакии, СССР и Югославии к числу стран с венгерским меньшинством (наряду с Румынией и Австрией) добавились также Словакия, Украина, Сербия, Словения и Хорватия.

В сопредельных с Венгрией странах основная часть венгров проживает компактным нацменьшинством, образуя лентообразную полосу вдоль государственной границы, которая лишь в малой степени совпадает с этническими границами. Это, прежде всего, южно-словацкие округа, районы Бихар и Сатмар в Трансильвании, северный массив Воеводины, небольшая зона Словении и Хорватии, юго-западная равнинная часть Закарпатья, пограничная зона Австрии. Явное исключение составляет Секейский анклав в восточной Трансильвании, вдали от сегодняшних венгеро-румынских границ, издавна заселенный венгерской этнической группой — секеями. В последние три десятилетия XX в. под воздействием национальной политики существенно изменился этнический состав крупнейших городов в этих странах, особенно в Словакии (Братислава, Кошице

и др.), в румынской Трансильвании (Клуж, Тыргу-Муреш, Орадья и др.)⁹, и как следствие, венгерское меньшинство в составе городского населения сократилось. Судя по приведенным выше данным, численность венгерского меньшинства в сопредельных странах, в основном, лишь сокращалась.

Международная система защиты прав меньшинств начала складываться еще с XV в. В новейшую эпоху проблема *национальных меньшинств* по настоящему попала в поле зрения политиков в конце Первой мировой войны. В связи с мирным урегулированием и проведением соответствующих территориальных переделов, не меняя места своего жительства, многие венгры стали представителями *венгерского национального меньшинства* в составе сопредельных государств.

Вопрос о создании современной *системы международной защиты прав национальных меньшинств* встал на повестку во время подготовки мирных договоров, завершивших мировую войну. Хотя заявленной целью миротворцев было установление прочного межнационального мира в Европе, в основу которого предполагалось положить *этнический принцип*, базирующийся на мирной программе президента США Т. В. Вильсона из известных 14 пунктов, в отношении Венгрии версальские миротворцы фактически пренебрегли соблюдением этого принципа. Не учитывались применительно к проигравшим войну венграм те пункты его программы, где говорилось о необходимости «предоставить народам Австрии и Венгрии самые широкие возможности для самостоятельного (автономного) развития». И хотя на мирной конференции в духе идей Вильсона 1 мая 1919 г. был образован специальный комитет, призванный позаботиться о защите прав национальных меньшинств, при выработке проекта мирных договоров его пожелания не сразу принимались. Защитную функцию прав меньшинств комитет вначале распространил только на новообразованные и увеличенные в размерах государства. Однако они посчитали несправедливым, чтобы обязательства по защите меньшинств касались только их, мотивируя свою позицию тем, что таким образом теряется всеобщая значимость этих прав. Решение проблемы было вынесено на пленарное заседание мирной конференции, где представители польской и румынской делегаций снова подняли этот вопрос, добиваясь, чтобы обязательства по защите прав меньшинств были

распространены на всех членов Лиги Наций. При обсуждении возможных санкций за нарушения прав меньшинств премьер-министр Чехословакии К. Крамарж посчитал *излишним* принимать санкции международного характера, отметив в то же время, что его правительство, например, намерено включить положения о гарантиях прав национальных меньшинств в конституцию страны. Он мотивировал это тем, что принятие решения о каких-либо международных санкциях может стать основой для вмешательства во внутренние дела страны извне. В таком же духе выступила делегация Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Показательно, что Дж. Клемансо и возглавляемая им французская делегация также отвергли предложение о санкциях и высказались за отказ от их включения в статьи о правах нацменьшинств. Руководители же делегаций США, Великобритании и Италии, наоборот, поддержали предложение о международной защите прав меньшинств. В результате девять государств обязались обеспечить защиту прав меньшинств — Австрия, Венгрия, Болгария, Греция, КСХС, Польша, Румыния, Турция и Чехословакия¹⁰.

Эти обязательства оказались, однако, малоэффективными и в реальной политической жизни не давали меньшинствам достойных гарантий защиты их прав. Это вскоре осознали и сами миротворцы. Даже при явных нарушениях прав меньшинства лишь в том случае можно было принимать санкции и привлекать к ответственности нарушителей, если жалобы признавались реальными одним из членов Совета Лиги Наций, готовым вынести их на обсуждение Лиги Наций. Расследование нарушений входило в компетенцию постоянно действующего Международного Арбитража, решение которого не подлежало пересмотру. Защита прав меньшинств так и не стала всеобщей. Мирные договоры ограничились общей декларацией защиты прав человека, придерживаться этих принципов рекомендовалось и остальным странам. К правам человека были отнесены: 1) равенство прав и свобод личности, независимо от места рождения, национальности, языка, расы и религии; 2) гражданское равноправие; 3) равенство всех перед законом и всеобщее право на участие в политической жизни. Вопрос о *коллективных правах* практически не затрагивался, хотя к их зачаточной форме можно отнести меры по свободному использованию родного языка в частной и общественной жиз-

ни, в публичных выступлениях и в печати. Мирный договор с Венгрией давал меньшинствам право создавать и на собственные средства содержать свои «благотворительные, религиозные или социальные институты, школы и прочие воспитательные учреждения, возглавлять и контролировать их, свободно пользоваться в них родным языком и исполнять религиозные обряды»¹¹. Похожие положения содержались и в других договорах. Кроме того, меньшинства в начальных школах (в отдельных случаях и в средних) сохранили за собой право обучения детей на родном языке. Парижские мирные договоры отдельным меньшинствам (евреи в Польше, евреи и секеи в Румынии, подкарпатские русины в Чехословакии) формально предоставили даже определенную степень автономии.

Версальская система, таким образом, лишь формально обеспечивала защиту меньшинств, так как выполнение взятых обязательств фактически не контролировалось.

Поэтому не удивительно, что после Второй мировой войны этой далеко не совершенной системой защиты меньшинства пренебрегли, она фактически развалилась. Соотносясь с печальным опытом гитлеровской агрессии, в международных кругах сложилось мнение о нецелесообразности предоставлять коллективные права меньшинствам в новых послевоенных условиях (Прежде всего потому, что, скажем в Чехословакии, отчасти и в других странах, немецкое меньшинство накануне войны выступило как «пятая колонна» за подрыв государства изнутри). Вместо этого было решено предоставить гарантии *индивидуальным правам человека*. При обсуждении Устава ООН в июне 1945 г. такую идею отстаивала председатель Комитета ООН по правам человека Э. Рузвельт (жена покойного президента США), которая, будучи прекрасно осведомлена об американских условиях, оказалась малосведущей в сложных национально-этнических проблемах Европы. Она исходила из того, что «при соблюдении прав человека нет никакой необходимости заявлять о правах меньшинств»¹². Но в Центральной и Юго-Восточной Европе явно требовались иные подходы, чем для условий знаменитого американского «плавильного котла».

Национальные меньшинства, оказавшись по той или другой причине в составе другого (*инонационального*) государства, так или иначе, попадают в *зависимое* (то есть, подчиненное)

положение от политической элиты титульной нации. А ее отношение к национальному меньшинству всегда определялось, да и ныне зависит от намерений: а) сосуществовать с ним в мире, предоставляя равные со всеми гражданами права и свободы; б) либо отказывать ему в этом, стремясь ограничить его свободу, права, возможности, лишая меньшинство права пользования родным языком, национальной культурой, подавляя его самобытность и добиваясь скорейшей ассимиляции.

Опыт истории новейшего времени показывает, что политические элиты титульных наций лишь тогда изъявляли готовность пойти на серьезные уступки иноязычным, инокультурным меньшинствам, *если:*

а) данная национальная группа была достаточно многочисленна и сильна, поэтому с ней приходилось считаться, т. к. не могли поступать иначе;

б) на правящую политическую элиту оказывалось внешнее давление (существовал международный контроль либо диктат соседней большой державы);

в) либо если данная общность была столь незначительна, а, следовательно, безопасна для титульной нации, что «великодушно» можно было ей предоставлять все права в расчете на ее довольно скорую ассимиляцию.

Исторически сложилось так, что у народов Центральной и Юго-Восточной Европы очень сильно развито чувство национальной идентичности. Здесь почти каждая нация веками была вынуждена защищать свою (национальную) самостоятельность и самобытность, в частности, в борьбе против оттоманского нашествия, австрийского и германского владычества или советского давления. По этой причине в общественном сознании живущих здесь народов роль и ценность *национальной государственности* всегда были велики. Историки хорошо знают, что именно устремления национальных политических элит к созданию *самостоятельной государственности* привели к развалу Австро-Венгрии, к образованию новых, якобы «национальных» по характеру государств, хотя на деле эти новые образования стали такими же многонациональными, как поверженная и расчлененная монархия. Последствия необдуманных Версальских решений народы региона переживали весь XX в. На рубеже XX—XXI вв. в условиях роста национализма мы стали свидетелями процесса распада искусственно

созданных в Версале конструкций, полиэтничных государств, в которых национальная проблема так и не нашла своего решения. Явные подтверждения тому — мирный «развод» Чехии и Словакии, распад Югославии, свидетельствующие о стремлении народов добиться национально-государственной самостоятельности. При всем этом, проблема меньшинств все еще не решена.

Вряд ли ошибемся, утверждая, что обозначенные выше явления и процессы — свидетельства *живучести национальной идеи и национализма, нередко экстремально проявляющегося*. Тем более, что ранее изучение национализмов и ущемлений прав нацменьшинств считались *табу* для исследователей. Заметный ренессанс современного национализма переживают, видимо, те страны и нации региона, которые еще не прошли или только завершают стадию становления своей национальной государственности, либо те, где часть политических элит сама подогревает нетерпимость к инациональным меньшинствам, ущемляет их фундаментальные права.

После Первой мировой войны треть венгерского народа, как уже говорилось, оказалась на положении национальных меньшинств в Чехословакии, КСХС, а также Румынии. Политические элиты этих стран не выполняли свои обещания, данные в Версале. Многие венгры, желая избежать незавидного статуса нацменьшинства, переселились в Венгрию. Бегство людей только в 1918—1924 гг. исчислялось 350 тыс. беженцев. Больше всего покинуло Румынию (197 тыс.) и Чехословакию (107 тыс.). Из Югославии выехало 45 тыс., из Австрии 1221 венгров; кроме того, еще 40 тыс. человек эмигрировали за океан¹³.

После Второй мировой войны процесс повторился. В результате бегства, депортации, высылки и эмиграции численность венгерского меньшинства в этих странах продолжила сокращаться. О новой волне бегства свидетельствуют такие показатели: 125 тыс. венгров покинули тогда Румынию, 120 500 оставили пределы Чехословакии, 45 500 — Югославию, 25 000 — Советского Союза¹⁴, переселившись в Венгрию. Порядка полумиллиона эмигрантов покинули эти страны в 1944—1945 гг. еще и в западном направлении¹⁵.

Кроме того, в результате инициированного чехословацкой стороной «обмена населением» между Чехословакией и

Венгрией (1945—1947 гг.) на территорию Венгрии было насильно перемещено 89 660 венгров в «обмен» на 73 187 словаков¹⁶, набранных чехословацкими органами на венгерской территории в ходе специальной вербовочной кампании¹⁷. Чехословацкий президент Э. Бенеш первоначально рассчитывал на полное избавление от венгерского меньшинства, на основании опыта кануна Второй мировой войны обвиненного в нелояльности к чехословацкой государственности, и предварительно согласовал эту «делку» с И.В. Сталиным. «Обмен» населением не дал ожидаемых результатов, и Прага планировала переместить в Венгрию еще 200 тыс. венгров, однако, против этого выступили западные державы, и запланированную акцию пришлось прекратить. В то же время из Словакии в Чехию (в места изгнанных оттуда немцев) было насильно переселено еще 44 тыс. венгров. В самой же Словакии была проведена так называемая ресловакизация венгерского меньшинства¹⁸, приведшая к вынужденному отказу части венгров от своей национальности, чтобы не стать изгнанниками и остаться в родных местах. В результате этих целенаправленных антигуманных действий численность чехословацких венгров резко сократилась. Менее значительным было вытеснение венгров из Закарпатья и Трансильвании (здесь сокращение компенсировалось ростом рождаемости). Не столь значительно, но после войны сократилось их число также в Бачке и Банате на территории Югославии. В Воеводине, Хорватии и Словении до 1960-х гг. наблюдался даже некоторый рост численности венгров¹⁹.

Что касается положения венгерского меньшинства, то в наиболее тяжелом положении оно очутилось именно в Чехословакии и Румынии (где в своем большинстве и проживало). Мирный договор с **Чехословакией** предписывал предоставить меньшинствам *полное гражданское равноправие*. Обещались даже некоторые коллективные права по использованию родного языка и национальной культуры. В 1920 г. парламент принял закон № 122 о языке, включенный в Основной закон республики. В чехословацкой конституции (1920 г.) гарантировалось свободное пользование родным языком в государственных учреждениях там, где меньшинство составляло хотя бы 20% населения. В 1921 г. велись переговоры о заключении венгеро-чехословацкого договора о меньшинствах, но они так и не были завершены. Меньшинства в Чехословакии, состав-

лявшие около трети населения (немецкое, венгерское, русинское и польское), на практике так и не добились полной реализации тех принципов и обещаний, которые давались им в Версале²⁰.

В послевоенной **Румынии** в результате значительного увеличения ее территории (на западе и на востоке) нацменьшинства составляли около 28 % населения. При этом, согласно румынской переписи 1930 г., в Трансильвании, наряду с остальными меньшинствами (немцы — 9,8 %; евреи — 2 %), удельный вес венгров составлял 26,7 % (или же 1,7 млн человек)²¹. В начале ситуация характеризовалась относительно широким *либерализмом*, который быстро сменился *великорумынским национализмом*. Конституция 1923 г. провозгласила королевство «единым и неделимым *национальным* государством». Она обещала гарантировать равноправие всех граждан, всем давалась свобода слова, печати, собраний и образования, но о нацменьшинствах в ней не упоминалось. Государственных школ на венгерском языке было мало (всего 112), поэтому даже начальное образование можно было получать, в основном, через венгерские церковные или частные школы; среднее и профобразование стало доступно только на румынском языке²². В 1922 г. была создана лояльно настроенная к государству Венгерская партия Румынии, которая в 1928 г. стала второй крупнейшей парламентской партией страны. Однако со второй половины года ситуация стала ухудшаться. А в 1936 г. уже под запрет попали фильмы и «вывески на иностранных языках», в печати нельзя было использовать венгерские названия населенных пунктов. С установлением королевской диктатуры в 1938 г. правительство приняло «статус о национальных меньшинствах», сохранивший за ними право на пользование родным языком в школах и в религиозных обрядах²³.

В **Королевстве сербов, хорватов и словенцев** в мае 1920 г. был принят временный закон о защите меньшинств, составлявших тогда 18 % населения. Им предоставлялись равные права, вплоть до создания своих партий, в начальных классах обучение велось на родном языке, меньшинства могли содержать свои школы, но все зависело от их, в первую очередь материальных, возможностей. В 1929 г. с утверждением королевской диктатуры утвердился принцип «один народ — одно государство» и национальные партии оказались под запретом.

Конституция 1931 г. провозгласила равенство всех перед законом, свободу религий, но господдержка начального образования была отменена; венгерские школы стали двуязычными²⁴.

Годы Второй мировой войны стали в жизни венгерского меньшинства Югославии временем жестоких испытаний и национальных потрясений. Осенью—зимой 1944 г. десятки тысяч венгров оказались в концентрационных лагерях, подверглись депортации или были вынуждены покидать родные места. Сначала королевские четники, а затем партизаны Тито держали в страхе жителей около 50 венгерских населенных пунктов, насилуя и убивая ни в чем не повинное мирное население. Отдельные части партизан вторглись и в пределы трианонской Венгрии, требуя от местной администрации поселков заявлений о «присоединении» к Югославии²⁵. Об этих событиях, особенно о неимоверных кровопролитиях и человеческих жертвах среди венгерского меньшинства, долгое время было принято молчать. Число жертв вначале оценивалось по-разному — от 10 до 60 тыс. чел.²⁶, но после длительного сбора поименных сведений специалисты наиболее вероятной стали считать цифры в 20—30 тыс. венгров, ставших жертвами кровавой резни.

Завесу молчания вокруг проблемы первым прорвал венгерский писатель Т. Череш, написав книгу «Холодные дни». Он начал с разоблачительного признания незавидных действий своих соотечественников. В январе 1942 г., когда вследствие раздела Югославии нацистской Германией и ее союзниками на территорию Воеводины возвращалась венгерская администрация, вместе с внутренними войсками туда вошла группа экстремистов, свершившая преступные злодеяния. Описав совершенные ею в течение трех дней кровавые действия в трех населенных пунктах, писатель осудил их и извинился от имени своего народа. Он выжидал 30 лет, надеясь на подобное же покаяние со стороны сербских коллег за 45 дней кровавых преступлений, совершенных их соотечественниками в 1944 г. против венгров. Не дождавшись ответной реакции, Череш в 1991 г. опубликовал новую документальную книгу («Кровавая месть в Бачке»), обратившись теперь уже к описанию событий осени-зимы 1944 г. Книга содержит сведения о 34 491 жертве среди венгров, убитых югославами в 1944 г. в конкретно названных населенных пунктах Бачки. Параллельно с этим в

книге на основе югославских источников приведены цифры также о 3130 югославских гражданах, ставших жертвой «холодных дней» 1942 г.²⁷

После тяжелых испытаний и трагических событий, осужденных позже и новым политическим руководством Югославии, положение венгерского меньшинства в Югославии стало резко меняться. Еще в декабре 1944 г. М. Джилас, в то время входивший в руководство КПЮ, одним из первых заявил: «Не может каждый венгр отвечать за преступления Хорти и Салаша. Они не могут быть ответственны и не должны отвечать за них. Фашистские преступники и убийцы есть среди сербов и хорватов, словенцев и македонцев... А преступников, руки которых замараны кровью народа, следует наказать». Военно-политический деятель югославской Воеводины И. В. Жарко впоследствии в той же связи вспоминал: «Некоторые считали, что с венграми следует поступить также как с немцами. Поднимали головы шовинистические элементы, готовые мстить всему венгерскому населению. Поэтому в дни освобождения совершались тяжкие ошибки и преступные действия..., в отдельных местах уничтожались граждане венгерской национальности, которые не имели никакого отношения к зверствам фашистов»²⁸.

Новая конституция послевоенной *Югославии*, принятая 31 января 1946 г., всем национальным меньшинствам (кроме выселенных немцев) предоставила равные права в политической, экономической и культурной жизни, но в ней вопрос о национальном самоуправлении не затрагивался. В то же время Воеводина в рамках Республики Сербской получила статус автономии. Хотя численность венгерского меньшинства Югославии после войны сократилась, первая перепись населения 1948 г. зафиксировала присутствие 496 492 венгров (что составляло 3,2 % всех жителей страны). Из них 428 750 проживали на территории Воеводины, где они составляли 26 % населения. В Хорватии осталось 50 тыс., в Словении — 10 тыс. венгров²⁹. После войны венгры стали вторым наиболее многочисленным национальным меньшинством Югославии после албанцев.

Политическое руководство во главе с Тито еще весной 1945 г. провозгласило толерантную национальную политику. В 1953 г. политика югославского самоуправления распространилась на все сферы культурной и общественной жизни страны.

В 1959 г. Союз коммунистов Югославии принял специальное *решение о национальных меньшинствах*, которое определило принцип их *двойной привязанности*³⁰. Поощрялись связи и устремления нацменьшинств со страной проживания и допускались контакты с Венгрией. Меньшинства считались при этом органической частью югославского общества и насильственной ассимиляции не подвергались. Двухязычие поощрялось, обучение детей проводилось на родном языке, национальные и культурные организации получали государственную поддержку. Система школьного образования, по сравнению с другими соцстранами, находилась в хорошем положении. Число венгерских начальных школ с 1945 г. к началу 1950-х гг. с 733 выросло до 45 тыс.; впоследствии была создана система средних школ и гимназий, а в университете Нови Сада в 1959 г. открылась кафедра венгерского языка, педагогические кадры готовились и в других педагогических вузах. Конституция 1963 г. стала еще одним шагом в национальной политике, провозгласив этнические меньшинства национальностями.

С принятием в 1974 г. новой конституции Югославии национальный вопрос был отдан в компетенцию союзных республик, которые создали свою вертикаль национальных государственных организаций. Но Сербия, где проживало около 90 % югославских венгров, стала исключением. Венгры не получили возможности создать свои организации, что явно объяснялось нежеланием предоставить подобные права албанцам Косова, имевшего одинаковый с Воеводиной статус³¹. Итак, венгры, оставаясь на своих землях, были лишены возможности создавать свои политические организации. Однако Воеводина, получившая территориальную автономию, имела свой парламент, в котором венгры с 1945 г. были представлены (37 из 150 депутатов составляли венгры), в сербском же парламенте они имели 26, а в союзной скупщине — 3 депутатских места³². С началом децентрализации, созданием в стране общественных организаций на национальной основе, венгры также получили такую возможность. Этой ситуации, однако, положил конец приход к власти С. Милошевича и принятие новой конституции Сербии, которая ликвидировала даже автономию Воеводины. Право на создание политических организаций и самостоятельных партий для защиты своих интересов венгры получили только после распада Югославии.

Положение венгерского меньшинства в **Чехословакии** и **Румынии** вследствие национальной нетерпимости правящих политических элит оказалось намного хуже, чем в титовской Югославии. Война, конечно, всегда расширяет возможности для массовых этнических чисток, уничтожения и изгнания народов с мест их обитания. Но если до Второй мировой войны (не считая геноцида армян) *массовое выселение или переселение целых народов, этнических групп в целях изменения этнического состава населения в реальной политической практике Европы было немыслимо*, то в конце и после войны оно стало привычным инструментом избавления от национальных меньшинств. Такого рода действия затронули и венгерское национальное меньшинство. Э. Бенеш еще в годы войны был одержим идеей полностью очистить Чехословакию от национальных меньшинств и создать национальное государство чехов и словаков.

Сразу после Второй мировой войны в условиях становления бенешевской «демократии» венгерское население Чехословакии было лишено гражданства и частично депортировано, выселено или обменено (многие, чтобы остаться в местах своих предков, были вынуждены записываться словаками по национальности, что тогда называли «ресловакизацией»). Все эти действия были совершены на основании декретов Э. Бенеша, считавшегося демократическим политиком.

Венгерское меньшинство в Чехословакии (ее границы были восстановлены по состоянию на 31 декабря 1937 г.) в начале 1945 г. подверглось первым суровым испытаниям. При содействии словацких властей около 20 тыс. венгерских мужчин и женщин были депортированы в СССР, а 32 тыс. венгров до июля 1945 г. высланы из страны. Кроме них в 1945 г. еще около 14 тыс. венгров сами сбежали в Венгрию³³. Судьба остальных венгров определялась *Кошицкой программой*, принятой 5 апреля 1945 г. В восьмой главе этого документа на венгерское меньшинство возлагалась *коллективная ответственность* за расчленение Чехословакии. Венгры попали в совершенно бесправное положение и подверглись гонениям и преследованиям. 2 августа 1945 г. был принят Декрет Э. Бенеша № 33, лишивший подавляющее большинство венгров чехословацкого гражданства. Этот декрет был призван оправдать дискриминационные меры в отношении венгерского населения Чехословакии, а именно:

а) *паритетный обмен* населением, проведенный в основном с весны 1947 г. по 10 апреля 1948 г. (фактически закончился в 1949 г.) не удовлетворил чехословацкую сторону, так как венгров на юге Словакии оставалось в шесть раз больше, чем словаков в Венгрии (соответственно 652 тыс. и 105 тыс.)³⁴, и Прага на мирной конференции в Париже попыталась договориться о выселении в Венгрию еще 200 тыс. венгров, однако эта акция не увенчалась успехом;

б) в это же время были проведены конфискация имущества венгров и их насильственное выселение из Словакии в Богемию и Моравию с ручным багажом до 50 кг. (эта акция затронула 44 тыс. словацких венгров);

в) «ресловакизация», в ходе которой венгры, если в письменной форме признавали себя *словаками по национальности*, могли остаться в Словакии (такие заявления, по имеющимся данным, подписали от 327 до 400 тыс. венгров; правда, к 1970-м годам многие из них восстановили свою венгерскую национальную принадлежность);

г) массовое удаление венгров из Братиславы и крупных городов с конфискацией их недвижимости и имущества с целью изменения этнической структуры городского населения привело к сокращению с 1941 г. до 1948 г. числа венгров в Кошице (с 76 до 4 %), в Левиче (с 90 до 10 %), а также в Сале, Нови Замках и других городах³⁵.

В послевоенные годы в Чехословакии были закрыты начальные и средние школы с венгерским языком обучения, функционировала система запугивания и насильственной ассимиляции венгерского населения. Хотя некоторые послабления в национальной и культурной политике чехословацкого руководства в 1960—1970 гг. имели место, положение венгров коренным образом не изменилось. Ведь по Конституции 1960 г. нацменьшинства не наделялись коллективными правами, и, хотя в качестве прав человека она «гарантировала» использование родного языка, территориальное административное деление страны было проведено так, чтобы это право не могло в сколько-нибудь полной мере реализоваться³⁶.

В **Румынии** осенью 1944 г. молодой монарх заявил о начале новой эпохи, гарантиях прав и свобод для всех граждан. В Северной Трансильвании, однако, новая румынская полувоенная администрация интернировала десятки тысяч венгров

в различные лагеря, среди мирного венгерского населения орудовали банды румынской националистической организации «гвардейцы Маниу» во главе с Г. Олтяну³⁷, совершая кровавые зверства. Они насиловали женщин, грабили, убивали, вырезали целые семьи, уничтожали населенные пункты. Жестокое обращение с населением и кровавые деяния банд заставили советское командование снять танковые части с линии фронта, чтобы навести порядок и оградить венгерское население края от уничтожения. В Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. была восстановлена временная советская военная администрация, функционировавшая там до марта 1945 г., когда к власти пришло левое правительство П. Грозы. Новым правительством были сделаны конкретные шаги к румыно-венгерскому примирению. Выступая в Клуже в марте 1945 г., премьер-министр говорил о равноправии граждан, о примирении трансильванских народов. При его правительстве в Трансильвании, где по венгерской переписи населения 1910 г. проживало 1,7 млн венгров (по румынской 1930 г. — 1,5 млн), существовала свобода слова, собраний и печати. Закрывались лагеря, и люди постепенно возвращались домой³⁸. Венгерские демократические силы начали тогда играть весомую роль в политической жизни страны, произошли серьезные сдвиги в развитии венгерской национальной культуры и образования. Систему венгерского школьного образования удалось сохранить, а в Южной Трансильвании открылись начальные школы и одна средняя. Летом 1945 г. был принят закон об открытии самостоятельного венгерского *Клужского университета им. Яноша Бойаи* с преподаванием на венгерском языке. Правда, медицинский и фармацевтический факультеты вуза получили место в другом городе, Тыргу-Муреше, где в феврале 1946 г. открылся также венгерский театр. В Клуже открылись городская *Высшая школа изобразительных искусств и Сельскохозяйственный институт*, а *Клужский Венгерский театр* получил государственный статус. Все эти позитивные моменты омрачил принятый в апреле 1945 г. закон о лишении румынского гражданства лиц, покинувших страну в 1940 г. после Второго венского арбитража, который возвратил Венгрии Северную Трансильванию (независимо от того, сбежал сам или был угнан). Таких лиц в Северной Трансильвании насчитывалось 200—300 тыс., а в Южной — 100 тыс. человек³⁹.

В сфере политической жизни коалиционное правительство П. Грозы пообещало нацменьшинствам (венграм, немцам, евреям, сербам, украинцам и др.) справедливого решения национальной проблемы. Единственной политической организации венгров, *Венгерскому Народному Союзу*, 3 июля 1946 г. поручили срочную разработку соответствующего *законопроекта* о национальностях, что и было сделано. Подготовленный *Статут о правах национальных меньшинств* запрещал любую дискриминацию на основе национальности, языка и религии. Он предусматривал образование институтов для защиты коллективных прав нацменьшинств, регламентировал право пользования родным языком в общественной жизни, определял задачи государственных органов в этой сфере. Воспользовавшись этим документом, Бухарест часто демонстрировал международной общественности свои серьезные намерения и гарантии справедливого решения национальной проблемы. Другой вопрос, что в румынской политической жизни Статутом полностью пренебрегли и документ даже не был обсужден в парламенте⁴⁰. Правда, во многом именно благодаря разработке этого документа появились вышеотмеченные положительные сдвиги в сфере образования и культурной жизни венгерского меньшинства. Отдельные положения Статута перешли и в новую Конституцию Румынии 1948 г., 26-я статья которой на какое-то время обеспечила самому многочисленному в регионе венгерскому меньшинству право *на свободное использование родного языка в образовании, судопроизводстве и государственном управлении*.

Такая ситуация продолжалась, однако, недолго. Становление однопартийной системы в корне меняло положение дел. Были ликвидированы все самостоятельные организации нацменьшинств. Венгерский Народный Союз, который ранее играл относительно самостоятельную роль в системе румынской власти, подвергся реорганизации, пополнился лояльными кадрами, а затем в 1953 г. был ликвидирован, как и все остальные научные, культурные и экономические организации венгерского меньшинства. В 1952 г. румынские власти основали *Венгерскую Автономную область*, в рамках которой проживало 539 669 человек или же порядка 35 % всего венгерского меньшинства Румынии (за пределами автономии оставалось — 811 840 венгров)⁴¹. Однако эта автономия до конца своего

существования не имела ни устава, ни регулирующего ее деятельность предписания, либо четкой структуры, что в дальнейшем позволяло центральной власти по своему усмотрению манипулировать ею. При этом, как отмечают исследователи, власти, «ссылаясь на существование автономной области, венгерское население, проживающее вне ее границ, постепенно лишили всех фундаментальных прав меньшинства»⁴². Это особенно ощущалось с 1960 г., когда в Румынии было проведено новое районирование территории страны, в ходе которого реорганизовалось административное деление. Оно осуществлялось таким образом, чтобы к автономии дополнительно присоединить румынские этнические поселки и одновременно отделить от нее районы с чисто этническим венгерским населением. Эта якобы чисто географическая перекройка административной карты привела к изменению этнического состава автономии. В ее новых пределах удельный вес венгров сократился с 77,3 % до 62 %. Новое районирование сопровождалось переименованием автономии в *Мурешскую Венгерскую автономную область*⁴³.

С начала 1950-х гг. стали вводиться ограничения прежде всего в области получения образования на родном языке. В местах со смешанным населением школы объединялись с румынскими учебными заведениями, а позже и закрывались (как самостоятельные школы для венгерской этнографической группы чанго в 1956—1958 гг.). В 1959 г. закончился период самостоятельности Коложварского (Клужского) венгерского университета. К нему присоединили румынский университет, и он стал *Университетом им. Бабеш-Бойаи*, где преподавание велось на двух языках. В последующие десятилетия преподавание на венгерском языке в этом вузе, равно как и такие предметы как венгерская литература и культура, последовательно свертывались, а к концу 1980-х гг. были почти полностью вытеснены из учебной программы. К середине десятилетия перестали существовать самостоятельные венгерские средние и высшие учебные заведения, прекратилось обучение на венгерском в Высшей школе изобразительных искусств, в консерватории, в пединституте, медицинском (Тыргу-Муреш) и политехническом (Тимишоары) институтах⁴⁴.

С приходом к власти в 1965 г. президента Н. Чаушеску *положение венгерского меньшинства стало катастрофически*

ухудшаться. При его режиме, особенно с середины 1970-х гг., невиданных ранее масштабов приобрела дискриминационная политика в отношении национальных меньшинств в сфере языка, религии и культуры, предпринимались различные меры, направленные на насильственную языковую и этническую ассимиляцию. Эта политика реализовывалась особо изощренными средствами и методами. Как отмечают исследователи, к середине 1980-х гг. «перестали существовать самостоятельные венгерские средние и высшие учебные заведения... Обучение на венгерском языке стало вестись всего в трех школах по подготовке воспитателей детских садов и учителей низших классов начальной школы»⁴⁵.

Как уже отмечалось, при декларированном интернационализме «государственного социализма» сама *проблема национальностей* являлась табу для публичного анализа, долгие годы ее было принято обходить молчанием. В 1950-х гг. при режиме М. Ракоши, а затем в 1960—80-х гг. при Я. Кадаре, и даже в конце 1980-х гг. при К. Гросе любой критический голос, любое высказывание в защиту венгерского национального меньшинства в соседних странах отождествлялись с *национализмом* и строго пресекались.

Несмотря на принятие в ООН 16 декабря 1966 г. специального *документа о правах национальных меньшинств*, подписанного социалистическими странами, положение венгров в них не улучшилось, а их права продолжали нарушаться вопреки 27-му пункту *Пакта о гражданских и политических правах*, гласившему: «В странах, где имеются этнические, религиозные и языковые меньшинства, относящимся к ним лицам нельзя отказывать в праве пользоваться собственной культурой, религией, исполнять свои обряды, говорить на родном языке»⁴⁶. К сожалению, ни эти положения, ни принятые в Хельсинки документы не стали надежной гарантией действенной защиты прав венгерского меньшинства в социалистическом регионе. Ведь уже после принятия этих международных актов и соглашений, т. е. в 1970—1980-х годах, мир стал свидетелем весьма ярких и масштабных нарушений прав венгерского меньшинства со стороны румынских политических кругов.

Согласно декабрьскому (1974 г.) решению румынской компартии больше нельзя было говорить о существовании в Румынии каких-либо других национальностей, а только *о румын-*

ких гражданах, говорящих на венгерском, немецком и других языках. Между тем, положение венгерского меньшинства в стране стремительно ухудшалось. Венгерским партийным лидерам (Я. Кадару в июле 1977 г., а К. Гросу в августе 1988 г.) пришлось предпринимать попытки на высшем уровне урегулировать застарелые проблемы лично с Н. Чаушеску. Они, как известно, не увенчались успехом⁴⁷. Более того, в марте 1988 г. румынский вождь ускоренными темпами взялся за реализацию масштабной программы по «систематизации» населенных пунктов⁴⁸. Предполагалось, что завершение этого проекта приведет к полной национальной «гомогенности» румынского общества. Во второй половине 1980-х гг. реализация программы «гения Карпат» становилась реальной угрозой массового сноса архитектурных объектов и культурных памятников в венгерских селах и населенных пунктах в Трансильвании. Население подлежащих уничтожению деревень планировалось сосредоточить в специальных агрогородах, в рамках которых происходило бы окончательное этническое смешение населения. Этому помешало лишь решительное выступление венгерской и мировой общественности, поднявшей на защиту богатого многовекового венгерского культурного и архитектурного наследия в этом историческом крае. Положение трансильванских венгров уже не раз вызывало беспокойство в рядах национально ориентированной интеллигенции Венгрии, и в сложившихся условиях, когда по стране прошли массовые протесты и митинги, проблему больше нельзя было игнорировать. С середины 1980-х гг. в Венгрию прибывало все больше беженцев, главным образом трансильванских венгров и румын, которые не захотели возвращаться в Румынию. Свое бегство они мотивировали сложным политическим и экономическим положением, воцарившимся в стране террором, сетью доносчиков, действующих среди населения. Когда их число с 3—4 тыс. в 1985 г. к 1988 г. превысило 20 тыс. человек и продолжало расти, венгерскому обществу стало ясно, что созданием лагерей беженцев проблему не решить.

Со сменой общественно-политического строя в 1989—1990 гг. проблема венгерских меньшинств начала изучаться⁴⁹, стала одной из основных в политике первого демократического правительства Венгрии во главе с Й. Анталлом. Ради установления дружественных отношений со странами, где имеется

венгерское меньшинство, тогдашний министр иностранных дел Г. Есенски рекомендовал оформить конституционные гарантии защиты их прав. Последующие венгерские правительства социал-либерального толка, исходя из тех же соображений, заключили с этими государствами т. н. базовые договоры, однако добиться ожидаемого уровня надежной защиты, а тем более территориальной автономии для венгров за истекшие два десятилетия им так и не удалось⁵⁰.

Международная правовая защита национальных меньшинств уже давно существует, но осталась малоэффективной, неспособной обеспечить меньшинствам элементарные гарантии их достойного существования. *Лишенные коллективных прав* и надежной международной защиты, они сами неспособны эффективно отстаивать свои интересы.

Хотя в XX в. и принимались важные международные документы о защите меньшинств [Устав ООН (VI. 1945 г.), Всеобщая декларация прав человека (XII.1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.)], и ситуация, конечно, менялась, но оставалась нестабильной. Наиболее ощутимые результаты были достигнуты в 1970-е годы. Заключительный акт Хельсинского совещания впервые предоставил право другим странам (включая страну с национальным большинством) контролировать извне соблюдение обязательств, взятых на себя государствами в отношении меньшинств, но расхождения между декларированными правами и реальностью остаются громадными. Для обеспечения подлинной защиты прав национальных меньшинств в современном мире требуется создание более надежной целостной системы их защиты, которая немыслима без предоставления меньшинствам не только языково-культурных или просто всеобщих политических прав человека, но и признанных мировой общественностью *коллективных прав*, включая право на территориальную культурную автономию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нота венгерской делегации, обращенная к Мирной Конференции по проекту договора о защите национальных меньшинств // *Külpolitika* — Внешняя политика. Будапешт, 1989. С.131.

² Etnikumok Enciklopédiája. Вр., 1993. 216 о. (Энциклопедия на 416 страницах дает возможность ознакомиться со 166 национальными, этническими и религиозными меньшинствами мира).

³ Az emberi jogok dokumentumokban. Budapest, 1980. 410 о.;

⁴ *Kocsis Károly — Kocsisné Hodosi Eszter.* Magyarok a határainkon túl a Kárpát-medencében. Budapest, 1991. 10 о.; *Staraka M.* Handbuch der europäischen Volksgruppen. Wien — Stuttgart, 1970.

⁵ По чехословацкой переписи 1921 г., число венгров в ЧСР составляло 745 тыс. 431 (*Bobáč A.* Národní mapa Republiky Československé. Podrobný popis národnostních hranic, ostrovů a menšin. Praha, 1926. S. 160—161).

⁶ *Raffay Ernő.* Trianon titkai. Budapest, 1990. 153 о.

⁷ А по румынской переписи 1976 г., в стране проживало 1 млн 650 тыс. венгров.

⁸ *Kocsis Károly — Kocsisné Hodosi Eszter.* Op. cit. 9 о.

⁹ *Kiss Gy. Csaba.* Magyarország — határokön kívül és belül // *Tiszatáj*, 1990. 4.sz. 74—80 о.

¹⁰ Ibidem. 12—15 о.

¹¹ Ibidem. 16—17 о.

¹² *Joo Rudolf.* Az Egyesült Nemzetek Szervezete és a nemzeti kisebbségek védelme // *Külpolitika*, 1976. 4. szám. 62 о.

¹³ *Kocsis Károly — Kocsisné Hodosi Eszter.* Op. cit. 11 о.

¹⁴ Ibidem, 12-13. о.; В отношении Чехословакии данная цифра идентична с показателями, приведенными в работе чехословацкого историка Й. Звары (*Zvara J.* Nemzet, nemzetiség, nemzettudat. Bratislava, 1985).

¹⁵ *Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б.* Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX — конец 50-х годов XX века. М., 2012. С. 313.

¹⁶ *Желицки Б. Й.* Проблема выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М., 2004. С. 253; Подробнее см.: Там же. С. 211—283 и С. 497—523.

¹⁷ *Zvara J.* A magyar nemzetiségi kérdés megoldása Szlovákiában // Bratislava, 1965., 32. о.

¹⁸ *Желицки Б. Й.* Указ. соч. С 251—260.

¹⁹ *Kocsis Károly — Kocsisné Hodosi Eszter.* Op. cit. 13—15 о.

²⁰ Magyarok a Kárpát-medencében. Budapest, 1988. 243 о.

²¹ Ibidem.; *Сас З.* Из общего исторического прошлого Венгрии и Румынии // *Külpolitika — Внешняя политика.* Будапешт, 1989. С. 10.

²² Magyarok a Kárpát-medencében, 243 о.

²³ *Сас З.* Указ. соч. С. 12—14.

²⁴ Magyarok a Kárpát-medencében. 243 о.

²⁵ *Balogh S.* Magyarország és szomszédai 1945—1947. Budapest, 1995. 8 о. Режим Тито претендовал на некоторые территории Южной Венгрии — Печ, Баья и др., и отказался от этого лишь под давлением И.В. Сталина к 1946 г.

²⁶ *Ibidem; Matuska, M.* A megtorlás napjai. Újvidék — Novi Sad, 1991. 393. о.; *Sajti Enikő A.* Délvidék 1941—1944. Bp., 1987.

²⁷ *Cseres T.* Vérbosszú Bácskában. Bp., 1991. 242—248 о.; см. также: Zlocini okupatora u Vojvodini., Tom I. Novi Sad, 1946; Ötven év hallgatás után // Új Magyarország, 1994. október 15.

²⁸ Обе цитаты взяты нами из работы венг. историка Ш. Орбана: *Orbán S.* Magyarország és szomszédai, 9 о.

²⁹ *Hornyák Á.* Magyarok a második Jugoszláviában // *Limes*, 2012. 4. sz. 57 о.

³⁰ *Kővágó L.* A jugoszláv kommunisták föderációs nemzeti politikája. Budapest, 1988. 120—122 о.

³¹ *Hornyák Á.* Op. cit. 58 о.

³² *Ibidem.* 59—60 о.

³³ *Balogh S.* Op. cit. 11—12 о.; *Kocsis Károly—Kocsisné Hodos Eszter.* Op. cit. 25 о.

³⁴ Dokumentumok. Csehszlovák — magyar tárgyalások a lakosságcsereéről 1945 decemberében // *Múltunk*, 1989. 2 sz. 122 о.

³⁵ *Kocsis Károly — Kocsisné Hodos Eszter.* Op. cit. 25 о.; *Balogh S.* Op. cit. 18 о.

³⁶ *Pritz P.* 20. századi szomszédaink — némi visszapillantással // *Külügyi Szemle.* 2012. 4 sz. 130 о.

³⁷ *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946. М. 2008. С. 163—165.

³⁸ *Сас З.* Указ. соч. С.10; *Balogh S.* Op. cit. 14—15 о.

³⁹ *Balogh S.* Op. cit. 15 о.

⁴⁰ Там же. С. 26—27.

⁴¹ *Lipcsey I.* Romania and Transylvania in the 20th Century. Buffalo-Toronto, 2006. P. 128—129.

⁴² *Бекеши Б. и др.* Указ. соч. С. 28.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Бекеши Б., Дайя Л., Энеди Ш., Шютэ.* А. Венгерское меньшинство в Румынии // *Внешняя политика — Külpolitika.* Будапешт, 1989. С. 31—34.

⁴⁵ Там же. С. 31—32.

⁴⁶ *Az emberi jogok...* 410 о.

⁴⁷ Подробно об этих переговорах см.: *Lipcsey I.* Op. cit. P. 160—162; 180—183.

⁴⁸ Балаж А. О программе систематизации населенных пунктов в Румынии // *Külpolitika — Внешняя политика*. Будапешт, 1989. С. 81—95.

⁴⁹ Для исследователей, интересующихся этими вопросами, отметим, что наряду с первыми публикациями о положении венгров в Румынии (журнал Венгерского Института международных отношений «*Külpolitika—Внешняя политика*», Будапешт, 1989), привлеченными для написания настоящей статьи, в Венгрии о венгерских меньшинствах в регионе недавно появилось серьезное комплексное исследование (*Kisebbségi magyar közösségek a 20. században*. Вр., 2008.), которое не поступило, однако, в российские библиотеки.

⁵⁰ Балаж А. Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность // *Центрально-Европейский Ежегодник 2003. М., 2003*. С. 231.

ЧИЛЛА ФЕДИНЕЦ

(БУДАПЕШТ)

Вопрос венгерского меньшинства в Закарпатье на фоне венгерско-украинских дипломатических отношений

«Человеческая история — это история цивилизаций»¹, — писал Сэмюель Хантингтон. «И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация — это явно выраженная культура»². После окончания холодной войны одни государства смогли объединиться в единое (Германия), а другие, многонациональные, наоборот, распались (Советский Союз, Югославия, Чехословакия). В некоторых случаях свою роль сыграли цивилизационные различия между проживавшими в единых государствах народами. Вместе с тем внутри отдельных новых государств обострилась политическая обстановка — к ним можно причислить, например, Украину, вторую после России по площади страну Европы. Согласно оценке того же исследователя, «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами... Наиболее вероятные сценарии выглядят так: Украина станет единой, останется расколотой, возникнут независимые государства, одно из которых будет тесно сотрудничать с Россией»³.

Объектом данного исследования являются венгерско-украинские дипломатические отношения на современном этапе. Основной акцент делается на роли венгерского меньшинства Закарпатья в данном вопросе. Цель исследования состоит в изучении ключевых моментов взаимоотношения венгерского меньшинства с властными структурами двух государств. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1990-х гг. до конца 2012 г.

День независимости

Украина имеет два документа о независимости. В первом — декларации о суверенитете, принятой 16 июля 1990 г., — довольно обширном документе, многие положения которого встречаются и в действующей сегодня Конституции Украины, принятой в 1996 г., речь идет о суверенном государстве, которое остается частью СССР. Декларировалось также верховенство украинского законодательства, введение украинского гражданства, но параллельно с советским.

Ныне действующий акт о провозглашении независимости был принят украинским парламентом 24 августа 1991 г. Он состоял всего из двух предложений о том, что Украина — независимое демократическое государство, на территории которого действуют исключительно законы Украины⁴. Этот документ был поддержан на референдуме 1 декабря 1991 г. Начался процесс международного признания, в котором одну из ведущих ролей сыграла Венгрия.

Система институций, созданная советской национальной политикой, по-своему облегчила выход Украины из состава СССР: ведь уже существовали границы, парламент, министерства и прочее. Когда Украина стала формально независимой, нужно было лишь заменить советские символы государственности — флаг, герб и гимн. Новые атрибуты не создавались, а были приняты государственные символы Украинской Народной Республики, пытавшейся в 1918—1920 гг. сохранить независимость, но так и не признанной на международном уровне. В самых серьезных изменениях нуждалось Министерство иностранных дел, в ведении которого до этого были только иностранные делегации и дела, связанные с представительством УССР в ООН⁵. Кроме необходимости внутренней реорганизации государства, не менее важным оставался вопрос налаживания международных связей и реагирования на международные оценки.

Согласно переписи населения 2001 г., 77,8 % всех жителей Украины — украинцы. Наряду с украинцами на территории государства проживают представители более 100 национальностей, среди них и национальностей соседних государств. По переписи 2001 г. в Украине насчитывалось 156 600 венгров. Подавляющее большинство венгров — жители Закарпатья,

где они составляют более 12 % населения. Закарпатье до конца Первой мировой войны принадлежало Венгрии, в межвоенный период Чехословакии, в годы Второй мировой войны снова Венгрии. С 1945 г. — одна из областей Украины.

Период Л. Кравчука

В 1991 г. дефицит товаров стал еще больше, чем в предыдущие годы, население страдало из-за многократного роста цен, в то время как номинальные доходы людей не изменились. Распад империи только ухудшил создавшуюся ситуацию. Цены росли быстрее, чем зарплаты, все больше людей оказывались без работы, а сохранившим рабочие места все дольше задерживали заработную плату, многие ждали лучших времен в неоплачиваемых отпусках. Полки магазинов опустели, все чаще на долгое время отключали свет и отопление с целью экономии, система социального обеспечения еле работала, а в некоторых сферах фактически перестала существовать. Сильно упал уровень рождаемости, и значительно выросло количество эмигрантов, вследствие чего между двумя переписями (1989 г. и 2001 г.) численность населения в государстве уменьшилась более чем на 3 млн. человек⁶. Л. Кравчук одной из главных задач внутри страны считал проведение украинизации, закончившейся фактически тем, что украинский язык был признан официальным. Во внешней политике наиболее известным результатом стал отказ от ядерного оружия, составлявшего третий по величине арсенал мира (15 % от запаса ядерного оружия Советского Союза)⁷.

С точки зрения Венгрии центральными событиями этого периода являются признание Украины независимым государством, открытие в связи с этим дипломатических представительств, а также подписание венгерско-украинского договора об основах добрососедства и сотрудничества.

Хотя эти события произошли и не так давно, но вокруг них уже сложилась легенда о том, которой по счету Венгрия признала независимость Украины. Украинская научная литература на первое место ставит Польшу, а венгерская — использует фразу «среди первых», добавляя, что Венгрия была первым иностранным государством, открывшим посольство в Киеве. Однако Андраш Палди, первый посол Венгрии в Украине, как свидетель тех событий, уверен, что пальма первенства в при-

знании Украины все-таки принадлежит его государству. Работая генеральным консулом в Киеве, он уже заблаговременно подготовил табличку с надписью «Посольство». 1 декабря 1991 г. — в воскресенье — состоялся референдум. На следующий день, в понедельник, огласили результаты. Во вторник в полдень из Будапешта пришел телефакс, что можно подписать протокол о налаживании дипломатических связей, что и произошло во второй половине дня в столице Украины — параллельно с заменой таблички. Присутствовавший при подписании протокола министр иностранных дел Анатолий Зленко, а также другие высокопоставленные дипломаты «поздравляли с тем, что [...] венгерское правительство первым поддержало создание и развитие независимого государства конкретными поступками»⁸.

Венгерская сторона считала отношения с Украиной чрезвычайно важными. После смены режима «венгерская восточная политика особое внимание уделяла развитию, наряду с ослабшим московским центром, двусторонних отношений с другими республиками Советского Союза. Из-за географической близости, экономического потенциала, импортирования энергии, имея в виду политику безопасности и, не в последнюю очередь, ради 200 тыс. венгров, проживающих на Украине, венгерское правительство относилось к налаживанию сотрудничества с Украиной, пытавшейся усилить свой суверенитет, к приоритетным направлениям»⁹. Уже в августе 1990 г. премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл на встрече с министром иностранных дел СССР А. Зленко поддержал движение Украины в сторону Европы «и напомнил о необходимости обеспечения коллективных прав закарпатских венгров. Он однозначно подтвердил, что Венгрия уважает неприкосновенность европейских границ, но будет поддерживать предоставление территориальной автономии Закарпатской области»¹⁰.

6 декабря 1991 г. в Киеве был подписан международный договор об основах добрососедства и сотрудничества между Украиной и Венгерской Республикой. В договоре, кроме прочего, зафиксировано, что стороны уважают территориальную целостность обоих государств, не имеют и не будут иметь друг к другу территориальных претензий (статья 2), а также, что необходимо создать все условия для обеспечения и защиты этнической, культурной, языковой и религиозной самобытно-

ти национальных меньшинств (статья 17). При ратификации договора в венгерском парламенте из 405 народных депутатов присутствовало 279, из которых 223 проголосовало «за», 39 — «против», 17 воздержались. Большинство тех, кто голосовал «против» или воздержался, были представителями правительственной партии — Демократического форума Венгрии (MDF). Предметом главных дискуссий оставался вопрос, необходимо ли было Венгрии в связи с подписанием договора поставить вопрос о закарпатских венграх. Звучали обвинения как в адрес премьер-министра Й. Анталла, так и министра иностранных дел Гезы Есенски. Многие именно в этом видели одну из причин выхода из состава Демократического форума Венгрии Партии справедливости и жизни Венгрии (MIÉP). В свою очередь украинские аналитики отметили, что радикальное крыло Демократического форума Венгрии и Партия мелких хозяев (Kisgazdapárt) выступали против ратификации, больше всего возражая против включения в текст договора положения о том, что «стороны не имеют друг к другу территориальных претензий»¹¹. То есть, одна сторона выражала недовольство тем, что не вписали в договор, а другая — радовалась тому, что в нем есть.

Хотя в договор об основах добрососедства и сотрудничества не был включен вопрос об автономии, о которой упоминал Анталл, все же документ содержал гарантии относительно положения закарпатских венгров. Тогдашние официальные документы опровергают обвинения в том, что договор был подписан без учета мнения закарпатских венгров, на самом деле «проводились неоднократные консультации с руководством самой важной закарпатской венгерской организации [Общество венгерской культуры Закарпатья]. Подписав договор, Венгрия подтвердила международному сообществу, что выступает в регионе не конфликтной стороной, а напротив — силой, стремящейся к стабильности [...]»¹².

Быстрое признание независимости, а также ратификация договора об основах добрососедства и сотрудничества были важны для украинской стороны и заложили прочную основу в отношениях двух государств, что Украина неоднократно отмечала. Важности ратифицированному документу добавлял тот факт, что Украине пришлось противостоять нескольким конфликтам, связанным с ее территориальной целостностью. Таким

был вопрос Крымского полуострова, сепаратистские стремления русинов, особенно в первой половине 1990-х годов, а также румынский вопрос. Большинство украинских румын проживает на территории Закарпатской, Одесской и Черновицкой (историческое название Северная Буковина) областей. Румыны и молдаване считаются как два самостоятельных меньшинства, чтобы снизить процент румыноязычных как одного меньшинства. Буковинские румыны после 1989 г. выступали за присоединение к Румынии (Великая Румыния), а на Закарпатье — за создание национального румынского района¹³. Парламент Украины 5 июля 1991 г. принял заявление, в котором выразил свое беспокойство по поводу постановления румынского парламента «О пакте Риббентропа-Молотова и его последствиях для Румынии», которое фактически возрождало идею Великой Румынии. В заявлении украинского парламента говорилось, что признание незаконности пакта Риббентропа-Молотова не может служить основанием для предъявления территориальных претензий Украине, а также, что Украина отвергает любые претензии на ее земли¹⁴.

Эпоха Л. Кучмы

На президентских выборах Кравчук в своей предвыборной программе апеллировал к нациостроительной идее и успешному ядерному разоружению. Его оппонент, глава Союза промышленников и предпринимателей Украины Леонид Кучма обошел соперника, критикуя экономические проблемы, «насилованную» украинизацию, обещая наладить отношения с Россией, а также предоставить русскому языку статус второго государственного, что особенно понравилось значительной части избирателей¹⁵. Хотя Кучма пообещал улучшение отношений с Россией, в действительности он построил сильные связи с Западом, намного успешнее, чем его предшественник Леонид Кравчук, «симпатизировавший Западу». Кучма стал тем, кто официально объявил о намерении присоединиться к Евросоюзу и НАТО. В 1996 г. государство стало членом Совета Европы¹⁶. Во внутренней политике самым большим успехом стало принятие Конституции — Украина сделала это последней среди постсоветских республик и при довольно специфических обстоятельствах наследия эпохи Кучмы¹⁷.

За это время был всего один премьер-министр, которого признали серьезным партнером за рубежом. В конце 1999 г. этот пост занял Виктор Ющенко, бывший глава Национального банка Украины, а вице-премьер-министром стала Юлия Тимошенко. Уже вскоре проведенные экономические реформы дали первые результаты. В 2000 г. был зафиксирован рост экономики, впервые со времени объявления независимости и вплоть до 2005 г. принимался сбалансированный бюджет, прекратились задержки выплат зарплат и социальных пособий. Тимошенко обвинили в экономических преступлениях, якобы совершенных еще в середине 1990-х гг., но суд ее оправдал. Политическую карьеру она продолжила, создав Блок Юлии Тимошенко. В апреле 2001 г. парламент отправил в отставку Ющенко, который также создал свою партию — «Наша Украина»¹⁸. Так, нишу Украинского народного руха (УНР или Рух), потерявшего свою силу после смерти Вячеслава Черновола, заняли две новые правоцентристские партии.

В венгерско-украинских отношениях в этот период произошла смена парадигмы. Во-первых, изменения, связанные с евроатлантической интеграцией Венгрии, не вызвали проблем в отношениях двух государств, поскольку стороны довольно конструктивно решали возникавшие вопросы. Во-вторых, изменилась политика венгерского правительства касательно венгров, проживающих в соседних странах. Новое правительство, пришедшее к власти в 1998 г., все вопросы в политических отношениях с Украиной связало с вопросом закарпатских венгров. А Украина считала, что это важная, но не единственная сфера межгосударственного сотрудничества. В своем выступлении на заседании Общества венгерской культуры Закарпатья в феврале 2000 г. премьер-министр Венгрии Виктор Орбан сформулировал следующие приоритеты: усиление закарпатских венгерских учреждений, помощь в получении закарпатскими венгерскими семьями земли, стимулирование интереса венгерских предприятий к экономическому сотрудничеству с Украиной. «Отношение Венгрии к Украине особенное [...] В этом вы, закарпатские венгры, играете большую роль. [...] Для Венгрии Украина приоритетный партнер. Венгрия соседствует с семью странами, и остальные шесть вместе занимают меньшую площадь, чем Украина. Это достаточное основание для того, чтоб венгерское государство

в своей внешней политике всегда занимало собственную позицию в отношениях с Украиной. Верю, что мир развивается в том направлении, когда межгосударственные отношения будут усиливать сотрудничество, в том числе на региональном уровне»¹⁹. Отличным примером такого сотрудничества стало преодоление последствий катастрофического наводнения на Тисе в конце второго тысячелетия. Госсекретарь Министерства иностранных дел Жолт Немет отметил: «Было приятно видеть спонтанные проявления общенациональной солидарности венгров, как в самой Венгрии, так и за ее пределами по всему миру, что-то подобное мы пережили только в 1989 г., во время румынской революции»²⁰.

В 1998 и 2001 г. от катастрофических паводков на Тисе значительно пострадала территория Украины вдоль западной границы, в первую очередь, венгерские поселения. В связи с этим некоторые закарпатские населенные пункты с начала 2001 г. стали местом проведения двусторонних встреч на высшем уровне. Эти встречи были также связаны с символическим знаком, касавшимся закарпатских венгров: тема закарпатских венгров проявилась в украинской политике на государственном уровне, особенно во время избирательных кампаний²¹.

Значительным событием этого периода стало принятие в Венгрии Закона «О статусе зарубежных венгров» (2001 г.). Благодаря договору об основах добрососедства и сотрудничества этот закон не вызвал дипломатических трений между двумя странами, как это случилось с Румынией и особенно Словакией²². Посол Украины в Венгрии Орест Климпущ заявил, что его страна относится к этому закону позитивно и с пониманием. В совместной публикации, появившейся по случаю 10-летия налаживания дипломатических отношений, министры иностранных дел А. Зленко и Янош Мартони сделали акцент на хороших отношениях между двумя странами; Зленко обратил внимание на визовую политику Венгрии, а Мартони отметил, что первоочередной внешнеполитический интерес его государства — способствовать интеграции Украины в НАТО и ЕС²³. На Украине правовой основой для положительных отношений послужили Закон «О нацменьшинствах» (статьи 15 и 17), международные соглашения, а также межправительственные смешанные комиссии. Украина признала, что и на межгосу-

дарственном уровне, и в частной сфере надо предоставить возможность общения между нацменьшинствами, проживающими на ее территории, и государствами, в которых эти национальности являются титульными²⁴.

Венгерское правительство выразило сожаление по поводу отставки кабинета Ющенко, поддержав позицию Евросоюза²⁵. Но немного раньше, именно в период правления этого правительства, 14 декабря 2000 г. в заключительном заявлении III заседания Венгерской постоянной комиссии (MÁÉRT) — учрежденной правительством Венгрии в 1999 г. и являющейся консультативным форумом политических организаций венгерских общин за пределами Венгрии — появилась первая серьезная негативная оценка в связи с возможными угрозами для закарпатского венгерского нацменьшинства: «Последние заявления министра образования Украины вызывают беспокойство по поводу будущего закарпатской системы венгерского образования»²⁶. В то же время в Венгрии до 2000 г. существовала возможность сдать государственный сертифицированный экзамен по украинскому языку в Университете имени Лоранда Этвеша. В последующее десятилетие, за небольшим исключением, в Венгрии можно сдать такой экзамен лишь в ограниченной сфере — на знание военной профессиональной лексики²⁷. Добавим, что речь идет о государственном языке соседней страны с численностью населения почти 50 млн. человек, в которой, между прочим, для венгерского нацменьшинства одной из главных проблем является преподавание/владение государственным украинским языком.

После того, как на Украине 22 ноября 2003 г. было провозглашено Днем памяти жертв Голодомора, венгерский парламент сделал благородный жест, приняв 26 ноября того же года постановление по поводу 70-летия украинского большого голода, признал его «геноцидом», «искусственным и умышленно спровоцированным голодом»²⁸. Верховный Совет Украины признал голод «геноцидом украинского народа» только при следующем президенте 26 ноября 2006 г.²⁹ В период правления Ющенко это была самая важная тема, связанная с историческим прошлым. Новая власть президента Януковича не изменила этот статус, но публично вспоминала тему Голодомора намного реже, исключив ее из активного политического дискурса.

«Оранжевый» период

О президентских выборах 2004 г. и так называемой «оранжевой революции» общеизвестно, что оппозиция — «Наша Украина» и Блок Юлии Тимошенко — выступила против фальсификации результатов второго тура и при поддержке международного сообщества добилась проведения повторного голосования — третьего тура. В результате Виктор Ющенко победил тогдашнего премьер-министра Виктора Януковича. Менее известным фактом является то, что «имевший шансы на победу кандидат оппозиции (В. Ющенко), а также поддерживающие его иностранные политики, чтобы узаконить проведение третьего тура выборов, согласились на ограничение полномочий будущего президента»³⁰.

Накануне второго тура выборов, назначенного на 21 ноября, кандидат в Президенты Украины В. Ющенко и глава ОВКЗ Миклош Ковач в присутствии главы оппозиционной партии «ФИДЕС» (Fidesz-Magyar Polgári Szövetség) В. Орбана подписали соглашение. Согласно этому документу, Общество венгерской культуры Закарпатья обязывалось на выборах Президента Украины «всеми доступными средствами» поддержать кандидата в Президенты от оппозиционного блока «Наша Украина» Виктора Ющенко в венгерских населенных пунктах Закарпатья. Взамен В. Ющенко — в случае победы — поддержит инициативу ОВКЗ о создании Притисянского района с компактным проживанием венгров, будет способствовать решению вопроса реабилитации венгерских жертв сталинизма и материального возмещения им, а также обеспечению постоянного представительства национальных меньшинств Украины, в том числе венгерского, в парламенте, расширению и реализации языковых прав венгров Закарпатья, а также будет способствовать получению поддержки из Венгрии лицам, имеющим на это право. Соглашение содержало и пункт об общей поддержке Закарпатского венгерского института имени Ференца II Ракоци в Берегове, расширении сети венгерских образовательных учреждений и создании самостоятельного венгерского образовательного округа в пределах национальной культурной автономии³¹.

Комментируя инаугурацию нового президента Украины, президент Венгрии Ференц Мадл, кроме всего прочего, отме-

тил: «Мы пристально следим за развитием Украины, как известно, и по той причине, что среди ее граждан есть и венгры. Помогая образовательным и культурным учреждениям венгерского нацменьшинства Украины, государство прилагает усилия для развития “маленькой родины”. Делает это все для всеобщего блага Украины»³².

Во время предвыборной кампании 2004 г. В. Ющенко позиционировал себя как национальный (даже националистический) политик³³. На посту президента он попытался пересмотреть табуированные темы исторического прошлого, демифологизировать советский нарратив, создать более приемлемую модель для жителей разных регионов ради целостности государства³⁴. Он придавал большое значение единству украинского общества, слиянию национального и либерального дискурсов³⁵. Ющенко всегда подчеркивал, что принадлежность к Европе является одной из базовых ценностей украинцев³⁶. Однако оранжевая коалиция не смогла работать без трений. О кризисе оранжевых сил свидетельствовало то, что на парламентских выборах 2006 г., а также внеочередных парламентских выборах 2007 г., большинство голосов получила Партия регионов под предводительством проигравшего в 2004 г. Виктора Януковича.

В сфере венгерско-украинских отношений мы выделим две темы. Одну из них президент Венгрии Ласло Шойом во время официального визита В. Ющенко в Венгрию 10 января 2007 г. сформулировал следующим образом: «Мы придаем большое значение инициативе, о которой идет речь и в нашем сегодняшнем заявлении: почтить память жертв войны, обозначить места их захоронения, ухаживать за их могилами. Украина предложила помощь в идентификации венгерских жертв, павших на ее территории, поиске их могил и достойном перезахоронении. Венгрия выражает благодарность за это предложение и обязуется сделать то же самое со своей стороны. Сегодня я передал господину Президенту список, составленный Институтом и музеем военной истории и состоящий из 48 000 имен погибших и захороненных на территории Венгрии (советских) украинских солдат. В документе обозначены кладбища и места могил, где нашли свой последний покой эти воины»³⁷. К сожалению, украинская сторона до сих пор не оказала помощи в организации такого военного кладбища, и ты-

сачи погибших покоятся в необозначенных и неухоженных могилах.

Вторая тема — это вопросы, связанные с закарпатскими венграми. С 1 декабря 2007 г. Венгрия стала членом Шенгенской зоны. Министерство иностранных дел заявило, что «Венгрия приложит все усилия, чтобы [...] шенгенская система вызвала как можно меньше трудностей для венгров, живущих в Украине (Закарпатье), в их связях с „материнским” государством. Активно используя политику ЕС, нам удалось выработать такую систему средств, которая обеспечит для широких слоев заграничных венгров возможность легкого пересечения границы. Этому служат соглашение ЕС с Украиной об упрощенном визовом режиме [...], вступившее 19 декабря 2007 г. в силу венгерско-украинское малое приграничное движение, а также уменьшение тарифов за оформление визы»³⁸.

Очень важной сферой, касающейся венгров, в которой произошли серьезные изменения, является образование. С именем министра образования второго правительства Тимошенко Ивана Вакарчука связан ряд наиболее угрожающих для венгерской системы образования действий. Они были направлены «на создание так называемой транзитивной образовательной модели для школ с не украинским языком обучения с долгосрочной целью создания одноязычия»³⁹. 3 декабря 2009 г. Государственное Собрание (парламент) Венгрии приняло политическое заявление, в котором высказывало свое беспокойство «в связи с событиями в Украине в сфере политики касательно нацменьшинств, затрагивающих и венгерское нацменьшинство»⁴⁰. Премьер-министр Венгрии Гордон Байнаи обратился с письмом к руководителю украинского правительства Ю. Тимошенко «в связи с украинским скандалом с учебниками, что нарушает права закарпатского венгерского нацменьшинства» — ведь на следующий учебный год не были заказаны учебники на венгерском языке⁴¹. К сожалению, обращения венгерской стороны тогда не имели эффекта.

Наши дни...

На президентских выборах 2010 г. В. Ющенко не имел ни малейших шансов на победу, реальными претендентами на пост главы государства оказались В. Янукович и Ю. Тимошенко.

Янукович изменил, обновил свой имидж, лучше выучил украинский язык, как это раньше сделала уже Тимошенко. Как ни странно, для части ключевых политиков последних двадцати лет процесс изучения украинского языка был напрямую связан с политической карьерой. На президентских выборах победил Янукович, и с этого началась новая эра в венгеро-украинских отношениях.

В мае 2010 г. началось расследование против Ю. Тимошенко и нескольких других политиков. В октябре 2011 г. суд признал ее виновной и присудил к семи годам заключения за злоупотребление служебным положением. Обустройство в тюрьме, болезнь Тимошенко, ее лечение, голодовка вызывают каждый день интерес не только у политиков, но и у простых граждан. Международная реакция была крайне негативной и очень навредила имиджу Украины. Европейский Союз многократно заявлял свое несогласие. Это, среди прочего, проявилось и в том, что стороны в апреле парафировали соглашение об ассоциации, но перспектив его подписания до сих пор не видно. В мае 2012 г. ялтинский саммит президентов стран Центральной Европы был перенесен из-за дела Тимошенко, которое бросило тень и на проведение украинско-польского Чемпионата Европы по футболу в 2012 г., поскольку много иностранных политиков заявило, что не приедут на это спортивное мероприятие (то есть не будут сидеть на трибунах на матчах, проводящихся на Украине). Такая тесная зависимость спорта от политики напомнила о самых худших временах.

В 2010 г. на Украине также произошла «реставрация Конституции». Напомним, что во время «оранжевой революции» одним из условий регулирования противостояния было ограничение президентской власти путем конституционных изменений. Вполне понятно, что новая власть стремилась снять эти ограничения, но не имела для этого конституционного большинства в парламенте. Однако часть народных депутатов обратилась в Конституционный Суд, который в сентябре 2010 г. из-за несоблюдения формальностей признал неконституционными эти изменения и вынес решение о вступлении в силу Конституции образца 1996 г., а значит и расширенных полномочиях Президента⁴².

Некоторые считают, что принятие нового закона «Об основах государственной языковой политики» (2012 г.) было шагом

к гармонизации с европейским законодательством, другие — что это была подготовка к осенним парламентским выборам. Языковой вопрос на Украине очень сложный. На территории государства проживает много нацменьшинств, самое крупное из которых — русские — составляет в численном отношении 80 % всех нацменьшинств. Все другие нацменьшинства в отдельности не превышают 1 % от населения страны, а все вместе (за исключением русских) не достигают даже 5 %. 30 % населения Украины признает русский родным языком, но число тех, кто разговаривает на нем, значительно больше. Так, любое решение по нацменьшинствам тесно связано с русским вопросом: кто защищает украинский язык и украинские национальные интересы, того часто обвиняют в антирусской ориентации. Но на самом деле больше всего страдают все другие — как мы отмечали, численно небольшие — нацменьшинства. Те, кто пытается найти выход посредством решения русского вопроса, обвиняются в отсутствии национального духа. Неспособность разрешить эту ситуацию вызывает большинство политических бурь. Когда нацменьшинства пытаются вмешаться в эту игру, о равных условиях говорить не приходится⁴³.

По результатам осенних парламентских выборов 2012 г. в парламент прошло 5 партий, большинство депутатов, избранных по мажоритарной системе, также были выдвинуты от этих партий: Партии регионов, партии «Батьківщина» (бывший БЮТ), партии «Удар», лидером которой является известный боксер Виталий Кличко, Коммунистической партии (единственной партии, попадавшей до сих пор во все созывы парламента) и радикальной националистической партии «Свобода»⁴⁴. Настоящим сюрпризом оказалась именно «Свобода», поскольку большинство аналитиков рассчитывало, что она пройдет в парламент, но никто не ожидал, что она наберет более 10 % голосов. Необходимо отметить, что в украинском парламенте впервые представлена партия такого направления, поэтому нет непосредственного опыта в том, к чему это может привести (европейские примеры очень разные).

Накануне выборов самые громкие дискуссии развернулись вокруг вопроса формирования избирательных округов. Венгерское правительство попыталось содействовать тому, чтобы среди избирательных округов Закарпатья был создан «венгерский округ», где будет шанс на избрание народного депутата —

венгра по национальности. Закарпатские венгры в период парламентских циклов с 1994 по 2006 г. имели одного представителя в парламенте, но на последних двух выборах (2006, 2007 гг.) такого результата достичь не удалось. «Венгерский округ», который однозначно привел бы к открытому противостоянию двух венгерских партий — Демократической партии венгров Украины (ДПВУ) и «КМКС Партии венгров Украины», — так и не был создан. Вместо этого была предпринята попытка закулисных договоренностей. Глава ОВКЗ Миклош Ковач открыто заявил, что «украинское руководство страны предложило венгерскому населению включить в проходную часть списка Партии регионов в Верховную Раду представителя закарпатских венгров [...]. Венгерское правительство осталось на своей позиции и придерживалось принципа, что главной задачей выборов является обеспечение представительства интересов закарпатских венгров, а не просто присутствие в парламенте. [...] Венгрия не согласилась на предложение украинской стороны, поскольку раньше просила Киев не о венгерском народном депутате, а о “венгерском округе”, что украинская сторона не осуществила [...]»⁴⁵. Такое решение создало новые возможности для Демократической партии венгров Украины, которой Партия регионов предложила место в проходной части списка, решив таким образом вопрос венгерского представительства в парламенте. ДПВУ во время президентской избирательной кампании 2010 г., исходя из негативного опыта инициатив Вакарчука, заключила стратегический союз с Партией регионов, представитель ДПВУ принимал участие в работе комиссии по разработке закона «Об основах государственной языковой политики» и Конституционной ассамблеи, но до этого момента речь о возможности включения кандидата от ДПВУ в избирательный список Партии регионов не шла. Если посмотреть результаты местных выборов в Закарпатье в 2010 г., то на областном, районном и городском уровне среди депутатов венгерских партий 60,2 % — представители ДПВУ, 39,8 % — «КМКС Партии венгров Украины». А вот на уровне поселков и сел, где проживает 64,6 % венгров, эти партии почти не представлены, абсолютное большинство депутатов-венгров — независимые⁴⁶.

«КМКС Партии венгров Украины» выдвинула своих кандидатов в трех мажоритарных избирательных округах. Исходя

из особенностей избирательной системы и небольшой доли венгерского населения в этих округах, на успех рассчитывать не приходилось, но результаты оказались еще скромнее ожидаемых⁴⁷. А вот кандидат ДПВУ прошел в парламент по списку Партии регионов.

К открытым вопросам венгерско-украинских отношений относится проблема двойного гражданства. На Украине в правовом смысле институт двойного гражданства не предусмотрен. Пока что украинская сторона не предпринимает попыток официально решить эту проблему, хотя в парламенте зарегистрировано несколько законопроектов, связанных с этой проблемой. Для граждан Украины она актуальна не только из-за Венгрии, и замалчивать ее нельзя⁴⁸.

Второй открытый вопрос — это смешанная комиссия по проблемам обеспечения прав нацменьшинств. Пятнадцатое заседание межправительственной Украинско-венгерской комиссии по вопросам обеспечения прав национальных меньшинств в Будапеште 19 декабря 2011 г. закончилось без подписания протокола. В истории комиссии, созданной согласно подписанной министрами иностранных дел 31 мая 1991 г. «Декларации о принципах сотрудничества между Украинской ССР и Венгерской Республикой по обеспечению прав национальных меньшинств», такого еще не случалось. Несмотря на преимущественно символическое содержание протокола, комиссия является форумом, где можно взаимно обсудить вопросы, касающиеся нацменьшинств.

Венгрия с самого начала поддерживала подписание соглашения об ассоциации ЕС — Украина. В связи с этим министр иностранных дел Я. Мартони высказался по поводу председательства Венгрии в ЕС следующим образом: «Мы принимаем во внимание, что в нынешней ситуации для Украины очень важными остаются отношения с Россией. Мы не желаем идти путем принуждения, а пытаемся утвердить желание Украины интегрироваться в Европейский Союз, предложив партнерское сотрудничество и практические преимущества»⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., 2003. С. 46.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 255., 258—259.

⁴ *Tóth M.* Az 1996. évi ukrán alkotmány megszületése // Pro Publico Bono. Állam- és Közgazdaságtudományi Szemle. 2011. № 1. С. 86, 88.

⁵ *Екельчик С.* История Украины. Становление современной нации. Киев, 2010. С. 246.

⁶ Там же. С. 290—295.

⁷ См.: *Мищик Ю., Бажан О., Власов В.* Історія України. Київ, 2008.

⁸ *Páldi A.* Egyre távolabb Moszkvától. Egy diplomata kijevi emlékei 1986—1992. Budapest, 1996. С. 254.

⁹ *Keskeny E.* A magyar—orosz kapcsolatok 1989—2002. Budapest, 2012. С. 82.

¹⁰ Ibid.

¹¹ См.: *Бабинець І.* Становлення українсько-угорських міждержавних відносин (1991—1993 рр.) // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 12. Відп. ред. С. Віднянський. К., 2003. С. 85—94.

¹² *Keskeny E.* Op. cit. С. 96.

¹³ См.: *Лоїко Л.* Громадські організації етнічних меншин України: природа, легітимність, діяльність. Київ, 2005. С. 273—279.

¹⁴ Україна: антологія пам'яток державотворення. Х—ХХ ст.: у десяти томах. Т. Х. Відродження й утвердження української державності (1987-2005 роки). Дорога до себе. Редкол.: І. Дзюба та ін. Київ, 2009. С. 235—236.

¹⁵ *Екельчик С.* Указ. соч. С. 295—301.

¹⁶ *Середа В.* Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. Под ред. Л. Дробичевой, Е. Головахи. Київ, 2007. С. 69—96.

¹⁷ *Tóth M.* Op. cit. С. 91—93.

¹⁸ Ibidem. С. 302—306, 308.

¹⁹ *Magyar Külpolitikai Évkönyv 2000.* Budapest, 2001. С. 287—288.

²⁰ *Magyar Külpolitikai Évkönyv 1999.* Budapest, 2000. С. 306.

²¹ *Fedinec Cs.* Magyarorszáг az ukrán külpolitikában // *Limes.* 2008. №3. С. 302.

²² [Sz. L. L.] Kijev a vízumentesség mellett. // *Népszabadság.* 2002. augusztus 23.

²³ *Зленко А., Мартоні Я.* Україна — Угорщина: про пройденний шлях і про спільні прагнення на майбутнє. // *Дзеркало тижня.* 2002. № 4.

²⁴ *Євтух В.* Тенденції етнонаціонального розвитку українського суспільства. // *Človek a spoločnosť.* 2001. № 3; *Котигоренко В.* Становлення державного етнополітичного менеджменту в Україні. // *Політичний менеджмент.* 2004. № 6. С. 48—63.

²⁵ Magyar Külpolitikai Évkönyv 2001. Budapest, 2002. C. 236.

²⁶ Magyar Külpolitikai Évkönyv 2000. C. 362.

²⁷ *Лєбович В.* До питань українсько-угорського співробітництва у галузі освіти. // Розвиток гуманітарного співробітництва в українсько-угорському прикордонному регіоні: аналіз, оцінки. Ужгород, 2011. С. 203.

²⁸ Magyar Külpolitikai Évkönyv 2003. Budapest, 2004. C. 359—360.

²⁹ См.: *Портнов А.* Упражнения с историей по-украински (Заметки об общественных измерениях функционирования истории в постсоветской Украине) // *Ab Imperio*. 2007. № 3. С. 93—138.

³⁰ *Tóth M.* Op. cit. C. 94.

³¹ А КМКСЗ választási megállapodást írt alá az ukrán ellenzéki elnökjelölttel. (MTI — fideszfrakcio.hu) <http://www.fidesz.hu/index.php?Cikk=30814>.

³² Magyar Külpolitikai Évkönyv 2005. Budapest, 2006. C. 211.

³³ См.: *Середа В.* Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Magyar Külpolitikai Évkönyv 2007. Budapest, 2008. C. 272.

³⁸ Ibid. C. 340.

³⁹ *Csernicskó I.* Nyelv, oktatás és azonosságtudat összefüggései Ukrajnában. // *Nyelv, identitás és anyanyelvi nevelés a XXI. században*. Szerk. Karmacs Z., Márku A. Ungvár, 2009. C. 30.

⁴⁰ Magyar Külpolitikai Évkönyv 2009. Budapest, 2010. C. 496—497.

⁴¹ Ibid. C. 245.

⁴² *Tóth M.* Op. cit. C. 96.

⁴³ См.: *Fedinec Cs., Csernicskó I.* Nyelvtörvény Saga Ukrajnában: a lezáratlan 2012-es fejezet. // *Kisebbségkutatás*. 2012. № 3. C. 568—609.

⁴⁴ Центральна виборча комісія: «ВИБОРИ народних депутатів України 2012» — <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp001#>.

⁴⁵ А КМКСЗ önállóan indul a választásokon. Választmányi ülés Bustyaházán. // *Kárpátalja*. 2012. Vol. 12. № 27.

⁴⁶ Місцеві Вибори України. <http://www.cvk.gov.ua/pls/vm2010/wp001>.

⁴⁷ Ukránokra szavaztak a kárpátaljai magyarok. (Kárpátalja.ma) <http://www.karpatalja.ma/karpatalja/nezopont/14294-ukranokra-szavaztak-a-karpataljai-magyarok>.

⁴⁸ См.: *Fedinec Cs.* Állampolgársági határok Ukrajnában // *Limes*. 2011. № 3. C. 43—54.

⁴⁹ *Urkuti Gy.* Hol van Európa lelke? Interjú Martonyi János külügyminiszterrel // *Európai Tükör*. 2010. Vol. 15. № 9. C. 8.

Г.П. МУРАШКО

(МОСКВА)

Некоторые аспекты конфессиональной политики в отношении национальных меньшинств в странах Восточной Европы после Второй мировой войны

Одной из острых проблем послевоенной политической жизни стран Восточной Европы являлась проблема национальных меньшинств: украинцев, веками проживавших на территории Волыни и Галиции в Польше, русин и украинцев в Чехословакии, румын, находившихся среди венгерского большинства в Трансильвании. После окончания Второй мировой войны и установления новых государственных границ в регионе, на рубеже 40—50 гг. XX в. эта проблема приняла форму острого национально-конфессионального конфликта. Он завершился официальной ликвидацией греко-католической церкви, объективно являвшейся носителем национального самосознания для части украинцев, русин и румын, отделенных в процессе исторического развития Европы от своих соотечественников государственными границами, властями как СССР, так Польши, Чехословакии и Румынии. Для этих меньшинств принадлежность именно к греко-католической церкви являлась показателем, определяющим их общую национальную идентичность и выделявшим их среди наций государственно-образующих, которые исповедовали в подавляющем большинстве католицизм или православие.

Наибольшую группу греко-католиков в регионе представляли этнические украинцы. На их долю в довоенной Польше приходилось в 30-е гг. XX в. 10—11 % всех верующих граждан Польши. В Чехословакии украинские, русинские и словацкие униаты составляли 6,5 % верующих. В Венгрии около 3 %, в Румынии почти 8 % населения признавали унию с Ватиканом¹. При этом, говоря о Румынии, важно иметь в виду то, весьма су-

щественное обстоятельство, что в отличие от Польши, Чехословакии и Венгрии, где униаты были инонациональным меньшинством, не имевшим своего представительства во власти, в Румынии подавляющая часть униатов относилась к титульной нации. Они располагали еще в межвоенный период своим политическим представительством во власти в лице весьма влиятельной в румынском довоенном обществе национал-царанистской партии, возглавляемой Ю. Маниу, униатом по вероисповеданию.

Это обстоятельство существенно отличало положение греко-католической церкви в Румынии от положения аналогичного института в других странах рассматриваемого региона: для украинцев, русин, разьединенных государственными границами, принадлежность к греко-католической церкви становилась важнейшим показателем, определяющим их общую национальную идентичность, их особое положение среди других наций — поляков, чехов, словаков, венгров, являвшихся государствообразующими нациями и исповедующими в подавляющем большинстве католицизм.

Наибольшее влияние в регионе имела греко-католическая церковь, объединяющая украинское меньшинство, проживающее на территории Польши и возглавляемая митрополитом А. Шептицьким. Еще в 1918 г. он сформулировал свою позицию, заявив: «Исторические судьбы Украины и Великороссии — различны»². В период распада Австро-Венгерской монархии Шептицький активно выступал за создание независимого украинского государства. К началу 30-х гг. XX в. он установил достаточно прочные контакты с праворадикальной организацией украинских националистов (ОУН), которая напрямую связывала создание «соборной незалежной Украины» с победой Германского рейха.

Однако политические реальности первой половины 40-х гг. XX в. уже достаточно ясно показали, что создание украинского независимого государства отнюдь не входило в планы нацистов. Материалы допросов украинских униатских священников, арестованных органами НКВД в 1944—1945 гг., хранящиеся в фондах ГАРФ, показывают, что уже осенью 1941 г. низовое греко-католическое духовенство на территории Волыни, Галиции и Западной Украины стало подвергаться арестам со стороны германских оккупационных властей именно за распростране-

ние среди украинского населения призывов к борьбе за независимую Украину³.

Создание независимого украинского государства под эгидой Германии оказалось иллюзией, и в польско-украинском приграничьи развернулась острая межнациональная польско-украинская борьба, которую польский исследователь Р. Тожецкий определил как столкновение двух национализмов. Сам же митрополит Шептицкий к 1944 г. характеризовал ситуацию следующим образом: «Вся Волынь и частично Галиция заполнены бандами, которые имеют совершенно определенный политический порядок. Есть банды, которые состоят из поляков, другие из украинцев, третьи из коммунистов... Приход большевиков, возможно, будет полезным в том смысле, что положит конец анархии, которая царит на всей [земле]»⁴.

В российских архивах имеются убедительные материалы, свидетельствующие о том, что Шептицкий и часть украинского греко-католического епископата к концу войны, когда стало совершенно очевидно, что ставка на Германию, как гаранта будущей украинской государственности оказалась несостоятельной, вынуждены были сменить свою политическую ориентацию, отказавшись от прямого противостояния с СССР. Это документально подтверждается письмом главы украинской греко-католической церкви И.В. Сталину от 10 октября 1944 г. Оно начинается словами благодарности, обращенными к «Вождю» «за присоединение западно-украинских земель к Великой Украине и за осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве»⁵. Текст письма ясно свидетельствовал, что митрополит зондировал почву для налаживания контактов и начала диалога с Москвой.

Возникает вопрос — почему советская сторона пошла в 1944 г. на диалог с украинской греко-католической церковью, отмеченной «коричневым пятном» сотрудничества с фашизмом? Объяснение здесь может быть одно — стремление поставить под свой контроль ту часть греко-католического епископата, которая поддержала Шептицкого, и через него попытаться ослабить националистическое украинское подполье. Именно эта задача и рассматривалась Москвой как сверхважная для западной Украины и всего советско-польского и чехословацкого пограничья. Интересы Москвы, Варшавы и

Праги здесь, безусловно, совпадали. Курс на компромисс с униатами стал в политике СССР приобретать реальные очертания осенью 1944 г. Тогда на уровне В.М. Молотова и Н.С. Хрущева начали прорабатываться практические вопросы функционирования греко-католической церкви, на местах началась регистрация церковных религиозных общин, которым стали передаваться в бессрочное пользование культовые сооружения.

Однако смерть митрополита Шептицкого в ноябре 1944 г. и утверждение главой украинской греко-католической церкви митрополита Иосифа Слипого, отнюдь не разделявшего курса на компромисс с советской властью, изменили соотношение сил внутри церковной униатской верхушки. Советская сторона опасалась, что Слипый предпримет попытку, опираясь на часть епископата и низовое духовенство, тесно связанное с ОУН—УПА, восстановить прерванные отношения с Ватиканом и развернуть кампанию по массовому переходу униатов в католичество. Такие опасения и стали, по-видимому, причиной резкой смены советским руководством уже начавшего реализовываться курса на компромисс с греко-католической церковью.

В феврале 1945 г. И.В. Сталин как глава правительства подписал документ, разработанный в Совете по делам Русской Православной церкви. Это был по сути дела план «по проведению некоторых мероприятий на Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, а также за границей, призванных сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви и униатства»⁶. В нем прямо говорилось о том, что внутри греко-католической церкви, которая однозначно расценивалась как «вдохновитель украинского национального движения, положившего начало бандеровскому и оуновскому бандитизму», уже создана инициативная группа, целью которой «является декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие»⁷.

Собравшийся под бдительным оком советских органов безопасности весной 1946 г. во Львове собор украинской греко-католической церкви принял искомое властью решение: признал Брестскую унию с Ватиканом, заключенную в 1596 г., расторгнутой, и украинская греко-католическая церковь в СССР, таким образом, «воссоединялась» с православной церковью.

В конкретной обстановке середины 1940-х годов, сложившейся в восточноевропейском регионе, решение Львовско-

го собора следует рассматривать как своего рода сигнал для сопредельных с СССР государств. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы Совета по делам РПЦ свидетельствуют о том, что данный сигнал был услышан и принят. Отнюдь неслучайно уже 17 июня 1946 г. вопрос о судьбах греко-католиков стал предметом обсуждения в Праге на встрече президента Чехословакии Э. Бенеша с Г.Г. Карповым, возглавлявшим Совет по делам русской Православной церкви. Как сообщал Г.Г. Карпов в своей информационной записке И.В. Сталину (28 июня 1946 г.), обсуждая вопрос о ликвидации Брестской унии на Львовском соборе, президент Бенеш говорил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос, а церковный вопрос есть почти национальный, и Вы, господин Карпов, умело осуществляете большое государственное дело... Я думаю, что это очень скоро будет и у нас, что первыми присоединятся к православной церкви униаты. Там есть хорошие люди, хотя католики в Словакии очень злые (активные). Начинать надо с Вашей Закарпатской Украины, затем в Румынии, а потом уже у нас»⁸. Анализируя эту беседу, важно отметить два, на наш взгляд, важные моменты:

1. Предлагаемая Э. Бенешем очередность ликвидации униатской церкви и результативность этой акции связывалась им с наличием в той или иной стране православной церкви и прочностью ее общественных позиций.

2. Бенеш совсем не случайно не упомянул Польшу, где в это время польское правительство проводило весьма жесткие акции по выселению украинского населения из восточных районов Польши на западные земли, ликвидируя таким образом очаги компактного проживания национальных меньшинств. Эти акции, естественно встречали ожесточенное сопротивление украинцев, получавших прямую поддержку отрядов Украинской повстанческой армии. Бенеш же совершенно очевидно ориентировался на решение вопроса в мирных формах.

Карпов, доводя до сведения Сталина настроения пражской политической элиты, предлагал «принять меры к разложению униатской церкви в Словакии и постепенному ее переводу в православие»⁹. Но важно отметить, что он при этом не указывал каких-либо конечных сроков, ориентируясь, по-видимому, на достаточно длительный период перехода униатов Чехословакии в православие.

Для нас важно также видеть разницу в подходах к обсуждаемой проблеме. Если Бенеш рассматривал перевод греко-католиков в православие, как меру сугубо внутривосточную, направленную на ослабление позиций словацкого католицизма, то Карпов видел в воссоединении двух конфессий прежде всего возможность укрепить позиции православия в лице РПЦ, а следовательно и возможности советского влияния в регионе. На рассмотренном примере видно, как внутренний и внешний фактор «замыкались» друг на друга: послевоенная чешская политическая элита и Москва на данном этапе развития в силу разных причин оказывались заинтересованными в ликвидации греко-католической церкви.

Сопоставительный анализ развития событий в странах Восточной Европы позволяет говорить, что момент «замыкания» внутреннего и внешнего фактора в сфере конфессиональной политики наглядно прослеживается и в послевоенной Румынии, правда с несколько иным акцентом. Здесь в условиях подъема разных по направленности национальных настроений, вызванных возвращением в состав страны многонациональной Трансильвании, конфессиональный фактор приобрел особую актуальность в политической борьбе, развернувшейся в послевоенном румынском обществе в 1945—1947 гг.

Формула «румын — значит православный», традиционная для самосознания подавляющей части населения страны, оказалась востребована румынской политической элитой в новых послевоенных условиях. После прихода к власти (при весьма активной поддержке советской стороны) коалиционного правительства Петру Грозы эта формула обрела новую четкую политическую направленность. Она была откровенно ориентирована против национально-царанистской партии Маниу, которая являлась наиболее активной силой, выступавшей на внутривосточной арене как против коалиционного правительства Петру Грозы, так и против программы Национально-демократического фронта. В основу его, как известно, была положена идея сплочения румынской нации во имя демократизации общественного порядка.

Румынские униаты не выступали в политической борьбе в качестве самостоятельного субъекта, а шли за спиной партии Маниу. Поэтому не удивительно, что судьба греко-католической церкви в Румынии напрямую зависела от победы или по-

ражения национал-царанистов в развернувшемся после марта 1945 г. внутривосточном противостоянии. Если православная румынская церковь традиционно заняла позицию поддержки коалиционного правительства П. Грозы, то униаты Трансильвании резко негативно восприняли коалиционную власть. Греко-католические иерархи оказались в политически сложной ситуации, выступая как деструктивная сила, представлявшая угрозу национально-конфессиональной консолидации румынского общества в новых государственных послевоенных границах. Попытки правительства привлечь греко-католический епископат и духовенство к взаимопониманию и сотрудничеству не находили позитивного отклика в этой среде. Решение правительства провести на пост митрополита свою кандидатуру было заблокировано Ватиканом и завершилось назначением в Румынию апостольского администратора в лице епископа Сучу, являвшегося последовательным сторонником Маниу.

К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом российских архивов, который бы отражал отношение Москвы к событиям, происходившим вокруг греко-католиков Румынии. Пожалуй, единственным документом здесь остается упоминаемая уже беседа Г.Г. Карпова с президентом Чехословакии Э. Бенешем от июня 1946 г. В ходе ее Бенеш поставил Карпову вопрос: «Что же предполагается сделать с униатами в Румынии?». Карпов ответил: «Это не дело Советского правительства, а Румынского правительства и румынской церкви»¹⁰. Такой ответ явно свидетельствовал о том, что Москва, будучи хорошо информирована о конфессиональной ситуации в Румынии, прекрасно понимала, что Румынская православная церковь, занимая проправительственные позиции, сумеет поглотить греко-католиков Трансильвании. Для советской стороны тогда значительно важнее было разрешение политического противостояния в Румынии в пользу коммунистов, чем немедленное решение судьбы указанного вероисповедного института.

Поражение национал-царанистов на выборах ноября 1946 г. было использовано правительством для ограничения позиций всех конфессий. Принятые законы делали возможной чистку церковного аппарата от неудобных властям священнослужителей. Но это была только прелюдия, подготовка к тотальному наступлению на оппозиционные власти конфессиональный институт. Оно началось после принятия в 1948 г.

новой конституции, официально провозгласившей принцип свободы и равенства граждан в сфере вероисповедания. Но вместе с тем в конституции появилась статья, исключавшая присутствие церкви в системе общеобразовательной школы и вводившая контроль государства за деятельностью религиозных учебных заведений.

Греко-католический епископат отреагировал на новую конституцию резким письмом на имя нового премьер-министра, коммуниста Г. Георгиу Дежа: «У нас можно силой отобрать учреждения, которые зиждутся на поту и крови наших предков, но у нас невозможно отобрать убеждение, что в отношении нас совершается несправедливость... Мы чувствуем себя обязанными вести борьбу беспрестанно, всеми нашими силами и всеми законными средствами»¹¹. Это письмо было расценено правительством как свидетельство готовности румынской греко-католической церкви к сопротивлению действиям государства. Ответом стал отказ правительства от конкордата, заключенного Румынией с Ватиканом в 1927 г. Тем самым власть получала возможность действовать в отношении униатов по собственному усмотрению, опираясь на собственные законы. Теперь униаты оставались один на один с новым государством, которое принятием декрета от 1 декабря 1948 г. и ликвидировало существование всех структур греко-католической церкви в Румынии. Министр по делам культов С. Стоян, комментируя принятый декрет, настойчиво подчеркивал, что «уния с Римом не была результатом инициативы румынского народа, который всегда был связан с восточной традицией православной церкви»¹². Он определил униатскую церковь не только как «антидемократическую», но как «антирумынскую». Это стало наглядным свидетельством, что в новых условиях, новой правящей элитой была взята на вооружение официальная идея, выдвинутая еще в 30-х годах XX в., «румын — значит православный». Коммунистические власти, опасаясь, что сопротивление униатского духовенства и верующих переводу их в православие станет фактором, дестабилизирующим ситуацию в Трансильвании, пошли на реанимирование старой идеи.

По существу аналогичный прием был применен и в Чехословакии. Здесь реанимация выше рассмотренной бенешевской идеи относительно возвращения униатской церкви в Словакии в лоно православия произошла в августе 1948 г. Именно

КПЧ, став после февральского кризиса 1948 г. фактически монополюбно правящей партией, выдвинула в конфессиональной сфере в качестве первоочередной весьма амбициозную задачу отрыва от Ватикана как римско-католической, так и греко-католической церкви.

Такой курс рассматривался новой правящей элитой не только как мера по ограничению идеологического влияния Запада на умы и настроения в чешском и словацком обществе, но и как важнейший шаг на пути подчинения церковных институтов контролю нового государства и превращения их в инструмент государственной политики. 30 августа 1948 г. на совещании в ЦК КПЧ, при обсуждении проблемы взаимоотношений власти и церкви был напрямую поставлен вопрос о том, что греко-католическая церковь «не будет существовать как самостоятельная, поскольку будет присоединена к православной»¹³.

Советская сторона уже в ноябре 1948 г. располагала сведениями о подготовке властями мер, направленных на ликвидацию греко-католической церкви в Словакии. Причем центральную роль в этом должны были сыграть судебные процессы над священнослужителями — пособниками ОУН—УПА. Мы располагаем документами российских архивов, свидетельствующими, что такая активность чехословацких властей вызвала серьезную обеспокоенность советской стороны. В ноябре 1948 г. зам.министра иностранных дел В.А. Зорин, курировавший церковную политику в странах Восточной Европы, просил Карпова срочно сформулировать мнение Совета по делам РПЦ в отношении акций, намеченных чехословацким правительством по ликвидации униатской церкви¹⁴.

На основе анализа ситуации Совет РПЦ пришел к выводу, что мероприятия по ликвидации греко-католической церкви «являются для Чехословакии преждевременными и могут привести к нежелательным результатам — то есть к переходу греко-католиков к римо-католикам, а репрессивные акции против греко-католического духовенства, уличенного в связях с националистическим подпольем, вряд ли вызовут отход униатских верующих от церкви»¹⁵. Было очевидно, что план, разработанный в Праге, в Москве был расценен как тактически не адекватный ситуации. К сожалению, мы не располагаем материалами, свидетельствующими о прямой реакции Праги на позицию Москвы. Тем не менее, судя по работам наших

словацких коллег, можно сделать вывод, что в 1949 г. вопрос об униатах стал рассматриваться чехословацкой стороной уже в несколько ином ключе. Теперь больший акцент стал делаться на том, чтобы не допустить латинизации греко-католиков и развивать в их среде движение за возвращение в православие.

Однако в церковной комиссии ЦК КПЧ, возглавляемой А. Чепичкой, вопрос о судьбах униатской церкви оставался одним из актуальных. Об этом наглядно свидетельствует встреча А. Чепички с экзархом Московской патриархии в Чехословакии митрополитом Елеферием в августе 1949 г. Причем, важно отметить, что инициатором этой встречи была чехословацкая сторона. Чепичка высказал предложение «об активизации работы православной церкви в Словакии», мотивированное тем, что «в настоящее время для православной церкви созданы благоприятные условия,.... чтобы перевести несколько сот тысяч верующих униатов в православие». Однако митрополит занял весьма осторожную позицию, которая вытекала из позиции Совета по делам РПЦ. Он прямо заявил, что единственную возможность роста для православной церкви он видит только в перспективе перехода греко-католических приходов в православие, подобно тому как это было сделано в Румынии. Но он настойчиво подчеркивал, что «для этого не созданы благоприятные условия».¹⁶

Сопоставляя данные позиции, можно четко проследить существенно различающиеся цели в решении униатской проблемы. Чехословацкая сторона, прилагая усилия для форсирования темпов объединения греко-католиков с православной церковью, рассчитывала превратить последнюю, как силу, лояльную новому политическому режиму, в инструмент для раскола католического фронта, взявшего на себя к этому времени роль легальной оппозиции власти коммунистов. Совет по делам РПЦ и Московская патриархия, напротив, не торопились форсировать события, направленные на ликвидацию Ужгородской унии, понимая ее возможные негативные последствия в силу слабости позиций православной церкви в Словакии.

Однако предложение активизировать деятельность православной церкви против униатов, несмотря на протесты Совета по делам РПЦ, доказывающего преждевременность акции по ликвидации Ужгородской унии,¹⁷ получило активную поддержку советского посольства в Праге, и советских высших инс-

танций. Чехословацкие власти добились желаемого. 28 апреля 1950 г. на соборе в Прешове была официально провозглашена ликвидация Ужгородской унии. При этом интересно отметить, что, по секретным сообщениям из Прешова, поступившим в канцелярию президента Готвальда, только 50 % униатских священников более или менее поддерживали идею перехода в православие, 20 % были решительно настроены против, а 30 % не заняли какой-либо определенной позиции¹⁸. Сообщалось также, что среди униатского населения в Кошицком и Прешовском краях, особенно после закрытия монастырей и изоляции греко-католических епископов П. Гойдича и В. Гупко широкое распространение получило движение по защите священников от визитов представителей госбезопасности и местных властей разных уровней. Дома священников стали охраняться прихожанами.

С осени 1950 г., по сведениям, поступившим в Москву, переход униатов в православие вступил в стадию застоя. Митрополит Елеферий прекрасно осознавал всю призрачность результатов акции по ликвидации греко-католической церкви. По его словам, из 258 священников-униатов 150 отказались перейти под управление Московской патриархии и были выселены в Моравию, а еще 50 наиболее активных униатских священнослужителей были арестованы.¹⁹

Лишь к 1954 г. в чехословацких властных структурах началось постепенное осознание иррациональности политики, проводимой в отношении униатов. К. Бацилек, будучи первым секретарем ЦК КПС, откровенно признал в беседе с генконсулом СССР В.Д. Каракиным, что в 1950 г. была допущена серьезная ошибка. «Не надо было переводить неподготовленное, религиозное до фанатизма отсталое крестьянское население в другую религию, а если переводить, то не надо было торопиться. Теперь старую ошибку нужно исправлять... Возврата к официальному разрешению униатской церкви в Словакии нет, но трудно что-нибудь придумать для удержания этих людей (всего около 200 тыс. семей) в православии»²⁰.

Подводя итог, сегодня можно сказать, что весь комплекс мероприятий, проведенных в рассмотренных странах на рубеже 1940—1950-х гг. XX в. по разрушению организационных структур греко-католической церкви, как вероисповедного института национальных меньшинств в странах Восточной Европы, дал весьма кратковременный эффект. Практически

уже к середине 1950-х гг. для правящих коммунистических элит стало очевидно, что запрещенная униатская церковь, действуя в подполье, не только сохранила свою паству, но и сумела восстановить свои организационные структуры. Первые же политические кризисы в странах Восточной Европы (1956, 1968, 1970 гг.) показали, что этот вероисповедный институт, выражающий интересы национальных меньшинств, вновь стал активно выступать на арене общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50 годов XX в. М., 2008. С. 372.

² См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Н. Мухиной. М., 1994. С. 306.

³ Кравчук А. Християнська соціальна етика під час німецької окупації Галичини 1941—1944 // Ковчег. № 2. Львів, 2000. С. 238.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Архив Президента РФ. Ф. 3, Оп. 60. Д. 5. Л. 94.

⁶ Исторический архив. М. 2000. № 2. С. 178.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 95; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 73. Л. 116.

⁹ Архив Президента РФ. Ф.3. Оп. 6. Д. 5. Л. 96.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

¹¹ Цит. по: Волокитина Т. В. Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ соч. С. 431.

¹² Gillet O. Religion et nationalisme. L'idéologie de l'Eglise orthodoxe roumaine sous le régime communiste. Bruxelles. 1997. P. 112.

¹³ Cirkovni komise ÚV KSČ. Edice dokumentů. Sv.1. 1949—1951. Brno, 1994. S. 23.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 185.

¹⁵ Там же. Л. 187—188.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 126.

¹⁷ Совет по делам РПЦ направил письмо на имя В.А. Зорина, в котором открыто высказывались опасения в успехе этой акции. См. подробнее об этом: Г.П. Мурашко. Избранное. М., 2011. С. 167—168.

¹⁸ Narodni Archiv Ceske Republiky F.110/24. Sv. 49. A.j.871. l. 36.

¹⁹ ГАРФ. Ф.6991. Оп. 1. Д. 1101. Л.193—193 об.

²⁰ Там же. Д. 1321. Л. 31.

Е.П. СЕРАПИОНОВА

(МОСКВА)

Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии XX—XXI вв.

Проблема национальных меньшинств все межвоенное двадцатилетие играла очень важную роль в Чехословацкой республике¹. Как это ни парадоксально, образованная в 1918 г. на принципе национального самоопределения ЧСР стала многонациональным государством. Самой большой проблемой для Чешских земель являлось немецкое «меньшинство», проживавшее достаточно компактно в Судетах и на юге Моравии, а для Словакии — венгерское меньшинство, сосредоточенное на ее южных границах. Сразу после образования республики возникли трения с Польшей из-за Тешинской Силезии, с районами, преимущественно населенными поляками, и смешанными, с немецким, чешским, еврейским и польским населением. После образования Чехословацкой республики четыре немецкие провинции заявили о своем нежелании входить в Чехословацкое государство и о намерении присоединиться к Австрии, и вместе с Австрией — к Германии. Так как в результате переговоров проблему решить не удалось, потребовалось наведение порядка в этих провинциях путем ввода чехословацких войск. До середины 1920-х годов немецкие политики игнорировали участие в политической жизни страны².

Венгры, оказавшиеся вне границ своего государства, также не переставали надеяться, что территории, на которых они проживали, вновь будут присоединены к Венгрии, и не могли смириться с Трианонскими решениями. Накануне Трианона надежды венгров на сохранение территориальной целостности Венгерского королевства особенно усилились. Из сведений,

полученных 4 февраля 1919 г. от пленных летчиков — венгров Полниша Отто и Сутока Коломана можно было узнать, что «в Венгрии все верят, что мирная конференция вернет венграм венгерские города — Братиславу, Комарно, Кошицы и Ужгород (так в тексте. — *Е.С.*) и значительную часть Баната»³. И позже венгры считали государства, включившие бывшие венгерские территории в свой состав, нежизнеспособными⁴.

Между Польшей и ЧСР в январе 1919 г. даже вспыхнула так называемая недельная война из-за Тешина, а также спорных районов на границе со Словакией (Спиш, Яворина). Раздел союзниками Тешинской Силезии в 1920 г. не удовлетворил ни одну из сторон, но все-таки Чехословакия выиграла от раздела. Лишь к середине 1920-х гг. ЧСР удалось несколько улучшить отношения с Польшей и подписать с ней ряд соглашений⁵.

Обстановка осложнялась и тем, что в состав Чехословакии была включена Подкарпатская Русь с преимущественно русинским населением, которой по мирным договорам и по Конституции (1920 г.) полагалась автономия⁶, но введена она была лишь в ноябре 1938 г., уже после Мюнхена⁷.

Сама теория «чехословакизма» (единого чехословацкого народа) появилась из-за больших по численности национальных меньшинств, часто нелояльно настроенных к новому государству⁸.

Согласно чехословацкой переписи 1921 г., в республике проживало 13 млн 613 тыс. 172 чел. Из них чехов и словаков (общий подсчет) — 8 млн 760 тыс. 937 (65,51 %), немцев — 3 млн 123 тыс. 568 (23,36 %), венгров — 745 тыс. 431 (5,57 %), «русских» (под этим подразумевались русские, украинцы, белорусы и русины) — 461 тыс. 849 (3,45 %), евреев — 180 тыс. 855 (1,35 %), поляков — 75 тыс. 853 (0,57 %). Кроме того, в республике проживали румыны, цыгане, югославы и представители других национальностей. Иностранцев насчитывалось 238 тыс. 808 чел.⁹

В международно-правовом и внутри-правовом плане права национальных меньшинств в ЧСР гарантировались Версальским, Сан-Стефанским и Трианонским договорами и февральской Конституцией 1920 г., 6-я глава которой специально посвящалась правам расовых, религиозных и национальных меньшинств¹⁰. Однако на практике законы часто не соблюдались. Унитарное централизованное устройство государства и

засилье чешских чиновников вызывали раздражение и неприятие со стороны представителей национальных меньшинств, иногда видевших даже в объективных процессах (например, закрытие немецких школ в виду снижения числа учащихся в некоторых районах) «злую волю» и «специальный умысел» властей.

Национальные активисты, поддерживаемые, в том числе и материально, из-за границы, на протяжении всего межвоенного периода выдвигали требования предоставления автономии Подкарпатской Руси, решения насущных проблем, ратовали за проведение более взвешенной политики чехословацкими властями в отношении национальных меньшинств. Так, 9 сентября 1919 г. был основан кружок венгерских словаков во главе с Павлом Обершаллом, профессором Академии права в Будапеште. Он получил от венгерского правительства 8 млн крон на пропагандистскую деятельность. Его активными членами состояли: д-р Карол Булисс, редактор Людовит Штейер и Гейза Гаспар. В Будапеште действовала также военная организация офицеров «Move» — Венгерский земский оборонительный союз, занимавшийся пропагандой и разведкой. Третья организация под названием «Оборонительная лига за целостность государства» («Tevel») под председательством того же П. Обершалла имела пропагандистов и агитаторов в Ужгороде, Кошицах и Лученце¹¹. Некоторые союзы и общества действовали под патронатом министра национальных меньшинств д-ра Якуба Блейера (Jakub Vleayer). Венгерское министерство меньшинств имело словацкий отдел¹². При этом представители меньшинств нередко апеллировали к западным союзникам (в основном к Великобритании) и к Лиге Наций, где пытались отстоять свои права. Однако этот международный орган оказался не способным кардинально решать подобные проблемы, ограничиваясь рекомендациями.

Даже словаки, которых, никак нельзя отнести к национальному меньшинству (хотя по численности они значительно уступали чехам) были недовольны своим статусом внутри государства. В большинстве своем они выступали за автономию и соблюдение Питтсбургского соглашения 1918 г. В письме приверженцу идеи «чехословакизма», министру, депутату парламента словаку по национальности В. Шробару А. Глинка писал от лица словаков: «Мы не хотим централизма, мы желаем

и будем бороться за создание автономии Словакии. Я как словацкий депутат не буду молчать, что места в школьном образовании занимают чехи»¹³. В письме он также высказывался против чешского религиозного радикализма. Словацких автономистов поддерживали и американские словаки. Редактор газеты «Единство» («Jednota») писал В. Шробару из Мидлтауна 7 апреля 1923 г.: «Чешский централизм ни в коей степени не удовлетворит словаков. Наше требование включить питтсбургское соглашение в конституцию Вы называете фантазией. Но эта фантазия прекрасна, за нее можно отдать жизнь... Отказ от национальной индивидуальности в пользу чешского империализма для нас не честен»¹⁴.

Именно эти национальные трения, тлевшие все годы до-мюнхенской Первой республики, недовольство политикой Праги стали, если и не причиной, то подходящим поводом для вмешательства во внутренние дела Чехословакии, превращения чехословацкого вопроса в международный. Пик борьбы по национальному вопросу пришелся на 1938—1939 гг. Не только в Германии, но и в Польше, и в Венгрии Чехословакию характеризовали как «искусственно созданное государство», у которого нет исторических традиций, которое не имеет оснований для существования. Всю свою внешнеполитическую деятельность эти государства сосредоточили на том, чтобы парализовать государственную деятельность Чехословацкой республики, разбить ее изнутри, создать общую границу в Карпатах¹⁵. Расчленение и отторжение чехословацких территорий оправдывалось необходимостью «справедливого» решения в отношении немцев, поляков и венгров Чехословакии, что привело к Мюнхенским соглашениям и ультиматумам ЧСР со стороны Польши и Венгрии.

Некоторые историки полагают, что не только внешняя агрессия со стороны гитлеровской Германии, но и нерешенность национальных отношений внутри страны привели к ее распаду и фактическому прекращению существования в 1939 г. Острая дискуссия развернулась после выхода в свет книги американского историка Мэри Хейман¹⁶, в которой, в частности, утверждалось, что распад ЧСР в 1939 г. был вызван не столько внешней агрессией, сколько неверной (националистической) внутренней политикой чехов в отношении национальных меньшинств в 1920—1930-е гг.¹⁷

Недаром второй президент ЧСР Э. Бенеш в годы Второй мировой войны много раздумывал о будущем государственном устройстве Чехословакии и пришел к выводу о необходимости восстановления страны в домюнхенских границах, но без национальных меньшинств, решив на основе международных договоренностей с союзниками выселить нежелательные меньшинства в массовом порядке за границы страны, лишив их гражданства.

После войны не только СССР, но и другие страны, в частности Чехословакия, руководствуясь принципом «коллективной» вины, выселяли и переселяли целые народы. В отношении немцев Чехословакии после войны этот план удалось осуществить: в результате ряда президентских декретов 1945 г. было выселено 2,5 млн немцев, а венгерское меньшинство выселили лишь частично¹⁸. За годы войны национальный состав страны существенно изменился также и из-за геноцида в отношении еврейского и цыганского населения.

Кроме того, после войны Чехословакия лишилась Подкарпатской Руси, которая по соглашению с СССР с июня 1945 г. «воссоединялась» с Украинской ССР. Послевоенная Чехословакия стала по преимуществу национально однородной страной, где 96 % населения составляли чехи и словаки¹⁹. 7 марта 1966 г. ЧССР подписала международную Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Однако национальные трения между двумя титульными нациями (чехами и словаками) продолжали существовать, и в 1968 г. был принят закон о Федерации, изменивший государственное устройство страны. Но и это решение до конца не устраивало стороны. В 1993 г. произошел раздел Чехословакии на два государства — Чешскую и Словацкую республики.

Что представляет собой сегодняшний национальный состав Чехии и Словакии, какие национальности имеют теперь там статус национального меньшинства?

В 2011 г. в Чешской республике состоялась последняя перепись населения. Общее количество жителей (вместе с иностранцами) составляло 10 562 214 чел. Впервые в общую численность населения ЧР попали, кроме граждан страны, иностранцы с долговременными визами. Их в стране насчитывается 449 450 чел., причем самую многочисленную группу иностранцев составляют украинцы (117 810 чел.), затем идут

словаки (84 380 чел.), вьетнамцы (53 110 чел.), русские (36 055 чел.), немцы (20 780 чел.) и поляки (17 856 чел.).

Что касается граждан страны, то чехов среди них 6 млн 732 тыс., 52,5 тыс. назвали себя мораванами (жители Моравии), 150 тыс. словаков, 130 тыс. цыган, по разным подсчетам от 3 до 20 тыс. евреев (хотя по переписи всего 1132 чел. отнесли себя к евреям), около 15 тыс. венгров. Любопытно, что 2 млн 740 тыс. не захотели отвечать на вопрос о национальной принадлежности (а это около $\frac{1}{4}$ всего населения).

Если до сих пор в Чехии запрещалось иметь двойное гражданство²⁰, то теперь согласно проекту нового закона о гражданстве²¹, который должен вступить в силу с 2014 г., двойное гражданство будет разрешено²². Несколько слов необходимо сказать о современной правовой базе Чехии, регулирующей положение национальных меньшинств и определяющей само понятие «нацменьшинства». Положение о запрете дискриминации содержится в ряде чешских законов, но комплексного правового обоснования запрета дискриминации все еще нет. В 2005 г. в парламент был внесен правительственный проект т. н. антидискриминационного закона, включающего в правовую систему Чешской Республики легислативные нормы ЕС, которые вводят принцип равенства отношений между людьми, невзирая на их расовое или этническое происхождение, и устанавливающие общие рамки равенства, связанные с работой и профессией.

Что касается прав национальных меньшинств, в чешской правовой системе имеется с десяток законов, регулирующих пользование ими. Однако некоторую комплексность можно видеть лишь в законе № 273/2001 о правах людей, относящихся к национальным меньшинствам, который вступил в силу 2 августа 2001 г. Именно в нем можно найти определение понятий «национальное меньшинство» и «член национального меньшинства». Итак, «под национальным меньшинством подразумевается сообщество граждан Чешской Республики, отличающихся от остальных граждан, как правило, другим этническим происхождением, языком, культурой и традициями, представляющих в количественном отношении меньшинство и одновременно выражающих желание считаться национальным меньшинством, чтобы иметь возможность сообща сохранять и развивать свою самобытность, язык и культуру, а также с

целью представления и защиты интересов своего исторически сложившегося сообщества». А членом национального меньшинства является «гражданин Чешской Республики, который относит себя к иной, чем чешская, национальности и проявляет желание считаться членом национального меньшинства вместе с другими согражданами, относящими себя к той же национальности»²³.

Данное определение соответствует как рекомендациям Европейского Союза, так и правовому порядку ЧР и касается свободы выбора принадлежности к национальному меньшинству. Таким образом, в 2001 г. в Чехии был принят закон, гарантирующий соблюдение прав представителей национальных меньшинств. Согласно этому закону, к представителям нацменьшинства можно отнести лишь человека, имеющего чешское гражданство. Таким образом, в этом законе говорится не о коллективном праве, а об индивидуальном праве гражданина, представителя того или иного национального меньшинства.

В законе все прописано достаточно четко, однако возникает одна проблема. Он не отражает явление, с которым пришлось столкнуться после 1989 г. Речь идет об огромной волне миграции в Чешскую Республику, к чему чешские власти не были готовы; пришлось регулярно обновлять иммиграционный закон. Разрабатывались различные интеграционные программы. Прибывающие иммигранты объединяются с уже живущими здесь своими соотечественниками в сообщества. Однако партнерами в реализации государственных законодательных инициатив в Чехии являются, так же, как и по европейскому стандарту, представители нацменьшинств — граждане страны. Чешские официальные лица признают, что проявления ксенофобии и дискриминации имеют место в чешском обществе и стараются этому противостоять²⁴.

Важно и то, что вышеупомянутый закон уполномочивает правительство определить своим постановлением условия и способ предоставления дотаций на деятельность национальных меньшинств. Соответствующее постановление вступило в силу 15 апреля 2002 г. В соответствии с законом в нем говорится, что поддержка госбюджета предоставляется тем национальным меньшинствам, которые традиционно и долго живут на территории Чешской Республики. Можно задаться вопросом, какие же меньшинства подходят под данное определе-

ние? В этой связи в 2005 г. совещательный орган при министре внутренних дел обсуждал вопрос легального статуса члена национального меньшинства, то есть возможность сделать вывод, является ли тот или иной человек членом национального меньшинства или нет. Было констатировано, что следует руководствоваться цитированным выше определением закона и уставом Совета правительства по национальным меньшинствам²⁵, утвержденным 15 июня 2005 г. (№ 746). Членами Совета являются представители следующих национальных меньшинств: болгарского, хорватского, венгерского, немецкого, польского, цыганского, русинского, русского, греческого, словацкого, сербского и украинского. Из этого следует, что такие многочисленные диаспоры, как вьетнамская или китайская, статусом национального меньшинства не обладают²⁶.

Первая конференция, посвященная проблемам национальных меньшинств в Чехии, состоялась в пражской мэрии в 1998 г. По ее итогам в 2000 г. была создана комиссия совета Праги по вопросам нацменьшинств. Желание Чешской республики войти в Европейское сообщество являлось одним из главных мотивов начатой поддержки национальных меньшинств со стороны администрации города Праги, министерств культуры и внутренних дел²⁷.

Наиболее серьезной проблемой в ЧР, как, впрочем, и в других странах региона (Румынии, Венгрии, Словакии), является цыганская. По данным на 2003 г., цыгане составляли 0,1 % населения ЧР²⁸. Внимание к цыганской проблеме было привлечено в связи со вступлением страны в Европейский Союз. Комитет ООН по правам человека проверял, соответствует ли реальная политика правительства Чехии по охране прав человека международным стандартам. Комитет выразил обеспокоенность дискриминацией меньшинств в Чехии, главным образом цыган. Широкую огласку приобрел случай в Усти над Лабой, когда планировалось отгородить жителей города от цыган 2-х-метровой стеной²⁹. Однако представитель ЧР по правам человека Ян Яржаб не согласился с такой резкой оценкой. Больше всего, судя по прессе, от притеснений в Чехии страдают цыгане и вьетнамцы в связи с ростом ксенофобии и распространением ультраправых настроений. 15—20 тыс. цыган Чехии обратились к властям Великобритании с просьбой о предоставлении убежища. Однако жители Великобритании, также как Франции и Гер-

мании, не очень-то желают видеть у себя цыган. С целью социализации цыган в ЧР высказывались предложения о выделении квот цыганской молодежи при поступлении в вузы. В Теплице полицию обязали учить цыганский язык. В последнее время озабоченность в связи с ростом антисемитизма стали выражать и евреи (хотя ранее он практически в Чехии отсутствовал).

Накануне вступления в ЕС венгерский премьер В. Орбан поднял вопрос о необходимости официальной отмены декретов Бенеша, касавшихся выселения после войны немцев и венгров³⁰. Чехия отказалась отменять давно потерявшие силу декреты, ссылаясь на то, что уже принесла извинения немцам в связи с выселением (что было зафиксировано в совместной чешско-германской декларации 1997 г.). Чехию поддержала Словакия. Практически речь шла о предоставлении немцам и венграм компенсации за выселение. Но Чехия ввиду отсутствия на это необходимых средств, аргументировала свою позицию тем, что решение о выселении принималось на Потсдамской международной конференции с согласия союзников. Европейская Комиссия, рассмотрев вопрос об отмене декретов Бенеша детально, сочла его несущественным при приеме новых членов в Европейский Союз.

Согласно последней переписи населения, в Словакии (май 2011 г.) в стране проживают 5 397 036 чел., из которых 80,7 % составляют словаки (4 353 000 чел.). По сравнению с переписью 2001 г., число словаков уменьшилось на 262 тыс. К национальным меньшинствам относятся 12,3 % населения, 7 % не сообщили о своей национальной принадлежности. Самым большим и достаточно проблематичным меньшинством в Словакии являются венгры (458 000 чел. или 8,5 % населения³¹). Венгры проживают компактно на юге Словакии, составляют большинство в 2-х районах — Комарно (69,1 % венгров и 27,1 % словаков) и Дунайска Стреда (83,3 % венгров и 14 % словаков)³². Согласно языковым законам Словакии, венгерский язык может употребляться как официальный наряду со словацким в тех регионах, где венгры составляют свыше 20 % населения. На венгерском языке издаются газеты и другая литература, ведётся теле- и радиовещание. Большинство венгров современной Словакии двуязычны. На парламентских выборах большинство венгров Словакии голосует за правоцентристскую Партию венгерской коалиции (ПВК) или, с

2010 г., за партию «Мост». ПВК представлена в Европарламенте двумя депутатами из 13 (квота для Словакии). Однако не все так гладко в словацко-венгерских отношениях: в 1990-е гг. в Словакии запретили использовать венгерский язык в государственных учреждениях, а в школах ввели обязательное преподавание ряда предметов на словацком языке даже в районах, где абсолютное большинство населения составляют венгры. После вступления Словакии и Венгрии в ЕС в 2004 г. страсти улеглись, наиболее спорные нормы словацкого законодательства отменили, и казалось, что конфликт исчерпан. Но с приходом к власти в Словакии в 2006 г. новой коалиции во главе с Робертом Фицо отношения двух стран вновь обострились. В 2007 г. венгерские националисты попытались добиться компенсации для венгров, потерявших в Словакии свою собственность после Второй мировой войны. В ответ словацкий парламент признал все выселения законными и не подлежащими пересмотру. Тогда в частную поездку по населенной венграми южной Словакии отправился президент Венгрии Ласло Шойом, где выступал с речами, осуждающими такое решение словацкого парламента. Словацкий премьер Фицо был возмущен его поведением. Несколько раз срывались встречи премьер-министров двух стран. То венгерский парламент в очередной раз потребовал расширения государственных границ страны, то глава участвующих в правящей коалиции словацких националистов назвал венгерское меньшинство «раковой опухолью на теле словацкого народа», а основателя Венгерского королевства Иштвана Святого — «клоуном на коне». Оба правительства внимательно следят за любыми высказываниями политиков в соседней стране и чуть что — шумно протестуют, обижаются, отзывают послов и призывают на помощь ЕС. Евросоюз старается дистанцироваться от конфликта, призывает к диалогу и не поддерживает ни одну из сторон. Последний отказ Братиславы принять президента Венгрии в 2009 г. стал симметричным ответом на отказ премьера Венгрии Байнаи принимать в Будапеште словацкого премьера Фицо за месяц до этого. А Байнаи возмутился новыми изменениями в законодательстве Словакии, ущемляющими, по мнению Будапешта, права венгерского меньшинства. Словацкие власти приняли новый закон о государственном языке. Согласно этому документу, если кто-нибудь будет использовать в государс-

твенных учреждениях, включая, в первую очередь, больницы, не словацкий, а какой-нибудь иной язык, то его ждет штраф до 5000 евро. Штрафовать будут теле- и радиостанции, которые отходят от литературных норм словацкого языка. Все таблички и указатели должны быть снабжены надписями на словацком, причем не меньшего размера, чем надпись на другом языке. 17 июля 2009 г. закон был подписан президентом и с 1 сентября вступил в силу. Формально закон направлен против использования любого иностранного языка, но всем понятно, что реально под ограничения попадает только венгерский, на котором говорит значительный процент населения Словакии. Стремление поддержать притесняемых соотечественников объединило весь политический спектр Венгрии, и они в один голос требуют от Брюсселя вмешаться и остановить ущемление прав венгерского меньшинства в Словакии. Словаки защищают свой закон не менее яростно. Премьер Фицо созвал 20 июля 2009 г. специальную пресс-конференцию, где объяснил, что новый закон отвечает всем международным требованиям, а Словакия — это суверенное государство и имеет право на защиту своего национального языка. «Правительство Словакии не должно объясняться или оправдываться перед венгерским парламентом. Венгерские политики хотят, чтобы словакам пришлось учить венгерский, чтобы жить на юге Словакии», — заявил Фицо, однако его заверения не очень убедили Брюссель. Инициативную группу в Европарламенте, выступающую с осуждением нового словацкого закона о языке, возглавил Михаэль Галер, представитель немецких правых из Христианско-демократического союза (ХДС)³³.

Очередной обмен обвинениями между властями Венгрии и Словакии произошел 19 августа 2009 г., когда президент Венгрии Ласло Шойом решил посетить с частным визитом приграничный словацкий город Комарно, большинство населения которого — этнические венгры. Руководство Словакии в лице президента, премьер-министра и спикера парламента, опасаясь ирредентистских выступлений венгерского меньшинства на юге страны, «рекомендовали» Шойому не приезжать, иначе его визит будет расценен как «намеренная провокация» против Словакии и еще больше ухудшит отношения между двумя государствами. По этому поводу между Словакией и Венгрией был начат судебный процесс.

Далее отношения обострились из-за вопросов гражданства. Для премьера Венгрии Виктора Орбана венгры, живущие в соседних странах (в Румынии, Словакии, Австрии, Сербии и на Украине — всего более 2 млн человек), — важный политический ресурс. При новом премьер-министре Будапешт в 2010 г. облегчил условия получения гражданства этническим венграм — надо лишь документально подтвердить свое происхождение и владеть венгерским языком. В Будапеште рассчитывали, что венгерское гражданство захотят получить полмиллиона венгров из соседних стран. Однако приток желающих оказался наполовину скромнее, и меньше всего заявок подали именно словацкие венгры, так как финансово-экономический кризис ударил по Венгрии сильнее, чем по Словакии. К тому же в 2010 г. к власти в Словакии пришли умеренные политики. Однако Словакия в ответ на решение венгерского правительства о предоставлении венгерского гражданства венграм, проживающим в странах Карпатского бассейна, приняла закон о гражданстве, запрещающий двойное гражданство. Венгерские правозащитники уверяют, что закон принят вопреки интересам словацких венгров, но пока словацкого гражданства лишились 296 человек, причем большинство из них стали гражданами не Венгрии, а Чехии. При каждом обострении конфликта обе страны (Словакия и Венгрия) апеллируют к ЕС, который вынужден играть роль арбитра³⁴. В марте 2012 г. Р. Фицо возглавил словацкое правительство и пообещал изменить словацкий закон о гражданстве (вернуть гражданам Словакии возможность иметь любое второе гражданство, кроме венгерского), что в Будапеште сочли дискриминацией по национальному принципу. Выступая по национальному телевидению, вице-премьер Венгрии Жолт Шемьен назвал словацкую инициативу «дискриминацией словацких венгров», пообещав обратиться в суд³⁵.

Вторым по численности и наименее благополучным национальным меньшинством являются цыгане (по-чешски и словацки «рома»), их насчитывается 106 тыс. или 2 % населения. Относительно переписи 2001 г. отмечен рост количества цыган. Именно по этим причинам цыганскому меньшинству уделяется особое внимание. В 2010—2011 гг. проводились исследования жизни цыган, составлялись карты их поселений (Атлас), действуют несколько программ по их трудоустройству и социализации в области образования, конкурентоспособности и

экономического роста, охраны окружающей среды и здравоохранения, финансируемых фондами ЕС. С 2005 г. в Словакии действует 10 летний план интеграции цыган, а незаконная стерилизация цыганских женщин карается законом.

Любопытно, что русины в Словакии обогнали по численности чехов (соответственно 33 482 и 30 367 чел.). Мораван в Словакии зафиксировано последней переписью (2011 г.) 3286, украинцев — 7430. 89 % русинов и украинцев проживают в северо-восточной части Словакии — так называемой Пряшевщине, в основном в городах. На востоке Словакии действуют 4 начальных украинских школы, 12 основных (1—9 классы), Медицинская школа в Гуменном и Объединенная школа им. Т. Шевченко в Пряшеве, в которых изучается украинский язык. Изучение украинского языка и литературы осуществляется также в двух вузах — Пряшевском университете и Университете им. М. Белы в Банска-Быстрице. Украинские и русинские национальные организации в Словакии имеют свои периодические издания на украинском и русинском языках: газету «Новая жизнь» (орган Союза русинов-украинцев Словацкой республики, СРУСР), литературно-художественный и публицистический журнал «Дукля» (орган Союза украинских писателей Словакии), детский журнал «Радуга». На украинском языке издается также Научный сборник Музея украинской культуры в г. Свидник и информационный бюллетень Словацко-украинского общества. СРУСР возобновил издание ежегодного календаря русинов-украинцев Словакии. В Кошицах действует Украинская редакция программ для национальных меньшинств Словацкого радио. Представители Украинского национального меньшинства в Словакии в основном принадлежат к греко-католической и православной церковным общинам. Что касается других меньшинств в Словакии, то, согласно переписи, там проживают 4690 немцев, 3084 поляков, 1997 русских, 1051 болгарин, 1022 хорвата, 698 сербов, 631 еврей. Не установлена национальность 382 493 человек.

Если сравнивать межвоенную и послевоенную Чехословакию с современными Чехией и Словакией, то надо отметить, что со временем сильно поменялся национальный состав населения, не говоря уже о законах и политике в отношении национальных меньшинств. В Чехии, откуда после Второй мировой войны были в массовом порядке выселены немцы,

немецкий вопрос уже не является значимым, тогда как в Словакии положение венгров все еще продолжает вызывать обострения отношений с Венгрией и требует постоянного внимания. Наименее устроенным и проблемным меньшинством в обеих республиках являются в настоящее время цыгане. В Чехии и Словакии появились и довольно значительные вьетнамская и китайская диаспоры. За последнюю четверть века сильно увеличилось и количество украинцев в этих странах.

К сожалению, приходится констатировать, что в обоих государствах до сих пор существуют проблемы с правами национальных меньшинств и этнических групп, а также появляются новые сложности, связанные с большим притоком в эти страны эмигрантов и иностранцев (вступление ЧР и СР в 2004 г. в Европейский союз и присоединение в 2007 г. к Шенгенской группе гарантирует свободное передвижение людей внутри этого пространства) и необходимостью регулировать их статус.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О проблемах национальных меньшинств в целом в ЧСР см.: *Kárník Z. České země v éře první republiky (1918—1938) Díl. 2. Praha, 2002. S. 165—258; Petráš R. Menšiny v meziválečném Československu. Právní postavení národních menšin v první Československé republice a jejich mezinárodněprávní ochrana. Praha, 2009.*

² Подробнее о проблеме немцев в ЧСР см.: *Станков Н.Н. Отто Бауэр: восемь месяцев на Бальхаузплац // Славяноведение. 1999. № 1. С. 49—52; Станков Н.Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии. 1918—1924. Волгоград, 2007; Серапионова Е.П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918—1945) // Славяноведение. 2000. № 5 (1 пл.). С. 43—53; Brügel J. W. Czechoslovakia before Munich. The German Minority Problem and British Appeasement Policy. Cambridge, 1973; Kučera J. Češi a Němci v Československu 1918—1946 (Zamyšlení nad jejich soužitím a jeho koncem) // Slovanské historické studie XIX. Praha, 1993. S. 124—147; Kural V. Konflikt místo společenství? / Češi a Němci v československém státě (1918—1938). Praha, 1993; Sládek M. Němci v Čechách / Německá menšina v českých zemích a československu 1848—1946. Praha, 2002 и др.*

³ Slovenský národný archív (SNA). F. Šrobár Vavro, 1900—1947. Šk. 10. Inv. č. 632.

⁴ Ibidem. Inv. č. 663. О венграх в ЧСР и чехословацко-венгерских отношениях см.: *Szarka L. Maďarsko-československé vzťahy v letech 1918—1938 // Dějiny a současnost 13. 1991. Č. 1. S. 44—47; Galantai J. Trianon and the Protection of Minorities. Boulder. Colo—New York, 1992.*

⁵ О поляках в ЧСР и чехословацко-польских отношениях см.: *Серапионова Е.П.* Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918—1938 годы) // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009. С. 115—132; *Hajn A.* Úmluva o vzajemné ochraně menšín mezi Československem a Polskem // *Zahranoční politika*. 1925. S. 1026—1030; *Gavrecki D.* Polská menšina v Československu 1918—1938 // *Československo 1918—1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě* / Usp. J. Valenta, E. Voraček, J. Harna. Praha, 1999. Sv. 2. S. 620—629 и др.

⁶ *Švorc P.* Krajinská hranica. Mezi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou (1919—1939). Prešev, 2003; *Ferenčubová B.* Malý región a medzinárodná ochrana menšín: Spoločnosť národov a autonómny štatút Podkarpatskej Rusi (1919—1924) // *Veľká politika a malé regióny*. Prešov — Graz, 2002. S. 134—156.

⁷ *Pop I.* Podkarpatská Rus. Praha, 2005. S. 138—145.

⁸ Подробнее об этом см.: *Серапионова Е.П.* Идея «чехословакизма». Истоки и реализация // *Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее*. М., 1995. С. 61—71.

⁹ *Bobáč A.* Národní mapa Republiky Československé. Podrobný popis národnostních hranic, ostrovů a menšín. Praha, 1926. S. 160—161.

¹⁰ Подробнее см.: *Serafionova J.P.* Národnostní práva podle ústavy Československé republiky roku 1920 // *Kroměřížský sněm 1848—1849 a tradice parlamentarismu ve střední Evropě*. Kroměříž, 1998. S. 77—85.

¹¹ SNA. F. Šrobár Vavro... Šk. 23. Inv. č. 1003.

¹² Ibid.

¹³ SNA. F. Šrobár Vavro... Šk. 2. Inv. č. 124. Письмо без даты.

¹⁴ SNA. F. Šrobár Vavro... Šk. 2. Inv. č. 139.

¹⁵ *Deák L.* Hra o Slovensko. Slovensko v politike Maďarska a Polska v rokoch 1933—1939. Bratislava, 1991. S. 232.

¹⁶ *Heimann M.* Czechoslovakia. The State that Failed. New Haven, Yale University Press, 2009. — 406 S.

¹⁷ См. рецензию Й. Деймека на эту книгу: *Dejmek J.* Přehledy bádání a historiografických studií // *Český časopis historický*. 2010. Č. 4. S. 664—677.

¹⁸ На сегодняшний день существует довольно значительная отечественная литература по проблеме выселения немцев и венгров из Чехословакии после Второй мировой войны. Из последних работ см., напр.: *Мурашко Г.П.* Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (трансформация позиций Москвы) // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб., 2011. С. 540—551; *Желтички Б.Й.* Проблемы выселения венгров из Чехословакии // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944—1948*. М., 2004. С. 153—211; *Марыина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш:

политик и человек. 1884—1948. М., 2013. С. 397—400; *Марына В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944—1946 гг. // *Славяноведение*. 2003. № 3; *Серапионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // *Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы*. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом 1944—1948. М., 2002. С. 120—125. Из чешской и словацкой литературы об этом см., напр.: *Staněk T.* Odsun Němců z Československa 1945—1947. Praha, 1991; *Právní aspekty odsunu sudetských Němců: sborník / Ed. V. Kural.* 2. dopl. vyd. Praha, 1996 и др.

¹⁹ Подробнее о политике в отношении национальных меньшинств Чехословакии в послевоенный период см.: *Nosková H.* Národnostní menšiny a politika komunistické moci v letech 1948—1989 // *K problémům menšin v Československu v letech 1945—1989. Sborník studií.* Praha, 2005. S. 76—86; *Plačková M.* Poláci na Těšinsku v prvních poválečných letech 1945—1948 // *Vlastivědné listy*. 1992. Roč. 18. Č. 2. S. 5—14; *Pavlíček J.* Znovuobnovená Československá republika v květnu 1945 a polská menšina na Těšinsku // *Česko-slovenská historická ročenka*. 1996. Brno, 1996. S. 67—72; *Pavelčíková N.* K problematice vývoje romského etnika na teritoriu českých zemí po roce 1945 // *Slezský sborník*. 1997. Roč. 95. Č.1/2. S. 108—110.

²⁰ Исключением из данного правила могли быть только иностранные граждане, проживающие на протяжении пяти лет на территории государства Чехии, но не имеющие возможности отказаться от своего первого гражданства по законам первой страны проживания. Такие граждане получали двойное гражданство законным способом, все остальные способы нелегальны и караются законом.

²¹ Согласно проекту нового закона, любой гражданин «третьей страны», имеющий ПМЖ Чехии в течение 5 лет (или гражданин ЕС, проживающий в Чехии 3 года) сможет стать гражданином ЧР, сохранив гражданство своей страны. Конечно, стоит учитывать, что вопрос возможности сохранения своего первоначального гражданства зависит и от законодательства другой страны (разрешено ли там двойное гражданство). Сегодня в Чехии официально проживает почти 0,5 млн иностранцев, но лишь чуть больше 50 % из них имеют чешское гражданство.— *Бальченко Р.* Гражданство ЧР: на грани разумного // *Пражский телеграф* № 42. 2013. 17 марта. — <http://ptel.cz/2012/10/grazhdanstvo-chr-na-grani-razumnogo/>

²² *Чеканова А.* Двойное гражданство стало реальностью // *Радиогазета*. 2012. 20.XI. — <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/dvojnograzhdanstvo-stalo-realnostyu>

²³ *Сулитка А.* Меньшинства и иммигранты в политике Чехии. *Правовые рамки положения национальных меньшинств в Чешской Республике* // *Русское слово*. 2006. № 3. — <http://www.ruslo.cz/articles/86/>

²⁴ *Слуцкий Г.* Нужно «снять мерки»... В Праге состоялось слушание Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по межнациональным отношениям и свободе совести // Русское слово. 2008. № 6—7. — <http://www.ruslo.cz/articles/318/>

²⁵ Согласно Положению Совета Национальных Меньшинств при Правительстве Чешской Республики, в круг его полномочий входит следующее: 1) принимать участие в написании проектов тех законов и актов Правительства, которые затрагивают права членов этнических меньшинств Чешской Республики,

2) выражать мнение по предложенным законодательным актам, решениям правительства, и законам, касающимся прав членов этнических меньшинств перед тем, как вышеперечисленные законы направлены правительству,

3) готовить краткие отчеты правительству об этнической ситуации на территории Чешской Республики,

4) готовить рекомендации правительству, департаментам правительства или другим руководящим органам для удовлетворения нужд членов этнических меньшинств, в основном, в области образования, в использовании их родного языка, и в социальной и культурной жизни,

5) координировать практическое применение политики правительства, выполняемой департаментами правительства и другими руководящими органами, по вопросам национальностей,

6) сотрудничать с местными органами самоуправления в целях практического применения политики правительства по этническим вопросам,

7) сотрудничать с Министром Иностранных Дел в отношении международных аспектов положения и прав членов этнических меньшинств. — <http://www.law-ngo.ru/law/expert/>

²⁶ *Сулитка А.* Указ. соч.

²⁷ *Калинина О.* Русские в Чехии — люди «второго сорта» // Радиогазета. 2002. 04.12. — <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/-russkie-v-chexii-lyudi-vtorogo-sorta->

²⁸ Česká a slovenská otázka v soudobém světě. Naše zájmy a základy naší hodnotové orientace v EU. Aktuálnost odkazu T.G. Masaryka, E. Beneše a M.R. Štefánika. K 85.výročí vzniku Československa (1918—2003) a k jeho prvému i druhému dělení (1938, 1992). Brno, 2004. Přílohy. Pozoruhodná fakta a statistiky — ČR a SR. S. 403.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Безовская Ю.* В Чехии хотят создать цыганский бантустан? — http://imp22.ru/art/V_cexii_xotyt_soizat.html

³⁰ О декретах Э. Бенеша, причинах их возникновения и юридической правомочности см.: *Dejmek J., Kuklík J., Němeček J.* Kauza tzv. Benešovy dekrety: historické kořeny a souvislosti: tři české hlasy v diskusi. Praha, 1999; *Pavlíček V.* Úvahy o dekretální normotvorbě a součastnosti

// Českoslovenství — středoevropanství—evropanství. Úvahy, svědectví a fakta. K 80.výročí vzniku Československa 1918—1998. Brno, 1998. S. 228—236; *Martinický P.* Slovensko, Trianon a tzv. «Benešové dekréty» // Česká a slovenská otázka v soudobém světě... S. 142—156; *Vančura J.* Jak tedy s Benešovými dekrety? // Listy. 1998. Roč. 28. Č. 6. S. 11—15; *Macháček P.* Nezvratnost dekretů prezidenta Československa // Českoslovenství—součást evropanství. Brno, 1996. S. 196—200.

³¹ По данным на 2003 г. венгры составляли 10,6 % жителей Словакии — Česká a slovenská otázka v soudobém světě... Přílohy. Pozoruhodná fakta a statistiky — ČR a SR. S. 403.

³² Венгры в Словакии. —http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%B8

³³ *Саморуков М.* Третий раздел Словакии // Новая Европа. 2009. 21.08. — http://slon.ru/world/tretiy_razdel_slovakii-99370.xhtml

³⁴ *Шимов Я.* Венгрия и Словакия обвинили друг друга в национализме // Интернет-издание UA- Reporter.com — <http://ua-reporter.com/novosti/123562>

³⁵ Венгрия и Словакия на грани новой дипломатической войны // Дело. 2012. 19 апреля. —<http://delo.ua/world/vengrija-i-slovakija-na-grani-novoj-diplomaticheskoy-vojnny-176580/>

Н.Н. СТАНКОВ

(ВОЛГОГРАД)

Правительство Э. Бенеша
и судето-немецкий вопрос
в Чехословакии
(сентябрь 1921 — октябрь 1922 гг.)

26 сентября 1921 г. в ЧСР к власти пришло новое правительство, которое возглавил соратник президента республики Т.Г. Масарика, министр иностранных дел Э. Бенеш. Его назначение председателем правительства было продиктовано рядом внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Правительство «специалистов» Я. Черны к осени 1921 г. исчерпало свой потенциал. Развитие леворадикального движения, приведшее к образованию в мае 1921 г. Коммунистической партии Чехословакии, столкновения на почве межнациональных противоречий (прежде всего, между чехами и немцами), негативные социальные последствия проводимых правительством экономических преобразований порождали в обществе недовольство его деятельностью. Положение правительства Я. Черны усугублялось политической борьбой, которую в начале 1921 г. развернул против «Града»¹ лидер Чехословацкой национально-демократической партии К. Крамарж. Причиной его активизации была тяжелая болезнь Масарика, из-за которой ожидалась отставка последнего, после чего должны были состояться президентские выборы. Масарик хотел видеть своим преемником Э. Бенеша. Крамарж развернул против Бенеша активную кампанию в прессе, стремясь его дискредитировать и «разъединить» с Масариком. Для того, чтобы укрепить положение Э. Бенеша на политической сцене и в случае необходимости обеспечить продвижение на пост президента, Т.Г. Масарик принял решение назначить его председателем правительства².

Бенеш сформировал «полупарламентский» кабинет, который включал как специалистов, так и представителей чехословацких политических партий: социал-демократической, национально-социалистической, аграрной, народной (католической), национально-демократической и Словацкой народной партии. В новом правительстве Бенеш сохранил за собой пост министра иностранных дел. На следующий день после создания нового чехословацкого правительства во главе с Э. Бенешем, 27 сентября 1921 г. глава торговой делегации РСФСР в Праге П.Н. Мостовенко сообщал в Москву, что печать правительственных партий приветствует такое назначение, «обеспечивающее, по ее мнению, тесную связь внутренней политики с внешней»³. Действительно, назначение Э. Бенеша главой правительства было вызвано и внешнеполитическими обстоятельствами. С лета 1921 г. нарастал кризис в соседней Венгрии, последствия которого могли крайне негативно сказаться на Чехословакии. К середине сентября до предела накалилась обстановка в Западной Венгрии — Бургенланде, который Будапешт силой удерживал в своих руках, несмотря на то, что в соответствии с Трианонским мирным договором должен был передать его Австрии. Вооруженные столкновения между австрийцами и венгерскими «добровольцами» в Бургенланде грозили перерасти в австро-венгерскую войну. Положение обострялось еще и тем, что во главе многих венгерских «добровольческих» отрядов стояли легитимисты, и была опасность, что они будут использованы в целях реставрации Габсбургов и в военных действиях против соседних стран, в частности, против ЧСР⁴.

Кроме того, осенью 1921 г. возникли сложности во взаимоотношениях Чехословакии с Германией. На Вильгельмштрассе отрицательно отнеслись к наметившемуся чехословацко-польскому сближению, усматривая в этом антигерманские намерения Праги. Поэтому в Берлине приняли решение ужесточить политику в отношении Чехословакии. Из Праги был отозван германский посланник С. Зенгер, который, используя свою личную дружбу с президентом ЧСР Т.Г. Масариком, проводил до сих пор курс на укрепление связей Веймарской республики с Чехословакией. Новым посланником в Прагу в октябре 1921 г. был назначен Вальтер Кох. В отличие от Зенгера, он был сторонником более сдержанного отношения к Чехос-

ловакии. Кох считал, что Германия достаточно хорошо продемонстрировала свое желание к взаимопониманию и пришло время «на сдержанность ответить сдержанностью»⁵.

С первых дней пребывания В. Коха в Праге в центре его внимания оказался судето-немецкий вопрос. От позиции Берлина в этом вопросе и от политики судето-немецких партий во многом зависело будущее германо-чехословацких отношений. 14 декабря 1921 г. В. Кох писал на Вильгельмштрассе: «Хотим мы или нет: отношения Германского рейха с Чехословацким государством будут постоянно сильно зависеть от отношения немецкого меньшинства к этому государству»⁶.

С приходом к власти правительства Э. Бенеша и в ЧСР, и за границей пробудились надежды на скорое урегулирование судето-немецкого вопроса. Глава торговой делегации РСФСР в ЧСР П.Н. Мостовенко в своих донесениях наркому иностранных дел Г.В. Чичерину от 27 сентября и 1 октября 1921 г. подчеркивал: «Ряд газет приветствует назначение Бенеша, высказывая надежду на способность его содействовать разрешению немецкого вопроса»⁷. В частности, отмечал П.Н. Мостовенко: «*“Národní politika”* утверждает, что шаги к упорядочению отношений с немцами будут предприняты Бенешем в ближайшее время»⁸. Советский дипломат также подчеркивал, что приход к власти нового правительства вызвал неоднозначную реакцию среди судетских немцев. П.Н. Мостовенко отмечал, что печать немецких социал-демократов «относится к новому кабинету крайне пессимистически и враждебно», «немецкая буржуазная печать настроена скептически, но все же допускает возможность правительственных шагов навстречу немцам»⁹. В Немецком парламентском союзе вопрос об отношении к правительству Э. Бенеша вызвал раскол. На заседании союза 8 октября 1921 г. был отклонен проект резолюции, предложенный лидером Немецкой национальной партии Р. Лодгманом, наполненный выпадами против правительства Э. Бенеша, и было принято более сдержанное заявление, подчеркивавшее, что отношение Парламентского союза к новому правительству будет зависеть от его политики в немецком вопросе. Кроме того, проявив политическую гибкость, Немецкий парламентский союз решил возобновить участие в работе Национального собрания ЧСР, прерванное летом 1921 г. в знак протеста против бездействия правительства Я. Черны в отно-

шении «антинемецкого террора легионеров»¹⁰. Решение о возобновлении участия в работе Национального собрания ЧСР было крайне негативно воспринято Немецкой национальной и Немецкой национал-социалистической партиями¹¹, но было положительно оценено чехословацкой прессой. Как отмечалось в донесении германского посольства от 11 октября 1921 г., решение Немецкого парламентского союза, принятое вопреки Лодгману, расценивалось чехословацкой прессой «как поражение прежней партийной политики и как несомненная победа умеренного направления среди богемских немцев». «Умеренное направление, — говорилось далее в донесении, — представляет, по мнению чехов, аграрная группа во главе с Кржепекком, в то время как в Лодгмане они видели лишь буйного подстрекателя». В донесении также обращалось внимание на публикацию в газете чехословацких деловых кругов «Tribuna», в которой отмечалось, что «чешское парламентское большинство посредством благоразумной политики может привести к усилению умеренной группы»¹². В то же время в донесении германского посольства признавалось, что политика судето-немецких партий остается малопонятной. Во многих случаях не вполне ясно, за что и против чего боролись немецкие депутаты. Не было единства и в таком важном вопросе, как позиция судетских немцев в отношении территориальной автономии¹³.

18 октября 1921 г. Э. Бенеш выступил с правительственным заявлением в Национальном собрании. Излагая внешнеполитические задачи правительства, премьер-министр подчеркнул, что он будет стремиться к сохранению мирных договоров, к урегулированию конфликтов, к сотрудничеству с дружественными и соседними государствами с целью восстановления Центральной Европы и укрепления мира во всей Европе. Германский посланник В. Кох сообщал в Берлин, что Бенеш сотрудничество между Чехословакией, Югославией и Румынией в рамках Малой Антанты определил как «сильный фактор мира», отношения ЧСР с Францией, Англией, Италией и США — как «сердечные и дружественные», а об отношениях с Германией сказал «в одном очень сухом предложении», что они «стабилизировались»¹⁴. В. Кох отмечал, что большинством чехословацких политических партий правительственное заявление было одобрено. Против него голосовали Немецкий

парламентский союз, Немецкая социал-демократическая рабочая партия и КПЧ. В целом заседания проходили спокойно. Вопросы внешней политики во время дебатов почти никто из депутатов не касался. «Об отношениях Чехословакии с Германией, — писал В. Кох, — в ходе всех дебатов не было сказано ни одного слова». Из тех, кто в своих выступлениях обращался к проблемам внешней политики ЧСР, германский посланник выделил депутата от КПЧ Б. Шмерала, который, по его мнению, «чрезвычайно остро критиковал вассальные отношения Чехословакии к своему протектору Франции...»¹⁵ В. Кох отметил, что Немецкий парламентский союз проявил сдержанность в ходе дебатов, ограничившись достаточно умеренным заявлением своего председателя Ф. Кржепека. Германский дипломат считал достойным внимания слухи о сближении Немецкого парламентского союза и Немецкой социал-демократической рабочей партии, о создании совместного объединения, в которое войдут все без исключения немецкие партии, представленные в Национальном собрании ЧСР. В. Кох указывал и на спад напряженности в межнациональных отношениях в ЧСР: немцы выжидали прояснения вопроса о том, намерено ли новое правительство отказаться от прежнего антинемецкого курса, и будет ли оно противодействовать радикальным чешским элементам. Планы самого Э. Бенеша для германского посланника, по его собственному признанию, в то время были не вполне ясны¹⁶.

Вскоре произошли события, которые показали, насколько труднодостижима цель примирения чехов и судетских немцев. Когда в связи с путчем Карла Габсбурга в Венгрии в октябре 1921 г. правительство издало приказ о мобилизации, судетские немцы оказали сопротивление попыткам призвать их в чехословацкую армию. В пограничных областях прокатилась волна демонстраций и бунтов. В Краслицах, в Румбурке и Варнсдорфе дело дошло до столкновений с армией, в ходе которых были 12 человек убиты и многие ранены¹⁷. 27 октября на чрезвычайном заседании совета министров министр внутренних дел Я. Черны сообщил о произошедших событиях и предложил объявить в Румбурке и Краслицах осадное положение, в печати временно ввести цензуру, а государственным служащим воздержаться от заявлений и комментариев для прессы. Совет министров одобрил предложение Я. Черны, и

на несколько дней пресса задержала информацию о событиях в пограничье¹⁸. По указанию Черны служба государственной безопасности 28—30 октября по несколько раз в день информировала президента республики, президиум совета министров, министерства национальной обороны, внутренних и иностранных дел о положении в приграничных населенных пунктах¹⁹.

Введение осадного положения, попытки утаить информацию о событиях в Краслицах и Румбурке сослужили чехословацким властям плохую службу. В Германии появились слухи, будто Чехословакия готовится к нападению и стягивает к границе свои войска²⁰. События в пограничье нашли отклик и в германской печати. В газетах появились сообщения о концентрации чехословацких войск на границе с Баварией. Чехословацкий посланник в Берлине В. Тусар вынужден был оправдываться, объясняя передвижение войск проводившейся мобилизацией²¹. Тем не менее, газеты продолжали публиковать статьи с критикой в адрес ЧСР. Некоторые из них были написаны в крайне непримиримом духе, и, как подозревал чехословацкий военный атташе в Берлине полковник Гондл, они были инспирированы судетскими немцами²².

Таким образом, несмотря на попытки чехословацких властей скрыть информацию, события в пограничье вызвали широкий резонанс и отрицательно сказались на репутации правительства Э. Бенеша. Появились слухи о его отставке с поста премьер-министра, и в качестве одной из причин отставки назывались неоправдавшиеся ожидания президента Т.Г. Масарика, что «расторопный Бенеш быстро решит национальные проблемы»²³.

Судето-немецкий вопрос продолжал оставаться одним из самых сложных для чехословацких властей. Э. Бенеш отмечал, что не было дня, чтобы он с президентом Т.Г. Масариком не обсуждал проблемы судетских немцев²⁴. Они достаточно хорошо представляли их положение. В беседе с британским посланником Дж. Клерком 7 апреля 1922 г. Т.Г. Масарик отмечал, что судетские немцы страдали от отсутствия выдающегося политического лидера, а те, которых они имеют, «полностью связаны своими первоначальными заявлениями о враждебном отношении к республике и не имеют мужества и не знают как порвать их, хотя даже сами они признают, что их отношение

больше не отвечает интересам самих богемских немцев». В качестве примера президент привел выступление одного из лидеров партии свободных немецких демократов Б. Кафки, который в Национальном собрании резко критиковал Э. Бенеша, а после заседания подошел к нему и сказал, что «ему пришлось выступить таким образом из-за своего политического положения, но на самом деле он думает не так, как говорил». Один из лидеров судетских немцев, продолжал Т.Г. Масарик, готовясь к выступлению в своем избирательном округе, написал Бенешу письмо с извинениями за свою речь, которую он собирался произнести и «резко атаковать правительство и все его действия...» Масарик также рассказал Клерку о том, что многие судето-немецкие политики, которые публично резко критиковали правительство Бенеша и требовали его отставки, в то же время обращались к президенту через канцлера П. Шамала с просьбой «ни при каких условиях» не принимать его отставки²⁵. Президент заявил о своей готовности включить в состав чехословацкого правительства немцев. Он сказал, что «ему все равно, какой национальности человек — чех или немец — если он действительно достоин того поста, который занимает...» Правда, Масарик вынужден был признать, что начинать придется «с более технических постов, таких как железные дороги, почта, телеграф, торговля, поскольку чехословацкое общественное мнение пока недостаточно подготовлено, чтобы терпеть немцев на более политических должностях»²⁶.

В действительности в начале 1920-х годов даже выдвижение немцев на «технические посты» в правительстве представлялось затруднительным. Категорически против какого-либо участия судетских немцев в общественно-политической жизни ЧСР выступала Чехословацкая национально-демократическая партия во главе с К. Крамаржем. Эта партия разжигала в стране антинемецкие настроения. Национал-демократическая пресса, в частности «*Národní listy*», в самых мрачных тонах изображала положение чехов в населенных немцами приграничных районах, стремилась доказать, будто чешские меньшинства там «оставлены беззащитными перед террором и гнетом немецкого населения». «*Národní listy*» писали о многочисленных организациях судетских немцев, чья деятельность якобы финансировалась Германией. По мнению германских дипломатов, такая агитация имела своей целью «развернуть

практику чехизации» населенных немцами областей под предлогом защиты чешского меньшинства. Для этого в пограничье создавались союзы защиты чешских меньшинств, национальные комитеты, которые опирались на переброшенных туда чешских легионеров. В немецких городах и селах с размахом отмечались чешские праздники, в которых участвовали многочисленные чешские делегации.

В начале апреля 1922 г. в Праге был созван «генеральный съезд чешских меньшинств и союзов национальной защиты». В его работе принимали участие 898 делегатов и 288 гостей²⁷. На съезде выступил К. Крамарж, который указал, что Чехословакия может проводить одну из двух политик — политику «среднеевропейскую» или политику «восточную», славянскую. Если ЧСР намерена проводить «среднеевропейскую» политику, — заявил Крамарж, — то чешское население на окраинах для нее будет балластом и препятствием, ибо в данном случае необходимо будет позаботиться об участии в этой политике немцев. «Если же мы будем делать славянскую политику, — продолжал Крамарж, — то вы явитесь ее важнейшим экспонентом». Он отстаивал славянскую политику и идею чехословацкого национального государства. Он отвергал любую возможность чешско-немецкой коалиции, возмущался недостатком национализма в чешском народе, был возмущен даже тем, что «Чехословакию, а следовательно и наш народ» в Коммунистическом Интернационале представлял немец К. Крайбих. Крамарж говорил: «Если мы, чехи, будем делать подлинную национальную политику, немцы откажутся от своей агрессивности»²⁸.

Однако в действительности именно политика национально-демократической партии создавала почву для чешско-немецких конфликтов. Заявления Крамаржа и его соратников часто служили поводом для античешских выступлений судето-немецких политиков, которые, используя прессу и парламентскую трибуну, подвергали острой критике чехословацкие власти, обвиняли их в нарушении прав национальных меньшинств. Обращались они за помощью и в международные организации. Так, в начале апреля 1922 г. в преддверии Генуэзской конференции судето-немецкие депутаты отправили в Лигу наций меморандум²⁹, в котором обвиняли правительство ЧСР в нарушении Сен-Жерменского договора о национальных меньшинствах

(10 сентября 1919 г.), гарантировавшего защиту и равенство перед законом всем гражданам Чехословацкого государства «независимо от происхождения, ... языка, расы или религии...» (ст. 2)³⁰. В первой главе меморандума указывалось, что чехословацкое правительство лишило немцев возможности на равных участвовать в законодательной работе в Революционном Национальном собрании ЧСР, сам состав которого противоречил мирным договорам в вопросах, касающихся охраны меньшинств, поэтому его нельзя считать Учредительным собранием. Но, тем не менее, указывалось в меморандуме, Революционное Национальное собрание «по собственному почину и, не сообразуясь с постановлениями мирных договоров, приняло обязательные государственные законы, благодаря которым права меньшинств находятся в опасности, ибо законы были изданы в порядке октроирования. Порядок прений в парламенте исключает всякую возможность сотрудничества немцев»³¹.

Вторая и третья главы меморандума содержали жалобы на нарушения прав меньшинств в вопросах языка. Указывалось, что закон о языке от 29 февраля 1920 г. «противоречит мирным договорам, и правительство игнорирует все постановления, гарантирующие охрану меньшинств». В этом же ключе в меморандуме подвергались критике законы ЧСР о школе, об аграрной реформе, которая, как отмечалось, «направлена во вред немецким экономическим интересам» и т.д. Меморандум заканчивался призывом к Лиге наций защитить в соответствии с мирными договорами права меньшинств в ЧСР³².

В ссылке на мирные договоры таилась изрядная доля лукавства, так как они были постоянным объектом критики со стороны судето-немецких политиков. Они осуждали действия чехословацкой дипломатии, основывавшиеся на безоговорочном соблюдении мирных договоров, одностороннюю ориентацию ЧСР на Францию, которая была гарантом этих договоров. Депутаты от немецких политических партий критически отнеслись к выступлению Э. Бенеша в Национальном собрании 4 апреля 1922 г., в котором он сформулировал свое видение основных задач предстоявшей Генуэзской конференции³³. Лидер Немецкой социал-демократической рабочей партии Чехословакии Л. Чех заявил, что главной причиной катастрофы в Европе были Версальский и Сен-Жерменский договоры. «Эти договоры больно бьют не только по побежденным госу-

дарствам, но и по так называемым победителям. Государства-наследники, гордо причисляющие себя к победителям, осуждены вынести вместе с ними все пытки рушащегося хозяйства. Нет другого пути избежать мировой катастрофы, как путем устранения мирных договоров», — подчеркнул оратор³⁴. Л. Чех обвинил Э. Бенеша «в последовательно проводимой тайной дипломатии, в абсолютистских методах и полным пренебрежением парламентом»³⁵. Острой критике методы ведения внешней политики, применявшиеся чехословацким правительством, подверг один из лидеров партии немецких свободных демократов Б. Кафка, который также протестовал против тайной дипломатии Э. Бенеша, ничего не сказавшего о подготовке работы к Генуэзской конференции³⁶. Председатель Немецкой национальной партии Р. Лодгман поддержал выступления обоих немецких ораторов и обвинил чехословацкое правительство в заключении тайных военных договоров, в подчинении внешней политики ЧСР интересам Франции и заявил о полном недоверии своей партии к правительству³⁷.

Острой критике действия правительства Э. Бенеша на международной арене подвергли депутаты от судеето-немецких партий в Национальном собрании после Генуэзской конференции. Все они (от социал-демократов до нацистов) осуждали одностороннюю ориентацию ЧСР на Францию, пиетет чехословацкого правительства по отношению к мирным договорам, призывали к установлению дружественных отношений с Германией и Советской Россией. Они высоко оценивали советско-германский договор, подписанный в Рапалло 16 апреля 1922 г., видя в нем важный шаг на пути ликвидации последствий войны, пересмотра мирных договоров и «освобождение от послевоенного психоза». Особое внимание германского посланника в Праге В. Коха привлекло выступление депутата от немецкого «Союза сельских хозяев» Ф. Шпины, который отметил: «Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов... Реальная чешская политика должна смотреть на 3,5 млн. немцев в Чехословакии как на естественный мост между Германией и ЧСР и привлекать их как посредников»³⁸. Шпина также подчеркнул, что интересам Чехословакии отвечало бы улучшение германо-французских отношений. Кроме того, он говорил о необходимости установления добрососедских отношений с Венгрией³⁹.

Очевидно, выступление Шпины в наибольшей степени соответствовало целям Берлина в судеето-немецком вопросе. Германская дипломатия стремилась с первых месяцев существования ЧСР склонить судетских немцев к конструктивному сотрудничеству с чехами с тем, чтобы они смогли завоевать соизмеримое с их численностью политическое влияние и содействовать более благожелательному отношению Праги к Германии. В своем донесении на Вильгельмштрассе от 31 мая 1922 г. Кох с удовлетворением отмечал, что у Ф. Шпины много сторонников среди судетских немцев. Посланник также подчеркивал, что выступление немецкого депутата-агрария с одобрением встретила чехословацкая пресса. В частности, близкая к Бенешу «Prager Presse» положительно оценила его высказывание о посредничестве ЧСР в смягчении франко-германских отношений⁴⁰.

Выступления других судеето-немецких депутатов, особенно нацистов, отличались резкостью, а порой и непримиримостью. Один из лидеров немецких национал-социалистов Г. Книрш в своем выступлении в Национальном собрании подчеркнул, что «Генуэзская конференция свидетельствует о новом политическом и экономическом курсе Европы, уклоняющемся от мирных договоров». По его мнению, интересы Европы и, в частности, Чехословакии состоят не в сохранении, а в пересмотре этих договоров, и «германо-русский союз является первым этапом на этом пути»⁴¹.

Резкой критике судеето-немецкие политики и немецкая пресса подвергали деятельность французской военной миссии в ЧСР и чехословацко-французское военное сотрудничество. Сильный резонанс вызвало скандальное выступление Г. Книрша на заседании палаты депутатов Национального собрания ЧСР 13 июня 1922 г., в котором он «обличал» правительство Чехословакии в подписании тайных договоров с Францией. Книрш утверждал, что первый такой договор был заключен Бенешем 28 октября 1918 г. Чехословакия обязалась содействовать осуществлению мирных договоров и на 10 лет вверяла руководство своей армией французской военной миссии. Расходы по содержанию этой миссии, превышавшие 2 млн франков ежегодно, Чехословакия брала на себя. По истечении 10 лет предстояло организовать смешанную комиссию, которая должна была определить, насколько активное учас-

тие принимала ЧСР в проведении мирных договоров в жизнь. 24 апреля 1921 г. — продолжал Книрш, — был заключен дополнительный договор, предусматривавший участие вооруженных сил ЧСР в оккупации Австрии. Если бы дело дошло до ее объединения с Германией, Чехословакия должна была занять Вену, Линц, Зальцбург, а Югославия — Грац и Клагенфурт. Австрийское правительство предупреждалось бы об этих мерах всего за 24 часа до перехода границы. Во втором дополнительном договоре от 8 ноября 1921 г. ЧСР принимала к сведению союзный договор, заключенный между Францией и Польшей 21 августа 1921 г.⁴² и обязалась в будущем принимать участие в совместных экономических и военных мероприятиях с польским правительством против Германии, в случае установления Францией факта нарушения мира в Центральной Европе, к каковым относились: неисполнение статей Версальского договора, разного рода беспорядки в Германии и другое. Книрш также подчеркнул, что секретный договор с Францией обязывал ЧСР в случае военного конфликта выступить на стороне Франции с 500 тыс. человек⁴³.

Многие германские газеты, основываясь на выступлении Г. Книрша, опубликовали обличительные статьи о тайном военном сотрудничестве ЧСР с Францией⁴⁴. Но германское правительство отнеслось к ним с большим недоверием. В Федеральном архиве (ФРГ) в фонде рейхсканцелярии хранится служебная записка, составленная 15 июня 1922 г. руководителем второго отдела министерства иностранных дел Германии О. Рюмелиным⁴⁵. В ней отмечается, что слухи о существовании такого рода договоров ходили давно. Профессор С. Зенгер в свою бытность посланником в Праге по этому поводу неоднократно беседовал с Бенешем и каждый раз в своих отчетах подчеркивал, что «за этой молвой нет ни единого правдивого слова». Рюмелин сильно сомневался в достоверности утверждения Г. Книрша, будто Э. Бенеш обещал Франции вооруженную помощь в случае какого-либо военного конфликта. Поскольку Бенеш постоянно отказывался гарантировать в какой бы то ни было форме восточную границу Польши, и в советско-чехословацком договоре, подписанном 5 июня 1922 г. в Праге, отчетливо говорилось о «...необходимости взаимного соблюдения каждой из договаривающихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой...»,

были большие сомнения в том, что второй дополнительный франко-чехословацкий договор мог быть заключен в такой форме, как его представил Г. Книрш в своем выступлении. Далее в записке отмечалось, что хотя Э. Бенеш был сторонником тесного союза с Францией, «он со всей осторожностью стремился все больше и больше освободиться от этих оков». Бенеш, для которого характерно системное мышление, неторопливо и целеустремленно расширял внешнеполитические связи Чехословакии с целью поддержания европейского равновесия, «причем он стремился увеличить незначительный политический вес своего маленького государства путем развития под своим руководством Малой Антанты», — подчеркивал Рюмелин. Он отмечал, что «Бенеш до сих пор вообще избегал в своей политике опираться только на определенную группу государств» и отнюдь не всегда поддерживал внешнеполитические действия Франции, в частности, в отношении Советской России. «Принимая во внимание все это, следует считать, что первый мнимый дополнительный договор представляет собой также подлог», — говорилось в документе.

В оценке основного договора Рюмелин был более осторожен. Он отмечал, что «если не по форме, то по содержанию он все же приблизительно соответствует действительности», так как руководство чехословацкой армией с момента ее создания в 1918 г. находилось в подчинении французской военной миссии, которую ЧСР содержала за свой счет. Прага была заинтересована в выполнении мирных договоров, что являлось для нее жизненной необходимостью. Автор документа допускал вероятность существования тайных военных договоров между Францией и Чехословакией, но сомневался в том, что они содержали обязательства военного выступления ЧСР, тем более «выраженного в столь свободной форме», что Бенешу в каждом отдельном случае пришлось бы «целесообразность военной помощи пересматривать с точки зрения своей политики»⁴⁶.

Таким образом, министерство иностранных дел Германии намного реалистичнее и точнее оценивало состояние чехословацко-французских военных отношений, чем некоторые судето-немецкие политики. Действительно, правительство Бенеша в 1921—1922 гг. уклонялось от тесного военного сотрудничества с Парижем. После подписания советско-германского

договора в Рапалло Э. Бенеш предпринял энергичные действия, чтобы приспособить внешнюю политику ЧСР к новым международным реалиям. Он стремился ослабить французское влияние, расширить связи с Советской Россией и Германией, укрепить коалиционное сотрудничество в рамках Малой Антанты⁴⁷.

Но при этом перемены в международных отношениях и модификация внешней политики ЧСР никак не сказались на положении судетских немцев.

В своем донесении в Берлин 18 августа 1922 г. В. Кох утверждал, что немцы в чехословацком государстве и впредь «будут стоять в стороне, не имея никакого влияния». «Законопроекты будут приниматься лидерами партий большинства вместе с правительством за закрытыми дверями, и когда немцы о них узнают, все собственно будет уже решено», — писал посланник. Он считал, что в таком положении дел виновны не только чехи, но и сами немцы. Немецкие социал-демократы действовали сами по себе; через Немецкий парламентский союз, объединявший депутатов буржуазных партий, пролегла глубокая трещина. На одной стороне стояли те, кто не признавал ни чехословацкое государство, ни его конституцию, на другой — «сторонники оппортунистической политики от случая к случаю». И обе стороны считали невозможным сотрудничество друг с другом. Кох отмечал, что появился новый фактор раскола — антисемитизм, возникли сложности в отношениях пражских немцев и немцев пограничья. Тем временем, подчеркивал германский посланник, чехословацкие власти продолжали политику «чехизации». Несмотря на политическое затишье в летнее время, «гигантский аппарат чехизации», писал Кох, ни на одно мгновение не прекращал своей работы и в тысяче мест действовал «с невероятной энергией и последовательностью»⁴⁸.

В сентябре 1922 г. Ассамблея Лиги наций приняла проект Э. Бенеша по вопросу о положении национальных меньшинств, который обсуждался в связи поступавшими в Лигу наций жалобами судетских немцев⁴⁹ и венгров⁵⁰ на нарушение своих прав. При рассмотрении этой проблемы чехословацкий премьер-министр исходил из неуклонного соблюдения мирных договоров. Национальные меньшинства обязаны были сохранять лояльность в отношении государства, в границах

которого они проживали. Со своей стороны государственные власти должны были уважать права национальных меньшинств и ограждать их от различного рода притеснений. Но он решительно отвергал любые проявления национальной демагогии, истерии и нелояльности со стороны меньшинств⁵¹. Принятию Лигой наций проекта Бенеша в решающей степени способствовало отношение западных союзников к проблемам меньшинств. Франция всегда была противницей того, чтобы судетские немцы оказывали какое-либо влияние на политическую жизнь ЧСР, и не намерена была поддерживать их жалобы в Лигу наций. Французский делегат Г. Аното в своем выступлении на заседании Ассамблеи 21 сентября 1922 г. с особой настойчивостью подчеркивал, что проблемы национальных меньшинств должны решаться правительствами государств, где они проживали. «В истории единение всегда являлось и является феноменом внутренней политики», — говорил он, — а возникающие «трудности могут быть сглажены временем и взаимной доброй волей»⁵². Г. Аното возражал против направления в эти страны для разбора споров между национальными меньшинствами и правительствами представителей Лиги наций, опасаясь, что «их присутствие могло бы привести к созданию своего рода центра оппозиции»⁵³.

Великобритания, которая хорошо знала о многочисленных нарушениях прав национальных меньшинств в странах Малой Антанты, предпочитала не вмешиваться и не собиралась брать на себя инициативу в решении этих проблем. В Форин офисе считали, что любое внешнее вмешательство принесет больше вреда, чем пользы: если бы национальные меньшинства встретили сочувствие в Лиге наций, то они отказались бы от любых попыток урегулирования своих проблем в рамках государств, в которых они проживали, и волнения продолжались бы бесконечно долго⁵⁴. Поэтому великие державы с легкостью уступили инициативу Бенешу и поддержали его проект о национальных меньшинствах. 21 сентября 1922 г. Ассамблея Лиги наций приняла по этому вопросу ряд резолюций. Резолюция III гласила: «Хотя Ассамблея признает преимущественное право меньшинств находиться под защитой Лиги от притеснений, она также подчеркивает обязанность лиц, принадлежащих к расовым, религиозным или языковым меньшинствам взаимодействовать в качестве лояльных граждан с государствами, к

которым они принадлежат».⁵⁵ Резолюция V обязывала секретариат Лиги наций не только оказывать помощь Совету Лиги в рассмотрении жалоб меньшинств, но и «содействовать Совету в выявлении того, как лица, принадлежащие к расовым, религиозным и языковым меньшинствам выполняют свой долг в отношении своих государств»⁵⁶.

Из Женевы 23 сентября Бенеш направил в дипломатические представительства ЧСР за границей циркулярную телеграмму, сообщая о своей предстоящей отставке с поста председателя правительства и намерении в большей степени сосредоточиться на вопросах внешней политики⁵⁷ 5 октября 1922 г. Э. Бенеш заявил об отставке своего правительства. Надежды на урегулирование судето-немецкого вопроса, которые на него возлагались, не оправдались. Чехословацкие и судето-немецкие политики оказались неспособными преодолеть груз прошлого и проложить путь к межнациональному примирению и сотрудничеству. Судето-немецкий вопрос достался в наследство новому правительству во главе с А. Швеглой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Град» — влиятельнейшая политическая группировка во главе с президентом Т.Г. Масариком, объединявшая известных политиков, юристов, литераторов, журналистов, разделявших идеалы президента и стремившихся воплотить их жизнь. (Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 119—120).

² *Olivová V. Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 127—128.*

³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138а. Оп. 4. П. 4. Д. 27—а. Л. 13. (Мостовенко — Чичерину. Прага, 27 сентября 1921 г.). (Далее — АВП РФ).

⁴ Подробнее см.: *Станков Н.Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918—1924. Волгоград, 2007. С. 191—195.*

⁵ *Campbell F.G. Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia. Chicago, London, 1975. P. 109—110.*

⁶ Автор статьи выражает глубокую благодарность профессору Кёльнского университета М. Александеру за предоставленную электронную копию документов германского посольства в Праге. *Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik. T. 2. Von Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Švehla 1921—1926.*

Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander. Dok. 10. (Далее — DG).

⁷ АВП РФ. Ф. 138а. Оп. 4. П. 4. Д. 27—а. Л. 14. (Мостовенко — Чичерину. Прага, 1 октября 1921 г.).

⁸ Там же. Л. 13. (Мостовенко — Чичерину. Прага, 27 сентября 1921 г.).

⁹ Там же.

¹⁰ В конце июля 1921 г. в Усти-над-Лабем имели место кровавые столкновения между чешскими легионерами и немцами. Правительство Я. Черны не приняло должных мер для наказания виновных. В знак протеста депутаты от немецких буржуазных партий прекратили посещать заседания Национального собрания ЧСР.

¹¹ *Česar J., Černý B.* Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918—1938. Praha, 1962. D. 1. S. 260.

¹² DG. T. 2. Dok. 1 (Германское посольство — в МИД. Прага, 11 октября 1921 г.).

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. Dok. 2. (Кох — в МИД. Прага, 19 октября 1921 г.).

¹⁵ Ibid. Dok. 3. (Кох — в МИД. Прага, 22 октября 1921 г.).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ *Česar J., Černý B.* Op. cit. D. 1. S. 262.

¹⁸ Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady. Karton 4369 (Протокол чрезвычайного заседания совета министров 27 октября 1921 г.). (Далее — NA. PMR).

¹⁹ См.: Vojenský historický archiv. Praha. Vojenská kancelář presidenta republiky. Karton 38. č.j. 10582. (Рапорт президиума земского политического управления в Праге о демонстрации в Краслицях. Прага, 29 октября 1921 г.); Ibid. č.j. 10591 (Рапорты президиума земского политического управления в Праге о положении в Румбурке. Прага, 28—30 октября 1921 г.). (Далее — VHA. VKPR).

²⁰ Ibid. č.j. 10577. (Рапорт президиума земского политического управления в Праге о реакции в Германии на объявление мобилизации в ЧСР. Прага, 28 октября 1921 г.).

²¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. A: 1918—1925. Göttingen, 1987. Bd. 5. S. 386. Dok. 187.

²² VHA. VKPR. Karton 39. č.j. 10759. (Гондл — в министерство национальной обороны. Берлин, 30 ноября 1921 г.).

²³ DG. T. 2. Dok. 12. (Диккхофф — в МИД. Прага, 30 декабря 1921 г.).

²⁴ *Beneš E.* Práce a zápasu po boku TGM. Vzpomínky 1910—1947. Praha, 2000. S. 60.

²⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Ser. I. London, 1983. Vol. 24. P. 187. Doc. 51. (Далее — DBFP).

²⁶ Ibid. P. 188.

²⁷ DG. T. 2. Dok. 22 (Кох — в МИД, Прага, 7 апреля 1922 г.).

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53947. Л. 153. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 74. Обзор чешской печати. 4 апреля 1922 г.).

²⁹ Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. II. Sekce — 3. Společnost Národů. č. 708. S. 1—28. Petice německého parlamentního svazu z 15. IV.1922. č.j. 84/ 22-del. (Постоянная делегация ЧСР при секретариате Лиги наций в Женеве — в МИД ЧСР. Женева, 22 апреля 1922 г.) (Далее — AMZV).

³⁰ Problem ochrany menšin. Praha, 1923. S. 237.

³¹ См.: AMZV. II. Sekce — 3. Společnost Národů. č.708. S. 1—11.

³² Подробнее см.: Ibid. S. 13—28.

³³ См.: *Beneš E. Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z roku 1919—1924.* Praha, 1924. S. 165—174.

³⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 272. Д. 53947. Л. 171. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 75. Обзор чешской печати. 5 апреля 1922 г.).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 173.

³⁷ Там же.

³⁸ Národní shromáždění republiky Československé 1920—1925. Poslanecká sněmovna. Stenoprotokoly. 141. schůze. 29. května 1922 // <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/141schuz/s141001.htm>

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ DG. T. 2. Dok. A.12. Anm. 1.

⁴¹ Národní shromáždění republiky Československé 1920-1925. Poslanecká sněmovna. Stenoprotokoly. 141. schůze. 29. května 1922 // <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/141schuz/s141001.htm>

⁴² Очевидно, допущена ошибка. Политический договор и военная конвенция между Польшей и Францией подписаны 19 февраля 1921 г.

⁴³ Národní shromáždění republiky Československé 1920—1925. Poslanecká sněmovna. Stenoprotokoly. 145. schůze. 13. června 1922 // <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/145schuz/s145001.htm>; Bundesarchiv. Berlin. R 43 I/149. Bl. 169—170. (Записка О. Рюмелина. Берлин, 15 июня 1922 г.).

⁴⁴ Bundesarchiv. Berlin. R 43 I/149. Bl. 169.

⁴⁵ Благодарю профессора М. Александра за помощь в установлении авторства документа.

⁴⁶ Bundesarchiv. Berlin. R 43 I/149. Bl. 170—171.

⁴⁷ Подробнее см.: *Станков Н.Н.* Дипломатия Э. Бенеша после Рапалло (май-октябрь 1922 года) // Славянство, растворенное в крови ... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волко-

ва (1930—2005): сб. статей. М., 2010 С. 242—257.

⁴⁸ DG. T. 2. Dok. 31 (Кох — в МИД, Прага, 18 августа 1922 г.)

⁴⁹ AMZV. II. Sekce — 3. Společnost Národů. Č. 708. S. 1—28. Petice německého parlamentního svazu z 15.IY.1922. č.j. 84/ 22-del. (Постоянная делегация ЧСР при секретариате Лиги наций в Женеве — в МИД ЧСР. Женева, 22 апреля 1922 г.)

⁵⁰ DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 325—326. Doc. 148.

⁵¹ Edvard Beneš (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919—1928 / K vydání připravili J. Čechurová, J. Čechura. Praha, 2000. S. 51.

⁵² League of Nations. Records of the Third Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1922. Vol. 1. P. 184.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 326. Doc. 148.

⁵⁵ League of Nations. Records of the Third Assembly. Plenary Meetings. Vol. 1. P. 186.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ *Beneš E.* Circulární telegramy 1920-1935. Praha, 2002. S. 60. Dok. № 50.

В.В. МАРЬИНА

(МОСКВА)

К вопросу о попытке выселения венгров из Чехословакии после Второй мировой войны: позиция коммунистов 1945 г.

После распада Австро-Венгрии и образования Чехословацкой республики (1918 г.) в её границах согласно Трианонскому мирному договору (1920 г.) оказались территории с преобладающим здесь венгерским населением. Чехословакия, по сути, возникла как многонациональное государство. Хотя большинство его жителей составляли чехи и словаки, но велика была доля немецкого (особенно в чешских землях) и венгерского (в Словакии) меньшинств. Венгрия никогда не считала Трианонский договор справедливым и стремилась к его пересмотру. Чехословацко-венгерские отношения в межвоенный период оставались напряженными. В руководящих кругах Венгрии и среди её населения сильны были ревизионистские и реваншистские настроения. Особенно они усилились в период вызревания мюнхенского кризиса. Чехословацкий посланник в Будапеште М. Кобр писал 5 марта 1938 г.: «После [Первой] мировой войны вся идейная жизнь венгерского народа была проникнута лишь сознанием несправедливости, нанесенной стране и народу мирным Трианонским договором, и страстным желанием изменить это невыносимое для них положение. Начиная воспитанием малых деток в яслях и кончая лекциями самого знаменитого университетского профессора, каждое выступление идеологического характера служило этой ведущей идее..., и все надежды на изменения были связаны с государствами, также недовольными положением, прописанным в мирных договорах, с Италией и Германией»¹. Надо сказать, что большинство венгерского населения, оказавшегося в Чехос-

ловакии, чувствовало себя здесь чужеродным элементом и не расставалось с мыслью о возвращении на свою прежнюю родину. Но среди словацких венгров, особенно среди рабочих, было и немало членов Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), связывавших свою судьбу с ЧСР, но критически относившихся к её национальной политике, действительно далеко не идеальной.

Большинство словацких венгров одобрительно восприняло решение так называемого первого Венского арбитража Италии и Германии 2 ноября 1938 г., согласно которому Венгрии передавалась южная часть территории Словакии и юго-западная часть территории Подкарпатской Руси (Закарпатья). Венгерские власти немедленно установили здесь свои порядки. Оккупация этих территорий, по мнению известного словацкого историка Л. Липтака, «стала сильной травмой для большинства словаков». К тому же, здесь, как и до 1918 года, «начала проводиться политика денационализации. Было закрыто множество словацких школ, изгнано за границу более 900 учителей и тысячи крестьян, получивших тут землю по аграрной реформе. Были закрыты и уничтожены словацкие библиотеки, союзы, органы печати; проявления национальной жизни жестоко подавлялись жандармерией и властями», несколько ослабившими свой напор с 1942 г. «Местные венгры, — по словам Липтака, — после всплеска эйфории в связи с “национальным освобождением” вскоре ощутили на себе некоторые стороны диктаторского режима Хорти. Привыкшие к чехословацкой демократии, они тяжело переносили ограничение гражданских свобод, их унижало предпочтение, отдаваемое переселенцам с “этнической родины”... Однако режим Хорти праздновал триумф..., участие в войне против Советского Союза обещало полную ревизию Трианонского договора и восстановление Великой Венгрии»². Венгерские части сражались на стороне Германии вплоть до конца войны.

20 января 1945 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии с Венгрией, во втором пункте которого значилось: «Венгрия обязуется эвакуировать свои войска с оккупированных ею территорий Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы границ Венгрии на 31 декабря 1937 г. и аннулировать все законодательные и административные акты, относящиеся к аннексии территорий соседних стран». Объявлялось

также несуществующим решение Венского арбитража 2 ноября 1938 г.³ Чехословацкое требование о том, чтобы обязать Венгрию принять всех венгров, выселяемых с территории восстановленной в домюнхенских границах ЧСР, из-за сопротивления западных союзников принято не было. Статс-секретарь чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Г. Рипка в беседе с английским посланником при чехословацком правительстве П. Николсом 24 января 1945 г. выразил свое недоумение по этому поводу, заявив, что, во-первых, это осложнит в будущем чехословацко-венгерские отношения, а, во-вторых, приведет к стихийной расправе с венграми на освобожденной территории⁴.

Президент ЧСР Э. Бенеш (этот его статус был признан союзниками по антигитлеровской коалиции), после расчленения страны в марте 1939 г. возглавивший за границей борьбу за её восстановление в домюнхенских границах, выступил за возрождение Чехословакии как государства чешского и словацкого народов и выселение с его территории (в качестве гарантии от нового Мюнхена) немецкого и венгерского населения, содействовавшего развалу республики. Этот план не мог быть реализован без поддержки и согласия великих держав — СССР, Англии и США, чего Бенеш и стал настойчиво добиваться. Союзники в принципе не возражали, хотя и не спешили давать своего окончательного согласия, желая большей ясности и конкретности в решении вопроса. Весьма подробно Бенеш изложил свое видение проблемы в меморандуме о трансфере немецкого меньшинства⁵, который он передал советскому правительству во время визита в Москву в декабре 1943г. с целью заключения договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Вопрос о выселении немцев и венгров тогда же Бенеш обсуждал и во время встреч с представителями Загранбюро КПЧ, заручившись их принципиальным согласием⁶.

Реализация плана превращения ЧСР в государство чехов и словаков, в славянское государство, началась со Словакии, освобождение которой началось раньше и где отчаянное сопротивление Красной Армии оказывали не только части вермахта, но вплоть до заключения соглашения о перемирии с Венгрией и венгерские войска. Словацкий национальный совет (СНС), созданный на паритетных началах коммунистами и демок-

ратами (представителями Демократической партии), в своем манифесте от 4 февраля 1945 г. одной из основных задач народной власти на освобожденной территории республики считал следующее: «Представители [политики] мадьяризации и феодально-фашистского режима, которых на оккупированную территорию Словакии после 1938 г. направило пештское правительство, должны уйти туда, откуда пришли. Положение местных венгерских граждан будет зависеть от того, как они будут относиться к словацкому народу, новой Чехословакии и их демократической и славянской ориентации. Обязанностью демократически мыслящих венгров является искоренение всех фашистских, антисловацких и промадьярских элементов. Гражданам словацкого происхождения, подвергшимся мадьяризации, мы дадим возможность включиться в словацкую национальную жизнь»⁷. Как видно, здесь не предполагалось поголовное выселение венгров (или их большинства) из Чехословакии, а решение этого вопроса на демократической основе. Подтверждают это и другие документы. Например, в инструкции СНС о деятельности окружного национального комитета в Ловинобани от 5 февраля 1945 г. говорилось: «Национальный комитет должен сотрудничать с демократически мыслящими венграми, поскольку речь идет о территории, населенной преимущественно венграми... В венгерские населенные пункты окружной национальный комитет должен назначить уполномоченного, — надежного, демократически мыслящего словака, тактичного и осторожного, который после обсуждения с местным населением выберет из демократически мыслящих венгров совещательный орган и начнет действовать в соответствии с программой ОНК». Такие же инструкции получил и ОНК в Лученце, где рекомендовалось как можно скорее открыть школы: «На специальных курсах учителя будут проинструктированы проверенными политическими работниками о том, в каком духе следует вести обучение в новой Словакии. Для венгерского населения должны быть открыты народные школы. Учителя, прибывшие из Венгрии, в этих школах преподавать не должны. Из других венгерских учителей преподавать могут те, кто не является врагом словацкого народа и Чехословацкой республики и настроен демократически»⁸. В программной статье органа СНС «Национальное возрождение» (13 февраля 1945 г.) говорилось о том, что «все

государственные чиновники на оккупированной венграми территории, и, естественно, все служащие, направленные сюда из трианонской Венгрии после 1938 г., чтобы проводить тут мадьяризацию и терроризировать словацкое население, а также покончить с демократической ориентацией венгерского населения, унаследованной от бывшей ЧСР», не только не будут приняты на государственную службу, но должны покинуть территорию Словакии⁹.

28 февраля — 1 марта 1945 г. в Кошице состоялась конференция Коммунистической партии Словакии (КПС), на которой в числе прочих рассматривался и вопрос о политике в отношении венгерского населения. Главным докладчиком являлся вице-председатель КПС Г. Гусак, который незадолго до этого побывал в Москве и неоднократно встречался с членами Загранбюро КПЧ и К. Готвальдом, чтобы обсудить вопрос о характере и направлении начавшихся в Словакии преобразований. Дважды в докладе Гусака поднимался и венгерский вопрос. Первый раз он коснулся словацких границ. «Местными венграми, — сказал докладчик, — распространяются слухи, что границы Словакии еще не установлены и что тем или иным образом они могут быть исправлены и изменены. Открыто заявляю, что *границы Словакии времени ЧСР (до Мюнхена) мы считаем незыблемыми, Словакия — едина и неделима*. Поэтому напрасны все ирредентистские поползновения венгерского фашизма, поскольку наш народ, нашедший в себе решимость подняться на борьбу против немецкой державы, найдет в себе силы решительно отстоять и свои границы». Политика в отношении венгерского населения, по словам Гусака, должна исходить из следующего: 1. В 1938 г. большая часть венгерского меньшинства в Словакии *приветствовала уничтожение ЧСР* и оккупацию южных районов Словакии фашистской Венгрией, «большинство венгерского населения радовалось тому, что от демократической Чехословакии оно переходит к фашистской и феодальной Венгрии»; 2. «Венгры являлись *главным союзником фашистской Германии* до самого последнего часа, и на некоторых участках еще и сегодня воюют против Красной армии»; 3. «Венгры активно участвовали в *денационализации словацких сел и городов*, в изгнании и преследовании словаков, и таким образом добились того, что отношения между словаками и венграми обострились»; 4. «Тогда, когда

словацкий народ восстал против фашизма, венгерский народ продолжал воевать против *Красной армии*»; 5. «Еще и сегодня на части словацкой территории находятся венгерские военные формирования, они сражаются не только против Красной армии, но и против чехословацких войск и словацких партизан. Среди них есть не только венгры из трианонской Венгрии, но и с территории, возвращенной ныне Словакии». Из всего этого, по словам Гусака, «логически вытекает недоверие к венграм... *Венгры должны осознать, что никакая территория не будет возвращена Венгрии, и об этом мы ни с кем говорить не будем. Словацкие крестьяне и рабочие, изгнанные из плодородных областей и в течение веков вынужденные жить в горных местностях, снова должны вернуться на старые словацкие территории и получить тут возможность достойной жизни*». Гусак подчеркнул, что «венгерские товарищи», которые участвовали в борьбе против фашистского режима и ничем себя не скомпрометировали, «являются в нашей партии такими же товарищами, как и остальные. Но мы будем строго проверять каждого человека, поскольку для этого есть причины». На территории, которая была оккупирована Венгрией, — сказал докладчик, — после освобождения венгры в массовом порядке стали создавать организации коммунистической партии. «Мы знаем, что в них вступали венгры и из конъюнктурных соображений, рассчитывая членством в коммунистической организации скрыть свой коллаборационизм и уйти от наказания. Мы потребуем, чтобы там была проведена строгая чистка. Те товарищи, которые честно зарекомендовали себя в антифашистской борьбе и как коммунисты не участвовали в войне против СССР, мы примем в партию и будем относиться к ним, как к товарищам. Остальные останутся для нас врагами и предателями. Новые отношения между словацким и венгерским народами могут возникнуть лишь тогда, когда венгры проведут чистку на своих территориях и искупят несправедливости, совершенные в отношении нашего народа. Но, поскольку мы не видим такого движения и выступлений [со стороны венгров], мы должны смотреть на них с недоверием»¹⁰. Такая достаточно жесткая линия поведения словацких коммунистов в отношении венгерского населения была, возможно, согласована Гусаком с Готвальдом¹¹, точка зрения которого сводилась к следующему: «Общественное управление

в населенных пунктах и округах с большинством венгерского населения будет осуществляться через управленческие комиссии, состоящих из демократических словаков и назначенных соответствующими окружными НК или СНС, если возможно, по предложению местного словацкого населения. Из представителей демократического и верного республике венгерского населения будут составлены местные или окружные (?) народные комитеты, как вспомогательные и совещательные органы общественного управления в соответствующих населенных пунктах или округах. Создание венгерских национальных партий под любым названием не будет в дальнейшем разрешено. Демократические и верные республике венгры могут быть членами разрешенных словацких политических партий. Из общественной жизни исключаются все венгры, которые активно участвовали в борьбе против Словакии и Чехословацкой республики»¹². Доклад Гусака стал широко известен: он был опубликован в органе КПС газете «Правда», а затем вышел отдельной брошюрой под названием «За национальную свободу и народную демократию» (*Za národnú slobodu a ľudovú demokraciu*. Košice, 1945)

В обращении КПС к членам партии и словацкой общественности, принятом на конференции, в числе прочих первоочередных задач, которые надлежало осуществить в сотрудничестве с остальными демократическими силами, значилось *«устранение всех несправедливостей национального, экономического и политического характера, совершенных венгерскими захватчиками и ревизионистами в отношении словацкого народа в южных областях Словакии»*. Кроме того, политике в отношении венгров был посвящен специальный раздел воззвания, в котором говорилось: «Все те венгры, которые приветствовали и поддерживали включение южных областей Словакии в Венгрию и их оккупацию венгерскими фашистскими войсками; все те венгры, которые совершили несправедливости и насилия в отношении словаков в этих областях; все те венгры, которые с оружием в руках сражались против союзнической Красной армии, чехословацких воинских частей и словацких партизан на советской земле; все те венгры, которые плечом к плечу с немецкими оккупантами воевали и еще сегодня воюют на территории Словакии против армии-освободительницы и словацких партизан; все эти

потерпевшие поражение наемники гитлеровской Германии *должны быть судимы и наказаны как враги словацкого народа, славянства и демократии*. Мы требуем беспощадных действий против этих враждебных элементов, а также против всех тех венгров, которые как оккупанты и мадьяризаторы прибыли на территорию Словакии после 6 ноября 1938 г.

Демократическая и прогрессивная часть венгерского населения должна понять, что лишь тогда может снизиться доверие словацкого народа, когда сама будет энергично бороться против всех тех венгров, которые допустили указанные злодеяния в отношении словацкого народа, если безусловно и на деле откажется от любого замаскированного ирредентизма и самоотверженной работой будет содействовать борьбе за изгнание немецких и венгерских захватчиков из Словакии.

КПС выступает за то, чтобы южные границы Словакии, подвергшиеся насильственной мадьяризации в прошлом или же в прошедшие шесть лет, были планомерно и постепенно *опять словакизированы*. Богатая и плодородная земля южной Словакии, с которой венгерские графы и феодальные правители вытеснили словацких крестьян в горы, должна быть снова возвращена словацким крестьянам. Мы требуем, чтобы в села и города с венгерским большинством или меньшинством были как можно скорее назначены *управленческие комиссии*, причем из венгерских граждан, честных демократов и активных антифашистов могут быть созданы *вспомогательные* комиссии с совещательным голосом.

Партийная конференция обязывает товарищей, работающих в краях и городах с венгерским меньшинством или большинством, как можно более энергично положить конец всем антисловацким, антигосударственным и ирредентистским тенденциям.

Территория Словакии — неделима и неприкасаема!¹³.

В этом обращении была, по сути, обозначена вся программа КПС по венгерскому вопросу, которой она старалась придерживаться и позже. В нем нашли отражение все способы решения этого вопроса, а именно: выселение в Венгрию, обмен населением между Чехословакией и Венгрией, демадьяризация или ресловакизация лиц, имеющих словацкие корни. В зависимости от внутри- и внешнеполитических обстоятельств тот или иной метод впоследствии выдвигался на первый план.

Кроме того, написанное очень эмоционально, обращение не могло не встретить поддержки на местах, со стороны местных национальных комитетов, где сильные позиции занимали коммунисты. Обращение, по всей видимости, было воспринято как руководство к действию и послужило импульсом к актам так называемого дикого выселения венгров, которые сегодня широко известны из опубликованных документов и литературы.

К тому же 27 февраля 1945 г. СНС принял постановление о проведении земельной реформы в Словакии, по которому всё сельскохозяйственное имущество, включая землю, изымалась у немецких и венгерских помещиков, у немцев и венгров, имеющих иностранное подданство, а также ставших предателями. Землю должны были получить неимущие и малоимущие словацкие крестьяне. Национальный фактор на этом этапе проведения земельной реформы играл решающую роль. Конференция КПС обратилась к словацким крестьянам с призывом приступить немедленно к разделу конфискованной земли в соответствии с постановлением СНС: «Создавайте местные и окружные крестьянские комиссии и докажите, что быстрее и справедливее проведете земельную реформу, чем любой бюрократический аппарат»¹⁴.

Естественно, это не могло не сказаться на стремлении как можно скорее изгнать немцев и венгров с территории Словакии. В течение всей весны «Правда» приносила сообщения о начавшемся здесь разделе земли¹⁵. Уже 17 марта 1945 г. генеральный секретарь ЦК Компартии Венгрии М. Ракоши в письме на имя заведующего Отдела международных отношений (ОМИ) ЦК ВКП(б) Г. Димитрова сообщал: «Мы получаем много жалоб из Словакии о том, что тамошние товарищи ведут неправильную политику по отношению к венграм. Свои действия они обосновывают тем, что... при приеме венгерских коммунистов им необходимо соблюдать известную предосторожность, иначе они не могут выступать как национальная партия. В результате этого в Словакии даже не выходит венгерской еженедельной коммунистической газеты, а венгерские коммунисты чувствуют себя подавленно и обращаются за помощью к нам». Ракоши просил Димитрова поговорить по этому вопросу со «словацкими товарищами», выезжавшими, по его сведениям, в Москву¹⁶. Представители СНС, в том числе Г. Гусака,

прибывшие в Москву, были ознакомлены с проектом программы Национального фронта чехов и словаков и участвовали в её обсуждении, но об их встрече с Димитровым ничего не известно.

Позиции союзных держав по вопросу переселения немецкого и венгерского меньшинств из стран, которые этого хотели, еще не были определены, что, естественно, тормозило реализацию планов словацкого национального фронта, представленного коммунистами и демократами. В марте 1945 г. при переезде на родину через Москву Бенеш снова обсудил с Молотовым проблему трансфера немцев и венгров, заявив, в частности, что из 600 тыс. проживающий в Чехословакии венгров следует выселить 400 тыс. В памятной записке о переговорах с Бенешем значилось: «**Переселение из Чехословакии немецкого и венгерского населения.** Советское правительство принципиально высказывается за такое переселение, однако свои конкретные соображения может изложить по получении от чехословацкого правительства плана указанного переселения»¹⁷. В первой программе Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой правительственной программе, проект которой был подготовлен Загранбюро КПЧ, не говорилось, с учетом сдержанной позиции англичан и американцев в этом вопросе, прямо о трансфере и о числе немцев и венгров, которые должны покинуть Чехословакию. Излагались лишь принципы, подходы к решению вопроса. Правительство при этом намеревалось придерживаться следующих правил: чехословацкое гражданство будет подтверждено и возвращение в страну гарантировано антинацистам и антифашистам, которые еще до Мюнхена вели борьбу против Гитлера и венгерских ирредентистских партий и за это после расчленения Чехословакии попали в тюрьмы, концентрационные лагеря или же вынуждены были эмигрировать и вести за границей борьбу за восстановление ЧСР. Остальные лица немецкой и венгерской национальности будут лишены чехословацкого гражданства, если оно имелось у них ранее. Просьбы об оптации должны рассматриваться властями в индивидуальном порядке. Те немцы и венгры, которые будут осуждены за преступления против республики, будут выдворены за её пределы навсегда, если против них не будет заведено уголовное дело. Немцы и венгры, которые прибыли на территорию Че-

хословакии после Мюнхена, будут выселены немедленно, если не подлежат уголовному преследованию. Исключение составляли лица, которые действовали в интересах Чехословакии¹⁸. Таким образом, выселение значительной части немцев и венгров поддержали все политические силы, которые были представлены в Национальном фронте чехов и словаков, взявшем на себя ответственность за организацию жизни в освобожденной стране¹⁹. О создании какого-либо органа, занимающегося переселением, ничего не говорилось. Возможно, это было связано с надеждами на то, что выселение удастся провести с помощью советских военных органов в ходе освобождения ЧСР. При обсуждении вопроса о трансфере, хотя самого этого термина в программе не было, Готвальд заявил: «Западные державы уже отвергли трансфер. При переговорах о перемирии с Венгрией Бальфур и Гарриман не согласились включить трансфер в условия перемирия. Молотов был “за”. Нам окажет большую помощь Красная армия. Однако всё будет зависеть от того, как станут развиваться военные действия. Серьезная проблема будет в Кошицах. Там до самого конца оставалось много *anášů*²⁰. В Словакии теперь больше венгров, чем прежде, поскольку Красная армия продвигалась с юга на север, и они не могли никуда бежать. Если мы не сможем их никуда выслать, то остаётся лишь трудовая повинность»²¹. Однако надежды на помощь Красной армии в решении венгерского вопроса, по всей видимости, не оправдались, хотя Москва в принципе не возражала против выселения венгров из Словакии (ЧСР).

Программа сформированного в Москве чехословацкого правительства была оглашена 5 апреля 1945 г. в г. Кошице, где оно первоначально обосновалось. Здесь же по инициативе К. Готвальда 8 апреля состоялось совещание функционеров КПС и представителей московского руководства КПЧ. О стратегической и тактической линии КПЧ и задачах КПС в ходе развивающейся национальной и демократической революции говорил К. Готвальд. Хотя вопрос о политике в отношении венгров им не поднимался, но Готвальд заявил, что его «лично особенно беспокоит то, что в Словакии почти ничего не было сделано» в плане борьбы против изменников и коллаборационистов. Очевидно, критика была услышана словацкими коммунистами. По всей вероятности, на этом совещании обсуждались и конкретные вопросы действий в отношении

венгерского населения. По словам чехословацкого премьер-министра З. Фирлингера, сказанным им советскому послу В.А. Зорину 16 апреля 1945 г., он направил советскому правительству ноту по поводу выселения венгров из г. Кошице и сказал, что «СНС при участии центрального правительства обсуждал недавно вопрос об общем выселении венгров из Словакии, учитывая совет, данный якобы т. И.В. Сталиным Бенешу, о том, что выселение венгров надо провести возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Исходя из этого, СНС подготовил выселение в течение 3 месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии». Фирлингер заявил, что план этого выселения будет в ближайшее время готов и обещал показать его Зорину. Советский посол заметил, что нота о начале выселения венгров из Кошиц 16 апреля пришла слишком поздно и что только вечером он сможет информировать о ней командование 4-го и 2-го Украинских фронтов. Зорин попросил Фирлингера заблаговременно дать ему общий план переселения венгров, чтобы своевременно информировать о нем советское правительство и чтобы он мог быть согласован с командованием 2-го Украинского фронта. Фирлингер обещал это сделать²². 17 апреля Зорин снова встретился с Фирлингером и заявил «между прочим», что у него есть сведения «о беспорядках в проведении выселения венгров из Кошиц». По мнению советского посла, это было «следствием недостаточного руководства этим важным делом со стороны словацких руководителей». Зорин указал на то, что «выселяемых предупреждают за 15—20 минут, производят трижды проверку вещей, которые они берут с собой, в результате чего люди подходят к границе, лишённые вещей». Зорин подчеркнул, что словацкие органы должны были бы устранить указанные беспорядки, учитывая, что проводящееся сейчас выселение является лишь репетицией более крупного переселения венгров». Фирлингер согласился с этим и обещал «связаться со словаками» и рекомендовать им исправить положение²³.

Но в действительности отказа от методов «дикого выселения» не произошло. Первые публичные выступления Э. Бенеша на территории освобожденной страны трактовались как возможность изгнания из Чехословакии всех немцев и венгров. Никаких распоряжений или постановлений СНС на этот счет не было. Возможно, именно поэтому на местах оказались «раз-

вязаны руки», и СНС должен был реагировать на это. 15 мая 1945 г. появилось его единогласно принятое постановление о наказании фашистских преступников, оккупантов, изменников и коллаборационистов и о создании народных судов. А 25 мая, выступая на пленарном заседании СНС, уполномоченный (поверенник) по внутренним делам Г. Гусак сделал следующее разъяснение: «В соответствии с советско-венгерским соглашением о перемирии Словакию, а также Чехословакию, должен покинуть весь венгерский государственный аппарат, который был создан на нашей территории после 1938 года. Это — одна линия, согласно которой венгры должны покинуть и покинут нашу территорию.

Другая линия — чисто политическая: кто провинился против республики, против демократического принципа, состоял в нилашистских или иных [подобных] организациях, будут подвергнуты уголовному преследованию, арестованы и судимы, менее виновные должны будут покинуть нашу территорию. Остальные граждане венгерской национальности, если их совесть не запятнана какими-либо уголовными деяниями против народа или политического режима, мы трогать не можем да и не хотим. Это — положение на сегодняшний день.

Правда, что центральное правительство и Словацкий национальный совет обдумывают и готовят вопрос о переселении венгерского населения из Словакии и разбросанных по всей Венгрии словаков обратно. Однако эту акцию сегодня нельзя начать самовольно и по собственному желанию по международным причинам; она должна быть согласована с другими государствами». «Кому-то до сих пор проводимы мероприятия, — продолжал Гусак, — могут показаться недостаточными или половинчатыми. Это в определенной мере правда... Гарнизоны чехословацкой армии очень скоро появятся на всем нашем пограничье, тем самым чувство безопасности на этой территории окрепнет, и наши государственные органы смогут действовать более энергично и быстро. Нельзя все делать так, как хотелось бы. Мы должны считаться со многими интересами, но ничто нам не должно помешать по политической линии остро выступить против предателей и фашистов.

С другой стороны (видимо, имелась в виду Венгрия — *ВМ.*) приходят жалобы, что словацкая сторона действует буквально шовинистически, что многие наши органы действуют, как ок-

купанты, что люди подвергаются террору лишь за пользование своим языком. Полагаю, что Словацкий национальный совет согласится со мной, что этого мы не желаем»²⁴. Слова прозвучали как своеобразное извинение за неприятные инциденты.

Готвальд, выступая на первом пражском активе функционеров КПЧ 12 мая 1945 г., подчеркнул, что проблема выселения из ЧСР немцев и венгров, провинившихся против чешского и словацкого народов, будет трудной главным образом из-за сопротивления Запада. Но, сказал он, «я думаю, что мы не должны будем на это оглядываться, и то, что можем сделать в рамках своей собственной компетенции, т.е. в рамках нашего чехословацкого государственного суверенитета и посредством нашей государственной власти, мы сделаем. Мы, коммунистическая партия, будем защищать всех действительных немецких и венгерских антифашистов, особенно рабочих, наших товарищей, но против остальных, большая часть которых, как вы знаете, вела себя по отношению к нам просто отвратительно, мы будем вести политику немилосердную и беспощадную»²⁵.

До 1 июля 1945 г. через венгерскую границу были выдворены лишь с ручным багажом 31 780 венгров, поселившихся на территории Словакии после 2 ноября 1938 г.²⁶. На октябрь 1945 г. в лагерях для интернированных в Словакии находились по разным причинам 2596 венгров, к январю 1946 г. это число сократилось до 1977²⁷.

Информация о «неправильных действиях» словацких властей в отношении венгров поступала в Москву, в частности в ОМИ ЦК ВКП(б), от советских военных органов. Так, об этом 19 июня 1945 г. в записке «О мероприятиях, направленных против венгров в Словакии» сообщал Димитрову начальник VII Управления ГлавПУРРКА генерал Бурцев. Он писал, что эти действия поддерживаются чехословацкой компартией, которая в южных районах Словакии теряет свои позиции, что в Словакии активизируются шовинистические элементы, что выселение венгров проводится грубыми методами. В циркуляре по западной Словакии, сообщалось в записке, говорится, что «переселение венгров должно осуществляться теми же способами, как это делали немцы и венгры, выселяя словаков и чехов, то есть переселение должно совершиться в течение суток. Из вещей выселяемым разрешается взять только то, что они могут унести с собой». В записке подчеркивалось, что «все

действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендантами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям советских комендатур... Национальный совет Словакии, не издавая никаких распоряжений и директив в отношении венгерского населения, фактически способствует самочинным действиям местных властей»²⁸.

В информационном письме на имя Димитрова от 13 августа Бурцев снова писал об усилении преследования венгров в Словакии: под страхом увольнения с работы им запрещают говорить на родном языке, пытаются заставить носить на рукаве повязку с буквой «М» (мадьяр), закрываются венгерские школы, из многих городов, например, из Братиславы выселяется всё венгерское население. «Тон чехословацкой и особенно словацкой печати в отношении венгров стал исключительно резким и агрессивным. Исключения не составляет и центральный орган Коммунистической партии Словакии газета “Правда”», — сообщил Бурцев. Одновременно он информировал Димитрова о том, что в Венгрии оживились антисоветские элементы, которые пытаются дискредитировать СССР в глазах общественности, представляя дело таким образом, что чехословацкое правительство в своем отношении к венграм действует «по указке из Москвы»²⁹.

Советское руководство, в принципе согласившееся с выселением из Чехословакии немцев и венгров, как уже говорилось выше, думается, не возражало и против их выдворения «явочным порядком», еще до общего решения союзников по этому вопросу. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из слов И.В. Сталина, сказанных им во время встречи с премьером чехословацкого правительства З. Фирлингером и статс-секретарем В. Клементисом 28 июня 1945 г. На вопрос, как быть с выселением немцев и венгров из ЧСР, Сталин ответил: «Мы мешать вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими». На просьбу Фирлингера дать указание советским военным содействовать этому, Сталин спросил: «А разве наши военные препятствуют этому?». На слова Фирлингера о том, что препятствий нет, но хотелось бы активного содействия, Сталин предпочел не отвечать³⁰. В начале трудных переговоров в Париже о заключения мира с Венгрией, В.М. Молотов, встречавшийся 30 апреля 1946 г. с чехосло-

вацкими дипломатами, с сожалением заметил, что в отношении венгров надо было действовать более энергично после окончания войны³¹.

Руководство ВКП, обеспокоенное политикой в отношении венгров, проводимой в Словакии, ставило этот вопрос перед Димитровым. В письме на его имя от 5 мая 1945 г. Ракоши писал: «Общественное мнение ничего плохого не находит в том, что венгры, поселившиеся после 1938 г. в районах, отторгнутых от Чехословакии, будут выселены. Но если будут изгнаны венгерские крестьяне и рабочие (примерно полмиллиона человек), живущие там с незапамятных времен, то это станет тяжелым испытанием для венгерской демократии. Одновременно это мероприятие подольет воду на мельницу реакции». О жестких преследованиях венгров в Чехословакии Ракоши докладывал Димитрову и при личной встрече с ним 23 июня 1945 г., полагая, что там «больше преследуют венгерских коммунистов, чем своих фашистов»³². Письмо по этому вопросу он написал и Сталину, прося его о помощи (проект письма 7 августа был обсужден руководством ВКП). Ракоши писал, что, проводя свою политику, чехи аргументируют ее согласием на это Сталина, заявившего якобы «дайте им (венграм. — *В.М.*) по зубам!». Ракоши подчеркивал, что подобная политика может испортить отношения между Венгрией и Чехословакией, а также усилит в Венгрии английское влияние. Он считал также, что обмен населением между ВНР и ЧСР «мало чем поможет», поскольку «венгерские словаки составляют всего лишь одну пятую часть словацких венгров»³³. О том, получил ли Сталин письмо и как отреагировал на него, сведений нет.

11—12 августа в Жилине состоялась общесловацкая конференция КПС. В помощь её руководству из Праги был направлен В. Широкий. По мнению Р. Сланского, молодой Г. Гусак был очень энергичным и деятельным, но неопытным политиком и нуждался в поддержке и советах более зрелых товарищей по партии. Таковым стал В. Широкий, который вскоре приложил немало усилий, чтобы свергнуть Гусака со словацкого «партийного олимпа», обвинив в буржуазном национализме, и занять его место. Он и выступил на конференции с главным докладом о послевоенном экономическом и политическом положении в Словакии и задачах КПС. Несколько слов Широкий уделил и политике в отношении венгров. Подчеркнув, что не-

мцы и венгры в тяжелейший для ЧСР момент предали страну, он сказал: «Наш народ еще во время национально-освободительной борьбы решительно требовал, чтобы немцы и венгры были выселены из нашей республики, чтобы она стала монолитным сильным славянским государством. За истекшее время мы и в этой области достигли некоторых успехов... Особенно большие трудности представляет для нас венгерский вопрос. Объективные обстоятельства не позволяют нам решить его так быстро, как нам хотелось бы. Позиция коммунистов в этом вопросе известна. Мы требуем немедленного выселения всех *anášov* и *нилашистов*, а также функционеров Венгерской объединенной партии, а что касается остального венгерского населения, то мы требуем его обмена на словаков, живущих в Венгрии. Эта точка зрения продиктована единственно нашими национальными интересами... и свободна от какого-либо шовинизма. Однако следует сделать так, чтобы решение венгерского вопроса не могло быть использовано какими-нибудь элементами для грабежей, насилия в отношении венгерского населения в корыстных и личных целях, что может привести к чрезвычайно неблагоприятным экономическим последствиям. Наш национальный интерес состоит в том, чтобы в районах, населенных венграми, соблюдались строго инструкции СНС и чехословацкого правительства»³⁴.

Большинство делегатов конференции из южных районов Словакии от имени венгерских коммунистов в своих выступлениях требовали не только оказать экономическую помощь этим районам, но и издавать газеты на венгерском языке, принимать в КПС «рабочих и бедных крестьян, а также честных демократически настроенных лиц венгерской национальности». Районный секретариат КПС в Левицах направил конференции письмо, в котором говорилось о действиях органов государственной безопасности против попыток венгерских коммунистов провести чистку среди венгерского населения, о действиях венгерских коммунистов, направленных на улучшение ситуации в районе, о трудностях активного включения в работу по реконструкции, если не будет решен венгерский вопрос. Письмо кончалось так: «...Просим Вас судьбоносный вопрос демократических и антифашистских рабочих венгерской национальности включить в программу [конференции] и обсудить. Мы верим и ждем, что Жилинский съезд КПС решит

важные вопросы словацких трудящихся, а также вопрос демократических и антифашистских венгерских рабочих в духе учения Маркса — Ленина — Сталина так, что навсегда обеспечит спокойное сосуществование наших венгерских демократических и антифашистских товарищей со словацким народом»³⁵.

Приведу еще один документ как свидетельство о настроениях на местах. Это выступление на конференции секретаря КПС Железновского района, где 99 % жителей составляли венгры. Венгерский вопрос, по его словам, определяет всю политическую ситуацию в районе и требует незамедлительного решения: «До сих пор было определено лишь общее направление нашей политики в отношении венгров. Однако ничего не было сказано о том, как эта политика должна осуществляться. Над головой всех венгров висит, как Дамоклов меч, опасность и страх выселения». Секретарь просил дать «точные и подробные директивы» относительно позиции в венгерском вопросе: «Во-первых, мы хотим знать, что будет с товарищами венгерской национальности. Ведь мы, товарищи, не должны забывать, что именно в Железновском районе много таких, которые уже в течение десятилетий отдают все силы работе в нашей партии... И эти товарищи должны разделить судьбу *anáši* и *нилашистов*? Об их принятии в партию все еще не позаботились, и их способности не используются. А это неправильно, товарищи. Ведь в органах безопасности они могли бы быть лучшей гарантией того, что все *нилашисты* в ближайшее время будут схвачены и строго наказаны.

Во-вторых, мы хотим знать, какова судьба тех жителей района, которые, хотя и не являются членами партии, но против республики никогда не провинились». Автор обращения усмотрел разницу между декретом президента республики и словами в докладе Широкого о гражданстве для лиц венгерской национальности: «По словам товарища Широкого, все венгры будут выселены с территории республики. Так или иначе, большая ошибка состоит в том, что тамошнее население не информируется о действительном положении вещей. Поскольку у них нет ясности в вопросе о своей судьбе, между ними распространяются самые невероятные и тревожные слухи, которые служат всему, но только не всеобщей консолидации»³⁶.

А вот свидетельство об осторожной позиции руководства КПС в венгерском вопросе и нежелании вступать в противоречие с центром. В это время готовились списки кандидатов в депутаты Национального собрания от Словакии. Одним из них был Штефан Майор, коммунист с довоенным стажем, один из основателей КПЧ. В архиве сохранилась записка К. Шмидке К. Бацилеку следующего содержания: «Карол, товарищ Готвальд обращает внимание на то, что следует в подготовительной комиссии обдумать кандидатуру товарища Майора, поскольку в президентском декрете сказано, что членами парламента не могут быть Неславяне. Поскольку товарищ Майор во время своей деятельности в парламенте собственноручно заявил о себе как о венгре, вряд ли партия может взять на себя такую ответственность»³⁷. Так что, можно, по-видимому, сказать, что до августа 1945 г. ни в руководстве КПЧ и КПС, ни среди членов партии, ни на местах не существовало еще полной ясности в решении венгерского вопроса, хотя желание выдворить всех или хотя бы большинство венгров из страны и наличествовало.

Потсдамская (Берлинская) конференция (17 июля—2 августа 1945 г.) приняла решение о переселении немецкого населения из Чехословакии, Венгрии и Югославии в Германию, однако отклонила просьбу ЧСР о выселении из страны венгерского меньшинства, рекомендовав решить этот вопрос на двусторонней основе, т.е. путем переговоров между Чехословакией и Венгрией об обмене населением³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv.1. Praha, 2000. Dok. 84. S. 166.

² История Словакии. (Перевод со словацкого и английского). М., 2003. С. 334—335.

³ *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир 1941—1945—1994. Военный и внешнеполитический справочник. М., 1997. С. 286—287.

⁴ Češi a sudetoněmecká otázka. 1938—1945. Dokumenty. Praha, 1994. Dok. 153. S. 315.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп.5. П. 33. Д. 401. Л. 8—10. В меморандуме говорилось, что принципы выселения немецкого меньшинства будут применяться и при трансфере венгерского меньшинства из Словакии и Подкарпатской Руси.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее—РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 58.

⁷ Cesta ke Květnu. Dokumenty o vzniku a vývoji lidové demokracie v Československu. 2. svazek. Praha, 1965. Dok. 156. S. 487.

⁸ Cesta ke Květnu. Dok. 158. S. 491—492 (+ примечание 2).

⁹ Ibid. Dok. 162. S. 498.

¹⁰ Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. Dok. 23. S. 85, 90—91.

¹¹ Г. Гусак утверждал: «Мой доклад во многих основных пунктах следовал точке зрения, которой придерживался Готвальд» (Komunistická strana Slovenska. Dok. 23. Примечание 1. S.79).

¹² Komunistická strana Slovenska. Dok. 23. Примечание 6. S. 90.

¹³ Komunistická strana Slovenska. Dok. 26. S. 108, 111; В Москве этот документ был известен: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 774. Л. 256—269.

¹⁴ Cesta ke Květnu. Dok. 170. S. 510—512; dok. 173. S. 525.

¹⁵ Cesta ke Květnu. Dok. 175. S. 526—528.

¹⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. Документы (далее—СФВЕ). М., 1999. Док. 45. С. 170.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 37. Д. 497. Л. 85.

¹⁸ Cestou Května. Dokumenty k počátkům národní a demokratické revoluce: Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 37—38.

¹⁹ Интересно отметить, что проект программы, представленный на обсуждение в Москве, от имени СНС подписали коммунисты Г. Гусак, Л. Новомеский, Й. Шолтес (бывший социал-демократ) и демократы В. Шробар, Я. Урсини и Й. Стык. Под официально оглашенной Кошицкой правительственной программой стояли подписи 8 словаков, в том числе четырех коммунистов преимущественно с довоенным стажем (В. Широкий, Ю. Дюриш, В. Клементис, Й. Шолтес) и четырех демократов (Я. Урсини, В. Шробар, М. Фериденчик, Я. Лихнер). См.: Cestou Května. S. 50—51, 419.

²⁰ Так назывались лица венгерской национальности, которые переселились в Словакию после Венского арбитража 2 ноября 1938 г., являлись здесь опорой хортиевского оккупационного режима и поэтому в первую очередь подлежали выселению в Венгрию.

²¹ Cesta ke Květnu. Dok. 132. S. 418.

²² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17—18. У автора нет сведений о том, был или не был представлен такой план.

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 29—30.

²⁴ *Husák Gustáv. Z bojů o dnešek. 1944—1950.* Praha, 1973. S. 67—68.

²⁵ Cestou Května. Dok. 26. S. 140.

²⁶ *Желтички Б.Й.* Проблема выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М., 2004. С. 225.

²⁷ Československo na rozhraní dvou epoch nesvobody. Praha, 2005. S. 214.

²⁸ По распоряжению Димитрова записка была направлена В.М. Молотову, с ней ознакомлен был и М. Ракоши (РГАСПИ. Ф.17.Оп. 128. Д. 32. Л. 58—61).

²⁹ СФВЕ. Т. 1. Док. 70. С. 226—228. Димитров, направивший этот материал В.М. Молотову, писал в сопроводительном письме: «...Методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание чехословацкого правительства». (Там же. Примечание 1. С. 228).

³⁰ Восточная Европа в документах российский архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М., 1997. С. 232.

³¹ Там же. С. 432.

³² *Желцики Б.Й.* Проблема выселения венгров из Чехословакии. С. 237—238.

³³ Там же. С. 239—240.

³⁴ Komunistická strana Slovenska. Dok. 43. S. 185. Интересно отметить, что при публикации доклада Широкого в 1950-х годах часть текста, касавшаяся венгерского вопроса, была без объяснений изъята.

³⁵ Komunistická strana Slovenska. Dok. 45. S. 215 (примечание 1).

³⁶ Ibid. S. 216.

³⁷ Ibid. S. 215 (примечание 1).

³⁸ О том, как в 1946—1948 гг. конкретно решался этот вопрос см.: *Желцики Б.Й.* Указ соч.; *Носкова Х.* (ЧР). Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое — в Венгрии. Решение учasti // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 285—309; *Мурашко Г.П.* Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиции Москвы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 540—552.

ЯН РИХЛИК

(ПРАГА)

Венгерское меньшинство в Чехословакии 1948—1992 гг.

Если в период между двумя мировыми войнами, в годы Второй мировой войны и в 1945—1948 гг. во внешней политике Чехословакии Венгрии уделялось огромное внимание, то после 1948 г. произошла явная смена ориентиров. Она нашла отражение прежде всего в том, что, по мнению Праги, венгерский вопрос после 1948 г. стал второстепенным. Венгрия уже не представляла собой проблему, так как она, — так же, как и Чехословакия, вошла в зону влияния Советского Союза. Москва ликвидировала в зародыше любую, даже потенциальную, полемику о границах между своими сателлитами. Для Чехословакии Москва стала надежным гарантом статус-кво в вопросе границ не только с Германией, но и с Венгрией, что было формально подтверждено чехословацко-венгерским союзническим договором от 16 апреля 1949 г.¹ Одновременно Москва ясно дала понять Праге и Будапешту, что не будет поддерживать никаких жалоб со стороны жителей этих стран и не допустит, чтобы вопросы меньшинств нарушили единство советского блока. И если немецкая карта, т. е. угроза пересмотра границ со стороны Федеративной Республики Германии, стала постоянным действенным средством официальной коммунистической пропаганды (следует подчеркнуть, что эта пропаганда действительно имела успех в чешской среде), аналогичную «венгерскую карту» режим использовать не мог.

Несколько иначе вопрос венгерского национального меньшинства выглядел с точки зрения внутренней политики страны. Здесь необходимо разграничивать внутреннюю политику Чехословакии и Словакии. Как внутриполитическая проблема

венгерский фактор, безусловно, рассматривался прежде всего в Словакии. До тех пор, пока сохранялись определенные черты словацкой автономии, существовало различное понимание венгерского вопроса в словацком и чешском руководстве; его трактовка значительно различалась в центральном правительстве и в Братиславе. Так, вопрос о возвращении чехословацкого гражданства бесспорно был решен согласно представлениям центральных органов в Праге, которые должны были в первую очередь учитывать изменившуюся внешнеполитическую обстановку и новые отношения между Прагой и Будапештом. И хотя обмен населением между Чехословакией и Венгрией официально закончился 21 июня 1949 г.², еще за год до того было принято политическое решение о том, что венгерское меньшинство, в отличие от немецкого, останется в Чехословакии. Именно центральному чехословацкому правительству пришлось регулировать его гражданский и правовой статус. Лицам венгерской национальности, которые остались на территории Чехословакии и ничем не провинились перед чехословацким государством, в большинстве своем должны были вернуть чехословацкое гражданство³. Так как в чешских землях венгры почти не проживали, реализация этого закона ложилась на словацкие органы и местную администрацию. Те после некоторых сомнений по поводу указаний сверху поступили очень либерально. Президиум Центрального Комитета КПС на своем заседании 6 января 1950 г. поручил поверенному по внутренним делам Даниэлу Окалиму выдавать свидетельства о чехословацком гражданстве и благонадежности в отношении народно-демократического режима «венгерским трудящимся», которые не являлись коллаборационистами⁴. После некоторых дополнительных распоряжений гражданство не получили лишь 300 человек⁵. Так как большинство венгерского населения являлось земледельцами, возникала необходимость регулировать и их имущественные права на землю, конфискованную у них после 1945 г., и в связи с земельной реформой 1945—1948 гг.⁶ Этот вопрос решили также словацкие национальные органы, хотя и опасались, что их решение станет прецедентным для других национальных меньшинств. Постановлением Корпуса уполномоченных от 18 ноября 1948 г.⁷ была проведена частичная реституция земли в пользу прежних венгерских владельцев — граждан Чехословацкой

Республики. Земельная собственность возвращалась при условии, что она еще не была передана новым владельцам в ходе реформы, а находилась в собственности государства. Кроме того, земля возвращалась бывшему владельцу, если он был земледельцем и сам работал на земле. Речь шла об участках земли не более 50 га, так как это ограничение вводилось законом о новой земельной реформе от 21 марта 1948 г.⁸ На практике все выглядело таким образом: бывшие владельцы на основе постановления СНС № 104/1945 официально лишались всего земельного имущества, которое отходило государству, но и дальше продолжали работать на этой земле. Теперь это имущество возвращалось. Пятый пункт постановления, принятого на вышеупомянутом заседании Президиума Центрального Комитета КПС в начале 1950 г., предписывал уполномоченному по сельскому хозяйству Михалу Фалтяну не вручать документы о возвращении венграм, которым возвратили чехословацкое гражданство, а по возможности отменить само решение о конфискации⁹. И хотя в действительности реституция так никогда и не была проведена (этому помешало начало принудительной коллективизации), все-таки правовое положение венгерских земледельцев в Чехословакии было лучше, чем положение, например, оставшихся немецких владельцев. Дальнейшие постановления, хотя и в самом общем виде, свидетельствовали о необходимости обсуждения вопросов о представительстве лиц венгерской национальности в национальных комитетах, о возмещении ущерба лицам, несправедливо пострадавшим от конфискаций¹⁰, об установлении официальных надписей на венгерском языке в венгерских населенных пунктах¹¹.

Произошли также важные изменения в культурной и образовательной области. 5 марта 1949 г. в Братиславе состоялось учредительное собрание Культурного союза венгерских трудящихся (CSEMADOK)¹². На основе упоминавшегося ранее постановления Президиума Центрального Комитета КПС в местные библиотеки должны были возвратить венгерские книги. С начала 1950-х гг. постепенно происходит обновление начального, а позднее и среднего венгерского школьного образования в Словакии. Можно сказать, что лицам венгерской национальности возвращались гражданские права (насколько о них вообще правомерно говорить в условиях коммунистической диктатуры) и постепенно были признаны и их культур-

ные права, правда, в довольно в ограниченной мере. Формально все эти права были признаны лишь Конституцией 1960 г.¹³ Венгерское население также оставалось отделенным от Венгрии достаточно прозрачной в то время государственной границей. Эту границу, в отличие от границы с «капиталистическим миром», особо не охраняли, и ее можно было при желании нелегально перейти. Однако возможность легального пребывания была сильно ограничена, так как чехословацким гражданам для обычных путешествий вплоть до середины 1960-х годов не выдавали заграничных паспортов и других документов на выезд¹⁴.

Решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии принципиально отличалось от решения о положении немецкого меньшинства в чешских землях. Немцев выселили и лишили имущества, чтобы они уже никак не могли влиять на внутривнутриполитическую жизнь. Венгры остались, и имущество им частично возвратили (хотя бы теоретически), и, кроме того, они стали постоянным внутривнутриполитическим фактором словацко-венгерских отношений. Так после Второй мировой войны был аннулировано одно из фундаментальных оснований создания Чехословакии и объединения чехов и словаков в одно государство в 1918 г. Согласно представлениям «отцов-основателей» Чехословакии Т.Г. Масарика, Э. Бенеша и М.Р. Штефаника словаки должны были стать опорой чехам в противостоянии немецкому меньшинству, а чехи словакам — в их борьбе с венгерским давлением. Так как немецкая проблема как внутривнутриполитический фактор исчезла, а венгерская осталась, то чехи могли уже представить себе жизнь без словаков, что раньше было для них невыносимо. У чехов в изменившихся условиях не существовало больше оснований для поддержки словаков в их противостоянии венграм. Чехи в новой обстановке в меньшей степени чувствовали угрозу в Чехии и Моравии, чем в словаки в Словакии.

С начала 1950-х гг. в условиях унитарной Чехословакии венгерский фактор в чешско-словацких отношениях играл второстепенную роль. Вопросы меньшинств решались в Праге, словацкие органы принимали в этом минимальное участие. Поэтому первоначальные представления словацких так называемых «коммунистов-националистов» (Гусака, Новоместского, Окали), которые рассчитывали на радикальное решение

венгерской проблемы, не были приняты в Праге. И это отнюдь не случайность, что «немарксистская политика по отношению к венгерскому меньшинству» стала одним из обвинений против Гусака, Новоместского и других «буржуазных националистов» на IX съезде КПС 24—27 мая 1950 г., а также во время предсъездовских дискуссий. Так, например, Новоместский на заседании Президиума Центрального Комитета КПС 29 апреля 1950 г. в порядке «самокритики» признал свое «националистическое поведение» на посту уполномоченного по школам и культуре. По его словам, оно выражалось в том, что строилось недостаточно много венгерских школ¹⁵. В обвинительном акте против Гусака и его сподвижников во время процесса над ними в 1954 г. было выдвинуто и абсурдное обвинение против Даниела Оканика и Ивана Хорвата, что они якобы, согласно показаниям Владимира Клементиса, проводили «мероприятия в националистическом духе» и саботировали «решение вопроса о венгерском меньшинстве»¹⁶. Однако эти обвинения в «буржуазном национализме против венгерских трудящихся» оставались в целом довольно маргинальными, и словацкое, а тем более чешское общество не обратило на них особого внимания. Главным пунктом обвинения были античешский национализм и связанный с этим вопрос о положении Словакии в рамках ЧСР. При расследовании всей аферы вокруг так называемых буржуазных националистов Барнабитской комиссией¹⁷ в 1963 г. об отношении Гусака и его соратников к венгерскому меньшинству практически вообще не упоминалось¹⁸.

Политическая оттепель 1960-х гг. сказалась на развитии всех национальных меньшинств в Чехословакии. Движение в сторону национальной эмансипации в Словакии неизбежно вело к постановке всех исторических вопросов, связанных со словацко-венгерскими отношениями. Результатом оттепели стало национальное пробуждение венгерского меньшинства, а также возникновение в словацком обществе опасений, что венгерское меньшинство станет орудием сепаратизма. Для чешской общественности проблема потенциального словацко-венгерского спора не являлась особо значимой. Стало ясно, что пока Словакия вновь пользуется автономным положением хотя бы в тех рамках, которые были определены до 1948 г., возможный конфликт с венгерской стороной станет главным образом проблемой словацких органов. Мало кто в связи с этим

полагал, что данный конфликт может обрести международный контекст по линии Прага — Будапешт.

Именно в этом направлении стали развиваться события в 1968 г., когда венгерский фактор действительно стал играть в связи с подготовкой и возникновением чехословацкой федерации новую (или вернее) старую роль. Словацкое политическое руководство с самого начала понимало вещи таким образом, что с разделом компетенций вопрос меньшинств в Словакии полностью перейдет под юрисдикцию словацких органов. Проект закона о словацком языке как о единственном официальном языке Словакии, который выдвигала в 1968 г. Матица словацкая, (а позиции словацкого языка по новому закону от 27 июня 1968 г. действительно значительно усилились¹⁹), был неприемлем как для венгерского меньшинства в Словакии, так и для центрального правительства в Праге. Невозможно было предоставить меньшинствам разный правовой статус на территории ЧССР в зависимости от того, где они жили — в Чешской либо в Словацкой республике. Было также немыслимо, чтобы после 1968 г. венгерское меньшинство имело бы меньше прав, чем в период режима президентов Клемента Готвальда, Антонина Запотоцкого и Антонина Новотного (1948—1967). Кроме того, какой-либо нажим на венгерское меньшинство в новых условиях означал для Праги конфликт с Будапештом, что являлось крайне нежелательным.

Вопрос о положении меньшинств реформистскому коммунистическому руководству наконец-то удалось перевести в компетенцию центральных органов. Кроме правительственной комиссии по подготовке федерации была создана также комиссия по регулированию положения национальных меньшинств. Их требования — с учетом прежде всего их количество, а также требования венгерского меньшинства — были довольно значительными, но советская оккупация 21 августа 1968 г. вновь полностью изменила ситуацию. Что же касается опасений словацкой общественности по поводу возможного венгерского сепаратизма, то надо подчеркнуть, что венгерское население южной Словакии ни в коей мере не приветствовало солдат Венгерской народной армии как «освободителей», а наоборот, расценивало их участие в советской интервенции как национальный позор²⁰.

После советской оккупации наконец-то в ускоренном темпе стал решаться вопрос о всех национальных меньшинствах (параллельно с подготовкой конституционного закона о чехословацкой федерации). Кратко сформулированные пункты конституционного закона о положении национальностей на самом деле являлись своеобразным приложением к обширному конституционному закону о чехословацкой федерации²¹. Оба проекта законов были одобрены Национальным собранием 27 октября 1968 г. Закон о национальностях давал право венгерскому, польскому, украинскому (русинскому) и немецкому меньшинствам свободно развивать свою культуру, национальные традиции, создавать собственные образовательные институты и национальные школы, а также возможность использовать свой язык в качестве официального там, где меньшинство являлось достаточно многочисленным²². И хотя закон действовал на всей территории государства, на практике он применялся лишь в Словакии, где венгерское и украинское (русинское) меньшинства были весьма многочисленными. В Чешской Республике он мог касаться лишь польского меньшинства в Тешине, которое, однако, в численном отношении было не так велико и достаточно быстро ассимилировалось.

В Чехословакии в период нормализации после утвержденного осенью 1968 г. конституционного закона о национальностях, более никаких законов или подзаконных актов не издавалось. Коммунистическое руководство стремилось обходить сложные вопросы, которые могли бы дестабилизировать политическую ситуацию, особенно когда казалось, что национальные меньшинства сохраняют спокойствие и не выдвигают никаких новых требований. На самом деле все было не так просто. Так как министерство школ и министерство культуры существовали на республиканском уровне, довольно сложно было перенести решение национального вопроса на федеративный уровень. Попытки словацкого министерства школ организовывать двуязычные школы и ограничить создание венгерских школ привели к возникновению Комитета по защите прав венгерского меньшинства. Настрой государственных органов против этого комитета и прежде всего против Миклоша Дюраи поставил словацкую оппозицию перед дилеммой: с одной стороны, политическая оппозиция в Сло-

вакии не хотела поддерживать требования Комитета, а, с другой — не могла и не хотела согласиться с преследованием его членов за их взгляды. Чешская оппозиция, которая рассматривала проблему венгерских школ через пражскую оптику и была далеко не так чувствительна к этим вопросам, как оппозиция (и вообще общественность) в Словакии, более охотно шла навстречу Комитету по защите прав венгерского меньшинства. Хартия-77 впервые выступила в защиту Миклоша Дюрэи в письме Генеральному прокурору ЧССР 28 декабря 1982 г. В нем указывалось на неправомерность его преследования²³. 27 марта 1987 г. Хартия обратилась к Федеральному собранию и правительству ЧССР в связи с насильственными акциями в отношении культурных центров венгерского меньшинства в Братиславе, произошедшие в ночь с 8 на 9 марта. О своем отношении к этим акциям Хартия-77 сообщила через три дня и Комитету по охране прав венгерского меньшинства, при этом заявив свой протест против его культурной. Аналогичный протест был направлен и в редакцию венгерского независимого журнала «Beszelő»²⁴. Акция Хартии-77 в поддержку Комитета по защите прав венгерского меньшинства не нашла, однако, понимания у большинства словацкого населения. Не поддержала ее и словацкая националистическая эмиграция, которая восприняла эти действия как чешское вмешательство в словацкие дела: словацкая демократическая эмиграция также полностью отвергала претензии Комитета по защите прав венгерского меньшинства к словацкой политике в отношении меньшинств²⁵. Но хотя заявление Хартии-77 в поддержку прав венгерского меньшинства было и негативно воспринято словацкой эмиграцией, она не выступила против него открыто (скорее всего из тактических соображений). Таким образом, венгерский фактор вновь повлиял на словацко-чешские отношения, теперь уже в среде оппозиции коммунистическому режиму.

События 1968 г. и периода нормализации оказались прообразом развития ситуации в 1990—1992 гг. «Венгерская независимая инициатива» (ВНИ), созданная сразу же в дни ноябрьской «бархатной» революции в Шале и сотрудничавшая со словацким движением «Общественность против насилия» (ОПН), сразу же потребовала создания федерального министерства по делам меньшинств. Предполагалось, что ми-

нистром мог стать сам Миклош Дюрайи. Но против создания федеративного министерства по делам меньшинств с самого начала выступили практически все словацкие политики. Эту идею как несоответствующую закону о компетенциях отверг и председатель правительства национального согласия Марианн Чалфа. Вопрос меньшинств, по представлениям ОПН, должен был решаться на республиканском уровне. И здесь обнаружилась проблема, контуры которой стали видны одиннадцатую годами ранее: словацкие националистические силы представляли себе решение национальных вопросов не как расширение прав меньшинств, чего прежде всего и требовала ВНИ, а, наоборот, как их сужение. Глашатаями такой программы стали в первую очередь Словацкая национальная партия (СНП) и Матица словацкая.

Первый конфликт не заставил себя ждать. Это произошло летом — осенью 1990 г. во время обсуждения закона о словацком языке²⁶. Словацкие националистические партии и организации, а также Матица словацкая выступили с так называемым предложением Матицы о языковом законе. Согласно этому проекту, по конституционному закону СНС словацкий язык должен был стать единственным государственным официальным языком (без каких-либо исключений). Центральное правительство в Праге устами своего председателя Мариана Чалфы назвала подобное предложение неприемлемым. Здесь венгерский фактор достаточно сильно сказался на словацко-чешских отношениях. Если бы СНС принял проект закона Матицы, это имело бы международные последствия, отвечать за которые пришлось бы не словацкому, а федеральному правительству. Поэтому федеральные органы настаивали на том, чтобы принципиальные изменения в положении национальных меньшинств оставались бы в компетенции федерации. Борьба вокруг языкового закона повлияла на чешско-словацкие отношения в том смысле, что словацкие национально-ориентированные круги поняли, что, пока существует ЧСФР, у них не будет возможности изменить положение венгерского меньшинства так, как они бы этого хотели. У чешской стороны также укрепилось мнение (впервые высказанное писателем Людвиком Вацуликом в ставшей популярной статье «Наш словацкий вопрос» на страницах газеты «Lidové noviny»

3 мая 1990 г.), что раздел ЧСФР будет определенным образом выгоден для чехов, так как не надо будет принимать во внимание словацко-венгерские конфликты, и тем самым значительно улучшатся отношения Праги и Будапешта. Словацкая правительственная коалиция, состоявшая из ОПН—ВНИ, Христианско-демократического движения (ХДД) и Демократической партии (ДП) утвердили 25 октября 1990 г. вместо проекта Матицы собственный проект закона о языках, согласно которому меньшинствам разрешалось официальное использование своего языка там, где они составляли 20 % всего населения²⁷. Матица словацкая и СНП еще несколько раз предпринимали попытки поставить вопрос об официальном языке, но безуспешно. Этот вопрос снова стал на повестке дня уже в самостоятельной Словакии во время второго и третьего правительства Мечьяра²⁸.

Во время переговоров о дальнейшей судьбе Чехословакии венгерский фактор действовал как объединяющий. Венгерское меньшинство, образовавшее три политические силы (Венгерскую гражданскую партию, Единение и Венгерское христианско-демократическое движение), в этом вопросе выступало единым фронтом. Венгры понимали, что в самостоятельной Словакии в любом случае их положение не улучшится. Существование совместного государства и его федеративных органов венгерские партии вполне оправданно рассматривали как противовес словацким органам в отстаивании собственных интересов. Это ясно проявилось при обсуждении законов о реституции в Федеральном собрании в 1991—1992 гг. Политическое решение федерального и национальных правительств фиксировало 25 февраля 1948 г. в качестве временной границы, после которой будет действовать закон о возвращении имущества. Это прежде всего было выгодным чешской стороне, так как исключало обсуждение вопроса об имущественных претензиях изгнанных после войны немцев, но не отвечало и не могло отвечать интересам венгерских политических партий, которые призваны были защищать имущество своих членов. Поэтому вполне логично, что венгерские политические партии стремились узаконить свои притязания на реституцию имущества, конфискованного у них после 1945 г. Различные подходы проявились в первую очередь при обсуждении зако-

на о земле: несмотря на противодействие СНП, чешским политическим партиям при поддержке депутатов от ОПН и ХДД удалось провести в жизнь закон, согласно которому удовлетворялись требования, возникшие в связи с другими правовыми предписаниями — в данном случае речь шла об изменении старого распоряжения Корпуса уполномоченных от 1948 г. о возвращении участков земли не более 50 га²⁹. Венгерские партии при обсуждении проекта закона единодушно выступили против того, чтобы регулирование имущественных прав меньшинств передавалось бы в компетенцию республик, так как справедливо полагали, что в СНС закон о реституции даже в той форме, в которой в конце концов он был принят, не прошел бы³⁰.

Своеобразным апогеем влияния венгерского фактора на словацко-венгерские отношения стал спор о строительстве гидроэлектростанции Габчиково. Разногласия возникли еще накануне падения коммунистического режима, когда венгерское правительство отказалось выполнять условия соглашения о строительстве гидроэлектростанции Габчиково — Надьмарош. Словацкое правительство решило все-таки отвести часть вод Дуная на свою территорию и построить там гидроэлектростанцию вне зависимости от судьбы строительства в Надьмароше. Против этого выступало венгерское правительство, так как реализация проекта означала бы изменение водного режима Дуная. Чехов Габчиково не интересовало, но они должны были иметь в виду словаков. Для них строительство, напротив, стало вопросом принципа, и они настаивали на его завершении. Для словацкого населения вопрос о Габчиково стал вопросом о том, кто кого «победит» в словацко-венгерских отношениях. Словацкое правительство Яна Чарногурского решило закончить строительство, причем оно стремилось перетянуть на свою сторону и федеральное правительство в Праге. Правительство Владимира Мечьяра, которое было сформировано после выборов в июне 1992 г., решение об окончании строительства подтвердило без какой-либо оглядки на федеральное правительство. 26 октября 1992 г. федеральное правительство Яна Страскего решило прибегнуть к международному арбитражу, а до решения арбитража все работы по строительству приостановить. Кабинет Мечьяра не обращал никакого внимания на решение правительства распадающейся Чехословакии

и продолжал строительство. Возникла ситуация, которой еще не было в истории дипломатии: чехословацкое правительство оказалось вынуждено заявить венгерскому послу Гёорги Варгови и представителю Европейского сообщества, что не может принимать никаких международных обязательств, потому что не может никак подействовать на Словакию. Чешское правительство неофициально посоветовало Будапешту подождать до конца 1992 г., когда Чехословакия окончательно распадется. При этом оно дало понять, что Чешская Республика никак не заинтересована в строительстве Габчиково и сразу же после 1 января 1993 г. как государство, не имеющее выхода к Дунаю, выходит из договора, а в предстоящем венгеро-словацком споре в Гааге сохранит нейтралитет и не будет поддерживать Братиславу³¹.

Габчиково оказало влияние как на словацкую, так и на чешскую стороны, — так же, как и языковой закон двумя годами ранее. Словаки пришли к справедливому (в целом) выводу, что в общем государстве с чехами они не смогут сами решать проблемы, связанные с венграми и Венгрией, а чехи утвердились во мнении, что словаки только создают проблемы в отношениях Праги и Будапешта, а посему для чехов будет лучше, если произойдет раздел Чехословакии.

Ликвидация Чехословакии означала и окончание действия венгерского фактора на словацко-чешские отношения. Если словацко-венгерские отношения основывались на исторических предпосылках, то чешско-венгерское взаимодействие формировалось на принципиально новом уровне. Оба государства, Венгрия и Чешская Республика, уже не были соседями, не имели на своей территории чешского и венгерского меньшинства соответственно и не должны были больше учитывать словацкий фактор.

Перевод с чешского языка Е.П. Серапионовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sbírka zákonů republiky Československé (Свод законов Чехословацкой Республики) (Sb.). No 212/1949 Sb.

² Československé dějiny v datech. Praha 1986. S. 500.

³ Zákon No 245/1948 Sb.

⁴ Slovenský národný archív (Словацкий национальный архив — SNA). F. ÚV KSS (Фонд Центрального комитета Коммунистической партии Словакии). K. 794. PÚV KSS 6.1.1950 (Заседание президиума центрального комитета КПС 6.1. 1950). Vod. 4.

⁵ Эти сведения опубликованы в журнале «Verejnost» от 29. 3. 1991. S. 2.

⁶ Подробнее см.: *Rychlík J. Pozemková reforma na Slovensku v rokoch 1945—1950 // Historický časopis. 1993. Roč. 41. Č. 4. S. 395—401.*

⁷ Nariadenie ZP. Č. 26/1948. Zb.n. SNS (Распоряжение Корпуса уполномоченных № 26/1948. Сборник распоряжений СНС).

⁸ Закон № 46/1948. Сб. (Zb.), подробнее см.: *Rychlík J. Op. cit. S. 402.*

⁹ SNA. F. ÚV KSS. K. 794. PÚV KSS (Заседание президиума центрального комитета КПС). 6.1. 1950. Vod. 5.

¹⁰ Речь шла о том, чтобы в пользу государства отошла не только земля, но и другое имущество, прежде всего жилые здания. Это произошло на основе декрета президента республики № 108/1945., который действовал на территории всей страны. Во многих случаях бывшие венгерские владельцы и после конфискации продолжали жить в своих прежних домах, теперь уже формально принадлежащих государству. Постановление президиума ЦК КПС было призвано решить и вопрос о собственных домах этого имущества.

¹¹ SNA. F. ÚV KSS. K. 794. PÚV KSS (Заседание президиума центрального комитета КПС) 6.1. 1950. Vod. 6—9.

¹² *Československé dějiny v datech. S. 500.*

¹³ Úst.zák. č.100/1960 Sb (Конституционный закон № 100/1960. Сб. законов).

¹⁴ Закон № 53/1949 Сборника законов четко устанавливал, что на выдачу заграничного паспорта или других выездных документов для обычных путешествий граждан не имел законных прав. Но и до принятия этого закона обычные заграничные паспорта не выдавали. Органы министерства внутренних дел и управления внутренних дел использовали § 7 Закона Первой чехословацкой республики (домюнхенской) о заграничных паспортах (№ 55/1928 Сборника законов), согласно которому можно было отказать в выдаче выездных документов, если это могло грозить государственным интересам. Подробнее см.: SNA. F. PV-obežníky. K.16. č. 9999/61-III/5-48 от 30.6.1948 и Č. PV-375/26-III/5-48 dčv. от 18.10.1948. Подробнее об этом: *Rychlík J. Cestování do ciziny v habsburské monarchii a v Československu. Pasová, vízová a vystěhovalská politika 1848—1989. Praha 2007. S. 26—36.*

¹⁵ SNA. F. ÚV KSS. K. 795. 12 заседание президиума центрального комитета КПС 12.4. 1950. Письменный доклад Новоместского от 28.4.1950.

¹⁶ *Ryčblík J.* Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945—1992. Bratislava, 1998. Dok.20. S. 456. В тексте есть совершенно абсурдные обвинения в адрес Оканика, который как председатель Чехословацкой комиссии по переселению в Будапеште занимался якобы «враждебной деятельностью» против венгерского государства. Ивана Хорвата как тогдашнего чехословацкого посла в Будапеште обвиняли в соотрудничестве с ним.

¹⁷ Так называемая Барнабитская комиссия занималась пересмотром некоторых политических процессов. Суд реабилитировал 481 осужденного, но эти меры касались лишь политических функционеров. — Прим. пер.

¹⁸ Národní archiv České republiky (Национальный архив Чешской Республики — NA ČR). F. ÚV KSČ (президиум центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии), 03/10. Sv. 10, a.j. 25. — Barnabitská komise — pohovory s G. Husákem.

¹⁹ Zákon SNR č. 97/1968 Sb. (Закон СНС № 97/1968 Сб. законов). См. Об этом дискуссия: SNA. F. SNR — plénum. IV. Volebné obdobie. 17. schôdza. 27.6. 1968.

²⁰ Об этом подробнее см.: *Pataky I.* Podieľ Maďarskej ľudovej armády na obsadení Československa v roku 1968 // *Vojenská história*. 1999. Roč. 3. Č. 4. S. 72—91.

²¹ Úst. zák. č. 143/1968 Sb. (Конституционный закон № 143/1968 Сб. зак.).

²² Úst. zák. č. 144/1968 Sb. (Конституционный закон № 144/1968 Сб. зак.).

²³ Charta 77 (1977—1989). Od morálne k demokratické revoluci. Dokumentace / Ed. V. Prečan. Scheinfeld—Schwarzenberg—Bratislava, 1990. S. 412.

²⁴ *Ibidem*. S. 435.

²⁵ *Braxátor F.* Slovenský exil 68. Bratislava, 1992. S. 136.

²⁶ Вопросы принятия языкового закона и строительства водного сооружения Габчиково подробно разбираются в книге: *Ryčblík J.* Rozpad Československa, Česko-slovenské vztahy 1989—1992. Bratislava, 2002. S. 139—147.

²⁷ Zákon SNR (Закон СНС) No 428/1990 Sb. (Свода законов).

²⁸ Zákon NR SR (Закон Национального совета Словацкой Республики) No 270/1995 Z. z. (Свода законов Словацкой Республики).

²⁹ Zák. č. 229/1991 Sb., Zák. č. 93/1992 Sb. В 1991 г. мне довелось участвовать в переговорах земельной комиссии Федерального собрания и обоих конституционных комитетов в качестве эксперта по вопросам земельного имущества и аграрной реформы. Предложение об отказе от распоряжения Корпуса уполномоченных выдвинул и подготовил я

сам. Аргументация состояла в том, что демократическое правительство в 1991 г. не может предоставить венгерскому меньшинству меньше имущественных прав, чем коммунистический Корпус уполномоченных в 1948 г. Подробнее об этих переговорах см. в кн.: Rozpad Československa... S. 256—265.

³⁰ Принятие закона № 229/1991 Сб. законов председатель правительства СР использовал как повод для демагогического заявления в адрес Федерального собрания о том, что он означает «возвращение земли венграм, немцам и предателям нации». Он протестовал против принятия Федеральным собранием решения по этому вопросу без согласия словацкого правительства. При обновлении закона о земле в начале 1992 г. (zákon 93/1992 Sb.) ссылка на решение Корпуса уполномоченных от 1948 г. была из закона изъята.

³¹ Подробнее см.: Rychlík J. Rozdělení Československa 1989—1992. Praha, 2012. S. 331—334.

ГЕЛЕНА НОСКОВА

(ПРАГА)

Славянские национальные меньшинства в Чешской республике: русские, украинцы, поляки и моравские хорваты

Границы Чехословакии в 1918 г. были определены на основе национального самоопределения, с учетом исторического развития и экономической самодостаточности пограничных областей, причем определенную роль сыграли и стратегические соображения. В пограничных районах со средних веков проживало немецкое население (около 3 млн), в южных районах Словакии более 700 тыс. венгров, существовал и ряд польских поселений в Тешинской области. От Лужицких гор тянулись приграничные районы, исторически заселенные небольшой частью лужицких сербов, большинство которых проживало на территории Нижних Лужиц в Пруссии и Саксонии. Лужицкие сербы Саксонии и Пруссии стремились к более тесному объединению со своим меньшинством в Чехословакии и Чехословакией как таковой. Но это объединение осуществить не удалось ни после Первой, ни после Второй мировой войн. Лужицкие сербы в Чешской республике остались небольшой этнической группой, которая постепенно ассимилировалась.

В приграничных районах на юге Моравии существовали деревушки, населенные хорватами, что являлось следствием хорватской колонизации XVI столетия.

К неавтохтонным славянам, но являющимся сегодня историческим меньшинством, принадлежат болгары, которые пришли на территорию ЧСР после 1918 г. в поисках работы. После 1945 г. последовала следующая волна болгарских экономических мигрантов, которые нашли работу в сельском хозяйстве, промышленности либо стали студентами вузов.

Славянским национальным меньшинством являются и украинцы. После 1945 г. они стали национальным меньшинством в Словакии, а после раздела Чехословакии в 1993 г. — и в ЧР. Раздел Чехословакии привел к возникновению самого большого славянского национального меньшинства в Чешской республике. В 1990 г. по результатам переписи населения статус национального меньшинства в ЧР получили также русские и русины. К славянским национальным меньшинствам в ЧР принадлежат и сербы. Это меньшинство возникло вследствие миграций, так же как и болгарское. Прилив сербов на территорию Чехословакии усилился после 1991 г. из-за военного конфликта и распада Югославии.

В этой статье будут рассмотрены судьбы лишь отдельных славянских национальных меньшинств — хорватов, русинов, поляков, русских и украинцев. Мы не будем затрагивать обширную проблематику словацкого меньшинства, так как о нем автор уже опубликовал несколько статей¹. Оставим в стороне и вопрос о болгарском и сербском национальных меньшинствах².

Моравские хорваты

К автохтонным, наиболее древним славянским этническим анклавам в Чешской республике принадлежат лужицкие сербы и моравские хорваты. Хорваты появились на территории Моравии в XVI в. после победы турок в битве у Мохача. Они перебрались из разрушенных в Хорватии деревень, чтобы расселиться на юго-западе Словакии и на юге Моравии. Возникло два анклава — среди чешского (моравского) населения на Бржеславску и среди немецкого, на Микуловску. Первый анклав постепенно интегрировался с чешским (моравским) населением. Второй — после мюнхенского диктата и отторжения пограничных районов — оказался непосредственно под немецким влиянием. В 1945 г. после воссоздания Чехословакии отношение к этому меньшинству было крайне политизированным. Ему предъявили обвинения в коллаборационизме с нацистами. Часть хорватов срочно покинула территорию республики и перебралась в Австрию. Остальных выселили из своих домов как коллаборантов. Они были рассредоточены на севере Моравии и в Силезии. Имущество, кроме домашне-

го скарба, коз, куриц и кроликов было конфисковано. Вторая группа хорватов была определена как население в большей степени достойное доверия, и им позволили взять с собой все движимое имущество, так же как и третьей категории, к которой относились безземельные хорваты³.

Лишь в 2001 г. хорваты в Чешской республике были признаны историческим национальным меньшинством. Чешское правительство принесло им извинения за послевоенное выселение и так называемое рассредоточение.

Польское и русинское меньшинства

К моменту создания Чехословакии поляки жили на территории Силезии и в районе Тешинска. Определение чешско-польской границы в 1918 г. стало сложным процессом. В межвоенной Чехословакии польскому национальному меньшинству были предоставлены широкие национальные права. Они были зафиксированы в Конституции Чехословакии и в чехословацко-польском соглашении 1925 г. Согласно переписи населения, в 1930 г. в чешских землях проживало 92,6 тыс. поляков. В смешанной по национальному составу области Тешина, то есть вдоль государственной границы от Остравы к Яблунковску проживало 76, 2 тыс. поляков, составлявших выраженный польский анклав в Чехословакии. Часть поляков в Силезии принадлежала к евангелистам — приверженцам аугсбургского исповедания.

В октябре 1938 г. Польша заняла спорные территории Тешина. В сентябре 1939 г. Тешинская область была оккупирована гитлеровской Германией. Поляки имели право получить так называемый «фолькслист» (подтверждение национальности) как население изначально немецкого происхождения, но низшей категории как ославяненное. Этот документ определял степень обязанностей и прав в германском рейхе. Те, у кого его не было, подлежали выселению.

В 1945—1947 гг. при возрождении Чехословакии и Польши опять последовали длительные переговоры о присоединении Тешинской области, а именно районов Кладска, Глубчицка и Ратиборжска к Чехословакии, так как они относились к землям чешской короны. Так как поляки относились к славянам, на них не распространялись президентские де-

креты, ограничивавшие число неславянских национальных меньшинств на территории Чехословакии. Но, несмотря на это, в последующие годы количество поляков на территории государства постоянно сокращалось.

В 1945—1947 г. поляки добивались восстановления своих прав как компактного национального меньшинства с действующими школами на территории Тешинской области, своими собственными объединениями, возможностью издавать книги и журналы на польском языке тиражами в объёмах межвоенного периода. Отношения польского меньшинства в Тешинской области с чешским большинством осложнялись чешско-словацким спором относительно территории Тешина, и бывшая немецкая территория, ранее входившая в число земель короны чешской — Кладско, Глубчицко, Ратиборж, после Второй мировой войны была присоединена к Польше. В Словакии спишские горные деревушки, заселенные поляками, уступили Польше, чтобы облегчить принятие решения о границах между Польшей и Чехословакией в Тешинской области. Это была развитая промышленная зона с весьма важной для Чехословакии кошицко-богуминской железной дорогой. Национальные социалисты, памятуя о предвоенной политике бековской Польши, которая после мюнхенского соглашения также оккупировала пограничную территорию с Чехословакией, резко выступали против поляков в Тешинской области, не желая, чтобы они сохранились как компактное национальное меньшинство. Они не только возражали против восстановления прав польского национального меньшинства, но требовали их выселения или обмена населением с Польшей. Обмен мог осуществиться, поскольку в Польше на территории, где ранее жили немцы (в Силезии), также проживало и чешское население. Это были чешские изгнанники, которые оставили чешские земли после битвы у Белой горы в 1620 г., так как подвергались преследованиям как протестанты. Хотя ни переговоров об обмене населением между двумя странами, ни тем более заключения соглашения не последовало, однако в послевоенные годы были случаи спонтанного обмена населением. Согласно переписи населения, в 1950 г. в Чешской республике проживало 70,8 тыс. поляков, а в Словацкой республике, особенно в горных деревушках на северо-востоке у границ с Польшей, — 1,8 тыс. поляков.

В 1947 г. положение польского меньшинства в Тешинской области улучшилось, так как Чехословакия и Польша подписали Договор о дружбе и взаимопомощи, а в 1948 г. коммунистические правительства двух стран по примеру СССР договорились строить отношения с национальными меньшинствами на принципах интернационализма. В 1945—1947 гг. некоторое число польских школ было закрыто. Затем постепенно их стали открывать, возобновилась и работа общественных объединений, например, действовали Польский союз коммунистических организаций ПЗКО (Polski związek kulturalno oświatowy), Харцеры и т.п., конечно же, под руководством Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ)⁴.

Русины

Русины были одним из трех народов, которые составляли население Чехословацкой республики. В 1918 г. к Чехословакии была присоединена Подкарпатская Русь, где проживало 600 тыс. русинов (карпатских русинов, карпаторусов). Послевоенная Чехословакия возродилась без Подкарпатской Руси, которая как Закарпатская Украина в 1945 г. была присоединена к СССР. Часть русинов в количестве 44,6 тыс. после установления новых границ осталась в Словакии, в основном в восточных и северо-восточных приграничных районах так называемой Пряшевщины (название происходит от словацкого города Прешов, который является политическим, культурным и религиозным центром области). Русины живут сейчас в районах Бардейова, Хуменне, Медзилаборце, Снина, Старее Любовни, Стропкова, Свидника и Прешова; в Чешской республике в Праге, в Карловарском крае и уже некомпактно (распыленно) в некоторых других областях.

В течение многих лет (и даже в современный период) русинов не признавали отдельным народом, хотя их национальная идентичность сформировалась ещё в конце XIX в. Причины были политическими. В начале XX в. часть русинов из-за политического влияния была русифицирована, часть украинизирована и часть мадьяризована. После 1918 г. русины в Чехословакии были признаны национальностью, русинский язык стал письменным языком. После 1945 г. под нажимом советской политики произошла опять сильная украинизация русинов,

живших в Словакии, и тех, кто в результате оптации при воссоединении Закарпатской Украины с УССР переселились не только в Словакию, но и в Чешскую республику. Первым шагом к украинизации было запрещение греко-католической церкви в Чехословакии в 1949 г. Эта церковь, запрещенная также и в СССР, являлась символом русинства. Греко-католические священники находились в заключении и всячески преследовались. В 1952 г. в Чехословакии русинскую национальность перестали признавать, объявив, что русины — это те же украинцы и их родиной является Украинская советская республика.

Все русины в Чехословакии под нажимом политической власти коммунистов стали украинцами, в единичных случаях они могли выбрать словацкую, чешскую либо другую национальность. В Чехословакии стали насчитывать 67,1 тыс. украинцев. Запрет действовал до 1989 г., и до сих пор бывшие русины значатся как украинцы, иногда как украинцы-русины, либо русины-украинцы, или же как лемки, в просторечии «рушнаки» и т.д. Лемки — всего лишь обозначение этнографической группы русинов (как в Чехии ходове, в Моравии валаши, ганацци, лаши и т.п.), так же как бойки, долиняне, верховяне и т.д. Отношение политиков к украинской (русинской) национальности, очевидно, исходило из необходимости сильной украинизации и не считалось проблемой. С признанием русинской национальности проблема как бы перестала существовать.

С 1989 г. русины в Чехословакии стали опять причислять себя к русинской национальности. В Словацкой республике в настоящее время проживают 44,5 тыс. русинов, центром их национальной жизни является Прешов, где расположены русинские образовательные и культурные институты. В Чешской республике проживает 1,8 тыс. русинов, их центром культуры и образования является Прага. В 2001 г. они стали историческим национальным меньшинством в ЧР.

Русское национальное меньшинство

После большевистского переворота 1917 г. из России эмигрировала большая часть аристократии, интеллигенции и людей, несогласных с диктатурой советской власти. Такой же поток хлынул и с Украины⁵, которая, несмотря на сопротивление и борьбу за независимость, вошла в состав СССР как советс-

кая республика. Русские и украинцы обрели новый дом в разных странах Западной Европы (Франции, Англии, Германии), в Прибалтике (Литве, Латвии, Эстонии), за океаном (США). Некоторые нашли свой второй дом в Чехословакии. Они полагали, что советская власть через несколько лет падет, и они вернутся домой. В 1920-е годы в Чехословакии проживало приблизительно 40 тыс. русских и украинских беженцев. Идея предоставить им приют нашла поддержку у чехословацких политиков. Личные дружеские отношения между Т.Г. Масариком и русским политиком П.Н. Милюковым послужили еще одним аргументом в пользу того, что так называемая «белая эмиграция» смогла найти в Чехословакии возможность получить образование и профессию. Русские не являлись меньшинством, а лишь беженцами, поэтому на них не распространялись права меньшинств, зафиксированные в конституции 1920 г. Отношение к этим эмигрантам не определялось никаким конкретным законом⁶. Решением совета министров от 28.07.1921 (№ 23912/21) министерству иностранных дел поручалась организация акции помощи беженцам, с тем, чтобы оно выработало план, который бы учитывал сложности, связанные с российской эмиграцией, и согласно которому помощь предоставлялась бы, невзирая на национальность, социальное положение и религиозную принадлежность; чтобы молодое поколение интеллигенции имело возможность закончить образование, литераторы и ученые — продолжить творческую деятельность, а более широкие слои эмигрантов — получить специальность. Русскую акцию помощи взяли под свое покровительство президент Т.Г. Масарик и министр иностранных дел Э. Бенеш⁷. [Т.Г. Масарик кроме того предполагал, что именно Чехословакия предоставит возможность получить образование новым русским и украинским специалистам разных профессий, которые будут затем трудиться в свободной России и на Украине. Свой вклад в то, чтобы русские и украинцы включились в обычную жизнь и были приняты в Чехии, Моравии и Словакии, внесли и другие чешские политики и интеллигенция, а также словацкие политические представители и интеллигенция в Праге и в Словакии (Вавро Шробар, Иван Дакснер, Светозар Гурбан Ваянски, Янко Есенски и др.) Т.Г. Масарик, Э. Бенеш, В. Шробар и другие политики были противниками Октябрьской революции 1917 г. и представляли себе последствия правления сове-

тов. Поэтому они сразу же предоставили гуманитарную помощь.]

Несмотря на то, что русские и украинские эмигранты развернули в ЧСР активную деятельность⁸, они не являлись гражданами Чехословакии. Большинство русских и украинцев обладали так называемым нансеновским паспортом беженца. И в Чехословакии они были беженцами, так как не обладали домовым правом никакой общины. Это домовое право они не получали даже вступив в брак, а жена, наоборот, лишалась домового права и также получала нансеновский паспорт. Однако дети беженцев, родившись в Чехословакии, получали домовое право и гражданство.

Но если община решала предоставить домовое право русским или украинским эмигрантам, оно им предоставлялось. Многие русские и украинские врачи, агрономы, инженеры и техники получили домовое право и гражданство, так как общины нуждались в этих специалистах. Сложнее приходилось специалистам в не столь востребованных областях деятельности, в них общины не были заинтересованы, и у них оставался нансеновский паспорт.

В годы оккупации и протектората Чехии и Моравии русские и украинские эмигранты находились под давлением Гестапо. После 1945 г. ими заинтересовались СМЕРШ и НКВД. Советский Союз потребовал их возвращение на основе соглашения об обмене населением между ЧСР и СССР от 1946 г., и Чехословакия была вынуждена подчиниться. Эмигранты были вывезены в СССР и интернированы в лагеря для политических заключенных — так называемый Гулаг. Немногие из них спустя годы вернулись в Чехословацкую республику. Большинство погибло в нечеловеческих условиях. До сих пор не известно, где они похоронены.

Как уже говорилось, в Чехословакии русские и украинцы не являлись национальным меньшинством, они были беженцами, иммигрантами и в отличие от исторических национальных меньшинств, — немцев, поляков и венгров, не обладали правами меньшинств, но благодаря демократическим законам Чехословакии могли образовывать свои культурные объединения, частные школы, научные учреждения, имели право на собрания. Те из них, кто получил домовое право, получали и гражданство, а также связанные с ним права.

Русские и украинцы в 1945—1989 гг.

В мае 1945 г. русские врачи, граждане ЧСР, написали письмо в советское посольство, которое является свидетельством их жизни в межвоенной Чехословакии и их понимания демократии. Они писали, что 25 лет назад молодыми людьми попали в ЧСР, где встретили славянское гостеприимство и полное понимание со стороны чехословацкого правительства. Э. Бенеш и чехословацкое общество в рамках акции помощи оказали материальную поддержку русским учащимся в высших школах в ЧСР. Они получили образование и могли работать врачами. Они полюбили Чехословакию и 20 лет трудились на ее благо. Они также гордились Россией, следили за ее успехами. В 1938 г. в чехословацкой армии были созданы русские части. Они пережили в ЧСР оккупацию, слушали оба радио (из Лондона и из Москвы), а сейчас приветствуют Красную армию и войска союзников. Они вместе с чехами благодарны русским танкам. Письмо заканчивалось словами: «Мы, русские врачи, в СССР останемся гражданами ЧСР. Мы остаемся верными заветам демократии, мы не гнули хребет перед Гитлером. Избавимся от всех предателей и коллаборационистов, осудим всякое бесправие. Да здравствуют Бенеш, Сталин, Конев, Рыбалко, Малиновский, Еременко⁹¹!»

Советское посольство в Праге уже в 1945—1946 гг. проявило интерес к местным русским и украинцам и их общественной деятельности. Объединения, сохранившиеся с межвоенного периода, постепенно закрывались. В 1947 г., после того как было вывезено почти 12 тыс. русских из Чехословакии, советское посольство сообщало, что 600 русских в ЧСР получили советское гражданство, им раздают советские журналы и газеты. Но сотрудник посольства жаловался, что в посольстве нет подходящего помещения для регулярных встреч с советскими гражданами в Чехословакии. В сообщении говорилось: «В настоящее время та часть русских, которая не имеет в силу разных причин гражданства СССР, или не хотела просить о его предоставлении, и далее работает в бывшем объединении «Очаг». А русские, советские граждане, которые получили советское гражданство, не состоят ни в каких организациях. Попытки посольства что-либо организовать безуспешны, потому что нет средств нанять помещение, так как это стоит около

200 тыс. крон. Оставить этих граждан без организации и без влияния посольства неправильно, а потому необходимо предусмотреть в бюджете расходы на наем помещения...¹⁰

С 1948 г. в ЧСР стали появляться различные советники, специалисты, учителя русского языка из СССР. Приехали многочисленные советские юристы на юридический факультет Карлова университета и в другие институты, чтобы с чешскими и словацкими правоведами создать юридическую двухлетку. Это были годы 1949—1950, когда были рекодифицированы все направления чехословацкого права по советскому образцу — вносились изменения в семейное право, гражданский кодекс и уголовное право. Изменения в уголовном праве и их кодификация стали подготовкой к политическим судебным процессам в Чехословакии¹¹.

Реальный русский центр был создан вокруг Информационного бюро посольства, еще один — вокруг Высшей школы русского языка. Свои русские советники появились во вновь созданной Плановой комиссии, Чешском статистическом управлении, Чехословацкой сельскохозяйственной академии, различных редакциях. Вновь прибывшие русские являлись гражданами СССР и не имели чехословацкого гражданства. Этим новым русским противостояли русские и украинские эмигранты межвоенного периода. Они не доверяли этим гражданам СССР и видели в них инструмент советизации. В 1946 г. было ликвидировано домовое право, и русские, постоянно проживавшие в ЧСР, постепенно стали получать чехословацкое гражданство, если не просили в советском посольстве предоставить советское гражданство, либо не были насильно вывезены в СССР в рамках обмена, о котором шла речь выше. После смерти Сталина в 1956—1960 гг. из Гулага вернулось около 2 тыс. русских, которые были реабилитированы.

Бывшие русские и украинские эмигранты оставались на периферии общественной жизни в Чехословакии. Украинцы были в основном представлены в словацкой части республики, особенно в регионах восточной Словакии. После февральского переворота 1948 г. греко-католическая церковь в Чехословакии была запрещена, и часть украинцев и русинов утратили свободу религиозного исповедания. В этот период была запрещена и деятельность всех украинских объединений в чешской части республики. Был ликвидирован Украинский музей

и его общество. Украинская гимназия в Модржанех закончила свою деятельность еще в 1944 г., перестали действовать Украинский свободный университет и Педагогический институт, находившиеся в Праге. Прекратили существование украинские студенческие, женские, культурные и научные объединения. Перестала выходить украинская периодика. Закрылась даже просоветская «Освита». Украинцы из «Освиты» вступили в Клуб советских граждан при посольстве СССР. В восточной Словакии еще продолжало действовать единственное общество — Культурный союз украинских трудящихся (КСУТ). В Чехии и Моравии его членов представляли носителями украинского буржуазного национализма. Какое-либо даже небольшое скопление украинцев в Чехии и Моравии считалось нежелательным, при расселении старались их рассредоточить, чтобы они не могли встречаться, а не то чтобы основывать объединения¹².

Социалистическая конституция 1960 г. гарантировала некоторые национальные права, но не для национальных меньшинств в Чехословакии. Венгры, поляки, украинцы могли развивать культурную активность лишь в одном единственном, разрешенном для этой национальности объединении. Министерство образования поддерживало польские, венгерские и украинские национальные школы. Но прав на национальную школу были лишены немцы и цыгане. Цыган считали лишь социальной группой, оставшихся немцев хотели ассимилировать.

Национальной политикой руководил, как в 1950-е годы, идеологический отдел ЦК КПЧ. Партийный аппарат составлял справки о состоянии национальных отношений, давал указания Национальным комитетам, различным институциям и своим членским организациям, как поступать с представителями той или иной национальности. Только украинская национальность в восточной Словакии считалась беспроблемной. Украинцы, проживавшие в Чехии, не могли быть членами КСУТа. В Чехии и в Моравии не было украинских анклавов, поэтому они не могли просить основать национальное объединение. Это было возможно лишь в Словакии, где украинцы компактно проживали в нескольких округах восточной Словакии. Центром их культурной жизни по-прежнему был Прешов. Украинцы в чешской части республики продолжали

считаться носителями украинского буржуазного национализма, т.е. считались врагами СССР. Большинство этих украинцев переселилось в ЧСР в 1945—1947 гг. в качестве ополтатов из Закарпатской Украины в рамках соглашения об обмене населением между ЧСР и СССР от 1945 и как солдаты и офицеры воинских частей, созданных за границей, участвовавшие в освобождении Чехословакии¹³. Как люди, которые порвали с СССР и переселились в Чехословакию, они не могли заслужить доверие аппарата КПЧ и его местных организаций, которых вновь и вновь предупреждали об украинском буржуазном национализме, связях с западом, где проживала многочисленная украинская колония и т.п. Украинцы не могли развивать общественную деятельность и по политическим причинам.

В 1966—1968 гг. представители некоторых национальностей, в том числе немцы, на волне крепнущего процесса демократизации обратились в ЦК КПЧ, чтобы получить свободу собраний и другие культурные и политические права. После федерализации Чехословакии (1969) чехословацкое правительство признало этническую (согласно тогдашней терминологии) идентичность четырех народов — поляков, немцев, венгров и украинцев. Во время Пражской весны 1968 г. украинцы и чешские украинисты пытались завязать связи с украинцами из стран Запада. Выработке общей программы мешало то обстоятельство, что украинцы в чешских землях происходили из трех разных частей Украины, и каждая часть имела собственное историческое развитие и свои культурные особенности. В Чехии жили украинцы из Киева и его окрестностей, украинцы из Галиции (Ровно, Житомир и т.д.), украинцы из Подкарпатской Руси, а также украинцы из восточной Словакии. Объединение было проблематичным и едва ли возможным.

Безуспешная попытка провести демократические реформы в 1968 г. привела к «национальной» эмиграции, уходу из руководства обществ, школ, редакций, запрету на профессии и т.п. Закон о национальностях не был реализован. В 1969 г. Чехословакия стала федерацией, и началась так называемая нормализация. Нормализация затронула и пражскую украинистику и русистику, обе кафедры на философском факультете Карлова университета, а также Славянскую библиотеку. Оба меньшинства попали вновь под контроль госбезопасности. Оккупация

Чехословакии в 1968 г. опять сказала на русском меньшинстве. Его большая часть безотносительно к происхождению и независимо от внутренней структуры рассматривалась общественным мнением как неприятельская. Русский язык, русское искусство, музыка, литература потеряли притягательную силу, так как все, что насаждалось в период нормализации, вызывало отторжение в чешской среде.

В годы нормализации КПЧ определяла национальную политику. Реализовывалась она посредством Федерального собрания, Национальных советов обеих республик и национальными комитетами в районах со смешанным национальным составом, которые создавали по образцу национальные комиссии, управляемые аппаратом КПЧ. Органом по работе с национальностями стал Совет по национальностям правительства ЧССР. Он возник в 1970 г., в его заседаниях участвовало по одному представителю от каждой национальности. Совет и его комиссии должны были обеспечить культурные права национальностей. Совет и культурно-просветительные комиссии делали упор на усиление интернационализма и подавление национализма. С Советом по национальностям и его комиссиями тесно сотрудничали министерство культуры и министерство школ, молодежи и физкультуры, министерство финансов. Министерства финансировали из госбюджета культурную деятельность и школы, пытаясь объединить отдельные национальности в едином центральном культурном обществе. Для венгров это был «Чемадок», действовавший с 1947 г., для украинцев — Культурный союз украинских трудящихся в Словацкой республике, в Прешове. Все решения подлежали одобрению со стороны партийных органов, и главную роль играла принадлежность к КПЧ либо КПС. Позже Хартия-77 в своих документах обращала внимание на национальные проблемы и занималась положением цыган в Чехословакии.

В то время как украинцы в Словакии до 1989 г. имели свое общество культуры, украинцы в чешской части республики были лишены такой возможности. Иммигранты, не составлявшие анклав или диаспору на чешской территории, воспринимались как национальное меньшинство под вопросом. Так как их подозревали в распространении украинского национализма, в 1949—1958 гг. они состояли под надзором тайной полиции. Под ее же контролем они вновь оказались в годы нормализации.

В ноябре 1989 г. так называемый Гражданский форум украинцев создал устав и созвал организационное собрание Объединения украинцев и друзей Украины в ЧСР (*Sdružení Ukrajinců a přátel Ukrajiny v ČSR*) — Чешской социалистической республике (либо тогда еще СССР в целом). В 1994 г. от Объединения украинцев и друзей Украины отделилось новое гражданское объединение — Украинская инициатива в ЧР. Развивает свою деятельность также Чешская ассоциация украинистов в ЧР. Последняя организация не основывается целиком на национальном принципе, так как это в основном группа специалистов-профессионалов.

Перепись населения в ЧСФСР/Чехословакии в 1991 г. обнаруговала и данные о количестве граждан той или иной национальности в Чешской республике: словаков оказалось 314 877 человек, поляков 59 383, немцев 48 556, цыган 32 903, венгров 19 932, украинцев 8 220, русских 5 052, болгар 3 487, греков 3 379, русинов 1 926.

В 1991 г. в официальных демографических справках снова после длительного перерыва появилась русинская национальность, запрещенная в 1952 г. Было основано Общество друзей Подкарпатской Руси (*Společnost přátel Podkarpatské Rusi v ČR*) и гражданское объединение Общество русинов (*Obšcestvo Rusinů*). В том же 1991 г. был одобрен закон о гражданских объединениях, который стал для национальностей и других меньшинств стимулом для основания гражданских объединений по национальному принципу.

В том же году начинается прилив украинцев с Украины и русских из бывшего СССР в Чехословакию, прежде всего в Чешскую республику. Они приезжают с краткосрочной визой и разрешением на работу, имея статус иностранца. С украинцами и русскими, постоянно проживавшими в ЧР и имевшими чешское гражданство, они не устанавливали и не поддерживали никаких контактов. В последующие годы их наплыв в ЧР не ослабевал. Часть украинцев с чешским гражданством из Объединения украинцев отреагировала на это созданием нового гражданского объединения, о котором говорилось выше — Украинской инициативы. Целью Украинской инициативы стали помощь новым украинцам без чешского гражданства, помощь Украине, поддержание украинской культуры и т.п. Украинская инициатива издает журнал «Пороги», имеет свой интернет-

сайт, на котором информирует о своей деятельности. В рамках украинской инициативы выступает вокально-инструментальная группа «Игнис», которая возникла в пражском общечитии «Ветрник» в начале 1970-х гг. из студентов-украинцев из Прешова, Праги, Хеба, Закарпатской Украины среди симпатизировавших им словацких и чешских студентов. Духовными песнопениями занимается Союз св. Владимира (Spolek sv. Vladimira), который является частью Объединения украинцев и любителей Украины (Sdružení Ukrajinců a příznivců Ukrajiny).

Русские в 1990-е гг. не использовали свои возможности национального меньшинства, так как знали, что отношение к ним в Чешской республике во многом определяется оккупацией 1968 г. И хотя в этом не участвовали ни потомки белых эмигрантов, ни новые эмигранты, они продолжали свою до недавнего времени полулегальную деятельность, которую они развивали с конца 1980-х, организуя встречи в Доме науки и техники. Они предполагали, что ЧР перед вступлением в ЕС приведет к соответствию международным нормам свое отношение к национальным меньшинствам, — как пишут на своей интернет-странице члены Объединения земляков и друзей русской традиции¹⁴. Поэтому они выжидали и основали свое вышеназванное объединение после принятия закона № 273/2001 о национальных меньшинствах в 2001 г., когда и стали историческим национальным меньшинством на территории ЧР. Постепенно стали возникать и другие русские гражданские объединения, например, «Русский культурный союз Прага», «Артек», Ассоциация русских обществ, Координационный совет российских соотечественников в Чехии и др. И эти объединения реагируют на прилив новых русских, стараясь им помогать. «Русская традиция» издает журнал «Русское слово» с приложением «Слово детям». У нее есть свои интернет-страницы, где можно найти информацию об объединении журнале, культурных мероприятиях, издании книг. К наиболее популярным русским мероприятиям относятся: «Браво, опера!» (вечер оперных арий в исполнении русских оперных певцов, живущих в ЧР), литературные вечера, выставки русских художественных мастеров.

Особой группой являются русские и украинские иностранцы, их число растет с каждым годом. По последним данным, в ЧР в настоящее время легально находятся 23 700 русских и 126 799 украинцев со статусом иностранцев.

Резюмируя, можно сказать, что оба национальных меньшинства во многом способствуют мультикультурному облику нашего общества.

1989 и последующие годы показали, что меньшинства не утратили своей сплоченности, основанной на общности культурных символов и исторических судеб, которая и привела к обновлению общественной деятельности.

Украинское и русское меньшинства доказали свою приверженность традициям социальной жизни в Чехословакии межвоенного времени и способность адекватно реагировать на новые потребности. Эти чешские граждане окружены огромным количеством новых иммигрантов, которые появляются в рамках трудовой миграции, как предприниматели и люди, стремящиеся к демократии и иным условиям жизни. Оживают русские и украинские народные традиции, их привычные циклы. Оба меньшинства последовательно стремятся представлять перед чешской публикой собственную национальную культуру (так, например, весной 2008 г. в Праге был открыт памятник Тарасу Шевченко), регулярно проходят недели украинской культуры, организуются литературные и музыкальные вечера русских писателей и композиторов, в том числе мероприятие «Браво, опера!», выставки под названием «Post Red» русских художников, живущих в ЧР; действует Русский студенческий театр «Сарафан», реализуются многие другие культурные начинания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Nosková H. Slovenská národnostní menšina v České republice ve dvaceti letech svobody // In: Nosková Helena, Bednařík Petr, a kolektiv Identita národnostních menšin a integrace cizinců střední a východní Evropy ve dvaceti letech svobody. Praha, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, v.v.i. 2011. S. 57—70; Noskova H. Slovak national minority in the Czech Republic // Ethnicity. Etnic Minorities and Migrants. Univerzity of Latvia, 2012/7. S. 4—15. Nosková H. O původu Slováků v Čechách. Praha, Trilabit, 2001. S. 254.*

² См. о них: *Moravcová, Nosková H. Struktura etnických menšin a imigračních skupin v České republice (Vývoj let 1998—2001. // Bittnerová Dana, Moravcová Mirjam a kol.: Kdo jsem a kam patřím? SOFIS, Praha 2005. S. 15—80.*

³ *Jeřábek R.* Moravští Charváti po 450 letech // *Minority v politike.* Bratislava, 1992.

⁴ *Kadlubiec K. a kol.* Polská národnostní menšina na Těšínsku v České republice (1920—1995). Ostrava 1997; *Siwek T., Zabradník S., Szymeczek J.* Polská národnostní menšina v Československu v letech 1945—1954. Praha, ÚSD AV ČR 2001. Poláci na Těšínsku. Ed.: Kasperz Roman, Malysz Bohdan. Český Těšín 2009; *Gawrecki D.* Politické a národnostní poměry v Těšínském Slezsku 1918—1938. Český Těšín, 1999.

⁵ Подробнее об украинской эмиграции в ЧСР см.: *Zilinskyj B.* Ukrajinci v Čechach a na Moravě 1917—1945. Praha, 1995.

⁶ Сравни: Ústavní listina Československé republiky, 3.7. Ochrana národních menšin; Русский заграничный архив. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Т. 1. Прага, 1995.

⁷ Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918—1945 (sborník studií 1—4) / Ed. V. Veber. Praha, 1994—199; *Kopřívová A.* Našinec kontra cizinec // *Výchová k demoktatickému občanství v přerodu společnosti ČR z postkomunistické v demokratickou.* Praha, 1998. S. 136—137.

⁸ Подробно о русской эмиграции см.: *Savickij I.* Praga i zarubežnaja Rossia. Praga, 2002. *Zolotarev I.* Ruská národnostní menšina v České republice: historie a současnost // *Nosková Helena, Bednařík Petr* a kolektiv. Op. cit. S. 46—56.

⁹ Архив внешней политики России (Далее — АВПР). Ф. 138. Оп. 25. Д. 40.

¹⁰ Там же.

¹¹ Российский государственный архив социальной и политической истории. Ф. 87. Д. 1126.

¹² *Zilynský B.* Ukrajinská národnostní menšina v Čechách a na Morave v letech 1945—1948. Praha, 2001.

¹³ АВПР. Ф. 187. Д. 87; *Zilinskyj B.* Ukrajinci v českých zemích 1945—1948. S. 37—48.

¹⁴ <http://www.ruslo.cz>

Н.В. КОРОВИЦЫНА

(МОСКВА)

Отношение современного чешского общества к национальным меньшинствам и иностранцам

Уникальный чешский опыт решения национального вопроса является результатом многовековой борьбы за существование малого народа в центре Европы. Отношение чехов к людям других национальностей, проживающим в стране, предопределено спецификой процессов формирования, характером и степенью выраженности их собственной национальной идентичности, в конечном счете, типом их национальной культуры.

До того, как Чехословакия возникла как самостоятельное государство в 1918 г., образ чешской нации конструировался преимущественно в этнокультурных категориях. «Триста лет мы терпели», — говорят чехи, у которых после утраты национальной независимости в 1620 г. выработалась стратегия выживания по принципу «против всех». Чешская идентичность формировалась на основе множественности территориальных и государственных образований, в которых жили чехи, — Австрии, Австро-Венгрии, Чехословакии. Менялись границы и формы правления, долгое время отсутствовала национальная элита. Ее общественную функцию взял на себя «маленький чешский человек», жизненный мир которого ограничен ближайшим окружением, недоверчивый ко всему, что лежит за пределами этого мира. Подобный тип личности впоследствии нашел проявление в идеологии швейкизма. Чехи в сильной мере утратили способность испытывать чувство патриотизма и идентифицироваться с государством, которое, тем не менее, всегда воспринимали как защитника национальных интересов и гарантию их существования как культурного целого, поэтому стремились к национальной государственности.

Чешская национальная идентичность неотделима от чешской территории — исторических земель чешской короны, включающих Богемию, Моравию и Силезию. Только те, кто живут на чешской территории и говорят по-чешски, считаются чехами. Соотечественники за рубежом, даже если говорят по-чешски, не считаются полноценными чехами (что отличает чешскую нацию, например, от польской)¹. Этот аспект национальной идентичности также обнаруживает культурные и политические корни — не язык, а полноценное участие человека в культурной и политической жизни национального сообщества превращает его в чеха. Более того, как считает чешский этнолог Ладислав Голы — автор книги «Маленький чешский человек и великая чешская нация», чехи конструируют идентичность даже скорее как естественную. Он утверждает, что, говоря о чертах «чешскости», люди здесь упоминают три критерия: быть рожденным в Чешских землях, говорить на чешском языке как родном и иметь родителей-чехов. Человек должен к тому же чувствовать себя чехом, что подтверждает представление о преимущественно культурной конструкции чешской нации. Наконец, чехи всегда воспринимали себя как культурную и образованную нацию и стремились выразить гордость своей культурой, но не функционированием государства, которое длительный период служило фактором национального подавления. В случае культуры положение было противоположным. В то же время чехов традиционно относят к числу народов Центральной и Восточной Европы с довольно слабым проявлением национальных чувств. 52 % чешских граждан осенью 1990 г. придерживались мнения об отсутствии сильного самосознания чехов. Его невыраженность на этом этапе объяснялась доминирующим положением чехов в Чехословацкой Республике, когда их «чешскости»² ничто не угрожало.

Образование современного чешского государства 1.1.1993 г. считается в настоящее время достаточно случайным, а его национальная идеология неопределенной. Пересмотр чешской национальной идентичности после распада общего государства чехов и словаков сопровождался подавлением ее проявлений, продолжающимися поисками названия нового государства, новым восприятием Словакии как самостоятельного государства и формированием отношения к Евросою-

зу — наднациональному образованию, к которому Чешская Республика присоединилась в 2004 г. Политиков евро-оптимистического толка обвиняют в том, что для них понятия нации, национальных интересов, национальной идентичности, патриотизма равнозначны шовинизму и ксенофобии, которые они отвергают как нежелательные. Требования политкорректности, европейскости, толерантности по отношению к другим национальностям и расам привели к тому, что выражения патриотических и тем более националистических настроений в чешском обществе сейчас достаточно редки. Существует мнение, что они редки, как никогда. Чешские специалисты считают, что современная Чехия является одной из стран, где национальные чувства мало выражены, как, например, в Германии. По их словам, слабое чувство патриотизма сочетается у чехов со слабой национальной идентичностью. Говорят даже о денационализации чешской нации, которую связывают с замещением национальных принципов гражданскими в период президентства В. Гавела, когда перешли от употребления понятия «чешская нация» к понятию «население страны»³. Показательно, например, что сейчас чешскими гражданами, как правило, не отмечаются оба государственных праздника: и дата образования Чешской Республики — 1 января, и день образования чехословацкого государства — 28 октября 1918 г.

Социологическое исследование национальной идентичности, проведенное в Чехии в 1995 и 2003 гг., показало, что этот вид идентичности занимает у населения страны только пятое место после идентичности профессиональной, семейной, гендерной и возрастной. Полученные данные действительно свидетельствовали об ослаблении чешской национальной идентичности в период между образованием самостоятельного государства и вступлением его в ЕС. Кроме того, если в 1995 г. национальное государство было самой важной территорией, с которой идентифицировали себя чехи, то в 2003 г. оно переместилось на второе место после места жительства. Усилилась этнокультурная основа национальной идентичности: если в 1995 г. чехом считался тот, кто мог говорить по-чешски, чувствовал себя чехом, признавал политические институты и законы и имел чешское гражданство, то в 2003 г. — кто мог говорить по-чешски, чувствовал себя чехом, имел чешское гражданство и прожил в ЧР большую часть жизни. На срав-

нительном европейском фоне обнаружен сдвиг Чехии в направлении той группы стран, где больше значения придают принадлежности к христианской цивилизации и рождению в стране (чтобы считаться истинным представителем нации). Такой сдвиг стал отражением притока в страну иммигрантов из неевропейских и нехристианских стран, а также проявлением культурного концепта нации. Одновременно отмечено ослабление гордости за достижения государства и укрепление — за успехи в области культуры. Но, оценивая будущее Евросоюза, 80 % чехов все же предпочитало модель, основанную на сотрудничестве входящих в него государств модели одного федеративного государства⁴.

При относительной внешней слабости национальной идентичности и национального самосознания чехов их отношение к другим народам, проживающим с ними на одной территории, обусловлено спецификой чешской культуры и в настоящее время достаточно четко определенное, о чем свидетельствуют результаты многочисленных социологических исследований последних лет.

Чешская Республика возникла как типичное национальное государство. Население современной ЧР никогда не было таким гомогенным с точки зрения проживающих здесь народов, как на момент ее образования. Это подтверждали данные переписи 1991 г., согласно которым 94,8 % населения республики назвало себя чехами, всего 3,1 % словаками и оставшиеся 2,1 % — представителями других национальностей. На вопрос: «Из каких стран мира прибыли Ваши предки?» 90,2 % населения декларировало свое чешское происхождение, тогда как всего 2,3 % — словацкое, 1,7 % — австрийское, 1,5 % — польское и 1,1 % — германское. Что касается языка домашнего общения, единообразие было особенно велико: 98,9 % опрошенных говорили дома по-чешски. Чешское общество представляло собой совершенно гомогенное образование и с точки зрения гражданства — у 99,7 % оно было чешским. Все это явилось результатом крайне ограниченной на протяжении нескольких десятилетий коммунистического режима иммиграции в страну. Для чешского населения характерна и низкая пространственная мобильность. По данным 1995 г., 88 % никогда не жило за пределами ЧР дольше одного года; почти три четверти опрошенных никогда не покидало места своего рождения⁵.

В этнически гомогенном и в течение десятилетий закрытом обществе быть «истинным чехом» значит обладать одновременно чешской национальностью и чешским гражданством, между которыми люди не делают больших различий. В подсознании чешского общества, как правило, не существует отчетливого различия между теми, кто является «иностранцами, временно проживающими в ЧР», и «принадлежащими к национальным меньшинствам, постоянно проживающими в ЧР», т.е. чешский гражданин другой национальности неотличим от иностранца. В отношении национальностей, которые начали селиться в Чехии после 1989 г. (вьетнамцы, украинцы), общественное мнение не определено; к какой категории их отнести, для чехов не до конца ясно; вопрос в том, куда отнести поляков или словаков. Для чешских граждан обе категории объединены в одну. К числу иностранцев, временно проживающих в ЧР, чаще всего относят приезжих из Вьетнама, Украины и Германии, реже — из России и Словакии, а к национальным меньшинствам — цыган, а также (вновь) вьетнамцев, поляков, словаков, немцев и украинцев. 80 % чехов признаются, что узнают иностранцев, кратковременно пребывающих в стране, и 70 % — представителей национальных меньшинств, чаще всего по языку, а также по поведению и одежде⁶. Чешские демографы, как и некоторые политики, но, прежде всего, сами представители национальных меньшинств часто жалуются на то, что даже переписи населения не отражают действительной численности представителей отдельных меньшинств. Это особенно касается цыган, которых долгое время переписчики идентифицировали по внешнему виду или месту проживания, но также и немцев.

В отличие от национальных меньшинств, иностранцы не обладают такими же правами, как граждане ЧР, декларирующие принадлежность к иной, чем чешская (моравская и силезская) национальности. К иностранцам в стране относят всех иммигрантов, которые на долгосрочной или краткосрочной основе пребывают на территории Чехии, но не имеют чешского гражданства. Иммиграция является довольно новым феноменом для страны и региона Центральной Европы, откуда люди прежде преимущественно уезжали. Численность иммигрантов после крушения коммунистических режимов в 1989 г. постоянно росла, приобретая массовые масштабы, и приостановилась лишь с началом экономического кризиса 2008 г.

У чешского общества отсутствует длительный опыт отношений с иностранцами, которые приезжают в ЧР в результате неблагоприятной финансовой ситуации на родине или по политическим причинам. Если в конце 1980-х годов в социалистической Чехословакии официально проживало около 30 тыс. представителей других государств, в середине 1990-х годов их численность достигла около 100 тыс. чел. А по состоянию на август 2007 г. в Чехии зарегистрировано 368,8 тыс. иностранцев, в том числе 151,8 тыс. проживало на постоянной основе, а остальные — на долгосрочной (свыше 90 дней). Кроме того, по одной из оценок, в стране находится без разрешения еще 300 тыс. иностранцев⁷. Ныне каждый 50-й житель страны имеет иное, чем чешское, гражданство (это значительно меньше по сравнению с большинством западноевропейских государств, но больше, чем, например, в Польше с ее менее чем полупроцентом мигрантов в общей численности населения). Предполагается, что гетерогенность национального состава Чешской Республики будет возрастать⁸. Больше всего среди иностранцев сейчас представлены граждане Украины (33 % всех иностранцев), Словакии (18 %), Вьетнама (12 %) и Польши (5 %)⁹. Основная мотивация найти работу и улучшить свое материальное положение служит предпосылкой того, что большинство иностранцев составляют мужчины среднего возраста.

Отношение чешского общества к национальным меньшинствам и иностранцам изучается социологами страны преимущественно с точки зрения настроения, господствующего по отношению к этим группам. Согласно результатам исследования десятилетней давности, в чешском обществе уже было довольно ясное представление о феномене иммиграции, хотя знакомство с ним являлось относительно недолгим. Не сформировалось мнение по этому вопросу всего у 10 % (в исключительных случаях у 25 %), что считается специалистами вполне допустимым¹⁰.

Результаты большинства исследований совместной жизни чехов с национальными меньшинствами и мигрантами в ЧР не особенно благоприятны с точки зрения толерантности чешского общества. Исходя из данных European Value Study 1999, «чехов нельзя назвать чрезмерно любящими другие этнические группы, живущие в этой стране», хотя опросы в других

посткоммунистических странах обнаружили похожие отношения. Среди стран региона Центральной и Восточной Европы Чехия оказалась в середине по уровню ксенофобии, но по сравнению с западноевропейцами жители страны в значительно большей степени не принимают иммигрантов¹¹. Жители посткоммунистического региона пока не воспринимают свои страны как объект притяжения иностранцев. Их отторжение и символическая социальная эксклюзия, кроме того, обусловлены более низким по сравнению с развитыми странами Запада уровнем межличностного доверия в регионе и особенно в ЧР. Там, где слабее уверенность в том, что большинству людей можно доверять, выше и нетолерантность по отношению к приезжим. Чехи воспринимают последствия миграции с такими же опасениями, как экономически менее развитые народы Юго-Восточной Европы и венгры (один из наименее открытых для потенциального приема приезжих народ), но в большей степени, чем последние, готовы принимать иностранцев¹².

Отношение к национальным меньшинствам в Чехии характеризуют в целом как невыраженное, вероятно, вследствие национальной гомогенности населения, у которого враждебность концентрируется, прежде всего, в отношении цыган. Однако взгляды чешского общества на иммиграцию определяются как негативные. Отношение к иностранцам в ЧР считает предметом национальной гордости меньшинство — 38 % опрошенных, тогда как 45% придерживается противоположного мнения¹³. Любопытно, что выражающие гордость за свою страну менее ксенофобны — в Западной Европе наоборот. Представления чешского населения о представителях национальных меньшинств, постоянно проживающих в ЧР и «отвоевавших» свою культурную самобытность и интересы, более благоприятны, чем в отношении вновь прибывших иностранцев, которые еще долго будут восприниматься большинством населения как «чужие». Даже в условиях относительно невысоких показателей иммиграции в 1990-е годы подавляющее большинство населения поддерживало ужесточение мер против нелегальных иммигрантов. С другой стороны, эмиграция по политическим причинам при коммунистическом режиме сделала чешское общество более толерантным по отношению к беженцам, страдающим от политических репрессий в собственной стране. Вместе с тем люди, привыкшие при прежнем

режиме к враждебному отношению к чешским эмигрантам, не желают терпеть иммигрантов любого рода.

Поскольку у большинства чехов нет собственного опыта жизни за границей, неудивительно, что их отношение к иностранцам и особенно иммигрантам характеризуется такими понятиями, как «страх» и «осторожность». Некоторые изоляционистские идеи (экономической и культурной направленности) находят существенную поддержку в чешском обществе, в котором стремление к изоляционизму имеет глубокие исторические корни. К тому же чешскому национальному характеру присущи скептицизм и прагматизм, чем нередко объясняется достаточно подозрительное отношение чехов к иностранцам. Однако результаты опросов показывают не желание жить в изоляции от остального мира, а своего рода «оборонительную стратегию», т.е. стремление оградить Чешскую Республику от нежелательного иностранного влияния. 88 % соглашались с утверждением: «чешские школы должны прилагать большие усилия для правильного обучения иностранным языкам». Причем недоверчивое отношение к иностранцам не сопровождается безоглядной лояльностью к собственному государству. Люди здесь невысокого мнения и о своей стране и нации. Лишь треть населения выражала желание поддерживать свою страну, даже если бы она развивалась в неправильном направлении (43 % отказались). Более того, меньшинство предпочитает, чтобы Чехия преследовала собственные интересы, даже если бы это вело к конфликтам с другими народами, больше тех, кто не соглашается с такой политикой. Наконец, всего 15% респондентов соглашались, что «мир был бы лучше, если бы люди из других стран больше походили на чехов». Всего каждый пятый считал Чешскую Республику лучшим местом по сравнению с большинством других стран, хотя 70 % предпочитало быть гражданином ЧР. Чем ниже образование и старше возраст, тем выше уровень изоляционизма. Типичные изоляционисты живут в сельской местности, придерживаются левой или крайне правой политической ориентации, обладают авторитарными взглядами, недоверчивы и субъективно ощущают себя принадлежащими к низшему классу¹⁴.

Крайне трудно стать «истинным чехом» приехавшим в Чешскую Республику из-за границы людям нечешского происхождения. Половина опрошенных думает, что «невозможно стать

настоящим чехом людям, не разделяющим чешских обычаев и традиций», усвоение которых важно для культурной интеграции в чешское общество. Те, кто не соответствуют традиционным культурным стандартам, согласно этому мнению, не могут стать чехами. Даже представитель этнического меньшинства, рожденный в ЧР, имеющий чешское гражданство, говорящий только по-чешски и всю жизнь проживающий в стране, не считается «истинным чехом», если его образ жизни слишком отличается от общепринятой нормы. Склонность чешского сознания к концепту национального государства проявляется в том, что лишь треть респондентов соглашается, что государство должно предоставлять помощь национальным меньшинствам для сохранения их исконных привычек и традиций. Но и среди них почти половина считает, что люди, не разделяющие чешских привычек и традиций, не смогут в полной мере интегрироваться в чешскую среду. Сохранение культурной гомогенности чрезвычайно важно для чешского общества. Свыше половины (60 %) респондентов думает, что для страны лучше, если разные расовые и этнические группы приспособятся и сольются с большинством общества, а не будут держаться за свои культурные особенности¹⁵.

На вопрос, должны ли иностранцы приспосабливаться к жизненным привычкам чешского населения, значительное большинство людей отвечает положительно, причем 3/5 утверждает, что иностранцы должны максимально приспосабливаться, а еще треть допускает частичное сохранение собственных обычаев. Лишь 5 человек из 100 позволяет иностранцам жить в ЧР согласно национальным традициям. Ситуация в этом вопросе не меняется на протяжении десятилетия¹⁶. В чешской среде существует зависимость между значением для людей национальных традиций и готовностью терпеть носителей иных культур в своей стране. Чем важнее для человека национальная традиция, тем больше он убежден в том, что представители других культур должны приспосабливаться к чешским обычаям и привычкам. Международное сравнение показало сильное сходство восприятия последствий иммиграции в Чехии и в остальных центральноевропейских странах, познакомившихся с ней относительно недавно. Но чешское общество менее других склонно считать иммиграцию и рост культурного многообразия полезными для себя.

Стремление ассимилировать, а не интегрировать другие народы сочетается у чехов с поддержкой рестриктивной политики по отношению к мигрантам. По мнению половины граждан, особенно малообеспеченных, — довольно стабильному в последние годы — в Чехии итак проживает слишком много иностранцев, за сокращение их численности высказывается 69 %¹⁷. Адаптацию к жизни в ЧР подавляющее большинство — 91 % — видит важной предпосылкой разрешения длительного пребывания в стране. Желание приспособиться наряду с отсутствием криминального прошлого, языковой компетентностью и достаточной профессиональной квалификацией воспринимаются чешским обществом как главные факторы положительного решения государственных органов о предоставлении постоянного места жительства иностранцам. Даже родственные связи, например, объединение семей для чехов не самый важный фактор. Принимать иммигрантов, желающих заниматься в Чехии предпринимательством, не хочет половина опрошенных, причем 66 % требует запрета на предпринимательство для иностранцев из некоторых стран. Для того, чтобы не считаться иностранцем в ЧР, также не очень важно владение недвижимостью в стране (такое мнение разделяют 43 % чехов), брак с представителем чешской нации (44 %), принадлежность к белой расе (37 %). Всего 3 % чехов высказались за предоставление возможности каждому желающему приехать в страну и жить там¹⁸.

У почти пятой части опрошенных в 2003 г. Центром изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР обнаружен радикальный взгляд на мигрантов. Они считают, что мигранты вообще не должны длительно пребывать в Чехии, т.к. в стране своих проблем достаточно. Напротив, лишь очень небольшая часть респондентов (5%) против каких-либо ограничений по отношению к иностранцам. Еще более тревожные результаты получены в ходе исследования, проведенного одним из западных социологических агентств по заказу правительства ЧР в 2000 г. Им обнаружено, что сторонников ограничения иммиграционных потоков достаточно много среди людей высокообразованных, которые настаивали на своей точке зрения, даже если бы снижение иммиграции неблагоприятно сказалось на темпе экономического роста Чехии. Тем более люди без полного среднего образования часто придержи-

живаются мнения о необходимости крайне рестриктивной политики государства по отношению к приезжим.

Со временем происходят, правда, позитивные перемены. Уровень ксенофобии чехов в 1999 г. по сравнению с аналогичным исследованием 1991 г. значительно понизился¹⁹. В начале 1990-х годов испытывали чувство враждебности к людям по причинам их национальной принадлежности более 40 % опрошенных, а расовой принадлежности — 60%, но уже в начале первого десятилетия 2000-х годов это чувство было характерно соответственно только для 16 % и 24 %²⁰. Показателен рост в ЧР с середины 1990-х годов доли браков, в которых один из вступающих в брак был иностранцем. За период 1996—2006 гг. чешские граждане заключили свыше 50 тыс. смешанных браков или 8,6 % всех браков ежегодно. Чаще всего заключались браки между иностранцем (словаком — 24 % браков или немцем — 9,4 %) и женщиной с чешским гражданством. В случае заключения брака мужчиной с чешским гражданством женщины имели словацкое (40,5 %) или украинское (23,3 %) гражданство²¹. Вместе с тем, если толерантность ко многим группам населения (старикам, бедным, богатым и др.) на рубеже столетий возросла, то к иностранцам — на фоне значительно возросших миграционных потоков — она уменьшилась²².

«Симпатии» к народам, проживающим на территории Чешской Республики, распределились следующим образом. Наиболее «симпатичны» чехам представители их национальности и словаки. «Симпатичны» им также поляки, за которыми следуют греки, немцы, венгры, болгары и, наконец, русские. «Несимпатичны» чехам вьетнамцы, еще больше украинцы, румыны, замыкают список цыгане²³.

Цыгане наименее «симпатичны» чехам, отношения с ними отличаются давно сформировавшейся неприязнью. Чешское большинство проявляет к цыганам наибольшую нетолерантность и испытывает практически всеобщее — независимо от социально-демографической принадлежности — массовое отторжение. Совместное проживание цыган с остальным населением свыше 4/5 считает плохим, половина — очень плохим. Большинство цыган с переходом к рыночной экономике во многих отношениях отделилось от стандартов чешского общества и утратило с ним контакт. В 1999—2006 гг. казалось, что ситуация несколько улучшилась, но в последующем кри-

тицизм чешского общества в этом вопросе вновь возрос. Представления о цыганах у чешских граждан преимущественно негативные и трудно преодолимые. 75 % не хотели бы жить по соседству с цыганами²⁴. Цыганам трудно получить в Чехии так наз. культурное гражданство, т.е. право отличия и в то же время полноправного членства и активного участия в функционировании демократического общества. Культурное гражданство предполагает признание национально-культурной специфики и взаимное уважение. С этой точки зрения положение цыган с их крайне автономной культурой в чешском обществе во многом отличается от других национальных групп. Вместе с тем, если хуже всего оцениваются чехами возможности цыган в сфере занятости, в некоторой степени — в участии в общественной жизни, то их возможности с точки зрения, например, решения жилищного вопроса или социальных пособий, а особенно развития национальной культуры чешские граждане считают даже лучшими по сравнению с остальным населением. Общество находится в плену представления о «позитивной дискриминации» цыган — якобы государство слишком много делает для цыган, получивших при новом режиме «незаслуженные выгоды», причем в ущерб другим гражданам. Одновременно не менее распространено мнение, что цыгане в последние два десятилетия оказались «вытесненными на обочину общества». 70 % чехов оценивает решение властями цыганского вопроса как неудовлетворительное, в том числе половина — как совершенно неудовлетворительное²⁵.

Сдержанное отношение проявляет чешское общество (особенно жители крупных городов) к гражданам балканских государств и украинцам. Последние особенно явно не воспринимаются чехами как историческое национальное меньшинство, а лишь как трудовые мигранты, для которых Чехия — только место временных заработков. Украинцев считают не более чем дешевой и часто неквалифицированной рабочей силой на чешском рынке. Союзы и гражданские объединения в ЧР пытаются преодолевать это общепринятое представление. Но сами нынешние украинские мигранты приводят в качестве главной причины их приезда в Чехию, прежде всего, свою экономическую ситуацию. Для них, как и для других вновь прибывших иностранцев, принадлежащих к национальным

меньшинствам, исторически укорененным в ЧР (например, словаки, немцы), типично, что они, как правило, не устанавливают контактов с автохтонным населением и его гражданскими объединениями.

Напротив, наиболее «симпатичны» чехам словаки и поляки. Последние — ныне единственное национальное меньшинство в Чешской Республике, населяющее компактную территорию в пространственной близости от своего народа и самое активное в культурном отношении. На севере Чехии и Моравии отношение к полякам лучше. В целом чешское общество индифферентно к немцам. Люди старше 60 лет относятся к ним хуже, а жители северо-запада ЧР и лица с правой политической ориентацией — лучше; в последнее время возрастает критицизм, особенно со стороны молодежи, по отношению к так наз. декретам Бенеша и выселению после Второй мировой войны с чешской территории судетских немцев, 39% считают его несправедливым²⁶. К русским, по одним оценкам, отношение также индифферентное, по другим, касающимся «пражских русских», — стабильно негативное, хотя и не открыто враждебное²⁷, довольно высокий процент людей испытывает к ним ксенофобию, и почти четверть предпочитает, чтобы они жили в другой стране. Лучше относятся к русским люди старшего возраста, что ставит под сомнение стереотип об обусловленности отношения к русским в Чехии негативными моментами недавнего исторического прошлого. Ощущение культурного отличия от чехов характерно для 70% русских. Что касается вьетнамцев, в их семьях особенно высоко стремление закрепиться в стране, стать полноправными гражданами ЧР, предоставляя своему потомству возможность образовательного и профессионального продвижения²⁸. Как показали современные социологические исследования, чем длительнее пребывание какого-либо меньшинства или группы мигрантов на территории Чехии, тем менее конфликтны его отношения с чешским населением. Исключение составляют цыгане. Они, несмотря на длительное проживание в стране и даже чешское гражданство, воспринимаются чехами как самые иностранные «иностранцы»²⁹.

В чешской среде регистрировалось чувство превосходства по отношению к Востоку, в том числе славянскому, и восхищение Западом. Вскоре после крушения коммунизма отмечались

чрезвычайно высокие, пережившие кульминацию в первой половине 1990-х годов, затем явно уменьшившись, симпатии чехов к «культурно приемлемым» для них народам таких стран, как США, Великобритания, Франция, Австрия, в меньшей мере Германия. Напротив, на своих посткоммунистических соседях — Польшу и Венгрию — здесь сначала взирали «сверху вниз», и даже словаки и Словакия после раздела федерации не фигурировали во главе иерархии симпатий. Ситуация изменилась на рубеже столетий, когда Словакия возглавила эту иерархию, а две другие страны вышеградской четверки — Польша и Венгрия (в последние годы отношение к ним имело тенденцию ухудшения) — также оказались впереди³⁰. Иное отношение чешского общества (особенно у его представителей с правой политической ориентацией) к мигрантам из бывшего Советского Союза и стран Азии. В 2001 г. чехи считали вдвое менее «симпатичными» украинцев и русских по сравнению с приехавшими из Великобритании и США³¹.

Чехи различают иностранцев «беспроблемных» (западно-европейцы, американцы и близкие соседи — словаки и поляки, а также далекие японцы) и тех, которые несут с собой проблемы (приезжие из бывшего СССР, арабского мира, азиаты, мусульмане). Социологами обнаружено, что чехам мешает не столько присутствие людей другой национальности, сколько проблемы с поведением и привычками этих граждан, которые часто воспринимаются как фактор негативного внешнего влияния, тем более в условиях неподготовленности социальных и экономических структур для размещения иммигрантов (подобный опыт в стране долгое время практически отсутствовал). Иными словами, отношение к меньшинствам определяется преимущественно отличием их образа жизни и ценностей, а не этническими или расовыми отличиями. Это подтверждает отношение к соседству с людьми других национальностей. Они должны придерживаться следующих норм: поддержание порядка в доме и вокруг него, спокойствие в доме, соседская взаимопомощь, общение детей иностранцев с чешскими, приветствие соседей и общение с ними. Большинство чехов спокойно относится к инонациональным соседям (лишь пятая часть опрошенных не желает жить рядом с ними), но не к мигрантам — независимо от места их прибытия. Примерно для половины чехов основную проблему представляют иностран-

ные сезонные рабочие. Более нежелательными соседями являются для них только душевнобольные, люди с криминальным прошлым, алкоголики и наркоманы.

В целом, в чешском обществе продолжает преобладать мнение, что иммиграция связана с негативными явлениями. Чехи боятся иммиграции, ставшей крупной проблемой для стран Западной Европы, и в меньшей степени, чем эти страны, испытывает позитивные ожидания от иммиграции. Только каждый десятый чех считает, что иностранцы не несут с собой никаких проблем для ЧР, каждый второй связывает с иностранцами проблемы страны в целом, хотя их лично эта проблема не затрагивает. Граждане другой национальности, приехавшие в Чехию в последние годы, представляют собой проблему главным образом для живущего с ними по соседству населения Праги (на нее и в целом Среднечешскую область приходится 45 % приезжих³²) и других крупных городов. В иных областях страны на протяжении последних десяти лет преобладает негативная оценка проблемы иммиграции на общереспубликанском уровне и позитивная на локальном (по месту жительства)³³. Усиливается, особенно в связи с последствиями финансового кризиса 2008 г. (прежде имевшее тенденцию сокращения), восприятие мигрантов как конкурирующей дешевой рабочей силы — свыше 3/4 чехов видит в них угрозу и выступает за их ограничение в сферах производства с высоким уровнем безработицы. Каждому пятому работающему чеху действительно известны случаи ограничения занятости иностранцев³⁴. Большинство считает, что иностранцы могут работать только в тех профессиях, которые не интересуют чешских граждан, причем за прошедшее десятилетие утвердилось мнение, что приоритет при приеме на работу иностранцев должен отдаваться приезжим из стран ЕС³⁵. За свою национальную идентичность опасается половина чешского общества.

На обобщающий вопрос: «Вносят ли мигранты вклад в развитие Вашей страны?» лишь 17 % чехов ответило утвердительно (средний для ЕС показатель — 40 %). Почти три четверти людей убеждены, что приезжие повышают уровень преступности и свыше половины — заболеваемости. С другой стороны, всего менее трети соглашается с утверждением, что приезжие вносят вклад в чешскую экономику. Столько же верит,

что мигранты обладают новыми идеями, и всего каждый пятый соглашается с утверждением об обогащении приезжими чешской культуры. Предоставление политического убежища, по мнению чехов, улучшает имидж страны в мире и способствует росту толерантности. По сравнению с 1995 г. в 2006 г. чешские граждане стали лишь несколько чаще допускать, что мигранты вносят вклад в национальную экономику и культуру. Хотя 80 % чехов видит в снижающейся рождаемости и депопуляции угрозу будущему ЧР, всего 13 % соглашается с представлением о том, что выходом из ситуации было бы разрешение большему числу иностранцев получать государственное гражданство Чехии³⁶. В вопросах, касающихся позитивного вклада иммиграции, отмечается повышенная доля колеблющихся: 15% не может судить о ситуации, 14% не знает, вносят ли иммигранты вклад в культуру, и каждый пятый не может ответить, обладают ли они новыми идеями.

Негативное восприятие последствий иммиграции связано также с распространенным мнением, что государство не должно иметь по отношению к иностранцам больших обязательств, а заботиться, прежде всего, о своих гражданах. Половина чешских граждан думает, что правительство тратит на помощь меньшинствам и приезжим слишком много денег. Еще меньше — 30% — согласно, что государство вообще должно поддерживать меньшинства. Чешское население относится к иммиграции как к феномену, который представляет для государства, вынужденного за них «доплачивать», дополнительную финансовую нагрузку, а не облегчение.

Взгляды общества на политику правительства по отношению к приезжим полярны, причем недемократические подходы в отношении иностранцев находят довольно значительную поддержку. По мнению более трети граждан, чешское государство должно настаивать на суверенном праве вообще не принимать иностранцев, а каждый второй с этим утверждением не соглашается. Общество разделено и в вопросе о правах иностранцев в ЧР: 41% чехов считает, что законно проживающие иностранцы должны иметь одинаковые с остальными гражданами права, а 47% — против наделения иностранцев такими же правами. Почти половина (46%) населения выступает за дифференциацию прав иностранцев в зависимости от того, из какой страны они прибыли³⁷.

Негативные взгляды чехов часто формируются не на основе личного опыта и не как результат реальных межэтнических проблем. Важным и эффективным инструментом влияния на общественное мнение являются чешские СМИ, которые представляют «проблему приезжих» в ЧР в большинстве случаев в контексте, вызывающем негативные эмоции по отношению к мигрантам. В СМИ — для большинства населения единственным источнике информации о незнакомых иностранцах — проходит много сообщений о проблемах, связанных с ростом численности иностранцев и их повышенной преступностью, освещаются многочисленные ситуации подписания гражданами петиций против создания в их населенных пунктах центров размещения иностранцев. Все это вызывает беспокойство граждан по поводу представителей других национальностей, проживающих в Чехии. Вместе с тем лишь чуть больше четверти чехов близко знакомо с долгое время пребывающими в стране иностранцами, чаще всего украинцами и вьетнамцами, реже — словаками и поляками, еще реже — русскими и немцами³⁸. Приблизительно четверть чешских граждан имела негативный опыт общения с иностранцами. Эти люди особенно боятся роста преступности и уменьшения количества рабочих мест для коренного населения, чаще высказывают мнение, что даже те мигранты, которые разделяют чешские привычки и другие культурные стандарты, не могут стать чехами, что Чешская Республика имеет право не принимать иностранцев. Но о негативном опыте отношений заявили и люди без близких контактов с иностранцами. Исследования показывают, что личные контакты, как правило, способствуют более толерантному отношению к иностранцам, поддержке их неограниченного въезда в страну. В этом случае уменьшаются опасения по поводу конкуренции на рынке труда и преступности, возрастает вероятность признания экономического и культурного вклада иммигрантов.

Низкий процент представителей национальных меньшинств в общей численности населения Чешской Республики, отсутствие опасений со стороны возможных выступлений меньшинств — словацкого, вьетнамского или цыганского, — в целом спокойное сосуществование народов на территории страны, определяют довольно низкий интерес к национальной проблематике в чешском обществе. Некоторое уве-

личение этого интереса было связано с активностью праворадикальных партий по отношению преимущественно к цыганскому, меньше — к вьетнамскому населению. Это непарламентские и в высшей степени немногочисленные национально-социалистическая Рабочая партия (возникла в 2004 г. и распущена в 2010 г., на ее основе возникла Рабочая партия социальной справедливости) и национально-консервативная Национальная партия (возникла в 2002 г. и распущена в 2011 г.). Крайне правые в стране не едины и гетерогенны, всего насчитывается около 4 тыс. воинствующих активистов неонацистского движения, ядро убежденных и систематически активных — 400 человек, их организации имеют незначительную членскую основу и ориентированы преимущественно на молодежь с низким уровнем образования. Активность этого движения, проявлявшаяся в первом десятилетии 2000-х годов не в последнюю очередь в связи со вступлением страны в Евросоюз, в последующем снижалась, их акции — преимущественно спонтанные демонстрации, организованные через Интернет, — становятся не такими многочисленными в результате полицейских акций и заметного сокращения политической активности населения страны в целом³⁹.

Большинство политических партий не проявили значительного интереса к включению проблематики миграции как приоритетной в свои политические программы, она пока не стала темой политических дебатов. В стране, как и в целом в Центральной и Юго-Восточной Европе, отсутствуют влиятельные, особенно парламентские, политические силы, открыто отстаивающие антииммиграционные принципы. Вероятность возникновения в ЧР правоэкстремистской партии, по оценке специалистов, достаточно невелика, хотя ведущие политики, осознавая актуальность проблемы увеличения численности приезжих, все чаще обращаются к этой теме.

Больше на меры в поддержку миграционной политики ориентирована программа левоцентристской Чешской социал-демократической партии (ЧСДП). До 2002 г. она не уделяла внимания проблеме миграции, но позже эта партия перенимала опыт западноевропейских социал-демократов, не сумевших удовлетворительно решить проблему мигрантов из неевропейских стран и из-за этого терявших голоса избирателей. Ныне чешские социал-демократы декларируют поддержку

интеграции иностранцев и упрощение процедуры легальной занятости. Для правоцентристской Гражданской демократической партии (ГДП) характерен более рестриктивный подход в этой области. Она выступает против криминальной деятельности и нелегальной занятости иммигрантов.

Хотя политические предпочтения в целом мало влияют на взгляды людей в отношении миграции, представления избирателей двух крупнейших партий, как показали результаты социологических исследований, часто противоположны программным установкам партий, за которые они голосуют. У сторонников ГДП значительно более позитивное отношение к приезжим, они видят положительные последствия иммиграции в сфере экономики, для обогащения культуры, возникновения новых идей, хотя чаще выступают против поддержки прямых связей президента с национальными меньшинствами, за которые высказываются 55% чехов⁴⁰. Напротив, сторонники ЧСДП больше боятся конкуренции со стороны дешевой рабочей силы из-за границы. Наиболее сдержанное отношение к иностранцам у избирателей Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ), которые чаще всего выступают за необходимость приспособления иностранцев к образу жизни чехов. Ощущение, что в ЧР живет слишком много иностранцев, больше характерно для сторонников левых партий (КПЧМ — 72%, ЧСДП — 68% в 2009 г.) и меньше для ГДП (42%), самые либеральные в этом вопросе — сторонники Партии зеленых. Любопытно, всего треть избирателей гражданских демократов соглашается с одним из излюбленных тезисов бывшего президента страны В. Клауса, что у чешского государства существует суверенное право не принимать иностранцев, и не соглашается больше всего — 61%. Кроме того, сторонники ГДП декларируют самую сильную поддержку мультикультурализма и чаще допускают, что иностранцы могут не разделять чешские обычаи для превращения в полноценных представителей общества⁴¹.

Националистическая сцена в Чехии, в отличие от других центральноевропейских стран, отчетливо отделена от основных политических партий. В политическом мейнстриме чехом является тот, кто соответствует гражданской дефиниции чеха, независимо от его национального происхождения, хотя само чешское общество все больше склоняется к восприятию

государства как этнического или национального образования. На вопрос: «Что вызывает в обществе социальное напряжение?» из 16 вариантов ответов на втором месте после «богатства» оказались «национальность, раса». Чехи, воспринимающие свое сообщество как монолит, в котором нет места иностранцам⁴², видят угрозу его социальной сплоченности со стороны других народов⁴³. Эксперты поэтому не исключают увеличения числа людей, симпатизирующих простым и быстрым решениям национального вопроса.

Итак, в современном чешском обществе в отношении национальных меньшинств и мигрантов, которых не относят ни к числу друзей, ни к числу врагов, а считают просто «чужими», преобладают отсутствие интереса и равнодушие. Хотя радикальная ксенофобия не характерна для Чехии, где этническое напряжение не находит проявления в политической сфере, чешские граждане в своей повседневной жизни недостаточно толерантны. Рассудительная чешская нация при всей невыраженности ее национальных чувств на массовом уровне склонна к отрицанию концепта мультикультурализма, требует ассимиляции иностранцев и не хочет, чтобы государство поддерживало их интеграцию. Защищая свой «чешский дом», люди здесь убеждены, что для их страны лучше, чтобы мигранты разделяли их национальные привычки и традиции. Большинство населения ЧР, как показали социологические исследования, видит в них проблему, прежде всего, для страны в целом. Возросшая за последнее десятилетие трудовая миграция в Чехию привела к проявлениям нетолерантности, вызванным в сильной мере стереотипами экономического характера. В случае, если мигранты хотят оставаться в Чешской Республике продолжительное время, считают требовательные жители страны, а особенно пражане, они должны приспособиваться к местным традициям и не посягать на складывавшуюся веками модель существования «чешского человека», его ближнего и дальнего социального окружения — семьи и нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hoły L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001. S. 39.*

² *Holý L.* Op.cit. S. 166.

³ *Vlachová K., Řebáková B.* Identity of non-self-evident nation: Czech national identity after the break-up of Czechoslovakia and before accession to the European Union // Nations and nationalism. 2009. Vol. 15. № 2. P. 272.

⁴ *Ibid.* P. 275—276.

⁵ *Nedomová A., Kostelecký T.* The Czech national identity // Czech sociological review. 1997. № 1. S. 82.

⁶ *Vinopal J.* Koho poznáme a koho nikoli? Tisková správa. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 10.10. 2003. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3028/f3/100297s_or31210.pdf

⁷ *Chbuldlová I.* Cizinci v České republice // Naše společnost. 2003. № 1—2. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a3904/f11/100006s_Cizinci%20v%20Ceske%20republice.pdf

⁸ *Šamanová G.* Národnost ve sčítání lidu v českých zemích // Naše společnost. 2005. № 1. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a3921/f11/100023s_Samanova-narodnost.pdf

⁹ *Leontijeva Y., Novotný L.* Je česká společnost tolerantní? // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010. S. 219.

¹⁰ *Leontijeva Y.* Postoje k imigrantům v České republice // SDA info. 2006. Roč. VIII. № 1. S. 7.

¹¹ *Burianek A.* Xenophobia among the Czech population in the context of post-communist countries and Western Europe // Czech Sociological Review. 2001. Vol. 9. № 1. S. 53.

¹² *Chaloupková J., Šalamounová P.* Postoje k imigrantům a dopadům migrace v evropských zemích // Sociologický časopis/Czech Sociological Review. 2006. Vol. 42. № 1. S. 72.

¹³ *Červenka J.* Národní hrdost občanů ČR. Tisková zpráva. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 11.06.2003. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a2962/f3/100231s_ov30611.pdf

¹⁴ *Nedomová A., Kostelecký T.* The Czech national identity // Czech sociological review. 1997. № 1. S. 85.

¹⁵ *Leontijeva Y.* Postoje k imigrantům v České republice // SDA info. 2006. Roč. VIII. № 1. S. 9.

¹⁶ *Buchtík M.* Postoje české veřejnosti k cizincům — březen 2012. Tisková zpráva. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 16.04.2012. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a6809/f3/ov120416.pdf

¹⁷ *Tabery P.* Náznaky veřejnosti na usazování cizinců v ČR. Tisková zpráva. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 29.05.2012. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a6837/f3/ov120529a.pdf

¹⁸ *Šamanová G.* Náklady na přistěhovalce. Tisková zpráva. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 21.03.2005. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3186/f3/100456s_ov50321.pdf

¹⁹ *Burianek A.* Op. cit. S. 55.

²⁰ *Cbludílová I.* Op. cit.

²¹ *Vojtková M.* Demografické údalosti cizinců v ČR // Socioweb. 2007. № 12. — <http://www.socioweb.cz/index.php?disp=temata&shw=292&lst=119>

²² *Havlík R.* Postoje k cizincům a menšinám ve světle sociologického výzkumu // Paedeia: philosophical e-journal of Charles University. 2007. IV. № 1-2. — <http://userweb.pedf.cuni.cz/paideia/download/havlik.pdf>

²³ *Škodová M.* Občané o cizicích žijících v ČR. II. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 5.05.2007. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3420/f3/100693s_ov70605.pdf

²⁴ *Červenka J.* Jak jsme na tom s tolerancí? Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 27.04.2005. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3206/f3/100476s_ov50427.pdf

²⁵ *Červenka J.* Romové a soužití s nimi očima české veřejnosti — duben 2012. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 14.05.2012. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a6826/f3/ov120514.pdf

²⁶ *Novotný L.* Dekrety, odsun sudetských Němců v historické paměti Čechů // Naše společnost. 2012. № 2. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a6968/f11/Dekrety,%20odsun%20sudetských%20Němců%20v%20historické%20paměti%20Čechů.pdf

²⁷ *Janičko M.* Pražští Rusové // Naše společnost. 2012. № 2. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a6965/f11/Pražští%20Rusové.pdf

²⁸ *Vojtiškova K.* Vzdělávání dětí cizinců na pražských základních školách // Naše společnost. 2012. № 2. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a6966/f11/Vzdělávání%20dětí%20cizinců%20na%20pražských%20základních%20školách.pdf

²⁹ *Burianek A.* Op. cit. S. 57.

³⁰ *Červenka J.* Postoje čechů k jiným národnostem a zemím // Socioweb. 2011. № 3. — http://www.socioweb.cz/upl/editorial/download/188_SOCIOWEB_03_2011.pdf

³¹ *Leontijeva Y.* Cizinci v ČR: “my” a “oni”? // Naše společnost. 2003. № 3-4. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a3916/f11/100018s_Cizinci%20v%20CR.pdf

³² Menšinová problematika v ČR: komunitní život a reprezentace kolektivních zájmů. Sociologické studie/Sociological studies. 2010/6. S. 23.

³³ *Tabery P.* Názory občanů na cizince žijící v ČR. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 29.05.2012. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a6838/f3/ov120529b.pdf

³⁴ *Horáková N.* Pracovní prostředí. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 8.04.2004. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3071/f3/100341s_eu40408.pdf

³⁵ Červenka J. Postoje české veřejnosti k zaměstnávání cizinců. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 18.04.2012. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a6818/f3/ov120418.pdf

³⁶ Šamanová G. Hodnota dítěte v individuálním životě a pro společnost // Naše společnost. 2006. № 2. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c3/a3958/f11/100061s_Hodnota%20ditete%20v.pdf

³⁷ Havlík R. Op. cit.

³⁸ Rezková M. Postoje české veřejnosti k zaměstnávání cizinců. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 7.07.2003. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a2972/f3/100241s_ov30707.pdf

³⁹ Mareš M. a kol. České militantní neonacistické hnutí (aktuální trendy). Brno, 2011. — <http://img7.ct24.cz/multimedia/documents/34/3347/334607.pdf>

⁴⁰ Červenka J. Občané o roli prezidenta v politice. Tisková zprava. Sociologický ústav AV ČR. Praha, 12.03.2004. — http://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c1/a3061/f3/100331s_pi40312.pdf

⁴¹ Leontiyeva Y. Imigrace a česká politika // Socioweb. 2007. № 12. — http://www.socioweb.cz/upl/editorial/download/147_socioweb%2012-07%20cely%204.pdf

⁴² Tollarova B. Integrace cizinců v Česku: pluralita, nebo asimilace? // Biograf. 2006 (39). S. 18.

⁴³ Havlík R. Op. cit.

И.А. ГЕРЧИКОВА

(МОСКВА)

Словаки в Чехии: проблемы взаимного восприятия двух народов в литературе и публицистике

История взаимоотношений чехов и словаков, двух чрезвычайно близких по языку, культуре, традициям, истории народов — это большая тема, которой занимаются разные специалисты — историки, социологи, литературоведы. И хотя написано об этом достаточно много, все-таки еще остается какая-то недосказанность. Большинство исследователей исходят из взаимных различий, показывая, что распад единого государства был неминуем и оно было обречено с самого начала, что Чехословакия воспринималась чехами как чешское государство, а Словакия в нем как бы растворялась. Недавно вышедшая книга «Чехи и словаки в 20 веке» Яна Рыхлика¹, крупного специалиста по данной проблематике, ценна тем, что автор ставил перед собой цель представить прежде всего словацкое видение того, что называлось «общим государством», показать на огромном документальном архивном материале именно словацкую политику на протяжении почти всего XX в., уделив внимание значительным фигурам, таким как Андрей Глинка, Милан Годжа, Йозеф Тисо. В частности, Рыхлик проводит мысль о том, что чехи не знают словацкой истории и словацкой культуры².

Идея Масарика о едином народе оказалась неосуществима. Чехи преобладали численно, их уровень экономического и культурного развития был выше, чем у словаков. Не удалось обоим народам объединиться перед опасностью фашистской агрессии. Несмотря на все негативные моменты клеро-фашистского режима, который установился в Словакии после распада ЧСР в марте 1939 г., Словакия показала, что способна

существовать как самостоятельное государство. После Второй мировой войны не было возможностей его сохранения. После падения коммунистического режима в конце 1989 г. представления чешского и словацкого политического руководства о дальнейшем развитии разошлись. И вот с 1.01.1993 г. Чехословакия распалась на два государства, а словаки, проживающие в Чехии, стали в одночасье национальным меньшинством. К этому распаду 70 лет вели различные факторы.

Действительно ли два народа так уж и близки? Знают ли они друг друга? Где искать корень противоречий, приведших к распаду? Концу Чехословакии и 20-летию образования двух самостоятельных государств был приурочен 12-ти серийный документальный цикл (Sbohem Ceskoslovensko), прошедший на чешском телевидении в декабре 2012 г. и вызвавший волну воспоминаний, размышлений и переживаний³.

До 1993 г. две трети чехов были против раздела государства, через 10 лет уже лишь половина чехов считала это ошибкой, но вместе с тем объединения со Словакией не желала. В 2009 г. уже 52 % чехов и 66 % словаков считали разделение правильным шагом⁴. Значит ли это, что разделение было исторической необходимостью?

Обратимся к истории. 6 октября 1938 г. в Словакии пришла к власти националистическая людацкая партия, которая развязала яростную кампанию против чехов, живущих в Словакии. Начались демонстрации под девизом «Долой чехов» и «Чехи — пешком в Прагу» („Preč s Čechmi!“, „Česi peři do Prahy!“), штурмовые отряды Глинковской Словацкой народной партии без пощады хватали и били всех, кто был против Тисо, называли чехов «свиньями» и «тыквоголовыми». По разным данным около 130 000 чехов были из Словакии изгнаны, потеряв свое имущество⁵.

Конечно, сухая статистика дает нам представление об исторических, социальных процессах, происходящих в стране, но не может уловить все перипетии, передать переживания, показать нам судьбы как отдельных людей, так в целом двух народов, безусловно близких, но многие десятилетия испытывавших неприязнь к друг другу и живших под властью мифов, страдавших от непонимания, став заложниками большой политики, игр сильных держав. К счастью, есть еще и литература, художественная, публицистическая, документальная, оставля-

ющая нам историческое свидетельство, живое, иногда эмоциональное, порой беспощадное.

Когда-то поэт словак Ян Коллар (1793—1852), последовательно боролся за этническое, языковое и литературное сближение словаков с чехами. Антон Бернолак (1762—1813), а потом Людовит Штур (1815—1856) стремились к пробуждению и развитию у словаков национального самосознания. Вряд ли они представляли себе, что через сто лет взаимная ненависть будет ослеплять два славянских народа, которые оба боролись за свою независимость.

Тема родины, пережившей тяжелую трагедию в предвоенные годы, осуждение как чешских фашистов («влайкаров»), так и словацких («людаков») — лейтмотив романа «Игра с огнем» (1948) Марии Пуймановой (1893—1958). Отношение к словацкому независимому государству сделало непримиримыми врагами чехов и словаков, оказавшихся после 1948 г. за рубежами своей родины. Из романа Зденека Плугаржа (1913—1991) «Если покинешь меня» (1957), повествующем о судьбе трех молодых чехов, сбежавших в 1948 году в Германию и оказавшихся в лагере для беженцев, мы узнаем, как они находят вместо «радости от найденной свободы — ад без перспективы. Вместо монолитного коллектива — полнейшую разобщенность, какой не знала история обоих народов»⁶. Чехи и словаки не только не поддерживают друг друга в эмиграции, не стараются держаться вместе, но всячески подчеркивают свою обособленность. Имеют место постоянные драки, ругань, выяснение отношений. Словаки в романе показаны достаточно агрессивными, и призывы типа «Братья, опомнитесь, ведь все мы на одном корабле!»⁷ никакого позитивного действия на них не оказывают. «Тису повесить — это вы сумели, чешские свиньи...»⁸ — вот их боль и обида. Смерть Йозефа Тисо (18 апреля 1947 г.), ассоциировавшегося у многих словаков с рухнувшими надеждами на независимость и равноправие, вызвала тогда в народе скорбь и возмущение. И винить в его смерти они склонны были именно чехов, ведь Президент Чехословакии Эдуард Бенеш отклонил его прошение о помиловании, несмотря на заступничество Ватикана и словацкой диаспоры в США. Один из главных героев в романе Плугаржа Ярда бредет по лагерной улице. Что он видит? «Перед стоявшим на отшибе баракom на невысоком флагштоке трепыхался флаг Словацко-

го государства. Внимание Ярды привлекала свежая надпись на фасаде, сделанная большими неровными буквами по-словацки: «Чехам и собакам вход воспрещен»⁹.

В одном из самых известных произведений словацкого автора Доминика Татарки (1913—1989), ровесника Плугаржа, «Плетеные кресла» (1963) также речь об эмиграции, но более раннего периода 1938—1939 гг., где герой чех, Бартоломей Слзичка прибывает из «ничьей страны» в послемиюнхенский период во Францию и наоборот ощущает себя «чехословаком», патриотом общей для двух народов родины, в атмосфере недоверия, страха находит поддержку от словацкого консула Чачко и в конечном итоге автор романа в противовес Плугаржу утверждает всепобеждающую силу любви и дружбы разных народов.

Словацкому автору Павла Тауссига (род. в 1933 г.) часто путают с его полным тезкой чешским автором Павлом Тауссигом (род. в 1948 г.), историком кино, журналистом, публицистом, автором сценария кинофильма «Коля», получившего в 1996 г. премию «Оскар». В рассказе словака Тауссига из сборника «Единственная святая» (1985) словаки, прибывшие на книжную ярмарку в Германию где-то в середине 1980-х, обнаруживают, что немецкий партнер на самом деле словацкий эмигрант. И как же они счастливы, когда господин Штриц на чистом словацком выдает лозунги глинковских «гвардейцев» (*Verni sebe — svorne napred, Česi peši do Prahy! Žid, smrad, kolovrat, na riti ma vinohrad*) и салютует, как принято было у боевиков. «Так ты, значит, за Тисо, а мы-то боялись, что за Дубчека», радуются представители идеологического отдела издательства, призванные защищать на Западе интересы Словацкой социалистической республики¹⁰.

По мнению многих словаков, коммунистический режим был навязан им чехами. До «бархатной революции», официально с 1969 г. Чехословацкое государство представляло собой федерацию, но по сути оставалось унитарным, и словаки, всегда мечтавшие о самостоятельности, нередко жаловались на то, как чехи их притесняют. Им все время казалось, что ими правят, хотя и Александр Дубчек, и Густав Гусак были словаками. Дубчек всегда был защитником словацких интересов. Под его крылом свободнее чувствовали себя словацкие писатели, журналисты и ученые, он добивался больших капиталовложений в Словакию, доказывая, что республика отстает от Чехии. В Пра-

ге к словакам в годы «нормализации» относились недружелюбно. Их приглашали работать в федеральные учреждения, сразу же предоставляли квартиры. Потом их так и стали называть «федеральные словаки». Вот характерная сцена, происходившая в 1980-е гг., описываемая Мирославом Кусы (род. в 1931 г.; публицист, политолог, бывший ректор Братиславского университета) в его книге «На волнах “Свободной Европы”»:

«— Ну, еще бы, словак..»

Так довольно громко представил меня своим пассажирам водитель пражского автобуса, когда я попытался войти в переднюю дверь и после предупреждения, что этого делать нельзя, извинился по-словацки.

— У них-то это пожалуйста, позволяется, продолжал он после моего извинения, произнесенного весьма тихо. — С тех пор, как у них свои люди на Граде, они думают, что им все можно.

Публика молча выражала свое одобрение и поддержку водителю.

Тогда я на всякий случай решил из автобуса выйти»¹¹.

«Насадители коммунизм» чехи словакам, но именно словак (точнее русин) Васил Биляк, отделяя себя от чешского руководства в 1960-е годы, откровенничал с тогдашним Первым секретарем ЦК компартии Украины П. Е. Шелестом: «Мы, словаки, в борьбе за марксистско-ленинскую линию в партии будем бороться до конца, не отступим ни на шаг. Очевидно, нам, словакам, вместе с вами снова освобождать чехов. Я разговариваю много с Дубчеком, говорю ему: “Вернись ты в Братиславу, не за то взялся”»¹². Небезызвестное письмо с просьбой о помощи, подписанное пятью членами Политбюро ЦК КПЧ, было составлено именно по инициативе Биляка и было передано им сотруднику ГБ в туалете¹³. Для многих чехов оккупация в 1968 г. представлялась инспирированной словаками. В январе 1977 г. был опубликован манифест о правах человека «Хартия-77», впоследствии подписанный 242 правозащитниками. «Хартия» в Словакии распространения не получила. «Несмотря на то, что это была чехословацкая гражданская инициатива, все отцы-основатели были чехами, не было среди них ни одного словака», свидетельствует в интервью Мирослав Кусы¹⁴.

Все сорок лет после 1948 г. раздражение друг другом, обиды, взаимные оскорбления, непонимание ощущалось с обеих сторон. «При Новотном нами правили чехи, и было плохо, гово-

рили словаки. При Федерации нами правили словаки, и стало еще хуже, раздаются голоса с чешской стороны»¹⁵

Что же происходит сегодня, когда у каждого народа свои правители, и обвинения по национальному признаку уже не проходят?

На настоящий момент в Словакии проживает около 30 000 чехов (это четвертое по величине национальное меньшинство после венгров, цыган и русинов), хотя до изгнания в 1938—1939 г. их было несравненно больше. В основном это не вновь прибывшие, а исторически проживавшие на словацкой территории люди. А вот словаки, судя по статистическим данным, на настоящий момент представляют собой самое значительное национальное меньшинство Чехии из 12 получивших официальный статус. В 2001 г. они составляли 2 процента граждан ЧР (около 200 000 человек). Из данных переписи населения 2011 г. следует, что самой многочисленной группой иностранцев являются переселенцы с Украины (117 810), за ними идут словаки (84 380). Речь идет о легально находящихся на территории страны иностранцах. На самом деле словаков в Чехии по разным оценкам от 200 до 350 тыс.¹⁶ Большинство приезжает ради работы (в основном это рабочие специальности, услуга) или учебы. «Супермаркеты в Чехии все чаще “в нагрузку” предлагают своим покупателям краткий курс словацкого языка. “Pačí sa” вместо “Prosím” — именно это мы услышим в основном сегодня на кассе супермаркета. Кому-то из чехов не нравится, что словаки, как когда-то “федеральные”, наводнили Прагу. Одна словачка отвечает этим возмущенным: “Знаете, почему нас тут много? Да потому что чехи не хотят работать, особенно за такие небольшие деньги, да еще 7 дней в неделю...”»¹⁷. Но, конечно, проживают в Чехии не только рабочие, здесь много деятелей культуры и искусства — словаков. Из известных это Мирослав Жбирка, Дарина Ролинс, Палё Хабера (певцы), Зузана Белогорцова (телеведущая), Зузана Норисова (актриса), Андреа Варешова (модель, Мисс Словакия 1999), миллионер Андрей Бабиш, министр Густав Сламечка и др. Из словацких литераторов, живущих в Чехии, можно отметить Андрею Словакову (род. в 1981 г.), Павла Дворжака (род. в 1937 г.), Даниэлу Капитанову (род. в 1956 г.), Петера Столичного (род. в 1945 г.). Отношение к звездам эстрады, словацким актерам, играющим в чешских фильмах, весьма

благосклонное. При этом «словацкие фильмы никто не смотрит, книг словацких авторов практически не читают, — сетует долго живший в Праге Любомир Фельдек*. — Смерть известного словацкого поэта Милана Руфуса (1928—2009) масс-медиа в Чехии вообще обошли молчанием»¹⁸. Именно из-за близости двух языков в последнее время часто возникает вопрос, а стоит ли вообще переводить с чешского на словацкий. Словацкий литературовед Р. Пассиа отмечает, что 16 % проблемных для коммуникации лексем, 23 % отличных лексем (в количестве 500 наиболее часто используемых) легче и с большей охотой даются словакам, нежели чехам, и подтверждает, что в Чехии переводов словацкой литературы минимальное количество, уровень переводов неуклонно падает, и чехи (в особенности дети и молодежь) вообще перестают понимать словацкий, не только не читают словацкие книги, но и не смотрят телевидение¹⁹. При этом в Чехии имеется достаточное количество общественных объединений, которые призваны представлять словацкое национальное меньшинство: Чешско-Словацкая сцена (Česko-Slovenská scéna), Демократический альянс словаков (Demokratická aliancia Slovákov), Клуб словацкой культуры (Klub slovenskej kultúry KSK). Община словаков в ЧР (Obec Slovákov v ČR), Словацкое фольклорное содружество (Folklórne združenie Púčik) и другие. В Праге на Йилской улице в Старом месте находится Словацкий Институт (Slovenský inštitút) с большой библиотекой, насчитывающей 4000 наименований книг. Есть много возможностей для всех, кто интересуется словацкой культурой. Лучше всего утвердилась словацкая коммуна в сети: сервер somvpraha.cz насчитывает более 11 тыс. зарегистрированных пользователей.

Как ощущают себя словаки в Чехии? За двадцать лет они как «национальное меньшинство» все меньше переживают чувство обиды или неполноценности. Общая тенденция такова, что словаки в Чехии быстро ассимилируются, теряя свой язык и, собственно, перестают быть национальным меньшинством. Словацкого комплекса маленькой ущемленной нации у большинства словаков нет, хотя проявления обиды, иногда и взрывы экстремизма с обеих сторон всегда имели место и будут

* Словацкий поэт, литературовед, редактор издательства «Словацкий писатель» в Братиславе, переводчик поэзии В. В. Маяковского, А. А. Блока, С. Я. Маршака.

иметь впредь. Кому-то из чехов кажется, что они занимают рабочие места, кто-то возмущается их непомерной гордостью и неумением работать. Но обиды — скорее уже пережиток прошлого. Многие изменилось. Все спорные вопросы остались в прошлом. Словаки являются бесспорными победителями в определении иностранцев, которые чехам наиболее симпатичны. Опросы, которые проводит Центр исследования общественного мнения (Centrum pro výzkum veřejného mínění CVVM) свидетельствуют, что словаки регулярно занимают второе место по симпатиям (на первом находятся сами чехи)²⁰.

Нельзя не упомянуть вышедшую в 2010 г. книгу, ставшую бестселлером — «Яношики с тяжелой головой» Любомира Сматаны (род. в 1967 г.), словака по отцу, давно живущего в Чехии, репортера Чешского радио. В предисловии Магда Вашариова, словацкая актриса, политик, депутат парламента, написала: «Человек с чувством собственного достоинства — это тот, кто интересуется мнением о нем других, народ с этим чувством — тот, кто охотно смотрит в зеркало, которое ему подставляют другие... Старые мифы необходимо развенчать, новые улучшить и одновременно, видимо, создать новые»²¹. Целью автора этой книги было рассказать о Словакии, что ему удалось сделать с большой любовью, уважением, и приблизить ее чехам, многие из которых никогда, несмотря на близость, не были у своих соседей и смотрят исключительно в сторону Запада. «Со времен Божены Немцовой уже 150 лет никто из чехов не написал путеводителя по Словакии» — утверждает Сматана²². Словакия потеряла для чехов свое очарование в качестве предмета изучения в период экономических реформ. Сегодня она не является примером для подражания, это «далекая», малоинтересная страна. «После Габсбургов чешские земли унаследовали лучшую в монархии инфраструктуру, промышленность высокого европейского уровня, совершенную систему управления. Отсюда и покровительственное отношение чехов к Словакии как старшего, более богатого брата»²³. Все игнорируют Восток, говорит Сматана, но бытующее мнение, что Словакия для чехов — то же, что для словаков Украина, вызывает у словаков бурную реакцию неприятия. Словацкий национализм, это особая тема, и Сматана пытается разобраться, где же кончается словацкий патриотизм, а где начинается национализм. А также, кто такой Hejslovák — «человек, кото-

рый думает, что быть словаком — это самое лучшее, что есть на свете, и всем следует у них учиться. Все ведь, собственно, словаки, только не все об этом знают»²⁴.

Словацкий национальный герой Юрай Яношик, боровшийся, по мнению Сматаны, прежде всего с иноземными дворянами-помещиками, (именно борьба с внешним неприятелем всегда объединяла словаков) отнюдь не близок чехам. Недаром последний фильм о Яношике, пятый по счету («Правдивая история Яношика», 2009 г., режиссеры Агнешка Холланд, Кася Адамик, Польша-Чехия-Словакия) в Чехии никакого успеха не имел.

Какие они, словаки, остаются ли все еще «младшим братом» чехов, как чехи их воспринимают, не видят ли угрозу для себя в растущем числе соседей с Востока, не потеряют ли словаки свой язык, живя в Чехии и стремясь перейти на чешский, в чем разница между двумя народами, как избавиться от устоявшихся мифов, сблизиться и научиться слушать и понимать друг друга? Все эти вопросы разбирает Сматана. Книга представляет собой репортажи о поездках и встречах в течение четырех лет. В ней предстает Словакия во всем своем разнообразии, ее города и затерявшиеся в глуши деревеньки, показаны и простые люди, и политики от В. Мечиара (три раза избиравшегося премьер-министром в 1990-е годы) до Р. Фицо, нынешнего премьер-министра Словакии. Здесь и первый Президент Чехословакии Т.Г.Масарик, и простые селяне из глубинки, цыганские бароны и горцы (horalý), которых чехи упорно изображают с непрременной бутылкой можжевелевой водки в руке, хотя, как показывает Сматана, проблема алкоголизма стоит в Чехии острее, чем в Словакии. Автор вспоминает историю с Гедвигой Малиновой, которую обсуждала вся Словакия в 2006 г.^{*}, ставшую камнем преткновения в отношениях Слова-

^{*}Студентка-венгерка обвинила в нападении на нее двух словацких «бритоголовых» из-за того, что она, якобы, говорила на венгерском языке. Ее фотографии с опухшим от синяков лицом, и в майке, на которой нападавшие написали «Венгры — вон за Дунай», не сходили со страниц газет. Обычные на первый взгляд хулиганские действия, стали трактоваться как националистический выпад. Большинство словаков сочло Малинову лгуньей и лжесвидетельницей, считая, что она все выдумала, а для венгров этот случай стал символом ярого национализма словацкого правительства.

кии и Венгрии и породившей очередную волну обсуждений словацкого национализма. Сматана приводит факты о скандално известном словацком Жириновском Яне Слоте, лидере националистической Словацкой национальной партии, разбирает он и весьма спорный Закон о словацком языке из 13 параграфов, регламентирующий использование словацкого и его преимущественное положение по сравнению с языками национальных меньшинств, закон, установивший «неправдоподобно высокий штраф от 100 до 5000 евро для тех грешников, которые не учтут привилегированное положение словацкого языка»²⁵.

Книга Сматаны должна способствовать взаимному познанию и сближению двух народов. Автор ее приходит к выводу о том, что рост числа словаков в Чехии, бесспорно, дает много позитивного чешскому народу. Объединяет же их как раз нелюбовь, нетерпимость к национальным меньшинствам, которую необходимо преодолевать.

И оба народа ее, несомненно, преодолеют. Разойдясь 20 лет назад, пережив все оттенки взаимоотношений от любви до ненависти, пройдя через зависть, раздражение, глубокий интерес и соперничество, обиды и преклонение, два славянских народа взаимно обогащают и дополняют друг друга. Как сказал об отношениях чехов и словаков шеф-редактор русской службы Радио Прага Л. Кукал, «развод иногда становится не концом, а новым началом»²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я. Рыхлик (род. в 1954 г.) — чешский историк, профессор Карлова Университета, автор таких книг, как «Чехи и словаки в XX веке» (2 тома) (Češi a Slováci ve 20. století. I. díl Bratislava 1997, II. díl Bratislava 1998), «Распад Чехословакии. Чешско-словацкие отношения 1989—1992» (Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989—1992) (2. vydání Praha 2012). Он сам называет себя «чехословаком», и не из-за наличия обоих гражданств, а по ощущению символического единства двух наций, которые ему одинаково дороги. К тому же отношения чехов и словаков близки ему лично, его жена М. Рыхликова — словачка.

² Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. Století. Spolupráce a konflikty 1914—1992 Vyšehrad. Praha, 2012.

³ <http://www.ceskatelevize.cz/porady/10417026502-sbohems-ceskoslovensko/6175-jak-to-tehdy-bylo/>

⁴ Rozdelenie ČSFR odmietalo kedysi tolko ľudí, koľko ho v súčasnosti schvaľuje. 5.12.2012. <http://www.topky.sk/cl/10/1333271/>

⁵ Štíma J.: Českoslovenští přestěhovalci v letech 1938— 1945. Příspěvek k sociologii migrace a teorii sociální péče. Praha, 1946.

⁶ Плугарж З. Если покинешь меня. М., 1960. С. 133.

⁷ Там же С. 173.

⁸ Там же С. 93.

⁹ Там же С.185.

¹⁰ Tauussig P. Jedinečná svätá. Bratislava, 1992. S. 79.

¹¹ Kusý M. Na vlnách Slobodnej Evropy. Bratislava, 1990. S. 41.

¹² Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

¹³ Млечин Л. Брежнев. Разочарование России. СПб., 2012. С. 245.

¹⁴ Лычѐв Д. Уроки семидесятых. 30.03.2007. <http://www.radio.cz/ru/rubrika/demokrati/>

¹⁵ Kusý M. Na vlnách Slobodnej Evropy. Bratislava, 1990 S. 41.

¹⁶ Leontiyeva Y, Ezzedine-Lukšíková P, Hirt T. Menšinová problematika v ČR: komunitní život a reprezentace kolektivních zájmů. Praha, 2006; Kernátsová M. Slováci v Českej republike. Bratislava, 1999; Šišková T. Menšiny a migranti v České republice (my a oni multikulturní společnosti 21). Praha, 2001.

¹⁷ Nosálková TA, Kovalčíková. Co všechno už Češi dělat nechtějí // Hospodářské noviny. 16.08.2007.

¹⁸ Uličianska Z. Slováci verzus Česi. 5.9.2009. <http://www.sme.sk/c/5004237/slovaci-verzus-cesi.html>

¹⁹ Passia R. Prekladať, alebo neprekladať? Niekoľko postrehov k súčasným vzťahom slovenskej a českej literatúry. Dokořán. Roč. 12. Č. 47. 2008. S. 22—24.

²⁰ Pernis T. Jak se žije Slovákům v Praze. 30.09.2010. — <http://minority.fsv.cuni.cz/?p=291>

²¹ Smatana E. Jánošíci s těžkou hlavou. Mýty a realita Slovenska očima českého reportéra. Praha, 2010. S. 13.

²² Smatana E. Čaro Slovenska je přeč. 17.04.2010. — <http://www.sme.sk/c/5331961/lubomir-smatana-caro-slovenska-je-prec.html#ixzz2P6mw0Cyn>

²³ Smatana E. Jánošíci s těžkou hlavou. S. 182.

²⁴ Ibid. S.164.

²⁵ Ibid. S. 262.

²⁶ Кужал Л. Любовь после развода. 19.09.2012.— <http://www.gazeta.cz/articles/1063/>

Д. Ю. ВАЩЕНКО
(МОСКВА)

Локальная идентичность жителей деревни Ипойфедемеш сквозь призму социокультурных изменений в регионе

Предметом рассмотрения в статье является локальная идентичность жителей находящейся на словацкой территории венгерской деревни Ипойфедемеш (венгерское название поселения) / Ипельске Уляны (его словацкое название). Для удобства мы, вслед за жителями деревни, будем называть ее «Федемеш».

Локальную идентичность (далее ЛИ) мы, следуя западнославянским социологам¹, трактуем как форму социальной идентичности, основывающейся на самоотождествлении человека со специфическим пространством социальной экзистенции индивидуума. Тем самым локальная (и, шире, социальная идентичность) представляет собой один из способов освоения человеком внешнего пространства путем приписывания различным его составляющим определенной ценности, ранжирования их на шкале личных приоритетов. Как пишет в своей статье словацкая исследовательница О. Данглова, характер локальной идентичности формируется рядом политических, культурных и экономических факторов, которые тесно переплетены с глубоко личными («микросоциальными») человеческими и межчеловеческими отношениями, впечатлениями и воспоминаниями². В репрезентации локальной идентичности особенно интенсивно взаимодействуют объективный и субъективный факторы; точнее, все макросоциальные факторы получают специфическое преломление на шкале личностных ценностей. Соответственно, при исследовании локальной идентичности метод расширенного анкетирования недоста-

точен, т. к. он не позволяет глубже проникнуть в специфику феномена и должен быть дополнен интроспекцией и интерпретацией количественных данных с максимальным приближением к мнению жителей региона. Именно поэтому в качестве основного метода исследования мы использовали метод включенного наблюдения с параллельным проведением подробных спонтанных интервью со сравнительно небольшим количеством наиболее репрезентативных в социокультурном отношении информантов. Кроме того, мы активно привлекали к анализу социодемографические показатели данного региона.

Специфика деревни, о которой пойдет речь, состоит в том, что она является аутентичным венгерским населенным пунктом в Словакии, имеющим древнюю историю и удаленным от крупных городов и ключевых транспортных артерий. При этом подавляющее большинство жителей Федемеша занято в сельском хозяйстве. Таким образом поселение, с одной стороны, однородно в национальном отношении и достаточно изолировано от «большого мира», а, с другой, жители Федемеша представляют собой национальное меньшинство в государстве, гражданами которого они являются. Выявленные в Федемеше тенденции динамики локального самосознания в ослабленном виде могут быть характерны для иных венгерских населенных пунктов в Словакии, относительно удаленных от столицы страны. Локальную идентичность жителей Федемеша определяют три основных компонента — географический, исторический и социально-демографический.

Географический компонент проявляется в сильной изолированности Федемеша как от венгерских, так и от словацких магистральных путей сообщения. Деревня относится к исторической области Гонт (бывший комитат Гонт, общий для Словакии и для Венгрии), ближайший город — историческая столица Гонта, Ипойшаг / Шаги, находится в 22 км к югу, на берегу реки Ипой / Ипель, которая впадает в Дунай. Расстояние до Братиславы составляет 160 км., расстояние до Будапешта — 80 км. Федемеш находится в тупике, это конечная остановка автобуса, причем до Федемеша автобус ходит три раза в день по будним дням и раз в день по выходным. В деревню ведет только одна асфальтовая дорога из ближайшего населенного пункта Палашт / Плаштовце (крупное село с населением около

2000 человек, туда автобус ходит на порядок чаще). Для того, чтобы попасть из Палашта в Федемеш, надо проехать 9 км. через лес, дорогу заасфальтировали лишь в конце 1940-х гг. Остальные дороги грунтовые, по ним можно проехать на машине, однако прямое транспортное сообщение осуществляется только с городом Шаги и только через Палашт.

В связи с тем, что Палашт представляет собой своего рода перевалочный пункт на пути из Федемеша в Шаги, оба населенных пункта тесно связаны друг с другом. Так, в Палаште существуют две школы — словацкая и венгерская, и дети из Федемеша, в котором собственной школы нет (ее закрыли в конце 1970-х гг.), ездят учиться в Палашт в венгерскую школу. Точнее говоря, часть детей ездит в школу в Шаги, а часть — в Палашт. Также в Палаште работает часть жителей Федемеша и там же периодически проводятся собрания органов местного самоуправления. В данном контексте отношение Федемеш — город предстает как градуальное и выглядит скорее как Федемеш — большое село — город. В крупном селе происходит своего рода инфильтрация той части жителей, которые стремятся удовлетворить свои потребности необязательно за счет урбанистической инфраструктуры. Это, впрочем, лишь усиливает изоляцию Федемеша от прочих населенных пунктов. Отметим также, что Палашт представляет собой населенный пункт с большим, нежели в Федемеше, числом невенгерских жителей — в Палаште проживает около 30 % словацкого или словакизированного населения. Кроме того, в Палаште находится небольшое промышленное предприятие, где венгры работают наряду со словаками. Для ЛИ Федемеша этот факт является существенным в том плане, что в ближайшем же населенном пункте этническая ситуация обстоит несколько иначе, что осознается жителями этнически гомогенного Федемеша. Данный контраст воспринимается ими достаточно остро и лишь усиливает этническое самосознание информантов в плане осознания своей изоляции от «большого мира» и подчеркнутого осознания своей исконности, т. к. в сравнении с Палаштом своя деревня предстает для односельчан местом, куда языковая и этническая ассимиляция еще не добралась.

Помимо населенных пунктов, с которыми Федемеш связывает регулярное транспортное сообщение, в сознании

жителей существуют также «просматриваемые» населенные пункты по соседству. Напрямую из деревни они не видны, однако их можно увидеть либо с наиболее высоких холмов в окрестностях, либо они находятся на сравнительно небольшом расстоянии в траектории «через поле» (при этом поля, относящиеся к Федемешу и поля, относящиеся к этим поселениям, граничат). Контакты между жителями Федемеша и этих деревень осуществлялись во время обработки сельскохозяйственных угодий. Так же, как и в случае с Палаштом, здесь важную роль играет этнический состав населенных пунктов — деревни эти чисто словацкие, причем местные словаки воспринимаются информантами как исконные жители этих мест, такие же крестьяне, как и жители Федемеша. Отсутствие сколь-нибудь существенных конфликтов с этими словаками информанты приводят в качестве подтверждения собственной этнической толерантности. Словаки из окрестных сел воспринимаются нейтрально или позитивно именно в связи со своим исконным, по мнению информантов, проживанием на данной территории. Это отличает их от «пришлых» словаков, получивших в городе Шаги квартиры в ходе реализации целевой государственной жилищной программы. Последние воспринимаются местными венграми существенно негативно.

Существенную роль играет близость венгерской столицы. Будапешт находится в 80 км от Шагов, в то время как столица Словакии — Братислава — находится в 160 км. В регионе нет проблем с венгерским радио и телевидением. Венгерское население данного региона достаточно редко использует словацкие средства массовой информации. Близость венгерской столицы служит дополнительным стимулирующим фактором для осознания местными венграми своей национальной идентичности. Процент миграций на большие расстояния незначителен; в поисках работы, как правило, люди едут либо в город Левице (Словакия), где венгры составляют около 60 % населения, либо в Австрию и Великобританию. Трудовые сезонные миграции в Братиславу либо другие словацкие города представлены в значительно меньшей степени.

Исторический компонент проявляется в специфике селекции и интерпретации событий из истории Венгрии / Словакии, важных для ЛИ. Оговоримся, что далее речь будет идти

не только и не столько непосредственно об исторических событиях, сколько об их индивидуальном преломлении в сознании информантов. Сведения, которые были нами получены, тесно связаны с самой спецификой проведения спонтанного интервью лицом, с одной стороны, владеющим венгерским языком, но, с другой стороны, принадлежащим к другому этносу, контакты с которым у информантов были в течение их жизни минимальны. Наша русская национальность вызывала у местных жителей желание объяснить иностранцу факты локального значения, для иностранца неочевидные. Тем самым в процессе объяснения информанты неосознанно проводили отбор важных для них исторических событий и давали им собственную интерпретацию. Вместе с тем, в процессе рассказа об истории этих мест существенную роль играли воспоминания о Второй мировой войне, в том числе потому, что последние контакты с русскими в Федемеше относятся к 1945 г., когда данную территорию освободили войска Четвертого Украинского фронта. Территория, на которой находится Федемеш, изначально входила в состав Венгрии, затем Австро-Венгрии, и затем (по Трианонскому договору 1920 г.) отошла к Чехословакии. В 1939—1945 гг. данный район был аннексирован Венгрией, а в 1945 г. его вернули Чехословакии, после распада которой в 1993 г. эта область оказалась в составе государства Словакии. Основных исторических вех, важных для ЛИ, несколько.

А) Деревня пережила татаро-монгольское нашествие, во время набегов деревню сжигали и потому три раза переносили с места на место. Перед въездом в деревню находятся развалины прежней церкви (XIII в.), они видны с дороги и для жителей деревни представляют символ ее древности, подтверждающая исконность пребывания здесь венгров. Всю последующую историю этого края вплоть до Первой мировой войны жители Федемеша никак не освещают, ограничиваясь фразами: «мы всегда здесь жили» / «наш род насчитывает много поколений» / «дед тети Матилд жил еще при императоре». Раздел Австро-Венгрии воспринимается информантами достаточно спокойно. К Т. Г. Масарику жители Федемеша относятся нейтрально, про него либо не вспоминают, либо говорят, дескать, такой был, когда образовалась Чехословакия. Сам факт образования Чехословакии и ее последующее существование как суверен-

ного государства обсуждается информантами лишь в том контексте, что это послужило отправной точкой для отчуждения местных жителей от «венгерских венгров». Жители региона прекрасно понимают, что они имеют с венгерскими венграми разный исторический опыт и апеллируют к различным историческим реалиям.

В) Вторая мировая фигурирует в рассказах жителей Федемеша значительно чаще, поскольку многие из них в той или иной степени помнят ее. Опорным пунктом, определяющим специфику интерпретации информантами событий Второй мировой войны и отчасти современной ситуации в регионе, является тот факт, что в указанное время данная территория была аннексирована Венгрией, и, кроме того, верхняя граница аннексированной территории проходила чуть севернее Федемеша. В силу специфики рельефа местности холмы, которые относились уже к словацкой территории, хорошо просматриваются из деревни. Старики этот факт отлично знают и лишний раз его припоминают, когда подчеркивают, что это земли исконно венгерские и словаков здесь никогда не было. Кроме того, они рассказывают, что в деревне до недавнего времени жил сын Хорти, который не так давно скончался. Именно поэтому, по утверждению информантов, это была стратегически важная деревня. Проживание в непосредственной близости сына важного государственного деятеля создает у жителей Федемеша ощущение своей сопричастности не просто событиям военных лет как таковых, но и событиям «на высшем уровне».

В обоих случаях в сознании людей существует действенная привязка событий; высказывания о соответствующих реалиях строятся по принципу: «вон в том доме» — «вон по тем холмам». Все это ощутимо укрепляет ЛИ. В описанных фактах местные жители находят лишнее подтверждение тому, что эти земли исконно венгерские, и только венгры являются их полноправными хозяевами. Вместе с тем информация об исконности данной территории и принадлежности ее венграм воспринимается опрошенными как нечто запретное и нелегальное. Сведения об этом, несмотря на их официальный характер, передаются, как правило, шепотом, на пониженных тонах, как бы «по секрету»: люди опасаются, что если они будут высказывать свою позицию громко вслух и она дойдет до сло-

вацкого правительства / системы внутреннего порядка, на них могут быть наложены определенные санкции.

Вторая мировая война определила специфику языковой ситуации в регионе — большинство жителей пожилого возраста пошли в школу во времена аннексии и поэтому словацким языком не владеют, либо владеют минимально. Словацкий язык воспринимается как нечто вторичное и необязательное, т. к. в детстве учить его уже не надо было или еще не надо было.

Освобождение территории прошло относительно спокойно, сильных боев не было, сперва в течение некоторого времени деревню занимал немецкий отряд, затем он был выбит из деревни русскими. Основное локальное сражение представляло собой перестрелку в лесу за деревней. Потери с русской стороны составили два человека, потери с немецкой — четыре человека. Могилы немецких солдат находятся на местном кладбище, могилы двух русских, застреленных немцами, находятся в лесу за деревней. Местные жители в равной степени ухаживают и за теми, и за другими могилами и не делают между ними в этом плане существенных различий. В отзывах информантов о тех событиях прослеживается достаточно ровное отношение как к русским, так и к немцам. При этом некоторые женщины подчеркивают, что «это немцы начали», и рассказывают, что венгры из деревни, которые уходили на фронт, делали это не по доброй воле, а подчиняясь приказу о воинском призыве.

Через деревню проходили войска Четвертого Украинского фронта (соответствующая информация получена непосредственно от жителей деревни и относительно стабильно сохраняется в коллективной памяти). Информанты отмечают, что русские не чинили насилия, женщин не обижали и сильного вреда имуществу не наносили. Наиболее скептически настроенные к русским жительницы укоризненно говорят, что голодные русские солдаты несколько раз без спроса забирали кур в трех домах. Кроме того, в одной из семей осталось материальное напоминание о русских — одной жительнице Федемеша, которая в 1945 г. была восьмилетней девочкой, русский офицер со словами «*Nye bojsza*» (орфография венгерская, т. к. записано со слов информантки) подарил вышитое полотенце, которое до сих пор хранится в доме как семейная реликвия. Часть мужчин из Федемеша попала в советские лагеря, но поч-

ти все вернулись спустя три-четыре года, лишь двое пропали без вести в плену. Отношение к данной вехе истории в Федемеше разнится. Одна вдова вообще отказалась разговаривать с нами как с русскими, а другая была весьма любезна и говорила, что «война есть война и обычные люди уж точно ни в чем не виноваты», сходного мнения придерживался пожилой мужчина, который сам побывал в плену.

С) Наиболее болезненным пунктом истории, важным для ЛИ, являются события, связанные с принятием декретов Бенеша. В целом Бенеш в локальном сознании оказывается наиболее негативно оцениваемым историческим персонажем, он представляет своего рода собирательный образ высокопоставленного славянского врага. Парадоксальным образом переход под юрисдикцию Словакии информанты в основном связывают не с Масариком, а с Бенешем, и именно его обвиняют в том, что между словацкими венграми и «венгерскими венграми» в конечном итоге возникло отчуждение.

Д) Период социализма оценивается словацкими венграми из Федемеша не столь отрицательно, как скажем, венгерскими венграми из Западной Венгрии (что показывают материалы экспедиций 2010 г. в Шашку и Дюлакеси). Эпоха социализма трактуется как в целом хорошее время, когда была работа и стабильность, а также можно было куда-то поехать отдыхать. Трое информантов увлеченно рассказывали нам, как в 1970-х гг. они ездили на Черное море, заключая рассказ комментарием, что это было возможно только при социализме, а сейчас простому человеку живется хуже, а к «простым людям нет никакого уважения». Часть мужчин из Федемеша работало в советском военном городке в районе Зволена (строило военную часть и потом ее обслуживало). У них отношение к социалистическим временам также нормальное, период социализма трактуется ими как время, когда у них был стабильный заработок и им не приходилось искать работу. Объединение Европы, которое, казалось бы, должно было способствовать укреплению ЛИ Федемеша, повлекло за собой отток жителей из деревни в Венгрию и разочарование в «венгерских венграх», что, соответственно, сказывалось только на разрушении ЛИ. Обязательное изучение русского языка в период социализма также оценивается жителями Федемеша спокойно, т. к. параллельно с русским обязательным для изучения иностранным языком

был словацкий, причем в гораздо большем объеме. Кроме того, знание словацкого впоследствии помогало при изучении русского языка (изучение русского языка начиналось в школах позже словацкого), относящегося к той же языковой группе и даже к той же языковой семье. Поэтому русский язык, хотя и находится у жителей Федемеша в пассивном запасе, не квалифицируется ими как трудный для изучения.

Наконец, **социально-демографический компонент** проявляется в следующих феноменах, оказывающих непосредственное влияние на ЛИ жителей Федемеша:

А) Наличие двух пограничных переходов — Шаги — Парашапушта и Словенске Дярмоты — Балашшадьярмат. В результате вхождения Словакии и Венгрии в Шенгенскую зону перестала действовать пограничная служба. Близость пограничных переходов создает благоприятные условия для торговых и трудовых миграций населения. Единственным фактором, осложняющим экономические контакты, является отсутствие прямого транспортного сообщения через границу, поэтому регулярные миграции в Венгрию могут позволить себе только те, у кого есть автомобиль. После открытия границ ЕС регулярные миграции через границу в Венгрию усилились, и как следствие, активизировались контакты с «венгерскими венграми». Соответственно, гораздо явственнее стали осознаваться языковые и социокультурные различия между словацкими венграми и «венгерскими венграми» (проживающими на минимальном расстоянии, даже в пяти километрах друг от друга).

Языковые различия состоят в большей архаичности идиома словацких венгров. В связи с тем, что языковой идиом словацких венгров формировался в отрыве от литературного языка, в нем присутствует меньше неологизмов, а также меньше слов, носящих книжную стилистическую окраску, т. е. это идиом более диалектный, фактически (в сознании носителей языка) более «деревенский».

Социокультурные различия словацких венгров и «венгерских венгров» определяются исторической памятью. Они по-разному оценивают события, разных глав государств, а также реформы, жизненные реалии и т. п., соответственно, из возможных тем для разговора между ними историческая тематика такого рода почти исключена. Кроме того, у словацких и

венгерских венгров различия базовый школьный уровень знаний. Словацкие венгры изучали только венгерский язык (свой родной язык фактически рассматривался как иностранный), но не венгерскую литературу, культуру и историю — все это они узнавали на уроках венгерского языка в иллюстративном порядке. Соответственно, представления о национальных символах, знание исторических персонажей и великих венгерских писателей, значимые для формирования национальной идентичности венгров, у словацких венгров отсутствует. Это выясняется при контактах словацких венгров с «венгерскими венграми» и формирует некоторый барьер между ними. Парадоксальным образом это отчуждение, усложняя национальную идентичность, заметно способствует укреплению ЛИ: словацкие венгры более осознают себя скорее локальной, нежели национальной, общностью.

В) Высокий уровень безработицы как в самом регионе, так и в прилегающих областях Венгрии. В результате сезонные трудовые миграции в Венгрию постепенно прекращаются, первыми увольняют словацких венгров как подданных другого государства. Повышается престиж словацкого языка, поскольку люди надеются, что высокий уровень знания словацкого языка поможет им найти работу. Как следствие отсутствия работы происходит отток населения из автохтонных венгерских деревень в более крупные населенные пункты, где процент венгерского населения заведомо ниже. Кроме того, наступает разочарованность местных жителей сразу в обоих государствах — в Словакии и в Венгрии — что также способствует осознанию словацкими венграми своего промежуточного положения и укреплению в составе ЛИ компонентов «между Словакией и Венгрией», «уже не словак, но еще не венгр». Гораздо больше шансов найти работу в Западной Словакии либо в крупных городах Средней Словакии. В любом случае для того, чтобы найти работу, оказался необходим словацкий язык, что поддерживает ассимиляцию и отчасти разрушает ЛИ у молодежи (осознание Федемеша как места непрестижного, «деревенского» и трактовка жизни в родной деревне как бесперспективной ввиду отсутствия работы). С другой стороны, происходит частичная миграция жителей из близлежащего словацко-венгерского города Ипойшаг-Шаги (10 тыс. жителей, 70 % венгры,

30 % словаки) в родную деревню. Часть выходцев из Федемеша перебралась в Шаги работать; они получили там от государства квартиры и в целом освоились в городской жизни. Однако после того, как они потеряли работу в Шагах, они вернулись обратно в деревню, стали вести там натуральное хозяйство и ухаживать за своими престарелыми родителями. Эта группа населения («возвращенцы») имеют очень сильную ЛИ. Как следствие происходит вторичное оживление диалекта в речи женщин среднего возраста. Эти женщины (реже мужчины) наблюдают за речью своих родителей, сопоставляют ее со своей, и отчасти перенимают те ее особенности, которые у них самих исчезли в связи с использованием литературного языка. Соответственно происходит перевод части диалектных черт речи из бессознательных и автоматических в осознаваемые. Данные диалектные черты также становятся частью ЛИ. Информанты из этой категории часто подчеркивают «мы — палцы», «мы говорим, как раньше все говорили». Диалектный идиом Федемеша квалифицируется как исконный, что ассоциируется с исконностью проживания венгров на данных землях и укрепляет ЛИ.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Локальная идентичность меньшинства связана с национальной идентичностью, однако последняя не подкрепляется знанием национальной культуры и (или) актуальной политической ситуации. ЛИ в условиях изолированности местных жителей от основной массы этноса основана прежде всего на традиционной духовной культуре, на архаичности собственного языкового идиома, а также на осознании древности своего проживания на данной территории.

2) Глобальные этнические конфликты для региона не характерны. Для жителей венгерских деревень в Словакии свой / чужой — это не венгр / словак, а местный / пришлый, фактически местные словаки приравниваются к венграм.

3) Основным фактором, провоцирующим ассимиляцию, является экономическая политика в регионе. Чем меньше работы в локальных рамках, тем больше потребности искать ее где-то еще и учить словацкий язык, а также мигрировать в более крупные населенные пункты с большим процентом словацкого населения.

4) При наличии двух славянских народов, одинаково проявляющих свое присутствие, к более удаленным относятся лучше. К русским венгерское меньшинство в Словакии относится позитивно сравнительно с другими венграми именно из-за языковой и культурной близости словаков и русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Malec E.* Genius loci Lwowa — we Wrocławiu? Режим доступа: <http://www.lwow.com.pl/malec.html>. S. 8; *Danglová O.* Lokálne kontexty identity // *Krivý, V., Danglová O.* Svet mnohých: “My a oni”. Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava, 2006. S. 111.

² *Danglová O.* Op. cit.

СЕРГЕЙ ТКАЧЕВ
(ТЕРНОПОЛЬ)

«Русское народное объединение»
в межвоенной Польше
или почему русские не умеют быть
национальным меньшинством

В 2000 г. власти Польши официально подтвердили, что в стране живут её граждане — русские по национальности. Это нашло отражение в ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, а также в Уставе Сейма III Речи Посполитой «О национальных и этнических меньшинствах и региональном языке». Согласно последнему, русские граждане Польши после почти 30-летнего перерыва вновь получили статус национального меньшинства.

Утратили они его в Польской Народной Республике. Её руководству, по-видимому, было неловко называть представителей великого братского народа национальным меньшинством. А, может быть, после провозглашения Н.С. Хрущёвым формирования новой общности людей («советский народ») и с её идеологическим закреплением на XXIV съезде КПСС, поляки просто возрадовались такому подарку в построении собственного моноэтнического государства. Все народы и народности СССР — советский народ, а все народы и народности в Польше, соответственно, польский народ.

Русским в Польше пришлось преодолевать трудности и бороться за права своей национальности с начала воссоздания Польского государства. Россияне, оказавшиеся на территории Речи Посполитой, долгое время не имели какой-либо организации, которая бы представляла их интересы в государстве. К этому не были готовы ни русская, ни польская стороны. Прежде всего, новое государство не хотело признавать русских своими подданными из-за исторических обид, причинен-

ных Польше Российской империей. На территории польского государства русские оказались как по своей воле (беженцы, эмигранты), так и вследствие установления новой государственной границы. В среде беженцев и эмигрантов, политические убеждения которых были весьма различны и которые устали от политической борьбы и жаждали спокойной жизни, не было и намёка на согласие. Большая группа эмигрантов рассматривала своё пребывание в Польше как временное. Кто-то надеялся вернуться в Россию, для кого-то Польша была лишь возможностью передышки, транзитной остановкой в направлении Запада.

В отличие от других национальных меньшинств, не имевших ранее своей государственности (евреи, украинцы, белорусы), но имевших опыт общественно-политических объединений в условиях отсутствия государственности, или тех, за кем стояли их государства — немцы, чехи и литовцы — русские не имели ни опыта, ни государства. Русские — люди государственные, а не политические. В России не партии формируют власть, а пришедшие к власти формируют свою партию.

На переломе 1918—1919 г. в европейских странах еще активно работали русские дипломатические миссии; они занимались вопросами обустройства первых беженцев из охваченной Гражданской войной России. Вскоре начали возникать многочисленные эмигрантские организации разной политической направленности. Они в разной мере, но всё же имели финансовые возможности для поддержки соотечественников. Со сменой ситуации в России потоки беженцев увеличивались, а фонды уменьшались, мельчали политические и общественные организации. Это меняло и отношение к эмигрантам официальных властей тех стран, которые русские избрали для своего приюта по разным причинам.

После Рижского договора возникла проблема, которую польская дипломатия и власти вообще решили не лучшим образом. По сути, Польша предала своих русских союзников в войне против большевиков. В октябре 1921 г. руководство польского государства под давлением Москвы приняло решение о высылке из страны руководителей «Народного союза защиты родины и свободы»¹. Началось выдавливание русских из страны. Это возмутило даже некоторые политические партии в Польше. Так Народно-национальный союз (*Związek Ludowo-*

Narodowy) заявил, что «Польша предала русских патриотов»². К премьеру А. Пониговскому 12 октября 1921 г. обратился с письмом Кароль Вендзягольский: «Грязное и противоречащее польским традициям поведение МИД по отношению к русским, которые, как политическая группа, были единственными союзниками Польши, вынуждают меня обратиться к Вам как выдающемуся гражданину со следующим меморандумом... Это дело выглядит как разгром русской организации в Польше и с каждым днем усиливающийся во всей Европе... *Я, зная хорошо русские отношения, заявляю: если случится то, к чему стремится г. Домбский, если русские будут выкинуты из Польши по воле большевиков, то те русские, сегодня наши союзники, станут нашими врагами, а европейская пресса осудит позорное поведение Домбского, бросающее тень на всю Польшу, а жизнь сама сделает из этого выводы*»³ (выделено мною. — С.Т.).

В 1920-х гг. в Польше начался период функционирования так называемых парламентских правительств. Он характеризовался тем, что ни одна из политических сил, представленных в парламенте, не имела абсолютной возможности претворения в жизнь своих программ. Основы государственной политики по отношению к национальным меньшинствам разрабатывались в дискуссиях разных политических сил страны⁴. Еще в 1922 г. Тадеуш Голувко предложил свое видение решения этой сложной задачи⁵. По его мнению, главной целью было вырвать из-под влияния России белорусское и русофильское украинское население восточных земель Речи Посполитой. «Мы сможем это сделать только тогда, когда поможем и облегчим украинским и белорусским патриотам из нынешней темной, преобладающе национально несознательной массы православного населения на креслах сформировать самосознание украинского и белорусского народов. Иными словами, нам следует не только сдерживать, а, напротив, поддерживать национальные украинские и белорусские движения на наших восточных креслах. И тогда эти национально сознательные народы, имеющие в границах Речи Посполитой полную возможность свободного развития, перестанут тяготеть к России. Даже больше того, тогда восточные кресла смогут стать крепостью украинского и белорусского движений за независимость, направленных против России, которая угнетает Украину и Беларусь»⁶.

Поляки даже после отпора реальной большевистской экспансии панически боялись возрождения Российской империи. Действительно, в 1922 г. носители монархической идеи были еще многочисленны и пытались в условиях эмиграции сохранить свой военный потенциал для реванша. Но, как ни удивительно, для его подрыва объединили усилия две враждующие между собой державы: независимая Польша и большевистская Россия. Русские в Польше, живущие в непосредственной близости к новой России, стали потенциально опасным элементом. Поэтому официальные власти, даже не имея оснований для открытого преследования, пытались препятствовать развитию общественно-политической жизни русских в стране.

Период 1921—1926 гг. характеризовался нестабильностью политической системы Польши. Это было обусловлено общей ситуацией в независимом государстве, а также институционными изъянами принятой модели парламентских правительств. Поляризация населения на идеологическом, общественном, национальном уровнях, как и политическая незрелость общества, приводили к такому раскладу сил в парламенте, который в соединении с низкой дисциплиной депутатских клубов делали невозможным образование стабильного большинства. Таким образом, в описываемый период сменилось 10 правительств, существование которых ограничивалось в среднем восемью месяцами.

Проблемы национальных меньшинств рассматривались в четырех министерствах: МВД, МИД, Министерстве военных дел и Министерстве вероисповеданий и общественного образования (МВиОО). Соответствующие министры менялись еще чаще, чем правительства. Партийные игры в парламенте влияли и на выбор кандидатов на должности в министерствах (начиная от вице-министров), воевод и старост. В такой ситуации не было никаких гарантий внедрения директив правительства местной властью. Так отдельные воеводства и уезды становились местом политических экспериментов очередных воевод и старост, которые, в свою очередь подпадали под давление разных группировок.

Политика в отношении национальных меньшинств в 1921—1926 гг. прошла несколько фаз развития. На первом этапе, до выборов 1922 г., она оставалась в тени других насущных

проблем, связанных с ликвидацией экономического ущерба после войны. Вопросы меньшинства рассматривались только с точки зрения их международного аспекта и проблемы границ. Это, в основном, положение в Восточной Галиции.

Второй проблемой было установление польско-советской границы, третьей — вопрос о православной церкви. Уже 30 января 1922 г. МВиОО огласило Временные правила отношения правительства к православной церкви в Польше. Событием 1922 г. было совместное выступление меньшинств на выборах как ответ на предшествующую политику правительства. Декабрьские президентские выборы и сопровождавшие их события, усилили напряженность. Представителям национальных меньшинств было ясно продемонстрировано, что они не могут претендовать на роль соучредителей государства, что поставило их на путь постоянной оппозиции.

Декабрь оттянул момент конституционализации правоцентристского большинства в Сейме. Возникновение такой коалиции стало бы угрожающим для нацменьшинств. Поэтому они приветствовали образование правительства генерала Сикорского, одобрив его избрание. Правительство Сикорского понимало необходимость осуществления мероприятий и выработки осознанной политики в отношении нацменьшинств⁷.

Отставка кабинета Сикорского и приход во власть правоцентристской коалиции направили политику в однозначно националистическое русло. Подписанный в мае 1923 г. ланцкоронский пакт содержал постулаты юридических, культурных и экономических ограничений положения нацменьшинств (*numerus clauses* в отношении евреев), укрепляя позиций этнических поляков на всех участках государственной жизни, расширяя права католического костела за счет других вероисповеданий. Правительство Витоса также неоднократно подчеркивало свою готовность к борьбе против антигосударственных и центробежных течений. На практике правительство занималось преодолением инфляции, а его деятельность в национальном вопросе выражалась чаще всего в дискуссиях на заседаниях Политического Комитета и Совета Министров. Правительство поддерживало репрессивную деятельность локальных администраций, заключающуюся в закрытии газет, роспуске культурно-просветительских и кооперативных обществ, обысках и арестах.

До 1924 г., когда произошло «окончательное урегулирование проблемы эмигрантов из России в Европе, польская власть не позволяла создать одну политическую организацию, которая бы представляла интересы российской общины перед властями»⁸.

Координировать свои действия русские организации пытались еще в начале 1920-х гг. Тем более, что многие русские были одновременно членами разных организаций. Они могли входить в общественные объединения, разнившиеся политическими взглядами и ориентирами, но принимать совместное активное участие в жизни культурно-просветительских организаций или профессиональных обществ. Главным вопросом всегда был финансовый. Обсуждалась необходимость создания такого органа, который бы занялся поиском денег для материальной помощи отдельным эмигрантам по принципу самообложения. Все эмигрантские организации по своей сути были иждивенческими. И платить им предполагалось за то, что они не принимали гражданства страны пребывания, оставаясь «непримиримыми русскими».

В марте 1925 г. в Польше образовалась секция Политического Комитета Совета Министров по делам восточных воеводств и нацменьшинств со Ст. Тугуттом во главе. Секция после своего утверждения занялась подготовкой предложений об урегулировании различных областей жизни нацменьшинств, которые должны были быть упорядочены только после их принятия правительством. Сам Тугутт большое значение уделял экономическим вопросам, поддерживая допущение к участию в парцелляции земли в восточных воеводствах не менее чем 75 % местного непольского населения (при одновременном удовлетворении нужд военного осадничества), предоставления этому населению налоговых льгот (в частности — долговременной аренды), увеличения государственной помощи местной промышленности и развития инфраструктуры. В административных делах Тугутт стремился к выборам в органы местного самоуправления, к упорядочиванию процесса получения польского гражданства и фактическому равенству меньшинств в доступе к работе в государственных органах. Позиция Тугутта могла положительно решить проблему русских военнослужащих — союзников Польши, которые все еще находились в лагерях интернированных.

За шесть месяцев Тугутт успел сделать только некоторые шаги в ликвидации военных разрушений в восточных воеводствах и в упрощении процедуры получения гражданства. За этот период были улучшены отношения с православной церковью и начался процесс ее правовой легализации. В мае 1925 г. Ст. Тугутт все же ушел в отставку, а его полномочия перешли к премьер-министру Грабскому⁹.

Только через год после ухода Тугутта член польского Сейма Николай Семёнович Серебрянников (в апреле-мае 1926 г.) взял на себя инициативу создания организации, которая объединила бы всех русских. Ядром должны были стать русские, имевшие польское гражданство. Это было сложно сделать. Причины крылись в депрессии, душевном состоянии россиян. Об этом несколько лет спустя вспоминал сам инициатор. Идея Русского Народного Объединения вышла из недр парижской эмиграции, где и была сформулирована на съезде.

Фундамент будущего объединения заложил все тот же Серебрянников. Так, ранней весной 1924 г. он в качестве депутата¹⁰ приехал на Вольнь. В Ровно 16 марта в церковном доме при его участии состоялось собрание, на котором присутствовало более 100 русских и украинцев. Гость из Варшавы рассказал слушателям о значении Версальского трактата и призвал объединяться в организацию, которая бы отстаивала права русских в Польше, — в первую очередь имевших гражданство. Как пример для подражания он привел сплоченность и активную организационную деятельность еврейской общины в Польше. Много времени докладчик уделил важности развития системы русского образования и сохранения традиций православия и основ вероучения¹¹.

Через неделю в Ковеле Н.С. Серебрянников собрал так называемое собрание депутатов. В зал кинотеатра «Одеон» пришло около полутора тысяч местных русских, украинцев, евреев и поляков. Серебрянников в своём выступлении осветил основные вопросы, волновавшие местных русскоязычных. Прежде всего, проблему предоставления гражданства и выдачи паспортов. Виновными в задержке оформления документов оратор назвал местных чиновников, преднамеренно создающих атмосферу неуверенности. Поэтому многие из тех, кто получил паспорта, стремились уехать из Польши дальше на запад, а те, кому было отказано в праве пребывания в стране, вынуж-

дены были возвращаться в советскую Россию. Депутат обвинил польские власти в том, что они калечат судьбы людей. Не лучше заботились официальные власти и о судьбах тех, кто оставался в Польше. Серебрянников привёл примеры прекращения финансирования частных русских школ, приюта г. Дубно, где когда-то было 70 детей, а теперь осталось только восемь. Правительственные структуры отказывались брать такие заведения под свою опеку, мотивируя тем, что это дело русских благотворительных обществ. От дел образовательных посол перешёл к делам религии. Тут он призвал к объединению усилий всех православных без деления по национальному признаку. Если русские и украинцы смогут уладить свои противоречия в церковных делах, это послужит первым шагом в объединении усилий в борьбе за гражданские права. А так, несмотря на то, что восточные воеводства Польши преимущественно заселены православными, их представительство в Сенате и Сейме мизерное. Депутат призвал присутствующих сделать выводы из результатов выборов 1922 г.

Самым большим вопросом, ответ на который хотели услышать все, пришедшие на встречу, была парцелляция земли. Н.С. Серебрянников разоблачил практику государственных органов в преднамеренном создании преград для въезда в Польшу землевладельцев, оказавшихся либо в советской России, либо на Западе. Их земли на Волыни отдают не местным русским и украинцам, а военным осадникам-полякам¹².

В начале апреля 1924 г. Серебрянников вместе с депутатом Сергеем Назаруком организовал во Владимире-Волынском округе отчетную встречу с избирателями. В зале местной «Просвиты» собралось более 200 русских и украинцев. С. Назарук на правах хозяина представил своего коллегу и предоставил ему слово. Серебрянников в течение нескольких часов рассказывал о работе Сейма. В частности, он говорил о том, как власть рассматривает украинцев и русских в сравнении с другими национальными меньшинствами государства. Невзирая на давление со стороны чиновников, он призвал не падать духом и консолидироваться в борьбе за свои гражданские и культурные права. Однако чуть позже Серебрянников стал доказывать присутствующим, что соединительным звеном между двумя народами должна стать русская культура. Эти слова вызвали возмущение в зале, после чего многие украинцы просто

покинули собрание. Агент полиции, подавший отчёт о собрании, заметил, что идея совместной встречи необразованного и некультурного украинского депутата С. Назарука и его антагониста, русского Серебрянникова, была глубоко продуманной и взвешенной. Украинец служил контрастом для русского. При сравнении это было бы наилучшим доказательством превосходства русской культуры.

Осенью 1925 г. в газете «*Słowo Polskie*» появилась информация со ссылкой на агентство «Руспресс» о том, что несколько русских деятелей в Польше во главе с депутатом Н.С. Серебрянниковым приступают к созданию организации «Русский Народный Совет в Польше», в состав которого войдут, прежде всего, представители русского населения восточных воеводств и старорусины из Львова. Эта статья не осталась незамеченной: львовская полиция поместила ее в папку, с которой началось слежение за новой организацией национального меньшинства¹³.

Структура организации была иерархической. Высшим звеном стал Верховный Совет, эмиссары которого переносили свою деятельность в провинции. Опорой там стали русские интеллигенты — юристы и врачи, которых в Польше было немного. В первые послереволюционные годы они стремились эмигрировать в Германию, Францию. В Речи Посполитой оставались коренные жители территорий, некогда принадлежавших Империи. Поляки различными способами затрудняли предоставление им гражданства. В конце концов этот вопрос был решён только в пользу русских крестьян. Иной была ситуация на так называемых территориях бывшего «*zaboru rosyjskiego*». Например, в суде в Ровно из 37 его служащих 13 были русскими¹⁴. Так обстояло дело в государственных учреждениях, а ещё было много юристов частной практики, также имевших польское гражданство. Этот контингент и стал ядром созданного РНО.

По наблюдениям полиции, выборы РНО активно проходили, прежде всего, в Вильно. 19 июня 1926 г. состоялось собрание президиума объединения, на котором с должности председателя ушёл Черников, а вместо него «был избран посол Серебрянников, имеющий много противников среди русских, что может повлиять на дальнейшее развитие РНО. Председателем юридической комиссии избрали Лелявского, по делам религии — Комаревича, культурно-просветительной — Се-

ребрянникова. Делегатами на Третий конгресс национальных меньшинств в Женеве избрали Серебрянникова и одного из представителей Галичины. РНО активно развивается на Виленщине и Волыни, там её поддерживает духовенство. Наблюдается упадок деятельности на Белостокщине»¹⁵.

Заседание центрального организационного комитета состоялось 31 октября 1926 г. в Бресте¹⁶. По сообщению одной из польских газет на заседание приехали русские с «кресов» и старорусины из «Восточной Малопольши»¹⁷. Они заслушали доклады о состоянии православной церкви в Польше и решили созвать учредительный съезд во Львове.

Организационный комитет рассмотрел проект программы РНО в Польше. Хотя организация задумывалась как общественно-политическая, основным вопросом в её деятельности был вопрос собственности на землю. «Польша аграрная страна. Коренное русское население в Польше, сосредоточенное главным образом на восточных границах государства, составляют в большом количестве земледельцы и лица других профессий, тесно связанных по своим интересам с их судьбой. ... Нищий народ не может быть народом культурным и национально сознательным, ... народное хозяйство может развиваться и обеспечивать благосостояние народа исключительно в здоровых политических условиях. Поэтому РНО в Польше вместе с вопросами национальным и религиозным ставит вопрос реальной экономической и аграрной политики, ибо для русских земледельцев в Польше в условиях их нынешнего существования эти вопросы составляют неразрывное целое»¹⁸.

И вот 12 января 1927 г. в адрес дирекции полиции во Львове поступило письмо следующего содержания: «Организационный комитет Русского Народного Объединения сообщает сим, что 2-го февраля в 10 часов утра, в зале Народного Дома по ул. Рутовского, 22 состоится первое организационное собрание членов РНО в Польше, устав которого утвержден Министерством внутренних дел 24 марта 1926 г. за №2288. Программа собрания: 1. Открытие. 2. Выборы редакционной комиссии. 3. Доклад г. Серебрянникова на тему «Общее положение русских в государстве». 4. Доклад Мальца «Земельное законодательство и применение его к русским». 5. Доклад Кизевича «Экономическое положение русских в государстве». 6. Доклад Белявского «Общие выводы и необходимость создания единой

национальной организации». 7. Выборы Верховного Совета (председатель и члены). 8. Доклады и предложения с мест. 9. Доклад ревизионной комиссии. Заккрытие съезда». Хотя львовские власти были проинформированы полицией о предварительных мероприятиях русских по созданию своей политической организации, воевода дал телефонограмму в Варшаву с просьбой подтвердить факт регистрации устава РНО, на которую ссылались авторы письма. Подтверждение пришло 19 января и власти разрешили проведение съезда во Львове¹⁹.

Съезд состоялся 2 февраля 1927 г. Во Львов приехали 270 делегатов и гостей. Самое многочисленное представительство было из Волыни — 35 человек, из Полесья прибыл 21 делегат, Вильно и Холмщина делегировали по 10 человек. Местные русофилы и эмигранты составляли 10—15 % присутствующих на съезде. Председателем президиума избрали Бориса Лелявского, депутата последней российской Думы, жившего в то время во Львове, а членами — адвоката из Саноча д-ра Михаила Сохачкого и бродовского купца Андрея Полищука. Приветствия съезду поступили из Острога и прикарпатского Косова. Поздравительные адреса зачитали: от академической молодежи Варшавы — Шумилин, от Холмщины — Радзиловский, от Лемковщины — о. Чайковский, от русской молодежи Галичины — Чемерис, от молодежи Волыни и Вильно — Граевский. Епископ Адам передал поздравления от русской общины Америки.

Как и планировалось, главный доклад прочитал Н.С. Серебрянников. Политическую апатию и организационное равнодушие россиян в Польше он объяснил шоком от развала Империи. Первой из такого состояния вышла Галицкая Русь, закаленная в политической борьбе, её деятели прошли сквозь горнило войны и сохранили «русскую» идею. Именно этим и объяснялся выбор Львова для проведения съезда. Россияне как нация, привыкшая получать все от собственного государства, не смогли понять, что в Польше следует бороться за собственные права. А борьба эта должна носить организованный характер. После катастрофы на выборах пришло понимание необходимости перемен в общественной жизни российской общины. Эта мысль звучала на октябрьской встрече в Бресте, где и определилась необходимость созыва учредительного съезда российской организации.

Не все давалось легко в этот организационный период. Польские чиновники всячески тормозили процесс объединения русских, видя в них угрозу государству. Бывший министр Ст. Тугутт как мог затягивал процедуру утверждения устава будущей организации. Нельзя было надеяться и на помощь России, хотя вопрос о правах национальных меньшинств был зафиксирован в Рижском договоре. Серебрянников особенно подчеркнул это обстоятельство, чтобы развеять подозрения, существовавшие и среди россиян, и среди агентов полиции, присутствовавших на этом собрании.

Построение русской организации в Польше могло состояться только на основе собственных ресурсов и только своими силами, хотя предпринимались попытки наладить сотрудничество с украинскими и белорусскими организациями. Большие надежды возлагались на международную поддержку после выступления Серебрянникова в Женеве, но, как показала жизнь, этим проектам не суждено было сбыться.

Общее положение россиян в Польше докладчик определил как бесправное. Русским отказывали в приёме на государственную службу, закрывали их школы, лишали их государственного финансирования. Он отметил и наступление на православие, военное осадничество и польскую колонизацию восточных земель с преобладающим непольским населением, на обострение межнациональных отношений, когда от новой аграрной реформы коренные жители проигрывают.

Последнему вопросу был посвящён доклад Г. Мальца. Он начал с исторического обоснования принадлежности этих земель «русскому племени». Докладчик привел цифры, подтверждающие факт, что в восточных воеводствах земли недостаточно даже для местных жителей, не говоря уже о переселенцах. Вокруг вопроса о земле развернулась горячая дискуссия. Делегат от Варшавы Хренников провел аналогию с разделом земли в Советской России. Там большевики раздали землю будто бы бесплатно, но обложили крестьян налогом, вдвое превышающим ее стоимость. Он внес предложение о создании аграрной секции РНО. Делегат от г. Сарны Брунс предложил создать информбюро по делам parcelляции, которое бы собирало материалы о ходе распределения земель и вырабатывало рекомендации для оперативного реагирования на нарушения²⁰. Во время работы съезда объединились и образо-

вали отдельную сельскохозяйственную группу, которую возглавили сенатор Касперович-Кисловский и Моллер²¹. Последний выступил с инициативой создания русских хозяйственных школ для подготовки кадров и повышения агрокультуры.

Второй по важности после земельного вопроса была проблема православной церкви в Польше. Делегат от г. Ровно, редактор «Вольнского слова» Измаил Чернов резко выступил против украинизации церкви. Он сообщил, что этому вопросу будет посвящен отдельный съезд, проведение которого запланировано в Луцке на 7 апреля 1927 г. Тему продолжил делегат от Вильно Мотурлен. Он зачитал меморандум с просьбой отделить церковь от государства, а также с требованием соборности при сохранении автокефалии. О событиях вокруг церковных дел рассказал Комаревич из Владимира-Вольнского. В его городе украинская община во главе с архимандритом Поликарпом захватила собор. И это был не единственный факт, а тенденция, реализуемая при поддержке властей. Участники съезда, встревоженные положением православной церкви, сформировали делегацию для вручения петиции съезда митрополиту.

Дискуссия на съезде разгорелась и вокруг выступления львовского делегата Григория Мальца. Он призвал к объединению представителей всех восточнославянских народов Речи Посполитой. Имелись в виду усилия по координации действий политических организаций белорусов, украинцев и русских. К последним Григорий Малец причислял русинов-русофилов Галичины и Лемковщины.

В проекте программы деятельности РНО было отмечено, что организация «отказывается от узконационалистической агрессивной политики как в отношении польской государственности, так и в отношении братских меньшинств: а) интересы польской государственности не входят в противоречие с позицией, занятой РНО, что определяет задачу поднятия культурного уровня и материального благополучия части польских граждан, при этом РНО не берется за решение вопросов общегосударственной и зарубежной политики; б) РНО считает, что деление коренного «русского» населения, живущего в восточных воеводствах, на украинцев, белорусов, русских, русинов и полешуков понятно с этнографической точки зрения, но не должно нарушать национального единства этих групп. Политика, вносящая раскол и вражду между ними — фальшива

и ошибочна, а для местного населения губительна. Разделение на отдельные и непримиримые группы в основе своей скорее политическое, нежели национальное, ведет к ослаблению общественных сил местного населения на восточных границах и делает его оружием в чужих и даже враждебных руках.

РНО призвало всех польских граждан, считающих себя в душе «русскими» по происхождению, культуре и языку, независимо от того, в какой губернии они родились — на Белой, Червонной, Прикарпатской Руси или на Волыни — открыто присоединится к РНО для создания своей мощной независимой организации, которая может в любую минуту оказать своим членам необходимую моральную и материальную поддержку в границах, дозволенных действующим законом и правами об обществах; и будет истинным представителем интересов «русского» населения в Польше (и в частности сельского населения восточных кресов) перед польскими правящими кругами²².

Важным для характеристики всего русского общественного движения в Польше можно считать последний пункт программы съезда — об изменении названия организации. Он был логичным продолжением разговоров о едином русском народе и о польских гражданах, считавших в душе себя русскими, но не являющимися таковыми по происхождению. Предлагалось вместо слова «русский» употреблять слово «русский» (от *Русь*). Н.С. Серебрянников выразил согласие заменить название народа, который *ex offio* называется «русским», на «русский». Соответственно, более удачным названием организации было бы «Руське народное объединение». Это был сознательный шаг в сторону объединения с русофилами Галичины, являвшимися в то время организационно, материально и идеологически сильным партнером. Главным было то, что все они имели гражданство и их структуры были официально зарегистрированы государством. Этот тактический ход понравился не всем. Особенно тем, кто еще грезил о возрождении великой России.

Пункт резолюции о едином «русском» народе обсуждался и после съезда. Особенно горячо выступали против него члены отделения РНО в Вильно. Они мотивировали это тем, что в белорусской и русинской среде существуют враждебные настроения в отношении «русского дела» и исполнение этого пункта резолюции будет невозможным²³. Вопрос изоляции русской общины от белорусов и украинцев был определяющим для

виленского отделения. Ещё в 1926 г. во время выборов в городской совет раскол среди русских Вильно произошел из-за отношения к союзу с белорусами. Представители Виленского русского общества и РНО создали 22 мая единый блок с белорусами и сформировали общий избирательный комитет. От русских туда вошли Белявский, Емельянов, Рохлин, Румянцев, Савков. Их противники создали свой «Русский центральный демократический избирательный комитет» под руководством Липского. Они выдвинули кандидатуру арх. Филиппа, пользовавшегося особенной поддержкой среди женщин. Эту кандидатуру также поддержал архиепископ Теодозий. Обе группы боролись за привлечение голосов русских старообрядцев²⁴. Дискуссии вокруг своих местных проблем они вскоре перенесли на деятельность РНО в границах всей Польши.

На съезде были приняты и утверждены программа РНО и состав его руководства — Верховного Совета. В его состав на съезде были избраны представители всех восточных воеводств²⁵. Вопрос о едином печатном органе для русских в Польше на съезде поднял львовский представитель Ваврик. Он же и предложил сделать им местный «Русский голос» под редакцией Г. Мальца.

Камнем преткновения стала кандидатура председателя организации. Естественным было бы избрание инициатора и активного деятеля по созданию этой организации Н.С. Серебрянникова. Но против него были выдвинуты властями обвинения в торговых связях с Советской Россией. История получила резонанс и в среде русских. В частности, этому был посвящен один из вопросов на заседании Русского Опекунского Комитета 21 декабря 1926 г. Тогда рассмотрели письмо Н.С. Серебрянникова в газете «За Свободу» от 7 декабря. «Беря до внимание, что Н.С. Серебрянников в своем письме подтвердил факт принятия им представительства от московского государственного издательства — одного из органов советской пропаганды, — и не только не видит в этом ничего для себя неудобного, но даже противоположные мысли считает проявлением абсолютно чуждой для него "эмигрантской психологии", — Правление считает, что вследствие этого дальнейшее пребывание Н.С. Серебрянникова в составе ... является невозможным и постановляет этот вывод Правления внести на обсуждение на ближайшем общем собрании, созываемом в январе 1927 г.»²⁶ Это

была позиция русских, не имевших польского гражданства, и потому не имевших будущего в польском государстве. Русские эмигранты сыграли на руку польским властям в подрыве организационных усилий русских граждан Польши.

В резолюции съезда русские заявляли о своем лояльном отношении к Речи Посполитой, выражали уважение к её законам. В то же время, правительству был обращен ряд требований: право гражданства, реальная реализация права на национальное самоопределение, права русского языка, открытие русских школ и кафедр русского языка, литературы и истории в университетах Львова и Вильно, государственные дотации для развития русских хозяйств, реализация конституционного избирательного права, отделение церкви от государства и прекращение конфискации имущества православных приходов, отказ от ограничений для русских при приеме на государственную службу, земельная реформа и соблюдение при этом интересов русского населения.

Съезд констатировал создание региональных организаций в Белостокском, Виленском, Новогрудском, Полесском, Волынском, Львовском, Тарнопольском и Станиславском воеводствах. Председателем организации в конечном итоге был избран П. Король из Бреста. Самого Короля на съезде не было, поэтому Н.С. Серебрянников, отказываясь от почетного предложения, обещал исполнять функции председателя до выздоровления П. Короля.

Особенным было отношение членов РНО к тем представителям русской эмиграции, кто не имел польского гражданства. В разъяснении руководства объединения говорилось, что «несмотря на формальные препятствия, существующие для русского населения в Польше, в его участии в политической жизни эмиграции, совместная работа РНО и русской эмиграции в культурно-просветительском направлении является весьма желанной»²⁷.

Активность выстраивания отношений между русскими, имевшими и не имевшими польского гражданства, возросла в конце 20-х годов. Так, в 1927 г. предводители львовского «местного» русского студенчества сформулировали свои оперативные задачи. Они с умилением писали: «как разнообразен наш состав! Среди нас есть и эмигранты, и “местные” — так или иначе связанные с территорией Польши; среди “местных” есть

уроженцы бывшей России — и есть галичане». В связи с такой градацией и задачи перед группами студентов ставились разные. «Эмигранты — перелетные птицы. При первом же теплом дуновении ветра они сорвутся и шумно полетят на восток, — а за ними потянется длинная вереница “местных”, неспособных сжиться с условиями здешней действительности. Там, за рубежом, они будут радостно встречены: ведь восстановление страны потребует огромного прилива культурных сил. И останутся здесь лишь те, кто слишком связан с местной территорией или слишком отчетливо сознает историческую ответственность, падающую на нас — ”местных”».

Одним из направлений деятельности определялось сопротивление не только колонизации, а главным образом — украинизации и белоруссизации: «... Если дела пойдут и впредь тем же путём, то не далёк день, когда культурная инициатива на креслах, по инерции удерживаемая в руках остатков русской интеллигенции, будет вырвана из этих рук дружным напором более многочисленной украинско-белорусской интеллигенции, не имеющей культурно-исторических традиций, но сильной своим волевым импульсом».

Перед Вторым съездом по всей стране состоялись собрания филиалов, где проходило выдвижение делегатов. Бурно прошло в помещении «Русского дома» второе общее собрание членов отдела РНО в Вильно. Павел Король на съезд не приехал, поэтому собрание вел львовский представитель Г. Малец²⁸. Выступающие называли русского представителя в сейме Короля «большим молчуном». Критиковалась бюрократическая деятельность центральных органов, которые ограничивались только рассылкой циркуляров в отделы. Отдельным вопросом была бездеятельность РНО в селах, откуда, по мнению виленцев, могли поступать необходимые для существования «русского дела» средства. Все предыдущие годы представители русской эмиграции углубляли разрыв с местными русскими-крестьянами, подчеркивая свою «особенную русскость», а когда финансовая подпитка выведенных после революции фондов иссякла, обратились с призывами к тем, кого все эти годы отталкивали от себя.

После неудачи на выборах в Сейм деятельность РНО почти утонула. Трезво оценивало сложившуюся ситуацию и свои возможности и руководство объединения. На предложение при-

нять участие в новых выборах на Волыни Н.С. Серебрянников отвечал, что это было бы хорошо и желательно, но «для этого необходимы деньги, которых мы совсем не имеем. Местные же наши отделы на Волыни после последних выборов замерли и не только не расширили наших связей с крестьянством, но и утратили те, что были там у нас раньше»²⁹.

Первого марта в Ровно состоялось совещание членов РНО при участии депутата Пимонова. На собрании подчеркивалось, что наконец-то, признано существование русского меньшинства. Русские приветствовали мероприятия польского правительства по ликвидации неопределённости своей гражданской принадлежности. С этих пор каждый русский, проживавший в Польше, приобретал права гражданина этого государства³⁰.

Следующий съезд РНО состоялся 25 декабря 1931 г.³¹. Основной темой стал добровольный отказ Н.С. Серебрянникова от должности главы объединения, но, как отмечали присутствующие, он на то время и так потерял доверие большинства членов РНО. Было решено, на место председателя избрать депутата от BBWR (Bezpartyjny Blok Współpracy z Rządem) Бориса Пимонова из Вильно. В резолюции заседания было решено созвать очередной съезд РНО 2 февраля 1933 г.³²

Злободневным оставался вопрос объединения русских организаций. Этому мешали не только официальные органы и спецслужбы, но в первую очередь личные амбиции представителей, их политические убеждения и существующие барьеры. В частности, неприятие эмигрантами русских и русофилов, имеющих польское гражданство. Характер отношений между ними обострился. За двадцать межвоенных лет в Польше выросло новое поколение русских. И теперь они задавали тон.

Летом 1933 г. году лидеры львовского общества «Друг» подготовили к съезду русской молодежи выступление с очередным обращением «О необходимости тесного сближения между русскими студенческими организациями в Польше». «Мы не будем распространяться много на тему значения организованной жизни вообще и жизни студенчества в частности... Ведь до сих пор сближение наше идет очень и очень непросто. Во всех наших центрах не более чем по две русских студенческих организации (Варшава, Познань, Львов, Вильно), преследующих одни цели. Отношения этих организаций сводятся к

переписке правлений в более или менее корректном тоне, к куртуазным выступлениям, как это было во время юбилея общества «Друг», но дальше не идут. Духовного единения, работы по общему плану нет... Мне думается, что наши коллеги из СРС видят большой недостаток в нашем шовинизме. С точки зрения человеческих взаимоотношений это, конечно, недостаток, но в наших условиях, в условиях 600-летней борьбы подневольного народа, это скорее положительная черта характера. Правда, мы меньше восхищаемся общечеловеческим обликом русской культуры, но это обусловлено средой, где мы живем. В борьбе за свое национальное «я» мы пропитались западными понятиями национализма и стали более шовинистическим, более обособленным элементом нации. Второй недостаток — употребление малорусского наречия. Не будем детально останавливаться на этом. Великоросс может говорить не только по-русски, но и на своем наречии. Мы, малороссы, можем говорить по-малорусски, и это отнюдь не уменьшает нашей русскости. Одновременно мы не можем отказаться от малорусского наречия, ибо тогда дадим «украинцам» оружие в руки, они смогут утверждать, что это язык «украинский», а не часть русского. Мы не можем на это пойти, как не можем отступить от девиза «Ни пяди Земли Русской врагам имени русского».

Что касается коллег из СРС, то мы должны сказать, что нас в первую очередь удивляют их эмигрантские настроения. Возьмем программную статью «Звена» в прошлом году, там говорится: «14 лет как мы покинули родину». *Нам непонятно, как человек, рожденный на своей русской земле в Луцке или Ровно, может считать себя эмигрантом, покинувшим Родину. Это скорее Родина нас покинула, и наши стремления должны идти к тому, чтобы сохранить себя и свой народ до воскресения национальной Руси. Если эмигрантский тон понятен в Париже или даже в Познани и Варшаве, он становится непонятным во Львове или Вильне. Проникнувшись эмигрантским духом, молодежь национальных меньшинств не участвует в жизни русского народа в Польше. Она смотрит в будущее, которое кто-то должен построить, и мало-помалу теряет почву под ногами. Это явление чрезвычайно нездоровое, оно лишает наш народ поддержки интеллигенции, а ее лишает поддержки народа. Русская народная масса перейдет в руки других, а жизнь пройдет мимо, и мы очутимся опять у раз-*

битого корыта. Нас, представителей национальных меньшинств и так называемых эмигрантов разделяет различие подходов к русскому делу. Они думают лишь о том мгновении, когда смогут уехать в обновленную Третью Россию, мы утверждаем, что туда мы сможем перейти лишь с нашей земли. Вот главная разница, которая, по-нашему, мешает нашему сближению (выделено мной. — С.Т.).

... А без сближения, без взаимного понимания мы ничего не сможем сделать, и наше существование останется только на бумаге, а мы окажемся заметными, но недолговечными носителями Русской культуры, русского прошлого и русской славы³³.

К концу 30-х годов деятельность РНО сводилась к решению проблем церкви и языка. Съезд, состоявшийся 6—7 декабря 1936 г., запомнился решительным требованием сохранения церковнославянского языка в богослужении и русского во время проповедей и в процессе изучения Закона Божьего, а также в церковном делопроизводстве.

Деструктивная деятельность эмигрантов, ориентировавшихся на свои центры в столицах европейских государств, где русские не могли быть национальным меньшинством по определению, блокировала и подрывала усилия коренного русского населения Польши в получении полноценных прав и в определении перспектив своего развития. Права русским как национальному меньшинству были дарованы польской властью, а не завоеваны ими в общественно-политической борьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Д. Философове см.: *Stanisławski W.* «Rycerz przegranej sprawy»? Kontakty Dymitra Filosofowa z polskimi elitami kulturalnymi // *Emigracja rosyjska. Losy i idee / Pod red. R. Bäckera i Z. Karpusa.* Łódź, 2002. S. 313—328.

² Цит. по: *Cabanowski M.* Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Warszawa, 1993. S. 77.

³ Archiwum Akt Nowych (далее — ANN). MSZ. Sygn. 6679. S. 8—9.

⁴ *Halczak B.* Publicystyka narodowo-demokratyczna wobec problemów narodowościowych i etnicznych II Rzeczypospolitej. Zielona Góra, 2000.

⁵ Руководил Институтом изучения дел национальностей, позже руководил восточным отделом МИД. Автор концепции прометеизма. Предлагал создать культурную автономию украинцев в Польше. Государственность Украины связывал только с территориями к востоку от Збруча. Был убит членами ОУН в 1931 г.

⁶ *Hołowko T.* Kwestia narodowościowa w Polsce. Warszawa, 1922. S. 36.

⁷ *Cbojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921—1939. W-wo PAN, 1979. S. 26—30.

⁸ *Karpius Z.* Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska w Polsce w okresie międzywojennym (1918—1939). Stan badań i postulaty badawcze // Regiony pograniczne Europy Środkowo—Wschodniej w XVI—XX wieku. Społeczeństwo — gospodarka — polityka. Toruń, 1996. S. 97.

⁹ *Cbojnowski A.* Op. cit. S. 40—42.

¹⁰ Посол Сейма — депутат.

¹¹ Державний архів Львівської області (далее — ДАЛО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. Л. 199.

¹² Там же. Л. 200.

¹³ ДАВО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 9.

¹⁴ ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 749. Л. 40.

¹⁵ ANN. MSW (Министерство внутренних дел). Sygn. 1021. S. 90.

¹⁶ Державний архів Тернопільської області (далее — ДАТО). Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁷ *Słowo Polskie.* 19. XI. 1926.

¹⁸ Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далее — ДАБВ). Ф. 1. Оп. 9. Д. 139. Л. 1—5.

¹⁹ ДАЛО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 51—52.

²⁰ Там же. Л. 100.

²¹ ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 625. Л. 12.

²² ДАБВ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 139. Л. 6.

²³ В конце концов, этот пункт был отредактирован на заседаниях Верховного Совета 27—28 февраля 1927 г. в Варшаве.

²⁴ *Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za kwiecień — maj 1926 r.* // ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 626. Л. 5.

²⁵ ДАЛО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 61.

²⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фр—5854. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

²⁷ ДАТО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

²⁸ Центральний державний історичний архів у Львові (далее — ЦДА у Львові). Ф. 783. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ AAN. MWS. Sygn. 944. S. 3.

³¹ ЦДА у Львові. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³² ДАБВ. Ф. 28. Оп. 9. Д. 2251. Л. 1, 3.

³³ ЦДА у Львові. Ф. 596. Оп. 1. Д. 35. С. 1—3.

Е.Ю. БОРИСЕНКО

(МОСКВА)

Проблема русских национальных образований в политике партийного руководства УССР в 1920-е гг.

Опыт взаимоотношений между народами СССР представляет несомненный интерес для современного исследователя. Формирование многонационального государства потребовало разрешения многих проблем, обусловленных полиэтничным населением советских республик, между «коренным населением» и «национальными меньшинствами». Так, руководству Украинской ССР необходимо было решить вопрос о статусе русского населения¹: является ли оно в республике национальным меньшинством и какие русские административно-территориальные образования могут быть созданы в связи с этим. По переписи 1926 г. на Украине проживало 29 млн человек, в том числе 23 219 тыс. украинцев (80,1 % населения), 2677 тыс. русских (9,2 %), 1574 тыс. евреев (5,4 %), 476 тыс. поляков (1,6 %), 393,9 тыс. немцев (1,3 %), 258 тыс. молдаван (0,8 %), 105 тыс. греков (0,3 %), 92 тыс. болгар (0,3 %), 76 тыс. белорусов (0,2 %) и др.²

Советская национальная политика предусматривала воздействие на различные стороны жизни народов — не только культурные, но и социально-экономические. Большевики учитывали сложную внутреннюю и внешнюю ситуацию, т. е. как наличие несоветских политических сил, стремившихся к сохранению независимого статуса республик, так и международное положение Страны Советов. Для большевиков особую опасность могло представлять соединение социальных чаяний населения с национальными устремлениями украинской интеллигенции при внешней поддержке, особенно со стороны Польши. Учитывая все эти факторы, большевики не только

не боролись с актуализацией национальной идентичности на этнической основе, но и своей политикой создавали условия для ее укрепления.

Как известно, советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии³. Специальная статья предусматривала не только невмешательство во внутренние дела другой стороны, но и отказ от поддержки организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающиеся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя»⁴. Одновременно оговаривалось предоставление прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов русским, украинцам и белорусам, проживавшим в Польше. Со своей стороны, те же права обеспечивались полякам, проживавшим в России, Украине, Белоруссии⁵.

В этой ситуации большевистское руководство стремилось обеспечить национальный облик советской власти в республиках, сделать их образцом не только социальных, но и национальных преобразований. Национальный облик советской власти в республиках был тем более важен, что 14 марта 1923 г. Совет Послов Антанты признал юридические права Польши на Восточную Галицию. Принятый на XII съезде ВКП (б) курс на коренизацию должен был создать из Украинской ССР притягательный образ для западных украинцев, утративших надежды на создание в Восточной Галиции независимого государства.

Составной частью коренизации была политика в отношении национальных меньшинств. Национальные меньшинства упоминались еще ранее, в резолюции X съезда ВКП (б). В ней отмечалось, что «РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 млн. населения. Из них невеликороссов — около 65 млн». Однако «кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют ещё отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инациональные компактные большинства и, боль-

шинстве случаев, не имеющие определённых территорий (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)». Съезд ставил перед партией задачу «по отношению к трудовым массам этих национальных групп ...помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития»⁶.

25 апреля 1923 г. XII съезд принял резолюцию по национальному вопросу, в которой констатировалось, что ликвидация национального гнета требует новых форм объединения в единое многонациональное советское государство. Одновременно речь шла о борьбе с «пережитками прошлого» — с великорусским шовинизмом, с фактическим неравенством национальностей и местными националистическими пережитками. Одновременно следовало обеспечивать хозяйственные и культурные нужды республики, и, кроме того, укреплять партию в национальных районах⁷. Отдельным пунктом резолюции предусматривалась защита прав национальных меньшинств. В частности, речь шла о том, чтобы «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное и национальное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств»⁸.

В то же время принятый на XII съезде курс на коренизацию партийного и советского аппарата в республиках сопровождался постулатом об опасности шовинизма — как великорусского, так и местного. При этом на великорусский шовинизм надлежало обратить особое внимание, поскольку необходимо было учитывать особенности этносоциальной ситуации в республиках: пролетариат, особенно «наиболее культурный» его слой, был русским (по выражению Сталина — «пролетариатом бывшей державной нации»), тогда как крестьянство по преимуществу было представлено «ранее угнетенными национальностями». «Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством инациональным, — подчеркивал Сталин, — в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого

государства»⁹. В этих условиях великорусский шовинизм представлял собой силу, «тормозящую дело объединения республик в единый союз»¹⁰.

К тому же партийное руководство должно было учитывать традиционно сильные позиции русского языка и культуры в традиционных республиках, в том числе и в УССР. Именно поэтому подчеркивалось, что «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности»¹¹. В этой ситуации надлежало оказывать помощь национальным языкам и культурам.

Разрешать организационные, просветительные, правовые вопросы национальных групп должны были специально созданные при высших республиканских органах власти комиссии и отделы. С апреля 1921 г. при НКВД УССР работал отдел национальных меньшинств, осуществлявший контрольно-административные функции. В сентябре 1923 г. была создана Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при ВУЦИК, куда входили представители национальных меньшинств, проживавших на Украине. При отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б)У работало национальное бюро.

Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций в УССР были созданы национально-территориальные административные единицы. 29 августа 1924 г. СНК Украины принял постановление «О выделении национальных районов и Советов», подтвержденное решением 4-й сессии ВУЦИК VIII созыва «О низовом районировании» 19 февраля 1925 г.¹². Согласно принятому решению, обязательный минимум численности жителей, необходимый для создания национальных образований, был определен для национальных районов в 10 тысяч жителей, а для национальных сельсоветов — пятьсот человек.

Выделение национальных районов и сельсоветов активно велось с 1924 года. В этих национально-территориальных образованиях на языке большинства населения (т. е. немецком, польском, болгарском и т. п.) должны были работать школы, выпускаться газеты, работать органы власти. В соответствии

с принятым 1 августа 1923 г. постановлением ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», языки всех национальностей на территории Украины объявлялись равноправными, хотя и указывалось, что наиболее распространенными на Украине считались украинский и русский. Однако «жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка», и формального равноправия между украинским и русским языками оказывается недостаточно. В постановлении говорилось о необходимости предпринять меры по обеспечению равноправия языков всех национальностей и обеспечению украинскому языку места, «соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР». Учитывая «преобладающую численность населения, говорящего на украинском языке», для официального общения был выбран украинский язык, хотя для служащих оставлена была «обязательность знания русского языка» как средства общения с «наибольшим национальным меньшинством» на Украине и с народами всего Союза. В административно-территориальных единицах и городах с большинством населения, которое принадлежало к национальным меньшинствам, органы власти должны были пользоваться языком большинства населения¹³.

Первыми появились немецкие национально-территориальные образования, позднее — болгарские, польские, еврейские. Отдельно стоял вопрос о русских национальных образованиях. Русские сельсоветы появились в 1925 году, однако ни русских районов, ни горсоветов пока не было. В то время считалось, что русские, будучи представителями недавно господствовавшей национальности, занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству¹⁴. Партийное руководство понимало, что если дать право на образование национальных советов городским русским, городами с русскими горсоветами официально станут такие ключевые украинские города, как Харьков и Одесса¹⁵.

Однако проигнорировать этот вопрос не удалось. Русские составляли до 40 % рабочего класса крупных городов Южной Украины¹⁶. Около 46 % русских проживали в сельской местности (в 33 из 40 округов республики¹⁷) и в 1926 году составляли 5,1 % крестьянства УССР. Поэтому активные меры по

украинизации, предпринятые новым главой украинских коммунистов Л.М. Кагановичем, вызывали недовольство среди русского населения УССР¹⁸. В отличие от Кагановича, его предшественник Э.И. Квиринг уделял украинизации мало внимания, однако сразу же после избрания Кагановича генеральным секретарем на апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 года ситуация изменилась. ВУЦИК и СНК УССР опубликовали постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство в государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях надлежало не позднее 1 января 1926 г. После пленума была создана Комиссия политбюро по украинизации, а 15 августа 1925 г. была создана Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией советского аппарата при СНК УССР во главе с В.Я. Чубарем, а на местах — губернские и окружные комиссии.

События, проходившие на Украине, привлекли внимание и оказались в центре дискуссии на Третьем съезде Советов в мае 1925 г.¹⁹. Инициативу проявил Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Михаила Залмановича Лурье), член Президиума ВСНХ и Госплана. Признав, что «образование национальных советов уже начато на Украине и в Белоруссии», он заявил также, что «пока это — первые и очень слабые ласточки», что «целые города с десятками тысяч населения другой национальности, чем данная республика, не имеют в местном совете делопроизводства на их языке», что приводит «к отрыву избранных органов от трудящегося населения этих пунктов» и «извращение практической деятельности административных органов»²⁰. Ларин отметил «чрезвычайную чувствительность» к участию «русских элементов в управлении и к русскому языку» в национальных и автономных республиках. Между тем, по мнению Ларина, русские, оказавшиеся национальным меньшинством в республиках, имеют право на защиту своих интересов: «... каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделить»

ся в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке»²¹.

К тому же негодование Ларина вызвала языковая политика некоторых местных властей. Не отрицая необходимость владения советскими и партийными работниками «языком данной республики», он считал недопустимым, когда «мерами административного преследования этот язык вбивают в рот тем гражданам, которые на нем говорить не умеют, не могут, и которые привыкли говорить на своем родном языке»²². Эмоциональное выступление Ларина задело украинскую делегацию. Например, Г.Ф. Гринько прямо заявил, что Ларину, поставившему вопрос «относительно того, что на Украине угнетается русское меньшинство», нужно дать отпор²³.

Бурные дебаты по данной проблеме были продолжены в апреле 1926 года на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР во время обсуждения доклада правительства УССР. Был затронут и вопрос о проведении национальной политики на Украине. Председатель СНК УССР В.Я. Чубарь во время своего доклада «вспомнил», что «на одном из Всесоюзных съездов советов товарищи бросали украинскому правительству и украинским органам упрек в том, что они не ведут работы по удовлетворению запросов национальных меньшинств» и привел ряд цифр: «На 1 января 1926 г. у нас было организовано национальных районов: немецких — 7; еврейских — 2; польских — 1; болгарских — 2; греческих — 2. Национальных сельсоветов, по данным на 1 июля 1925 г., организовано: русских — 89; еврейских — 20; польских — 63; белорусских — 1; немецких — 117; греческих — 27; болгарских — 28; чешских — 13 и молдавских. Вне пределов молдавской автономной республики — 9. Эта работа не считается законченной»²⁴. Присутствовавший на заседании Ю. Ларин в прениях не преминул заявить о существовании «русского вопроса на Украине»²⁵. «Жалобы с Украины от поляков, евреев, немцев сократились по крайней мере на 80 %. Я имею в виду те жалобы, поток которых направлялся в редакцию “Правды” и оттуда передавался мне целый ряд жалоб, которые туда направлялись, теперь отпал»²⁶, — признал Ларин. Однако, по его мнению, «практика относительно русских пока порой хромает». Недовольство Ларина вызвали и методы подсчета национального состава населения ряда украинских регионов, от чего напрямую зависело то, какой язык будет

«применяться в местных советах». Внимательно просмотрев книгу, изданную украинским Наркоматом внутренних дел под заглавием «Национальный состав Советской Украины», Ларин обвинил украинские власти в «головотяпстве». Так, по словам Ларина, при подсчете населения Донбасса не были приняты во внимание русские рабочие, — на том основании, что они являются «пришлым населением», проживающим «исключительно в рудничных и фабрично-заводских поселениях», отчего их нельзя смешивать с «коренным населением губернии»²⁷. Ларин заявил, что «русские на Украине — нацменьшинство, и что к ним нужно подходить, как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам — немцам, полякам, евреям и т. д.»²⁸.

По вопросу о том, считать ли русских на Украине национальным меньшинством, высказали свое мнение и присутствовавшие на заседании украинские товарищи. Среди украинского руководства не было единого мнения по данному вопросу, хотя национальным меньшинством русские были названы уже в упоминавшемся выше постановлении от 1 августа 1923 года. Секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский счел такой подход неправильным: «Я утверждаю, что это принципиально неверно, ... русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча, — культура, которая создавалась веками до революции, но главным образом вся революционная культура. Для нас русский язык это — язык Ленина... Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине»²⁹.

Однако другой украинский деятель, Нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрыпник, в отличие от большинства украинской делегации, согласился, что к русским на Украине следует относиться как к нацменьшинству. «Я констатирую, что благодаря принятым украинским правительством мероприятиям мы идем к надлежащему и полному обслуживанию этого национального меньшинства в той же мере, в какой мы идем в отношении остальных национальных меньшинств, — утверждал Скрыпник. — У нас имеются районные и сельские советы с русским большинством населения, где делопроизводство и вся работа, и школы, и суд происходят на русском языке». В то же время он был категорически не со-

гласен с Лариным в том, что на Украине существует «русский вопрос», поскольку «русский язык ни в каком отношении не является подавленным у нас на Украине». Он с негодованием отверг «намеки и заявления» Ларина, подчеркнув, что «русский язык является обязательным во всех школах, на нем ведется преподавание в большинстве высших учебных заведений, процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно более высок, чем процент русского населения»³⁰.

Конечно, в чем-то Скрыпник был прав: действительно, в высших учебных заведениях преобладал русский язык, и среди национальных сельсоветов были и русские, хотя русских национальных районов не было. Однако Ларин не удовлетворился состоявшейся на сессии ЦИК дискуссией. В последнем номере «Большевика» за 1926 год и в первом номере за 1927 год была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Ларин пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс неизбежно вызывает рост шовинизма (выделено в тексте статьи. — *Е.Б.*) с обеих сторон», что «под прикрытием свехсердного свехпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные»³¹.

Выступления Ларина не прошли впустую, привлекая внимание к проблеме статуса русских на Украине. 8—11 января 1927 г. на Украине при ВУЦИК прошло Совещание представителей национальных меньшинств. Заместитель секретаря ЦИК СССР Н.И. Пахомов, докладывая в Президиум ЦИК СССР о результатах этого совещания, сделал вывод, что «национальное строительство идет, безусловно, очень быстро и в этой области, объективно надо признать, имеются большие достижения»³². В то же время «очень большое значение приобретает на Украине русский вопрос», не получивший «конкретного разрешения со стороны высших руководящих органов». Из 80 присутствовавших на совещании делегатов русских было только 8, «и это несмотря на то, что русские в УССР представляют весьма большую группу национального меньшинства»³³. В дополнение к докладной записке Пахомова М.И. Калинину были направлены предложения Комиссии по русскому воп-

росу. В записке подчеркивалось, что «при осуществлении украинизации в местностях с русским населением имели место отдельные случаи искажения нашей национальной политики и недочета интересов русского меньшинства: советский аппарат переходил полностью на украинский язык в сношениях со всем населением, окладные листы по сельхозналогу, страховые листы и документы Госстраха, справки и удостоверения выдавались на украинском языке, печатание всех официальных материалов в центральных и местных учреждениях на двух языках также соблюдалось не всюду, отмечен ряд случаев печатания приказов и распоряжений на одном украинском языке и т.д.»³⁴. По подсчетам комиссии, «процент охвата русской национальности административно-территориальными единицами исчисляется в 30,3% всего русского населения УССР и 90% по сельской части». Комиссия предлагала «более интенсивно» выделять русские поселковые советы на Донбассе, Криворожье и Днепропетровщине; выявлять «поселения городского типа с преобладающим русским населением» и объединить «русские сельсоветы в самостоятельные районы с русскими райисполкомами», одновременно усилив обслуживание русского меньшинства «в городах со смешанным населением»³⁵.

Конечно, первые русские сельские советы на Украине уже были созданы, и этот процесс предполагалось продолжить. Однако статистические данные существенно разнятся. По данным Центральной административно-территориальной комиссии при ВУЦИК, на 1 октября 1925 г. насчитывалось 89 русских сельсоветов³⁶. В то же время, по данным вышеупомянутой Комиссии по русскому вопросу, на 1 октября 1925 г. насчитывалось 69 русских советов³⁷. В материалах, подготовленных Организационно-информационным отделом Управления делами СНК УССР ко второй сессии ЦИК 3-го созыва указывалось, что в 1926 году «предположено организовать» 90 русских сельсоветов³⁸. По подсчетам Т. Мартина, в 1926 году существовало 122 русских сельсоветов³⁹. Комиссия по русскому вопросу указывает, что на 1 апреля 1926 г. существовало 122 русских сельсовета, на 1 октября 1926 — 312⁴⁰. В статье Н. Черлюнчакевича, опубликованной в № 4—5 журнала «Більшовик України» за 1926 г., речь шла о 167 русских национальных сельсоветах⁴¹.

Выделение русских национальных районов произошло позднее, после активного обсуждения проблемы руководством

УССР. 31 января 1927 г. на заседании комиссии по украинизации свою точку зрения вновь высказал Н.А. Скрыпник. Он подчеркнул ошибочность воззрения на русский язык как язык «союзный» (с его точки зрения, это была неправильная позиция, являвшаяся «целиком продолжением старых дореволюционных отношений»). В то же время он продолжал настаивать, что «русская национальность на территории Украины является национальностью меньшинства и русский язык на территории Украины является языком нацменов», и, следовательно, нужны меры для соответствующего выделения нацрайонов⁴².

Как справедливо заметил Т. Мартин, определение «национального меньшинства» Скрыпник довел до логического конца, сделав понятия «национальное большинство» и «национальное меньшинство» совершенно относительными. Выступая в 1930 г. на заседании Президиума Совета национальностей, Скрыпник заявил, что «национальным меньшинством является каждая из национальностей, населяющих наш Союз, и украинцы, и русские, и евреи, и белорусы и так далее»: «В каждой союзной республике имеются солидные национальные меньшинства, однако нацмены одной республики являются национальным большинством в своем национальном районе. В польском районе национальным большинством являются поляки; на Украине национальным большинством являются украинцы, однако в польском районе они являются национальным меньшинством...»⁴³.

Между тем, украинское руководство вынуждено было принять окончательное решение по вопросу о статусе русских в УССР. В опубликованной 19 апреля 1927 г. резолюции «Об итогах украинизации» политбюро ЦК КП(б)У констатировало «рост шовинистических настроений, как среди русских, так и среди украинских элементов мелкой буржуазии, пытающихся оказать влияние на рабочий класс и даже на отдельных членов партии». Основным орудием в борьбе с шовинизмом политбюро считало «дальнейшее решительное и твердое проведение украинизации, с обеспечением интересов национальных меньшинств». Однако было признано, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русское население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». Поскольку «русский язык является языком значительной части рабочих, а

местами (и как раз в наиболее промышленных районах) большинства рабочих», за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений как на украинском, так и на русском языке. «Однако это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»⁴⁴, — отмечали украинские руководители. В то же время они подчеркивали нецелесообразность выделения в отдельные административно-территориальные единицы городов, являющихся центрами районов с неукраинским населением, поскольку это может привести к разрыву культурной связи между рабочим классом и крестьянством. «Выделение городов нецелесообразно еще и потому, что динамика социального развития неминуемого ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»⁴⁵, — говорилось в резолюции.

6 июля 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР одобрили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры», кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. В постановлении говорилось, что потребности национальных меньшинств на территории УССР обеспечивались путем выделения национально-территориальных единиц. В национально-территориальные административные единицы выделялись местности, в которых преобладающая часть населения не принадлежала к украинской национальности. Языки всех национальностей, проживавших на территории УССР, объявлялись равноправными. Хотя официальным языком был признан украинский, в национально-территориальных административных единицах языком официального общения считался язык преобладающей там национальности. Особо подчеркивалось, что города и поселки городского типа не выделяются в национально-территориальные единицы⁴⁶.

По данным ЦСУ УССР, к июню 1927 года на Украине было уже 287 русских национальных сельсоветов⁴⁷. 12 июля 1927 г.

президиум ВУЦИК одобрил создание 9 русских национальных районов: в Глуховском округе был создан Путивльский район, в Запорожском округе — Каменский, в Луганском округе — Сорокинский, Станично-Луганский, Петровский, в Мелитопольском округе — Терпинянский, в Харьковском округе — Алексеевский, Староверовский и Чугуевский. В 1928 году рассматривался вопрос о русских национальных районах в Полтавском и Изюмском округах, однако они так и не были образованы: в Полтавском округе русские сельсоветы были слишком удалены друг от друга, а в Изюмском предполагаемый русский район проходил бы узкой длинной полосой на стыке нескольких районов, в связи с чем его образование было также признано нецелесообразным⁴⁸.

После ликвидации округов и перехода на двухступенчатую систему управления из смежных русских сельсоветов Харьковского и Сумского округов в 1930 г. был образован еще один русский национальный район — Велико-Писаревский⁴⁹. В дальнейшем состав русских национальных районов и их наименование не один раз претерпевали изменения. К концу 1935 года в Харьковской области было 4 русских района (Велико-Писаревский, Алексеевский, Староверовский, Чугуевский); в Донецкой — 3 (Верхне-Тепловский, Косиоровский, Сорокинский); в Днепропетровской — Камянско-Днепровский, в Черниговской — Путивльский⁵⁰.

Посчитав выделение городов в отдельные национально-территориальные единицы неправильным, украинское партийное руководство предприняло во второй половине 1920-х годов попытку изменить этнокультурный облик городского населения «административно-добровольными» методами. Усилия партийного руководства были направлены на внедрение украинской идентичности в пролетарскую среду, и, таким образом, на укрепление украинской советской культуры в городе⁵¹. В июне 1926 г., на Пленуме ЦК КП(б)У Н.А. Скрыпник заявил: «Темп украинизации мы должны регулировать в зависимости от того, где мы ее проводим: среди той части рабочего класса, которая складывается из пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорит на смешанном полуукраинском языке. Партия ставит себе вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих. Вместе с тем мы обязаны твердо сказать, что не будет проводиться никакой принудительной

украинизации в отношении русской части рабочего класса и вообще русских рабочих и крестьян. ... Города, что были до этого времени русскими, объективно придут к тому, что они станут украинскими»⁵². Скрыпник сформулировал теорию о двух типах русскоязычных рабочих на Украине: одни, украинского происхождения, подверглись частичной русификации и разговаривали на «смешанном языке», другие были «настоящими» русскими. Первым украинизация должна была помочь «вернуться» к своим корням, а вторым украинизация должна была помочь познакомиться с украинской культурой. При этом детей, говорящих, по выражению Скрыпника, на смешанном украинско-русском языке (т. е. тех, кто по национальности считался украинцем, а в качестве родного языка называл русский), нарком требовал обучать на украинском языке.

В 1927 г. в июньском номере журнала «Большовик України» была опубликована статья наркома РКИ и главы ЦКК ЦК КП(б) У В.П. Затонского, в которой подчеркивалось, что «партия должна твердо, систематически и терпеливо пояснять рабочему классу Украины его ответственность за укрепление единства с украинским селом. Она обязана убедить его принять активное участие в украинизации»⁵³. «Убеждали» рабочих путем перевода на украинский язык школ, периодических изданий и работы профсоюзов. Судя по сохранившимся в архиве «данным по обследованию национального состава рабочих и служащих Украины на май 1926 г.», украинцы предпочитали выписывать газеты и журналы на русском языке (78,9 % против 20,5 % украинских изданий), а среди русских эта цифра достигала 96,1 % (на украинском — только 3,2 %) ⁵⁴. Партийное руководство стремилось эту ситуацию изменить. В 1929 г. количество пунктов ликвидации неграмотности с украинским языком составило 7700, а с русским — 990⁵⁵. На 1930-й год количество украинских начальных школ достигло 14430, а русских сократилось до 1504⁵⁶. В 1931 г. удельный вес книжной продукции на украинском языке составил по названиям — 76,9 % (русских — 13,7 %), а по тиражу — 87,3 % (русских — 9,3 %) ⁵⁷. В 1933 г. из 106 журналов 83 издавались на украинском языке, 11 — русским, а часть украиноязычных газет составила 89 % ⁵⁸. Определенные усилия были предприняты для украинизации профсоюзов: прежде всего тех, что были непосредственно связаны с украинскими крестьянскими массами (в сахарной,

лесной промышленности, просветительской сфере и др.). Речь шла об изучении украинского языка работниками аппарата профсоюзов и о повышении доли среди них украинцев. Работники профсоюзов, в свою очередь, должны были приобщать к украинскому языку и культуре своих подопечных, т. е. вести культурно-просветительскую деятельность путем организации профсоюзных клубов, библиотек, чтения лекций.

Однако усилия украинизаторов отнюдь не всегда встречали понимание среди рабочих. В декабре 1931 г. агитпропотдел ЦК, изучив состояние украинизации в Донбассе, сделал вывод, что приезжавшие на заводы Донбасса украинские крестьяне вначале, как правило, говорили по-украински, но над ними начинали смеяться, и они «потом от украинского языка отказывались»⁵⁹. В профсоюзном отчете 1931 г. отмечалось, что бывали случаи, когда рабочие отказались от украинского даже на тех заводах, где украинцы составляли большинство⁶⁰. Оргбюро ЦК КП(б) в своей резолюции по докладу о состоянии украинизации в промышленных округах, принятой в августе 1929 г. под грифом «совершенно секретно», вынуждено было констатировать: «...в промышленных округах проведение в жизнь директив X съезда КП(б)У и ЦК КП(б)У об украинизации явно недостаточное, до сих пор носит кампанейский характер ... отношение к украинизации остается формальным. Исполнение директив ... остается на низком уровне»⁶¹. Особенно трудно украинизация шла в Донбассе: украинский ЦК признал, что «рудоуправления Донбасса, не применяют никаких мер в отношении претворения в жизнь директив партии и советских органов в отношении украинизации и тем самым объективно играют тормозящую роль»⁶².

Тем не менее, на рубеже 1920—1930-х годов попытки украинизации городского населения Украины продолжались. Началась кампания украинизации газет почти всех крупных промышленных городов Украины. На состоявшемся в июне 1930 г. IX съезде КП(б)У глава коммунистов Украины С.В. Косиор хвастался тем, что недавно были украинизированы все газеты Кривого Рога, Зиновьевска, Кременчуга, Одессы и Харькова. К концу 1930 г. единственным большим украинским городом с ежедневной газетой на русском языке оставалось Сталино, а его комсомольская газета уже была украинизирована⁶³. Однако борьба с украинским национализмом, развернувшаяся после

известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», внесла коррективы в планы украинского руководства. Н.А. Скрыпнику были предъявлены обвинения в националистическом уклоне. 23 февраля 1933 г. он был снят с должности наркома просвещения, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании. В журнале «Більшовик України» появилась статья В.П. Затонского, в которой, с одной стороны, подчеркивалась необходимость дальнейшего проведения украинизации и разворачивания национальной политики. С другой стороны, была не только раскритикована теория Скрыпника о «смешанном говоре», но и было признано, что имела место принудительная украинизация, в частности, «обеспеченность русского нацменьшинства школой составляло 40—50—60 %»⁶⁴. Такое игнорирование потребностей русского населения было признано ошибкой.

Если во второй половине 1920-х годов ЦК КП(б)У в принудительном порядке создавал для национальных меньшинств УССР школы с преподаванием на родном языке и с гордостью рапортовал об этом на партийных форумах, то в середине 1930-х гг. партийные начальники были озабочены случаями «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы»⁶⁵. Основным лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» приводили к национальной замкнутости как украинцев, так и представителей других национальных меньшинств в УССР и создавали благоприятные условия для деятельности как украинских, так и немецких, польских и прочих националистов. Стоит согласиться с выводом Т. Мартина, что тотальной украинизации языковой сферы так и не удалось добиться, и украинизация пролетариата развивалась в направлении создания двуязычной территориальной украинской идентичности, открытой как для этнических украинцев, так и для русских⁶⁶.

Как писал «Комуніст» 25 марта 1933 г., механическое проведение украинизации привело к уменьшению числа русских школ в Харькове на 55 %, а в Одессе лишь 40 % русских детей

обучались на русском языке⁶⁷. Весной 1933 г. политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областях⁶⁸. Через несколько месяцев, в августе 1933 г., политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»⁶⁹. В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 по январь 1934 гг. из школ были уволены около 4 тысяч учителей, причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁷⁰.

Одновременно была проведена реорганизация ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг. В ноябре 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление, в котором речь шла о «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» в Винницкой области⁷¹. В августе 1935 г. были ликвидированы Мархлевский польский и Пулинский немецкий национальные районы, в марте 1939 г. постановлением ЦК КП(б)У национальные районы и сельсоветы ликвидировались в Запорожской, Николаевской, Одесской, Сталинской областях (несколько немецких, болгарский и греческий)⁷².

Произошли изменения и в положении русских. В середине 1930-х годов лозунг об опасности с двух сторон — со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма — потерял свое значение. На XVII съезде ВКП(б) в январе-феврале 1934 года, И.В. Сталин подчеркнул, что на Украине стал главной опасностью уклон к украинскому национализму⁷³. Чуть позже, в 1936 году, русский народ был назван «первым среди равных»⁷⁴, и его не позволительно стало называть «нацией Обломовых».

Таким образом, русские национальные территориальные образования в УССР были образованы позднее остальных, что объяснялось стремлением партийного руководства укрепить позиции украинского языка и культуры в республике. Сильные

позиции русского языка и культуры и большая численность русского населения на Украине заставляли республиканское партийное руководство проводить протекционистскую политику в отношении украинцев. Поддержка национальной культуры, с одной стороны, и борьба с великорусским шовинизмом, с другой, существенно затрудняли определение статуса русского населения на Украине. Тем не менее, учитывая большую численность русского населения, особенно в крупных городах, и сильные позиции русского языка и культуры, проигнорировать этот вопрос было невозможно. Украинские лидеры признали русских национальным меньшинством и начали выделение русских национально-территориальных единиц (сначала сельсоветов, а затем и районов). Однако городов такое выделение не коснулось. Напротив, партийное руководство УССР стремилось изменить русский облик крупных городов путем внедрения украинского языка в общественную жизнь. При этом украинские руководители склонны были торопиться (по выражению Ю. Шевелева, «не хотели ждать ни минуты»): они хотели видеть индустриальные центры Украины украинскими еще до начала массовой миграции крестьян в города в процессе индустриализации, чтобы новоприбывшие не оказались в русскоязычном окружении⁷⁵. Однако кардинально изменить облик города украинскому руководству не удалось, что объяснялось как изначально сильными позициями русской культуры, так и развернувшейся борьбой с украинским национализмом. В результате русские, хотя и не были представителями «коренной национальности», тем не менее продолжали играть важную роль в общественной жизни Украинской ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несмотря на то, что политике в отношении национальных меньшинств в УССР сейчас уделяется много внимания, проблема русского меньшинства в 1920-1930-е годы остается менее исследованной. См. *Васильчук Г.М.* Історія національних меншин Радянської України 1920-х — 1930-х років: історіографічні нотатки // Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. 2009. № 2. С. 213—223.

² *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті: історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 128. В.М. Кабузан считал, что

в 1926 году украинцы составляли почти 75% всех жителей Украины (*Кабузан В.М.* Украинцы в мире. Динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII в. — 1989 год. М., 2006. С. 317).

³ Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920—18 марта 1921 г. М., 1959. С. 619.

⁴ Там же. С. 622—623.

⁵ Там же. С. 625—626.

⁶ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 606.

⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 691—697.

⁸ Там же. С. 696.

⁹ *Сталин И.В.* Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) // *Сталин И.В.* Соч. в 13-ти тт. М., 1947—1951. Т. 5. М., 1947. С. 241.

¹⁰ Там же. С. 244.

¹¹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 693—694.

¹² Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України (ЗУ України) 1925. № 6—7. Арт. 99.

¹³ Про заходи забезпечення рівноправності мов і про допомогу розвиткові української мови. Постанова ВУЦВК і РНК УСРС від 1 серпня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР: важливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду. 1917—1959. Зб. док. В 2-х тт. Т. 1 (1917—1941). Київ, 1959. С. 242—247.

¹⁴ Слова Затонского цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923—1939. М., 2011. С. 59.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Якубова Л.* Повсякденне життя етнічних меншин Радянської України у міжвоєнну добу. Київ, 2011. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Русские об Украине и украинизации 1910—1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб, 2012. С. 362—414.

¹⁹ См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Пять портретов товарища Рыкова // Родина. 2012 № 7. С. 124—129.

²⁰ Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 275.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 277.

²³ Там же. С. 292.

²⁴ Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 401.

²⁵ Там же. С. 458.

²⁶ Там же. С. 460.

²⁷ Там же. С. 464—465.

²⁸ Там же. С. 467.

²⁹ Там же. С. 517.

³⁰ Там же. С. 534.

³¹ *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // *Большевик.* 196. № 23—24. С. 50.

³² ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 г. М., 2005. С. 464.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 465.

³⁵ Там же.

³⁶ Адміністрiальний поділ УСРР при 3-х ступеневій системі врядування (за даними на 1 жовтня 1925 року). Харків, 1925. С. 87—89.

³⁷ ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 465.

³⁸ Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков, 1926. С. 193.

³⁹ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 60.

⁴⁰ ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 465.

⁴¹ *Черлюнчакевич Н.* Національні меншості на Україні // *Большовик України.* 1926. № 4—5. С. 109.

⁴² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2456. Л. 8.

⁴³ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 69—70.

⁴⁴ Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // *Вісті ВУЦВК.* 1927 р., 19 квітня.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Про забезпечення рівноправності мов та про сприяння розвитку української культури // *Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР.* Т. 1. 1917—1941. Київ, 1963. С. 319.

⁴⁷ Україна в цифрах. 1927. Харків, 1927. С. 4. К какому месяцу 1927 года относятся эти цифры, не указано, однако предисловие датировано 22 июня 1927 г.

⁴⁸ *Єфіменко В.* Створення російських національних районів УСРР // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць.* Вип. 21. Київ, 2012. С. 89—91.

⁴⁹ Там же. С. 91—95.

⁵⁰ Довідник адмінтерподілу УСРР за станом на 15 грудня 1935 р. Київ, 1936. С. 210.

⁵¹ См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Проблема украинизации пролетариата в национальной политике 1920-х годов // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2012. М., 2012. С. 153—166.

⁵² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 143 об.

⁵³ *Затонський В.* Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. 1927. № 6. С. 16.

⁵⁴ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2249. Л. 35.

⁵⁵ Про стан та перспективи культурного будівництва. Постанова XI Всеукраїнського з'їзду Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів від 15 травня 1929 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1. С. 450.

⁵⁶ *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900—1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 95.

⁵⁷ *Азуф М.* Преса УСРР. До XV роковин Жовтня. Партвидав «Пролетар», 1932. С. 81.

⁵⁸ *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932—1938). Київ, 2001. С. 254.

⁵⁹ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 147—148.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 109.

⁶² Там же. Л. 110.

⁶³ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 153.

⁶⁴ *Затонський В.П.* З питань національної політики на Україні // Більшовик України. 1933. № 9—10. С. 111.

⁶⁵ Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 253.

⁶⁶ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 149—150.

⁶⁷ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 211.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 56.

⁶⁹ Там же. Д. 71. Л. 93.

⁷⁰ Подробнее см. *Рафальський О.О.* Указ. соч. С. 161—166; *Єфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 154—155.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 54.

⁷² Постанова ЦК КП(б)У про ліквідацію та реорганізацію національних районів і сільрад. 5 березня 1939 р. // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник. В 2-х ч. Київ, 1997. Ч. 2. С. 260.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 88.

⁷⁴ Правда. 1 февраля 1936 г.

⁷⁵ *Шевельов Ю.* Указ. соч. С. 97—98.

А.Ф. НОСКОВА

(МОСКВА)

Организация украинских националистов в борьбе за Соборную Украину: начальный этап (осень 1938 г. — сентябрь 1939 г.)

На рубеже XX—XXI вв. в общественных запросах народов Восточной Европы, еще недавно живших при социализме по-советски, резко возрос по-разному обусловленный и нередко эмоционально мотивированный интерес к истории собственных национальных движений. Зародившись в ряде случаев на рубеже XIX и XX вв., эти движения активно проявились в ходе Первой мировой войны, когда с различной степенью успеха боролись за отдельные от Германской, Австро-Венгерской и Российской империй национальные государства. Многие народы региона политико-дипломатическим путем, порой в купе с вооруженными действиями, обрели национальную или многонациональную государственность. Однако украинцы, несмотря на усилия и жертвы, этого не добились. «Соборная Украина», государство, где титульной и властвующей нацией были бы украинцы — носители украинской политической культуры, не была создана¹. Но идея объединения украинских земель продолжала существовать.

Напомним, что по итогам Первой мировой войны земли украинцев вошли в состав ряда стран. Самая многочисленная группа украинского этноса с переменой власти в Киеве превращалась то в граждан Украинской Народной Республики, то Украинской советской социалистической республики, и в 1922 г. вошла в состав федеративного государства — СССР. Десятки миллионов украинцев стали жителями УССР. Она располагала правом на самоопределение, но реально имела статус «внутреннего» национально-государственного образования,

выразителя интересов украинского народа внутри страны и на международной арене.

За пределами СССР в приграничье с соседними государствами, в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, а также в Югославии, находились территории компактного проживания украинцев. Власть титульных наций считала их национальным меньшинством. «Польские» украинцы составляли наиболее крупное меньшинство. По мандату Совета послов Антанты Польша получила в 1923 г. «суверенное право» на владение Восточной Галицией на условиях предоставления населению прав национальной автономии². Это условие польское правительство не выполняло, и украинцы Восточной Галиции на деле имели крайне ограниченные права. Подобной была в Польше и судьба украинского населения земель бывшей Российской империи (Волынь, Полесье, Подолье).

В итоге польско-русской войны 1919—1920 гг. за территории, расположенные между их этническими землями, Советская Россия по договору в Риге (1921 г.) уступила Польше западно-украинские (и западно-белорусские) земли. Обязательства сторон по введению в жизнь провозглашенных прав «больших» и «малых» народов в едином государстве этим договором также не устанавливались³. Между тем, в юго-восточных и восточных воеводствах (по-польски именуемых кресами) в многонациональной среде (поляки, евреи, русские, чехи, белорусы) в начале 1930-х гг. проживало от 4,5 до 5 млн украинцев⁴. В основном это были крестьяне, жители деревень и небольших городских поселений. Украинская интеллигенция, учитывая ее существенную эмиграцию на Запад, проживала во Львове, Станиславе, Тернополе и оставалась незначительной, уступая по количеству, экономическим и политическим возможностям интеллигенции польской.

Рост привлекательности национально-освободительных идей, предлагавшихся украинской эмиграцией, расширение устремлений «польских» украинцев к национальному обособлению, подъем антипольских настроений и социального протеста были следствием антиукраинской национальной и экономической политики польской власти. В 1920—1930-е гг. Варшава проводила на восточных кресах жесткий, с применением насилия, курс на полонизацию. Политика угнетения национальной жизни украинцев совершалась путем передачи

государственного аппарата и земли в польские «руки», религиозного подавления православных и принудительного перевода непольского славянского населения в католичество. Польские власти жестоко подавляли массовые протестные выступления украинцев. Никакой национальной автономией, за исключением отдельных, формальных ее признаков, Восточная Галиция не располагала⁵.

В отличие от поляков, в абсолютном большинстве своем римо-католиков, большая часть украинцев (прежде всего, Восточной Галиции), были греко-католиками, униатами, а меньшая — православными. Религиозные отличия от титульной нации способствовали и ускоряли процесс осознания украинцами своей национальной самобытности. Чрезвычайно важной была поддержка идеи борьбы за независимость от Польши и отдельное украинское государство Украинской греко-католической церковью, митрополия которой находилась во Львове. Именно вероисповедание являлось важнейшим признаком национальной принадлежности, демонстрировало общность и определяло самоидентификацию украинцев.

В 1930-е гг. усилиями политической эмиграции были созданы на территории Польши различные организации движения украинских националистов, борцов за Соборную Украину⁶. Движение не отличалось единством в понимании способов борьбы. Его соглашательское течение было представлено Украинским национально-демократическим объединением (УНДО), лидеры которого сотрудничали с властью и заседали в Сейме Польши, рассчитывая путем компромиссов добиться улучшения положения украинского населения. Но наибольшее влияние здесь получила Организация украинских националистов (ОУН), созданная Е. Коновальцем в 1929 г. в Берлине. Она располагала социальной базой и массовой поддержкой соплеменников именно в Польше. Постепенно в ОУН сформировались две фракции. «Умеренные» придерживались осторожных действий, ограниченного использования вооруженного террора, и ориентировались на А. Мельника, одного из участников движения за независимость времен Первой мировой войны. Он возглавил ОУН в 1938 г. Радикалы из молодого поколения борцов за идею выступали за революционные действия, активный террор и вооруженное восстание. Они возглавлялись членом ОУН с 1929 г. С. Бандерой⁷ и его близ-

кими сторонниками Я. Стецко, Р. Ярым, Р. Шухевичем. Радикально-революционная фракция в украинском национальном движении становилась все более популярной, а юго-восток и восток Польши превращались в плацдарм, в том числе, террористической борьбы за Соборную Украину.

Отсюда, из Польши, ОУН сделала попытку претворить национальную идею в жизнь, используя раздел Чехословакии, начатый Гитлером по соглашению с западными лидерами в Мюнхене в сентябре 1938 г. Оуновцы приняли участие в событиях осени 1938 — весны 1939 г. Решался вопрос о государственности мультинациональной территории, расположенной на юге и востоке ЧСР, и входившей в ее состав под названием Подкарпатская Русь⁸. Восточные районы республики занимало коренное самобытное восточнославянское население — русины⁹, в советских документах именуемые «карпатскими украинцами», а территория — Закарпатской Украиной, Закарпатьем, реже Закарпатской Русью. Здесь были заметны разногласия нарождавшейся национально-политической элиты «карпатских украинцев» с властью в Праге, местными чешскими чиновниками, а также внутри возникшего национального движения русинов. Влияние ОУН в «мирных условиях» было весьма скромным. Но обстановка кризиса способствовала подъему национальных настроений, активизировала национальное движение на территории Подкарпатской Руси, выдвинула на политическую сцену его лидера — униатского священника А. Волошина¹⁰.

Одновременно с предоставлением 2 октября 1938 г. Прагой автономии Словацкому краю получила этот статус и Подкарпатская Русь со столицей в Ужгороде. 26 октября 1938 г. правительство возглавил А. Волошин. Он принес присягу на верность Чехословацкой республике. По данным польской разведки, Волошина поддерживало до 70 % населения. Но 2 ноября 1938 г. часть территории автономии с городами Ужгород, Мукачево, Берегово по договоренности Гитлера и Муссолини (т.н. Венский арбитраж) была передана Венгрии. Правительство Волошина 10 ноября переместилось в г. Хуст. Началась украинизация госаппарата и общественной жизни «остатков» Подкарпатской Руси. Для защиты «государственных и национальных интересов Подкарпатской Руси и воспитания оборонного духа в украинском обществе» здесь учредили «Организацию

Национальной Обороны "Карпатская Сечь"» под командованием Д. Климбуша. Неофициально в состав командования входил Р. Шухевич. Посещали борющуюся Подкарпатскую Русь А. Мельник и ряд активных деятелей ОУН. Важнее было другое. В рядах «Сечи» находились около 200 инструкторов из судебных немцев. Немец командовал полицией в Хусте. Немец был «прикомандирован» к Волошину в качестве заместителя секретаря. В глазах украинских националистов это воспринималось как поддержка Германией независимой Руси¹¹.

События в Хусте отзывались в Польше, где, как отмечала служба польской контрразведки 19 января 1939 г., усиливалась «агитация [польских] украинцев за отделение восточных земель от Польши, за создание Украины... украинцы начинают все громче говорить о наступлении ... даже вооруженного восстания». В Отчете одной из низовых структур МВД Польши 27 февраля 1939 г. сообщалось о стремлении ОУН использовать ситуацию и приступить к созданию украинской государственности, приводились многочисленные слухи, которые распространялись среди украинцев в Польше, и отражали атмосферу национального воодушевления. Рассуждали, что «самые старинные украинские земли, находящиеся в Польше, должны быть присоединены к Карпатской Украине», что «в правительстве Закарпатской Руси проводится кампания по предоставлению гражданства Закарпатской Руси всем украинцам-эмигрантам из Польши и [советской] Украины», а член руководства ОУН Р. Сушко считает своевременным «провести кампанию, направленную на достижение полной самостоятельности государства Подкарпатская Русь». Утверждалось, что «среди украинцев существует повсеместное представление, будто с минуты, как откроется Сейм в Хусте и будет одобрено название "Карпатская Украина", введена украинская валюта и герб „трезубец“, ...наступит новый этап украинской политической деятельности в Восточной Малопольше». В документе сообщалось, что один из украинских депутатов Сейма Польши высказывал предложение-надежду, чтобы «Польский Сейм вставанием с мест» приветствовал бы «возникновение нового, практически независимого славянского государства»¹².

Руководство ОУН во Львове видело в событиях на Подкарпатской Руси возможность превратить эту территорию в «собираетеля» всех украинских земель и «начало» будущего

государства. Для этого украинскую молодежь призывали «направиться к границе с Русью Закарпатской, где соединяться с отрядами „стрельцов” из Руси». Идея создания «Соборной Украины» представлялась сторонникам ОУН осязаемой, выражалась уверенностью, что весной 1939 г. и «на восточных землях [Польши] будет основана Украина». Как доносила польская пограничная служба во II Отдел генштаба Войска Польского 7 марта 1939 г., «появление Закарпатской Руси стало искрой, которая побудила к действиям все организации и общества, побудила надежды на скорейшее возникновение “Великой Украины”, начало которой усматривали именно в Закарпатской Руси... Наиболее активно начала действовать ОУН, начиная среди украинской молодежи пропагандистскую акцию за массовое бегство на Закарпатскую Русь и вербовку там в “сичевые стрельцы”...Эта акция охватила дословно всю Малопольшу»¹³.

Документы свидетельствуют, что «массовое бегство», происходило еще с осени 1938 г. В начале 1939 г. десятки «польских» украинцев ежедневно прибывали на территорию Подкарпатской Руси. Хотя «виды бедной страны, отсутствие развитых украинских общественных и экономических отношений, пассивность темного и национально невоспитанного населения... ввели эмигрантов в глубокий пессимизм», члены ОУН, «как гвардия преторианцев», приняли активное участие в создании администрации автономии. Вместе с выходцами из Подкарпатской Руси, первыми претендентами на открывшиеся должности, они изгоняли чешских чиновников. Боевики ОУН разоружали чешскую полицию, укрепляли ряды «Карпатской Сечи». Не без влияния ОУН Волошин в декабре 1938 г. подписал указ о новом названии территории — «Карпатская Украина»¹⁴.

Многое из приведенного материала отражало разгул национальных страстей и политических иллюзий. Так, в воззвании А. Мельника, датированном февралем 1939 г., утверждалось: «Сегодня в этом бою уже рядом с нами народы Германии, Италии, Испании, Японии, победы которых устремлены к окончательному уничтожению общего врага (СССР. — *АН.*). В этой борьбе Украине предназначено главное задание»¹⁵.

Однако, кроме иллюзий, были и реальности. О них 4 и 11 марта 1939 г. своему руководству доносило Национальное отделение МВД Польши. Сообщалось «о сильном влиянии»

ОУН на украинское студенчество в Варшаве, подчеркивалось, что «на Подкарпатской Руси своей доброй позицией ОУН обязана, в основном, прибывшим из Польши беженцам», отмечались разногласия между «местными» и «пришлыми» борцами за независимость Подкарпатской Руси: «Правительство Волошина ... старается предпринять усилия по сохранению максимума самостоятельности и сохранению большинства постов для местных людей, тем самым противостоять нажиму ОУН, которая стремится поставить своих людей не из Руси и пронести свои политические устремления»¹⁶.

Тем временем, шел процесс реализации Венского арбитража. 18 февраля 1939 г. между Словакией и Венгрией был подписан двусторонний договор об обмене населением переданных Венгрии территорий. Набирали силу миграционные потоки беженцев и переселенцев из отторгнутых Венгрией территорий южной Словакии и Подкарпатской Руси. Русины бежали, в основном, в Словакию. Надо подчеркнуть, что массовым было бегство и на советскую территорию¹⁷.

На март 1939 г. пришли самые драматические для Чехословакии события. 14 марта 1939 г. была провозглашена независимость Словакии, что соответствовало долгосрочным геополитическим замыслам Гитлера. В тот же день в Хусте провозгласили независимость «Карпатской Украины», А. Волошин стал ее президентом. 15 марта Германия оккупировала чешские земли и объявила о создании Протектората Богемия и Моравия, а венгерские войска начали занимать территорию южной Словакии и Подкарпатской Руси. Командование «Карпатской Сечи», насчитывавшей от 6 до 10—12 тыс. при 2-х тыс. боеспособных и вооруженных людей, пыталось с переменным успехом оказывать венграм ожесточенное сопротивление. В рядах «Сечи» сражались боевики ОУН из Польши. Но уже 16 марта польская разведка доносила во II Отдел генштаба, что «среди украинских сфер сегодня царит хаос и неуверенность по поводу удержания Закарпатья из-за молчания Гитлера, огромная подавленность среди украинцев. Некоторые не верят и утешаются, что Гитлер не мог предать украинцев и... возродит Украину. Украинцы утверждают, что... они не дадут себя сломить, и в дальнейшем будут стремиться к возрождению Украины на территории Польши». 18 марта 1939 г. указывалось: «Карпатская Украина защищается, и сичевики оказывают

усиленное сопротивление». Поражение, однако, было неизбежным. Сопротивление прекратилось. Руководители провозглашенного государства капитулировали. Волошин покинул Подкарпатскую Русь¹⁸.

Таким образом, хотя идея борьбы за независимую Соборную Украину была воспринята политическими кругами Подкарпатской Руси, усилия сторонников ОУН «запустить» здесь процесс создания «Соборной Украины», борясь за государственность Руси, закончились неудачей. Новые документы свидетельствуют, что планы ОУН поднять восстание «с целью отделения от Польши этнографических украинских земель и присоединения их к Карпатской Украине» были «разрушены введением венгерских войск в Подкарпатскую Русь». В Польше последовали массовые аресты украинцев. «Состояние подавленности и депрессии среди членов ОУН огромно», — подводило итог МВД Польши. Однако сохранялись надежды на восстание в Галиции, где противостояли польский и украинский национализмы, и поддержка ОУН украинцами была устойчивой¹⁹.

Итак, первая попытка учредить независимую Украину на небольшой территории проживания русинов не удалась. Она предпринималась на землях, где уровень национальных устремлений к самоопределению был невысок, как и готовность населения к борьбе за отдельное государство. Помощь «польских» украинцев оказалась недостаточной. Значительно важнее были внешнеполитические факторы и один из решающих — «пассивная» позиция Берлина. Но украинские политики даже в этих обстоятельствах оправдывали позицию Германии. Так, после молебна в соборе Св. Юра и 18 марта на манифестации, организованной ОУН, звучали антипольские, антивенгерские и антисоветские, но не антигерманские призывы. Руководство ОУН прилагало немалые усилия, чтобы «сгладить результаты официального поражения политики украинских экстремистов», сторонников С. Бандеры, и изобразить Гитлера «другом украинских националистов». Это подтверждается текстом воззвания ОУН в апреле 1939 г.: «В настоящей ситуации было бы вредным следовать подсказкам наших врагов, и заявлять, что вина за то, что произошло, лежит на Германии, и стать ее врагом. Украинцы и немцы — естественные союзники. Кроме Германии Украина не имеет в мире ни одного активного союзника в борьбе со всеми окку-

пантами Украины. Нельзя забывать, что западные страны, Англия и Франция, сегодня братаются с самым большим врагом Украины — Советами. Каждый народ руководствуется своими интересами, руководствовались ими и Германия, не оказывая помощи Карпатской Украине. В данном случае были разными интересы немцев и интересы украинцев. Но по вопросу освобождения Украины интересы двух народов совпадают»²⁰.

Такие объяснения лидеры движения внушали «низам». «Вопрос Карпатской Украины, — писало львовское издание «Новое Село» весной 1939 г., даже если ее заберет Венгрия, является только этапом в последующих планах Гитлера в походе на Восток. Гитлер хотел иметь Венгрию на своей стороне и поэтому молча согласился на захват Руси Венгрией». Львовское «Наше дело» призывало соплеменников: «Не падайте духом. Такое положение вещей является планом Гитлера... Он хочет показать миру, что украинцы заслуживают свободы..., они заслуживают мировой поддержки»²¹.

Откровенное стремление ОУН не делать выводов из «поведения» Германии объяснялось отсутствием других союзников, близостью идеологических постулатов (национализм, антисоветизм, антисемитизм). При общей генеральной нацеленности на борьбу против СССР, где жили миллионы этнических украинцев, немецкие нацисты и украинские националисты принципиально расходились в представлениях о будущей судьбе украинцев, что Берлин продемонстрировал на примере Подкарпатской Руси. Однако политическое «чутье» отказывало лидерам ОУН, а Германия продолжала подпитывать их иллюзорные надежды. По сведениям, которыми располагало МВД Польши, в середине апреля 1939 г. в Берлине состоялась встреча немецких представителей с украинцами. Их заверяли, что политика Рейха по отношению к украинцам не поменялась, что этот народ созрел для самостоятельности, обещали помощь²².

Германия не только была щедра на слова, но и предпринимала действия, которые украинские политики понимали как проукраинские. Так, по ходатайству главы абвера Ф.В. Канариса, Венгрия и Румыния позволили пленным «сичовцам» выехать в Германию. Германские власти дали разрешение на создание под опекой разведслужб Украинского батальона, который тренировался в пригородах Берлина, и в сентябре

1939 г. принял участие в боевых действиях против Польши. На территории протектората Богемии и Моравии украинские чиновники из Подкарпатской Руси были трудоустроены и получали зарплату от немцев. По указанию протектора К. Франка ежедневная газета «Новая украинская свобода» представляла «украинский вопрос» читателям как самостоятельный²³.

Такая «благожелательная» политика в отношении ОУН после событий на Подкарпатской Руси свидетельствовала о сугубо тактических шагах Гитлера, который весной-летом 1939 г. вел дипломатические переговоры и с западными державами и с СССР, намереваясь скрыть уже утвержденный план нападения на Польшу. В его долгосрочных замыслах не значилась уступка Украины кому бы то ни было²⁴. Поддерживая иллюзии украинских националистов о походе «через Львов на Киев», Гитлер лишь откладывал реализацию планов в отношении Украины до «большой войны» с СССР.

Между тем, события, разыгравшиеся на рубеже 1938—1939 гг. в Подкарпатской Руси, где проходили границы и сталкивались интересы ряда государств, получили заметный международный резонанс. Отчетливо проявилось внимание дипломатов и интерес разведки многих европейских стран к происходившему в Подкарпатской Руси. События расценивались как элемент большого «украинского вопроса». Это подтверждала оперативная информация советской разведки, полученная руководством СССР тогда, когда ОУН пыталась создать «Карпатскую Украину». Из потока агентурных донесений, содержавших не только оправдавшиеся вскоре прогнозы, но и недостоверные данные, следовало, что после «Мюнхена» Москва имела основания беспокоиться за целостность государства и прочность украинского отрезка государственной границы. В столицах разных европейских стран в связке с событиями на Подкарпатской Украине активно обсуждались потенциальный поход Гитлера на Восток и судьба Советской Украины. Так, в октябре 1938 г. в Москву поступило агентурное донесение, что в политических кругах Литвы считали, что «необходимость нападения [Германии] на Россию может явиться довольно скоро... и... Подкарпатская Русь, означают для Гитлера кристаллизационный центр будущей Украины»²⁵.

В декабре 1938 г. И.В. Сталину доложили, что «рейхсвер мирится с подготавливаемой [канцлером] украинской аван-

тюрой», и Гитлер сожалеет о передаче Подкарпатской Руси Венгрии, считая это потерей времени «для дальнейшего продвижения». Указывалось нарастающее внимание Берлина к украинским делам. По сообщению финского источника из Варшавы, «в польских кругах уверены, что ближайшей целью Германии в ее внешней политике является отторжение от СССР Украины и создание из нее самостоятельного государства. Для этого базой должна служить Закарпатская Украина». Отмечалось, что Польше этот план не нравится. Тогда же из итальянских источников Москве стало известно, что «Гитлер и Риббентроп стоят за решительное ускорение интервенции против Советского Союза, ... подготавливают нападение на Советскую Украину весной будущего года, для чего в качестве основного плацдарма будет использована Подкарпатская Украина»²⁶.

В донесениях, поступавших в Москву через агентурные каналы в начале 1939 г. от источников во Франции, из среды английских политиков и американских дипломатов, неоднократно говорилось, что в Германии «подготавливается осуществление планов в отношении Советской Украины», доносили, что И. Риббентроп, посетив Париж, будто бы получил здесь «одобрение плана, предоставляющего Германии свободу действий в отношении Украины». Из среды английских политиков и дипломатов США доходили сведения, что Гитлер «теперь уже готовится к созданию независимого украинского государства и активной деятельности в отношении Советской Украины». Финский автор перехваченного советской разведкой сообщения из Парижа полагал: «Германо-советские отношения обостряются. Германия с целью интервенции будет провоцировать беспорядки на Украине до тех пор, пока они не дадут повода для интервенции, ... интервенция против СССР должна начаться в 1939 г.»²⁷.

Вне зависимости от того, была ли эта и подобная ей информация в ту пору лишь пропагандистским прикрытием подлинных планов Гитлера на 1939 год или она имела под собой реальные основания, руководство СССР не могло ее не учитывать. Следовало искать способ нейтрализовать намерения оторвать украинские земли от СССР, исключить использование замыслов ОУН для вовлечения страны в вооруженный конфликт. Нападение Германии на советскую Украину в 1939 г. не состоялось.

События развивались по-иному сценарию. 23 августа Москва подписала пакт о ненападении с Берлином, ставшем ее ситуативным союзником, и Секретный дополнительный протокол о разделе сфер влияния в восточноевропейском регионе, который напрямую касался украинского (и белорусского) населения Польши²⁸. Советское руководство получило возможность по-советски решить «украинский вопрос», поставив восточные воеводства Польши сначала под контроль, и вскоре изменить гражданство населения и государственную принадлежность территории. Если учесть последнее обстоятельство, можно предположить, что одним из мотивов, и, вероятно, вовсе не последним, подписания протокола было для Москвы объединение в УССР большинства украинцев и превращение сложившегося в Польше очага украинского национализма во внутреннюю проблему СССР. Гитлер, со своей стороны, временно избавлялся от ОУН, беспокойного «украинского партнера», ненужного во время подготовки войны на Западе.

Вплоть до конца 30-х годов у советского руководства не было подобного шанса избавиться от угрозы украинского сепаратизма извне. Сделать это не позволял ряд внешних и внутренних факторов, а именно: международные договоры и соглашения, которые СССР заключил с целым рядом европейских стран, включая Польшу; обстановка жесточайшей борьбы Сталина за абсолютную власть в своей стране. Но в 1939 г., когда кризис международных отношений разрушал договоры и соглашения многих стран, мир находился у порога войны, а в СССР с помощью террора был пройден «пик» политической борьбы на высшем уровне власти, ситуация изменилась. Интерес и претензия Москвы на участие в крупных геополитических решениях в Европе явно выросли. Искомый шанс предоставляло взаимодействие с Германией. Одним из объектов геополитического внимания становился «западно-украинский вопрос». Об этом косвенно свидетельствует специальная справка о положении национальных меньшинств в Польше, подготовленная сотрудниками Комиссариата иностранных дел в марте 1939 г.²⁹ Она пришлась на время, когда Венгрия завершала борьбу за «Карпатскую Украину», а «польские» украинцы замыслили восстание в Польше. Последовали и другие подобные материалы, что говорит о тенденции. Они не мог-

ли появиться без соответствующего запроса советского руководства.

Показательно, что в конце июля 1939 г., учитывая, что Австрия, отказавшись от Восточной Галиции в сентябре 1919 г., сама утратила суверенитет, войдя в состав III рейха, Москва, тем не менее, специально выясняла мнение Берлина насчет Восточной Галиции. Поверенный в делах СССР Г. А. Астахов, безусловно, зная о связях с Германией руководства ОУН в Польше, задал прямой вопрос немецкому дипломату Ю. Шнурре: «... не склоняется ли также на сторону Германии население территорий, когда-то принадлежавших Австрии, в частности Галиции, и украинских территорий». В ответ получил заверение: «интересы Германии и России не придут в столкновение по этим вопросам..., мы не ставим своей целью что-либо, что может быть опасно для советских интересов»³⁰.

Такой зондаж намерений Гитлера накануне 23 августа 1939 г. позволил советской стороне удостовериться в согласии на инкорпорацию в состав СССР почти всех восточных земель Польши. После 1 сентября 1939 г. в обстановке хаоса, разрушения управления страной и военного поражения, несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное гитлеровцам войсками и народом, стало возможным приступить к определению статуса этих земель. Из текста подписанных документов не следовало, что стороны в августе 1939 г. договаривались о боевых совместных и одновременных действиях против Польши. Москва не брала обязательства предпринять такие действия, не нарушая тем подписанных с Польшей договоров о границе и деклараций о ненападении (1921, 1932, 1934 гг.). Способ и время советских действий документами предполагались, но не фиксировались. СССР мог самостоятельно действовать тогда, когда сочтет нужным. Это зависело от ряда обстоятельств. Предстояло выяснить, как поведут себя западные державы после нападения Германии на союзную им страну, сможет ли Польша и сколь долго выдерживать натиск вермахта. Важным было обоснование вступления Красной Армии в Польшу.

Объявление 3 сентября Англией и Францией войны Германии не понудило СССР к действиям. Вскоре разгром польской армии становился прогнозируемым. Допустимо предположить, что к середине сентября 1939 г. Москве могло стать известным принятое (12 сентября во французском Абвиле)

главами Франции и Великобритании, Э. Даладьё и Н. Чемберленом, решение воздержаться от вступления в войну из-за Польши. Факты благоприятствовали активным действиям Москвы. СССР, согласно опубликованным немецким материалам, испытывал нарастающее немецкое к тому понуждение, но две недели не называл даты своих «мероприятий».

Это вызывало в Берлине, где желали ясности, поиски дополнительного давления на СССР, чем мог стать «украинский вопрос». Об этом «говорит» распоряжение Риббентропа 16 сентября послу Ф. Шуленбургу уведомить Молотова, что «если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум». «Поскольку мы, — писал Риббентроп, — со своей стороны не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных действий, без такой интервенции со стороны Советского Союза, [в восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств»³¹.

Вечером 16 сентября Шуленбург ознакомил Молотова с указаниями Риббентропа, похожими на «легкий» шантаж. СССР фактически ставили перед выбором: не вступите, мы, Германия, создадим на территории вашей сферы интересов «новые государства». Речь могла идти о двух государствах: о польском (в Секретном протоколе говорилось лишь то, что «вопрос ...может быть выяснен только в течение дальнейшего политического развития», и Москва не делала на этот счет публичных заявлений вплоть до 25 сентября³²), и о государстве украинском под управлением ОУН и под контролем Германии (о белорусском — вряд ли). Обозначенная, как возможная, перспектива не могла не подтолкнуть Сталина к решительному шагу, и исключить несогласованный вариант развития. Заметим, части вермахта кое-где уже пересекли оговоренное разграничение сфер интересов.

В Москве были известны прямые связи руководства ОУН с Берлином, знали и то, что весной 1939 г. гитлеровцы рассматривали возможность, дав сигнал к восстанию, использовать украинцев при уничтожении Польши. Сотрудник МИД рейха П. Клейст 2 мая 1939 г. заявлял, что контакт с ОУН во Львове³³, позволяет «не сомневаться в массовом восстании украинцев.

Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект в Берлине встречает лишь одну оговорку. Это — возможная реакция Советского Союза»³⁴.

Готовность к участию в решающей борьбе была тогда в руководстве ОУН. В тот же день, 2 мая, А. Мельник писал И. Риббентропу: «Политико-психологические предпосылки для отделения западно-украинских областей от Польши в настоящее время являются уже тем фактом, который уже никто не может изменить. Для успешного осуществления такой акции при создании благоприятной внешнеполитической ситуации необходимо только оружие». Мельник просил Риббентропа обратить внимание «на вышеупомянутые факты»³⁵. Однако допустить украинское восстание вблизи границы СССР и появление отдельного государства Украина с открытыми претензиями на советскую территорию не входило в намерения, как СССР, так и Германии. Поэтому Берлин «раздражал» Москву украинским восстанием и созданием государства, убаюкивая ее «шаги».

К середине сентября 1939г. «заполнился» нужный СССР для введения войск в Польшу «пакет» сведений о разгроме или окружении основных сил Войска Польского, о приближении польского правительства к румынской границе, о полном бездействии англо-французских войск³⁶. 10 сентября уже было найдено и необходимое обоснование, убедительное для советского и зарубежного общественного мнение. Использовался тезис защиты меньшинств, что вовсе не было историческим прецедентом. Он находился в пределах известной тогда международной практики³⁷. Но «политическая мотивировка советской интервенции» устранением угрозы украинскому и белорусскому населению, исходящей с немецкой стороны, как поняли в Германии и считали в СССР, Берлин не устраивала. Это было заявлено Москве немедленно. Однако 14 сентября «Правда» и 15 сентября «Известия» опубликовали редакционную статью «О внутренних причинах военного поражения Польши», где заявлялось «об угрозе», но вновь без указания на ее источник. Особенно много говорилось о подавлении польскими властями украинцев и белорусов, что соответствовало действительности, и о возникшей в Москве необходимости их защитить³⁸.

16 сентября вечером Молотов уведомил Шуленбурга, что «военная интервенция Советского Союза произойдет завтра или послезавтра», заявив, что «польское государство распалось и более не существует, поэтому аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей»³⁹. Слова Молотова, что «третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса», могли служить не столько предупреждением западным державам, которые воевать не собирались, или Польше, которая продолжала обреченно воевать, сколько быть завуалированным ответом на упомянутый немецкий «шантаж». Одновременно нарком согласился, что «советский предлог» к вступлению на территорию Польши «содержал в себе ноту, обидную для чувств немцев», просил понять сложную ситуацию и необходимость СССР «так или иначе оправдать за границей свое теперешнее вмешательство»⁴⁰.

17 сентября 1939 г. Красная Армия вошла в восточные воеводства Польши. Стороны войны друг другу не объявляли. Правительство Польши назвало происшедшее актом насилия, который страна не признает. Ее союзники 19 сентября направили Москве ноту протеста, но реальных действий не предприняли. Объявление Москвой политики нейтралитета позволило им определиться⁴¹. Для вступления в Польшу СССР использовал в качестве правового аргумента общепринятый в то время способ осуществления самопомощи для обеспечения своей безопасности. Важнейшей геополитической целью операции руководства СССР на южном отрезке границы была концентрация в пределах УССР большинства территорий проживания «зарубежных» украинцев. Речь шла о Восточной Галиции, части Волыни, Полесья и Подолья. Их новая государственная принадлежность и гражданство многонационального населения оформлялись постепенно в течение октября-ноября 1939 г.

В обстановке, когда советские войска занимали восточные кресы, немалая часть украинцев, евреев, белорусов открыто приветствовала их приход как национальное и социальное освобождение от польской власти. Многонациональные левые радикалы, коммунисты-интернационалисты, просоветски настроенные украинцы, пополняя советские кадры на Западной Украине, и ряды компартии, видели Украину равноправным членом советского государства. В дальнейшем они

противостояли тем, кто желал отдельной «Украины для украинцев».

Лидеры ОУН в сентябре 1939 г не выступили с требованием создания Украинского государства на территории Малой Польши. Де-факто они, как и митрополит греко-католической церкви А.Шептицкий, приняли включение украинских земель в состав СССР, воспринимая факт истории как продвижение к объединению украинских земель⁴². Такая позиция имела и другие объяснения. В условиях советско-германских договоренностей ОУН оказалась в положении «третьего лишнего». Ее лидеры осознавали невозможность действовать собственными силами, вопреки Берлину, понимали, что нельзя получить большего, чем он даст, ждали будущей войны Германии на Востоке, с чем связывали решение «украинского вопроса». Об этом и пособнической роли ОУН в мае 1939 г. А.Мельник писал И. Риббентропу: «политические уступки населению, в том числе подавляемым народам ... не будут иметь решающего значения для окончательной освободительной операции украинцев ... до тех пор, пока Советский Союз не будет втянут в серьезный внешний конфликт. В таком случае в стране рекомендуется предпринять все меры по усилению украинской освободительной борьбы, потому что это очень важно для развязки конфликта»⁴³.

Таким образом, внешнеполитические обстоятельства складывались не в пользу националистических замыслов ОУН. В осенние месяцы 1939 г. неблагоприятно для ОУН развивалась ситуация и на Западной Украине. Немалая часть украинцев одобряла исчезновение польской власти, принимала национальную и социальную политику коммунистов. Советская вертикаль власти, государственный аппарат располагали всей политической, административной и репрессивной мощью, быстро справлялись с установлением власти на новых землях. Политический центр в лице И.В. Сталина уделял особое внимание Западной Украине. На работу в УССР были направлены надежные и влиятельные фигуры. Основной среди них был Н.С. Хрущев, глава Компартии Украины, он знал республику, нес партийную ответственность за все, что происходило на Западной Украине. С сентября 1939 года НКВД УССР руководил И.А. Серов, ответственный за деятельность опергрупп и войск НКВД, вступавших вслед за воинскими частями и политичес-

кими отделами Красной Армии. Противостоять этим силам ОУН не могла. Планы ее руководства развернуть в мирное время подпольную террористическую войну с «Советами» были обречены на подавление силой и жертвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003; *она же.* Западно-Украинская народная республика // *Славяноведение.* 2006. № 1; *она же.* Украинский Брестский мир. М., 2007.

² Это был результат согласия Верховного Совета Антанты на оккупацию территории польскими войсками в 1919 г. Совет считал оккупацию «временной мерой международного характера» (сначала на 10, затем на 25 лет). Польша не признавала и не выполняла предписания 1919 г. Верховного Совета Антанты (затем Совета послов) и постановления международной конференции в г. Спа (август 1920 г.), обязывавших Польшу предоставить Восточной Галиции реальные права на национальную автономию (См. подр.: *Макарчук В.С.* Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 135—137).

³ См. подр.: *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994; *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005; *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012; *Забывтый мир.* Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. Москва, 2014. С. 339, 342, а также С. 230—251.

⁴ *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939-1959. Atlas ziem Polski.* Polacy. Żydzi. Niemcy. Ukraińcy. Warszawa, 2008. S. 12—13.

⁵ Правительство Польши разработало план выселения из приграничных районов страны тех, кто вел «антигосударственную» пропаганду, увеличения «польского элемента», польских школ и землевладения, а также влияния католичества среди украинцев (*Макарчук В.С.* Государственно-территориальный статус ... С. 147; *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский... С. 404).

⁶ См.: *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy. 1933—1945. Warszawa, 1972; *он же.* Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993.

⁷ Бандэра Степán (1909—1959) — гражданин Польши, один из идеологов украинского национализма; сын греко-католического священника; в движении с 1922 г.; арестован в 1934 г. за организа-

цию убийства министра Б. Перацкого, приговорён к пожизненному заключению; в сентябре 1939 г. освобожден немцами; за попытку создать летом 1941 г. украинское правительство во Львове арестован, освобожден немцами осенью 1944 г.; бежал из СССР; возглавлял руководство ОУН в Мюнхене. 15 октября 1959 г. убит агентом КГБ СССР Б. Сташинским.

⁸ По Конституции 1920 г. она имела право на самоуправление и собственный сейм, де-факто автономией не обладала. В 1930-е гг. здесь проживало более 700 тыс. человек. Более 60 % составляли те, кто именовал себя русинами, украинцами или русскими. Население было поликонфессиональным, но преобладали униаты и православные (*Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003. С. 5).

⁹ В науке продолжают дискуссии по вопросу: русины — отдельная нация или одна из групп украинского этноса, как считалось в СССР и считается на Украине сегодня. Представители русинской интеллигенции «видят» русинов нацией и отвергают языковое родство народа как определяющий признак национальной идентификации, взамен предлагая историко-культурное развитие этноса. (См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 315—316).

¹⁰ Волошин Августин (1874—1945) — священник греко-католической церкви; в 1920-е годы депутат парламента Чехословакии; ведущий деятель русинского национального движения; с весны 1939 г. в эмиграции, осел в Праге, работал в Украинском свободном университете. 15 мая 1945 г. арестован, вывезен в СССР; 19 июля 1945 г. умер в Бутырской тюрьме.

По определению В.В.Марьиной, это был «пронемецки настроенного украинофила». Его ориентацию на Берлин отмечает и И.И. Поп. (*Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003. С.7; *Поп И.* Указ. соч. С. 142).

¹¹ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 161—163; Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. М., 2012. Т. 1. С.752.

¹² Украинские националистические организации ... С. 44—46.

¹³ Там же. Т. 1. С. 33—34, 36, 59—60.

¹⁴ Там же. Т.1. С. 42—43; *Марына В.В.* Закарпатская Украина... С. 7

¹⁵ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 183.

¹⁶ Украинские националистические организации... Т.1. С. 63, 47.

¹⁷ См. Подр.: *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki.* S. 204—205; *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина.... С. 32—33; *Пеганов А. О.* Чехо-словацко-венгерские

переговоры в ноябре 1938 — марте 1939 г. о реализации Венского арбитражного решения // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Минск, 2009. Вып. 4. С. 206—208; *Сальков А.П.* Первый Венский арбитраж и проблема Южной Словакии (Верхней Венгрии) в ноябре 1938 — марте 1939 гг. // Белорускі Дзяржаўны ўніверсітэт. Веснік. Сер. 3. 2011. № 2. С. 26—32).

¹⁸ Украинские националистические организации... Т.1. С. 64, 66—68, 757.

¹⁹ Там же. С. 71—2; *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 266.

²⁰ Цит. по: *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 182.

²¹ Украинские националистические организации... Т.1. С. 67—68.

²² Там же. Т.1. С. 73.

²³ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 183.

²⁴ Украинские националистические организации... Т.1. С. 67; *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce... S. 347.

²⁵ «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО—Университет. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М. 2009. С. 495—496.

²⁶ Там же. С. 420—421, 460—461, 427—428.

²⁷ Там же. С. 461—462, 542.

²⁸ В отечественной и зарубежной науке нет единой оценки пакта Сталин-Гитлер. Преобладают негативные и крайне негативные определения политического поведения Москвы, вплоть до эмоционально-нравственных оценок ее действий как деликтных или преступных, а Сталина как главного виновника войны. С этими констатациями не согласен львовский историк и юрист В.С. Макарчук. Его книга вносит историко-правовой аспект в дискуссии ученых. Он исходит из того, что в европейской и мировой практике международных отношений 20-х—сер.40-х гг. действовали нормы «старого», обычного договорного права (*de lege lata*) и делает вывод о соответствии этим нормам действий СССР, включая протокол о разделе сфер влияния. (См. подр.: *Макарчук В.С.* Государственно-правовой статус. С. 87—88, 441—442 и др.).

²⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 280.

³⁰ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 29—30.

³¹ Польша в XX веке... С. 278—281; СССР — Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле — сентябре 1939 г. М., 1983. С. 92.

³² Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941... С. 71, 114; Польша в XX веке. С. 279.

³³ С. Бандера сотрудничал с немецкой военной разведкой с 1938 г.

³⁴ Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1991. С. 421.

³⁵ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 74—75.

³⁶ 15 сентября СССР и Япония подписали перемирие.

³⁷ В июле 1919 г. Верховный Совет Антанты разрешил Польше оккупацию Восточной Галиции «до р. Збруч». Он объяснил это «Президенту Украинской Республики» С. Петлюре задачей «обеспечить охрану личной безопасности и имущества мирного населения Восточной Галиции от зверств большевистских банд». Советская формулировка 1939 г. почти дословно («...войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии») была применена в ноте, врученной послу В. Гжибовскому (Цит. по: *Макарчук В.С.* Государственно-территориальный статус. С. 129; Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 107).

³⁸ Оглашению подлежит. С. 95—96, 98—101.

³⁹ В ту пору в международном праве, как констатирует украинский юрист, применительно к договорам действовала оговорка *rebus sic stantibus*, позволявшая государству «отказаться от договора, если подверглись существенным изменениям те обстоятельства, которые в свое время предопределили его заключение». В середине сентября 1939 г. ситуация Польши изменилась принципиально. Поэтому, как он полагает, вступление советских войск в Польшу «нельзя квалифицировать как международно-правовой деликт» (*Макарчук В.С.* Указ. соч. С. 43). В отечественной историографии преобладают противоположные мнения (См., напр.: Польша в XX веке. С. 280).

⁴⁰ Оглашению подлежит. СССР — Германия... С.102.

⁴¹ Там же. С. 105, 110, 118. Оценки действий СССР ведущими политиками — современниками событий часто не совпадают с суждениями, бытующими в постсоветской историографии. Так, У. Черчилль считал действия Москвы справедливыми и необходимыми для безопасности СССР, настаивал, что «основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают», что разгром Германии — общая цель. Госсекретарь США К. Хэлл признавал: «советское наступление на Польшу не означало советского участия в войне, а имело целью только обеспечение границы и охрану русского меньшинства в Восточной Польше» (Научное наследство. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. Кн. 2. Ч. 1. 2 сентября 1939 — 21 июня 1941 года. М., Наука. 2009. С. 31; Цит. по: Польша в XX веке. С. 284).

⁴² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С.379.

⁴³ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 74.

А.В. ФАДЕЕВ
(МОСКВА)

Русские в Республике Беларусь

Общая характеристика русского населения

27 июля 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете, а в 1991 г. Белоруссия провозгласила независимость от Союза ССР. Численность населения Республики Беларусь на 1 мая 2013 г. составляла 9 млн. 459,1 тыс. человек¹. В первые, трудные годы суверенного существования вопрос национальной идентичности вообще не занимал общество, большинство граждан РБ жило в уверенности, что их искусственно разделили границей с русскими в России, что они остались «советскими». Русские в Белоруссии полагали себя частью государствообразующей нации, термин «нацменьшинство» по отношению к ним не употреблялся, чему во многом способствовало отсутствие у этнических белорусов исторически сложившегося представления о себе как об отдельном народе.

Всё изменилось в 1997 г., когда первый президент Республики Беларусь Александр Лукашенко взял твердый курс на отстаивание суверенитета и независимости, ликвидацию пророссийских партий и общественных организаций, ставящих целью реинтеграцию с Россией. С этого времени начинается практическая реализация принципа доминирования этнического большинства — белорусов, которого ранее республика придерживалась лишь формально. На это были брошены значительные информационные и пропагандистские ресурсы. Все это привело к тому, что во время всеобщей переписи 1999 г. 82 % населения республики (8 млн 159 тыс.) самоидентифицировалось как белорусы². Русские, вместе с поляками,

украинцами, евреями, армянами и др., попали в разряд национальных меньшинств.

Но этого показалось мало: в 2011 г., впервые в истории независимой Белоруссии, русских на официальном уровне охарактеризовали как иммигрантов. По информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, проживающие на её территории русские «иммигранты» на 1 апреля 2011 г. составляли более 8 % населения республики³.

По данным переписи населения 2009 г., в республике постоянно проживают 83,6 тыс. граждан России. Это две трети общей численности иностранцев, постоянно проживающих в Беларуси. Более 90 % российских граждан прибыли в Беларусь до 2005 г. Почти 40 % из них на момент переписи были в возрасте 50 лет и старше.

В 2009 г. 785 тыс. граждан Республики Беларусь отнесли себя к русским. По шести областям РБ, на основе переписи, доля русских колеблется от 6,4 % (в Брестской области) до 10,2 % (в Витебской). Почти 85 % русских проживает в городах. Наиболее высокая доля русских отмечена в Бресте (10,7 %), Новополоцке и Полоцке (соответственно 15,5 % и 14,8 %), Гродно (12,2 %), Минске (10 %), Бобруйске и Бобруйском районе (соответственно 13,2 % и 11,9 %).

По сравнению с данными переписи населения 1999 г. численность русских уменьшилась на 356,6 тыс. человек (на 31 %). Одновременно сократилась и их доля в общей численности населения республики (с 11,4 % в 1999 г. до 8,3 % в 2009 г.)⁴.

По официальной версии, уменьшение численности представителей русской национальности, проживающих в Республике Беларусь, связано прежде всего, со старением представителей этого этноса и его естественной убылью. Белорусской стороной это аргументируется тем, что за десять лет между переписями населения удельный вес людей старше трудоспособного возраста в общей численности русских увеличился на 11,4 % и приблизился к 33 %. При этом доля детей и подростков в возрасте до 16 лет среди респондентов, которые при переписи отнесли себя к русским, существенно снизилась — с 15,2 % до 7,4 %⁵.

Второй причиной называется процесс ассимиляции русских, в результате которого потомки русских иммигрантов,

рожденные на территории Белоруссии, в ходе переписи населения 2009 г. преимущественно отнесли себя к белорусам.

По статистическим данным более высокий уровень образования среди жителей Белоруссии оказался у русских: на 1000 представителей каждой национальности РБ высшее образование на момент переписи населения 2009 г. имели 312 русских против 168 белорусов, а начальное образование имели 119 белорусов и только 53 русских. Этот факт официально объясняется массовой иммиграцией в Белоруссию русских специалистов в послевоенный период⁶.

Формально в Республике Беларусь в паспортах и анкетах персонала нет графы «национальность». Республиканские власти решительно выступают против организации национальных партий и идеи установления обязательной нормы представительства нацменьшинств в Национальном собрании и других органах власти РБ (подобно, например, Германии или Румынии). 26 марта 2013 г. это ещё раз подтвердил на пресс-конференции «Наша сила в единстве», приуроченной ко Дню единения народов Белоруссии и России, директор Белорусского Республиканского центра национальных культур Михаил Рыбаков. Это аргументируется тем, что национальные партии могут попадать в сферу интересов другого государства⁷.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что в истории независимой Белоруссии есть факты, ясно свидетельствующие о том, что власти республики не доверяют русским. В Белоруссии, например, в феврале 1994 г. по инициативе тогдашнего председателя Верховного Совета поляка по национальности Мечислава Гриба был открыт Польский институт в Минске. Главной задачей этого учреждения, имеющего дипломатический статус, является максимальное продвижение в белорусскую историческую науку и систему образования польского взгляда на историю и культуру Белоруссии. Однако никакой подобной организации русским в Белоруссии иметь не позволили, власти республики запрещали открытие представительств российских общественных организаций и партий. Характерно, что нет в стране и ни одной политической партии, ставящей целью интеграцию народов Белоруссии и России. Единственная такая партия — Славянский Собор-Белая Русь — не смогла пройти процесс перерегистрации, затеянный властями республики в 1997 г. (Зато все партии прозападной ориентации

были автоматически перерегистрированы). В период последней президентской кампании 2010 г. из администрации главы государства Александра Лукашенко под разными причинами были уволены все русские работники, включая первого заместителя администрации президента РБ.

История русского этноса на белорусских землях

Существование независимого, суверенного белорусского государства ведет свой отсчет с 1991 г., когда Белоруссия получила возможность развивать собственную государственность после развала Союза ССР. До этого белорусский этнос, начало складывания которого археологически прослеживается с XIV в. и который постепенно формируется к концу XVI в., не имел своего национального государства и кодифицированного языка, входя на всем протяжении своей истории в различные, более крупные и мощные государственные образования.

Исторические примеры убедительно свидетельствуют о том, что русские люди не только веками живут на территории нынешней Белоруссии, но и относятся к категории ее исконного населения. Восточнославянское население Белоруссии всегда относилось себя к русскому народу. Но именно это как раз в корне не соответствует искусственным официозным советским и постсоветским этническим построениям, которые пытаются лишить коренное население Белоруссии его русского происхождения.

Белорусы были на протяжении веков в границах России неотделимой частью великорусского этноса, которых, например, российские монархи от великороссийских подданных, как метко заметила императрица Екатерина Великая, «ни в чем отличать не изволят». Не замечали этнических различий и сами подданные западных губерний Российской империи. Подавляющее большинство этнических белорусов вплоть до 20-х гг. XX в. самоидентифицировались как «русские», «православные». Лишь отдельные из них затруднялись с этническим самоопределением, называя себя «тутэйшыя».

Термин «белорусы» впервые был предложен в начале XIX в. Румянцевским кружком в Вильне, который объявил о существовании «белорусского народа», а в Харькове И.Н. Лобойко начал развивать теорию о белорусском народе и его языке,

культуре. В начале прошлого столетия (после Апрельской конституции 1906 г.) правительство Российской империи ввело в официальный канцелярский язык термин «белорусы», пытаясь его закрепить и в массовом сознании жителей на Западе державы, как некое отличие от «поляков». Во многом это было вызвано намерением российского правительства ограничить количество поляков, которые стремились быть избранными в Государственную Думу.

Что же касается великорусской ветви русского народа, то ее представители на территории современной Белоруссии также присутствуют с давних времен. Хотя в языковом и культурном отношении русские выходцы из различных русских земель и княжеств, позже Московской Руси и России мало в чем разнились с местным западнорусским населением.

В XV— начале XVI вв. на Западную Русь, находившуюся в то время в составе ВКЛ, а затем польско-литовского государства, по политическим причинам переселилось значительное количество выходцев из Тверской, Новгородской и Псковской земель, а также некоторые князья «с челядью и домочадцами» из Великого княжества Московского. Обычным явлением были браки между литовско-русскими князьями и московскими, тверскими и рязанскими князьями. Так, государь «Литвы и Руси» Ольгерд в 1350 г. взял в жены тверскую княжну Ульяну, а дочь великого князя Дмитрия Ивановича была замужем за сыном Ольгерда Семеном Лунгвенем. В 1495 г. супругой великого князя Литовского и Русского Александра стала дочь Ивана III Елена. Естественно, что монарших невест к мужьям сопровождали большие свиты.

В ходе многочисленных войн между Москвой и Литвой за главенство на Руси, попавшие в «литовское пленение» москвиты селились обычно в городах — Бресте, Каменце, Слониме, Дрогичине, Новогородке (Новогрудке) и др. Кроме того, русские-москвиты оседали в местностях, пограничных с Московским государством. Много подобных поселений появилось после русско-польской войны 1654—1667 гг.

Во второй половине XVII в. на землях Белой Руси нашли пристанище бежавшие из Российского государства старообрядцы. Наиболее многочисленные поселения староверов появились на Гомельщине и Витебщине. А город Ветка (ныне Гомельская обл.) стал центром старообрядческой культуры.

После воссоединения в конце XVIII в. белорусских земель с Россией в результате разделов Речи Посполитой в Белоруссию из великорусских губерний стали направляться чиновники, лица духовного звания, появились и великорусские помещики.

В конце XIX в. в связи с бурным развитием промышленности, железных дорог и сельского хозяйства в Белоруссию привлекалось значительное количество специалистов, рабочих и крестьян из Великороссии. Жили великорусы в основном в городах, отдельных поселениях (слободах), а также в белорусско-великорусских селах. Все это в значительной степени способствовало приобщению белорусского населения к современной русской (общерусской) культуре.

По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в пяти белорусских губерниях проживало 492 тыс. великороссов (5,8 %). При этом до 1917 г. понятие «русский» распространялось на весь «русский народ» и применялось как общее название великороссов, белорусов и малоросов.

Во время Первой и Второй мировых войн через территорию Белоруссии, являвшуюся зоной военных действий, прокатились волны вынужденной массовой миграции населения, что значительно размывло понятие «коренные жители» («тутэйшыя»). Кстати, термин «тутэйшыя» означал «народ тутошний русский» или «русские»⁸.

После завершения Гражданской войны и создания Союза ССР в Белоруссии началось внедрение проекта «белорусы как отдельная нация». Причем, вначале было создано белорусское «пролетарское советское государство», а затем наступил этап этнического моделирования, предполагавшего целенаправленное искажение национального самосознания белорусов. Задача состояла в том, чтобы внушить населению нового государственного образования, что белорусы не являются русскими, и что русский язык является для Белоруссии чуждым и навязанным «проклятым царизмом». В 20-е годы прошлого века из состава России в ведение тогдашней БССР были переданы декретом ВЦИК население и инфраструктура 17 уездов Российской Федерации и ряд других, более мелких территориальных единиц, где проживали преимущественно великорусы. После создания БССР и проведения насильственной «беларусизации» в 20-е — 30-е годы, количество опреде-

ливших себя как русские (великорусы) в 1937 г. составило 248 тыс. человек (4,8 %). О том, сколько великорусов проживало в находившейся в составе Польши Западной Белоруссии, данных не имеется.

В то же время промышленное и культурное развитие БССР требовало специалистов: ученых, преподавателей высшей школы, творческих работников, инженеров и рабочих, нехватка которых восполнялась путем привлечения квалифицированных кадров из РСФСР. К 1939 г. численность великорусов (русских) в Белорусской ССР увеличилось до 336 тыс. человек (6,6 %).

После Великой Отечественной войны для восстановления разрушенного народного хозяйства из РСФСР в БССР было направлено большое количество русских квалифицированных специалистов, внесших большой вклад в восстановление экономики республики, в становление новых отраслей промышленности, в создание целых научных направлений и школ. По переписи 1959 г. в БССР проживало 659 тыс. великорусов (8,2 %). Всего же за период с 1959 г. по 1989 г. численность русского (великорусского) населения в Белорусской ССР удвоилась и составила 1 млн 311 тыс. человек.

После распада СССР начался процесс уменьшения численности жителей Республики Беларусь, определяющих себя в качестве русских, хотя русские твердо занимают второе место после белорусов среди 140 этнических общностей республики. Так, в 1999 г. в Республике Беларусь насчитывался 1 млн 142 тыс. русских, их них 971 тыс. (85 %) проживала в городах, т.е. за первые десять лет суверенного развития количество русских в Белоруссии уменьшилось на 169 тыс. человек. А еще через десять лет количество русского населения стало меньше еще на 356,6 тыс. и составляет всего, как уже говорилось, 785 тыс. человек. Цифры на первый взгляд явно неутешительные, но дело в том, что они никак не отражают реальных этнических перспектив русских в Белоруссии, что все-таки вселяет определенные надежды.

На наш взгляд, можно с уверенностью утверждать, что Белоруссия является исконной русской страной с очень непростой историей, народ которой столетиями упорно отстаивал свое право принадлежать к русскому народу. К сожалению, этот вопрос остается открытым до сих пор.

Парадокс состоит в том, что в отличие от простых граждан, белорусская творческая интеллигенция, которая по идее должна концентрированно выражать национальные чаяния белорусов, на деле в большинстве своем поражена патологической русофобией и все свои усилия в основном, тратит на разжигание неприязни к России, Руси и всему русскому.

Именно в этой среде наибольшим влиянием пользуются идеи Литвы — Беларуси, «общности культурной и исторической судьбы Беларуси и Польши», а также «извечной враждебности России к Беларуси». И таким образом национально-цивилизационные устремления большинства восточнославянского населения Белоруссии и общественного слоя, претендующего на роль гуманитарной элиты белорусского общества, принципиально разнятся.

Подобное положение сложилось еще в советское время. Тогда партийными властями, начиная с момента создания БССР и вплоть до запрета деятельности компартии (КПСС) в 1991 г., в республике проводилась «ленинская национальная политика», центральная линия которой — формирование «социалистической белорусской нации».

Мнение же о том, что белорусы принадлежат к русским, в советское время клеймилось как проявление «великорусского шовинизма» и было поставлено под запрет, со всеми вытекающими последствиями. Так, в 20-е годы XX столетия в ходе т.н. «беларусизации» в БССР было жестко подавлен западнорусизм — научно-просветительское течение, доказавшее и отстаивавшее национально-культурную нераздельность белорусов с остальным русским народом.

В суверенной Белоруссии идеологическая линия на отрыв белорусов от русского народа была продолжена, а «советское социалистическое» содержание было заменено банальной русофобией.

Использование русского языка на территории РБ

Исторические источники неопровержимо свидетельствуют об исконности русского языка для территории нынешней Белоруссии. Литературный русский язык в Западной (Белой) Руси прослеживается с XII в. Достаточно назвать такие имена как Ефросинья Полоцкая и Кирилл Туровский («Златоуст паче всех просиявший на Руси»).

В настоящее время согласно переписи 2009 г. 42 % населения Республики Беларусь сознательно определили русский язык в качестве родного. Причем из них великорусы (назвавшие себя русскими согласно опроснику) составляют чуть больше пятой части. Остальные 4/5 — это белорусы, не только мыслящие и говорящие по-русски, но и обозначившие свою принадлежность к Русскому миру, которых с полным основанием следует определить как русских белорусов.

А если учесть, что в качестве разговорного русский язык назвало более 80 % граждан Республики Беларусь, то можно говорить о том, что русское начало в значительной мере (хотя оно и не всегда выражено) присутствует в самосознании современных белорусов.

Русский язык, согласно данным последней переписи, является основным языком, используемым для общения населения Белоруссии. На нем обычно разговаривают дома 6 млн 673 тыс. человек, или 70 % населения Белоруссии.

В Белоруссии исторически сложилось русско-белорусское двуязычие (билингвизм). В целом такое двуязычие характерно для системы образования, средств массовой информации, художественной литературы, театральных постановок, эстрады.

В республике наблюдается параллельное использование русского и белорусского языков, издаются и русскоязычные, и белорусскоязычные газеты, создаются художественные произведения на обоих языках, в информационных блоках радио и телевидения обычна практика перехода с одного языка на другой. Два языка, имеющих статус государственных, на практике, как правило, разведены, не соприкасаются друг с другом, сохраняя дистанцию (дистантный билингвизм). Однако в русскоязычных текстах и устной речи обычны случаи вкрапления из белорусского языка, и наоборот, как результат интерференции.

Пока знание русского языка у абсолютного большинства населения Белоруссии выше, чем белорусского. Да и сам русский язык используется активнее, чем белорусский. Республика Беларусь является ярким примером страны, в которой этническое самоопределение граждан, включая их языковое самоопределение, чаще всего не соответствует их повседневной речевой русскоязычной практике.

В городах республики, где сформировалась соответствующая языковая среда, общение сегодня идет в основном на русском языке. Иная картина складывается в сельской местности, где проявление русско-белорусского билингвизма гораздо заметнее.

Непоследнюю роль играет и принадлежность к определенным социальным группам. Так, например, литературный белорусский язык используется в речи постоянно только представителями части интеллигенции республики. Но и белорусские интеллектуалы часто на работе говорят на белорусском языке, а вне работы на русском.

Пока русская культура доминирует в Белоруссии, российские СМИ востребованы большинством белорусского населения, а русский язык преобладает среди населения и в учреждениях. Но при этом руководство ведущих государственных средств массовой информации считает существующее положение дел «навязанным извне» и выступает за ограничение сферы распространения русского языка и культуры в Республике Беларусь. По словам, например, председателя Национальной государственной телерадиокомпании Геннадия Брониславовича Давыдько, он давно полностью вытеснил бы русский язык с трёх, подотчетных ему телеканалов, но вынужден считаться с настроениями зрителей и государственным двуязычием, поэтому телевидение вещает на белорусском и русском языках. Однако при этом русский язык на гостелевидении используется для практически тотальной пропаганды отдельности белорусов от русского народа, при этом используется весь спектр программ — спортивных, познавательных, политических, культурно-просветительских, литературных. Что касается белорусского государственного радио, то оно вещает (в нарушение законодательства) исключительно на белорусской мове.

Русский язык в системе образования

С обретением Белоруссией в начале 90-х гг. государственности и статуса суверенной, независимой страны возникла объективная потребность в национально-культурном самоутверждении, которое, порой, принимало форму противопоставления двух близкородственных языков — русского и бе-

лорусского. Это вызвало и быстрый рост количества средних школ с белорусским языком обучения. В 1991—1992 учебном году из 5067 общеобразовательных школ в 3278 (64,7 %) основным языком обучения стал белорусский. В 911 школах (18 %) обучение велось на русском языке. 878 школ (17,3 %) предпочли обучать учащихся как на русском, так и на белорусском языках.

Однако в 1995 г., после того как был проведён референдум, на котором 83,3 % из принявших участие в голосовании граждан республики проголосовали за придание русскому языку статуса, равного белорусскому, ситуация в системе образования постепенно стала меняться. Количество средних общеобразовательных учреждений с русским языком обучения заметно выросло с 1998 г., когда благодаря Закону «О языках» граждане Республики Беларусь получили право выбора одного из государственных языков для обучения и воспитания ребёнка. Внутренняя противоречивость закона привела к тому, что в Белоруссии, где 81,2 % населения, согласно данным переписи, считают себя белорусами, русский язык в системе дошкольного, школьного и вузовского образования оказался более востребованным.

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, уже в 2001 г. число общеобразовательных учреждений с русским языком обучения увеличилось на 4,7 %. В 2000—2001 учебном году в 4559 дневных общеобразовательных школах республики обучалось 1498,4 тыс. учащихся, из них на русском языке — около 75 %. А в 2005—2006 учебном году в городах в школах с белорусским языком обучения получали образование 20,5 % учащихся, с русским языком — 66,7 %, в школах с двумя языками обучения — 12,7 %.

Изучение русского языка в общеобразовательной школе как с русским, так и с белорусским языком обучения начинается с первого класса. Различие заключается в том, что в школах с русским языком обучения в первом классе изучается букварь, а в школах с белорусским языком обучения изучение русского языка начинается с устного курса.

В соответствии с учебным планом учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, на изучение русского языка в школах с русским (и белорусским) языком обучения отводится следующее количество часов:

Количество часов в неделю по классам

Класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	8	9	10	11
	12-летней школы									11-летней школы			
	5/1*	3/1**	3/2	4/2	3	3	2	2	2-3-4***	2-3-4	2-3-4	1-2-3	1-2-3

* В первом классе в школах с русским языком обучения изучается букварь (5 часов в неделю), а в школах с белорусским языком обучения идет устный курс русского языка — 1 час в неделю.

** Первая цифра дается для школ с русским языком обучения, вторая — для школ с белорусским языком обучения. Начиная с 5-го класса на изучение русского языка в обоих типах школ отводится одинаковое количество часов.

*** В IX — XII (или VIII — XI) классах первая цифра обозначает изучение на базовом уровне, вторая — на повышенном уровне, третья — на углубленном уровне¹⁰.

Весь процесс обучения русскому языку нацелен на формирование языковой, коммуникативной и социокультурной компетенции учащихся, на развитие и совершенствование их творческих способностей, что отражено в концепции языкового образования, программах для учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, и национальных учебниках по русскому языку.

С начала 90-х гг. была сделана попытка начать преподавание специальных дисциплин на белорусском языке в высшей школе. Так, были введены практические курсы белорусского языка на всех факультетах естественного и гуманитарного профиля, кроме того, на гуманитарных факультетах был введён специальный лекционный курс «Белорусоведение», в рамках которого студенты знакомились с белорусской историей и культурой. В целом дальнейший перевод вузовских программ и учебников на белорусский язык был остановлен в силу как финансовых причин, так и невозможности создания в обозримой перспективе научной источниковой базы на белорусском языке.

Близость русского и белорусского языков порождает иллюзию абсолютной идентичности и приводит к смешению слов и форм в речи. В Белоруссии это порождает проблему не

только для обучения в вузах, но и в процессе школьного обучения. Поэтому во всех школьных учебниках по русскому и белорусскому языкам, включая начальную школу, особое внимание уделяется языковым фактам, не совпадающим по своим грамматическим характеристикам в русском и белорусском языках.

Особенности подготовки преподавателей русского языка

Подготовку преподавателей русского языка осуществляют на филологических факультетах восьми высших учебных заведений Белоруссии: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина; Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Могилёвский государственный университет им. А. Кулешова, Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина.

Выпускники филологических факультетов перечисленных выше учебных заведений имеют возможность получить специальность «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы» как основную и как дополнительную или вторую. Так, например, в Белорусском государственном университете основную специальность «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы» получают только выпускники русского отделения. В то же время студенты, обучающиеся на славянском отделении того же филологического факультета, получают две специальности: первую — «преподаватель польского языка» и вторую — «преподаватель русского языка». Студенты белорусского отделения, начиная с третьего курса, при желании и условии хорошей успеваемости могут параллельно проходить курс обучения по специальности «преподаватель русского языка и литературы» и соответственно получать вышеозначенную специальность как вторую. Сложилась довольно странная ситуация, когда в некоторых вузах (БГПУ им. М. Танка, ГрГУ им. Я. Купалы) специальность «преподаватель русского языка» идет в качестве

второй специальности при основной «преподаватель английского языка».

Ежегодно на филологические специальности (русскоязычного профиля) вузов осуществляется прием более 700 человек. Из них 400 поступают на русское отделение филологических факультетов. В соответствии с действующими образовательными стандартами современный русский язык изучается на всех филологических специальностях классических университетов Республики Беларусь. В процессе преподавания морфологии и синтаксиса современного русского языка на филологических факультетах вузов Республики Беларусь в качестве основного учебника используется «Современный русский язык» под редакцией профессора П.П. Шубы. Вместе с тем следует заметить, что в настоящее время в Белоруссии нет исчерпывающе полного учебника по курсу современного русского языка, которым можно было бы пользоваться без привлечения других учебных материалов, что осложняет процесс обучения. Вузовские библиотеки плохо обеспечены учебниками и учебными пособиями, изданными в России, поэтому они практически недоступны для студентов¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белстат. 27.05.2013.

² Национальный состав населения / Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Минск, 2001.

³ БЕЛТА. 31.03.2011.

⁴ Национальный состав населения; Национальный состав населения / Итоги переписи населения Республики Беларусь 2009 года. Официальный сайт Белстата: <http://belstat.gov.by>. С. 24.

⁵ См.: Итоги переписи населения Республики Беларусь 2009 года. <http://belstat.gov.by>.

⁶ Там же.

⁷ БелТА. 26.03.2013.

⁸ См.: *Криштанович ЛЕ.* Беларусь как русская святыня. Минск, 2011. С. 41—45.

⁹ Статистический справочник Министерства образования Республики Беларусь. Минск, 2005. С.49—50.

¹⁰ См.: Вучэбная праграма для агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання; Учебная программа для общеобразователь-

ных учреждений с русским языком обучения; Учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языком обучения. Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь — <http://www.minedu.unibel.by>.

¹¹ См.: *Вольнец Т.Н., Долбик Е.Е., Ровдо И.С.* Функционирование и преподавание русского языка в Республике Беларусь. Доклад.— <http://www.minedu.unibel.by>, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

кандидат исторических наук (к.и.н.) *Елена Юрьевна Борисенко* — заведующая отделом (зав. отд.) Института славяноведения Российской академии наук (Исл РАН)

доктор философии (PhD) *Стефано Боттони* — адъюнкт-профессор Болонского университета (Италия), старший научный сотрудник (с.н.с.) Института истории Центра общественных наук Венгерской академии наук (Будапешт), главный редактор венгерского академического журнала «Мировая история» (Vilagtortenet)

к.и.н. *Елена Любомировна Валева* — с.н.с. Исл РАН

кандидат филологических наук (к.ф.н.) *Дарья Юрьевна Ващенко* — научный сотрудник (н.с.) Исл РАН

доктор исторических наук (д.и.н.) *Татьяна Викторовна Волокитина* — зав. центром Исл РАН

к.ф.н. *Ирина Александровна Герчикова* — н.с. Исл РАН

Анна Сергеевна Гладышева — младший научный сотрудник (мл.н.с.) Исл РАН

д.и.н. *Елена Юрьевна Гуськова* — зав. центром Исл РАН

д.и.н. *Белла Йозефович Желицки* — ведущий научный сотрудник (в.н.с.) Исл РАН

к.и.н. *Каори Кимура* — (Япония)

д.и.н. *Наталья Васильевна Коровицына* — в.н.с. Исл РАН

д.и.н. *Мария Войтовна Лескинен* — в.н.с. Исл РАН

д.и.н. *Валентина Владимировна Марыина* — главный научный сотрудник Исл РАН

д.и.н. *Галина Павловна Мурашко* — в.н.с. Исл РАН

д.и.н. *Константин Владимирович Никифоров* — директор Исл РАН

д.и.н. *Альбина Федоровна Носкова* — в.н.с. Исл РАН

кандидат наук *Гелена Носкова* — научный сотрудник Института современной истории Академии наук Чешской республики (Прага, Чешская республика)

к.и.н. *Пенка Пейковска* — научный сотрудник Института исторических исследований БАН (София, Болгария)

к.и.н. *Надежда Сергеевна Пилько* — с.н.с. Исл РАН

к.и.н. *Татьяна Андреевна Покивайлова* — с.н.с. Исл РАН

доктор наук (Dr.Sc) *Ян Рихлик* — профессор Карлова университета, научный сотрудник Института Т.Г. Масарика (Прага, Чешская республика)

к.и.н. *Ирина Михайловна Руднева* — н.с. Исл РАН

д.и.н. *Елена Павловна Серапионова* — зав. отделом Исл РАН

д.и.н. *Николай Николаевич Станков* — проф. Волгоградского государственного университета

к.и.н. *Александр Сергеевич Стыкалин* — в.н.с. Исл РАН

к.и.н. *Сергей Ткачев* — главный редактор издательства «Ранок» (Тернополь, Украина)

Александр Владимирович Фадеев — зав. отд. Института стран СНГ

доктор философии (PhD) *Чилла Фединец* — научный сотрудник Института национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
<i>Лескинен М.В.</i> Иерархия этнонациональных общностей и их влияние на трактовку «национальных вопросов» в русской науке 1850—1890-х гг.	8
<i>Пилько Н.С.</i> Положение словенского национального меньшинства в Италии в 20-е гг. XX в.	32
<i>Никифоров К.В.</i> Судьба общерегиональных национальных меньшинств на Балканах после Второй мировой войны	50
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Албанское национальное меньшинство в послевоенной Югославии.....	60
<i>Руднева И.В.</i> Сербский народ в Хорватии — национальное меньшинство.....	92
<i>Волокитина Т.В.</i> Задолго до «возродительного процесса». О политике болгарского государства по отношению к турецкому национальному меньшинству (1940-е — 1950-е гг.).	106
<i>Валева Е.Л.</i> Болгарское социалистическое государство и турецкая этническая общность (1980-е годы)	130
<i>Пейковска П.</i> Этнодемографические процессы в среде болгарского меньшинства Венгрии во второй половине XX века	149
<i>Покивайлова Т.А.</i> Межнациональные конфликты в Трансильвании и румынском Банате в период проведения аграрных реформ 1921 и 1945 гг.	173
<i>Гладышева А.С.</i> Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945—1989 гг. ..	188

<i>Боттони С.</i> Создание венгерского автономного региона в Румынии (1952): предпосылки и последствия ...	206
<i>Стыкалин А.С.</i> Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950-е — 1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма	231
<i>Кимура К.</i> Проблемы национальных меньшинств в контексте венгерско-югославских отношений, 1945—1948 гг	257
<i>Желицки Б.Й.</i> Международная правовая защита и венгерское национальное меньшинство... ..	277
<i>Фединец Ч.</i> Вопрос венгерского меньшинства в Закарпатье на фоне венгерско-украинских дипломатических отношений	302
<i>Мурашко Г.П.</i> Некоторые аспекты конфессиональной политики в отношении национальных меньшинств в странах Восточной Европы после Второй мировой войны	320
<i>Серапионова Е.П.</i> Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии XX — XXI вв.	332
<i>Станков Н.Н.</i> Правительство Э. Бенеша и судето-немецкий вопрос в Чехословакии (сентябрь 1921 — октябрь 1922 гг.)	350
<i>Марына В.В.</i> К вопросу о попытке выселения венгров из Чехословакии после Второй мировой войны: позиция коммунистов 1945 г.	369
<i>Рихлик Я.</i> Венгерское меньшинство в Чехословакии 1948—1992 гг.	390
<i>Носкова Г.</i> Славянские национальные меньшинства в Чешской республике: русские, украинцы, поляки и моравские хорваты.	405
<i>Коровицына Н.В.</i> Отношение современного чешского общества к национальным меньшинствам и иностранцам	422

<i>Герчи́кова И.А.</i> Словаки в Чехии: проблемы взаимного восприятия двух народов в литературе и публицистике ...	445
<i>Ващенко Д. Ю.</i> Локальная идентичность жителей деревни Ипойфедемеш сквозь призму социокультурных изменений в регионе.....	456
<i>Ткачев С.</i> «Русское народное объединение» в межвоенной Польше или почему русские не умеют быть национальным меньшинством	468
<i>Борисенок Е.Ю.</i> Проблема русских национальных образований в политике партийного руководства УССР в 1920-е гг.	489
<i>Носкова А.Ф.</i> Организация украинских националистов в борьбе за Соборную Украину: начальный этап (осень 1938 г. — сентябрь 1939 г.)	510
<i>Фадеев А.В.</i> Русские в Республике Беларусь	532
Сведения об авторах	546

Научное издание

Коллектив авторов

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
исторический опыт и современное положение

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 25.07.2014 г.

Формат 60х90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Тираж 300 экз.

Издательский центр Института славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.

Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс +7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0317-9

9 785757 603179